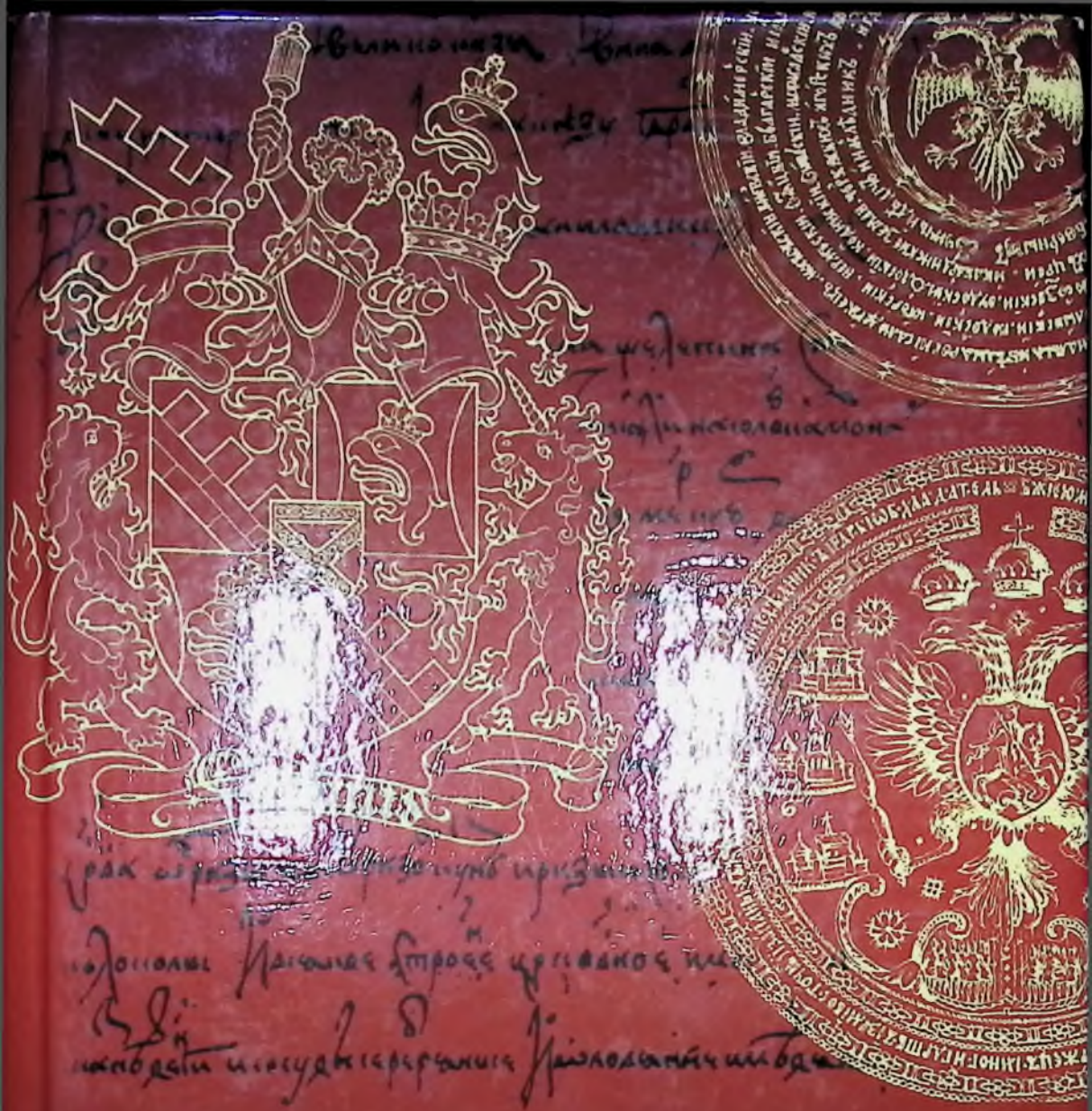


СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Учебное пособие

С.-ПЕТЕРБУРГ
2003

Специальные исторические дисциплины: Учеб. пособие / С. В. Белецкий, И. В. Воронцова, З. В. Дмитриева и др.; Сост. М. М. Кром. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Учебное пособие предназначено для студентов исторических факультетов вузов и содержит очерки по всем предусмотренным программой специальным (или вспомогательным) дисциплинам: палеографии (включая кодикологию), хронологии, генеалогии, геральдике, метрологии, нумизматике, сфрагистике, исторической географии.

Каждый раздел написан специалистом по данной дисциплине, поэтому читатель найдет в книге не просто сумму сведений по предмету, но и четко сформулированные авторские позиции по тем или иным вопросам. В ряде глав авторы использовали материалы и результаты своих исследований.

По объему данное пособие значительно превосходит используемые сейчас в вузовской практике учебники. Кроме того, оно выгодно отличается наличием материалов и заданий для самостоятельной работы. Таким образом, книга может быть использована и как пособие к лекционному курсу, и как практикум для проведения семинарских занятий. К числу достоинств данного издания относится также значительное количество иллюстраций. В конце тома помещена обширная библиография.

Ответственный редактор и составитель:

кандидат исторических наук *М. М. Кром*

Рецензент:

доктор исторических наук *А. П. Павлов*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Института «Открытое общество (Фонд Сороса). Россия», грант № HBC 912

В оформлении обложки использованы изображения гербов Брюсов и Челищевых работы М. Ю. Медведева

© Коллектив авторов, 2003
© Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003
© «Дмитрий Буланин», 2003

ISBN 5-86007-333-X

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В предлагаемом вниманию читателей учебном пособии изложены основы специальных исторических дисциплин: палеографии, хронологии, нумизматики, сфрагистики, генеалогии, геральдики, исторической географии, метрологии. Более распространенным, правда, является другое наименование этих дисциплин — «вспомогательные», однако по ряду причин авторы этой книги решили от него отказаться. Термин «вспомогательные дисциплины» подразумевает, что названные науки не вполне самостоятельны и призваны служить лишь «помощницами» Большой Истории. Подобная характеристика, будучи справедливой применительно к XVIII—XIX вв. — периоду становления специальных исторических дисциплин, когда на них действительно смотрели как на вспомогательное средство при написании исторических трудов, — никак не соответствует их нынешнему состоянию.[1] В наши дни генеалогия и геральдика, сфрагистика и нумизматика, историческая география и другие дисциплины представляют собой самостоятельные отрасли научного знания, обладающие собственным предметом и методами исследования, способные ставить и успешно решать важные проблемы общеисторического характера.

Кроме того, при выборе названия для учебного пособия, вероятно, должны приниматься во внимание и соображения, так сказать, педагогического свойства: не подумают ли студенты-историки, которым в первую очередь адресован наш труд, что предлагаемый им курс «вспомогательных дисциплин» — это некое необязательное дополнение к «основному» историческому образованию? Авторы данного пособия убеждены в обратном: специальные исторические дисциплины — ключ

---

[1] Уместно напомнить, что в XIX в. археология и этнография также считались *вспомогательными* историческими дисциплинами. Дальнейшая специализация отраслей исторического знания привела к тому, что в XX в. обе эти дисциплины получили статус самостоятельных наук.

к постижению ремесла историка, без них самостоятельная исследовательская работа просто невозможна. Термин «специальные», на наш взгляд, удачно подчеркивает необходимость специализации и овладения профессиональными навыками.

Задачи специальных исторических дисциплин до некоторой степени схожи с задачами источниковедения — в том, что касается разработки методики анализа определенных видов источников. Так, для нумизматики основным источником служат монеты и их клады, для сфрагистики — печати, для геральдики — гербы и т. д. Однако решением источниковедческих задач возможности специальных исторических дисциплин отнюдь не исчерпываются. Методы некоторых из этих дисциплин (например, генеалогии или исторической географии) могут играть интегрирующую роль в историческом исследовании, систематизируя данные, полученные из источников разного рода, и помогая найти убедительное объяснение изучаемым явлениям. Что это за методы и как они «работают» в историческом исследовании — об этом рассказывается на страницах данной книги.

Несколько слов о замысле и структуре предлагаемого учебного пособия. Оно написано на материалах, относящихся к истории России (хотя авторы, там, где это было необходимо, делали экскурсы в историю развития той или иной специальной дисциплины в зарубежных странах). Что касается полноты изложения, то она напрямую зависит от степени научной разработки тех или иных сюжетов и проблем. Именно поэтому в ряде разделов книги средневековый период изложен значительно подробнее, чем период Нового времени.

Мы попытались объединить в одном томе изложение теоретических основ каждой дисциплины (ее задач, методики исследования, терминологии), с одной стороны, и материалы для практических занятий, тренировочные задания — с другой. Таким образом, по замыслу авторов, данное пособие может использоваться как для изучения теоретической части курса, так и для проведения семинарских занятий. Понимая, что многие вузовские библиотеки сейчас испытывают острую нехватку специальной литературы, мы стремились включить в пособие как можно больше разнообразной информации, иллюстраций, справочного материала. Вместе с тем, для тех наших читателей, которые захотят в дальнейшем углубить свои познания в какой-либо из специальных дисциплин, путеводителем послужит подробная библиография, приложенная к тексту книги.[2]

---

[2] При ссылках на работы, помещенные в списке рекомендованной литературы в конце учебного пособия, принята следующая система: в тексте в скобках указывается фамилия цитируемого автора (курсивом) и год издания, а затем номер страницы. В списке литературы нужное издание следует искать под рубрикой соответствующей специальной дисциплины (палеографии, нумизматики и т. п.).

Специфика отдельных дисциплин, особенности исследовательского и преподавательского опыта авторов, их творческой манеры — все это обусловило большое своеобразие каждой из глав этой книги. Как составитель, я вовсе не стремился их искусственно унифицировать. Авторы имели полную возможность выразить свое научное кредо в избранной области, свою точку зрения по затрагиваемым, в том числе спорным, вопросам. Тем не менее мы стремились выдержать во всех главах единую структуру изложения, осветить примерно один и тот же круг вопросов: предмет и задачи данной дисциплины; краткий очерк ее становления и развития (в Европе и России); характеристика важнейших для нее источников и приемов работы с ними; специальные методы исследования и их применение при изучении истории России.

Очерки, объединенные в данном томе, продолжают давнюю историографическую традицию изучения специальных исторических дисциплин, которая в России насчитывает уже почти два столетия. То, что сегодняшний студент, берущий в руки учебник, воспринимает как некую сумму готовых знаний, на самом деле является результатом неустанного научного поиска многих замечательных ученых. Так, невозможно себе представить русскую генеалогию без трудов Л. М. Савелова, Г. А. Власьева, С. Б. Веселовского; а нумизматику — без работ И. И. Толстого, А. В. Орешникова, И. Г. Спасского. Некоторые исследователи, подобно академику В. Л. Янину, внесли свой вклад в развитие нескольких исторических дисциплин (сфрагистики, нумизматики, метрологии и др.). Но если можно назвать ученого, чье имя в первую очередь ассоциируется со становлением специальных или вспомогательных исторических дисциплин в России, то это, бесспорно, — Николай Петрович Лихачев (1862—1936). Собранные им бесценные коллекции и принадлежащие его перу новаторские труды по сфрагистике, генеалогии, нумизматике, палеографии до сих пор образуют фундамент наших знаний во многих специальных дисциплинах, о которых рассказывается на страницах данной книги. В 2002 г. исполняется 140 лет со дня рождения Н. П. Лихачева, и этот том по праву должен быть посвящен его светлой памяти.

Учебное пособие написано авторским коллективом в составе: кандидата ист. наук М. М. Крома (руководитель, автор раздела «Генеалогия»), кандидата филол. наук Е. В. Крушельницкой (раздел «Палеография»), кандидата ист. наук А. А. Романовой (раздел «Хронология»), И. В. Воронцовой и кандидата ист. наук С. Н. Травкина (раздел «Нумизматика»), доктора ист. наук С. В. Белецкого (раздел «Сфрагистика»), кандидата ист. наук М. Ю. Медведева (раздел «Геральдика»), кандидата ист. наук А. А. Селина (раздел «Исто-

рическая география»), доктора ист. наук З. В. Дмитриевой (раздел «Метрология»). Теми же авторами составлены материалы и задания для практических занятий и библиография к соответствующим разделам.

М. М. Кром

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ПАЛЕОГРАФИЯ[1]

Глава I

Предмет, цель и метод палеографии. Зарождение и развитие палеографии на Западе и в России. Палеография и другие исторические дисциплины.

§ 1. Предмет, цель и метод палеографии

Палеография — специальная историко-филологическая дисциплина, исследующая письменные памятники с внешней стороны с целью определить время и место их создания. Термин «палеография» состоит из греческих слов παλαιόσ (древний) и γράφω (пишу) и может быть буквально переведен как «описание древностей». Палеография занимается происхождением, видоизменением, распространением письма и всего, что к письму относится: материал (на чем написано и чем написано), орудие письма, знаки письма, типы письма, оформление страницы (разлиновка, поля, слитное и раздельное написание слов), художественное оформление рукописей, переплет и его украшение и т. д. Задачи палеографии — прочесть текст рукописи, датировать рукопись и, если позволяют полученные в результате данные, сделать вывод о месте написания рукописи (и создания ее переплета).

Основной метод палеографии состоит в том, чтобы на основании изучения письма датированных рукописей (то есть имеющих на своих листах дату написания) сделать вывод о развитии письма и на этом основании датировать рукописи, не имеющие на своих листах даты написания.

---

[1] Курс читался на кафедре музееведения Санкт-Петербургской академии культуры. При подготовке этого раздела использованы материалы курса палеографии, читанного В. М. Загребиным на спецсеминаре филологического факультета Санкт-Петербургского университета и прослушанного автором. Выражаю бесконечную благодарность В. М. Загребину за ценные замечания и помощь.

Палеографический метод основан на том, что знаки письменности не остаются неизменными, так же как меняются со временем материалы и орудия письма, сама форма книги, способы и стили художественного оформления и пр. Следовательно, если рукописи определенного времени (то есть датированные) привести в хронологический порядок и изучить знаки письма и другие элементы (тип письма и пр.) этих рукописей в их появлении, изменении, исчезновении, замене другими знаками (элементами), то можно выявить комплексы признаков, свойственных рукописям определенного хронологического периода (или же рукописи, созданной на определенной территории).

Замеченные палеографом признаки могут быть присущи лишь отдельному памятнику или же, напротив, многим памятникам, но при этом проявляться окказионально в разные хронологические периоды (и на широком территориальном пространстве). Такие признаки не имеют методологического значения. Палеографически значимыми являются лишь те признаки, которые систематически повторяются во всех рукописях определенной эпохи или же во всех рукописях, созданных на определенной территории в определенное время. Таким образом, палеографический признак (или примета) есть внешний признак, содержащий косвенное указание на время и место. Хронологические и территориальные рамки могут быть различными, более широкими или узкими: заключать в себе десятилетие, четверть века, век, несколько веков, всю территорию, на которой распространена данная письменность или же только часть этой территории (например, какой-то монастырский скрипторий). Важно то, что палеографические признаки позволяют отличить рукописи той или иной хронологической эпохи от ближайшей предшествующей и ближайшей последующей хронологической эпохи (или от рукописей другой территории). Выявленный на основе изучения датированных рукописей комплекс палеографических признаков применяется при датировке и локализации рукописей недатированных (не имеющих на своих листах сведений о дате и месте создания): признаки недатированной рукописи следует соотнести с известными палеографическими приметами. Очевидно, что наиболее «узкие» палеографические признаки оказываются и наиболее ценными, так как позволяют точнее датировать или локализовать рукопись.

Палеографический метод позволяет не точно, но приблизительно датировать рукопись (от десятилетия до века) и еще более приблизительно определить место создания рукописи, поскольку, ввиду взаимодействия местных особенностей, территориальные приметы оказываются далеко не такими многочисленными и безошибочными, как приметы хронологические. При изучении недатированной рукописи следует учитывать весь комплекс выявленных признаков. Эти признаки могут: 1) подтверждать друг друга; 2) взаимно ограничивать друг друга — и это помогает точнее датировать рукопись (например, если хронологические рамки

одного палеографического признака «перекрещиваются» с хронологическими рамками другого палеографического признака той же рукописи только на протяжении четверти века); 3) взаимно исключать друг друга — и это противоречие необходимо объяснить (например, рукопись написана на пергамене, материале, использовавшемся на Руси до XV в., скорописью XVII в. — такое сочетание взаимоисключающих признаков может наблюдаться в рукописях, важное государственное значение которых послужило причиной использования в XVII в. уже вышедшего из широкого употребления и весьма дорогостоящего материала, каковым является пергамен); если же это противоречие нельзя объяснить, то оно изобличает поддельность источника.

§ 2. Зарождение и развитие палеографии на Западе и в России

Некий набор практических приемов определения относительной древности письменного документа существует, очевидно, с тех самых времен, с каких существует и сама письменность. Однако зарождение палеографии как научной дисциплины следует отнести лишь к XVII в., и родиной ее считается Франция. Исторические обстоятельства того времени актуализировали вопрос о документальных доказательствах земельных прав папской курии, королевской власти, монастырей, отдельных феодалов, а следовательно, возникла необходимость научной критики архивных документов и их научной датировки. Это и обусловило появление дипломатики как основной в то время дисциплины общего источниковедения и выделение затем из недр дипломатики специальной исторической дисциплины палеографии.

Центром научной мысли в области вспомогательных исторических дисциплин стало аббатство Сен-Жермен-де-Пре в Париже. Бенедектинским монахом был знаменитый Жан Мабильон, автор классического труда по дипломатике («De re diplomatica», 1681 г.), в котором особое место уделено и палеографии. Толчком к созданию этого трактата послужила полемика с иезуитом Даниэлем Ван-Папеброком, выпустившим в 1675 г. книгу «Введение к древности» («Propylaeum antiquarium»), в которой рассуждения о способах различения подлинного и подложного документов строились на неверном тезисе о том, что документ тем подозрительнее, чем старше. В ответ на это и выступил со своим трактатом Мабильон, впервые дав строго научную формулировку основных принципов исторической критики документов.

Работа Мабильона заложила основы общего источниковедения. Метод же собственно палеографии как самостоятельной дисциплины был разработан Бернаром Монфоконом, тоже монахом, вызванным в Сен-Жерменское аббатство для помощи Мабильону. На основе изучения 12 тысяч греческих рукописей Монфокон выпустил в 1708 г. свое

капитальное исследование о греческой палеографии («Palaeographia graeca»), выработав и обосновав в нем тот самый метод, который мы уже описали (см. § 1): на основании анализа внешних признаков расположенных в хронологическом порядке датированных рукописей установить признаки, характерные для письменности определенного времени и места, и применить в дальнейшем эти признаки для датировки рукописей, не имеющих даты. Именно разработка основного метода позволяет назвать Монфокона основоположником палеографии как самостоятельной дисциплины и, в частности, греческой палеографии. При этом очевидно, что на основе этого единого метода существуют различные «палеографии» в зависимости от алфавита (языка) текстов рукописей (греческая, латинская, арабская, славянская кириллическая и т. д.), поскольку рукописи разных культурных традиций имеют свои палеографические признаки. Таким образом, славяно-русская палеография, вооруженная научным методом, должна была, тем не менее, пройти свой путь в изучении богатейшего рукописного наследия, написанного кириллицей на старославянском и древнерусском языках.

В России, как и в Западной Европе, существовали практические приемы экспертизы документов. Специалистами в этом деле были площадные подьячие, составлявшие и писавшие документы по самым разным вопросам. Такие практические навыки нашли отражение в знаменитых «Поморских ответах», составленных в 1725 г. одним из основателей старообрядческого Выгорецкого общежития Андреем Денисовым. В этом труде изложено исследование рукописи под названием «Соборное деяние на еретика армянина мниха Мартина», выдававшейся официальной церковью за документ XII в., и на основе анализа начертания букв, языка, бумаги, чернил, переплета сделан вывод о подложности документа.

Первый специальный палеографический труд появился в России лишь в начале XIX в. — это письмо А. Н. Оленина (впоследствии президента Академии художеств и директора Императорской Публичной библиотеки) графу А. И. Мусину-Пушкину по поводу надписи XI в. на тмутороканском камне, найденном на Таманском полуострове в 1806 г. А. Н. Оленин привел палеографический анализ этой надписи и выразил мысль о необходимости создания русской палеографии.

Для осуществления этой задачи предстояло проделать большую подготовительную работу по выявлению, описанию и изданию рукописного наследия. В первой половине XIX в. важную роль в этом деле сыграл меценат граф Н. П. Румянцев, возглавивший группу русских ученых (К. Ф. Калайдович, митрополит Евгений Болховитинов, А. Х. Востоков, П. М. Строев), исследовавших и описавших целый ряд монастырских библиотек и частных коллекций. В 1829 г. Академий наук была организована специальная Археографическая экспедиция во главе с П. М. Строевым. Ее сотрудники за короткое время исследо-

вали до двухсот библиотек и архивов в четырнадцати губерниях России, выявив значительный по объему актовый материал. Для издания этих текстов в 1834 г. была организована Археографическая комиссия, главным сотрудником которой стал Я. И. Бередников. Эта комиссия собрала и издала все основные исторические источники: Полное собрание русских летописей, многотомные собрания актов (акты исторические, дополнения к ним и др.). Изучением и публикацией рукописей занимались также научные общества: Общество истории и древностей российских при Московском университете (основано в 1804 г.), Русское археологическое общество (основано в 1849 г.) и др.

Ко второй половине XIX в. было открыто большое число памятников письменности, многие были изданы, причем с палеографическими комментариями. Отдельные палеографические наблюдения можно уже было приводить в систему. В последней четверти XIX в. создаются первые общие курсы по славяно-русской палеографии. В 1885 г. вышел труд И. И. Срезневского «Славяно-русская палеография XI—XIV вв.», представляющий собой обработку лекций, читавшихся автором в Петербургском университете. В 1908 г. была издана «Славяно-русская палеография» А. И. Соболевского, читавшего лекции в Петербургском археологическом институте. В дополнение к этому курсу были выпущены альбомы снимков с рукописей. В 1928 г. появилась «Славянская кирилловская палеография» Е. В. Карского.

Особое место в развитии палеографии принадлежит академику Н. П. Лихачеву. Крупнейший специалист в области дипломатики и сфрагистики, знаток и коллекционер памятников старины, Н. П. Лихачев первым не только с практической, но и с научно-методологической стороны разработал проблему палеографического значения водяных знаков на бумаге мануфактурного производства.

Серьезный научный интерес представляет вышедший несколько позднее учебник В. Н. Щепкина «Русская палеография» (1918 г.).

Названные и целый ряд других, не упомянутых здесь, обобщающих работ по славяно-русской палеографии имеют каждая свои особенности, актуализируя те палеографические проблемы, которые находились в русле научных интересов авторов. Развитие палеографии как науки связано с выявлением, изучением и накоплением всех новых комплексов палеографических признаков рукописей, а это обусловливает оформление и развитие в недрах палеографии относительно самостоятельных направлений, специализирующихся на изучении определенного круга элементов рукописи.

§ 3. Палеография и другие исторические дисциплины

Палеография — не единственная дисциплина, изучающая письменные памятники, или же, говоря другими словами, не все письменные

памятники являются объектом изучения палеографии. Так, письменные памятники нарезные или чеканные на разных бытовых предметах, а также надписи, процарапанные на штукатурке стен, изучает эпиграфика, надписи на печатях — сфрагистика, надписи на монетах — нумизматика, надписи, процарапанные на бересте, — берестология. В ведении палеографии находятся рукописные книги и документы, то есть памятники, написанные красящим веществом на мягком материале: папирус, пергамен, бумага.

С другой стороны, круг письменных памятников, изучаемых палеографией, является объектом исследования и других дисциплин, которые рассматривают эти источники в других аспектах. Дипломатика изучает дипломатические и юридические памятники (грамоты), но не только с внешней стороны, как палеография, но также и сами тексты документов с точки зрения развития формуляра и т. п. Археография занимается определением и описанием содержания рукописи, а также теорией и методикой подготовки текстов к изданию.

Подобно тому как на заре источниковедения палеография вышла из недр дипломатики, так и в последнее время самостоятельное значение приобрели дисциплины, изучающие тот круг проблем, который традиционно рассматривался в соответствующих разделах палеографии. Прежде всего это филигранология — специальная дисциплина, изучающая историю возникновения и эволюции водяных знаков бумаги и разрабатывающая приемы и методы выявления и идентификации этих знаков. Другая важнейшая дисциплина — кодикология — изучает книгу как предмет материальной культуры, исследуя процесс и технологию производства книги. В связи с этим кодикология занимается деятельностью книгописных центров, переплетных мастерских, бумагоделательных мануфактур. На современном этапе развитие этих дисциплин связано с разработкой и использованием новейших оптоэлектронных методов исследования различных элементов и созданием специализированных баз данных.

Глава II

Возникновение и развитие письменности у славян. Славянские азбуки. Старославянский язык. Изводы и их приметы.

§ 1. Возникновение и развитие письменности у славян

До возникновения буквенного письма и письменности славяне, как и все другие народы, пользовались различными исторически сменявшими друг друга типами первобытного письма: пиктографическим,

в котором слиты зачатки собственно письма и изобразительного искусства, и идеографическим, представляющим собой сложную систему знаков — родовых, числовых, гадательных, знаков собственности, знаков, употреблявшихся при совершении языческих обрядов. Это письмо имело узкое и специальное употребление и не годилось для связной записи какого-либо содержания. Поэтому славянские племена, принимавшие христианство, начинали пользоваться греческим или латинским алфавитами, хотя эти алфавиты и не были приспособлены для передачи всех звуков славянской речи. Появление собственной буквенной письменности у славян относится ко второй половине IX в. и связано с деятельностью византийских миссионеров братьев Кирилла (Константина) и Мефодия, которые составили для славян азбуку и перевели на славянский язык книги Священного Писания.

Именно о такой истории говорит болгарский монах X в. по имени Храбр в своем сочинении «О письменах», которое является древнейшим историческим свидетельством о возникновении письменности у славян. Черноризец Храбр сообщает, что, будучи язычниками, славяне не имели книг (то есть письменности), а гадали и считали «чертами и резами» (идеографическими знаками); по принятии же христианства употребляли греческие и латинские буквы, но «без устроения» (при помощи этих алфавитов нельзя было написать многие славянские слова, например такие, как живот, чаяние, широта и др.); Кирилл «устроил славянское письмо», «сотворив» славянскую азбуку. Этим сведениям соответствуют и данные из жизнеописаний Кирилла и Мефодия, а также свидетельства иностранцев о наличии письменности у славян — эти свидетельства относятся ко времени после деятельности Кирилла и Мефодия.

Исторические обстоятельства, способствовавшие созданию славянской письменности, были следующими. В X в. славянские племена, жившие в бассейне рек Эльбы, Влтавы и Моравы, объединились и образовалось сильное славянское княжество Великая Моравия. Это княжество было уже христианским и в церковно-административном отношении входило в состав зальцбургского (баварского) архиепископства. Поскольку в западной христианской церкви существовал догмат о трех языках, на которых можно совершать богослужение — латинском, греческом и еврейском, — то и в Великой Моравии богослужение велось на непонятном населению латинском языке. Великоморавский князь Ростислав, умный и дальновидный политик, решил использовать в борьбе за самостоятельность княжества и независимость от соседних немецких феодалов поддержку Византии, отдаленной от Моравского княжества и поэтому не представлявшей непосредственной угрозы. Восточная христианская церковь допускала проповедь христианства на местном языке. Так, многие народы, принявшие христианство от греков, например, сирийцы (христиане-

арамейцы), копты (христиане-египтяне), армяне, грузины имели письменность и богатую литературу на своих языках. В 862 г. Ростислав отправил в Константинополь послов с просьбой прислать в Великую Моравию миссионеров для проповеди христианства на славянском языке. Византийский император Михаил III, заинтересованный в распространении своего влияния, удовлетворил просьбу моравского князя.

Во главе миссии были поставлены братья Константин (после принятия пострига Кирилл) и Мефодий, хорошо знавшие славянский язык, так как они были уроженцами Солуни — портового города, вокруг которого были славянские поселения и в котором, наряду с греческой, звучала славянская речь. Кирилл, прозванный за ученость философом, получил блестящее филологическое и богословское образование в Константинополе, он знал, кроме славянского и греческого, латинский, еврейский и арабский языки. Еще до отъезда в Моравию Кирилл составил славянскую азбуку и начал перевод на славянский язык греческого служебного евангелия.

Деятельность Кирилла и Мефодия как славянских просветителей протекала в двух княжествах — Моравии, куда они прибыли в 863 г., и Паннонии. Братья набрали себе учеников, обучили их славянскому письму, продолжили переводы греческих богослужебных книг. В 867 г. Кирилл и Мефодий, прибыв в Рим, добились официального признания церковной письменности на славянском языке. В Риме Кирилл заболел и в 869 г. умер. Мефодий был назначен епископом Моравии и Паннонии (что не оградило его от столкновений с немецким епископством и даже от заточения в тюрьму, где он провел более двух лет) и работал над переводами на славянский язык библейских книг и церковных законов до самой своей смерти в 885 г.

После смерти Мефодия деятельность братьев была объявлена еретической, богослужение на славянском языке запрещено, ученики их подверглись гонениям, а многие книги были уничтожены (рукописи, современные Кириллу и Мефодию, до нас не дошли). Изгнанные из Моравии ученики солунских братьев ушли на славянский юг — в Болгарию и Македонию, где и продолжилось развитие письменности на славянском языке.

Расцвет славянской письменности наступает в Болгарии в годы царствования болгарского царя Симеона (893—927 гг.). В это время не только составляются многочисленные списки с кирилло-мефодиевских оригиналов и переводятся новые греческие книги, но и создаются оригинальные произведения на славянском языке. Это время называют «золотым веком» болгарской литературы. Однако во второй половине X в. Болгария утрачивает государственную самостоятельность и становится провинцией Византии. С конца X в. центр славянской письменности перемещается на славянский восток, в Киевскую Русь, где

христианство становится государственной религией. Почти все древнейшие из дошедших до нас памятники русской письменности XI в. являются списками с южно-славянских (болгарских) книг.

§ 2. Славянские азбуки — глаголица и кириллица

Для письма на славянском языке были изобретены две азбуки — глаголица и кириллица (см. табл. 1). Существует несколько точек зрения на то, когда появилась та и другая азбука и какая из них первична. Общепризнанной в настоящее время является следующая гипотеза (обоснована чешским славистом Шафариком). Сначала Кириллом была изобретена глаголица. Именно этой азбукой пользовались Кирилл и Мефодий при переводе на славянский язык литургических текстов. После того как дело Кирилла и Мефодия в Моравии было разгромлено, преследуемые ученики их ушли на юг славянских земель. И уже в конце IX в. один из этих учеников, Климент Охридский, занимавшийся миссионерской деятельностью в западной части Болгарии, около Охриды, ввел в практику вторую азбуку, названную кириллицей. Кириллица стала той славянской азбукой, которая лежит в основе современного русского, украинского, белорусского, болгарского, сербского и македонского алфавитов. Глаголица же употреблялась в богослужении в Хорватии, где сохранилась в качестве церковного письма (претерпев изменения из округлой в угловатую) вплоть до современности.

Источником для обеих азбук послужил греческий алфавит. В IX в. в Византии были в употреблении два вида письма: унциал, то есть прямое, раздельное и тщательное письмо, использовавшееся для написания церковных книг, и скоропись (иначе минускул) — основной тип письма. Глаголица, как полагают, основана на греческой скорописи, а кириллица — на греческом литургическом уставе. Для специфических славянских звуков были введены специальные буквы, некоторые из которых (например, буква «ш») ведут свое происхождение от букв древнего еврейского (самаритянского) алфавита. Славянские азбуки — результат тонкого понимания фонетической системы того языка, для которого они были составлены.

Название славянских букв и их порядок в глаголице и кириллице одинаковы, но состав азбук и числовые значения букв не совпадают.

Славяне не имели особых знаков (цифр) для передачи чисел. Числа обозначались буквами, имеющими определенные числовые значения; при этом над буквой ставился специальный знак ҃ (титло). Числовые значения кириллицы соответствуют греческой цифири. Поэтому кириллические славянские буквы, не находящие соответствия в греческом алфавите, например, буквы «б», «ж», не имеют числового значения. Числовые значения глаголицы соответствуют порядку букв славянско-

Таблица I

Глаголический и кириллический алфавиты

Греч. буквы	Глаголица	Глагол. цифирь	Название буквы	Кириллица	Кирил. цифирь	Звуковое значение
A, α		1	азъ	А	1	a
		2	боукы	Б	—	b
B, β		3	вѣдѣ	В	2	v
Γ, γ		4	глаголи	Г	3	g
Δ, δ		5	добро	Д	4	d
E, ε		6	есть	Є	5	e
		7	живѣте	Ж	—	ž’
		8	зѣло	Ꙁ, ꙁ	6	ʒ́z’
Z, ζ		9	земля	Ѕ	7	z
H, η		10	иже	И	10	i
I, ι		20	ижеи, и	І	8	i
		30	(he)?	—	—	g’ ?
K, κ		40	како	К	20	k
Λ, λ		50	людиѥ	Л	30	l
M, μ		60	мыслитє	М	40	m
N, ν		70	нашь	Н	50	n
O, ο		80	онъ	О	70	o
Π, π		90	покои	П	80	p
P, ρ		100	рьци	Р	100	r
Σ, σ, ς		200	слово	С	200	s
T, τ		300	тврьдо	Т	300	t
Y, υ		400	ѵкъ;	Ѵ, ѵ	400	i, v
			оукъ,	Оу		u
			оникъ	ѹ		u
Φ, φ		500	фрьтъ	Ф	500	f

Знак ∅ означает, что в определенных позициях в слове буква не читается

Греч. буквы	Глаголица	Глагол. цифирь	Название буквы	Кириллица	Кирил. цифирь	Звуковое значение
Χ, χ		600	хѣръ	Х	600	ch
Ω, ω		700	отъ	Ѡ	800	ot
	—	800	пѣ (пе)	—	—	p, f ?
		900	ци	Ц	900	c'
		1000	чрьвь	Ч	90	č'
	Ш	—	ша	Ш	—	š'
	Щ	800	шта	Щ	—	št' ?
		—	кръ	Ъ	—	ъ
		—	кры	ЪІ,	—	y
				ЪИ,		
				Ы		
		—	крь	Ь	—	ь
		—	ять	Ѣ	—	ě
		—	(хлъмъ)?	—	—	ch
		—	ю, юсъ	Ю	—	ju, 'u
		—	юс большой йотованный	Ѭ	—	jǫ, 'ǫ
		—	юс малый	Ѧ	900	ę
		—	юс большой	Ѫ	—	ǫ
		—	юс малый йотованный	Ѩ	—	ję, 'ę
	—	—	—	Ꙗ	—	ja, 'a
	—	—	—	Є	—	je, 'e
Ξ, ξ	—	—	кси	Ѯ	60	ks
Ψ, ψ	—	—	пси	Ѱ	700	ps
Θ, ϑ		—	фита	Ѳ	9	t, f
	—	—	—	Ҁ	90	—
	—	—	—	Ѧ	900	—

го алфавита. Первоначальное количество букв в славянских азбуках установить с точностью невозможно. Уже упоминавшийся черноризец Храбр говорит, что букв было 38.

Более простая и удобная для письма кириллица на большей части славянской территории вытеснила замысловатую петлеобразную глаголицу. Однако некоторое время у южных славян в употреблении были обе азбуки.

§ 3. Старославянский язык. Изводы и их приметы

Старославянским называется тот древний славянский язык, на который в XI в. было переведено с греческого Священное Писание первоучителями славян Кириллом и Мефодием. Как свидетельствуют исторические источники, Кирилл составил азбуку и начал перевод греческих богослужебных книг, еще находясь в Византии. Он был знаком с тем славянским наречием, на котором говорили славяне Солунского края. Поэтому именно солунское наречие стало основой старославянского языка. Однако нельзя утверждать, что славянский язык — это зафиксированный в письменности солунский говор. Старославянский язык, будучи языком перевода с высокоразвитого греческого языка, с самого своего начала был языком литературно обработанным, словарный состав его был усложнен многочисленными неологизмами, синтаксический строй обработан по образцу греческого языка.

Старославянский язык — это древнейший язык всех славян, в течение длительного времени он был общим литературным языком разных славянских народов. Естественно, что под пером переписчиков старославянский язык подвергся дальнейшим изменениям: при переписывании памятников в текст проникали местные языковые особенности. В «чистом виде» старославянский язык дошел до нас лишь в нескольких древнейших рукописях X—XI вв. (некоторые из них сохранились лишь в небольших фрагментах). Их легко перечислить. Это написанные глаголицей Зографское и Мариинское четвероевангелия, Ассеманиево и Боянское служебные евангелия, Синайская псалтырь, Синайский требник, сборник Клоца, Охридские и Рильские листки, Киевский миссал; и написанные кириллицей Саввина книга, Енинский апостол, Супрасльская рукопись, листки Ундольского, Хиландарские и Зографские листки, Македонский листок.

Применительно к более поздним рукописям, в которых отражено значительное влияние того или иного славянского языка, следует говорить об изводах старославянского языка, то есть его разновидностях. Поскольку палеографически значимые явления могут иметь разные временные рамки в славянских рукописях разных изводов, необходимо уметь точно определять извод рукописи.

Существуют три основных извода: сербский, болгарский (или среднеболгарский, в отличие от термина «древнеболгарский», который иногда применяется к старославянским рукописям) и русский. Каждый извод имеет немало лингвистических особенностей, которые отражаются в орфографии рукописи. Оперирование этими признаками представляет значительные трудности для палеографа-нелингвиста. Рассмотрим поэтому только один, но наиболее «удобный» комплекс примет, связанный с рефлексами носовых гласных в разных изводах.

В старославянских текстах имеется знак ѫ (юс большой) для обозначения носового «о» и знак ѭ для обозначения йотированного (то есть с предшествующей мягкостью) носового «о». В древнерусском и сербском языках передававшиеся этими знаками гласные с носовыми призвуками уже к XI в. исчезли и совпали с обычными неназализованными гласными, что и отразилось на письме: вместо ѫ стали писать оу, а вместо ѭ — ю (ср.: старослав. рѫка, зємлѭ — и древнерусск. роука, зємлю). В болгарских рукописях буквы ѫ и ѭ сохраняются, хотя неизвестно, какое фонетическое значение они имели (в современном болгарском языке на их месте гласные «ъ» и «а»).

В старославянском языке для обозначения носового гласного «е» употреблялся знак ѧ (юс малый), и для этого же гласного йотированного — знак ѩ. В древнерусском языке носовой звук «е» перешел в звук «а» с предшествующей мягкостью (которая в ряде случаев исчезала или не выражалась на письме). Поэтому в русских рукописях наблюдается смешение знаков: вместо старославянских ѧ и ѩ употребляются также знаки а и я и, наоборот, на том месте, где в старославянском языке должны находиться знаки а или я, в древнерусских рукописях встречается знак ѧ (ср. старослав. рєкоша — древнерусск. рєкоша; старослав. оустo — древнерусск. оустo; старослав. ѩзъікъ — древнерусск. язъікъ; старослав. яко — древнерусск. ако или ѩко).

В сербском языке «е» носовое изменилось в «е» чистое (неносовое), поэтому в сербских рукописях вместо знаков ѧ и ѩ пишется соответственно є и ије (ср. старослав. имѧ — сербск. име; старослав. рєкоша — сербск. рекоше; старослав. оустo — сербск. уесто; старослав. ѩзъікъ — сербск. језыкъ). Являясь ненужными дублетами, знаки ѧ и ѩ в сербской письменности были очень рано устранены совсем.

В болгарском языке старославянский носовой гласный «е» еще долгое время не совпадал фонетически с чистым «е» и поэтому на письме с ним не смешивался. Но после шипящих ж, ш, щ, жд и в ряде других случаев этот носовой звук «е» приблизился к тому звуку, который произошел от славянского носового «о», а носовой звук «о» после мягких согласных (обозначаемый знаком ѭ) приблизился к звуку, в который изменилось носовое «е». Поэтому в болгарских рукописях можно встретить знак ѫ на том месте, где должен быть ѧ (ср. старослав. оустo — болг. ужсто; старослав. ѩзъікъ — болг. ѫзъікъ), и наоборот,

знак ѧ на месте знака ѩ (старослав. хвалѩ — болг. хвалѧ — 1 л., ед. ч., наст. вр.; старослав. волѩ — болг. волѧ — вин. пад., ед. ч.). Такое явление называется (графической) «меной юсов». В середине XIV в. болгарский патриарх Евфимий предпринял реформу правописания, по которой (независимо от фонетики) после мягких согласных, «j», «ж», «ш», «ч» стали писать ѧ или ѩ. В результате в болгарских рукописях с XIV в. часто встречаются непривычные написания типа в кѫѩ годинѫ (вместо въ кѫѭ годинѫ) или же въ кѫѩ стражѧ (вместо въ кѫѭ стражѫ — вин. пад., ед. ч.). Итак, основная и простейшая примета для определения извода славянской рукописи — это примета, основанная на различных рефлексах древних носовых гласных в разных славянских языках. В болгарских рукописях употребляются оба юса (ѫ, ѭ, ѧ, ѩ), в сербских рукописях юсы не употребляются вообще (только две древнейшие сербские рукописи сохраняют эти знаки: Мирославово евангелие, Вуканово евангелие), в древнерусских рукописях с середины XII в. употребляется только малый юс (ѧ; до середины XII в. употреблялись также ѩ, ѫ, ѭ). Слова, в которых по нормам старославянского языка должны употребляться юсы, можно найти на любом листе рукописи. Следует обратить внимание на часто встречающиеся написания: 1) местоимение (частицу) «ся» — в рукописи сербского извода будет написано сѣ, болгарского — сѧ, русского — сѧ или ся; 2) глаголы в 3-м лице мн. числа аориста вѣшѧ, рекошѧ, приидошѧ и др. — в рукописи сербского извода будет написано рекоше, выше, приидоше, болгарского — рекошѧ, вѣшѧ, приидошѧ или рекошѫ, вѣшѫ, приидошѫ; древнерусского — рекоша, вѣша, приидоша.

Однако необходимо учитывать следующие обстоятельства.

В конце XIV в. Сербия и Болгария были покорены турками. Конец XIV и первые десятилетия XV в. были ознаменованы наплывом на Русь беженцев из этих стран. Наступает период так называемого «второго» южнославянского влияния, которое сказалось и на графике и орфографии русских рукописей. Поэтому и в рукописях русского извода конца XIV—XV вв. можно встретить не только ѧ, но и ѫ. В Болгарии в это время традиционная болгарская письменность прекращает свое существование и сохраняется только в двух-трех монастырях с использованием сербского правописания, то есть рукописи XV—XVII вв., созданные в Болгарии, трудно отличить от сербских. Рукописи, созданные в Молдавии и Румынии в XIV—XVII вв. (они составляют особый молдовлахийский извод), отличаются использованием болгарской орфографии, то есть имеют юсовое правописание. С XVIII в. сербское правописание попало под влияние русского, кроме того, в рукописях того или иного извода могут встретиться черты другого извода, например, если оригиналом писцу служила рукопись другого извода.

Поскольку для нас важно безошибочно определять прежде всего древнерусский извод рукописей, укажем отдельные приметы, свойственные только этому изводу: 1) в древнерусских рукописях встречается

полногласие, то есть сочетания — -оро-, -оло-, -ере-, -ело- в положении между согласными в составе корня слова: сторона, голова, голод, голос, берег, шелом (ср. страна, глава, глад, глас, брег, шлем); 2) только в русских рукописях личные местоимения в дательном падеже единственного числа могут быть написаны с гласным «о»: тобе, собе; 3) в древнерусских рукописях в начале некоторых слов вместо «е» может быть написано «о», а вместо «ю» — «у»: олень, озеро, Олена, уноша (вместо елень, езеро, Елена, юноша); 4) только в русских рукописях можно встретить приставку «розъ» вместо приставки «разъ».

В дальнейшем, в соответствии с названием курса, мы в большинстве случаев будем ограничиваться проблемами палеографии рукописей именно русского извода.

Глава III

Материал письма и форма книги. Орудия письма. Изготовление рукописи. Материал письма и формы письменных памятников в России (хронологические рамки). Переплеты древнерусских рукописей (датирующие признаки). Художественное украшение древнерусских рукописей.

§ 1. Материал письма и форма книги

Материал письма является самым первым основанием для определения, хотя и в самых широких рамках, времени и места создания рукописи.

С древнейших времен все народы, помимо твердого материала (камень, железо и разные предметы, на которых надписи высекались, чеканились, вырезались), использовали тот мягкий материал для письма, который предоставляла им среда обитания. В Индии писали на пальмовых листьях, славянские племена использовали бересту, египтяне — папирус, восточные народы — кожу. С античных времен в разных странах использовались восковые дощечки — церы: на доске делалось углубление таким образом, что по периметру образовывалась прямоугольная рамка; это углубление заливалось воском, по которому и писали заостренной палочкой — стилом; написанное могло быть затерто обратной стороной стила, и это представляло удобство для временных хозяйственных записей.

Древнейшим мягким материалом, сфера употребления которого вышла за пределы той страны, в которой он изготавливался, был папирус. Папирус — это тростниковое растение, произраставшее в низовьях Нила. Сердцевину этого тростника разрезали в продольном направлении на узкие пластинки, их раскладывали на гладкой доске в два слоя так,

что пластинки одного слоя лежали перпендикулярно пластинкам другого слоя, смачивали водой, придавливали каменным прессом, затем высушивали. Получался гладкий, блестящий, при просмотре на свет плетеный лист желтоватого цвета. Это был дешевый и достаточно прочный писчий материал. Однако он не был пригоден для изготовления книги в привычной нам форме — форме кодекса. При сгибании папирус трескался, как высушенный лист гербария. Поэтому древние книги имеют форму свитка — именно свитки как символ древней письменности мы видим на изображениях пророков и т. п. Для изготовления такой книги листы папируса склеивались торец с торцом в длинную полосу, которая наматывалась на валик. Вряд ли возможно установить время изобретения папируса, как неизвестно и точное время попадания этого писчего материала в Европу. Однако в течение нескольких столетий папирус, экспортировавшийся из Египта во многие страны, был основным писчим материалом в Европе — последние написанные на папирусе документы папской курии датируются XI в. нашей эры.

Другим получившим повсеместное распространение писчим материалом был пергамен — особым образом выделанная кожа животных. Свое название материал получил от малоазиатского города Пергамо, в котором был изобретен этот способ выделки кожи. Изобретение это относят ко II в. до нашей эры и связывают с прекращением по какой-то причине экспорта египтянами папируса в Малую Азию. Это побудило пергамского царя Евмена поощрять попытки изобрести новый писчий материал. В этом регионе, помимо папируса, с незапамятных времен писали на коже — дифтере. Однако на обычным способом выделанной коже писать можно было только с одной (волосяной) стороны. Поэтому книги, написанные на дифтере, так же как и папирусные, удобно было хранить в форме свитка. В свитках текстом внутрь хранятся, например, написанные на дифтере древнейшие еврейские книги Торы. На пергамене, коже, выделанной особым способом, стало возможным писать с двух сторон. Именно это позволило перейти к новой форме книги — форме кодекса, что произвело по сути переворот в самой системе работы древних книжников с текстами, обеспечив и ускорив поиск нужных цитат и т. п. Новый способ выделки кожи заключался в том, что после удаления шерсти, вымачивания и золения кожу растягивали, сушили и для удаления жировых пузырьков втирали мел, после чего острым ножом удаляли мел и выравнивали шероховатости, затем выглаживали пемзой. В процессе этой сложной обработки на материале могли появляться дыры, их зашивали шелковой нитью или же оставляли, и это не мешало письму. Листы пергамена выкраивались экономно, поэтому в пергаменных книгах можно встретить выемки на полях листов. Формат книги зависел от размера шкуры и, как правило, приближался к квадрату. Благодаря своей прочности и возможности создавать книги-кодексы пергамен быстро распростра-

нился как в Византийской империи, так и в Западной Европе. В Византии пергаменная книга возобладала над папирусной в IV—V вв.

Однако пергамен был чрезвычайно дорогим писчим материалом. Поэтому существовала практика вторичного использования пергаменного листа: если текст становился не нужным (например, текст на чужом, непонятном языке), его соскабливали и на том же листе писали новый текст. Рукописи, написанные на пергамене, использованном вторично, называются палимпсестами (от греческого πάλιν и ψάω «снова скоблю»). Поскольку чернила глубоко проникали в писчий материал, следы смытого текста на пергамене все же сохраняются. В XIX в. для проявления первичного текста использовали химические реактивы, что зачастую приводило к порче рукописи. В XX в. был разработан безопасный метод чтения палимпсестов при помощи цветоотделительной фотографии. Прочесть палимпсест можно также при освещении в ультрафиолетовых коротких лучах, используя специальный люминисценс-аппарат. В последнее время развитие новых компьютерных технологий, предоставивших возможность оцифровки изображений при съемке цифровой камерой в разных лучах спектра (ультрафиолетовых, инфракрасных и др.) и последующей обработки изображений (электронное цветоделение и др.), на основе существующих безопасных методов разработаны новые оптоэлектронные методы, значительно упрощающие процесс чтения палимпсестов и повышающие его эффективность. Данные палимпсестов имеют важное значение для истории письменности, в частности они являются одним из аргументов в пользу большей древности глаголицы по отношению к кириллице: сохранились палимпсесты, нижний слой текста которых написан глаголицей, а верхний — кириллицей; палимпсестов с обратным соотношением текстов до сих пор не выявлено.

Итак, пергамен был очень прочным, но и очень дорогим, поэтому в деловой письменности продолжал использоваться папирус как гораздо более дешевый материал. Папирус сошел с исторической арены лишь с появлением в Европе нового писчего материала — бумаги. Легко вытеснив ломкий папирус, бумага еще несколько столетий сосуществовала с пергаменом. Бумага, как и пергамен, позволяла изготавливать книги в форме кодекса, однако значительно уступала пергамену в прочности и долговечности.

Бумагу впервые стали вырабатывать в Китае, где ее производство уже существовало в I в. до нашей эры. В VIII в. нашей эры ее производство проникло в Самарканд и распространилось далее в Багдад, Сирию, Египет, Персию. Арабы, завоевав в 704 г. Самарканд, узнали о бумаге и затем, распространив свои завоевания на территорию Западной Европы, занесли туда бумагу. В XII в. бумагу начали употреблять в Византии, Испании, Италии. Но производить бумагу в Европе начали лишь в XIV в., первыми из европейцев бумагу стали делать итальян-

цы, затем ее производство было освоено на юге Франции и в Германии, в XVI в. — в Польше, в XVII в. — в Голландии. В России первые бумажные мануфактуры появляются в 1570-х гг., однако бумажное производство не получило развития в то время. Промышленный характер изготовление бумаги в России приобретает только в XVIII в., таким образом, несколько столетий на Руси использовали привозную бумагу иностранного производства. До конца XVII в. повсеместно бумага изготавливалась ручным способом и процесс этот по сути оставался тем же, что и в I в. нашей эры.

Сырьем служило льняное тряпье. Это сырье размачивалось, варилось с золой или известью, затем в специальных толчеях измельчалось и превращалось в однородную массу, которая выливалась в чаны. Из чана масса черпалась специальной формой, представлявшей собой прямоугольную деревянную рамку, которая имела дно в виде проволочной сетки. Продольные проволочные нити этой сетки натягивались очень близко друг к другу (они называются вержеры), а поперечные (они называются понтюзо) — реже. Через сетчатое дно стекала вода, зачерпнутая же масса задерживалась и высыхала. Затем слежавшийся тонкий слой выкладывался на суконные или войлочные прокладки и пропускался через пресс, отжимавший оставшуюся воду. Листы освобождались от прокладок и развешивались для просушки, затем пропитывались желатиновым клеем для прочности и для того, чтобы чернила при письме не «расползались» на бумаге. Затем листы выглаживали и лощили.

При просмотре листа такой бумаги на свет виден отпечаток сетчатого дна формы. Происходит это в результате того, что в местах соприкосновения тряпичной массы с проволочными нитями слой этой массы получался более тонким по сравнению с промежутками, через которые стекала вода, способствуя некоторому «провисанию» массы в промежутках между проволочными нитями. Видимые при просмотре листа на просвет линии называются водяными знаками.

На древнейшей использовавшейся в Европе бумаге, которую изготавливали на Востоке и оттуда привозили в Европу, имеются только водяные знаки, образовавшиеся как отпечатки сетчатого дна формы, причем видны они плохо из-за того, что материал изготовления был более твердым. Анализ состава бумаги самаритянских рукописей показал, что бумага изготовлена из хлопкового сырья. Восточная бумага называется бомбициной (название происходит от греческого «bambax» — хлопок или же от названия сирийского города Bambyce — по-арабски Мамбидш, где находилась бумажная мануфактура). Русское слово «бумага», несомненно, восточного происхождения (все другие европейские народы употребляют термин, произошедший от слова «папирус»: paper, papier).

Самая ранняя бумага европейского производства также имеет только водяные знаки сетки. Однако очень скоро европейцы стали исполь-

зовать свойства водяных знаков для маркировки партий бумаги. К сетчатому дну формы тонкими проволочками прикрепляли полученный путем сгибания проволоки фигурный контур, изображающий тот или иной предмет, букву, животное и т. п. В результате на готовом листе бумаги появлялся помимо сетки еще и водяной знак в виде какого-то изображения. Такой водяной знак называют филигранью (от filius — нить), а содержание изображения — сюжетом филиграни. Филигрань того или иного сюжета могла сопровождаться буквами или цифрами. Дополнительные знаки в виде букв или цифр, не входящие в состав сюжета, а помещенные на противоположной от филиграни стороне листа, называются контрамаркой (подробнее см. гл. V). Поскольку отливочная форма при нормальном процессе производства служила не более двух лет, при изготовлении новой формы из проволоки делался и другой знак, который какими-то элементами отличался от предшествующего даже в том случае, если повторял его сюжет. В настоящее время зафиксировано несколько тысяч сюжетов филиграней, ведь каждый мастер за период своей деятельности неоднократно менял формы и мог менять сюжет своего знака. Водяные знаки на бумаге чрезвычайно важны для палеографа, поскольку позволяют датировать рукопись с точностью до 10 лет (методику датировки рукописей по водяным знакам см. в гл. V, § 2). В середине XIX в. появляется новая форма фирменного знака на бумаге — штемпель слепого тиснения, на котором обозначался владелец и название бумажной фабрики. Этот знак ставился специальным ручным прессом в верхнем углу листа.

Рассмотрев важнейшие, нашедшие применение у многих народов материалы, *на которых* писали, вкратце остановимся на тех красящих материалах письма, *которыми* писали.

Чернила средневековых рукописей имеют коричнево-бурый оттенок и отличаются большой прочностью. Химический состав средневековых чернил различается по эпохам и странам, так как существовало множество рецептов их изготовления. Но все они были железистого происхождения и содержали воду, соли железа и дубильные вещества (в качестве последних обычно употреблялись «чернильные орешки» — наросты на дубовых листьях). Чернила варились в печи, наподобие еды, и приготовлялись, как правило, самим писцом. С XVII в., наряду с обычными, употреблялись сажевые чернила, которые изготавливались с добавлением сажи. Они черного цвета и не такие прочные, как железо-галловые. Как показывают отдельные опыты, химико-технологический анализ чернил славянских рукописей позволяет выявить показатели, важные для определения места и времени создания рукописи. Однако на достаточно представительном массиве средневековых рукописей такой анализ еще не проделан.

Кроме чернил для письма употреблялись краски, особенно красная, служившая для заголовков и инициалов (начальных букв). От обычая

оформлять заголовки и инициалы красным цветом происходят такие термины, как «рубрика» (от латинского ruber — красный) и «красная строка». Для письма красным употреблялись краски разного химического состава. В Византии из сока моллюсков изготавливались пурпуровые чернила, употреблялись они только для подписи императоров. Из-за редкости и дороговизны пурпура эти чернила были заменены киноварью — краской ртутного состава. В обычных же византийских рукописях применяли малиновую краску растительного состава, так называемую «драконову кровь». В западной письменности в качестве красной краски господствовал сурик — сравнительно дешевая краска розовато-оранжевого оттенка, получавшаяся при пережигании свинцовых белил. Золото и серебро использовались для письма для роскоши. Золото, как и серебро, могло употребляться твореное (в виде краски) или листовое — тончайшие пластины накладывались на предварительно прописанные клейким веществом знаки.

§ 2. Орудия письма. Изготовление рукописи

Процесс и орудия письма можно видеть на старинных миниатюрах, изображающих евангелистов. Писали, держа лист на колене, столешница служила лишь для письменных принадлежностей: чернильницы, сосудиков для краски, ножей, песочницы, перьев, кистей и др. Писали птичьими перьями: гусиными, лебедиными, павлиньими. Чтобы стать орудиями письма, перья требовали обработки: сначала их втыкали в песок или золу, затем соскабливали ненужные перепонки и очинивали, для чего применяли специальные перочинные ножи. Конец пера срезали таким образом, что получался полукруглый желобок, посередине которого делали короткий расщеп. Появившиеся в Англии в конце XVIII в. стальные перья повторяли своей формой и конфигурацией заточку птичьего пера. Металлические перья стали вытеснять гусиные только в середине XIX в.

Кроме перьев для письма употребляли (преимущественно в Греции) тростниковые палочки — калям (κᾶλάμη). Написанный калямом текст отличается другим характером нажима. Для письма твореным золотом, а иногда и для киноварных строк употреблялась кисть. Карандаш (от турецкого слова, означающего «черная земля») употреблялся в России с XVI в.

Прежде чем писать, на пергамене или бумаге делали разлиновку. Разлиновка пергамена и бумаги осуществлялась по-разному. На пергамене циркулем или цепочкой с остриями по концам размеряли раму письма и расстояние между строк, затем при помощи линейки шильцем (металлическое или костяное притупленное острие) надавливались линии строк. С XVI в. для разлиновки бумаги употреблялась карамса —

рамка с заранее натянутыми нитями (типа трафарета), которая накладывалась на лист, и по этим нитям шильцем надавливались строки. Можно было сделать разлиновку также и способом приглаживания листа бумаги к карамсе — такая разлиновка со временем проходит и может быть не видна в рукописях.

Линовать могли каждый лист отдельно, но чаще делали разлиновку сразу нескольких листов, положив их один под другой. Пергамен удобно было линовать по четыре листа. Эти четыре листа, согнутые посередине, образовывали тетрадь (от греческого τετράς — четыре). В разных скрипториях устанавливались различные традиции складывания пергаменных листов в тетради. «Волосяная» и «мясная» стороны пергамена, несмотря на тщательную обработку, все же отличались одна от другой. След от разлиновки также оказывался не одинаков с одной и с другой сторон листа: сверху это была линия вмятины, а снизу — линия выпуклости. Все это учитывали при формировании тетрадей, складывая листы соответствующими сторонами друг к другу еще до разлиновки или переворачивая каждый второй лист после разлиновки, чтобы оформление разворота в тетради получилось однообразным. Все эти кодикологические детали могут говорить о происхождении рукописи из того или иного скриптория, однако по отношению к славянским рукописям систематические наблюдения на этот счет еще не сделаны.

Важным признаком является также тип разлиновки. Текст мог писаться в один, два (в греческих рукописях — и в три, и в четыре) столбца. Проводили не только горизонтальные линии (линии нижней или же и нижней, и верхней границ строки), но и вертикальные (ограничивающие раму письма, границы столбцов, расстояние для выступающего за границу рамы текста инициала и др.). Однако типы разлиновки славянских рукописей в настоящее время еще не исследованы.

Писали текст в тетрадях. Над одной рукописью могли работать сразу несколько писцов. Разные части текста многих рукописей написаны разными почерками. Часто киноварные заголовки и инициалы вписывались уже после написания чернилами основного текста (зачастую в рукописи можно встретить пропуск начальной буквы или даже заголовка, для которых оставлено свободное место). Инициалы золотом и серебром выполнял обычно уже не писец, а художник, писавший также и миниатюры рукописи (в некоторых рукописях встречаются оставленные для миниатюр и больших инициалов места, которые так и остались свободными по каким-то причинам, очевидно, из-за отсутствия в данное время в скриптории художника).

Уже исписанные текстом, тетради сшивали в блок и переплетали. Чтобы не ошибиться в последовательности тетрадей, их нумеровали: букву, соответствующую числу порядкового номера тетради, ставили на нижнем поле первого листа и на обороте последнего листа тетради.

Полистная нумерация, которую часто можно увидеть в рукописях, проставлена уже в гораздо более позднее время.

Переплет средневековой книги выполнял защитную функцию. На Востоке, где издавна книги писали на бумаге, переплет делали из кожи и снабжали защитным клапаном со стороны бокового обреза. Такой переплет называется переплетом «в сумку». Внешние и внутренние стороны крышек в восточных переплетах богато украшали тиснением, аппликацией. Распространен был на Востоке также и лаковый переплет — крышки его изготавливали из тонкой доски или картона и покрывали лаковой миниатюрой. Тяжелые пергаменные европейские книги требовали более прочного переплета. Крышки переплетов пергаменных рукописей делали из довольно толстых досок, которые обтягивали кожей или тканью. Только в XVIII в., когда пергамен в качестве писчего материала уже давно не употреблялся, вместо досок в качестве основы для крышек переплета стали употреблять картон (или же склеенную в несколько слоев бумагу). Кожа, покрывавшая доски, могла украшаться тиснением. На крышки набивались защитные декоративные металлические детали, которые предохраняли кожу покрытия от трения и придавали переплету прочность. Обязательно приделывались застежки, фиксировавшие блок книги в закрытом положении. Это было необходимо для предохранения пергаменных листов от деформации и скручивания. Застежки продолжали делать и на переплетах бумажных рукописей. Богослужебные книги, например напрестольные евангелия, обычно имеют поверх переплета металлический оклад, который украшался литьем, чеканкой, вставками драгоценных камней, пластинами резьбы по кости, пластинами с финифтевой росписью.

Различные детали технологии изготовления средневекового переплета являются важными датирующими и локализующими признаками. Однако следует помнить, что рукописи чаще всего доходят до нас не в своем первоначальном переплете, а уже в поновленном или же вообще в другом переплете, так как переплет изнашивался и заменялся новым. Поэтому дата переплета может не совпадать с датой самой рукописи. Часто под одним, новым, переплетом объединялись сохранившиеся части из разных, существовавших прежде самостоятельно, рукописей. Это видно, например, по сбою нумерации тетрадей или по наличию нескольких нумераций в одном кодексе. Такие рукописи принято называть конволютами. Разные части конволюта имеют свою дату, и даты эти могут отстоять друг от друга на столетия.

§ 3. Материал письма и формы письменных памятников в России (хронологические рамки)

В древности в качестве материала на Руси использовали камень, дерево и бересту. На камне написан один из древнейших русских тек-

стов XI в. — уже упоминавшаяся запись о том, что в 1068 г. князь Глеб мерил по льду ширину Керченского пролива от Тамани до Корчевы (см. гл. 1, § 2). О письме на дереве известно из упоминаний в новгородских летописях и в Псковской судной грамоте: на «досках» писались деловые документы. Ни одной такой доски до наших дней не сохранилось. В археологический сезон 2000 г. в Новгороде в слое XII в. были найдены восковые дощечки (церы) с текстами псалмов. Эта находка чрезвычайно важна, поскольку подтверждает данные письменных источников об употреблении этого материала на Руси. Береста на Руси служила для бытовых и хозяйственных записей, частной переписки. По-видимому, береста использовалась повсеместно, но сохранились письменные памятники на бересте преимущественно в Новгороде благодаря консервирующим свойствам новгородской почвы. Первая берестяная грамота была найдена при раскопках в Новгороде в 1951 г. После археологического сезона 2001 г. насчитывается уже более 900 берестяных грамот XI—XV вв. В отдельных случаях на бересте писали и книги. Свидетельства об этом находим, например, в описных документах XVII в. Троице-Сергиева монастыря. Экземпляры таких книг чрезвычайно редки. Текст на бересте чаще всего не писался (посредством нанесения красочного слоя), а процарапывался. Поэтому изучением палеографических особенностей письменных памятников на бересте занимается специальная, выделившаяся из эпиграфики дисциплина — берестология.

Из числа писчих материалов, получивших распространение по всему миру, в России использовались пергамен и бумага. Папирус уже успел сойти с исторической арены к тому времени, когда Русь приняла христианство и обрела письменность. Древнерусских памятников на папирусе не известно. Пергамен на Руси был основным писчим материалом с XI по XIV в. Причем с XIII в. использовался пергамен уже местного производства. В XIV в. на Руси появляется привозная бумага. Самая ранняя из сохранившихся русских книг, написанных на бумаге, датируется 1381 г. («Поучения Исаака Сирина» из библиотеки Троице-Сергиевой лавры). В деловой письменности бумага на Руси, очевидно, начала использоваться еще раньше: древнейшая русская грамота на бумаге — Договор московского великого князя Симеона Ивановича с братьями — датируется 1340—1341 гг. С XV в. бумага уже господствует на Руси, что не исключало совсем и пергамена, на котором писали наиболее значительные документы и роскошные книги вплоть до XIX в. Как уже отмечалось (см. гл. III, § 1), до начала XVIII в. в Московском государстве писали практически исключительно на бумаге иностранного производства. Развитие в XVIII в. в России бумажного производства не исключило использования импортной бумаги в России даже в XIX в. Некоторые сорта произведенной в России бумаги можно сразу отличить по синеватому оттенку листа.

Из красящих материалов письма на Руси преимущественно были распространены железо-галловые чернила разных рецептов приготовления и киноварь. Сурик употреблен лишь в некоторых древнейших рукописях (например, в Саввиной книге) и стал более широко распространяться на Руси со второй половины XVII в. как более доступная краска, использовавшаяся в рукописях, обращавшихся в народе. Применение сурика вместо киновари господствует в демократической среде в XVIII и XIX вв. Сажевые чернила встречаются в русских рукописях начиная с XVII в.

Все сохранившиеся памятники древнерусской письменности в соответствии с типом содержания текстов условно можно разделить на две большие группы: памятники актовой письменности и собственно книжные памятники.

Памятники актовой письменности (договоры, жалованные и другие грамоты, делопроизводственные документы, частные акты) могут иметь форму отдельных листов пергамена или бумаги, форму свитков (или столбцов), а также форму тетрадей и книг (в более позднее время).

На отдельном листе текст документа писали только с одной стороны, оборотная сторона использовалась для подписей, заверочных и делопроизводственных помет, позднейших подтверждений документа. Если текст занимал несколько листов, эти, исписанные только с одной стороны, листы склеивали: верхняя сторона следующего листа подклеивалась к нижней стороне предыдущего листа. Так получался столбец, который хранили свернутым в трубку, — свиток. Каждый отдельный лист, входивший в состав столбца, обычно называют ставом. Свитки были основной формой канцелярского делопроизводства Московского государства в XVI—XVII вв. и получили широкое применение в центральных приказах, в местных приказных, съезжих и судных избах. Мануфактурный лист бумаги нарезался обычно на полосы: или пополам в длину размером примерно 17×45 см или на три полосы в ширину размером примерно 15×34 см. Места соединения отдельных листов в столбце называются «склейками». Если столбец был длинным, дьяк или подьячий своей подписью «скреплял» его, растягивая подпись по слогам, которые проставлял как раз на склейках на обороте документа. На оборотной стороне столбца на первом ставе обычно писали адрес, ставили пометы о получении документа, делали различные делопроизводственные пометы. Все документы, как входящие, так и черновики исходящих, подклеивались в тот столбец, к которому они относились. Поэтому столбец может представлять собой целый сборник дел. Хранение дел в столбцах приводило к их быстрой порче. В результате петровских реформ в делопроизводственной практике столбцы были заменены тетрадями. Текст документов в тетрадях писали уже на обеих сторонах листа.

Поскольку хранение текстов документов в тетрадях было значительно надежнее, задолго до петровских реформ в монастырях существовала

практика копирования текстов подлинных документов в тетради, из которых составляли книги, называемые «копийными». Отдельные виды монастырской документации изначально имели форму тетрадей и книг. Таковы вкладные книги, приходо-расходные книги и др.

Памятники древнерусской богослужебной и литургической письменности дошли до нас преимущественно в рукописях, имеющих форму кодекса, то есть в виде сшитых тетрадей в переплете (или же не имеющих переплета, например ввиду его утраты).

Для рукописных книг самой первой внешней характеристикой является формат и количество листов. Формат определяется тем, сколько раз был согнут стандартный мануфактурный лист бумаги для изготовления тетрадей данной книги. Если лист был согнут только один раз (и этот сгиб стал местом брошюровки), такая книга называлась «дестевой», или форматом в лист; если лист по этому первому сгибу был разрезан, а затем обе половины листа снова согнуты пополам (и уже этот второй сгиб стал местом брошюровки), такая книга называлась «полудестевой», или форматом в четверть; если лист был разрезан и по этому второму сгибу, а затем четыре части мануфактурного листа складывались уже в третий раз пополам (и место брошюровки проходило по третьему сгибу), такая книга называлась книгой «в восьмушку» (обычно каждая тетрадь книги в восьмушку состояла из частей одного мануфактурного листа). Большие напрестольные богослужебные книги очень больших размеров писали на полном листе, не перегибая его на две половины, и брошюровали такую книгу на фальцах (то есть не по сгибу, а по подклейкам со стороны переплета). Обычно для таких книг использовали и специальную бумагу, на которой филигрань была расположена в центре листа. Такая бумага называлась «Александрийский лист». Иногда в переписных документах именно такие книги назывались «дестевыми», и в соответствии с этим «полудестевой» книгой будет названа книга форматом в лист, а книга форматом в четверь при такой системе уже не могла называться «полудестевой». Эту вариативность терминологических определений необходимо учитывать при изучении старых описей. В современных описаниях приняты следующие обозначения форматов: книга на Александрийском листе — 1°; книга форматом в лист — 2°; книга форматом в четверть — 4°; книга в восьмушку — 8°. Поскольку Александрийский лист встречается нечасто, в описаниях книги форматом в лист могут быть обозначены как 1°.

§ 4. Переплеты древнерусских рукописей (датирующие признаки)

Древнерусские переплеты X—XII вв. не дошли до нашего времени. Самые старые сохранившиеся древнерусские переплеты датируются XIII в.

Самым распространенным типом древнерусского переплета является переплет, крышки которого изготовлены из дерева и полностью, вместе с корешком, поволочены материалом покрытия, загнутым и закрепленным на внутренних сторонах крышек. Такой переплет, в зависимости от материала покрытия, может быть цельнокожаный (XIII—XVIII вв.), цельнотканевый (XIII—XVIII вв.) и цельнопергаменный (XV—XVIII вв.). Встречаются переплеты (XVI—XVIII вв.), имеющие двойное покрытие, например, когда грубая верхняя поволочка из ткани оберегает тисненое золотом нижнее покрытие из кожи.

Другой распространенный тип древнерусского переплета — переплет «в затылок» (или «в пятку», или «оболчен до полудосок»), когда материалом (кожей, тканью или пергаменом) обтянут корешок и лишь часть поверхности (прилегающая к корешку) деревянных крышек (до половины). Такой переплет изготавливали в XV—XVIII вв.

В XVI—XVIII вв. получил распространение восточный тип переплета — переплет «в сумку»: мягкая гибкая обложка из кожи или ткани с большим треугольной формы клапаном с завязкой у нижней крышки, который загибался на верхнюю крышку, защищая боковой обрез блока, и фиксировался в закрытом положении завязкой.

С XVIII в. встречается картонный переплет (переплет «в досках бумажных»), в котором вместо дерева в качестве основы крышек использовался картон.

Для датировки древнерусского переплета важны технологические и конструктивные особенности его изготовления. Поэтому перечислим некоторые инструменты, использовавшиеся при переплетении книги.

Для брошюровки тетрадей и изготовления крепления блока книги к крышкам переплета использовался специальный станок — «уставка». Он состоял из основания, с одной стороны которого по краям были прикреплены две вертикальные рейки, соединенные наверху поперечной планкой. Между планкой и основанием протягивались ремни или шнуры в количестве от двух до пяти в зависимости от размера книги (и ремни, и шнуры могут быть двойными для прочности). Уже заполненные текстом тетради клали по порядку нумерации на основание «уставки», имевшее специальные ограничители для фиксации выравненных краев блока. Тетради клали стороной сгиба к натянутым шнурам или ремням. Прошивая одну за другой каждую тетрадь, переплетчик обкручивал этой же нитью ремни или шнуры. В результате получался блок книги, на корешке его находились поперечные ремни или шнуры, к которым были пришиты тетради. Концы ремней или шнуров откреплялись от «уставки» и вставлялись в специальные отверстия, проделанные в торцах деревянных крышек переплета (рис. 1), выводились сначала на внутреннюю сторону крышки, а затем наружу (на верхнюю сторону крышки, затем покрывавшуюся поволочкой) и

закреплялись клиньями. Стежок на внутренней стороне крышки, во избежание того, что он будет выступать над поверхностью, обычно укладывали в сделанные в доске углубления, соединявшие сквозные отверстия в крышке, — и это легко можно увидеть на переплете, если внутренняя сторона крышки не заклеена форзацным листом.

Способ ременного крепления (рис. 2) несколько отличается от шнурового (рис. 3). До XIV в. в древнерусских рукописях преобладало ременное крепление; с XV в. чаще употребляли шнуровое крепление. Материал крепления зависел от размеров книги. В книгах больших размеров с толстыми крышками использовали ремни, а легкие крышки малых и средних размеров удобнее было изготавливать на шнуровом креплении.

Крышки переплета, чтобы доску не повело, могли иметь шпонки; изготавливались также крышки сложной конфигурации из клиньев и с разным направлением древесины. Основным датирующим признаком древнерусских переплетов является соотношение размеров крышек переплета и блока книги. До конца XVI в. крышки переплета по размеру идут вровень с блоком книги. С конца XVI в. крышки переплета изготовляются чуть больших размеров, чем блок книги, и выступают за блок книги с трех сторон обреза, при этом выступающие части крышек часто имеют скосы внутрь или наружу.

Элементы крепления переплета — ремни или шнуры — проходили поперек корешка. Чтобы они не выступали на корешке после того, как переплет будет поволочен материалом покрытия, ремни углубляли в блок книги. Для этого еще до сшивки тетрадей в местах проколов по всему блоку делали небольшие треугольные вырезы, которые и образовывали углубление для ремней. В таком случае корешок книги после покрытия получался гладким. Позднее детали крепления уже не прятали, а стали использовать для декоративного оформления корешка, на покрытии которого получались поперечные выпуклые линии, образованные выступающими шнурами. Эти выпуклые линии, которых может быть от трех до пяти по числу шнуров, называются обычно «бинтами» и появляются в древнерусских переплетах со второй половины XVI в. У более старых переплетов корешок ровный.

У многих древнерусских переплетов сохранился каптал — плетеная полоса, прикрепляемая к верхнему и нижнему краям корешка книжного блока для красоты и прочности. Каптал мог быть сплетен на корешке вокруг основы из веревки, кожи или пергамена, а мог быть пришит в виде готовой плетеной ленты, а также хлопчатобумажной или шелковой тесьмы.

Основным способом украшения переплетов было тиснение по коже покрытия. Тиснение появляется в конце XIV—начале XV в. Тиснение могло быть с применением золота и серебра (конец XVI—XVIII вв.), а могло быть блинтовое (или слепое). Тиснение на переплете производи-

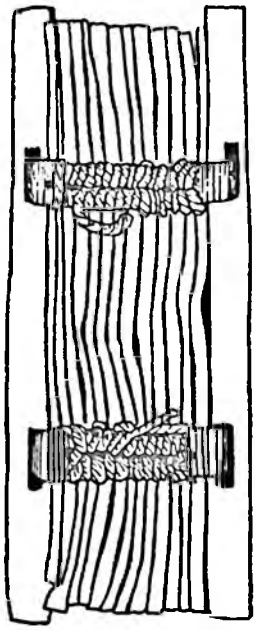


Рис. 1. Корешок без кожаного покрытия

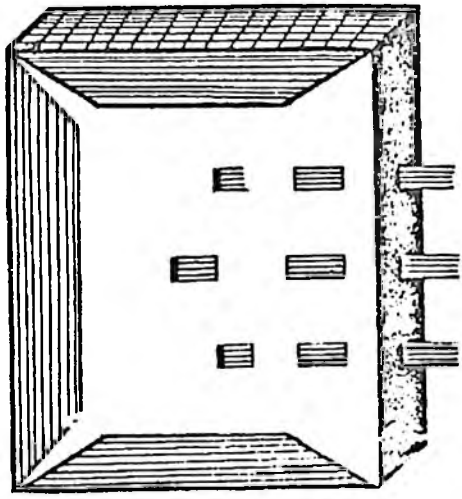


Рис. 2. Внутренняя сторона крышки переплета. Ременное крепление

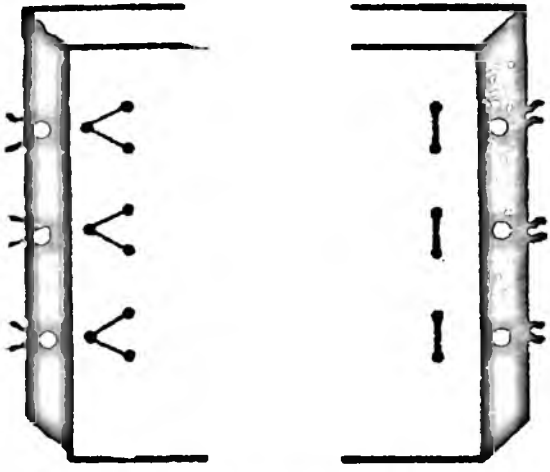


Рис. 3. Части крышек переплета у корешка (внутренняя сторона). Разные виды шнурового крепления

лось горячим способом. Нагретый и смазанный воском, медом или салом штамп вдавливали в увлажненную и загрунтованную кожу покрытия переплетных крышек, несколько углубляя штампованное изображение относительно поверхности поволочки.

Для тиснения использовались следующие инструменты:

1) басмы — мелкие металлические штампы разного рисунка. Их оттиски на переплетах, которые так и называются «басмы», встречаются с первой половины XV в. и разделяются на две большие группы — басмы бордюрные и басмы наполнения. Бордюрные басмы — это прямоугольные штампы, служащие для создания непрерывной орнаментальной линии путем последовательного многократного тиснения одним и тем же штампом впритык (рис. 4). Басмы наполнения — это разнообразные по форме (круг, ромб) и рисунку более мелкие штампы, служащие для заполнения свободных пространств (рис. 5);

2) дорожник — ролик для тиснения прямых линий;

3) накатка — ролик для тиснения непрерывных орнаментальных линий. Накатка представляет собой насаженное на ось колесико, по ободу которого выгравирован орнаментальный узор. Тиснение, сделанное накаткой, образует действительно непрерывную линию орнамента (рис. 6), в то время как в орнаментальной линии, выполненной бордюрными басмами, можно увидеть границы штампов: отдельные басмы могут выступать за границы сплошной линии или же «находить» друг на друга. Ролевое тиснение появляется позднее, чем тиснение басмами;

4) словесник — штамп с надписями, например, с надписью «Книга глаголемаа», встречаются с конца XVI в.;

5) наугольники и средники — крупные штампы-клише орнаментального или сюжетного рисунка, помещающиеся по углам и в середине верней (а иногда и нижней) крышки переплета. Средники бывают разные по форме: овальные, ромбовидные, фигурные (рис. 7). Употребляются эти штампы со второй половины XVI в.

Поверх материала покрытия на крышке переплета набивались защитно-декоративные металлические детали: средники, наугольники, жуки (металлические бляхи разных форм). Переплеты часто доходят до нас уже без этих деталей, от которых на крышках остаются лишь следы и дырки от гвоздей.

Конкретизируя сказанное, опишем основные внешние признаки древнерусских переплетов по периодам.

Переплеты XIII—XIV вв. имеют толстые доски крышек (15—20 мм), размер которых точно соответствует размеру блока книги. Крепление преимущественно ременное. Доски поволочены свиной кожей, выделанной под замшу (ирха). Кожа покрытия загибается на внутреннюю сторону крышек на 3—4 см с каждой стороны. Каптал плетеный и закрыт кожей покрытия, образует «губочку», высту-

Рис. 4. Басмы бордюрные

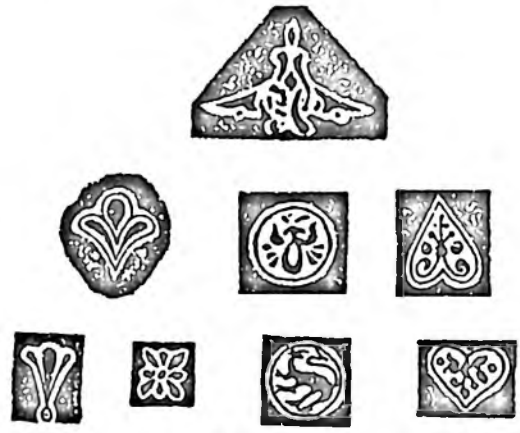


Рис. 5. Басмы наполнения

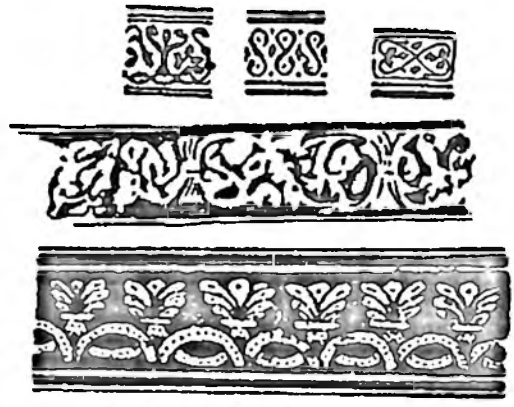


Рис. 6. Ролевое тиснение накаткой

Рис. 7. Средники: а) характерен для переплетов Троице-Сергиевой лавры
б) характерен для переплетной мастерской Московского Печатного двора

пающую внизу и вверху книги. Украшением крышек служат только металлические накладные элементы: гвозди с выпуклой шляпкой, в середине металлический или прорезной прямоугольник, углы могли быть обиты железом (рис. 8).

Переплеты конца XIV—середины XVI вв. имеют преимущественно ременное крепление и сохраняют соразмерность крышек блоку книги, но материалом покрытия стала служить телячья кожа, которая украшается сначала простым, а затем усложняющимся тиснением. В первой половине XV в. поверхность крышек часто покрывалась ромбическим тиснением дорожником, на пересечении линий — одна и та же круглая басма (рис. 9). С середины XV в. на верхней крышке переплета появляется рамка из бордюрных басм; внутреннее пространство, ограниченное рамкой, заполняется разными басмами наполнения, расположенными симметрично; оформление нижней крышки не меняется (рис. 10). С начала XVI в. на нижней крышке появляется рамка из бордюрных басм (рис. 11), а в середине XVI в. встречаются уже рамки ролевого тиснения. Переплеты первой половины XVI в. имеют на торцах крышек продольные желобки, назначение которых не установлено (рис. 12).

Переплеты второй половины XVI в. имеют преимущественно шнуровое крепление. Доски крышек могут выступать за блок книги, на внешней стороне обеих крышек по краям могут быть скосы к наружному краю (в XVII в. такие скосы часто делали к внутреннему краю). На корешке бинты. Эти новые конструктивные особенности характеризуют прежде всего переплеты книг Троице-Сергиевой лавры, которые легко узнать также и по схеме тиснения. Тиснение разное для верхней и нижней крышек. На верхней крышке — широкая рамка, образуемая ролевым тиснением в две-четыре линии. Пространство в центре разделяется на три поля, узкие сверху и снизу и большое в середине. Узкие поля заполняются басмами заполнения, а в большом поле помещается средник (рис. 7а). На нижней крышке большое поле покрывается вертикалями из спаренных линий ролевого тиснения, отделенных друг от друга линиями дорожника (рис. 13). Такая схема тиснения станет характерной для переплетов XVII в.

С конца XVI в. начала функционировать переплетная мастерская Московского Печатного двора, опиравшаяся на традиции троице-сергиевских переплетов. Отличительная особенность переплетов Московского Печатного двора — употребление словесников. На верхней крышке на верхнем узком поле центрального пространства крышки помещалось тисненое «Книга глаголемаа», а на нижнем узком поле — краткое название книги («Апостол Тетр», «Псалтырь следованая»). Во второй половине XVII в. название книг тиснили на корешке, а на верхней крышке дублировали словесник «Книга глаголемаа», превращая его в своеобразное украшение. «Фирменным» знаком переплетов Московского Печатного двора является средник с изображением в круглой

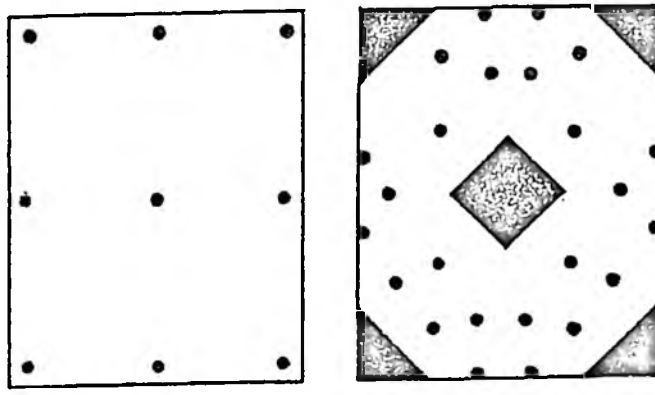


Рис. 8. Ранний древнерусский переплет с защитно-декоративными металлическими накладными деталями (схема)

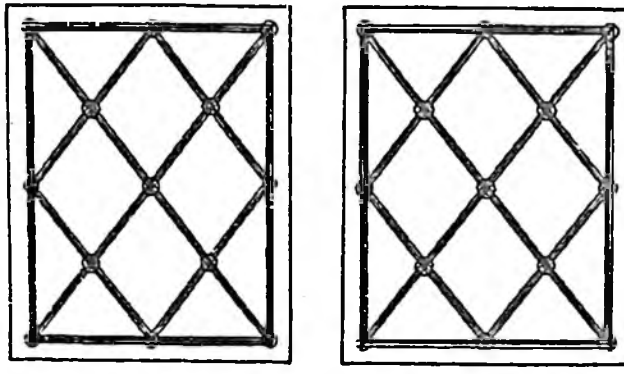


Рис. 9. Схема ромбического тиснения дорожником с басмами наполнения на пересечениях линий на крышках древнерусских переплетов конца XIV—начала XV вв. (схема)

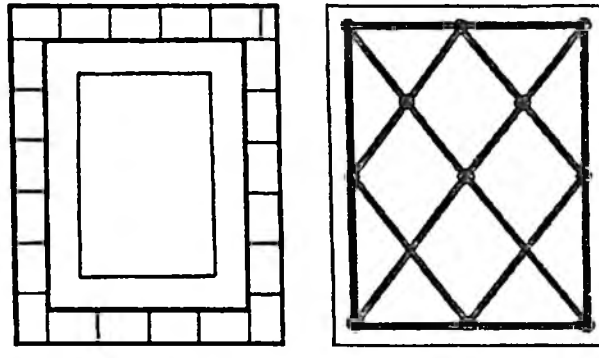


Рис. 10. Схема тиснения древнерусских переплетов XV в.: на верхней крышке рамка из бордюрных басм, на нижней — ромбическое тиснение дорожником (схема)

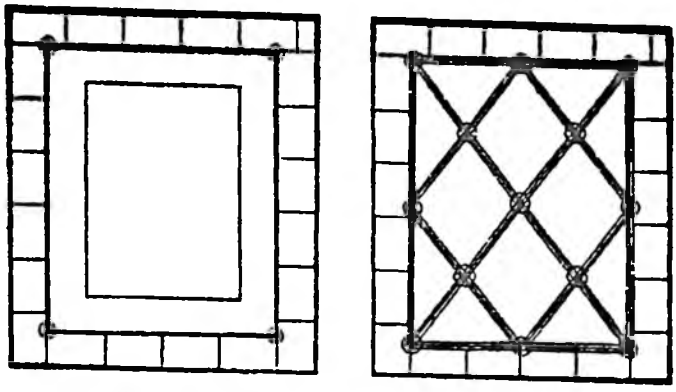


Рис. 11. Тиснение покрытия древнерусских переплетов конца XV—XVI вв. с рамками из бордюрных басм на обеих крышках и ролевым диагональным тиснением на нижней крышке (схема)

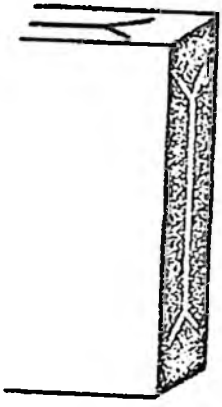


Рис. 12. Продольные желобки на торцах крышек древнерусских переплетов XVI в.

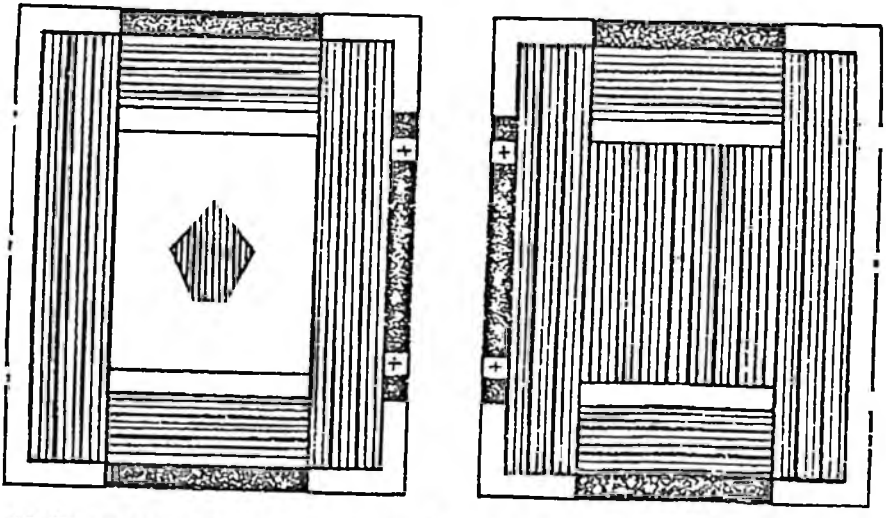


Рис. 13. Схема ролевого тиснения накаткой со средником на верхней крышке на древнерусских переплетах, начиная со второй половины XVI в. Черным цветом показаны скосы на кантах к наружному краю, крестиками отмечены места прикрепления застежек

рамке льва и единорога, стоящих на задних лапах в профиль (рис. 7б). Это изображение в круге могло быть вписано в прямоугольник, в котором в верхней части помещались две птички, а в нижней — растительный орнамент. На другом среднике Московского Печатного двора — «Единоборство над Константинополем орла и змея» — читается тисненая надпись: «В последние веки одолеет христианство бесурманство — ис книги... степени...» В XIX в на переплетах, сохранивших традицию Московского Печатного двора, можно встретить средник со львом и единорогом с надписью по кругу, окаймляющему сюжет: «Избави мя от уст львовых и от рог единорог — смирение мое».

Рисунок басм и накаток, сюжеты средников и сами схемы переплетного тиснения эволюционируют и поэтому могут быть важным датирующим и локализующим признаком переплета. В настоящее время активно изучается деятельность переплетных мастерских и особенно монастырских, выявляется состав переплетных наборов, инструментов с различными рисунками, имевшимися в той или иной мастерской в определенное время, появление новых сюжетов средников и традиции распространения этих сюжетов по другим регионам. Составленные в результате этих исследований справочники позволят более точно датировать переплеты древнерусских рукописей и определять место их изготовления. Однако в настоящее время имеется лишь один такой справочник — работа С. А Клепикова о переплетах Троице-Сергиевой лавры.

При датировке переплета рукописи следует помнить, что дата переплета далеко не всегда совпадает с датой самой рукописи, и расходиться эти даты могут не только в сторону большей древности рукописи по отношению к переплету, в котором она дошла до наших дней, но и, в определенном смысле, наоборот. При изготовлении переплета для новой книги могли быть использованы детали вышедших из употребления старых переплетов, например, деревянные крышки или же фрагменты тисненого покрытия (к примеру, от старого переплета большого размера центральная хорошо сохранившаяся часть покрытия использована для переплета рукописи малого размера). И такой «перекроенный» переплет может сохранить конструктивные особенности более старшего времени, чем сама рукопись. Поэтому в первую очередь желательно определить, в «родном» ли переплете сохранилась рукопись и был ли он изготовлен заново (из новых материалов) специально для данной рукописи. О том, что рукопись переплеталась неоднократно, свидетельствуют: 1) наличие на сгибе тетрадей лишних отверстий, оставшихся от старой сшивки блока; 2) вторичный обрез блока книги (слишком маленькие поля, несоразмерные с величиной букв в строке, иногда частично срезанная нумерация тетрадей или даже часть крайних строк); 3) относящиеся к более позднему по отношению к рукописи

времени форзацные (переплетные) листы, по датировке которых легче всего узнать и о времени изготовления данного переплета.

О поновлении переплета свидетельствуют следы от предшествующего крепления на внутренних сторонах крышек. Часто ременной тип крепления оказывается замененным шнуровым. Встречаются переплеты с поновленным корешком, заново прибитыми застежками (при этом видны дыры от гвоздей, прикреплявших утраченные застежки), но этот ремонт мог и не коснуться замены всего переплета с перешивкой блока.

§ 5. Художественное украшение древнерусских рукописей

Наиболее часто встречающимися элементами художественного украшения рукописей являются выполненные киноварью или красками инициалы и заставки. Заставка — это орнаментальное украшение в ширину страницы, помещавшееся перед началом текста; заставка могла служить рамкой для вписанного названия текста. Многие древнерусские рукописи имеют миниатюры — такие рукописи называются лицевыми. По изображению на миниатюрах и стилю их живописи можно сделать выводы о времени и месте их создания. Однако этот вопрос весьма специфичен и относится скорее к области искусствоведения. Мы рассмотрим лишь общие элементы стилей оформления древнерусских рукописей в связи с хронологическими рамками их существования на Руси.

Первые два века письменности (XI—XII вв.) на Руси господствовал старовизантийский стиль орнамента. Заставки старовизантийского стиля имеют геометрические архитектурные мотивы (рис. 14). Основным признаком инициала старовизантийского стиля является повторяемость одного мотива «колонки», из которого «строятся» элементы букв. Часто такой инициал — киноварный контурный (рис. 15). На славянской почве старовизантийский стиль осложнялся народно-фантастическими зооморфнымии мотивами: в буквы вписывались фантастические животные и т. п. (рис. 16). Таковы инициалы знаменитого Остромирова евангелия.

С XIII в. на Руси постепенно завоевывает место тератологический (от греч. τέρας — чудовище) стиль, достигший расцвета в XIV в. Этот стиль развился прежде всего в инициалах и содержит мотивы плетенки, растительные и животные, причем эти мотивы употребляются в одном инициале в неразрывной и сложной комбинации (рис. 17). В развитом виде тератологический инициал деформирует силуэт животного, «намертво» связывая его плетенкой (рис. 18). Тератологическая заставка складывается из симметричного зеркального соединения двух таких орнаментальных, генетически восходящих к инициалу, комплексов, заключенных в общую прямоугольную раму с плетеными узлами по кон-

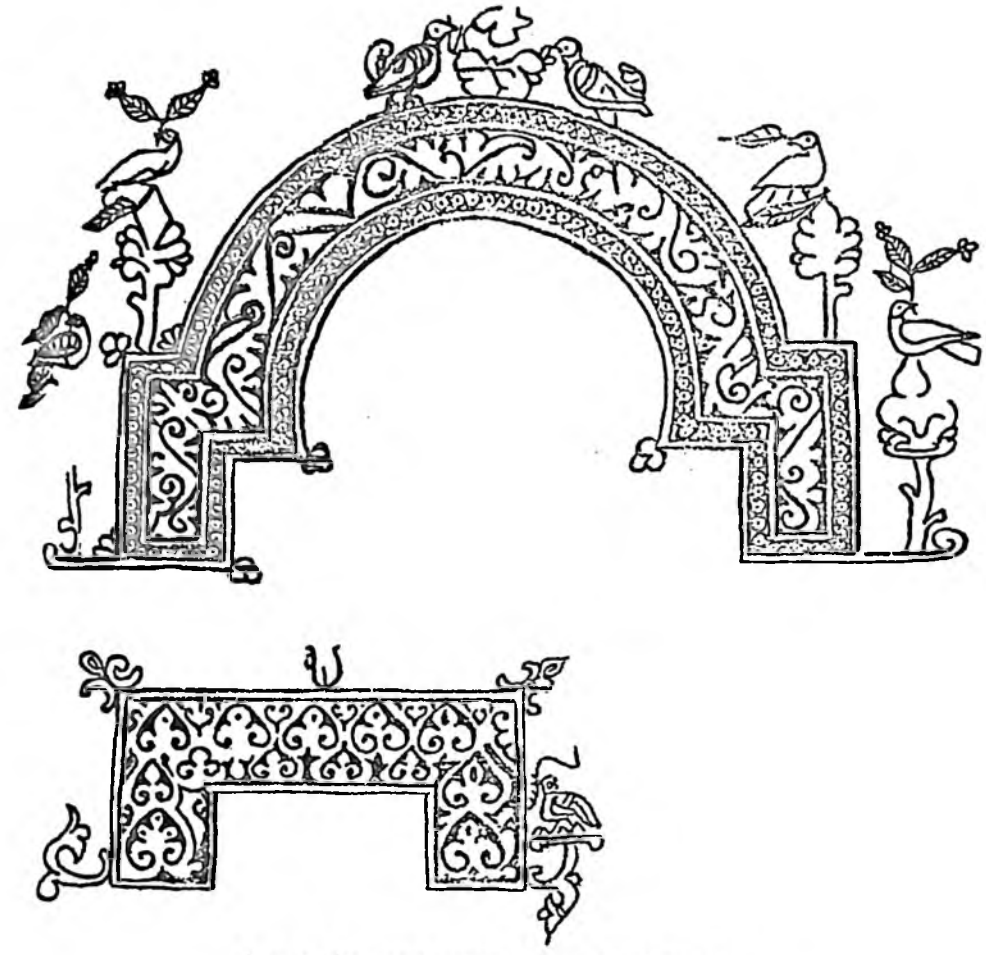


Рис. 14. Заставки старовизантийского стиля

Рис. 15. Инициалы старовизантийского стиля

Рис. 16. Инициалы старовизантийского стиля с зооморфными и антропоморфными элементами

Рис. 17. Инициалы переходного типа от старовизантийского стиля к тератологическому

Рис. 18. Инициалы тератологического стиля

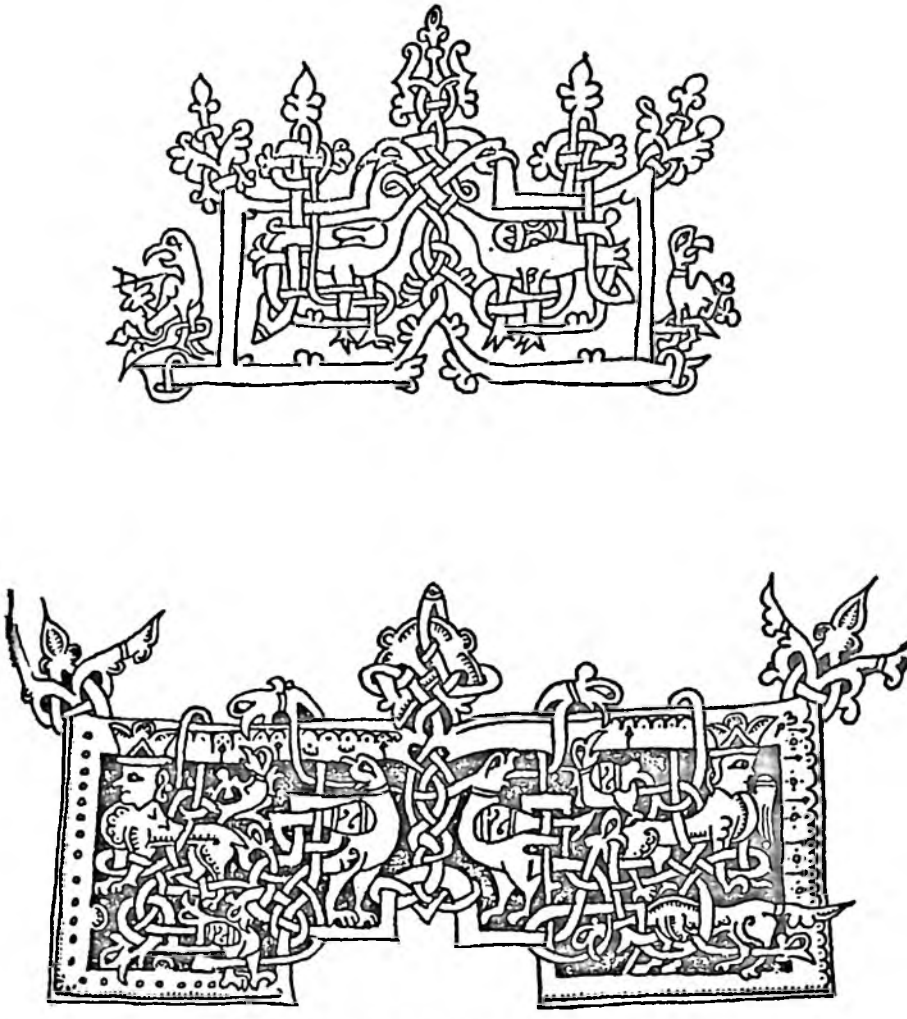


Рис. 19. Заставки тератологического стиля

цам и в середине верхней части (рис. 19). По употреблению тех или иных красок в заставках и инициалах можно сделать вывод о времени художественного оформления рукописи. В частности, тератологическая заставка или инициал на голубом фоне — датирующий признак XIV в. для древнерусских рукописей.

С XV в. южнославянское влияние вытесняет тератологию, взамен которой приходят орнаменты двух стилей: нововизантийского и балканского.

Нововизантийский орнамент состоит из стилизованных растений на золотом фоне в рамке геометрического характера. В XVI в. нововизантийский стиль господствует в роскошных рукописях Московского государства, то есть рукописях, предназначавшихся для высших слоев общества.

В простых рукописях XV—XVI вв. чаще можно встретить украшения балканского стиля. Мотивы балканского орнамента: жгуты, плетение в прямую клетку, плетеные ленты, плетение из кругов, «бесконечная восьмерка». Узор может быть контурным, выведенным киноварью, а может быть выполнен в красках, причем очень пестрых, с преобладанием ярких чистых цветов красного, желтого и зеленого (рис. 20, 21).

В XVI в. в нововизантийский орнамент вкрапляются элементы старопечатного стиля. Главный мотив старопечатного стиля — крупные травы, иногда со стилизованными плодами или цветами, исполненными черной краской по белому полю в подражание гравюре западноевропейской старопечатной книги. В первых русских старопечатных книгах в заставках и инициалах были использованы образцы, выработанные в западноевропейском книгопечатании и уже получившие применение в украшении русских рукописей (рис. 22, 23). С распространением книгопечатания в России в XVII в. старопечатный стиль начинает господствовать в древнерусских рукописях. Черно-белые, исполненные в гравюрной манере, заставки и инициалы старопечатного стиля могли быть подкрашены золотыми или киноварными линиями или даже расцвечены разными красками. Часто разноцветная раскраска встречается в рукописях XVIII в. В конце XVII—начале XVIII в. в Москве печатались на отдельных листах и продавались заставки-рамки мелкотравного рисунка старопечатного стиля специально для того, чтобы вклеивать их в рукописи в качестве титульных листов.

В XVIII в. в старообрядческой Выговской пустыни на основе гравированного орнамента с элементами барокко печатной книги последней четверти XVII в. возникает роскошный орнамент поморского стиля, отличающий старообрядческие рукописи XVIII—XIX вв. Для поморского орнамента характерны архитектурно-геометрические и пышные растительные формы, выписанные яркими контрастными красками. Традиционные мотивы поморского орнамента — это пышные букеты розанов и тюльпанов, помещенные в вазы или перевязанные лентами; на стилизованных ветвях и бутонах этого орнамента часто сидят диковинные птицы. Инициалы украшены вьющимися стеблями, травами и сложного силуэта фантастическими цветами. Начальные листы рукописи выговской книгописной традиции часто имеют на первом листе заставки-рамки, обрамляющие заглавие и начальные строки текста.

Таковы основные художественные стили орнаментов древнерусских рукописей XI—XIX вв. До наших дней дошли сотни рукописных книг, имеющих художественные заставки и инициалы. Однако в основной своей массе сохранившиеся древнерусские рукописи имеют более скромное оформление: выписанные вязью (особый способ письма, о котором см. гл. IV, § 5) киноварью заголовки и киноварные инициалы,

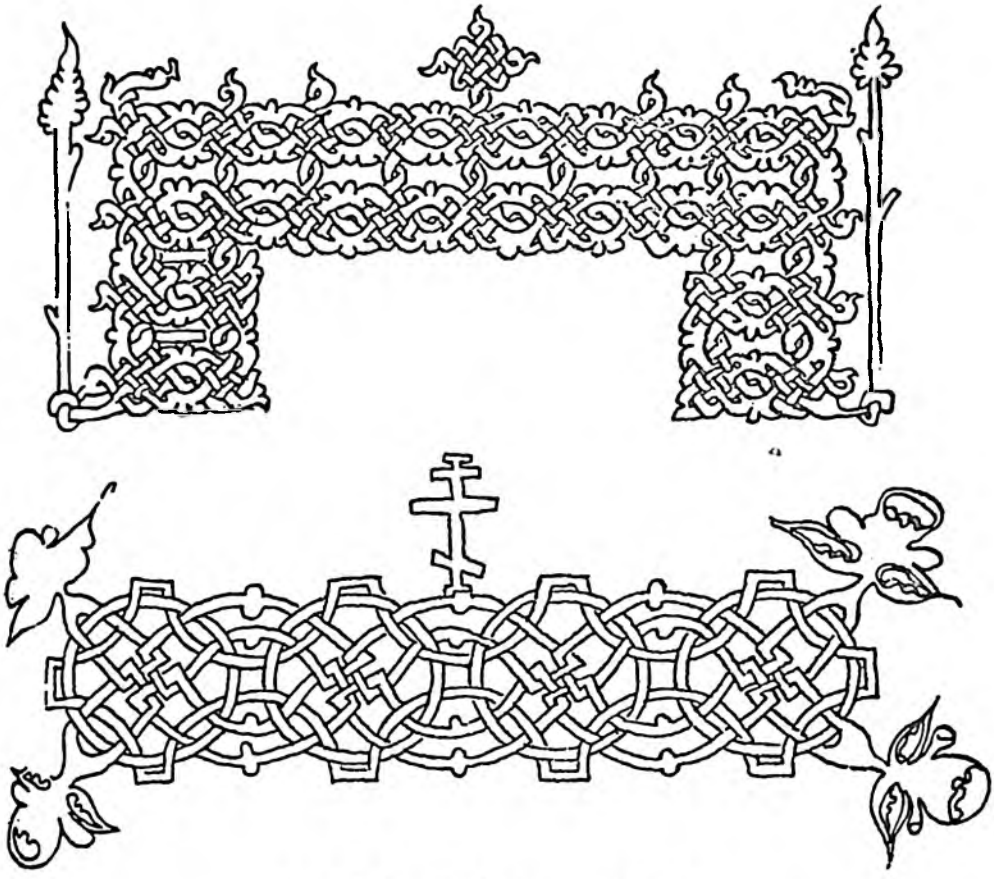


Рис. 20. Заставки балканского стиля

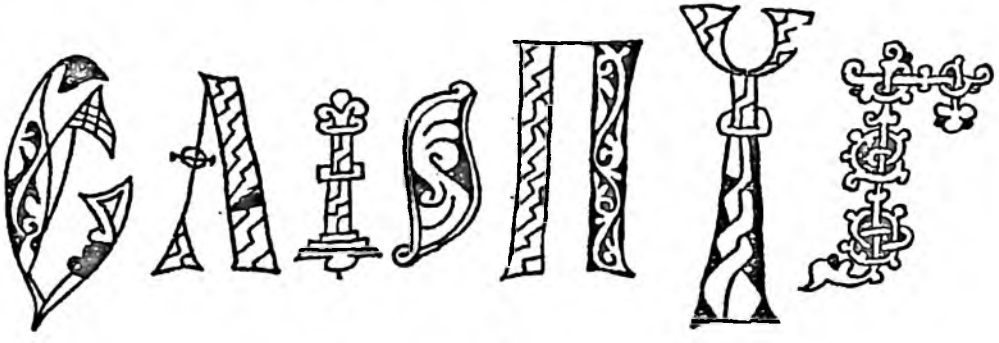


Рис. 21. Инициалы балканского стиля

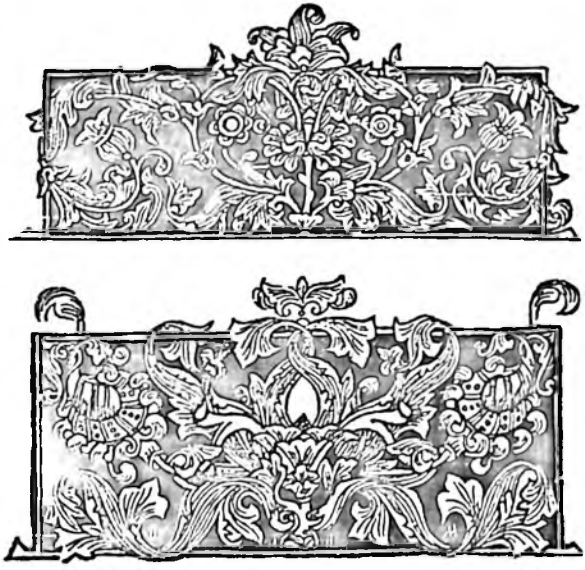


Рис. 22. Заставки старопечатного стиля

Рис. 23. Инициалы старопечатного стиля

по высоте занимающие несколько строк текста, составленные из тонких киноварных линий, которые бывают орнаментированы растительными мотивами. Такой тонкий киноварный орнаментированный инициал является типичным для древнерусских рукописей XV—XVII вв.

Глава IV

Типы письма древнерусских рукописей XI—XIX вв. Устав и датировка пергаменных рукописей. Полуустав. Скоропись. Датирующие признаки. Вязь — датирующие и локализующие признаки. Криптография. Системы тайнописи, употреблявшиеся в древнерусских рукописях. Палеографические признаки нотированных рукописей.

§ 1. Типы письма древнерусских рукописей XI—XIX вв.

В палеографии древнерусских рукописей выделяются три типа письма: устав, полуустав и скоропись. Точного понятия о содержании

этих терминов нет, поскольку разделение устава и полуустава, полуустава и скорописи во многих случаях условно из-за того, что хотя различия между этими тремя типами письма весьма многочисленны и очевидны, но в каждом конкретном случае представлены не всегда и не во всем комплексе. Эти типы письма на практике непрерывно эволюционировали, то есть полуустав есть последовательное, вызванное практическими потребностями ускорения письма, развитие устава, а скоропись — полуустава.

Тип письма устав господствует в древнерусских рукописях в эпоху использования пергамена, в XI—XIV вв. Устав произошел от греческого унциала литургических книг. Это торжественное медленное письмо, имеющее целью красоту, ровность, правильность, четкость текста. При письме строго выдерживаются верхняя и нижняя границы строки; выступают за эти границы только те элементы букв, которые и должны выступать в соответствии с традицией их начерка. Письмо сбалансировано: каждая буква занимает в строке площадь, приближающуюся к квадрату; перерывов в строке между словами нет; вертикальные элементы букв пишутся строго перпендикулярно к границам строки (в редких случаях наблюдается легкий наклон вправо). Буквы отличаются геометричностью написания: симметричные элементы букв уравновешены, соответствуют друг другу. Каждый элемент буквы пишется отдельным движением, с отрывом пера от бумаги. Поэтому писали уставом медленно — за день писец успевал написать не более двух листов текста. Сокращения слов допускались в уставе в строго определенных случаях:

1) при помощи специального надстрочного знака «титло» ◌̄ сокращенно писались слова сакрального значения: Бг̄ъ (Бог), Дх̄ъ (Дух), Сн̄ъ (Сын), Мт̄и (Мати), Ст̄ъ (Свят) и др. Традиция таким образом зашифровывать сакральные наименования уходит в далекое прошлое, к древним еврейским рукописям, и сохраняется в России вплоть до наших дней (при издании литургических текстов);

2) посредством выноса над строкой буквы со знаком «покрытие» в виде полукруглой скобки ◌͡◌ сокращались часто встречающиеся, обиходные слова бытового и служебного характера: рц͡е (рече), нд͡е (неделя), вч͡е (вечер), ко͡ (конец). Таким способом могли сокращаться и религиозные понятия: Хр͡ъ (Христос), апл͡ъ (апостол). В уставе без покрытия могут писаться надстрочные «т» (всегда в предлоге ѿ) и «д» (в XIV в.).

Надстрочные знаки в древнерусском уставе немногочисленны. Помимо титла и покрытия, это паерки ◌҃, обозначавшие место опущенного в строке редуцированного гласного ъ или ь: к҃нига (вместо кънига). Из знаков интерпункции употребляется только точка, которая проставляется посередине строки, или две точки (наподобие современного знака «двоеточие»). Поскольку текст в средние века читали только вслух и притом нараспев (именно поэтому не нужны были разделения на слова

в строке), в уставе литургических книг употребляли различные знаки экфонетической нотации, обозначавшие места понижения и повышения тона при декламировании литургического текста: это крестики, проставленные посередине строки, или комбинации из значков, похожих на запятые. Если в древнерусской рукописи, написанной уставом, мы наблюдаем обилие надстрочных знаков над каждой строкой, мы имеем дело с нотированной рукописью (о палеографических признаках нотированной рукописи см. наст. гл., § 7).

Эволюция устава за четыре века древнерусской письменности заключалась в постепенном «расшатывании» системы строгих правил уставного письма. В результате в последней четверти XIV в. возникает русский полуустав, являющийся естественным развитием русского устава. Это было прямое без наклона письмо, сохранявшее начерки устава, но упрощавшее их, что придавало письму некрасивый вид. Однако дальнейшего развития русский полуустав не получил, поскольку в начале XV в. был вытеснен полууставными почерками балканского характера.

В начале XV в., как уже отмечалось, русская культура испытывает значительное южнославянское влияние, связанное с утратой Сербией и Болгарией независимости, установлением турецкого ига и, как следствие, наплывом в Россию южнославянских выходцев. Это влияние отразилось, помимо других областей русской духовной жизни, и на графике и орфографии русского письма.

Сохранившиеся южнославянские рукописи уже с XII в. представляют другой тип письма — полуустав, который, в отличие от русского полуустава, имел наклон. Параллельно с полууставом как канцелярское письмо в южнославянских странах развивалась и скоропись — тип письма, появившийся в результате практических потребностей ускорения процесса писания, а следовательно, основанный на связности начерков: одним движением без отрыва пера могли быть написаны все элементы буквы и даже целое слово. Принесенные южными славянами на Русь рукописи, помимо новых типов письма, содержали еще и орфографию, нормированную согласно уже упоминавшейся реформе тырновского патриарха Евфимия конца XIV в. (см. гл. II, § 3). Все это повлияло на графику и орфографию русских рукописей.

Итак, с начала XV в. в древнерусской письменности параллельно существуют два типа письма: полуустав и скоропись. Эти два типа письма имели функциональные различия: полуустав находил преимущественное употребление при написании книг, скоропись — документов (дипломатических — грамоты, договоры; административных — писцовые и переписные книги, делопроизводство в приказах; судебных — следственные дела, челобитные; хозяйственных — описи имущества, книги приходные и расходные). Начиная с XVII в. скорописью все чаще пишут и литературные памятники. Напомним, что

основным материалом письма именно с XV в. на Руси становится бумага.

Тип письма полуустав в русских рукописях, начиная с XV в., отличается следующими особенностями: письмо приобретает наклон, становятся более заметными нажим и само движение пера. Процесс письма становится более быстрым по сравнению с уставом. Принципиальное отличие полуустава как типа письма — это появление новых начерков букв и вследствие этого вариативность написания букв, причем разные варианты написания буквы могут быть использованы в одной строке текста. Многие буквы именно в полуставе приобрели те начерки, которыми мы пользуемся сейчас: буква «зело» в виде З, буква «в» «калачиком», то есть с круглыми раздельными петлями, ассимметричная односторонняя «ч», буква «т» с крайними элементами, доходящими до нижней границы строки (ср. современное прописное *т*). Важной графической приметой южнославянского влияния является употребление при письме различных вычуров, лигатур (соединение букв, основанное на совпадении соседних линий) и вензелей (соединение букв, основанное на пересечении линий). Так, слово «око» писалось с начальной буквой «о», имеющей точку внутри, а слово «очи» начиналось с двух «о», каждое с точкой.

Характерный признак полуустава — гораздо большее число сокращенных слов посредством вынесения букв над строкой. Помимо точки, в полуставе как знак интерпункции употребляется запятая. Важнейшим формальным признаком полуустава является также обилие надстрочных знаков, не имеющих определенного значения в древнерусском языке, но копировавшихся писцами, переписывавшими тексты из южнославянских рукописей. В южнославянских языках надстрочные знаки обозначают разные типы ударения, произношения и долготу гласных. Это следующие знаки: ´ — оксия, ` — вария, ˝ — двойная оксия, ̏ — двойная вария, ̂ — периспомена, ̆ — врахия, ̓ — псила, ̔ — дасия. В южнославянских языках употребление того или иного знака могло менять значение слова. Попав в русские рукописи, эти знаки вскоре начинают путаться писцами, а с XVI в. намечается тенденция постановки знаков на месте русского ударения с ориентацией на греческое правило употребления того или иного знака.

В древнерусских полууставных рукописях XV в. наблюдаются следующие черты влияния южнославянской орфографии:

1) снова входит в употребление давно забытый юс большой (ѧ);

2) буквы фита ѳ, кси ѯ, употреблявшиеся давно уже только для выражения числовых значений, стали писаться в заимствованных словах;

3) вместо уже установившегося правила написания оу в начале слова и у в середине слова везде стали писать оу или его замену — лигатуру ꙋ;

4) вместо ꙗ после гласной стали употреблять а, отчего, например, возникло часто встречающееся написание «всеа. Рꙋсїи»;

5) утверждается правило, по которому перед гласными всегда пишется ї, но не и, как это было раньше, когда буква ї существовала как необязательная замена и для сокращения и всегда стояла после и в случаях удвоения гласной: ии;

6) для выражения числа 900 стали использовать букву ц (как в глаголице), а не ѧ, как было раньше.

Таковы наиболее заметные черты южнославянского влияния на древнерусскую письменность. Следует учесть, что южнославянское влияние по времени совпало с разделением Русской земли на два государственных союза — Литовский и Московский, которые восприняли и перерабатывали это влияние каждый по-своему. Раньше и сильнее оно проявилось в западной и юго-западной Руси, а не в Московском государстве, письменность которого уже в начале XVI в. стала постепенно очищаться от тех южнославянских особенностей, которые были чужды древнерусскому языку. Полуустав был «общим» типом письма для Русской земли и претерпел значительную эволюцию, развиваясь вплоть до XIX в. Во второй половине XVI в. на основании именно этого типа письма были разработаны матрицы для печатания книг. При этом учли разные варианты написания букв, а также как соблюдение традиции и надстрочные знаки. В XVIII в. под влиянием печатного шрифта в Выговской старообрядческой пустыни формируется так называемый «поморский» полуустав. В подражание печатному тексту выговцы выработали удивительную ровность и четкость письма и использовали сажевые чернила черного цвета.

В отличие от полуустава, пути формирования скорописи как типа письма в письменности Московского государства, с одной стороны, и в письменности западно-русской и южно-русской, с другой стороны, существенно разошлись начиная с XV в. К началу XVI в. обе эти ветви скорописи создают независимо друг от друга новые начерки букв. Основное назначение скорописи как типа письма — это значительное ускорение процесса писания. И две разные традиции достигают этой цели различными средствами (см. табл. 4 на с. 60).

В московской скорописи ускорение достигается за счет свободы взмаха пера, и эти взмахи направлены вверх, что способствовало применению все большего числа выносных букв и возникновению связных написаний строчной и надстрочной букв. То есть древнейшая московская скоропись была свободным и размашистым способом письма и только в процессе эволюции достигла ускорения письма за счет безотрывного написания соседних букв и более многочисленных сокращений. Таким образом, московская скоропись является естественным развитием забытого русского полуустава, который, в свою очередь, развился из устава благодаря тенденции к свободе написания. На мос-

ковской скорописи южнославянское влияние сказалось очень незначительно.

Западно-русская и южно-русская скоропись, напротив, развивалась на основе южнославянской скорописи, которая, в свою очередь, возникла под влиянием скорописи византийской. Эта традиция ускоренного письма основана на принципе мелких круглящих движений, которые способствуют развитию связности строчных букв и безотрывности письма. Западно-русская скоропись представлена документами литовской великокняжеской канцелярии XV—XVI вв. (иначе скоропись виленская или скоропись белорусская). Ее можно отличить по длинным загибающимся элементам букв, уходящим далеко за нижнюю границу строки. В XVII в. получает развитие юго-западная русская скоропись (или киевская), достигшая значительной безотрывности написания, имеющая особые знаки для букв «б», «в», «ж» и употребляющая в иностранных словах «э» оборотное. Со второй половины XVII в. киевская скоропись оказывает значительное влияние на московскую письменность в связи с переносом в Москву киевской схоластической школы. В XVII в. скоропись становится главным видом письма в Московском государстве и появляется ее каллиграфический вариант, в котором все начерки, скорописные по происхождению, выведены медленно, выправлены, большинство вертикальных линий получило извив, а концы размахов обращены в петли и завитки. Если тот печатный гражданский шрифт, которым мы сейчас пользуемся, является результатом эволюции полуустава, ставшего основой первого печатного шрифта в России, то наши прописные буквы генетически восходят к московской скорописи XVIII в., обогащенной достижениями киевской скорописи: при уменьшении количества выносных букв скорость письма достигалась в большей степени за счет связности написаний.

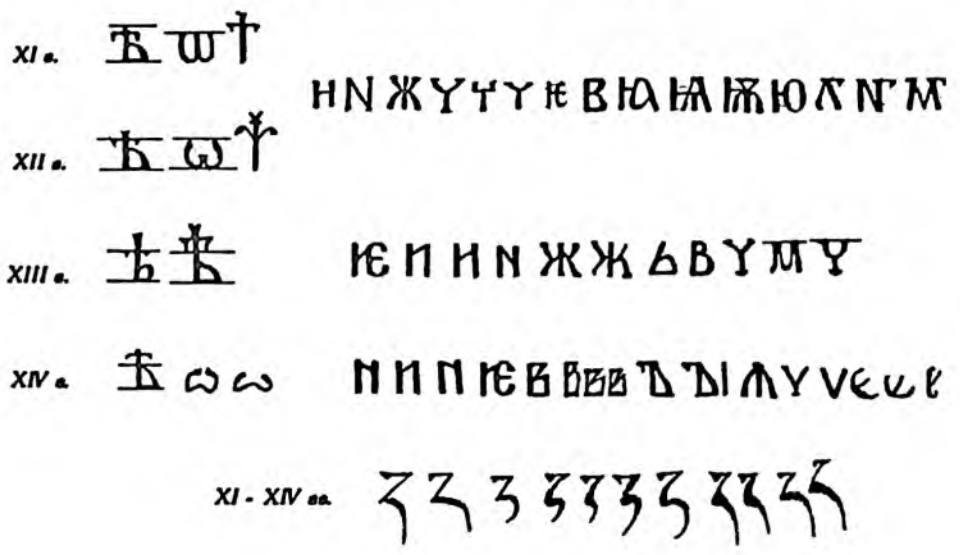
§ 2. Устав и датировка пергаменных рукописей

Основным способом датировки рукописей, написанных на пергамене, то есть подавляющего большинства древнерусских рукописей XI—XIV вв., является датировка по почерку, основанная на исследовании эволюции устава. В результате изучения постепенных изменений начерков букв выявлены следующие палеографически значимые признаки (см. табл. 2).

Устав XI в. отличается от устава XII в. по начеркам трех букв: ѣ, ѡ, ѱ.

Буква ѣ в XI в. пишется так, что все ее элементы умещаются в пределах границ строки; в XII в. верхняя часть мачты буквы стала выступать

Устав русских рукописей XI—XIV вв.



за верхнюю границу строки, а горизонтальный поперечный элемент (коромысло) писался как раз на линии верхней границы строки.

Буква ѡ в XI в. имела средний элемент, доведенный до верхней границы строки, то есть высокую середину; в XII в. этот элемент буквы не дописывали до верхней границы строки (сокращенная середина).

Буква ѱ в XI в. писалась в виде креста; в XII в. — в виде лилии.

Общим признаком для устава XI и XII вв. являются симметричность и геометричность написания всех букв. Буквы и [i], н [n] имеют перекладину посередине строки; у йотированных букв ѥ, ѩ, ю соединительная линия также находится примерно в середине строки; буква «ж» имеет перекрестие элементов тоже примерно в середине строки. Общий признак для XI—XII вв. — встречающееся обозначение мягкости согласных «л», «м», «н» квадратной скобкой, «лежащей» на верхней границе строки справа от буквы. В XI и XII вв. преобладает ѵ с полукруглой чашечкой.

В XIII в. симметричность и геометричность написания букв нарушается: перекладины у и [i], н [n] несколько смещаются к верхней границе строки и делаются косыми, поднимается кверху соединительная линия при йоте у буквы ѥ; буква «ж» начинает писаться в пять приемов, и перекрестие элементов смещается.

Нарушение геометричности сказывается и в написании петлеобразных элементов у букв в, ь, ѣ: петли начинают деформироваться, утрачивают правильные округлые или треугольные формы.

В XIII в. преобладает «ч» с треугольной чашечкой; буквы «м», «и», «ч» могут покрываться чертой. В XIII в. у буквы ѣ за верхнюю границу

строки может выходить не только часть мачты, но и поперечный элемент (коромысло).

В уставе XIV в. еще более развились тенденции, наметившиеся в XIII в. Перекладины у и [i], н [n] и соединения у всех йотированных букв (не только у ю) достигают верхней границы строки; перекрестие у буквы ж лежит почти на верхней границе строки, вследствие чего верхняя часть буквы может почти отсутствовать. Петлеобразные элементы у букв в, ъ, ь, ѣ еще более «разбухают».

Характерная примета устава XIV в. — так называемое «якорное» є, то есть наклоненное, «лежащее», иногда со средним элементом в виде ломаной линии, которая может доходить до верхней границы строки. Часто такое якорное є можно встретить в конце строки. Буква «ч» в XIV в. пишется с чашей углом, причем более глубоким, чем в XIII в.

§ 3. Полуустав. Датирующие признаки

Полуустав южнославянского происхождения отличается от устава, как уже отмечалось, появлением новых начерков букв и значительной вариативностью написаний одной и той же буквы. Это затрудняет выявление датирующих признаков полуустава, которые уже не оформляются в такую стройную систему, как в уставе, и имеют гораздо более «размытые» временные рамки. Важно подчеркнуть, что датирующие признаки устава нельзя использовать для датировки древнерусских рукописей, написанных полууставом. Поэтому чрезвычайно важно правильно определить тип письма.

Отличить полуустав от устава можно по разнообразию начерков букв, причем некоторые начерки никогда не встречаются в русском уставе, а другие могут напомнить особенности написания древнейшего устава (например, буква ѡ с высокой серединой или же переместившиеся опять к середине строки перекладины) (см. табл. 3).

Полуустав XV—первой половины XVI в. отличается присутствием южнославянских графических (лигатуры, вычуры) и орфографических (использование большого юса и др.) особенностей.

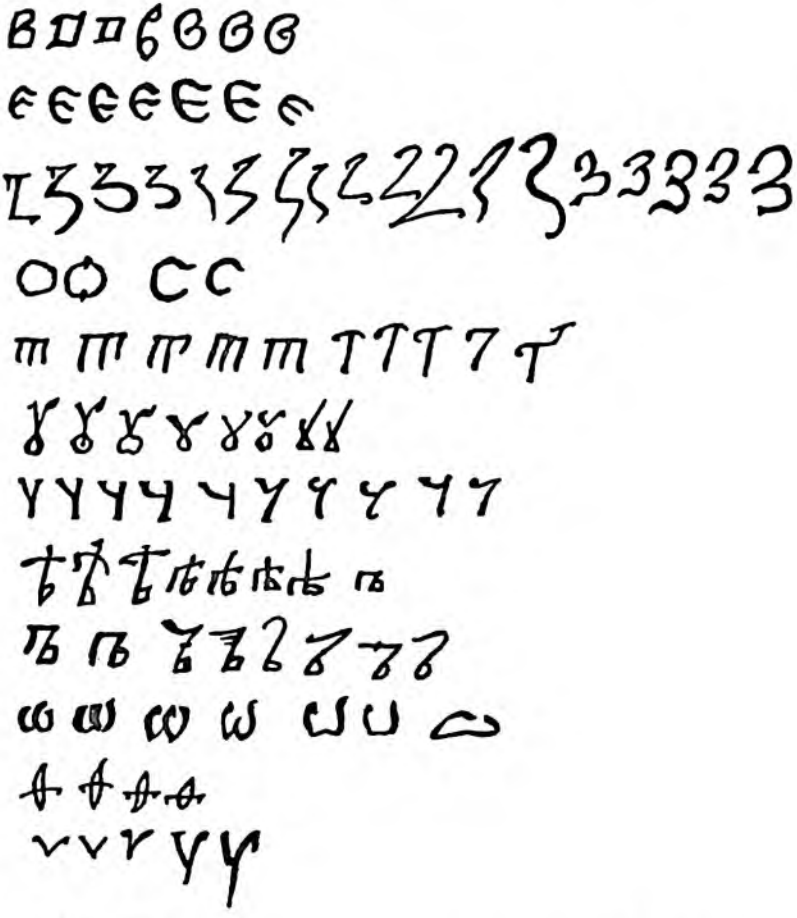
Полуустав конца XVI—XVII вв., испытавший обратное влияние старопечатного шрифта, можно узнать по наличию спорадических делений строк на слова.

В полууставе XVII в. господствуют начерк буквы «т» с продолжающимися до нижней границы строки крайними элементами и начерк буквы «з» в виде тройки, не встречавшийся в уставе (см. табл. 2).

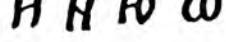
Для различения веков полуустава важны также наблюдения над выносными буквами.

В древнерусских рукописях (не только в полууставе, но и в скорописи) можно встретить следующие случаи вынесения букв над строкой:

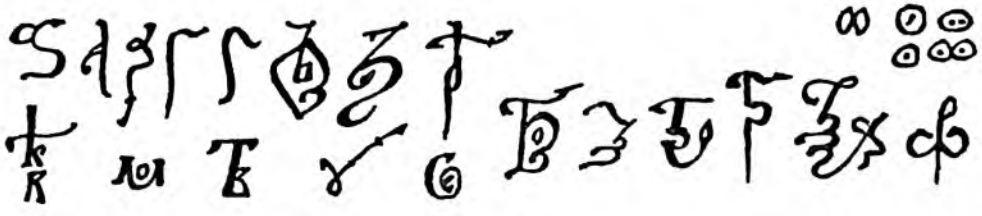
Вариативность начерков букв в полууставе



Начерки полуустава,



Вычуры и лигатуры в полуставе XV в.:



1) выносилась конечная согласная буква (не считая букв «ъ» и «ь», которые после выносной, как правило, опускались). Наиболее часто выносились конечные «м», «т», «ж»;

2) выносилась согласная перед согласной в середине и реже — в начале слова (после предлогов и союзов, которые, возможно, осмыслялись как части следующего за ними слова): ѻ҃бразъ, рн҃стеи҃;

3) буква «д» выносилась и перед гласной и могла выноситься также вместе с этой последующей гласной рожшагоста, ѵі҃ѳ, горѳ҃ще, ѵі҃ѳтворецъ;

4) иногда выносились слоги «ли», «ми», находящиеся в разных позициях в слове, а также частица «ли»: голова҃, съвѣща҃ста;

5) выносилась гласная «и» после гласной в конце и середине слова. При этом выносное «и» часто обозначалось двумя параллельными наклонными черточками (напоминающими надстрочный знак кендему);

6) выносился аффикс «ти» в неопределенной форме глагола, причем конечное «и» могло писаться также в виде двух черточек, а могло опускаться: да҃, пои҃;

7) выносилась буква «г» в окончаниях прилагательных и на конце наречий, следующая за ней гласная «о» опускалась: чюдотворна҃, мно҃;

8) выносилась буква «ч», следующая за ней гласная «е» опускалась: рѣ҃, па҃, нарѣ҃;

9) выносилась над строкой частица «же» (также и в составе служебных слов), конечная гласная опускалась; по аналогии могло выноситься и просто буквосочетание «же», причем гласная опускалась: донд҃е, тако҃, мно҃ство;

10) выносилась любая согласная перед йотом (и в том случае, когда он на письме не обозначен): ю҃е, вра҃е;

11) выносилась «с» в составе возвратной частицы. Часто выносное «с» писалось в виде точки под покрытием.

Теоретически выносные буквы должны писаться под покрытием. Однако чем младше рукопись, тем большее количество выносных букв может быть написано в ее тексте без покрытия.

В начале XV в. без покрытия писали надстрочное «д» и надстрочное «т» над омегой в предлоге ѿ. К концу XV в. без покрытия могли уже писать и надстрочные буквы «ж», «з», «м», «х». В XVI в. возможно написание без покрытия надстрочных «б», «г», «р» («лежащее», то есть вертикальный элемент буквы превращался в горизонтальный), «н», «к», а также добавляется надстрочное «и» в виде двух наклонных черточек. В XVII в. добавляется надстрочная группа «го», в которой «г» «вырастает» из среднего элемента омеги.

Эти надстрочные выносы можно назвать «титловидными», поскольку начерки выносных букв, как правило, отличались от начерков соответствующих строчных букв и часто отдельные элементы написания выносных напоминали титло (покрытие), вытесняя его употребление.

Важно заметить, что при анализе титловидных выносных в каждой конкретной рукописи надо ориентироваться на написания, представленные в середине строки, в то время как вычуры и лигатуры (являющиеся признаком раннего полуустава) следует искать на концах строк. Надо учесть также и то, что ввиду одновременного сосуществования двух типов письма полуустав допускает использование элементов скорописи. Количество этих элементов в конкретном почерке может быть настолько велико, что приходится говорить о «полуставе, переходящем в скоропись», «беглом полуставе». Поэтому при датировке полуустава могут пригодиться и те датирующие признаки, которые характерны для скорописи.

§ 4. Скоропись. Датирующие признаки

В развитии московской скорописи XV—XVI вв. (см. табл. 4) наблюдаются те же, что и в полуставе, явления постепенного увеличения числа надстрочных букв, которые могли писаться без покрытия. И эти датирующие признаки полуустава в целом применимы также и к скорописи, при учете определенных особенностей. Например, в скорописи уже в первой половине XV в. надстрочная «з» не имеет покрытия в формуле «Се яз», начинающей документы; а в XVI в., помимо указанных для полуустава, в скорописи без покрытия может писаться еще и буква «л». В скорописи XVII в. любая выносная буква может быть написана без покрытия. Однако более значима для датировки скорописи эволюция связности написания сначала отдельных букв, а затем и буквосочетаний.

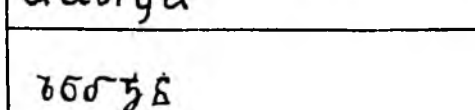
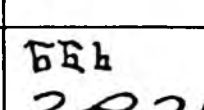
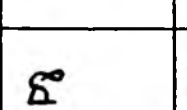
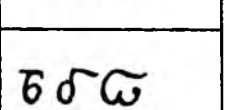
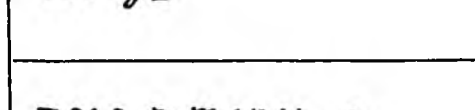
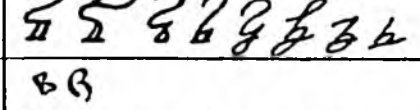
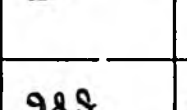
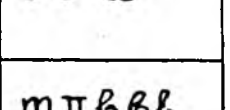
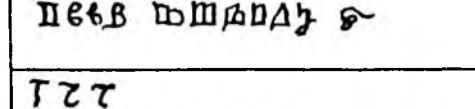
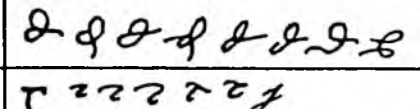
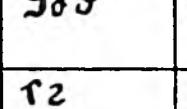
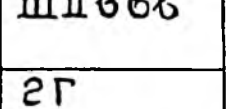
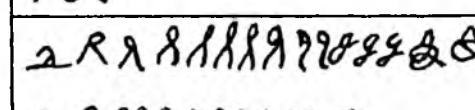
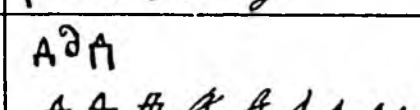
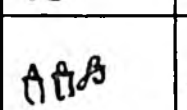
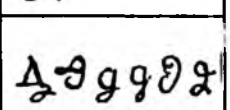
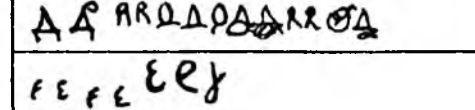
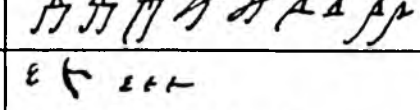
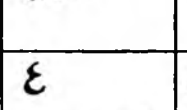
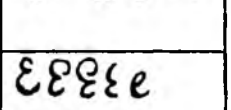
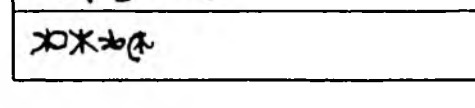
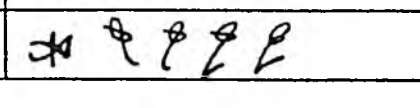
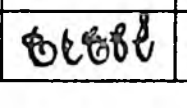
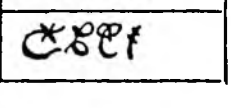
Написание одной буквы в один прием, без отрыва пера, раньше всего развивается в начерках выносных букв. Уже во второй половине XV в. надстрочное «т» пишется без «ножки» (такое же написание можно встретить и в полуставе), в XVI в. начерк надстрочного «т» имеет намек на появление этой «ножки», но пишется она одним движением пера с горизонтальной чертой и отходит от правого края этой черты, меняя направление движения пера при помощи небольшой петли.

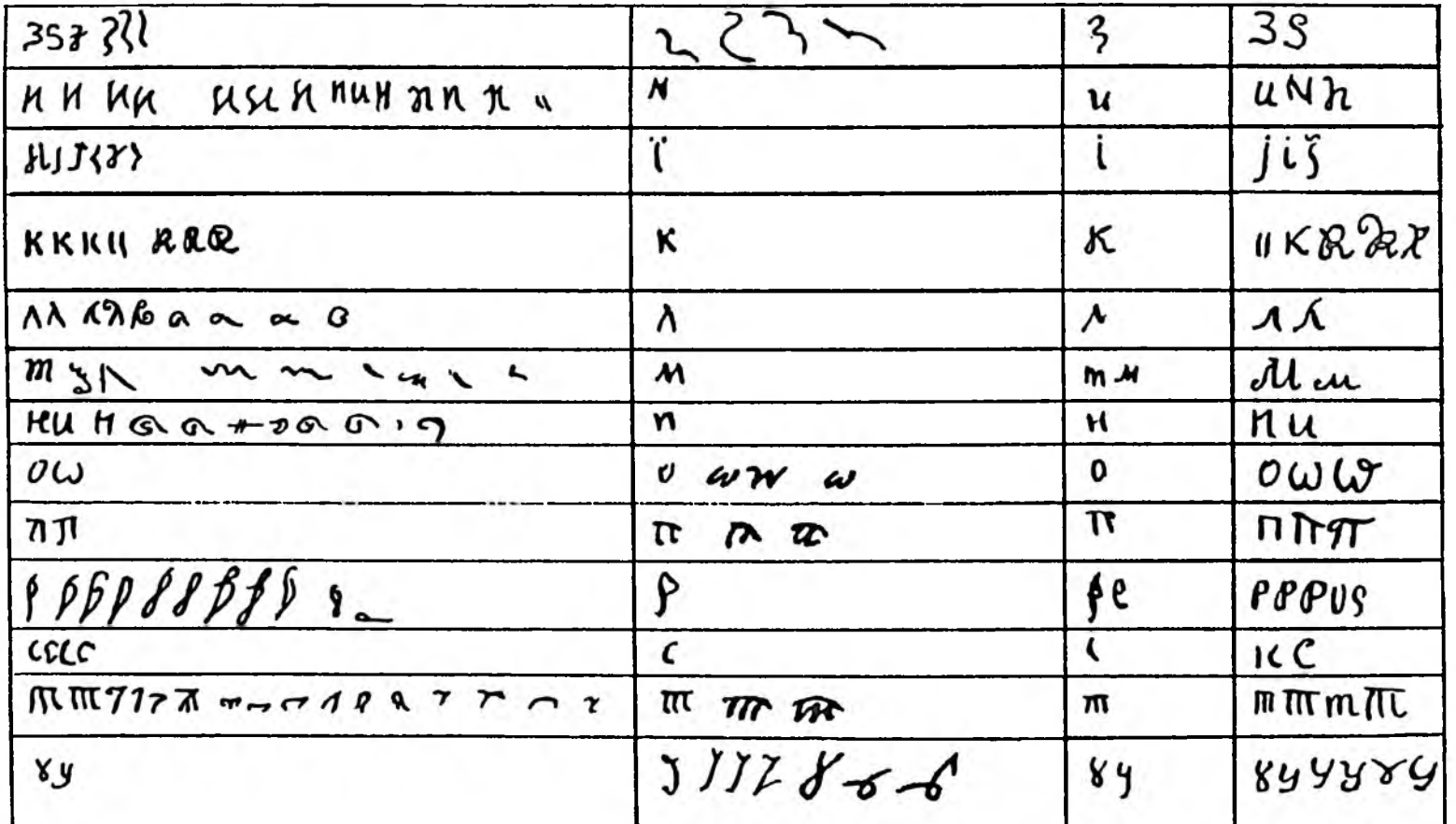
В XVI в. увеличивается число букв, написанных в один прием: надстрочное «х» пишется без отрыва пера с петлей справа; «лежащее» «р» — в один прием; «м» — в виде волнистой линии слева направо, а позднее — в виде жирной запятой; к концу XVI в. буква «л» из двускатной превращается в петлеобразную, причем петля образуется в результате безотрывности написания; надстрочное «и» начинает писаться в виде одной, несколько извитой и наклонной черты.

Безотрывность написания развивается и у строчных букв. Для XVI в. характерен своеобразный начерк буквы «д» («двухвостая», по-

Таблица 4

Скоропись XV—XVIII вв.

Московская скоропись XV—XVII вв.	Юго-западная скоропись XV—XVII вв.	Киевская скоропись XVII в.	Русская скоропись XVIII в.
			
			
			
			
			
			



๑	๒	๓	๔	๕
๑	๒	๓	๔	๕
๑๒๓๔๕๖๗๘๙	๒๓๔๕๖๗๘๙๑	๓๔๕๖๗๘๙๑๒	๔๕๖๗๘๙๑๒๓	๕๖๗๘๙๑๒๓๔
๑๒๓๔๕๖๗๘๙	๒๓๔๕๖๗๘๙๑	๓๔๕๖๗๘๙๑๒	๔๕๖๗๘๙๑๒๓	๕๖๗๘๙๑๒๓๔
๑๒๓๔๕๖๗๘๙	๒๓๔๕๖๗๘๙๑	๓๔๕๖๗๘๙๑๒	๔๕๖๗๘๙๑๒๓	๕๖๗๘๙๑๒๓๔
๑๒๓๔๕๖๗๘๙	๒๓๔๕๖๗๘๙๑	๓๔๕๖๗๘๙๑๒	๔๕๖๗๘๙๑๒๓	๕๖๗๘๙๑๒๓๔
๑๒๓๔๕๖๗๘๙	๒๓๔๕๖๗๘๙๑	๓๔๕๖๗๘๙๑๒	๔๕๖๗๘๙๑๒๓	๕๖๗๘๙๑๒๓๔
๑๒๓๔๕๖๗๘๙	๒๓๔๕๖๗๘๙๑	๓๔๕๖๗๘๙๑๒	๔๕๖๗๘๙๑๒๓	๕๖๗๘๙๑๒๓๔
๑๒๓๔๕๖๗๘๙	๒๓๔๕๖๗๘๙๑	๓๔๕๖๗๘๙๑๒	๔๕๖๗๘๙๑๒๓	๕๖๗๘๙๑๒๓๔
๑๒๓๔๕๖๗๘๙	๒๓๔๕๖๗๘๙๑	๓๔๕๖๗๘๙๑๒	๔๕๖๗๘๙๑๒๓	๕๖๗๘๙๑๒๓๔
๑๒๓๔๕๖๗๘๙	๒๓๔๕๖๗๘๙๑	๓๔๕๖๗๘๙๑๒	๔๕๖๗๘๙๑๒๓	๕๖๗๘๙๑๒๓๔

хожая на клещи), которая чаще писалась в один прием, а также безотрывные скорописные начерки «ю» и ꙗ (и «я», возникшего из ѧ): «ю» в виде буквы «о» с крючком сверху и ꙗ /я в виде «а» с крючком сверху.

В XVI в. появляются первые безотрывные написания соседних букв. Часто встречается связное написание буквосочетания «ів» (в титуле и имени царя: «царь и великий князь Иван Васильевич»). С конца XVI в. покрытие у выносных букв может писаться вертикально, помещаясь слева от буквы.

В XVII в продолжает развиваться связность написаний как надстрочных, так и строчных букв, появляются новые, часто упрощенные, варианты их начерков. Так, создаются новые начерки надстрочных букв «л», «н», «м», «г», «р», «ч», «в», которые пишутся с покрытием и соединяются с ним без отрыва пера, причем сама вынесенная буква часто изображается с утратой элементов. Вследствие этого написание надстрочных букв может практически не отличаться друг от друга. Наряду с этими слитными типами выносных букв продолжают употребляться выносы без покрытия и с вертикальным покрытием слева от буквы.

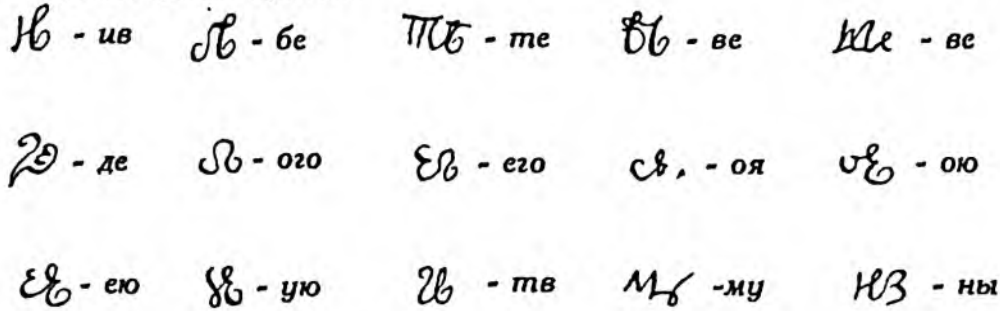
С XVII в. в московской скорописи любая буква может соединяться с соседней буквой при помощи черты, то есть любое буквосочетание может писаться без отрыва пера. Соединяются не только две соседние строчные буквы или соседние надстрочные (образующие слог), но и строчная буква с надстрочной — это типичное новообразование XVII в., особенно распространенное к концу века (см. табл. 5).

В XVII в. в московской скорописи появляется множество новых начерков отдельных букв и скоропись приобрела наиболее сложный вид, так как написание каждой буквы стало иметь множество вариантов. Среди новых начерков, появившихся в XVII в., можно отметить следующие: буква «д», написанная в один прием, с одним «хвостом», который к середине XVII в. загибается в петлю, образуя тот тип написания, которым мы пользуемся в наши дни; в середине XVII в. буквы «ѳ», «д», «ї», «е», а несколько позднее — буквы «ь», «ъ», «ы», «ѣ» получают внизу росчерк в виде петли; в конце XVII в. у буквы «в» появляется большая петля сверху, а буква «ы» становится похожа на высокое змеевидное «з»; буквы «р», «с», «ю» с 40-х гг. XVII в. начинают писаться без отрыва пера (левый извив вниз, правый извив вверх) и дают различные варианты, один из которых — наподобие вытянутой по вертикали восьмерки; и др.

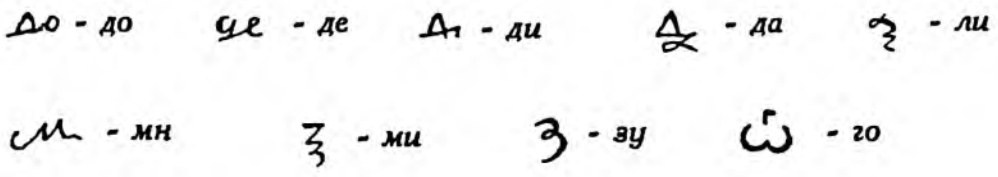
Главная трудность чтения скорописи XVII в. состоит в том, что из-за обилия вариантов многие буквы могут получать очень схожие начерки. Однако, как правило, у одного и того же писца полного совпадения начерков разных букв не бывает. Поэтому, приступая к чтению рукописного источника, необходимо «присмотреться» к индивидуаль-

Связные написания в скорописи

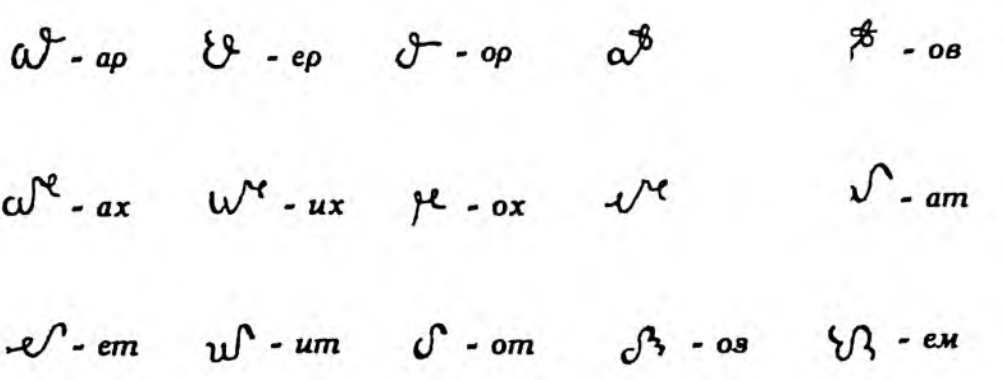
Строчная буква со строчной:



Надстрочная буква с надстрочной:



Строчная буква с надстрочной:



ным начеркам букв, использованным писцом, запоминать характерные написания и применять сравнительный анализ начерков букв для прочтения сложных мест.

Скоропись XVIII в. уже не представляет особой трудности для чтения, так как эволюция начерков букв к этому времени подходит к тем типам, которыми мы пользуемся сами. Графика скорописи становится все более закругленной, значительно сокращается количество выносных букв, письмо приобретает связный характер.

§ 5. Вязь. Датирующие и локализующие признаки

Вязь — это декоративное письмо, превращающее строку в непрерывный декоративный орнамент. Эта цель достигается при помощи разного рода сокращений и украшений. Вязь можно встретить не только в рукописях, но и на фресках, иконах, колоколах, сосудах, шитье, надгробиях. В рукописях вязью писали заглавия.

В Византии вязь сложилась к середине XI в. У южных славян она появилась в первой половине XIII в., а на Руси — в конце XIV в. как еще один результат южнославянского влияния. До этого времени в древнерусских рукописях можно найти лигатуры в заголовках, но они не составляют системы декоративного письма. В рукописной традиции южнославянских стран к XIV в. сформировались два принципа вязи: «природный» и «геометрический», существовала также и «средняя югославянская манера», объединяющая природные и геометрические мотивы. Вязь как яркое и эффектное каллиграфическое средство быстро распространилась по всей территории Руси. При этом в западной и юго-западной Руси использовался «природный» принцип вязи, основанный на украшениях растительными элементами и почти не претерпевший там развития, а в Московской Руси возобладал «геометрический» принцип, и здесь он был обогащен новыми техническими приемами. Постепенное появление этих новых приемов и создает ценные палеографические приметы для датировки рукописей и определения места их создания.

Основой вязи являются сокращения, основные виды которых следующие:

1) укорачивание вертикальных элементов букв с тем, чтобы разместить эти буквы ближе друг к другу (см. табл. 6, п. а);

2) значительное уменьшение размеров буквы и размещение ее на площади того пространства в строке, которое занимает соседняя буква; элементы соседней буквы могут для этого сокращаться (см. табл. 6, п. б);

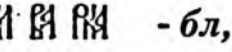
3) две соседние буквы уменьшаются вдвое и пишутся одна под другой (см. табл. 6, п. в);

4) лигатура, основанная на совпадении мачт (вертикальных элементов) соседних букв (см. табл. 6, п. г); при таких лигатурах допускалось дробление лигатур в интересах четкости: общая мачта двух букв разделяется на две неравные части (см. табл. 6, п. д);

5) лигатура, основанная на совпадении мачты одной буквы с полумачтой (элемент любой конфигурации, принявший прямолинейный характер и образовавший неполную мачту) соседней (см. табл. 6, п. е); замена округлостей в буквах отвесными линиями называется штамбовкой. Если штамбовались извивы и петли, занимавшие половину стро-

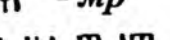
Приемы русской вязи XV—XVII вв.

а) *- бл, ва, рка*

б)  *- ок, ко, по, сп, по, ом, ро, ство, ко, ст, тв, вѣ*

в) *- мр*

г) *- аб, нм, пр, нпр*

д)  *- ни, лн, нн, нш, рии, ни*

е) *- нл, мл*

ж)

з)

и) *- ла, ил, га, ри, си*

к) *- гл, иле, вн*

л) *- бы, рв*

м) *- вд, вл, кд*

н) *- ле, оа, ка*

о) *- рѣ*

п) *- каи, ан*

р) *- ов*

ки, то получались полуштамбы (см. табл. 6, п. ж); при штамбовке извивов, занимающих всю строку, возникали мачты (см. табл. 6, п. з). Полумачты, расположенные в один вертикальный ряд с полумачтами или с сокращенными мачтами соседних букв, образуют так называемые ложные дробления лигатур (см. табл. 6, п. и). Буквы с полумачтами могли располагаться в один вертикальный ряд друг с другом или же с мачтовыми буквами и давали сочетания, зрительно напоминавшие дробление мачтовых лигатур (см. табл. 6, п. к). Буквы с полумачтами поднимались или опускались на них, давая место вверху или внизу строки соседним буквам (см. табл. 6, п. л);

6) лигатура, основанная на совпадении полумачт соседних букв (см. табл. 6, п. м);

7) лигатура, основанная на совпадении дугообразных или извилистых элементов соседних букв (см. табл. 6, п. н);

8) лигатура, основанная на совпадении петель соседних букв (см. табл. 6, п. о);

9) совпадение букв в точке (см. табл. 6, п. п);

10) ложная лигатура — соседние буквы специально соединяются чертой, не являющейся элементом ни одной из них (см. табл. 6, п. р).

Новые приемы вязи возникали не одновременно и в разных областях Московского государства. Поэтому по вязи можно сделать некоторые наблюдения о месте создания рукописи.

В XVI в. в Московской Руси существовало три художественно-каллиграфические школы, в которых активно развивались принципы вязи: Псков, Новгород и Москва.

Признаком псковского происхождения рукописи является вязь с дроблением мачтовых лигатур (см. табл. 7, п. а). Этот прием появился в псковских рукописях на рубеже XV и XVI вв. и до конца XVI в. являлся особенностью псковской письменности; в рукописях XVI в., происходящих из других центров, этот элемент встречается крайне редко.

Для новгородской вязи XVI в. характерна штамбовка, которая поначалу коснулась букв «б», «в», «ѣ», а затем и букв «ъ», «ы», «ь». Важной палеографической приметой новгородской вязи начиная с XVI в. служит лигатура «ст» (см. табл. 7, п. б), и этот признак отличает только новгородскую школу до самого конца XVI в.

Московская вязь с середины XVI в. развивает традиции новгородской каллиграфической школы, что выражается в увеличении числа полуштамбов: штамбовка распространяется на буквы «а», «д», «ю», «л», «ж» и язычок «е». Это способствовало формированию нового приема вязи — ложного дробления лигатур и связанного с ним приема подъема или спуска букв на полумачтах (см. табл. 7, п. в).

Московская вязь господствует во второй половине XVI в. и первой четверти XVII в. Художественно-каллиграфическим центром московской вязи был Троице-Сергиев монастырь. В конце XVI в. в московской вязи появляется лигатура «ст» (см. табл. 7, п. г).

К середине XVII в. складывается штамбованный стиль вязи, характерной особенностью которого является превращение в полные штамбы округлых элементов букв «е», «о», «с», «у», «х», «ю», «ѳ», «ѡ» (см. табл. 7, п. д).

В XVIII и XIX вв. вязь сохраняется и развивается в старообрядческой письменности и носит условное название «поморская вязь». Поморская вязь XVIII в. основана на московской штамбовой вязи второй половины XVII в., но постепенно обогащается новыми приемами. Наиболее заметны из них следующие: 1) превращение полуштамбов в

Вязь русских каллиграфических школ

штамбы и увеличение числа висячих полуштамбов (см. табл. 8, п. а); 2) буквы украшаются «обрубками» (см. табл. 8, п. б); 3) образуются многочисленные лигатуры штамбов (см. табл. 8, п. в) и штамбов с полуштамбами — эти сочетания похожи на букву «м» (см. табл. 8, п. г); 4) появляются ложные лигатуры, похожие на букву «х» (см. табл. 8, п. д); 5) у букв появляется косой срез (см. табл. 8, п. е); 6) симметричные части букв разводятся несимметрично врозь (см. табл. 8, п. ж).

Увеличение числа приемов и абсолютизация принципа штамбовки превратили вязь XIX в. в своего рода тайнопись.

§ 6. Криптография. Системы тайнописи, употреблявшиеся в древнерусских рукописях

К р и п т о г р а ф и я (тайнопись) — это тайное письмо, которое иногда можно встретить в рукописях, обычно в конце текста. Часто тайнопись встречается в приписках писцов, в которых они указывали свое имя. Криптография существовала в Византии и у южных славян. Древнейшие памятники русской тайнописи относятся к XII—XIII вв. Криптография, встречающаяся в русских рукописях, имеет несколько систем.

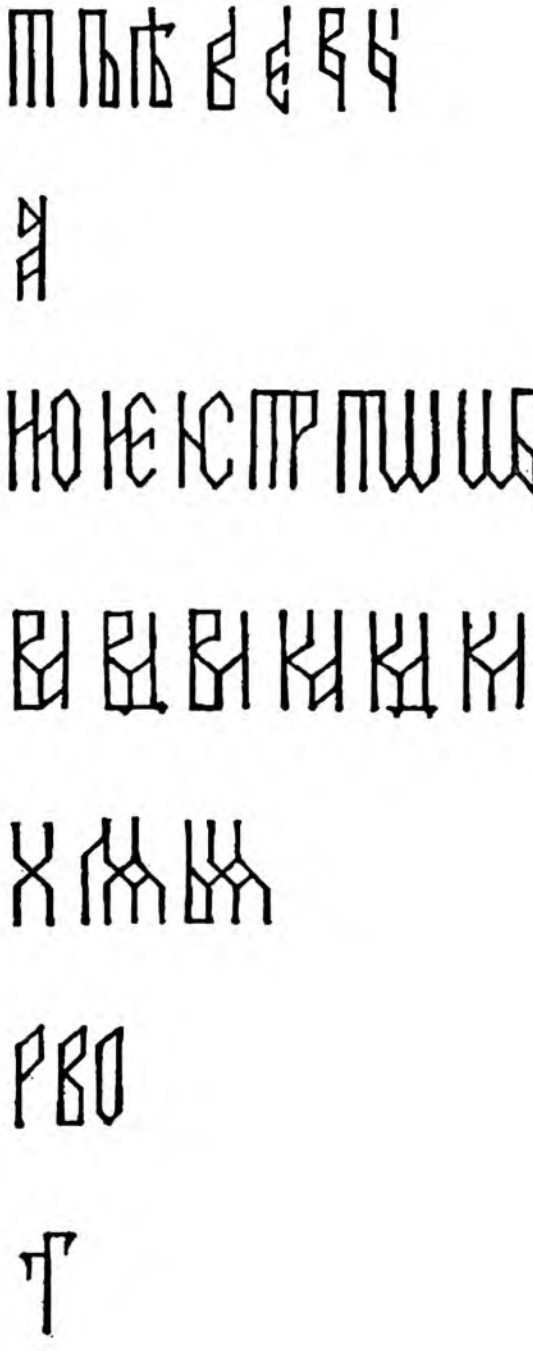
Система чуждых письмен заключалась в замене славянских букв буквами других алфавитов: 1) глаголицей (в рукописях дотатарского периода); 2) греческой азбукой (начала употребляться для этой цели в древнерусских рукописях с XV в. и особенно часто использовалась в тайнописи во второй половине XVII в., во время существования в Москве славяно-греко-латинской школы); 3) латинской азбукой (встречается в XVII в., использовалась в Посольском приказе и представителями южно-русского духовенства, преподававшими латинский язык в московских школах); 4) пермской азбукой, изобретенной Стефаном Пермским в XIV в. для проповеди христианства среди коми (зырян) и основанной на кириллических буквах, которые представлены в «недописанном» виде и поэтому отличаются большим числом начерков в виде острого угла в том или ином положении (как тайнопись встречается в XV в.).

Система измененных знаков («полусловица») — гораздо более трудный для расшифровки вид тайнописи, при котором писец сам изобретал способ написания букв, не дописывая какие-то их элементы. Эта система тайнописи появилась у южнославянских каллиграфов и была распространена в русских рукописях в XIV—XVI вв.

Система замен («литорея») — вид тайнописи, при котором одни знаки кириллического алфавита заменяются другими. Система имеет несколько вариантов.

1) *Простая литорея* (или тарабарская азбука) оставляет без замены все гласные, полугласные «ь» и «ъ», согласные ѕ и ѳ. Остальные согласс-

Приемы поморской вязи



ные распределяются в два ряда, один знак под другим, по десять знаков в ряду: в верхнем ряду знаки идут в порядке алфавита, слева направо, в нижнем — справа налево:

Б	В	Г	Д	Ж	З	К	Л	М	Н
Щ	Ш	Ч	Ц	Х	Ф	Т	С	Р	П

При письме каждая буква заменялась соответствующей парной из другого ряда. Этот вид тайнописи легко узнать по написаниям: «арипь» (аминь), «тпича» (книга), «панилажъ» (написах).

2) *Мудрая литорея* заменяет не только согласные, но и некоторые гласные буквы. Кроме того, буквы нижнего ряда обычно расположены не в алфавитном, а каком-то другом условном порядке. Чтобы прочесть такую тайнопись, приходится разгадывать представленную в ней систему замен знаков.

Счетная система тайнописи основана на зашифровке буквы через ее числовое значение. Эта система имеет несколько вариантов.

Простейший вариант счетной системы состоит в замене букв по следующему принципу: буква, имеющая числовое значение до 10, заменялась буквой, в сумме с числовым значением которой составляла 10; по этому же принципу заменялись буквы с числовым значением до 100 и до 1000. Таким образом, пары взаимозаменяемых букв получались следующие:

в сумме 10	в сумме 100	в сумме 1000
а — ѳ	і — ч	р — ц
в — и	к — п	с — ѡ
г — з	л — о	т — ѱ
д — ѕ	м — ѧ	у — х
е не заменялась	н не заменялась	ф не заменялась
(так как 5+5=10)	(так как 50+50=100)	(так как 500+500=1000)

Цифровой вариант счетной системы: отдельные буквы слова представлены через свои числовые значения, причем эти числа даны как сумма слагаемых; каждая группа знаков, обозначающая определенную букву, отделяется точкой; буквы «а» (1) и буквы, не имеющие числового значения, остаются без изменения. В соответствии с этим принципом одно и то же слово могло быть написано несколькими вариантами, например, слово «аминь»:

а. кк. дд. лк. ъ (а. 20+20=40 [м]. 4+4=8 [и]. 30+20=50 [н]. ъ);

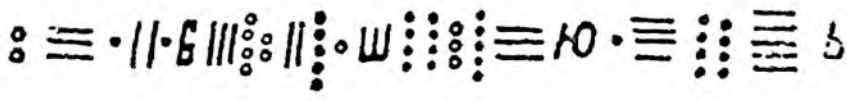
а. iiii. вввв. iiiii. ъ (а. 10×4=40 [м]. 2×4=8 [и]. 10×5=50 [н]. ъ);

а. ииии. аааааааа. ееееееееее. ъ (а. 8×5=40 [м]. 1×8=8 [и]. 5×10=50 [н]. ъ)

Описательный вариант счетной системы: числовое значение букв (часто в виде суммы слагаемых) описывается словами в виде словесной загадки. Например, в рукописи 1371 г., содержащей трактаты Дионисия Ареопагита, читаем: «Имя же в инокых мене, худаго, аще хощеши

уведети, начало тому есть осмеричное число, среда же двусотное и первое, конец же десято со единем наконьчевается». То есть, имя начинается буквой, имеющей числовое значение 8 («осмеричное» число), — И; в середине имя имеет буквы с числовыми значениями 200 и 1 — С и А; а на конце — буквы с числовыми значениями 10 и 1 — Ї и А. Получилось: Исаїа. Это очень простой пример описательной тайнописи, встречаются гораздо более замысловатые загадки: цифровое значение букв описывается менее ясно, дается, например, число гласных и согласных, общее число букв имени, сумма их числовых значений. Иногда все данные изложены притчей.

Значковый вариант счетной системы: цифровые значения отдельных букв обозначаются значками. Единицы обозначаются точками в вертикальный ряд или вертикальными черточками, десятки — горизонтальными черточками (расположенными также в вертикальный ряд), сотни — кружочками. Число этих значков указывает на количество единиц, десятков и сотен. Для расшифровки криптограммы надо перевести значки в числа, а получившиеся числа — в буквы. Буквы, не имеющие числового значения, не зашифровывались. Например:



Расшифровка:

⠿	100×2=200	[с]	Ш		[ш]
⠶	10×3=30	[л]	⡇	1×8=8	[и]
⠂	1×1=1	[а]	⠿	100×3=300	[т]
⠆	1×2=2	[в]	⡇	1×5=5	[е]
⠂	1×1=1	[а]	⠶	10×3=30	[л]
Б		[б]	Ю		[ю]
⠇	1×3=3	[г]	⠂	1×1=1	[а]
⠿	100×4=400	[у]	⠤	10×4=40	[м]
⠿	100×2=200	[с]	⡇	1×8=8	[и]
⠆	1×2=2	[в]	⠷	10×5=50	[н]
⡇	1×5=5	[е]	Ь		[ь]
⠿	100×1=100	[р]			

Получилось: «Слава Бгӯ свершителю аминь».

Из всех перечисленных основных систем русской тайнописи самой распространенной является простая литорея, не менее распространена тайнопись счетная: ее цифровая разновидность встречается с начала XIV в., описательная — с XIV в., значковая — с XVI в.

В качестве тайнописи могут быть употреблены и другие приемы написания. Таково обратное письмо (то есть читать надо справа налево): ьданегиыншьргъласипа («А писалъ грѣшный Генадь»). Кроме того, надпись могла располагаться различными узорами, лабиринтами (вид каллиграфии). С конца XVI в. существует также тайнопись дипломатическая разных систем, изобретенная отдельными лицами и не распространенная в рукописных книгах. В XVII в. в качестве тайнописи часто использовали акростих (или краегранесие): криптограмма складывается из начальных букв стиха. Например:

«Молитва или закончание трудившегося в деле сем:

Едине щедре, блаже смилости твоея
Уссопом очисти мя от злобы моея.
Фимиам яко вонный приим тружение,
Vпостатная мудрость, подаждь прощение.
Милостив убо еси и благоутробен,
Иисусе твоему отцу всем подобен».

По начальным буквам акростиха читаем: «Еуфvми[и]».

В рукописях встречаются также разнообразные «смешанные» формы тайного письма, основанные на применении принципов разных криптографических систем.

§ 7. Палеографические признаки нотированных рукописей

Древнерусские нотированные рукописи содержат песнопения, которые исполнялись хором певчих при церковном богослужении. Нотные знаки находятся над строками текста и называются «знаменами», или «крюками». В своей совокупности нотные знаки составляют нотацию. В древности нотации были различные, каждая нотация имеет внешние отличительные особенности, начерки знаков нотаций эволюционировали — все это определяет наличие особых палеографических признаков нотированных рукописей.

Русские певческие рукописи сохранились с первой половины XII в. В рукописях с XII по XIV в. можно встретить две нотации: кондакарную и знаменную.

Древнейшая нотация — кондакарная. Это — двустрочная нотация: над одной строкой текста расположены две строки нотных знаков, и начертания в каждой из двух нотных строк заметно отличаются. Особенностью кондакарных рукописей является то, что, ввиду неразрывной связи напева и текста, в строке текста повторяются отдельные гласные, полугласные (ъ, ь) и целые слоги. До наших дней дошло всего пять Кондакарей: Благовещенский, Троице-Сергиевский, Типографский, Успенский, Синодальный. С XIII—XIV вв. кондакарная система на Руси вышла из употребления.

Знаменная нотация (или «столповое знамя») появилась на Руси одновременно с кондакарной и заняла положение господствующей музыкально-графической системы. Начиная с XV в. в текстах нотированных рукописей наблюдается явление «раздельноречия», то есть буква «ъ» заменяется буквой «о», а буква «ь» — буквой «е» (например, «Христосо» — вместо «Христосъ»; «празденико» — вместо «праздьникъ»). Во второй половине XVII в. «раздельноречие» сменилось «истинноречием» — тексты нотированных рукописей стали писаться правильно, «истинно». Однако в старообрядческих рукописях раздельноречие может сохраняться вплоть до XX в.

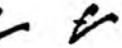
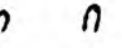
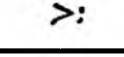
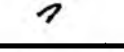
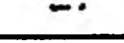
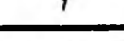
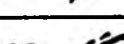
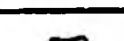
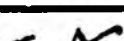
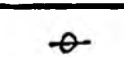
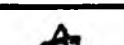
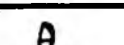
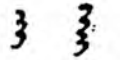
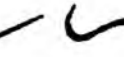
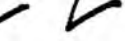
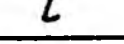
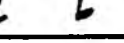
Безлинейные нотные знаки, так же как и буквы, претерпевали графическое развитие. Многие знамена (например, крюк простой, стопица) состоят из двух соединенных вместе частей: тонкой вертикальной и жирной горизонтальной (только в древнейших рукописях XII — XIII вв. можно видеть толстый нажим короткой вертикальной черты и тонкую горизонтальную черту). Развитие начерков знамен заключается в изменении размера вертикальной черты и ее наклона, в изменении наклона и рисунка горизонтальной черты, в изменении угла в сопряжении вертикальной и горизонтальной черт. По наблюдениям М. В. Бражникова, тенденции этого развития следующие: 1) вертикальные черты знамен увеличиваются в размерах; из наклоненной вправо в XV—XVI вв. вертикальная черта к XVII в. становится почти или совсем вертикальной; 2) горизонтальная черта все более склоняется влево, правый край ее поднимается и в конце загибается вниз; 3) угол сопряжения двух черт из тупого становится прямым, а затем острым. Изменения написания некоторых основных знамен по векам см. в табл. 9.

Следует также обратить внимание на знак фиты. Этот знак не имеет певческого значения, но служит своеобразным графическим центром, вокруг которого группируются другие знамена — и только в виде такого сложного сочетания знак фиты приобретает певческое значение. Палеографический признак состоит в том, что чем сложнее «окружение» знака фиты, тем к более позднему времени относится рукопись. В древних рукописях знак фиты появляется только с одним, двумя или тремя сопровождающими знаменами, тогда как в более поздних рукописях в окружение фит входит пять, шесть и больше знамен. Все это связано с постепенным усложнением напевов, что потребовало и более сложных графических средств.

Самым значимым явлением в развитии графической стороны знаменной нотации было введение в употребление в первой половине XVII в. киноварных помет, то есть букв, писавшихся киноварью слева и сверху начертаний знамен. Эти буквы имеют значительный музыкально-теоретический смысл: они определяли характер исполнения тех знамен, при которых проставлены, или же высоту исполняемого звука.

Таблица 9

Развитие начерков знамен по векам

Название знамени	XII—XIV вв.	XV—XVI вв.	XVII—XVIII вв.
Параклит			
Запятая			
Голубчик борзый			
Статья светлая			
Палка			
Стрела простая			
Стрела светлая			
Паук			
Фита			
Крыж			
Змийца			
Два в челну			
Крюк простой			
Стапица			

Наличие киноварных помет позволяет сразу отнести нотированную рукопись к XVII в., при учете, однако, того факта, что иногда такие киноварные пометы могли быть проставлены уже «задним числом» на листах более древней нотированной рукописи. Киноварные пометы были изобретены в первой четверти XVII в., но в широкое применение входят лишь во второй половине столетия.

Во второй половине XVII в. произошла еще одна реформа в знаменной нотации. Из-за того что при печатании певческих рукописей невозможно было воспроизвести красным цветом киноварные пометы, в 1668 г. монах Александр Мезенец предложил заменить киноварные пометы особыми чернильными черточками при знаменах, эти черточки были названы «признáками». Таким образом, певческие рукописи, имеющие «признáки», должны быть отнесены ко времени после 1668 г.

Обе системы — пометная и признáчная — находились в употреблении одновременно.

В конце XVI в. входят в употребление новые виды безлинейных нотаций — «путевая» и «демественная». Эти нотации, возникшие в результате развития мелодики распевов, являются «производными» от знаменной, нотные знаки их с графической стороны не оригинальны, так как образованы из различных сочетаний отдельных элементов «столпового знамени». Установление по внешним признакам в рукописи типа этих модификаций знаменной нотации довольно затруднительно для неспециалиста.

С середины XVII в. в русские певческие рукописи начинают проникать элементы западноевропейской музыки, обусловленные влиянием западноевропейского многоголосного гармонического пения и пятилинейной нотной системы (в отличие от древнерусских знамен, не предусматривавших никакой специальной разлиновки). В конце XVII в. и в XVIII в. появляются певческие рукописи, содержащие одновременно знаменную нотацию и нотолинейную. Такие рукописи называются «двознáменными», или «двознáменниками». Они содержат знаменные напевы и их переводы на пятилинейную систему и создавались в целях обучения русских певчих. Западноевропейская пятилинейная нотация проникла в Россию в форме «квадратной» нотации, которая встречается в русских рукописях в конце XVII в., но наиболее распространена уже в XVIII в. С конца XVIII в. в русских рукописях появляется «круглая» пятилинейная нотация (или «итальянская нота»), ставшая характерной для XIX в.

Глава V

Возникновение филигранологии как самостоятельной исторической дисциплины. Справочные альбомы филиграней. Методика датировки рукописей по филиграням: выявление филиграней в рукописи и отождествление знаков с образцами в справочных альбомах.

§ 1. Возникновение филигранологии как самостоятельной исторической дисциплины. Справочные альбомы филиграней

Рукописи, написанные на бумаге, сравнительно точно можно датировать по водяным знакам: если наблюдения о письме позволяют отнести рукопись к тому или иному веку, в лучшем случае — сузить рамки до полувека, то по данным филиграней довольно часто удается ограничить датировку пределами одного десятилетия. Действительно, если отливочная форма служила в мануфактурном производстве не более двух лет (см. гл. III, § 1) и при замене форм заменялась и филигрань, что вело к определенным изменениям в очертаниях знака, то есть сюжеты знаков эволюционировали, то по имеющейся на листах филиграни, в принципе, можно установить дату производства бумаги и, прибавив несколько лет на возможную «залежность» (бумага могла храниться несколько лет до того, как на ней станут писать), определить время создания рукописи, ограничив его рамками нескольких лет. Однако очевидно, что для этого нужно воспользоваться специальными справочниками, представляю-щими сюжеты филиграней и даты использования бумаги с этими знаками. Такие справочники появились не сразу, и пока их не существовало, датировка рукописей основывалась на анализе письма.

Первый справочный альбом филиграней появился лишь в 1824 г. Составил его вологодский купец, собиратель и знаток рукописей Иван Петрович Лаптев на основе тех рукописей, которые попадали в его лавку. Иван Лаптев действовал точно в соответствии с основным методом палеографии: он перерисовывал сюжеты филиграней из всех рукописей, имевших на своих листах дату написания. За многие годы И. П. Лаптев собрал несколько сотен знаков, которые и опубликовал, расположив их в хронологическом порядке, в виде практического справочника под названием «Опыт по старинной русской дипломатике, или Способ узнавать по бумаге время, в которое написаны старинные рукописи» (СПб., 1824).

Важно подчеркнуть, что даты, с которыми публикуются филиграни, являются датами **использования** бумаги с этими знаками, но не датами **изготовления** бумаги, поскольку источниками для установления времени «жизни» того или иного знака стали сами рукописи, написаннные на бумаге, имеющей данную филигрань.

В 1844 г. вышел альбом К. Я. Тромонина, включающий 1827 знаков, расположенных также в хронологическом порядке. Справочник имеет длинное название, отражающее методологическое значение филиграней: «Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов» (М., 1844). Полнота этого альбома филиграней была несравнима с существовавшими в то время в Западной Европе справочниками.

Этапом в развитии филигранологии и утверждении ее значения стали в конце XIX в. работы Н. П. Лихачева. Н. П. Лихачеву впервые в истории мировой науки степень доктора истории была присуждена за исследование по филигранологии «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» (СПб., 1891). В продолжение исследования в 1899 г. вышел трехтомный труд Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (СПб., 1899). Знаки в альбомах Н. П. Лихачева расположены в соответствии с порядком рассмотрения тех рукописей, из которых они извлечены.

Следующий фундаментальный труд по филигранологии — это четырехтомный альбом Шарля Брике (*Briquet*, 1907). Включив знаки, опубликованные Н. П. Лихачевым, и существенно дополнив этот массив знаками, извлеченными из западноевропейских рукописей, Брике расположил знаки по сюжетам филиграней, абстрагировав справочный материал от системы исследования самих рукописей. Этот принцип с тех пор стал основным для всех последующих составителей альбомов филиграней, поскольку обеспечивает удобство и легкость поиска нужной филиграни при датировке рукописи. Надо, однако, учитывать, что в альбомах последовательность сюжетов филиграней определяется алфавитным порядком (по первой букве названия сюжета), а значит, при пользовании опубликованными за рубежом справочниками необходимо знать названия сюжетов на том языке, на котором издан альбом, и искать их в порядке алфавита этого языка.

Итак, именно на рубеже XIX—XX вв., с выходом фундаментальных работ Н. П. Лихачева и Шарля Брике, филигранология, имеющая свой предмет исследования, превращается из раздела палеографии в специальную историческую дисциплину. С тех пор и до сего времени продолжается формирование источниковой базы филигранологии — создание новых коллекций водяных знаков, а также вырабатываются все новые методы выявления, исследования, воспрозведения и идентификации филиграней. К настоящему времени введено в научный оборот более 100 000 датированных образцов водяных знаков. И это еще далеко не все существующие водяные знаки. Н. П. Лихачев заметил, что по происхождению своему филигрань есть марка мастера. Сколько мас-

теров — столько и знаков. Филигрань есть также и знак каждой бумажной формы. Сколько было форм — столько и филиграней.

Сегодня мы можем пользоваться десятками справочных альбомов филиграней (перечень основных альбомов см. в Библиографии). Наряду с альбомами, представляющими филиграни разных сюжетов, относящиеся к ограниченному определенными рамками хронологическому периоду (например, альбом Шарля Брике охватывает период с XII по XVI в.), существуют альбомы, посвященные только одному сюжету филиграни и представляющие этот сюжет на протяжении всего его развития посредством подробной типологической классификации видоизменений знака (таковы альбомы Пиккара для филиграней «Корона», «Буква Р», «Три горы» и др.).

Ряд исследователей, являющихся авторами альбомов, на основе собранного материала изучали историю бумажных мануфактур и устанавливали время «жизни» одного знака. Э. Лауцявичус, Я. Синярска-Чаплицка последовательно занимались фиксацией всех встреченных дат использования бумаги (на территории Литвы), атрибутированной одному производителю, и таким образом уточняли временны́е границы использования марки (*Laucevičius, 1967; Siniarska — Czaplicka, 1969*). З. В. Участкина установила периоды производства мануфактурами бумаги с определенными водяными знаками, изучила последовательность изменения знаков мануфактур, занималась выявлением отношения дат употребления бумаги к датам ее производства (*Uchastkina, 1962*).

В связи с этим особое значение имеют филиграни в виде букв, а также буквенное сопровождение какого-либо сюжета, которое может располагаться внутри сюжета (например, на корпусе кувшинчика), вблизи сюжета (под знаком, по сторонам знака) или же напротив филиграни. В последнем случае, то есть если сама филигрань расположена, например, с правой стороны, а буквы оказываются на левой половине листа, такое буквенное сопровождение называется контрамаркой. Чаще всего эти аббревиатуры содержат имя владельца мануфактуры. В качестве контрамарки могут выступать цифры, обозначающие год производства бумаги (такая контрамарка называется «белая дата»), реже — год основания мануфактуры. Если в рукописи встретились филиграни с контрамарками или же филиграни в виде букв, целесообразно пользоваться альбомами С. А. Клепикова, который специально занимался связью образцов филиграней с историей мануфактур и именами их владельцев. Альбомы С. А. Клепикова структурированы не по принципу сюжета филиграни, а по алфавитному принципу букв, находящихся в составе сюжета или же являющихся контрамарками. Буквы приведены в двух таблицах: одна содержит буквы русского алфавита, другая — латинского; в большинстве случаев даны сведения о значении аббревиатур (то есть приводится название фабрики или имя ее владельца). Од-

нако сами знаки воспроизведены в альбомах С. А. Клепикова лишь выборочно, и поиск нужного знака надо осуществлять не по рисункам, как в других справочниках, а именно по буквам.

В настоящее время филиграни приобретают все большее значение не только как средство для датировки рукописей, но и как важный признак, позволяющий сделать вывод о месте создания рукописи. Для решения такой задачи важным оказывается изучение не только истории производства бумаги, но и истории ее распространения, истории торговых путей и рынков. Это позволяет выявить географию перемещения партий бумаги и установить, бумага каких фабрик попадала в тот или иной регион и использовалась в том или ином книгописном центре.

§ 2. Методика датировки рукописей по филиграням: выявление филиграней в рукописи и отождествление знаков с образцами в справочных альбомах

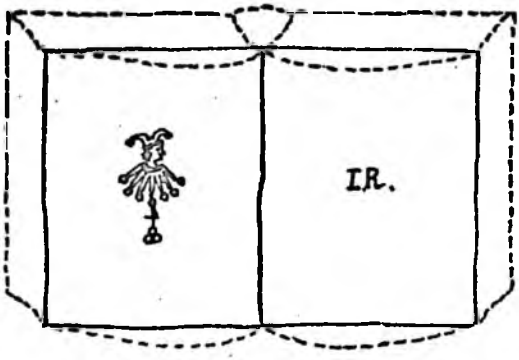
В средневековых рукописях под одним переплетом могут находиться части, написанные в разное время. Кроме того, одна рукопись зачастую писалась несколькими писцами, и каждый из них мог использовать свой запас бумаги. Как правило, рукопись содержит бумагу с разными филигранями, число которых может доходить до нескольких десятков. Поэтому, приступая к датировке рукописи по филиграням, необходимо просмотреть один за другим все листы рукописи, включая переплетные. Если переплетные листы будут датироваться более поздним временем, чем бумага основного блока книги, это значит, что переплет рукописи поновлен (или же заменен новым), и по датировке переплетных листов можно судить о времени поновления (или замены) переплета.

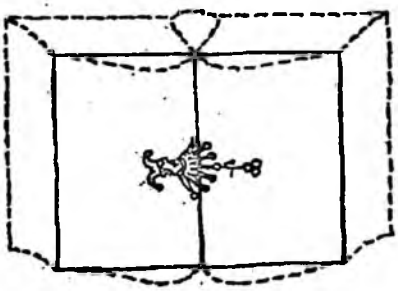
Место на листе книги, на котором видна филигрань, зависит от формата рукописи. При изготовлении бумаги филигрань прикрепляли или в центре (такой лист назывался Александрийским и использовался для изготовления очень больших напрестольных богослужебных книг: каждый лист становился одним листом рукописи, то есть не перегибался пополам, при этом сшивка блока производилась при помощи фальцевания, на подклейках), или в середине одной из половин листа (то есть, если лист согнуть пополам, филигрань оказывается в центре одной из половин листа). Контрамарка помещается на противоположной стороне листа. Поэтому в рукописях разных форматов филигрань надо искать в разных местах (листы просматриваются на просвет):

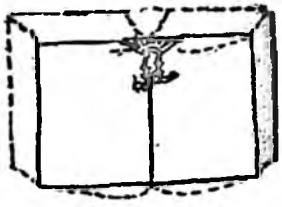
1) в рукописи форматом в лист видим весь сюжет филиграни на листе; листы с филигранью чередуются с листами, на которых нет филиграни или же помещена контрамарка, которую также видим целиком (см. табл. 10, п. а);

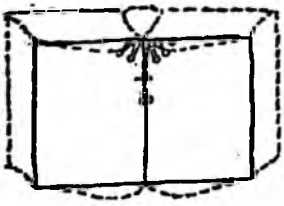
Таблица 10

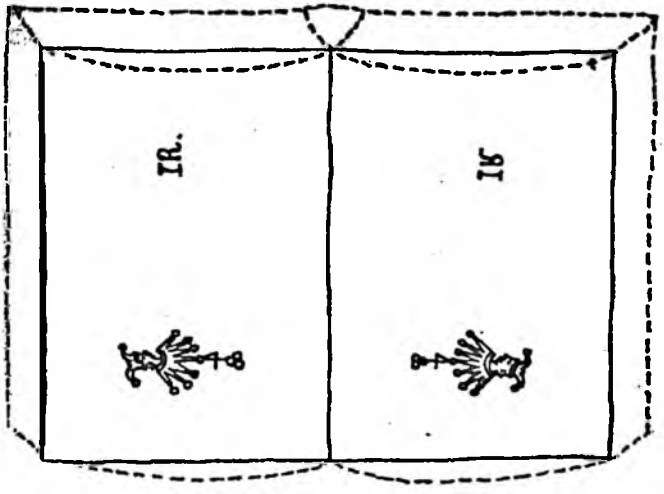
Расположение филиграней в книгах разных форматов и в столбце











2) в рукописи форматом в четверть филигрань находится у переплета, причем верхняя часть знака будет видна на одном листе, а нижняя — на другом; так же, на две части, поделены и знаки контрамарки (см. табл. 10, п. б). Ввиду того что часть изображения «уходит» в переплет и не видна, иногда буквы или цифры контрамарки можно реконструировать лишь предположительно. Для восстановления целого изображения филиграни следует провести анализ полистного состава тетрадей. Необходимо обратить внимание на нумерацию тетрадей: если нумерация видна, это облегчает установление границ тетрадей. Каждая тетрадь обычно содержит восемь листов, то есть два мануфактурных листа, разрезанных пополам, а затем согнутых пополам (встречаются тетради и с другим количеством листов — 10, 6). Попутно заметим, что, если число листов в тетради меньше обычного или же нечетное, следует обратить внимание на текст и проверить, соответствуют ли фразы, читающиеся в последних строках на оборотах каждого листа, с продолжениями этих фраз, читающимися в первых строках на каждом листе. Несоответствия текста на «стыках» свидетельствуют об утрате листов в рукописи (или же о том, что порядок их нарушен при вторичной брошюровке тетрадей). Определив границы тетради, следует найти ее середину (на середине обычно бывают видны нити сшивки) и, идя от середины, установить тетрадную схему, показывающую, какие листы рукописи являются частями одного согнутого листа бумаги. Например, в тетрадь входят листы с 9 по 16; тетрадная схема: 9/16, 10/15, 11/14, 12/13. То есть, если верхняя часть филиграни видна, например, на л. 10, то нижняя часть того же знака будет находиться на л. 15; если на л. 11 нет никакого знака, то никакого знака не должно быть и на л. 14;
3) в рукописи форматом в восьмую долю листа части филиграни будут видны на углах, примыкающих к линии переплета (см. табл. 10, п. в). Установить буквы контрамарки в рукописи такого формата бывает очень сложно. Тетрадь рукописи в восьмую долю листа обычно изготовлена из одного мануфактурного листа бумаги, который два раза разрезан пополам, а затем все эти части согнуты пополам;
4) рукопись на Александрийской бумаге форматом во весь лист имеет филигрань на каждом листе (см. табл. 10, п. г);
5) на бумаге документов в столбцах, как правило, филигрань оказывается разрезанной на две части и видна у боковых срезов: верхняя часть знака на одном составе, нижняя — на другом (см. табл. 10, п. д).

Проанализировав состав бумаги во всем объеме рукописи, устанавливаем число различных знаков (диапазон их местоположения в рукописи можно зарегистрировать, выписывая номера листов рукописи, соответствующие границам разных блоков бумаги, или же воспользовавшись закладками из очень тонкой бумаги, чтобы не повредить листы

рукописи). Определяя разницу в знаках одного и того же сюжета, следует учитывать, что при изготовлении бумаги параллельно использовали обычно две (или четыре) формы с одинаковой филигранью, изображение которой все-таки чем-то отличалось на одной форме и на другой. Листы, произведенные на парных формах с подобными филигранями, входили в одну партию бумаги. Поэтому в рукописях мы наблюдаем чередование листов с парными филигранями, которые почти одинаковы, но отличаются, например, местоположением знака относительно понтюзо, немного другими расстояниями между знаком и понтюзо. При идентификации такие варианты знаков практически считаются за один знак, поскольку они имеют одну и ту же дату. Но разницу этих парных форм знака полезно заметить и зафиксировать. Составив представление о наборе филиграней в рукописи и отметив номера листов, на которых филиграни видны лучше, можно приступить к копированию знаков.

Способ копирования филиграней зависит от целей исследования рукописи. Как правило, такой целью является датировка рукописи, и в этом случае целесообразно перерисовывать знаки карандашом на лист бумаги, не прибегая к калькированию, то есть переведению контуров на кальку, требующему специальных навыков и небезопасному для рукописи. При перерисовывании знака невозможно точно воспроизвести все изгибы линий и их конфигурацию, однако надо точно отразить такие параметры (их надо замерить линейкой в миллиметрах), как длина прямых линий, величина диаметра окружностей, максимальная величина самого знака по высоте и ширине, величина поддающихся промерам основных деталей сюжета. Необходимо также измерить расстояния между понтюзо, пересекающими филигрань, и отметить следующие данные: 1) перпендикулярны или параллельны понтюзо сюжету филиграни; 2) находится центр сюжета филиграни на понтюзо или же между двумя понтюзо. Все это может пригодиться при идентификации знака.

Калькирование знака осуществляется при помощи специальных приспособлений, предотвращающих повреждение листа рукописи: оргстекло подкладывается с «изнанки» листа; тонкая прозрачная, но прочная синтетическая пленка подкладывается между листом и калькой. Лист рукописи поддерживается в положении, близком к вертикальному; источник света должен находиться со стороны «изнанки» листа. Калькирование производится мягким карандашом без нажима. Такой способ копирования знака гораздо более точен и необходим для целей локализации, то есть установления места создания рукописи по филиграням, а также для других специальных целей исследования. Учитывая тот факт, что в настоящее время крайне мало справочников, позволяющих решать задачи локализации рукописи по филиграням, необходимость в калькировании у исследователей возникает редко.

Переведение филиграней на кальку допускается только с разрешения сотрудников хранилища рукописей.

Калькирование являлось основным, классическим способом копирования знаков для создания справочных альбомов филиграней. Однако следует признать, что этот способ не обеспечивает полной точности, поскольку невозможно избежать определенных искажений из-за разности толщины линии знака и заточки карандаша, из-за неизбежных сдвигов листа кальки, из-за ограниченных возможностей человеческого глаза, который не в состоянии видеть разницу уже в 0,1 долю мм, и т. п. Следующая доля искажений добавляется при печатном воспроизведении знака в альбоме. Поэтому одной из основных проблем филигранологии является совершенствование способов копирования и воспроизведения знаков. В 60-х гг. XX в. Д. П. Эрастов изобрел метод бета-радиографии для съемки знаков; применялся также и способ контактной фотопечати (на основе этого способа было выпущено несколько альбомов, знаки в них воспроизведены не в виде прорисей, а в виде фотографических снимков). В настоящее время на основе методов съемки объекта в разных лучах спектра активно разрабатываются новые электронные способы фиксации и воспроизведения филиграней, обеспечивающие высокую точность оцифрованных копий знаков.

Зарисовав все встречающиеся в рукописи разные филиграни, приступаем к идентификации знаков с образцами в альбомах. Сразу заметим, что полное тождество сделанной нами копии знака (даже если эта копия получена самыми современными компьютерными способами оцифровки и обработки изображения) и образца, представленного в альбоме, удается установить крайне редко. С одной стороны, это обусловлено уже отмеченными искажениями при воспроизведении знака в альбоме, а с другой — тем обстоятельством, что сама отливочная форма в процессе производства деформировалась, а значит, изменялся каким-то образом и знак. По мере использования формы знак мог даже утрачивать какие-то элементы сюжета (например, шарики на бубенцах у шапки шута). Теоретически вообще не может быть двух совершенно одинаковых филиграней даже на бумаге из одной партии. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что бумага как материал весьма подвержена влажностно-температурным влияниям, а деформация и хотя бы незначительное изменение размеров листа под воздействием внешних условий неизбежно ведут и к изменениям в очертаниях знака. Таким образом, копия филиграни, сделанная с листа, который был произведен в начале временно́го периода использования формы, может довольно существенно отличаться от копии, сделанной с листа бумаги, которая была отлита на той же форме, но через год.

Учитывая эту специфику, при работе со справочниками филиграней надо опираться на следующие принципы идентификации знаков.

1) Прежде всего надо учитывать типологические различия знаков одного и того же сюжета. Каждый сюжет (например, «Кувшинчик») представлен тысячами филиграней. Один и тот же сюжет существовал какое то время, иногда в течение нескольких столетий, и при этом эволюционировал. Развитие рисунка сюжета происходило от простого к сложному. Видоизменения сюжета на определенном этапе приобретали типологическое различие. Например, в XV в. знак «Кувшинчик» имел простые очертания (см. табл. 12), затем он получил крышки разных усложненных форм, затем над крышкой появился полумесяц (см. табл. 13), а сам кувшинчик все чаще стали изображать с двумя, а не с одной ручками; еще одну линию типологии сюжета «Кувшинчик» представляет изображение кувшина с цветами: в XVI в. это были небольшие цветки с листьями, а в XVII в. они становятся пышными, большими. Каждый сюжет претерпел то или иное развитие, и типологическое различие сюжета является хронологически значимым. Чтобы не ошибиться в определении типа, полезно поначалу просмотреть весь набор образцов данного сюжета в альбоме, обращая внимание на характерные, значимые изменения деталей сюжета. Знаки в альбомах, как правило, расположены в порядке усложнения рисунка сюжета, и по мере накопления практического опыта определение типа сюжета перестает вызывать трудности.
2) При анализе различий идентифицируемого знака от образцов в альбомах внутри одного типа надо опираться на сходство тех элементов сюжета, которые могли быть менее подвержены деформации (то есть не на разную кривизну формы носа в изображении профиля шута, а на величину вертикальной штанги, на диаметр колец и т. п.). Здесь пригодятся те промеры различных параметров знака, которые были сделаны линейкой при копировании.
3) Выбрав наиболее подходящий образец в альбоме, следует обозначить степень точности отождествления знака. Для такого обозначения существует несколько терминологических систем, вытекающих из разных классификаций видового разнообразия сюжета. Наиболее обоснованной методологически является система, предложенная А. А. Амосовым, который выделяет четыре степени точности при сравнении знаков. Два знака (например, знак в исследуемой рукописи и образец в альбоме) могут быть:
   а) тождественны — полное совпадение контуров знаков. Тождественные знаки — это знаки на бумаге, произведенной на одной отливочной форме. Строго говоря, ввиду обозначенных выше всевозможных погрешностей при копировании и воспроизведении знаков, установить тождество знаков позволяют лишь оптоэлектронные способы исследования филиграней;

б) близки — полное совпадение в деталях изображения при незначительных расхождениях контуров. Близкие знаки — это знаки на бумаге, произведенной на парных отливочных формах;
в) подобны — сходство в общей композиции рисунка и деталях;
г) одного типа — типологическое сходство на уровне аналогии основных элементов сюжета.

На практике мы наблюдаем тождественные и близкие знаки при просмотре в рукописи листов с одной и той же филигранью; обращаясь же к альбомам, чаще всего приходится констатировать, что искомый знак «подобен» тому или иному образцу в альбоме или же «типа» того или иного образца в альбоме (в последнем случае лучше подобрать и указать несколько примеров).

Установив по справочному аппарату используемого альбома филиграней даты образцов знаков, с которыми нам удалось идентифицировать в определенной степени филиграни исследуемой рукописи, приступаем к датировке рукописи. Здесь надо иметь в виду, что в альбомах приведены даты написания тех документов, с которых сняты образцы филиграней, то есть даты **использования** бумаги, а не даты изготовления бумаги, определить которые можно лишь приблизительно и на основании дат использования (не ранее самой ранней выявленной даты использования). Поскольку до XVIII в. бумага в Россию ввозилась из различных европейских стран, как правило, в России эта бумага использовалась несколько позднее, чем в стране производства. Кроме того, существует еще фактор «залежности» бумаги, то есть бумага могла какое-то время храниться до того, как на ней начнут писать. Поэтому, как бы точно ни совпадала обнаруженная в изучаемой рукописи филигрань с образцом в альбоме, необходимо прибавить условные 5—7 лет «до» и «после» той даты, которая проставлена в альбоме. Точной даты написания рукописи филиграни дать не могут, но датировка в диапазоне 10—15 лет вполне убедительна для рукописей, датируемых по совокупности палеографических признаков.

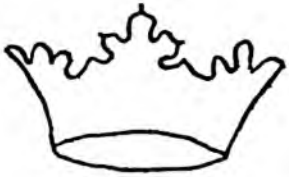
Как правило, в рукописи обнаруживаются несколько разных филиграней, и, следовательно, из справочников мы извлечем целый набор дат. В этом случае целесообразно датировать рукопись теми хронологическими рамками, в которые вписываются даты из справочников, например: 20—30-е гг. XVI в., или вторая половина XVII в., или первая четверть XV в. и т. п. Если же наблюдается значительный хронологический разрыв в извлеченных из справочников датах и они могут быть вписаны лишь в очень широкие рамки, то мы имеем дело с конволютом, состоящим из нескольких частей, созданных в разное время. Каждую часть конволюта следует датировать отдельно. Очевидно, что данные филиграней помогают установить сам факт того, что рукопись является конволютом (напомним, что наличие в рукописи нескольких

почерков еще не означает того, что разные писцы работали в разное время, — они могли работать одновременно над созданием одной рукописи).

По мере приобретения практического опыта можно научиться приблизительно датировать рукописи по водяным знакам, и не имея под рукой справочных альбомов филиграней. Датирующим фактором могут служить, например, вержеры. Древнейшая бумага XIII—XIV вв. характеризуется вержерами средней ширины (в 1 см их насчитывается 8, с 7 промежутками). Такая бумага существовала до середины XV в. С 30-х гг. XIV в. появляется бумага с очень широкими вержерами (в 1 см их насчитывается 5, с 4 промежутками). Такая бумага производилась только в XIV в. Со второй половины XV в. появляется бумага с частыми вержерами (в 1 см их насчитывается 12, с 11 промежутками). Таким образом, вержеры помогают различить более древнюю бумагу, бумагу XIV в., и бумагу более позднего времени. Заметим также, что бумага, произведенная на Востоке, может не иметь понтюзо или же иметь нерегулярные понтюзо. Что касается самих филиграней, то многие знаки, видоизменяясь и переходя из одного века в другой, все-таки имеют более или менее определенные хронологические рамки для определенных типов сюжета. Так, сюжет «Кувшинчик» в качестве знака употребляется с XIV по XIX в., но «Кувшинчик» под полумесяцем встречается лишь с конца XVI в. Сюжет «Рука» любых типов характерен для XVI в., а сюжет «Сфера» — для середины XVI в. Наиболее распространенные сюжеты филиграней по векам см. в табл. 11—16.

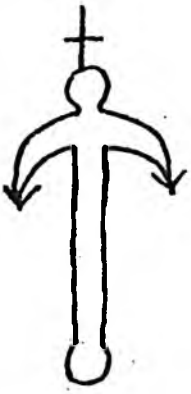
Сюжеты филиграней, характерные для XV в.

Виноград



Корона

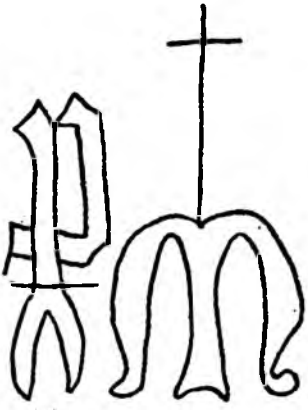
Звезда



Якорь

Ножницы

Дельфин

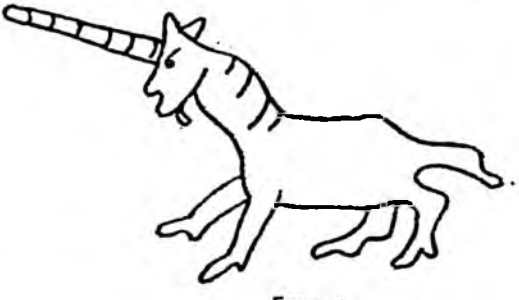


Буква Р

Буква М

Три горы

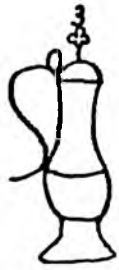
Рог



Единорог

Сюжеты филиграней, характерные для XVI в.

Рука



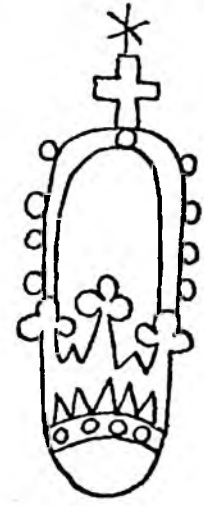
Кувшинчик

Герб

Веерь

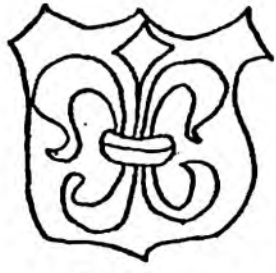
Три короны

Буква В



Корона

Топор

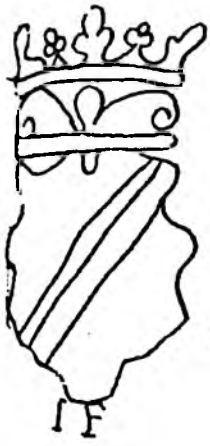


Герб Говдава

Герб Абданк

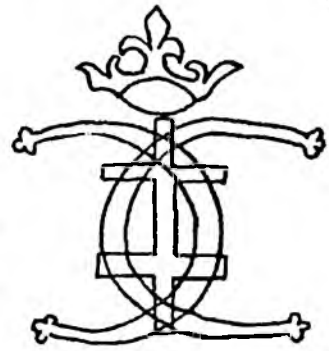
Герб Лис

Сюжеты филиграней, характерные для 1-й половины XVII в.



Перевязь

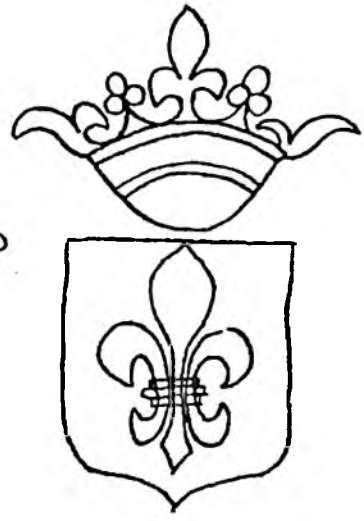
Столбы



Крест лотарингский

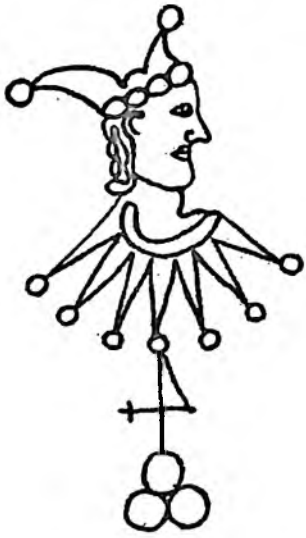
Дом под крестом, обвитым змеей

Кувшинчик



Лилия

Сюжеты филиграней, характерные для 2-й половины XVII в.



Голова шута

Герб Амстердама

Герб Семи провинций

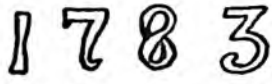
Сюжеты филиграней, характерные для XVIII в.

Про патрия

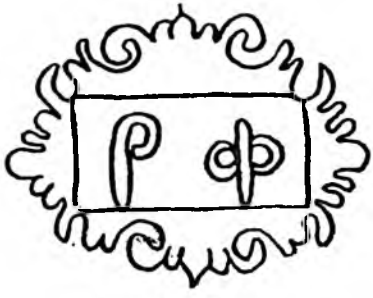
Орел двуглавый

Филиграни XVIII в. на бумаге русского производства

Герб Ростова



Герб Ярославля



Буквы РФ в картуше

Герб Москвы

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ

Образцы изводов, типов письма, почерков XI—XVIII вв.

ಇಂದಿನ ಸಮಾಜದಲ್ಲಿ ಮಹಿಳೆಯರ ಸ್ಥಾನಮಾನಗಳು ಬಹಳ ಕೆಳಮಟ್ಟದಲ್ಲಿವೆ. ಅವರು ಪುರುಷರಿಗೆ ಸಮಾನವಾಗಿ ಬದುಕಲು ಅವಕಾಶಗಳಿಲ್ಲ. ಅವರಿಗೆ ಸಮಾನ ಹಕ್ಕುಗಳಿಲ್ಲ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಅಧೀನದಲ್ಲಿ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಆಸೆಗಳನ್ನು ಪೂರೈಸಲು ಮಾತ್ರ ಹುಟ್ಟಿದ್ದಾರೆ ಎಂಬಂತೆ ಅವರನ್ನು ನಡೆಸಿಕೊಳ್ಳಲಾಗುತ್ತಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಗೆಲಸ ಮಾಡಲು, ಅವರ ಮಕ್ಕಳನ್ನು ಹೆರಲು ಮತ್ತು ಸಾಕಲು ಮಾತ್ರ ಇದ್ದಾರೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಲೈಂಗಿಕ ಆಸೆಗಳನ್ನು ಪೂರೈಸಲು ಮಾತ್ರ ಇದ್ದಾರೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಕೆಲಸದವರಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಗುಲಾಮರಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಜೀತದಾಳುಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಅಡಿಯಾಳುಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಕೀಳುಮಟ್ಟದ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎರಡನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಮೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನಾಲ್ಕನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಐದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಆರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಏಳನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಂಟನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಒಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಹತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಹನ್ನೊಂದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಹನ್ನೆರಡನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಹದಿಮೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಹದಿನಾಲ್ಕನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಹದಿನೈದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಹದಿನಾರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಹದಿನೇಳನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಹದಿನೆಂಟನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಹತ್ತೊಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಇಪ್ಪತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಇಪ್ಪತ್ತೊಂದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಇಪ್ಪತ್ತೆರಡನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಇಪ್ಪತ್ತಮೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಇಪ್ಪತ್ತನಾಲ್ಕನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಇಪ್ಪತ್ತೈದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಇಪ್ಪತ್ತಾರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಇಪ್ಪತ್ತೇಳನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಇಪ್ಪತ್ತೆಂಟನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಇಪ್ಪತ್ತೊಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಮೂವತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಮೂವತ್ತೊಂದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಮೂವತ್ತೆರಡನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಮೂವತ್ತಮೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಮೂವತ್ತನಾಲ್ಕನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಮೂವತ್ತೈದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಮೂವತ್ತಾರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಮೂವತ್ತೇಳನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಮೂವತ್ತೆಂಟನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಮೂವತ್ತೊಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನಲವತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನಲವತ್ತೊಂದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನಲವತ್ತೆರಡನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನಲವತ್ತಮೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನಲವತ್ತನಾಲ್ಕನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನಲವತ್ತೈದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನಲವತ್ತಾರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನಲವತ್ತೇಳನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನಲವತ್ತೆಂಟನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನಲವತ್ತೊಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಐವತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಐವತ್ತೊಂದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಐವತ್ತೆರಡನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಐವತ್ತಮೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಐವತ್ತನಾಲ್ಕನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಐವತ್ತೈದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಐವತ್ತಾರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಐವತ್ತೇಳನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಐವತ್ತೆಂಟನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಐವತ್ತೊಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಅರವತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಅರವತ್ತೊಂದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಅರವತ್ತೆರಡನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಅರವತ್ತಮೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಅರವತ್ತನಾಲ್ಕನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಅರವತ್ತೈದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಅರವತ್ತಾರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಅರವತ್ತೇಳನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಅರವತ್ತೆಂಟನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಅರವತ್ತೊಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಪ್ಪತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಪ್ಪತ್ತೊಂದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಪ್ಪತ್ತೆರಡನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಪ್ಪತ್ತಮೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಪ್ಪತ್ತನಾಲ್ಕನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಪ್ಪತ್ತೈದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಪ್ಪತ್ತಾರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಪ್ಪತ್ತೇಳನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಪ್ಪತ್ತೆಂಟನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಪ್ಪತ್ತೊಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಂಬತ್ತೊಂದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಂಬತ್ತೆರಡನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಂಬತ್ತಮೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಂಬತ್ತನಾಲ್ಕನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಂಬತ್ತೈದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಂಬತ್ತಾರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಂಬತ್ತೇಳನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಂಬತ್ತೆಂಟನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ಎಂಬತ್ತೊಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ತೊಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ತೊಂಬತ್ತೊಂದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ತೊಂಬತ್ತೆರಡನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ತೊಂಬತ್ತಮೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ತೊಂಬತ್ತನಾಲ್ಕನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ತೊಂಬತ್ತೈದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ತೊಂಬತ್ತಾರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ತೊಂಬತ್ತೇಳನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ತೊಂಬತ್ತೆಂಟನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ತೊಂಬತ್ತೊಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರೊಂದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರೆರಡನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಮೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರನಾಲ್ಕನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರೈದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಾರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರೇಳನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರೆಂಟನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರೊಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಹತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಹನ್ನೊಂದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಹನ್ನೆರಡನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಹದಿಮೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಹದಿನಾಲ್ಕನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಹದಿನೈದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಹದಿನಾರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಹದಿನೇಳನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಹದಿನೆಂಟನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಹತ್ತೊಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಇಪ್ಪತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಇಪ್ಪತ್ತೊಂದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಇಪ್ಪತ್ತೆರಡನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಇಪ್ಪತ್ತಮೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಇಪ್ಪತ್ತನಾಲ್ಕನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಇಪ್ಪತ್ತೈದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಇಪ್ಪತ್ತಾರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಇಪ್ಪತ್ತೇಳನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಇಪ್ಪತ್ತೆಂಟನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಇಪ್ಪತ್ತೊಂಬತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಮೂವತ್ತನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಮೂವತ್ತೊಂದನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಮೂವತ್ತೆರಡನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಮೂವತ್ತಮೂರನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ ನೂರಮೂವತ್ತನಾಲ್ಕನೇ ದರ್ಜೆಯ ಪ್ರಜೆಗಳಂತೆ ಬದುಕಬೇಕಾಗಿದೆ. ಅವರು ಪುರುಷರ ಮನೆಯಲ್ಲಿ

№ 1

Зографское евангелие. XI—XII вв. Глаголица. Пергамен (РНБ. Глаг. 1).

а) л. 11 (основная часть, XI в.).

Кириллицей:

[Сего ради гл҃ю
вамъ· не пцѣте сѧ дш҃ею]
своею· что ѣсте ли что
пиете· ни тѣломь вашимь·
въ что облѣчете сѧ· не д҃ша
ли больши есть пиштѧ·
і тѣло одеждѧ· възьрите
на птицѧ нб҃снꙑѧ· како
не сѣѭтъ ни жьнѫтъ· ни
събираѭтъ въ житьницѫ·
і оц҃ь вашь небс҃нꙑ питѣ
етъ ѧ· не вꙑ ли паче лоу
чьши іхъ есте· кто же отъ
васъ пекъı сѧ· можетъ при
ложити тѣлеси своемь
лакътъ единъ· і о одежди
что сѧ печете· съмотри
те цвѣтъ селънꙑіхъ како
растѫтъ· ни трогждаю҃
тъ сѧ ни придѫтъ· гл҃ю
же вамъ· ѣко ни соломѡнъ·
въ всеи славѣ своеи облѣ
че сѧ· ѣко единъ отъ сихъ·
аште же сѣно дьнесь сѫ
штее· а оутрѣ въ огнь вꙑмѣ /
[таемо·]

Транскрипция:

[Сего ради глаголю вам: Не пцете ся душею] своею, что ясте или что пиете, ни теломь вашимь, въ что облечете ся. Не душа ли больши есть пиштя и тело одеждя? Възьрите на птиця небесныя, како не сеютъ, ни жьнутъ, ни събираютъ въ житьницу, и Отець вашь небесны питеетъ я. Не вы ли паче лучьши ихъ есте? Кто же отъ васъ, пекы ся, можетъ приложити телеси своемь лакъть единъ? И о одежди, чьто ся печете, съмотрите цветъ селъныхъ, како растутъ, ни труждаютъ ся, ни придутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ въ всеи славе своеи облече ся, яко единъ отъ сихъ. Аште же сено дьнесь суштее, а утре въ огнь въме[таемо...] [Ср.: Мф. VI. 25—30.]

б) л. 43 об. (палимпсестная часть, XII в.).

Кириллицей:

[Аште же не послоушаетъ
ихъ · ръци цр҃ъкъви · аште же и от
цр҃ъкъви не радити начънетъ
да бѫдетъ ти ѣко азъı]
чъникъ и мъıтаръ: а
минъ бо гл҃ѭ вам:
елико аште съвѧ
жете на земи:
бѫдетъ съ
в-зано на
нб҃сехъ
и елико
аште ра
здрѣ
шите
на зе
ми:
бѫде
тъ ра
здрѣ
шено
[на нб҃си]

Транскрипция:

[Аште же не послушаетъ ихъ, ръци церъкъви. Аште же и от церъкъви не радити начънетъ, да будетъ ти яко язы]чъникъ и мытаръ. Аминъ бо глаголю вам: Елико аште съвяжете на земи, будетъ съвязано на небесехъ, и елико аште раздрешите на земи, будетъ раздрешено [на небеси.] [Ср.: Мф. XVIII. 17—18.]

СА ВѢДОМЪ ТВОІ · НПОВѢДАІЄЛНІГО
ТНС ТВОРНТЬ · ОТЪЖЕ НДѢШЕПО
ВСЕМОУ ГРАДОУ ПРОПОВѢДАЙ · ЄЛН
ІСОС ТВОРНЄЛОУ ІЇ[illegible]
ЗДНБ · СѢДАЩЮІСОУСЪГОРЫ · СЪРѢ
ТЄІНАРОДЪМНОГЪ · НІСЄМЖЖЪЄДИ
НЪЄТЪНАРОДАЬПНАШЄГЛА · ОУЧИ
ТЄЛЮМОЛЖТНСАПРНЗЪРННАСНАМО
ЄГО · НАІСОЙНЄЧАДЪЄСТЪ · НІСЄДКЪЄ
МЛЄТЫ · НЄЬНЄЗАПЖЄЪЗЪПНЄТЪ
НПРѢЖАЄТЪСАСЪПѢНАПТН · НЄДЪ
БАѲ ТЪХОДНТЪОТЪНЄГОСЪІСРОУ
ШАМІ · НПОЛНХЪГАОУЧЄННІСОМЪ
ТВОІМЪ · ДАНЖДЄМЖТЪІНЄВЪ
ЗМОГЖ · ОТЪВѢЩАВЪЖЄІСРЄЧЄІМЪ ·
ЙРОДЄНЄВЪРЪНЫІРАЗВРАЩЄНЫІ ·
ДОІСОЛЬБЖДЖЪЗБАМН · НТРЬПЪ
БЪІПРНВЕДЄТЄМНСНЪТВОІЄЩЄ
ЖЄГЛЖЩЮЄМОУПОБРІЖЄЪЄЪСТРАСЫ ·

№ 2
Саввина книга. XI в. Пергамен (РГАДА. Ф. 381. № 14).
Л. 57.

Транскрипция:

[Иисусъ же отъпусти и, глаголя: «Възврати] ся въ домъ твои и поведаи, елико ти створи Богъ». Онъ же идеше по всему граду, проповедая, елико створи ему Иисус.
Суббота 8. Евангелие от Лукы.
Въ оно время съходящю Иисусу съ горы, сърете и народъ многъ. И се мужъ единъ отъ народа вьпияше, глаголя: «Учителю, молу ти ся, призъри на сына моего, яко иночядъ естъ. И се духъ емлетъ и, и вьнезапу възъпиетъ и пружаетъ ся съ пенами, и едъва отъходитъ отъ него, съкрушая и. И молихъ ся ученикомъ твоимъ, да ижденутъ и, и не възмогу». Отъвещавъ же Иисус рече ему: «О, роде неверны и развращены! Доколе буду съ вами и трьплю вы! Приведете ми сынъ твои». Еще же глаголущю ему, повръже и бесъ, трясы. [Ср.: Лк. IX. 37—42.]

сатьбльцыхыщницы. ѡплосконхьпозмлѧ
тса. кдяѡбыимлатьѡтрьнимгрозы.
нлиѡтрнволѣщокцы. такоѡседѣводо
брое. плодыдобрытворить. азлодѣвопло
дызлытворить. неможѣдѣводобропло
зосктворитн. ннидѣвозлоплододобрыс
ьтворитн. бедѣвожежметварнтьпло
дыдобра. посѣсѧтьенѣьѡгньѣьѣлѣ
тлать. тѣиже убоѡплоддахьпознаат
сѧ. Небесьглѧдимѣгнгн. бнидебцртѣ
во нѣмое. нжтворлнволѧѡцѧлок.
гонжекнанѣхъ. ПОзыресѧтьцмѣѣ
ьтьндньгнгн. неѣтвоелендлапрчь
стбовѧходь. нтвонцьнделнедьсмлы
ѧмогысьтводнхо. тогдиспобѣдьнцѧ
мсонмсолнжезнѧѣ. ѡтндѣтеѡш
ьнеѣьсндѣлѧѧщенѣезаконїкъ. весь
ѵубожеслышнсловесамом. нсьдѣ
ворнтьм. ѵпблѧнцѧжоглѧдроу. нже
сьзѧхдѧвнѧсѣоѧнясцемн. нсмн
дедьжьпрнндѧрѣсы. нѣызѣѣшѧѣ

№ 3

Баницкое евангелие. XIII в. (не ранее 1234 г.). Среднеболгарский извод. Пергамен (Народная библиотека «Кирилл и Мефодий» в Софии. № 847).

Л. 12.

Транскрипция:

[Вьнемлете от льживых пророк, иже приходять кь вам вь одеждахь овчехь, внятрьудуже] суть вльцы хыщницы. От плод своихь познают [1] ся. Еда обыемлять от трьния грозды или от триволе смоквы? Тако все древо доброе плоды добры творить, а зло древо плоды злы творить. Не может древо добро плод зол сьтворити, ни древо зло плод добрь сьтворити. Все древо, еже не творить плода добра, посекають е и вь огьнь вьметають. Темже убо от плода ихь познают ся. Не весь, глаголяи мне: «Господи, Господи», вниде вь царство небесное, ну творяи волю отца моего, иже есть на небесехь. Мнозы рекуть мне вь тьи день: «Господи, Господи! Не вь твое ле имя пророчьствовахомь и твоимь именемь силы многы сьтворихом?» Тогда исповемь им, яко николиже знах вас. Отидете от мене вьси, делающеи безаконие. Весь убо, еже слышит словеса моя и сьтворить я, уподобля и мужу мудру, иже сьзда храмину свою на камени. И сниде дьждь, и прииду рекы, и вьзвещу ве [три, и нападу на храмину ту, и не паде ся, основана бо бе на камени.] [Ср.: Мф. VII. 15—25.]

Палеографический комментарий:

К признакам среднеболгарского извода относится употребление двух юсов (как малого ѧ, так и большого ѫ). При этом, в отличие от старославянских текстов, наблюдается отражающее языковые явления смешение юсов, так называемая «мена юсов»: вола вместо вольѫ (11 строка); познаѧт вместо познаѫт (9 строка). Индивидуальной особенностью данного почерка является схожесть начерков этих букв. Другой характерный признак среднеболгарского извода — написание юсов вместо редуцированных: нѫ вместо нъ (11 строка). Ввиду того что ъ и ь в болгарском языке того времени фонетически сближались, среди рукописей среднеболгарского извода встречаются рукописи одноеровые (в них из редуцированных употребляется только ъ) и рукописи одноеревые (употребляется только ь). Данная рукопись одноеревая.

---

[1] Случаи смешения юсов в болгарских рукописях передаем в соответствии с нормами русского языка, то есть ѧ — [ю] (познаѧт — познают, вола — волю).

ансе· нн҃бодьмъдасть нꙁемлапрозе
бепладнсвоѥ· бракѧщестовъвасьꙗ
бсꙋдитьѡнестины нѡбратнтьн
істе· дакѣсть таісаѡбратнынгрѣ
шнніса ѡꙁабꙋдєннапоутнкега·
ѵ҃ѣсѣсть дшоу ѡсмртн· нпоіскѥть
с҃мнажьсть вагрѣдьжѡтьи· ємь· пѣ· аѣ·
п҃.

ѯпетрѣа· ѥпнлнѧ· ѧ·

Ѯпетрьапльіехъ· нꙁбранынмьпрншь
лъцемьвърасѣмнн· пантоутаалатнн·
ісападаісни· нясни· нвнѳанин· попро
зрѣннютоуѧщоу· бѣстынюдѧоу·
въпасѧшанніенсрапѣєннѥісрвыіседъ·
блгтьвамьнмнрьдаоумножнтьсе·
блгвнъбнѡцьтанашегаѣсѣа· пофо
дѣныіпомнесѣнмлтнсвоѥн· въоу
пванніе ѳнва· бъсєрѣшєннѥлыісѣоа
мьѡмртвыіхъ· вънасьѣдаванніе
нєнстлѣньмонѥсісѣрьмьнѳ· нѥоу
вѣдаѥмо· съѣлоудаѥлопанбсѣдь·
вънасьѣутврьжѧщнхьсесилоюбмнѥ
юс вѣрою ьѣсѣєннѥготова· гавнти
сѣвъврѣмепослѣднѥѥ· ѡнѥмлѣ
равнтѣсѣннѣлало· ѧщѣлѣпаѣєть·
прнсєрьѣномьбывше· бъраꙁанчнніе
напастн· данісоушєнніѥвѣрѣва
шєндражьшеꙁлататнѣлѧщаага

№ 4

Апостол Матицы Сербской. Третья четверть XIII в. Сербский извод. Пергамен (Библиотека Матицы Сербской в г. Нови Сад, РР 184). Л. 40 об.

Транскрипция:

[Илия человекь бе подобень намь, и молитвою помоли се не быти дьждю, и не одьжди по земли лета 3 и месяць 6. И пакы помо] ли се, и небо дьждь дасть, и земла прозебе плоди свое. Братие, аще кто вь вась заблудить от истины, и обратить и кто, да весть, яко обративыи грешника от заблуждения пути его спасеть душу от смрти и покриеть множьство грехь. [Ср.: Иак. 17—20.]

Конец недели 242. Петак 32.

Петрова епистолия 1.

Петрь, апостоль Иисус Христовь, избраньныимь пришьльцемь, вь расеяни, Понту, Галатии, Кападокии, и Асии, и Вифании, по прозрению Господу и Отцу вь святыню Духу вь послюшание и кропление крвы Иисус Христове: благодать вамь и мирь да умножить се. Благословень Богь и Отець Господа нашего Иисус Христа, порожде ны по мнозеи милости своеи вь упвание живо вьскрешениемь Иисус Христовомь от мртвыхь, вь наследование неистленьно и нескврьньно, и неуведаемо, сьблудаемо на небесехь вь нась, утврьждающихь се силою Божиею, верою вь спасение готово явитисе вь време последнее. О нем же радуите се ныне мало, аще лепо есть, прискрьбномь бывше вь различние напасти, да искушение вере вашеи дражьше злата гиблющаа-го... [Ср.: Петр. I. 1—7.]

Палеографический комментарий:

Характерной приметой сербского извода является отсутствие юсов, то есть употребление ѥ вместо ѧ (сѥ вместо сѧ — строка 23 и др.; врѣмѥ вместо врѣмѧ — 23; прозѥбе вместо прозѧбе — строка 1—2); ю вместо ѭ (свою вместо своѭ — строка 2); оу вместо ж (заблоудить вместо заблждить — строка 2—3 и др.; поути вместо пжти — строка 5); ю вместо ѫ (вѣрою вместо вѣроѫ — строка 22). Из редуцированных в древних сербских рукописях (до XV в.) употребляется только ь, таким образом, рукописи сербского извода одноеревые, как и данная рукопись. Еще одна особенность рукописей сербского извода — смешение ы и и (плоди вместо плодъı — строка 2; крвъı вместо крви — строка 13; разлиунии вместо разлиунъıѥ — строка 25).

нереуежемоунїс
якомоумьретъ
нъаще хощѫда
тъпрѣбъіваетъ·
домьдежепрндѫ·
уьтонестьтебѣ
сьместьоууенникъ·
съвѣдѣтельстъ
іѫноснухъ нжен
нлпнсаснивѣ
нь·якоистинь
ноестьсъвѣдѣ
тельствоего сѫ
тьженнямъно
га·ѫжесътворн
нїсъ ѫжелщепок
днномоупнсана
бъівашѧтъ·ннса

момоумьнѫмн
роубъмѣстнтн·
пншемъінухъкъ
нигъамнн ⁘
а
ебъне·стѫжѫпатнко
г т в
остна·евл·шноана·тла·па·

ъпослѣдьнн
ндьнь·вели
кънпразд
нникъ·сто
ѫшенїсъ·
нзъвлашеглѫ
щекътожѫждеть·
дапрндетькъмъ
нѣнпнѣть бѣ
рѫѫнкъмѫ якѡ
жекъннгъіреко
шѫ рѣкъіотъурѣ

№ 5

Остромирово евангелие. 1056—1057 гг. Пергамен (РНБ. F.п.I.5). Л. 54.

Транскрипция:

...не рече же ему Иисус, яко не умьреть, нъ: «Аще хощу, да тъ пребываеть, доньдеже приду, чьто есть тебе?» — Сь есть ученикъ, съведетельствуяи о сихъ, иже и написа сии. Вемь, яко истиньно есть съведетельство его. Суть же и ина мънога, яже сътвори Иисусъ, яже аще по единому писана бывають, ни самому, мьню, миру въместити пишемыихъ кънигъ. Аминъ. [Ср. Ин. XXI. 23—25.]

Въ неделю святую пятикостия Евангелие от Иоана глава 81.

Въ последьнии дьнь великыи праздьникъ стояаше Иисусъ и зъваше, глаголя: «Аще къто жяждеть, да придеть къ мъне и пиеть. Веруяи въ мя, якоже кънигы рекошя: рекы отъ чре [ва...»] [Ср.: Ин. VII. 37—38.]

Палеографический комментарий:

Тип письма — устав. Основные датирующие признаки устава XI в.: 1) буква ѣ «вписана» в строку, то есть вертикальная мачта буквы не выступает за верхнюю границу строки (прѣвъıваѥть — стб. 1, строка 4; тебѣ — стб. 1, строка 6; въмѣстити — стб. 2, строка 2, и др.); 2) средний элемент буквы ѡ доведен до верхней границы строки (ѡ Иоана — стб. 2, строка 6). Кроме того, наблюдаются начерки букв, свойственные XI—XII вв.: 1) чашеобразное ѵ (рєѵє — стб. 1, строка 1; чьто — стб. 1, строка 6); 2) поперечные элементы букв и и н имеют тенденцию быть написанными посередине строки (оученикъ — стб. 1, строка 7, и др.); 3) соединительные элементы у йотированных букв также находятся примерно в середине строки (ємоу — стб. 1, строка 1; даже — стб. 1, строка 16; глѣ — стб. 2, строка 12); 4) перекрестие элементов у буквы ж находится в середине строки (жаждеть — стб. 2, строка 13, и др.). Имеются экфонетические знаки (крестики во 2-м стб.).

№ 6

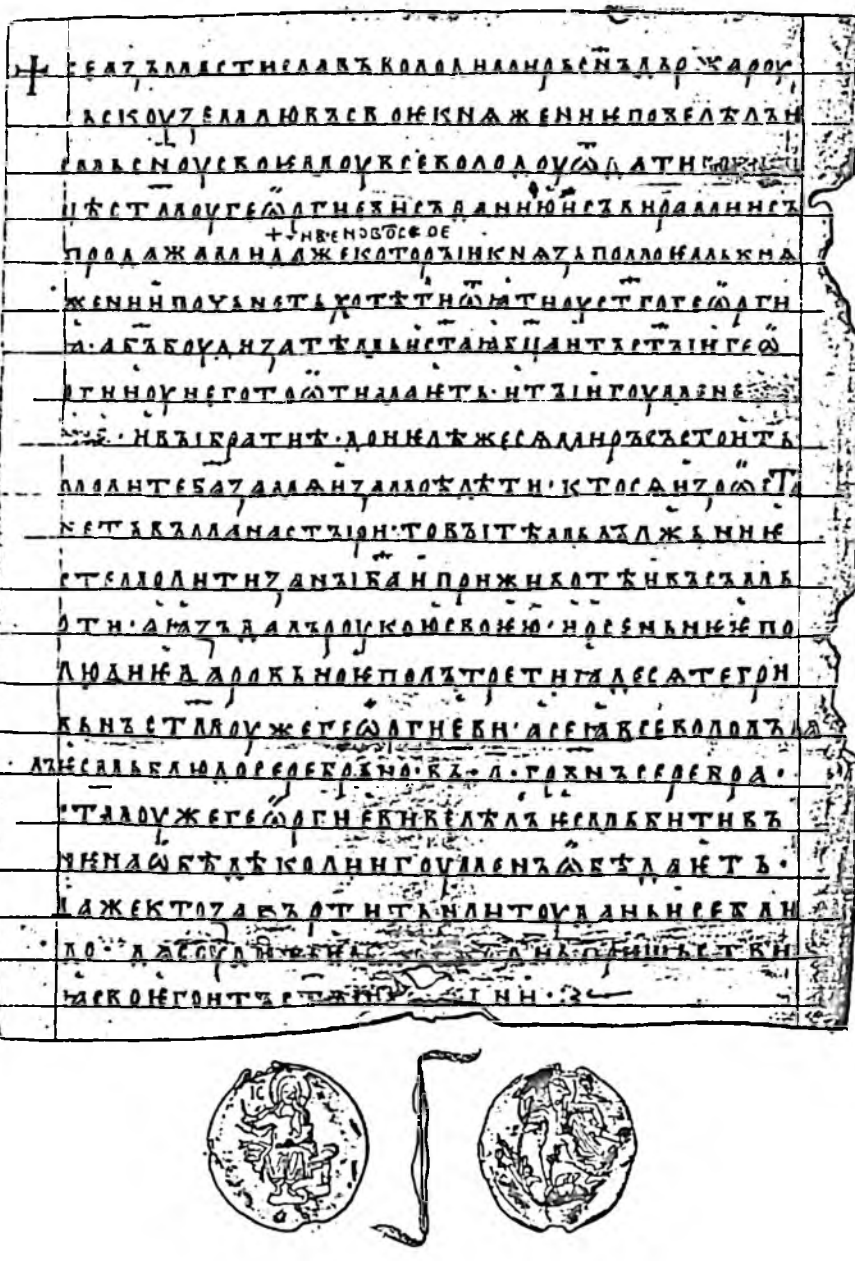
Благовещенский кондакарь. XI—XII вв. Пергамен (РНБ. Q.п.I.32). Л. 18 об.

Транскрипция (начиная со второй строки текста):

Месяца того в 13 [13 ноября]. Иоанна Златоустаго. Кондак. Глас 6. Подобен «Еже о нас».
О(ооо)тъ(ъ) не(е)бе(ее)съ(ъ) прии(иииихихиии)мъ Бо(оо)жи(иии)ю(уу) бла(аа)го(оооо)деть и(иии) сво(оо)и(и)ма(аа) у(уу)стьна(ааааахахааа) вь(ьь)ся(аааа) у(уу)чи(ииииии)ши кла(ааа)няти(и)ся(уааа) Тро(оо)и(иииии)ци еди(и)но(ооохохоо)му(уу) Богу, И(и)о(о)а(уаааааа)не(хехеее) Зла(а)то(ооооо) [у(ууу)сте...]

Палеографический комментарий:

Поскольку текст певческой рукописи теснейшим образом связан с напевом, при написании распеваемые гласные могли повторяться в строке необходимое в соответствии с напевом число раз, иногда со вставлением вспомогательного согласного «х» (эти «лишние» буквы в транскрипции взяты в круглые скобки). Над строкой текста располагается строка нотации.
Вид нотации — кондакарная. Система кондакарного пения и ее нотация оказали влияние на знаменную систему и ее нотацию, то есть на основной вид нотации русских певческих рукописей. Это влияние выразилось в заимствовании знаменной нотацией отдельных кондакарных начертаний. Заимствование знаменными рукописями двустрочных кондакарных знамен прекращается в XIV в. Присутствие пережитков кондакарного знамени в знаменных рукописях является датирующим признаком.
Тип письма — устав. К рубежу XI и XII вв. рукопись позволяют отнести следующие признаки: 1) буква ѡ имеет средний элемент, доведенный до верхней границы строки (признак XI в.) (ѿѡ — строка 2); 2) буква ѣ имеет мачту, выступающую за верхнюю границу строки (признак XII в.) (бла(аа)го(оооо)дѣть — строка 6); 3) имеются общие для обоих веков признаки — чашечное ѵ (ꙋ(уу)ѵн(ииииии)шн — строка 9); перекрестие элементов у буквы ж, поперечные элементы у букв н и и, соединительные элементы у йотированных букв находятся в середине строки (южε о нас — строка 3; Бо(оо)жи(иии)ю(уу) — строки 5—6; еди(и)но(ооохохоо)мꙋ(уу) — строки 11—12).



№ 7

Грамота князя Мстислава Новгородскому Юрьеву монастырю. Ок. 1130 г. Пергамен (НГОМЗ).

Транскрипция:

Се азъ, Мьстиславъ Володимирь сынъ, дьржа Русьску землю въ свое кнѧжение, повелелъ есмь сыну своему, Всеволоду, отдати [Буи]це святому Георгиеви съ данию, и съ вирами, и съ продажами, (далее вставка над строкой, помеченная крестом) и вено Вотское. Даже которыи князь по моемь кнѧжении почьнеть хотети от[ъ]яти у святого Георгия, а Богъ буди за темь и святая Богородица и тъ святыи Георгии у него то отимаеть. И ты, игумене [Исаие], и вы, братие, донележе ся миръ състоить, молите Бога за мя и за мое дети, кто ся изоостанеть въ манастыри, то вы темь дължьни есте молити за ны Бога и при животе, и въ съмьрти. А язъ далъ рукою своею, и осеньнее полюдие даровьное, полътретия десяте гривьнъ святому же Георгиеви. А се я, Всеволодъ далъ есмь блюдо серебрьно въ 30 гривенъ серебра святому же Георгиеви, велелъ есмь бити въ не на обеде, коли игуменъ обедаеть. Даже кто запъртить или ту дань, и се блюдо, да судить ему [Богъ] въ день пришьствия своего и тъ святый [Георг]ии.

Палеографический комментарий:

Тип письма — устав. Основные датирующие признаки устава XII в.: 1) у буквы ѣ мачта выступает за верхнюю границу строки, а коромысло приходится на границу строки (тѣмь — строка 7; за моѣ дѣти — строка 10; велѣлъ — строка 17); 2) у буквы ѡ средний элемент не доведен до верхней границы строки, конфигурация буквы изменилась и утратила строгость, присущую начеркам XI в. (ѿдати — строка 3; Гєѡргиєви — строки 4 и 15; ѡбѣдаютъ — строка 18). Эти признаки, отличая устав XII в. от устава XI в., будут свойственны и уставу XIII—XIV вв. Чтобы отделить устав XII в. от устава XIII—XIV вв., необходимо обратить внимание на признаки, свойственные только уставу XI—XII вв., а именно: 1) чашеобразное ч (почьнеть — строка 6); 2) поперечные элементы букв н и и , находящиеся примерно в середине строки (кнѧжении — строка 5—6; игоумене — строка 8; вити — строка 17); 3) соединительные элементы у йотированных букв находятся примерно в середине строки (своюе кнѧжениюе — строка 2; рокою своею — строка13); 4) перекрестие элементов у буквы ж находится в середине строки (продажами, даже — строка 5; же — строки 15 и 17).

стимѣи·нгожѣзахвалаащантѧбла
гоудетнѣьноумолилѣбнще·отъвѣдъ
нзбавлающи нотъбѣзаконьныи
хѣызыкавьѣьгда·:— стір·

нажбалнга·гла·в·по·нгаашар·:—

гдаманаполнильтьстьмь·стоудекъ
нажѣборнѣ·напраснопристоупи
шароужьницнѣзнакмн·посѣла
нноотъкрататьонгосватошълка
бидажѣприставьникътвоикопи
нкаго·напроводенниоустроенно·на
падинапьрентвонакъпнга обауе-
олнменѣпроводъшетолнмонго
еполнѣнъжѣнѣътворншабѣзако
ньнии проводъшенекѣ зѣтого
тапроводошакъпаж

гаабратомінабнадѣкнмогнь по
вьѣпраспалаашеіа·мъілипрѣвла
жѣнаканѣправьѣьноубнистьо

№ 8

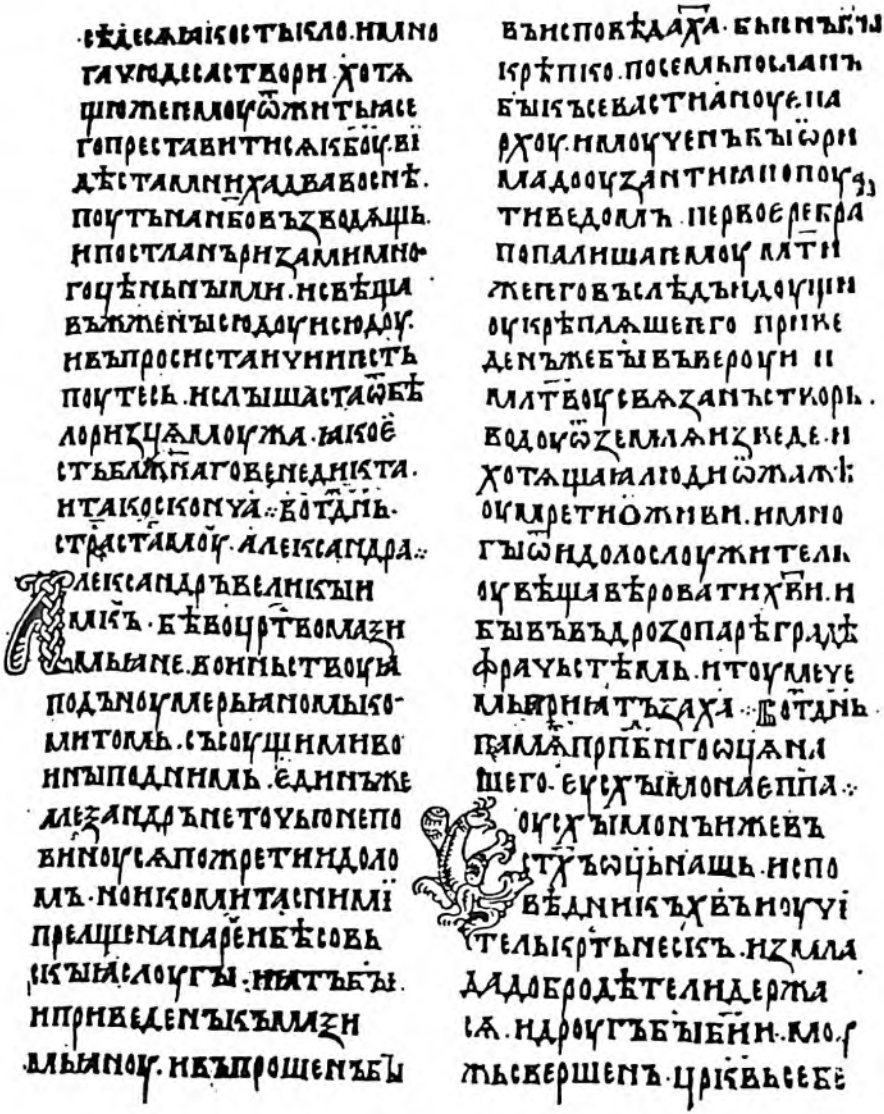
Стихирарь праздничный крюковой. 1156—1163 гг. Новгород. Пергамен (РНБ. Софийское собр. № 384).
Л. 106 об.

Транскрипция:

...стимыи, егоже за хвалящая тя благочьстивьно умоли, девице, отъ бедъ избавляющи и отъ безаконьныихъ языкъ вьсьгда.
Стихира на «Хвалите Господа». Глас 2. Подобен «Егда от др[ева]».
Егда на поли льтьстьмь стояще, къняже Борисе, напрасно приступиша оружьници незнаеми, посълани отъ брата твоего Святопълка. Видя же приставьникъ твои копие наго, на прободение устроено, нападе на пьрси твоя, въпия: «Обаче оли мене прободъше, толи мои господинъ». Еже и сътвориша безаконьнии, прободъше, и скв[о]зе того тя прободоша, къняж[е].
Егда братоненабидения (вместо: братоненавидения) огнь по вьсеи распаляашеся мысли, преблаженая, на неправьдьно убиистьво...

Палеографический комментарий:

Русская нотированная рукопись, знаки нотации — крюки — расположены над строками текста, причем тот или иной знак стоит над каждым слогом, включая слоги, образованные редуцированными гласными. Важнейшая особенность написания текста в нотированных рукописях — отсутствие сокращений слов под титлами (кроме односложных слов Бг҃ъ, Снъ҃ и изредка двусложных слов того же семантического ряда). Тип письма — устав XII в. Наблюдаются основные признаки устава XII в.: 1) у буквы ѣ коромысло совмещается с верхней границей строки, а мачта выступает вверх (братонєнавидѣнига — строка 17; отъвѣлъ — строка 2); 2) у буквы ѡ средний элемент опущен, а сама буква «выбивается» из ритма строки (ѿ — строка 5); 3) чашеобразное ѵ (благоѵьстивьно — строка 2; обаѵє — строка12); 4) поперечные элементы букв н и и находятся в середине строки, так же как и перекрестие элементов у буквы ж (ороужьници нєзнаємии — строка 8; жє — строка10); 5) соединения у йотированных букв находятся на середине строки (хвалаща — строка 1; избавлѧющи — строка 3; ꙗзыкъ — строка 4; южє — строка 14). Вид нотации — крюковая знаменная, беспометная. Это основной вид нотации древнерусских рукописей (только с конца XVI в. начинают употребляться крюковая демественная и крюковая путевая нотации). Начерки крюков, так же как и начерки букв, имеют палеографическое значение. Начерки крюков данной рукописи позволяют отметить особенности, характерные для XII—XIII вв.: 1) вертикальная черта крюков короче горизонтальной (слова «вертикальный» и «горизонтальный» употребляем для выражения общего направления начер-



ка — в действительности линии имеют тот или иной наклон); 2) вертикальные начерки сделаны с нажимом, они «толстые»; горизонтальные — более «тонкие»; 3) вертикальная черта несколько наклонена вправо, горизонтальная имеет тенденцию подъема правого конца вверх, но подъем этот незначителен (сравнительно с начерками в более поздних рукописях).

№ 9

Пролог. Конец XIII—начало XIV в. Пергамен (РНБ. Собр. Погодина. № 60).

Л. 18.

Транскрипция:

... седе ся, яко стькло, и многа чюдеса створи. Хотящю же ему от житья сего преставити ся к Богу, видеста мниха два во сне путь, на небо възводящь и постланъ ризами многоценьными, и свеща въжжены сюду и сюду. И въпросиста и: «Чии есть путе сь?» И слышаста от белоризця мужа, яко есть блаженаго Венедикта. И тако сконча.

Во тот ж день. Страсть святаго мученика Александра.

Александръ великыи мученикъ бе во царство Максимьяне воиньствуя подъ Нумерьяномь комитомь съ сущими воины под нимъ. Единъ же Александръ не точью не повинуся пожрети идоломь, но и комита с ними прелщена нарече и бесовьскыя слугы. И ятъ бысть и приведенъ къ Максимьяну, и въпрошенъ бывъ, исповеда Христа. Бьенъ бысть крепко, посемь посланъ бысть къ Севастиану епарху, и мученъ бысть, от Рима до Узантия по пути ведомъ. Первое ребра попалиша ему. Мати же его, въ следъ идущи, укрепляше его. Приведенъ же бысть въ Веруи и, молитву связанъ створь, воду от земля изведе и хотящая люди от жаже умрети оживи, и многы от идолослужитель увеща веровати Христови. И бывъ въ Дрозопаре граде фрачьстемь, и ту мечемь приятъ за Христа.

Во тот же день. Память преподобнаго отця нашего Еусхымона епископа.

Еусхымонъ, иже въ святыхъ отець нашь исповедникъ Христовъ и учитель крестьнескъ, измлада добродетели держася и другъ бысть Божии, мужь свершенъ, церковь себе...

Палеографический комментарий:

Устав XIII—XIV вв. Характерные признаки: 1) буква ѵ угловой формы (ѵюдеса — стб. 1, строка 2; ѵни — стб. 1, строка 10; фраѵьстѣмь — стб. 2, строка18); 2) поперечные элементы у букв н и и смещены к верхней границе строки (и постланъ ризами — стб. 1, строка 7; великыи — стб. 1, строка 16; воинъı под нимь — стб. 1, строка 20—21; свазанъ — стб. 2, строка 11); 3) соединительные элементы у йотированных букв также смещены к верхней границе строки (хотящю же юмоѵ — стб. 1, строка 2—3; до ОѴзантиа — стб. 2, строка 5); 4) буква ж состоит из пяти элементов, перекрестие элементов у буквы ж смещается к верхней границе строки (моѵжа — стб. 1, строка12; ѿ жажѣ — стб. 2, строка 13; идолослоѵжитель — стб. 2, строка 15). С последней трети XIII в. встречается широкое є с удлиненным серединным элементом, стоящее вместо йотированного ю; в других случаях пишется обычное «узкое» є (єдинъ же — стб. 1, строка 21, и др.).

№ 10

Лаврентьевская летопись. 1377 г. Нижний Новгород. Пергамен (РНБ. F.п.IV.2).

Л. 10.

Транскрипция:

В лето 6430. В лето 6431. В лето 6432. В лето 6433. В лето 6434. В лето 6435. В лето 6436. В лето 6437. Приде Семевонъ на Царьградъ и поплени Фракию и Македонью, и приде ко Царюграду въ силе въ велице, в гордости, и створи миръ с Рамономъ царемъ, и възратися въсвояси. В лето 6438. В лето 6439. В лето 6440. В лето 6441. В лето 6442. В лето 6443. В лето 6444. В лето 6445. В лето 6446. В лето 6447. В лето 6448. В лето 6449. Иде Игорь на греки. Яко послаша болгаре весть ко царю, яко идуть Русь на Царьградъ, скедий 10 тысящь. Иже придоша, и приплуша, и почаша воевати Вифаньския страны, и воеваху по Понту до Аръклея и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидиискую попленивше, и Судъ весь пожьгоша; их же емше, овехъ растинаху, другия аки страньпоставляюще и стреляху въ ня, изимахуть, опаки руце съвязывахуть, гвозди железныи посреди главы въбивахуть ихъ. Много же святыхъ церквии огнемъ предаша, манастыре и села пожьгоша, и именья немало обою страну взяша. Потомъ же пришедъшемъ воемъ от въстока, Памъфиръ деместикъ съ 40-ми тысящь, Фока же патрекии съ македоны, Федоръ же стратилатъ съ фраки, с ними же и саиновьници боярьстии, обидоша Русь около. Съвещаша Русь, изидоша, въружившеся, на греки, и брани межю ими бывши зьли, одва одолеша грьци. Русь же възратишася къ дъ[ружине своей къ вечеру...]

Палеографический комментарий:

Тип письма — устав XIV в. Почерк отмечен отчетливо выраженной характерной для устава XIV в. чертой — деформацией, «разбуханием» петлеобразных элементов букв ъ, ь, в, ы. Петли утрачивают строгость формы, могут увеличиваться и вытягиваться, превращаясь в неправильный овал и достигая даже верхней границы строки (Памъфиръ — строка 26; идоуть — строка 13; тысящь — строка 26); петли у буквы в близки по форме к треугольнику (воеваху — строка 16; въсвояси — строка 7, и др.). Другие тенденции развития русского устава также представлены здесь в доведенной до предела форме: 1) поперечные элементы у букв н и и практически находятся на верхней границе строки (на — строка 20; ихъ — строка 22); 2) соединительные элементы у йотированных букв также находятся на верхней границе строки (яко — строка 12; царю — строка 13; боярьстии — строка 29; македонью — строка 5); 3) у буквы ж перекрестие находится на верхней границе строки (же — строки 25 и 27; межю — строка 31); 4) на месте йотированного ю пишется широкое є (воєвати — строка 15; иже ємше — строка 18), причем пишется систематически, а ю употребляется чрезвычайно редко.

мелꙑ бл҃говѣстихомъ
бапл҃ъ. проклат҃ъ дабу
дет҃ь. ѥкомерекохомъ.
инꙑнѣпакꙑгл҃юйме
бапл҃ъбл҃говѣстить.
паүепмебл҃говѣсти
хомъбапл҃ъ. аиафемл҃а
дабудет҃ь. нꙑнѣво
үлѣкꙑпрепираѭми
бл҃. ащебꙑхъүлѣкомъ
оүгажалъ. х҃ѵнебꙑхъ
ѧвъбꙑлъ. нѕ. кѣ.
апл҃ъ. къселцнажомъ.
рата. плодовꙑаслъ
цегодникъогѣ. до
стойноходитивъ
ѧбанивомеже
ѧбанивесте. совсако
исплиремоюблцдрость

юникротостиюстерпѣ
нивемл҃ь. ѡдающедрц
гъдрцгц. любовию
тшащесаблюстиседи
нениѭдх҃а. въсоюцъ
плира. сединоттѣлои
сединъдх҃ъ. ѥкомѣи
ѧбанибꙑстевъседи
ноюцпованиеѧбани
ѥвашего. сединъгꙑи
сединавѣраиседино
крщнию. сединъбъ
йоцьвсѣмъйовсѣхъ
йовсѣхъ. сединоүц
коплиждонасъдаѣть
саблгтьюплѣрѣда
рахва. вроне. кѕ. нѣ.
апл҃ъ. ктимлофѣю
абелъапл҃ъісхвъ

№ 11

Апостол. 1391 г. Новгород. Пергамен (РНБ. Собр. Погодина. № 26). Л. 138.

Транскрипция:

...же мы благовестихомъ вамъ. Проклятъ да будеть, якоже рекохомъ. И ныне пакы глаголю: иже вамъ благовестить паче, еже благовестихомъ вамъ, анафема да будеть. Ныне бо человекы препираю[т] ли Бога? Аще быхъ человекомъ угажалъ, Христу не быхъ рабъ былъ.

Неделя 25. Апостолъ къ селуняномъ.

Братия, молю вы азъ, угодникъ о Господе, достойно ходити въ званию, в неже звани есте, со всякою смиреною мудростью и кротостию, с терпениемь, отдающе другъ другу любовию, тщащеся блюсти единения духа въ соузъ мира. Едино тело и единъ духъ, якоже и звани бысте въ едино упование звания вашего. Единъ Господь, и едина вера, и едино крещение. Единъ Богъ и Отець всемъ и о всехъ и во всехъ, единому комуждо насъ даеться благодать по мере дара Христова.

В понедельник 26 недели. Апостолъ к Тимофею.

Павелъ апостолъ Иисус Христовъ ...

Палеографический комментарий:

Тип письма — устав. Типичный образец позднего русского устава. Признаки XIV в. выражены достаточно отчетливо наряду с теми признаками, которые наблюдаются уже с XII в.: 1) выступающая за верхнюю границу строки мачта у буквы ѣ (по мѣрѣ — стб. 2, строка 16, и др.); 2) буква ѡ с пониженным средним элементом (ѿдающе — стб. 2, строка 2); 3) поперечные элементы у н и и , а также соединения у йотированных букв приближаются к верхней границе строки (молю — стб. 1, строка 14; ꙁванию — стб. 1, строка 17; ꙗдинъ — стб. 2, строка 7; ꙗкоже — стб. 2, строка 7); 4) перекрестие элементов у буквы ж сместилось к верхней границе строки, сама буква пятиэлементная (оуꙋгажалъ — стб. 1, строка 11; комуждо — стб. 2, строка 15). Наблюдается деформация петлеобразных элементов букв, но выражена она не так навязчиво, как в письме Лаврентьевской летописи, и сказывается в угловатости петель (всѣмъ — стб. 2, строка 13; въ — стб. 2, строка 5; благодать — стб. 2, строка 16). Особенностью письма является то, что писец не употребляет широкого є, в соответствующих позициях регулярно проставляя йотированное ꙗ (ꙗсте — стб. 1, строка 18; оупованиꙗ — стб. 2, строка 9; даѥть — стб. 2, строка 15).

Ѡ ЗАЧАТІИ ПРЕСВ҃ТЫѧ БГРДЦ҃Ы

ПОнеже оубо мнѡзѣ начаша чтнии
тип ѡвѣтѣть. ѻ҆ зачатіи ѡвѣтованыѧ
нам҃ъ. ѩ҆ сожепрѣдашанамь
ѩ҆ женепрѣвасамовидцыслоугы
бывшеѧ человѣкъ. ѩ҆ зволисѧнамѣ
послѣдовавшоѹ выше вѣщенїи
но. порадоупѣатитебѣдрѣжа
выиѳеѳїле. дарасомѣшѣонн
женаоучилемѣнелшвеѣ ѻ҆ тврѣженїе.

БЫстьвъ днѣи рождаетсѧ іоудѣиска.
ієрѣи нѣсыи именемь Захарїа. ѡ҆дне
выиачтѣдыавїина. ѩ҆ женаего. ѡ҆
дъщерїи ааронов҃ъ. ѩ҆ мяемелїсавѣ.

Зач҃ало в҃

СЕ҃ ІСТ҃ НАЗАЧАЛІЕ ІЄ҃ІШІЕРТ҃Ъ. Б҃Ъ Ѡ҆, БЫВЬДНИ

№ 12

Евангелие. 1473 — 1480 гг. Коломна. Пергамен (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 3/3).

а) л. 118.

Транскрипция:

От Лукы святое Благовествование. Глава 1.
Понеже убо мнози начяшя чинити повесть о известованых въ нас вещех, якоже предашя намь, иже испръва самовидци и слугы бывшеи словеси, изволися и мне, последовавшу выше въсех испытно, по ряду писати тебе, дръжавныи Феофиле, да разумееши, о нихже научился еси, словесех утвръждение.
Бысть въ дни Ирода, царя иудеиска, иереи некыи, именемь Захариа, от дневныя чреды Авианя, и жена его от дъщерии Аароновех, и имя еи Елисавет.

Богослужебные пометы на полях:

На Рождество честнаго Предтечя и крестителя Иоанна, на литургии. Зачало 2.
Септября 23. На Зачятие Иоанна Крестителя. Въ время оно; Бысть въ дни.

Палеографический комментарий:

Тип письма — полуустав. Новый тип письма приносит новые начертания букв; многие буквы именно в этих начертаниях употребляются до нашего времени: 1) ѵ несимметричное (наѵѧша ѵинити — строка 1—2 основного текста); 2) т с доведенными до нижней границы вертикальными элементами при горизонтальном покрытии (от этого начертания совр. прописное *т*) (повѣсть — строка 2, и др.); 3) буква ѕ в виде тройки (Заχариа — строка 11); 4) буква в с петлями (от этого начертания совр. прописное *в*) (дневныѧ — строка 11—12). В полуставе одна и та же буква может иметь несколько вариантов написания даже у одного писца, ср.: ꙁ уставного типа (изволисѧ — строка 5) и ѕ в виде тройки (Заχариа — строка 11); в уставного типа (вѣщех — строка 3) и в с петлями (дневныѧ — строка 11—12); т полуставное (испытно — строка 6—7) и т скорописное (Заѵѧтїе — богослужебная помета на нижнем поле). Ряд букв «возвращает» себе начертания, свойственные древнейшей эпохе, например, буква ѡ, имеющая доведенный до верхней границы строки средний элемент (мнѡзи — строка 1; слѡвесех — строка 9).
В полуставе в качестве знака интерпункции употребляется не только точка (или комбинации точек), как в уставе, но и запятая. По сравнению с уставом полуустав характеризуется большим числом выносных букв (любая буква может быть, в принципе, написана над строкой, причем постепенно выносные буквы утрачивают покрытие). Кроме того, в отличие от устава, в полуставе, вследствие его южнославянского происхождения, наблюдается употребление надстрочных знаков-ак-

центов (которые лишь в некоторых случаях соответствуют месту русского ударения: по́ ѓадоу пи́сати — строка 7).
Датирующие признаки полуустава XV в.: 1) наличие написаний, свойственных не русскому, а болгарскому языку, например, постановка редуцированного гласного после слогового плавного согласного, а не наоборот (дръжавиѣыи — строка 7—8; оутвръжденїѣ — строка 9); 2) достаточно частое употребление старого типа написания буквы ꙁ; 3) надстрочные буквы д, т, х вынесены без покрытия (въсѣ̀ѣ — строка 6; слоѵесѣ̀ ѵтвръжѐнїѣ — строка 9; Єлїсаѵѣ̀ — строка 13), а другие надстрочные буквы вынесены с покрытием (на̂ — строка 3; см. также выносные буквы п, в, н, с в богослужебной помете на нижнем поле).
Заглавие написано вязью — своеобразным типом письма, пришедшим на Русь в развитом виде вместе с полууставом и представляющим собой каллиграфическое средство. Характерный образец вязи XV в.

б) л. 71.

Транскрипция:

Единии же надесяте ученици идошя въ Галилеу, въ гору, яможе повеле имь Иисус. И видевше его, поклонишяся ему. Ови же усъмнешяся. И приступль Иисус рече имь, глаголя: «Даст ми ся въсяка власть на небеси и на земли. Шедше, научите въся языкы, крестяще их въ имя Отца и Сына и Святого Духа, учяще их блюсти въсе, елика заповедах вам. И се азь съ вами есмь въся дни до скончяниа века. Аминь».

Пометы:

Евангелие въскресно 1. Въ время оно; Едининадесяте.
Зачало 116.
Конець суботе великои и пръвому въскресному.
Конець еже от Матфеа святого Евангелиа. Стихов 2600. Издастся самемь тем по летех осмих Христова вознесениа.

Палеографический комментарий:

Тип письма — полуустав. Раннему полуставу XIV—XV вв. свойственны всевозможные вычуры, заимствованные из южнославянских рукописей. Пример фигурного оформления окончания текста — так называемый колофон. Основной текст обрамлен пометами; последнее слово «Аминь» написано скорописью перпендикулярно направлению строк, образуя острие фигуры. Текст содержит еще один датирующий признак для полуустава XIV—XV вв. — использование буквы ѫ (большой юс) (Галїлеѫ — строка 2 основного текста; ѓорѫ — строка 2; пристѫпль — строка 4—5). Эта буква в рукописях русского извода практически не встречается, но свойственна рукописям болгарского (среднеболгарского) извода, то есть той рукописной традиции, которая оказала определенное влияние на русскую письменность в XIV—XV вв. Южнославянское влияние наблюдается и в написании букв ь и ъ, которые

Кнзь ѥ̀ ѥ̀ посла́въ стожа́ть нѣдшоу́мѣ
Посмрче. лоучьшнѣ ѥ̀ ть оупоалтинна
бга. нежѣ пролнтинсроу́ѣ збра́тьѣ
своѣ. дѣглѣшпозможнашѣ. нто
оупра́нить нисожѣхощѣть
твозратнѣмано́въ
горш. нѣдо́
шасожко
вѣсвоѣ.

употреблены в тексте в точном соответствии с правилами, выработанными в Болгарии в XIV в.: ъ написан в середине слов и в конце предлогов, а ь — в конце значимых слов (въ — строка 2; имь — строки 2, 5; оусъмнѣша — строка 4; азъ — строка 13). К южнославянизмам относится и употребление э вместо а/ѧ/ѧ (въсѣка — строка 6 основного текста; скончѣниа — строка 15 основного текста).

№ 13

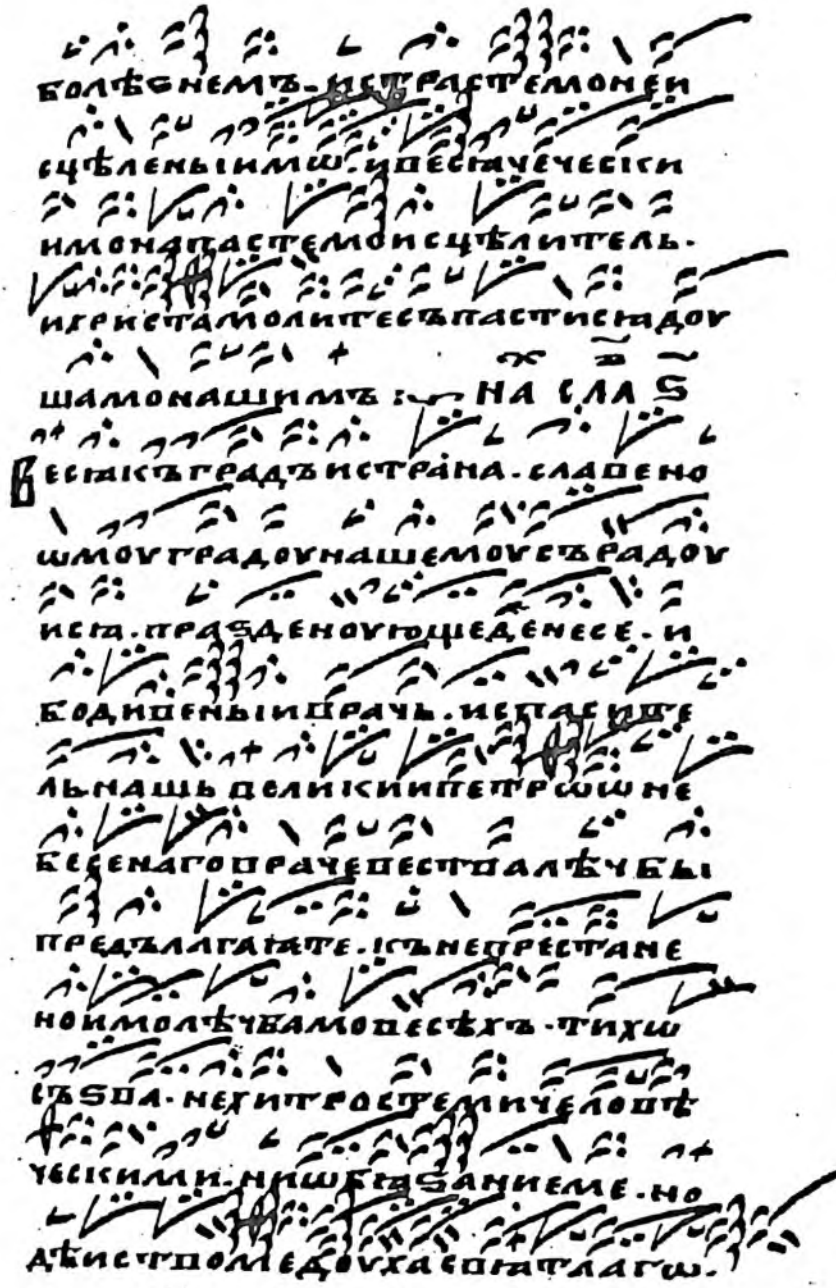
Лицевой летописный свод. Голицынский том. 1568—1576 гг. (РНБ. F.IV.225).
Л. 111 об.

Транскрипция:

Князь же Святославъ стоявъ и недоумевся, рече: «Лучьши есть уповати на Бога, неже пролити кровь з братьею своею. От Бога бо возможна вся, и той управить, якоже хощеть». И возвратися в Новъгород, и идоша кождо въсвоа.

Палеографический комментарий:

Тип письма — полуустав. Характерное для полуустава написание буквы в в виде прямоугольника с прогнутой внутрь правой вертикальной стороной (стовъ — строка 1; оуповати — строка 2; кровь — строка 3, и др.); наряду с таким написанием имеются и другие варианты: написание в с петлями (въсвоа — строка 9); написание в в соединении с предшествующим і (і возвратися — строка 6). Свойственное скорописи, но встречающееся и в полуставе написание к в виде двух параллельных линий, правая линия имеет изгиб внутрь (кровь — строка 3; якожі — строка 5). Часто встречается в полуставе, а также и в скорописи, написание н над строкой в виде двух параллельных черточек (то̑ — строка 4). Вариативность наблюдается в написании и других букв, например, буквы ѡ (ср.: ѿ и вѡ — строка 4). Датирующие признаки полуустава XVI в.: 1) преимущественное употребление нового написания буквы з в виде тройки (князь — строка 1; з братьею — строка 3; возможна — строка 4), притом что на других листах можно встретить и старое написание ꙁ; 2) преимущественное написание в новом варианте буквы т с доведенными до нижней границы строки крайними вертикальными элементами (стовъ — строка 1; есть оуповати — строка 2; пролити — строка 3, и др.), при этом встречается и старое написание (оуправить — строка 5). Для русского полуустава XVI в. характерно постепенное освобождение от тех черт южнославянского влияния, которые были чужды системе древнерусского языка: 1) не встречается юс большой ѫ (своею — строка 4; в конце слова мог быть ѫ); 4) надстрочный знак, обозначающий ударение, проставлен, чаще всего, в соответствии с нормами ударения русского языка (Свѧтосла́въ — строка 1; недѡоумѣ́вся — строка 1—2; кро́вь — строка 3; з бра́тьею — строка 3; оупра́вить — строка 5; хо́щеть — строка 5; идо́ша — строка 7—8).



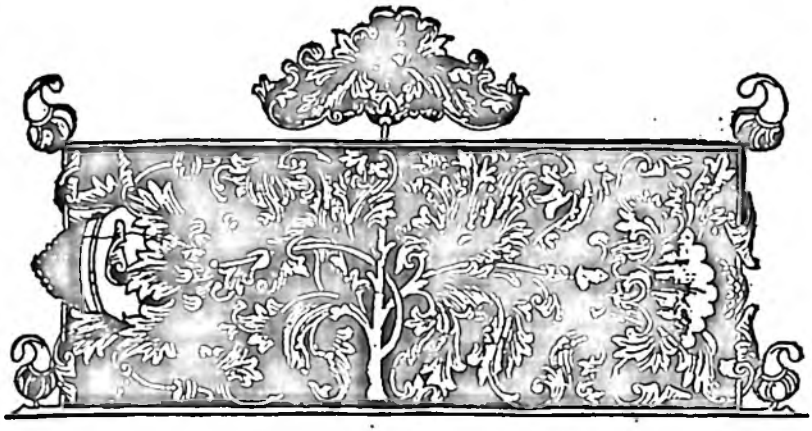
№ 14
Стихирарь крюковой. XVI в. (РНБ. Q.I.184)
Л. 208.

Транскрипция:

...болезнемъ и страстемо неисцеленыимо, и весяческиимо напастемо исцелитель, и Христа молите съпастися душамо нашимъ.
На Хвалитех. Слава 6.
Весякъ градъ и страна славеноому граду нашему сърадуися, празденующе денесе, ибо дивеныи врачь и спаситель нашь великии Петроо небесенаго врачевества лечбы предълагаете къ непрестаненоимо лечбамо, весехъ тихо съзва не хитростеми человеческими, ни обязанием, но деиствоме Духа святааго.

Палеографический комментарий:

Тип письма — полуустав. По традиционному написанию буквы т (крайние вертикальные элементы не доведены до нижней границы строки, см.: страстемо — строка 1; напастемо — строка 2, и др.) письмо датируется временем не позднее XVI в. Вид нотации — крюковая знаменная, беспометная, раздельноречие. Раздельноречие — своеобразное явление, свойственное русским певческим текстам примерно с XIII в. до третьей четверти XVII в. Суть его в том, что для сохранения неизменности напева в тексте все редуцированные (и те, которые «прояснились» в полные гласные, и те, которые «пали» и на письме в неноти рованных рукописях часто смешивались или опускались) могли заменяться на полные гласные: ъ на о, ь на е. Степень развития и характер раздельноречных изменений — признаки приблизительной датировки певческого памятника. В рукописи представлены начерки крюков, характерные для XV—XVI вв.: 1) вертикальная черта длинная; 2) вертикальная черта сделана без нажима, а черта горизонтального направления — с нажимом; 3) черта горизонтального направления все более поднимается правым концом вверх, так что угол, образуемый этой чертой с чертой вертикальной, становится все более острым.



Первое оубословіе сотворихъ обѣ тѣхъ, ѳеофиле. оних̃ начатъ тѣ, творити ниже научити • донегоже дне, заповѣдавъ апломъ дхомъ етымъ, ихже избра вознесеся. преними же ипоставивсебѣ жива пострадавшін своимъ . вомногихъ нетинныхъ знаменіихъ • днми четыредесятьми являсь имъ иглъ яже о цртвіи бжіи . и снѣ миже ядыи , повелѣваше имъ їерусалима нешлоучатисѧ • но ждати обѣтованіе цѣе , еже слышасте мене . . яко іѡаннъ оубо крстилъ есть водою . выже имате крститисѧ дхомъ етымъ , непомногихъ сихъ дне . . онижеоубо сшедшеся , вопрашахѫ

А

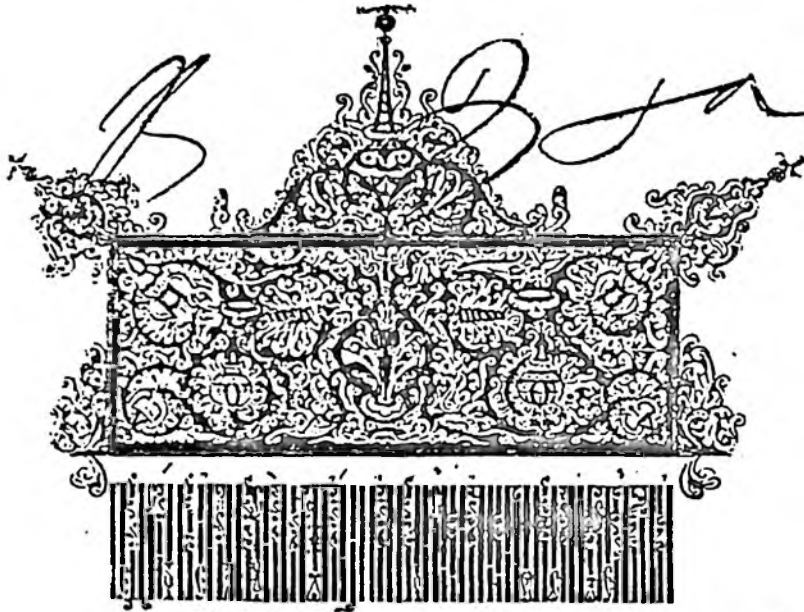
№ 15
Апостол. Москва, 1564 г.

Транскрипция:

Первое убо слово сотворихъ о всехъ, о Феофиле, о нихже начятъ Иисус творити же и учити до негоже дне, заповедавъ апостоломъ Духомъ святым, ихже избра, вознесеся, пред нимиже и постави себе жива по страдании своемъ, во мнозехъ истинныхъ знамениихъ, деньми четыридесятьми являяся имъ и глаголя яже о царствии Божии. С ними же и яды, повелеваше имъ: «От Иеросалима не отлучатися, но ждати обетование отчее, еже слышасте от мене, яко Иоаннъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ святымъ не по мнозехъ сихъ днех». Они же убо сшедшеся, вопрашаху... [Ср.: Деян. I. 1—6.]

Палеографический комментарий:

Шрифт старопечатных книг разработан на основе начертаний букв в полууставном письме, причем были сохранены характерные особенности этого типа письма: надстрочные знаки, выносные буквы (дн҃ — строка 5), несколько вариантов одной буквы, например, буквы ꙁ (изѕра, вознесеса — строка 5).



ѡ̀гнены хр҃тосъ · Посѣ́лиегѡ́писомъ и҃ммо
мѣ́шкы́тлю · Іпроразмѣ́шю · Сѣ́ркы́поземмѣ́к҃р
номадъла · Іприложе́нцаго по́дкѣпкелѝсоюсѝлою · Бъ
ргѣдлеченкалѝско · Ѡпирлалѧсѣлокы́клѣстрѣлкоюѝкро
сѝнѣ́м · Вокса́мплитъ · блѝпадокѝлѝсоспѧны · Ѣ́шо
кгомъгоно · Сѡпѝсѝѣ́ѣпюпѣ́ѧшѝмѧнарѧдыгѡпо́ьи
Вилѣ́шпрадѣ́клѝлюпрокѧлѣ́чѝсто · Цѣ́ргопокѝи
порошѣ́чной · Іѣ́сѣпо́чѝнадѣ́клѧшѝѣ́кгосѣ́ѣ · Ѩкаѣ
нѣ́шгоряжѣ́пцы́кережѣ́пцѣ́сокселѣ́ѣ́ѣлѣ́ѣ́ѣ · Ѩкѝскелѝ
цѣ́ѣпо́ѣѣнѣ́ѣпѝсѣ́ѣогѣ́спѧнка · Ѩлѝвѣ́ѣпѝсѣ́ѣмѧѣпѝсѧ́ѣ
клѧнѣ́ѣвѣ́стѧшь ѧлѧгѣ́сѣпѝѣлыѣлѣ́ѣблядѣ́кѣпѝ · Ѩѣ́ссѣпо
ѣ́ррѧдѣ́ноѣ́кь ѧ́шлѣ́ѣпокѣ́ѣсѣ́ѣмъѣ́ѣпѝѣ́ѣствѣ · Ѩѣ́сѣ́ѣны
прѣ́зѣ́мпыѣлъѣ́ѣпѣллѧ · Ѧ́ѣ́ѣкоѧжѣ́ѣйгрѧдодъкѣ́ѣлѣлъѣ́ѣй
пыѣлъѣ́ѣгѣ́ѣсѣпѝѣлюѣ́ѣпѝѣ́ѣлѣпыѣмъѣ́ѣлюдѣ́мъ · Кѣ́ѣлѝѣсѣ́ѣ

Ѣпотрекъ ѣзгожлѣщемъвъдѧ ·
ѣ́ѣерноѣтапьѣ послѣдѣтъ ·
которымъ ѡбычаемъ · ѣснара
ѣ́ѣберѣженѣ́ѣмѣкти · ѣ́здобрымъ
ѣ́ѣрѧдѣ́ствомъ ктомъ ѡ́рѫжѣ
нѣ́ѣстроѣтъ · ѣсодержѧти · ѣѡ

№ 16
Воинская книга о всякой стрельбе. XVII в. (РНБ. F.IX.3)
Л. 1.

Транскрипция:

Предисловие и главы сия настоящия воинския книги, о всякой стрелбе и о огненых хитростех. По геолметрийскому прямому обычаю и проразумению, сиирече, по землемерному делу. Прироженнаго подвигу великою силою вверхъ далече и блиско направляемо бывает стрелбою и бросанием. Со всякими теми надобными составы, и что к тому годно, воинские и потешные наряды готовить, селетру делать, и лютровать начисто, и серу готовить, и порох пушечной, и все по чину делати и блюсти. И как вооруженных бережение ко всему имети, и как великие полки воинские устраивать, и ими воинскими справами по статьям росписанымъ владети. И все то урядно обьявлено во всякомъ воинстве искусным и разумнымъ в память, такоже и градоделцемъ и иннымъ мудростилюбителнымъ людемъ к великой потребе згожается ведать.
Въ первой статье последуетъ, которымъ обычаемъ к снаряду бережение имети и з добрымъ урядьствомъ к тому оружейнии строить, и содержати, и о...

Палеографический комментарий:

Тип письма — полуустав. Заголовок вязью — штамбованный стиль (узко расположенные чрезвычайно удлиненные вертикальные элементы букв; вместо округлых элементов букв — изломы; пустоты в строке заполняются растительным мелкотравным рисунком), характерный образец письма вязью XVII в. Датирующими признаками могут служить заставка и инициал старопечатного стиля: гравированные заставки и инициалы старопечатных книг оказали влияние на всю русскую постпечатную рукописную традицию. В рукописях, написанных после появления печатных книг, пером чернилами выполняются заставки и инициалы, подражающие украшению печатной книги.

Мца февраля в. Преставленіе Пр
пбнаго wца нашего Кирилла бывшаго нопос
ника нашего Ѵ Нотворца. Намалѣ. пер.
стры. Самогласны. глс. ѣ. на. а.
Приспѣ нынѣ, преславѣтлаа памаа.
всеблаженнаго wца нашего Кирила.
да празднуемъ оубо братіе, воспѣ
вающе Его, вспѣніихъ испѣнехъ
духовны. печалны оутѣшителя.
wчаанны застоупника. болѧщи
исцѣлителя. Іегорою и любоwію
почитающе преславѣтыа подвиги
его и Іевзопіемъ глюще. пребла

№ 17

Служба Кириллу Новоезерскому и его Житие. Вторая половина XVII в. (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 771/1028)

Л. 1.

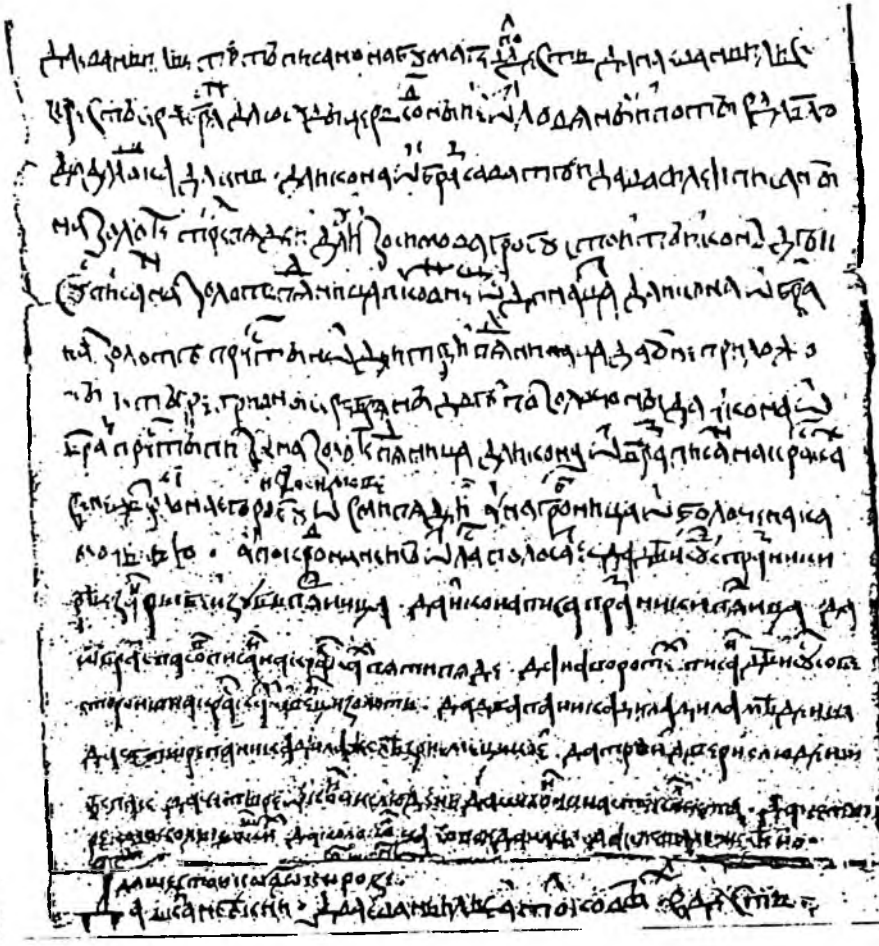
Транскрипция:

Месяца февраля в 4 день. Преставление преподобнаго отца нашего Кирила Белаго Новоозерскаго новаго чюдотворца. На малей вечерни. Стихиры. Самогласны. Глас 5. На 4.

Приспе ныне пресветлая память всеблаженнаго отца нашего Кири-ла. Да празднуемъ убо, братие, воспевающе его в пениихъ и песнехъ духовных, печалным утешителя, отчаянным заступника, болящим исцелителя, и верою, и любовию почитающе пресветлыя подвиги его. И возопиемъ, глаголюще: Пребла...

Палеографический комментарий:

Тип письма — полуустав. В XVII в. в полуустав все больше проникают элементы скорописания, что увеличивает число вариантов одной и той же буквы, ср.: буква ѳ в виде перевернутой тройки (выполненная одним движением пера) и ѳ, напоминающее уставное (преставленіе — строка 1); ѡ с высоким средним элементом и ѡ с почти исчезнувшим средним элементом (ѿц҃а — строки 2, 6; новоѡзерскаго новагѡ — строка 2—3); в, напоминающее уставное, в в виде прямоугольника и *в* с петлями (воспѣвающе — строка 7—8; февраля — строка 2; в 4 день — строка 1); ꙁ древнего типа (причем начерк буквы приобрел явные скорописные черты: выступающий за нижнюю границу строки элемент буквы при-чудливо изогнут вправо, буква стала своеобразным вычуром) и ѕ в виде тройки, которое явно превалирует, свидетельствуя о более позднем времени создания рукописи (застоупника — строка 10, и др.); т , напоминающее уставный тип, и *т* полуустав ное (почитающе — строка 12; чюдотворца — строка 3); два варианта буквы в — обычный пятиэлементный (братїѣ — строка 7) и скорописный с круглой петлей (волящим — строка 10); три варианта буквы л (печалнъим — строка 9, и др.; преставленїѣ — строка 1; вѣлаго — строка 2); три варианта буквы г (обычный: глаголюще — строка 13; составляющий лигатуру с буквой а: преподобнаго — строка 1—2; скорописный: самогласны — строка 4; этот вариант иногда с «узелком» на вертикальном элементе: глас — строка 4). В полуставном типе письма нередко встречаются лигатуры (преподобнаго — строка 1—2). К датирующим признакам XVII в. можно отнести употребление выносных букв без титла в слове новоѡзѣрскаѣ — ρ выносится над строкой с XVI в.; буквосочетание «гѡ» при написании лигатурой, как в данном примере, то есть когда буква г является средним элементом буквы ѡ, встречается только с начала XVII в.



№ 18

Опись строений и имущества Соловецкого монастыря 1514 г. Столбец (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7. № 1)

Сст. 3.

Транскрипция:

Да Еваньилье терт (вместо: тетр) писано на бумаге в полдесть, да на Еваньилье крест серябрян (вместо: серебрян). Да сосуды церьковныие: оловяныи потыр, да блюдо, да лошка, да сень. Да икона образ Саватеи да Василеи писаны на золоте трех пядей. Да у Изосимова гробу стоит иконъ: Деисус писан на золоте пядница, икон в нем одинацать. Да икона образ на золоте Пречистыи Одеитреи пядница, да у ней приложоны четыре гривны серебряны, две позолочоны. Да икона образ Пречисты писана [на] золоте пядница. Да икона образ писан на красках, венець золот на его робу (вместо: гробу) Изосимове осми пядеи. А нагробница оболочена камочькою. А покров на нем отлас полосат. Да Деисуд (вместо: Деисус) с празники реезан рыбей зубь пядница. Да икона писа (вместо: писаны) празники пядица (вместо: пядница). Да образ Спасов писан на красках пяти пяде[й]. Да на воротех писан Деисус с обе стороны на красках, а венци золоты. Да два паникадила (далее в строке лишнее «дила») медены, да четыре паникадила железо немецькое. Да трои двери слюдены в Спасе. Да четыре окончи слюдень. Да окончина стеколчета. Да четыре колоколы больших. Да колокол часовой. Да часы. Да клепало железно. // (сст. 4) Да шестой колокол розен. Да в казне книг. Два Еваньилья толковых в десть.

Палеографический комментарий:

Тип письма — скоропись. Принципиальная особенность скоропи-си — написание буквы одним движением без отрыва пера от бумаги. Вследствие этого многие буквы приобретают своеобразные начерки (которые также могут быть вариативны): буква ѥ (ѥваньилье — строка 1); буква и (писано — строка 1); буква ѣ (дѣнисъс — строка 4—5); буква ы (прѣчистыѥ — строка 6); буква *а* (*а* покров — строка 10); т выносное углом (т̃ла̃ полоса̃ — строка 10). В скорописи буква в часто пишется в два приема, похожей на д: шловѧнъын — строка 2. В скорописи любая буква может быть вынесена над строкой, выносные буквы могут образовывать даже два ряда над основной строкой: полдесть — строка 1. Датирующие признаки русской скорописи XV—начала XVI вв.: 1) отсутствие (или редкость) слитных написаний двух букв; 2) сравнительно небольшое число выносных букв, причем многие из них написаны под титлом (шбраꙁ спасо̃ писа̃ на крака̃ — строка 12; 3) сравнительно небольшое число букв, написанных одним движением; 4) лишь немногие буквы приобрели размашистый вертикальный росчерк пера (на ꙁолотѣ — строка 4). Внизу видна склейка сставов столбца.

Лѣта ·ЗОД·Г·: Сентября в· ка· Погребе
нрв Ивелиссо князь Новгородскаа Семьюна
в Сварожи Трхмотье Испонаказ Гредь нрв
Ивелиссо князь диа создания Амиссина
Снаборщенда. Дкникить Гредь Снощье
летних. Стефа Китийда Ссорато дмь
трвешписклинх Соловскомонкстъ. Ис
менубклмь. Дк Строите Гомесурю.
Дк Снимилучи Стацо Желкрюмисклбнкзи
моду. Дкинкчьбромкнудинакинь.
Дк Стацъ Гаркимуше Стернинь. Дк Стр
ча Сафбдаженинь. Дк Стадусаиетъ
жинь. Вдрисхо Вразъ Ибразъ Свибри
зь Исосудъ Исбчь Иссолосолъ. Испетанье
Строенцедрсодное Имаикпь Ссобъ Испса
бнвденти Исдзь Сребранье. Ишлодо
кбе Имбранье. Испсаюзапкманатъ
Ссой посему Стацъ. Прис камената
прсорките Стсодо Хрстисхрзомь Стнь
накпрядо Сторонь. Ибратрсбражее Стсо
воложе Сребропозолоте. Ханесдинк

№ 19

Опись строений и имущества Соловецкого монастыря 1570 г. Столбец (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7. № 3)

Сст. 1.

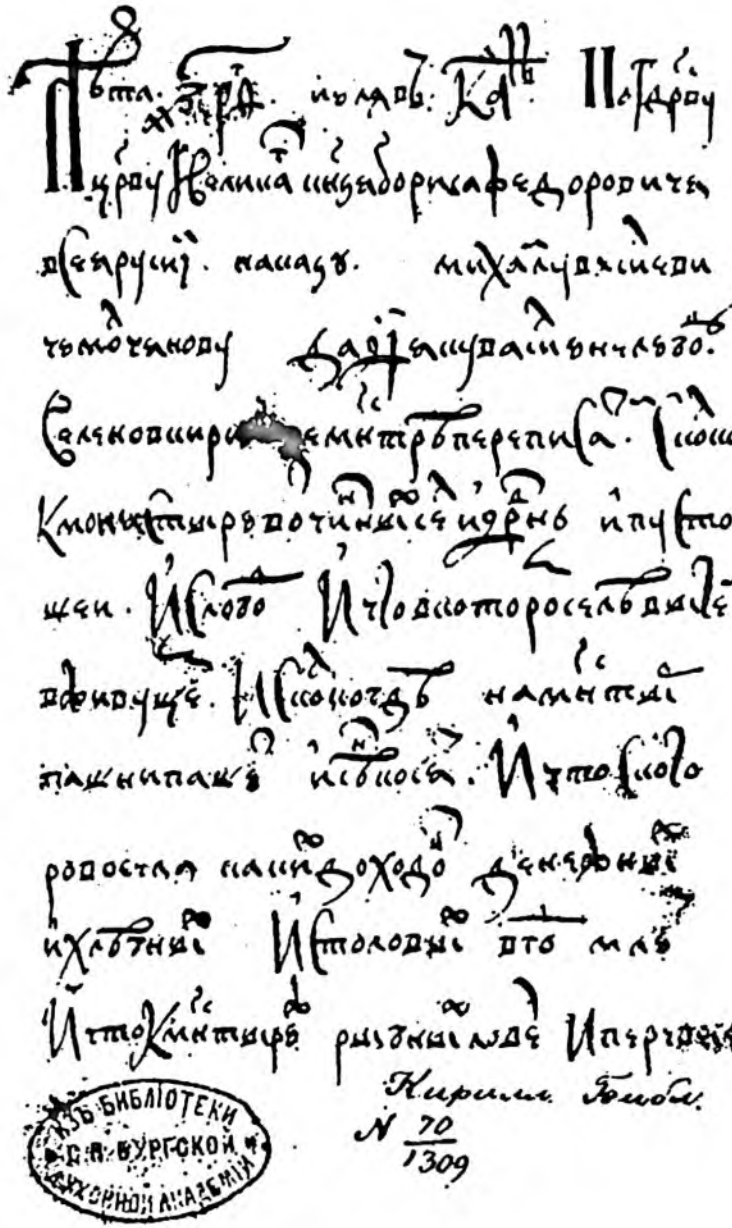
Транскрипция:

Лета 7079-го сентября в 21 день по государеве цареве и великого князя Иванна Васильевичя всеа Русии грамоте и по наказу государевых царевых и великого князя дияков Данила Микулина сына Бортенева да Никиты Юрьева сына Щелепина Степан Калитин да Скорята Дмитреев отписали на Соловках монастырь игумену Варламу, да строителю Меркурью, да с ними лутчим старцом: келарю Мисаилу Назимову, да казначею Роману Двинянину, да старцу Герасиму Шестернину, да старцу Асафу Важенину, да старцу Исаие Гущину, — в церквах образы и у [о]бразов кузнь, и ризы, и сосуды, и свечи, и колоколы, и всякое строенье церковное и манастырское, и в казне денги, и суды серебряные и оловяные и медяные, и всякой запас манастырской по сему списку.

Церковь каменная Преображение Спасово. А в церкви образов местных. На правой стороне. Образ Преображен[и]е Спасово, обложен серебром, позолочен. А на нем одинна [тцать венцов...].

Палеографический комментарий:

Характерный образец русской скорописи XVI в. Многие буквы приобрели вертикальные размашистые росчерки и значительно выступают за границы строк: буквы с (Шестернинъ — строка 11, и др.), к (книзꙗ — строка 2, и др.), и (см. союз и в строках 2, 3, 4, 13, 14, 17 и др.), д (да — строки 5, 8). Целый ряд букв представлен в характерных для скорописи начерках в один прием: буква а в двух вариантах (отписали на — строка 7; ср.: по наказъ — строка 3); буква ы (Никиты — строка 5); буква ѣ с петлей (казначѣю — строка 10) (наряду со скорописной же, но двухэлементной, ср.: мѣстныи — строка 19); выносная буква в (сентября — строка 1); выносная буква р «лежащая» (Варламъ — строка 8) (наряду с другим типом выносной, ср.: старцъ — строка 12); выносная буква з «лежащая» (казначѣю — строка 10; изразъ — строка 20); весьма характерна для скорописи выносная буква м в виде извилистой линии (серебро — строка 21; не — строка 21). Датирующие признаки скорописи XVI в.: 1) характерный начерк строчной буквы д петлей с длинными, далеко выступающими за нижнюю границу строки, концами (двинянинъ — строка 10; сѣдлы — строка 16; денги — строка 16); 2) с середины XVI в. появляются связные написания букв (Иванна — строка 2; дн /день/ — строка 1; серебрянъıе — строка 16); 3) с XVI в. выносная буква х пишется в один прием без отрыва руки (црква — строка 13).



Кирилла Белоз.
№ 70
1309

№ 20

Переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. 1601 г. (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 70/1309)

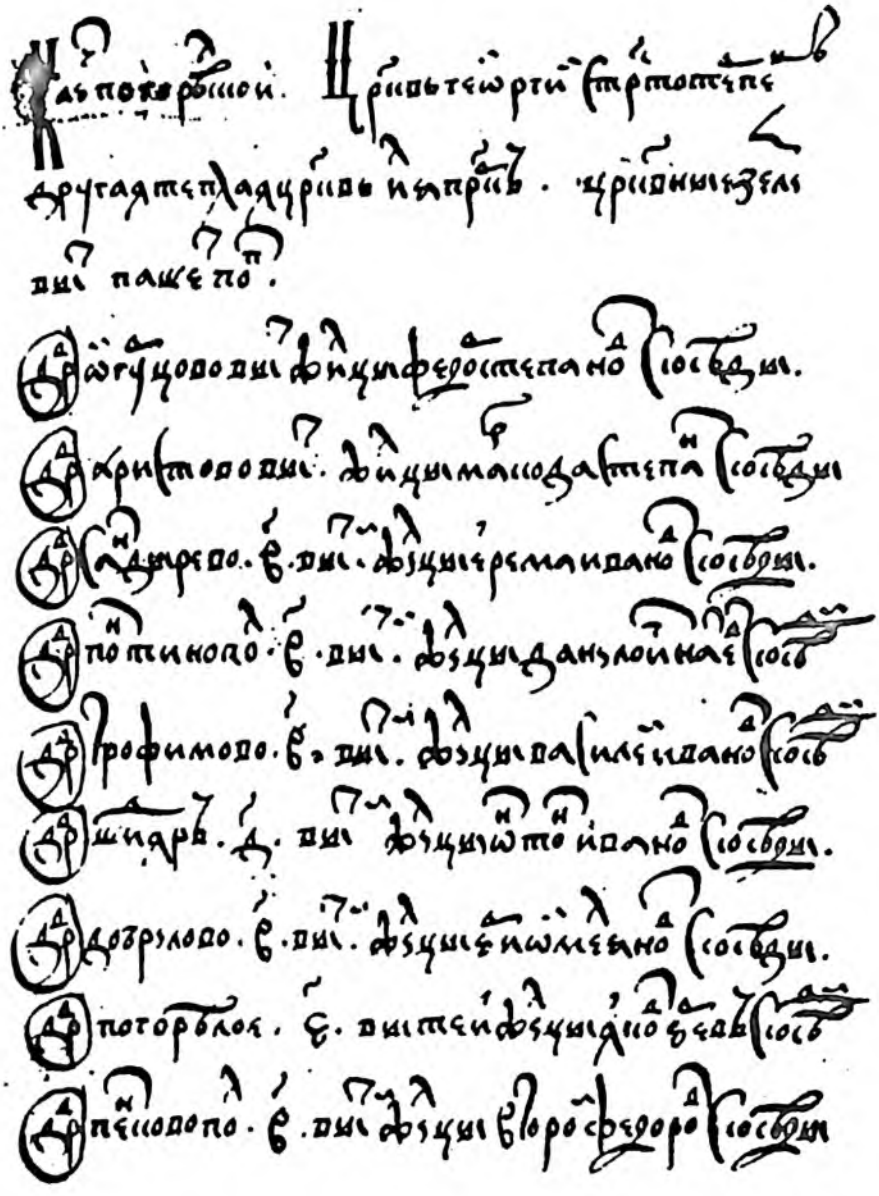
а) л. 1.

Транскрипция:

Лета 7109-го июля въ 21 день. По государеву цареву и великаго князя Бориса Федоровичя всея Русии наказу Михаилу Васильевичю Молчянову да дияку Василью Нелюбову велено в Кирилове монастыре переписати, сколко к монастырю вотчинных сел, и деревень, и пустошей, и слобод, и что в котором селе вытей в живущем, и сколко где на монастырь пашни пашют и сен[а] косят, и что с которово села каких доходов денежных, и хлебных, и столовых в год емлют, и что к монастырю ж рыбных ловель и перевесей...

Палеографический комментарий:

Тип письма — скоропись. Характерные для скорописи написания букв: г (гдѣ — строка 8); в (Бориса — строка 2); ч (вотчинныхъ — строка 6); т в разных вариантах (в котором — строка 7; ср.: с которово — строка 9—10; выносное т в виде скобки, часто с последующим и: переписа — строка 5); ю в виде петли с крючком (Васильевичю — строка 3—4); йотированного а, в котором йот в виде крючка сверху при написании переходит в а на одном движении пера (Молчанову — строка 4). Датирующие признаки скорописи XVII в.: 1) буква д, написанная в один прием, с большой петлей внизу (дияку — строка 4; дн̑ь — строка 6); 2) наряду со связным написанием букв і и в (і велика — строка 2), есть и другие, хотя еще и немногочисленные в самом начале XVII в., связные написания букв, например, надстрочных в и ч (Нелюбо — строка 4); 3) вертикальное расположение титла слева от выносной буквы (м̑тр̑ — строка 5) — такое расположение титла встречается в скорописи с конца XVI в.



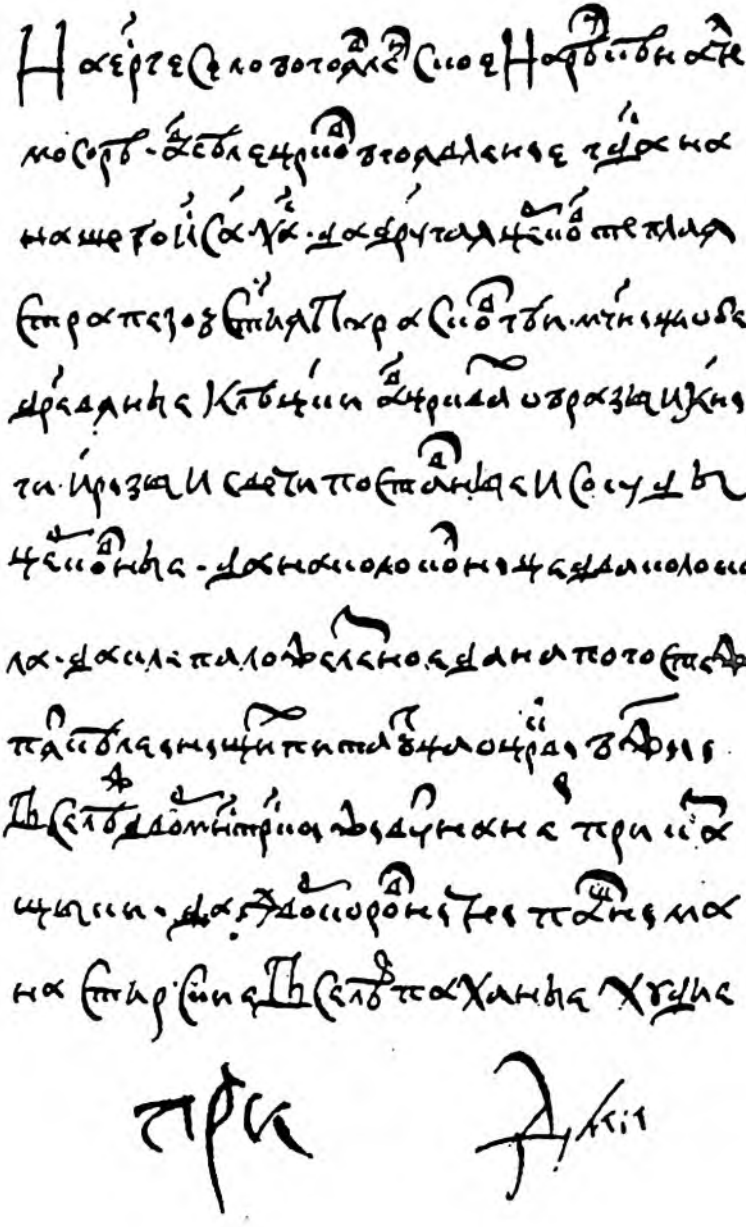
б) л. 4 об.

Транскрипция:

Ключ Погорелской. Церковь Георгий страстотерпецъ, другая теплая церковь Илья пророкъ. Церковные земли выть пашет поп.
Деревня Огурцово, выть, жилцы Федор Степанов с соседы.
Деревня Аристово, выть, жилцы Марко да Степан с соседы.
Деревня Сандырево, 2 выти, жилцы Ерема Иванов с соседы.
Деревня Понтино, пол 2 выти, жилцы Данило Игнатьев с соседи.
Деревня Трофимово, 2 выти, жилцы Василей Иванов с соседи.
Деревня Шидьяръ, 4 выти, жилцы Онтон Иванов с соседы.
Деревня Добрилово, 2 выти, жилцы Юрьи Омельянов с соседы.
Деревня Погорелое, 5 вытей, жилцы Яков Юрьевъ с соседи.
Деревня Пеньково, пол 2 выти, жилцы Второй Федоров с соседы.

Палеографический комментарий:

Часто встречающееся в переписных документах написание слова «деревня».
Несколько вариантов написания буквы и: наряду с обычным строчным и (жилцъı — строки 4 и 5), в строке встречается и, начерк которого близок выносной букве (жилцъı — строки 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12); выносное и в виде двух параллельных черточек (Гєѡргїи — строка 1; над омегой в этом слове стоит еще один такой же знак — это не выносная буква, а написанный по существующей с древних времен (XI—XII вв.) традиции надстрочный знак, ставившийся над начальными и поствокальными гласными (ср. то же в слове ѡмєльıанов — строка 10); и выносное не в виде двух черточек, а «прописанное» (въıи — строки 6, 8, 9). Характерное для скорописи написание буквы ж в два приема — двойная петля восьмеркой и вертикальная, выступающая за верхнюю границу строки черта (жилцъı — строки 4—12). Данный пример демонстрирует появление в русской графике буквы я: писец употребляет и йотированное а (Илъıа — строка 2), и новую букву я (другая — строка 2; Шидьяръ — строка 9).



№ 21

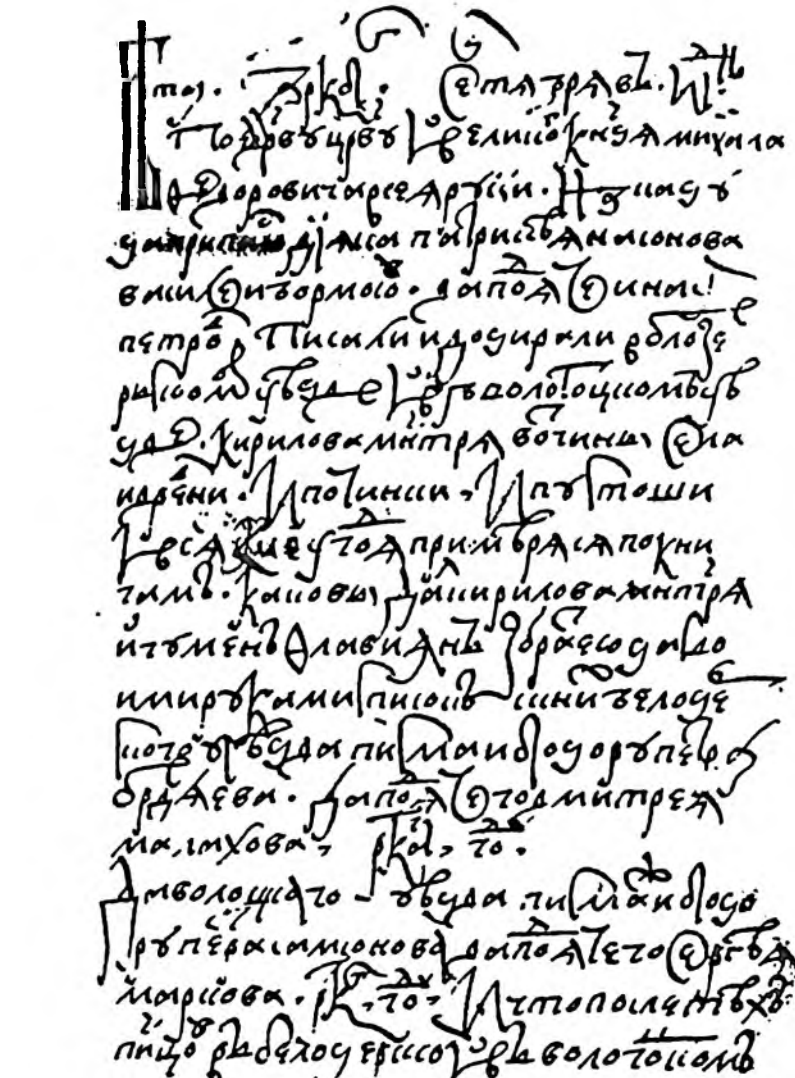
Дозорная книга белозерских вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. 1613 г. (РНБ. Собр. СПб. Духовной академии. А.II.395)
Л. 148.

Транскрипция:

На Ерге село Богоявленское на речке на Челмосоре. А в селе церковь Богоявление Господа (далее в строке лишнее «на») нашего Иисуса Христа, да другая церковь теплая с трапезою святыя Парасковгеи мученици, обе деревяные клецки. А в церквах образы, и книги, и ризы, и свечи поставные, и сосуды церковные. Да на колоколнице два колокола да клепало железное. Да на погосте же пять келей нищих, питаютца о церкви Божии. В селе ж двор монастырской, живут на нем приказщыки. Да двор коровничей. Пашни манастырские в селе паханые худые.
Часть скрепы (на нижнем поле): при Дми...

Палеографический комментарий:

Тип письма — скоропись. На месте йотированного а писец систематически употребляет новое написание — я (Богоявленское — строка 1; Богоявление — строка 2; другая — строка 3, и др.). Типичное выносное з (железное — строка 8; приказщыки — строка 10—11). Характерное для скорописи написание буквы п: два вертикальных элемента и горизонтальное покрытие исходят из одной точки, левая вертикальная черта приобрела выпуклость, покрытие образует угол с изгибом вертикального элемента (при — скрепа на нижнем поле). Многие буквы представлены несколькими вариантами написания: буква а — два варианта, оба в один прием (с трапезою — строка 4; ср.: поставныѣ — строка 6); буква в — два варианта (деревянъıѣ — строка 5; ср.: в селѣ — строки 10 и 12); буква д (да другая — строка 3; ср.: двор — строка 10; ср.: двор — строка 11); буква к (Богоявленское — строка 1; ср.: книги — строка 5—6; ср.: клѣцки — строка 5); буква ъı (стъıя — строка 4; ср.: деревянъıѣ — строка 5; сосоудъı — строка 6; ср.: ризъı — строка 6; поставныѣ — строка 6). Датирующий признак скорописи начала XVII в. — наличие некоторого числа связных написаний букв: буквосочетание ѵе (Ѵелмосоре — строка 1—2; коровничеи — строка 11); буквосочетание ше (нашего — строка 3); буквосочетание те (теплая — строка 3); буквосочетание ве (свечи — строка 6).



Кирилл. Белоз.
№ 76
1315

№ 22

Дозорная книга белозерских и вологодских вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. 1615 г. (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 76/1315)

Л. 1.

Транскрипция:

Лета 7124-го сентября въ 18 день. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Русии наказу за приписью дияка Патрикея Насонова Василей Борисов да подьячей Наум Петров писали и дозирали в Белозерскомъ уезде и въ Вологоцкомъ уезде Кирилова монастыря вотчины, села, и деревни, и починки, и пустоши, и всякие угодья, примеряся по книгамъ, каковы дал Кирилова монастыря игуменъ Флавиянъ з братьею, за своими руками списокъ с книг Белозерского уезда писма и дозору Петра Бердяева да подьячего Дмитрея Малахова 121 году, да Волоцкаго уезда писма ж и дозору Петра Самсонова да подьячего Сергея Маркова 120-го году. И что после техъ писцов въ Белозерском и въ Вологоцкомъ...

Палеографический комментарий:

Тип письма — скоропись. Характерные для скорописи варианты написания букв: буквы з (дозирали — строка 6; за — строка 12; ср.: з братьею — строка 12); буквы в (Насонова — строка 4; каковы — строка 11; ср.: в — строка 6; всем — строка 3; ср. выносное: Петро̃ — строка 6; ср. выносное: писцо̃ — строка 20); буквы д (гдрвѣ — строка 2; ср.: дияка — строка 4; дозирали — строка 6; ср.: дозору — строка 14 и 17—18; ср.: да — строка 17; ср. выносное: по̃мучего — строка 18); буквы г (игумень — строка 12; ср.: Вологоцкомъ — строка 7); выносной буквы м в виде косой черты (Наӳ — строка 5) — такое написание выносной м встречается в скорописи с начала XVII в. Почерк дает возможность увидеть образование буквы я из буквы юс малый, ср.: угодьи (строка 10) и Флавиянъ (строка 12), и др. Образец интересен связными написаниями букв, которых достаточно много: Ѳедоровича (строка 3), наказ̾ (строка 3), Василеи (строка 5), подмучеи (строка 5), Белозерьскомъ (строка 6—7; выносная буква е, написанная на одном движении с буквой Б, далеко отведена вправо), уѣзде (строка 7), і въ (строка 7), уѣзде (строка 7—8), села (строка 8), і всякие (строка 10), рѣками (строка 13), Бердяева (строка 15), подмучего (строка 15), ѣзда (строка 17), Сергѣя (строка 18).

Лѣта ҂ЗРКѲ. Поѣдѣ Андрѣй Вѣликіи
на Ѕ҃ на Михаила Федоровича Бѣрлюкіи
Грамоте ѡ привилѣгіи бывшіе Ивана Ѳоми
подле Григорея Иванова Кошкина писаные
бирать в Вологде со всѣх ѡброчных станѣ
Кирилова монастыря дочины Селаи Дрни
и починки и в стоши вѣдомые ѡ Ѳоля при
мѣряся к прикладным книгам по обыскѣ
прикладочные книги Кирилова монастыря
дочина прислаты стоишы и прислаѣ
домового дома ѡ привилѣгіи бывшіе
третьяка Сокола писаи дозорныя
и в томо ѡдно ѡпосѣчено на Ѵмлѣ
трода. ҂РКД. то и что от вдочины
Селѣ Вдрка и починки в пустоши
пашни пахатные и перелоги и льсопро

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
С. П. БУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Кѣтив

№ 23

Дозорная книга белозерских вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. 1618 г. (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 77/1316)
Л. 1.

Транскрипция:

Лета 7126-го. По государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Ивана Болотникова Григорей Иванович Квашнин писал и дозирал въ Белозерском уезде в розных станех Кирилова монастыря вотчины, села, и деревни, и починки, и пустоши, и всякие угодья, примеряся к приправочным книгам, каковы приправочные книги Кирилова монастыря вотчинам присланы с Москвы ис приказу Болшого дворца за приписью дьяка Патрекея Насонова писма и дозору Василья Бормосова да подьячево Наума Петрова 124-го году. И что в тех вотчинах, в селех, и в деревнях, и в починках, и в пустошах пашни паханые, и перелогу, и лесом поро...
Фрагмент скрепы (по нижнему полю): К семъ...

Палеографический комментарий:

Тип письма — скоропись. Образец интересен написаниями выносных букв. Выносная буква л: наряду с легко узнаваемой двухэлементной л (дозирꙋ — строка 4—5), встречается выносная л, написанная на одном движении, в результате соединения элементов такая буква л похожа на скорописную букву а (Бо̑шого — строка 11; Васи̑л — строка 12—13). Выносные буквы н и у могут писаться практически одинаково, ср.: Ӣвановй (строка 4) и Квашнй (строка 4); здесь же встречается выносная н обычного начерка под покрытием: почи̑нки (строка 7). Выносная с: обычного начерка с вертикальным покрытием слева (припи̑сю — строка 11) и обозначенная точкой рядом с покрытием (припи̑ю — строка 3, и др.); этот последний знак нельзя путать с похожим обозначением надстрочного знака над гласным, не учитывающимся при чтении (и̑с приказ — строка 10, и др.). Писец употребляет три графические варианта обозначения йотированного а: кнꙗзь (строка 2) — мнтр̑а (строка 6) — Патрекѣя (строка 11—12). Типичное написание буквы к в виде двух параллельных черточек в сочетании со стоящей впереди буквой с представляет собой часто встречающийся характерный комплекс в виде трех черточек: Москвы (строка 10).

Заповѣдание картѣ чине на вѣроме.
Повѣсть. а на повѣсти Дрюмли рѣтво
Пресѣтыя Бцы. Другая Дрюмли
рѣтво хво страпедов обѣ хѣтьми
адѣрима образы и хѣнитирицы Поч
Дисѣрюдимые Пѣвчи по ставимся
Наполонница Колоша Вѣдное
Дрюмное строение Мирное

Да хповѣсть на Дрюмно Дѣлѣ Дрия
починоу Колодиу. а Дне.
Ѳ попъ тимоѳѣй пѣрвый вѣсѣ
попъ лѣдяры. вѣ лѣдараю ѳадѣ
Пѣ. годовь. втимоѳѣй дрвокіи
Поспродище дедяма женатыя
вѣ Поюшіи Ваше. Пѣ. годовь. вти
моѳѣй трете Въ сапиа женаты
втимоѳѣа диуь Ваше пѣрвый

№ 24

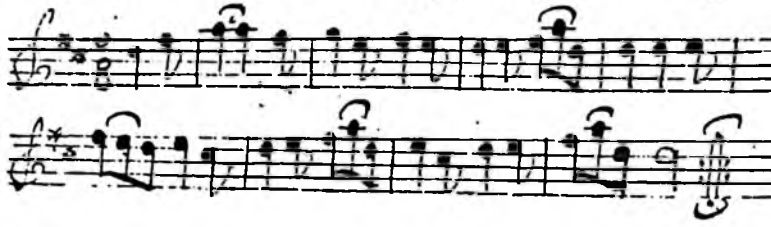
Вытная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. 1665 г. Письма келаря Матфея Никифорова (РНБ. Собр. СПб. Духовной академии. А.II.41)
Л. 441.

Транскрипция:

В Запогостье на речке на Чюровке погост. А на погосте церковь Рождество пресвятыя Богородицы, другая церковь Рождество Христово с трапезою, обе клецки. А в церквах образы, и книги, и ризы, и сосуды церковные, и свечи поставные, и на колоколнице колокола, и всякое церковное строение мирское. Да к погосту ж на церковной земле деревня починокъ Колодинъ, а в ней. Двор. Попъ Тимофей Петровъ. У него сын попъ Лазарь. У Лазаря сын Федор 13 годовъ. У Тимофея ж другой сын Фомка, прозвище Девятка, женатъ. У Фомки сын Ивашко 8 годовъ. У Тимофея ж третей сынъ Сенка, женатъ. У Тимофея ж внукъ Ивашко Петровъ.

Палеографический комментарий:

Характерный образец скорописи второй половины XVII в. Часто встречающееся в XVII в. написание буквы и в два приема — выпуклая левая вертикальная линия и обращенный вверх угол, образованный перекладиной и правым вертикальным элементом (и ризы — строка 5); близкий начерк имеет буква н (на — строка 2). Другие типичные написания букв: четырехэлементное м (землѣ — строка 9, и др.); написанное в один прием к, наряду с обычным к в виде двух параллельных черточек (колокола — строка 7); эволюция скорописного написания буквы д, ср.: дворя (строка 9) — трехэлементное д с большой петлей внизу и девятка (строка 14) — двухэлементное д с большой петлей внизу, характерное для скорописи XVII в.; буквы п и т с выпуклым левым вертикальным элементом, исходящим из той же точки, что и следующий вертикальный элемент, с выступающим влево покрытием, ср.: починокъ (строка 10) и Тимофея (строка 17); скорописное ц в строке, близкое по начерку выносному и (церковно — строка 9); еще один вариант скорописного г (Запогостье — строка 1); наряду с обычным р (строение — строка 8), скорописное р в один прием, встречающееся в скорописи, начиная с XVII в. (Петровъ — строка 17). Разнообразные варианты связных написаний букв: погосте (строка 2), другая (строка 3), овѣ (строка 4), і всякое (строка 7), погосту (строка 9), Федо (строка 12), женатъ (строка 14), Ивашко (строка 17).
Часто встречающееся в описных документах обозначение слова «двор» буквой Д в круге.



Какъ изъ славного города изъ Мурома и отъ села
отъ Карачарова наша бывалая повесть бовырусская нарежалася
илья муромець изъ славенъ по столькому городу поиздеть
окъ тою дорогою прямоезжею которая залегла ровно
тритцать леть черезъ тое село черезъ Киевъ
грязи смоленские изъ лесовъ и дорогу сделали работнички:
изъ лесовъ илья заторговъ тесьмину что проехать
дорогу прямоезжую которая залегла рабно тритцать
леть некобылаты изъ калужны пусти луги и болота
некобылаты калину стрелу беретъ благословение
тетинное у дяди матерного автолико есь илью ейгели
прощелiкъ сидитъ матерью кланялся илья на все
дора шоя автвехалъ илья которая тою сторою
широкия наши стретъ окъ зоря потушивъ
берали аники побилью рабережатися онъ туду
свою ступилъ затать черстъ дорогата у поля
нежоты нашли всекалъ окъ черезъ те лесы брянския
черезъ те грязи смоленския нашлы будетъ ильи.
во темныхъ лесахъ во темныхъ лесахъ вобрынскихъ
нарежалъ ильи надустити дубахъ инаехалъ онъ ильи
слотыя разбойника увслышелъ слотери разбойникъ то
боли тому конику испелкокъ повсии богатырскиня заби
стилъ слотери посолотникому атдруюи зашитель работ
никия полникому истретикъ зрапатъ подкрилъ
подъ конь очаритеся испазалъ тетъ капуна гаго
рито ильи муромецъ ишикоитъ атъ полтая свитъ
тенок лесиса некобыль ты вгещерахъ телокаменкой
некобылаты ты шоя потрынкихъ лесахъ кельхалъ ты
слотенкога кельхалъ ты ишу сынкога атволи ты

№ 25
Сборник Кирши Данилова. Последняя четверть XVIII в. (РНБ. F.XIV.62)
Л. 82.

Транскрипция:

Первая поеска Ильи Муромца в Киевъ.
Какъ из [с]лавнова города из Мурома, ис тово села Корочаева какъ была-де поеска богатырская. Нарежался Илья Муромецъ Ивановичь ко столному городу ко Киеву, онъ тою дорогою прямоезжую, котора залегла равно тритцать лет черезъ те леса Брынския, черезъ черны грязи Смоленския, и залегъ ее, дорогу, Соловей-разбойникъ. И кладетъ Илья заповедь велиику, что проехать дорогу прямоезжую, котора залегла равно тритцать летъ, не вымать из налушна тугой лукъ, ис колчана не вымать калену стрелу. Беретъ благословение великое у отца с матерью. А и толко ево, Илью, видели. Прощался с отцомъ, с матерью и садился Илья на своего добра коня, а и выехалъ Илья со двора своего во те ворота широкия. Какъ стегнетъ онъ коня по тушнымъ бедрамъ, а и конь под Ильею разсержаетца, онъ перв ускокъ ступилъ за пять верстъ, а другова ускока не могли найти. Поехалъ онъ черезъ те лесы Брынския, черезъ те грязи Смоленския. Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лесахъ, во темныхъ лесахъ во Брынских, наезжалъ Илья на девяти дубахъ, и наехалъ онъ, Илья, Соловья-разбойника. И заслышелъ Соловей-разбойникъ тово ли топу конинова и тое ли онъ поески богатырския, засвисталъ Соловей по-соловьиному, а в другой зашипелъ разбойникъ по-змеиному, и в-третьи зравкаетъ по-звериному. Подъ Ильею конь окарачелся и падалъ веть на кукарачь. Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичь: «А ты, волчья сыть, травеной мешокъ! Не бывалъ ты в пещерахъ белокаменных, не бывалъ ты, конь, во темныхъ лесахъ, не слыхалъ ты свисту соловьинова, не слыхалъ ты шипу змеинова, а тово ли ты...».

Палеографический комментарий:

Образец канцелярской «писарской» скорописи XVIII в. В XVIII в. постепенно сокращалось число выносных букв (в тексте их совсем немного), а начерки букв приобретали закругленный характер.

№ 1

Зографское евангелие. XI—XII вв. Старославянская рукопись. Глаголица. Пергамен. (РНБ. Глаг. 1).

Содержит неполный текст четвероевангелия и месяцеслов. Основная часть написана глаголицей XI в., имеется незначительная по количеству листов поздняя вставка-палимпсест XII в. Синаксарь написан «грешным иереем Иоанном» кириллицей XIII в. Его же рукой сделаны многочисленные пометы в глаголическом тексте (указания зачал и др.).

Рукопись хранилась вначале в церкви Зографского метоха Ериссо, где с X в. существовала славянская болгарская колония. Затем рукопись стала собственностью Зографского монастыря, в котором в 1843 г. она была найдена А. Михановичем. В середине XIX в. рукопись заново переплели, при переплете были срезаны края листов, в результате чего оказались утраченными значительные части текста кириллических глосс, хронологически одновременных с глаголическим текстом Евангелия. В 1860 г. через посредство П. И. Севастьянова зографский настоятель архимандрит Анфим с братиею преподнес Евангелие в дар русскому императору Александру II (дарственная надпись читается на л. 1 рукописи), который на следующий год передал его в Публичную библиотеку (ныне РНБ), где оно хранится до сих пор. В 1861 г. уже в России для этой рукописи был изготовлен оклад, представляющий собой широкую бронзовую позолоченную рамку, внутри которой заключены медные позолоченные рельефные изображения. Рельефная часть оклада скопирована способом гальванопластики с находящегося на греческом сборнике XIII в. афонского Пантократорова монастыря серебряного оклада второй половины XVI в.

Литература:

Jagić V. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879 (издание текста кириллицей).

Григорович В. И. Очерк путешествия по европейской Турции. Казань, 1848. С. 67 (то же в кн.: Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915. С. 102).

Антонин, архим. Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864. С. 330.

Порфирий (Успенский). Второе путешествие по святой горе Афонской. М., 1880. С. 146—148.

Загребин В. М. О происхождении современного оклада Зографского Евангелия // Старобългаристика (София). 1978. № 1. С. 66—73.

№ 2

Саввина книга. XI в. Старославянская рукопись. Кириллица. Пергамен (РГАДА. Ф. 381. № 14).

Кодекс содержит Евангелие — краткий апракос с традиционным расположением текста: сначала идут чтения от Пасхального воскресения до Страстной субботы (л. 1—124), затем Месяцеслов с 1 сентября до 14 июня (л. 124 об.—152), затем 11 утренних воскресных чтений евангелий (л. 153—165); на л. 166 отрывок службы «на всякую потребу».

По палеографическим и языковым данным в кодексе выделяются четыре части. Собственно Саввина книга — древнейшая часть кодекса — содержит 129 листов в середине (л. 25—153). Саввина книга, получившая свое название по имени писца, попа Саввы (имя упоминается в двух приписках на полях рукописи), является одним из древнейших сохранившихся образцов кириллического письма. Рукопись происходит из северо-восточной Болгарии. Кроме Саввиной книги, кодекс содержит еще две части, написанные в Древней Руси, то есть в иной славянской языковой среде и в другое время: л. 1—24, написанные в конце XIII в., и л. 154—165, относящиеся к концу XI в. или началу XII в. Четвертую часть кодекса составляет последний лист рукописи, написанный в XI в. в Древней Болгарии.

Саввина книга принадлежала псковскому Середкину монастырю, в XVII в. поступила на Московский Печатный двор, стала собственностью Типографской библиотеки (при Синодальной типографии) в Москве, откуда и поступила в РГАДА в составе Типографского собрания. Рукопись была открыта И. И. Срезневским в 1866 г. и впервые им издана. Полное научное издание кодекса принадлежит В. И. Щепкину. Имеется современное комментированное научное издание памятника с фототипическим воспроизведением всех листов кодекса.

Литература:

Щепкин В. Н. Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1899.

Саввина книга. СПб., 1903 (издание текста, подг. В. Н. Щепкиным).

Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI—XII и конца XIII века. М., 1999 (издание текста с фототипическим воспроизведением, подг. О. А. Князевской, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиевой).

№ 3

Баницкое Евангелие. XIII в. (не ранее 1234 г.). Среднеболгарский извод. Пергамен (Народная библиотека «Кирилл и Мефодий» в Софии. № 847).

Рукопись содержит текст четвероевангелия и месяцеслов. По данным читающейся в рукописи записи, Евангелие написано попом Иоанном в селе Баница (судя по данным языка и правописания рукописи,

это село, скорее всего, может быть отождествлено с Врачанской Баницей в северо-западной Болгарии или с Тетовской Баницей в северной Македонии). По этому топониму рукопись и получила свое название.

В начале XIX в. рукопись находилась на Балканах, в городе Елена, и принадлежала династии священников церкви святого Николая в предместье Багальовци, переходя от отца к сыну. В 1924 г. последний владелец, Йордан Марко Никифоров, подарил рукопись Народной библиотеке в Софии. В научный оборот рукопись введена еще в XIX в. известным деятелем болгарского возрождения Ив. Момчиловым.

Литература:

Момчилов И. Сборник от образци за изучаванего на старобългарския език по сичкото му развитие. Виена, 1865. С. 13.

Цонев Б. Книжовни старини от Елена // Год. Соф. Унив., Истор.-филолог. Фак., кн. XIX, 7. 1923. С. 1—30.

Банишко Евангелие. Среднобългарски паметник от XIII век. София, 1981 (исследование и издание текста, подг. Е. Дограмаджиева и Б. Райков).

№ 4

Апостол Матицы Сербской. Третья четверть XIII в. Сербский извод. Пергамен (Библиотека Матицы Сербской в г. Нови Сад, РР 184).

Рукопись содержит тексты Деяний и Посланий апостольских. Поступила в библиотеку Матицы Сербской как наследие профессора Новосадской гимназии А. Сандича в 1909 г. Имеющаяся в рукописи запись указывает еще одного владельца, Павла Карано-Твртковича, который, находясь в 1851 г. в городе Брод, получил эту рукопись из Герцоговины. Более ранняя история рукописи неизвестна. В научный оборот памятник введен В. Ягичем.

Литература:

Jagić V. Zum Altkirchenslawischen Apostolus. I—III. Wien, 1919—1920.

Матичин Апостол (XIII век). Београд, 1979 (издание текста, подг. Радмила Ковачевич, Дмитрий Стефанович, Дмитрий Богданович).

Матичин Апостол. Београд, 1981 (фототипическое издание рукописи).

№ 5

Остромирово Евангелие. 1056—1057 г. Пергамен (РНБ. F.п.I.5).

Древнейшая сохранившаяся точно датированная русская рукопись. Время создания (21 октября 1056 г.—12 мая 1057 г.) содержится в записи писца, дьякона Григория. Заказчиком рукописи был именитый новгородский посадник и воевода Остромир. Евангелие стало его вкладом

в Новгородский Софийский собор, где, очевидно, и хранилось в древнейшую пору. Документально судьба рукописи прослеживается лишь с начала XVIII в.: рукопись зарегистрирована составленной в 1701 г. описью одной из церквей Московского Кремля. В 1720 г. Остромирово Евангелие было отослано в Санкт-Петербург. В 1805 г. рукопись обнаружили среди имущества покойной императрицы Екатерины II. Найденное Евангелие император Александр I распорядился передать в Императорскую Публичную библиотеку (ныне РНБ). В 1955—1957 гг. к своему 900-летнему юбилею рукопись была реставрирована.

Рукопись является евангелием апракос — в основной части текста содержит евангельские чтения краткого апракоса: на все дни Страстной недели и пасхального цикла и на субботние и воскресные дни трех промежуточных циклов — Пятидесятницы, «нового лета» и Великого поста. Весьма интересен помещенный в рукописи Месяцеслов, представляющий собой синтез восточной и западной агиологических традиций. Заставки (1 большая и 18 малых) и инициалы золотом и красками старовизантийского стиля с зооморфными и антропоморфными элементами. Три миниатюры: евангелисты Иоанн, Лука и Марк.

Рукописи посвящена обширная литература. Текст неоднократно издавался.

Литература:

Остромирово Евангелие 1056—1057 года: С прил. греческого текста Евангелий и граммат. объясн., изд. А. Х. Востоковым. СПб., 1843.

Остромирово Евангелие 1056—1057 года, хранящееся в Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1883 (фотолитографическое издание иждевением Савинкова).

Остромирово Евангелие 1056—1057 г. М.; Л., 1980 (фототипическое издание).

№ 6

Благовещенский кондакарь. XI—XII вв. Пергамен (РНБ. Q.п.I.32).

Рукопись принадлежала Нижегородскому Благовещенскому монастырю, от которого и получила свое название. Переданная в библиотеку Синода рукопись в 1860 г. поступила в Публичную библиотеку. На многих листах рукописи имеется греческий текст, написанный русскими буквами. Заставка и инициалы тератологического стиля. Рукопись содержит кондаки — краткие песнопения, составленные в честь святых или праздников.

Исключительная ценность рукописи заключается прежде всего в том, что представленные в ней напевы принадлежат к совершенно особой музыкальной системе — кондакарной. После официального принятия из Византии христианского богослужения, вместе с его музыкой, было принято и культовое пение, имевшее две системы — кон-

дакарную и стихирарную (знаменный роспев). Кондакарная система на Руси исчезает в XIV в., знаменная же существует вплоть до XIX в. Сохранилось всего 5 русских певческих рукописей XI—XIV вв., имеющих кондакарную нотацию; Благовещенский кондакарь — самый древний и наиболее сохранный из них. Рукопись интересна и тем, что после кондаков в ней переписан ряд других песнопений, напев которых излагается не только кондакарной, но и знаменной нотациями. Так как Благовещенский кондакарь — один из древнейших певческих памятников, то и знаменная нотация (основная система русских нотированных рукописей) представлена здесь в своих первоначальных формах. С точки зрения певческой рукопись является уникальным сокровищем, стоящим на одном уровне с Остромировым Евангелием.

Литература:

Бражников М. В. Пути развития и задачи расшифровки знаменного роспева XII—XVIII веков. М.; Л., 1949.

№ 7

Грамота князя Мстислава Новгородскому Юрьеву монастырю. Ок. 1130 г. Пергамен (НГОМЗ).

Древнейший сохранившийся русский документ. Грамота обнаружена в начале XIX в. митрополитом Евгением Болховитиновым среди рукописей Юрьева монастыря. Текст пострадал от загрязнения, местами утрачен. Документ датируется по историческим данным. Мстислав, сын Владимира Мономаха, выступает в качестве великого князя киевского, а Киевский стол он занимал с 1125 по 1132 г. Жалованная грамота дана Мстиславом совместно с его сыном Всеволодом, князем новгородским. Вместе оба князя могли оказаться в 1130 г., когда, по летописным известиям, Всеволод отправился к отцу в Киев. Кроме того, в 1130 г. была освящена каменная церковь в Юрьевом монастыре, заложенная еще в 1119 г. Содержание грамоты представляет собой акт передачи князем монастырю недвижимой собственности (село Буйцы) и связанных с владением землею прав на судопроизводство и сбор дани с населения (виры — штрафы за убийство; продажи — штрафы за преступления против личности).

Грамота написана на листе пергамена золотом, разведенным на клею. Пергамен разлинован по нижним границам и краям строк. Внизу имеется дыра от шнура, прикреплявшего печать. Печать состоит из двух серебряных позолоченных листков, между которыми, при скреплении, держался шнур. На одной стороне печати изображен Иисус Христос, на другой — Федор Стратилат, поражающий змея (Мстислав носил христианское имя Федора).

№ 8

Стихирарь праздничный крюковой. 1156—1163 гг. Новгород. Пергамен (РНБ. Софийское собр. № 384).

Рукопись содержит стихиры праздникам и избранным святым, из русских святых имеются стихиры Феодосию Печерскому, стихиры и канон Борису и Глебу. Датировка рукописи основана на сообщении читающейся в кодексе записи о том, что рукопись написана при новгородском епископе Аркадии (то есть в период 1156—1163 гг.).

Литература:

Куприянов И. Обозрение пергаменных рукописей Софийской библиотеки. СПб., 1857. С. 34—39.

№ 9

Пролог. Конец XIII—начало XIV в. Пергамен (РНБ. Собр. Погодина. № 60).

Рукопись содержит проложные чтения с 5 марта по 19 апреля. Записей, позволяющих установить историю рукописи, нет. Инициалы тератологического стиля, а также плетеные и с элементами старовизантийского орнамента.

Литература:

Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. С. 362. № 471 (библиография).

№ 10

Лаврентьевская летопись. 1377 г. Нижний Новгород. Пергамен (РНБ. F.п.IV.2).

Древнейший сохранившийся список русской летописи «Повесть временных лет». Рукопись имеет название по имени писца, монаха Лаврентия, переписавшего летопись по заказу великого князя суздальского и нижегородского Дмитрия Константиновича и оставившего запись киноварью на л. 172 об.—173. На л. 1 об. заставка и инициал тератологического стиля в красках. Рукопись принадлежала до начала XVIII в. владимирскому Рождественскому монастырю, затем была привезена в Петербург, в 1792 г. приобретена А. И. Мусиным-Пушкиным, подарившим ее Александру I. После этого рукопись была передана в Публичную библиотеку. Памятник имеет обширную научную библиографию, текст рукописи неоднократно издавался.

Литература:

Повесть временных лет. Ч. 1—2. М.; Л., 1950 (издание текста по Лаврентьевской летописи с переводом, комментариями и историко-литературным очерком, подг. Д. С. Лихачев, Б. А. Романов).

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 241—245 (библиография).

№ 11

Апостол. 1391 г. Новгород. Пергамен (РНБ. Собр. Погодина. № 26).

Рукопись является Апостолом апракос, то есть содержит апостольские чтения непереходящих праздников на весь год, начиная с 1 сентября (в связи с утратой ряда листов отсутствуют некоторые чтения в ноябре и декабре). Заставка и инициалы тератологического стиля в красках. Рукопись написана для Новгородского Хутынского монастыря. Имеющиеся в рукописи записи сохранили имена заказчика, архиепископа новгородского и псковского Иоана, писца Марка, а также дьяка Матфея, который «прописывал» красочные инициалы рукописи. На л. 247 об. рукописи читается перечень статей, содержащихся в четырех сборниках библиотеки Хутынского монастыря, — это самый старый выявленный к настоящему времени памятник древнерусской библиографии.

Литература:

Каринский Н. М. Погодинский Апостол 1391 г. // Русский филологический вестник. 1896. Т. 36. С. 185—192.

Гранстрем Е. Э. Незамеченный памятник древней библиографии // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 379—381.

№ 12

Евангелие. 1473—1480 гг. Коломна. Пергамен (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 3/3).

Евангелие-тетр. Датировка основана на имеющихся в рукописи записях. Заставки и инициалы нововизантийского стиля в красках с золотом. Заголовки написаны золотом и киноварью. Представляет интерес по материалу письма: написана на пергамене во второй половине XV в., когда основным материалом письма на Руси уже была бумага. В составе библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря рукопись в 1859 г. поступила в Санкт-Петербургскую Духовную академию, а в 1918 г. — в Публичную библиотеку.

№ 13

Лицевой летописный свод. Голицынский том. 1568—1576 гг. (РНБ. F.IV.225).

Лицевой летописный свод — самое крупное летописно-хронографическое произведение средневековой Руси, повествующее о всемирной и русской истории, начиная с сотворения мира и кончая 1567 г., царствованием Ивана Грозного. Свод дошел до нас в 10-ти томах:

ГИМ. Музейское собр. № 358; БАН. 17.17.9; РНБ. F.IV.151; РНБ. F.IV.225; РНБ. F.IV.223; БАН. 31.7.30 (два тома); РНБ. F.IV.232; ГИМ. Синодальное собр. № 962; ГИМ. Синодальное собр. № 149. Почти каждый лист и оборот листа этих рукописей украшены миниатюрами (всего более 16 000 миниатюр). Памятник создан по заказу Ивана Грозного в период 1568—1576 гг. в Александровой слободе. Изложение истории в тексте весьма тенденциозно и соответствовало целям укрепления самодержавной власти царя. Часть текста, повествующая о современных правлению Ивана Грозного событиях, содержит существенную редакторскую правку на полях рукописи. Работа над Лицевым летописным сводом не была завершена: миниатюры последнего тома выполнены лишь в чернильном очерке, но не в красках. Над составлением свода трудился целый штат царских книгописцев и художников: сначала писцы писали текст, оставляя для миниатюр свободные места, затем художник делал набросок композиции (свинцовым карандашом или углем), затем рисунок обводился чернилами и раскрашивался. Среди миниатюристов существовало разделение труда, что позволило в сжатые сроки выполнить большую работу по иллюстрированию свода. Миниатюры Лицевого летописного свода свидетельствуют о высоком уровне искусства русской книжной иллюстрации XVI в.

Литература:

Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 102—332.

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980.

№ 14

Стихирарь крюковой. XVI в. (РНБ. Q.I.184)

№ 15

Апостол. Москва, 1564 г.

Первая русская датированная печатная книга, напечатанная в типографии Ивана Федорова. Заставки и инициалы гравированные, старопечатного стиля.

№ 16

Воинская книга о всякой стрельбе. XVII в. (РНБ. F.IX.3)

Заставка и инициал старопечатного стиля.

№ 17

Служба Кириллу Новоезерскому и его Житие. Вторая половина XVII в. (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 771/1028)

№ 18

Опись строений и имущества Соловецкого монастыря 1514 г. Столбец (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7. № 1)

Характерный образец русской монастырской документации. По древней традиции грамоты на Руси писали на отдельных листах пергамена или бумаги (ставах). Если того требовал объем текста, листы бумаги склеивались и получался столбец, который складывали или свертывали в свиток. Текст документа писали только на одной стороне столбца, на другой стороне ставили подписи, пометы, писали тексты подтверждений. На склейках на оборотной стороне часто ставилась скрепляющая подпись дьяка. Опись строений и имущества Соловецкого монастыря 1514 г. является самым древним дошедшим до нас описным документом русского монастыря. Описи имущества монастыря составлялись обычно при смене игуменов.

№ 19

Опись строений и имущества Соловецкого монастыря 1570 г. Столбец (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7. № 3)

№ 20

Переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. 1601 г. (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 70/1309)

№ 21

Дозорная книга белозерских вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. 1613 г. (РНБ. Собр. СПб. Духовной академии. А.II.395)

Дозорные книги составлялись по инициативе государственной власти чиновниками и представляли собой описание земель в целях определения размеров налогообложения населения. В отличие от писцовых книг, известных с XV в., дозорные книги составлялись в результате экстремальных обстоятельств, например, после бедствий, военных разорений и т. п. Впервые «дозоры» были проведены в начале XVII в., после голода и смуты.

№ 22

Дозорная книга белозерских и вологодских вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. 1615 г. (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 76/1315)

№ 23

Дозорная книга белозерских вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. 1618 г. (РНБ. Кирилло-Белозерское собр. № 77/1316)

№ 24

Вытная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. 1665 г. Письма келаря Матфея Никифорова (РНБ. Собр. СПб. Духовной академии. А.II.41)

Вытные книги составлялись в ходе описания вотчин самим вотчинником, то есть монастырскими властями. Цель описания состояла в определении возможностей взимания оброков в пользу монастыря с проживающего в монастырских вотчинах населения. Вытная книга Кирилло-Белозерского монастыря 1665 г. была составлена по инициативе и при деятельном участии келаря и соборного старца Матфея Никифорова, внесшего значительный вклад в хозяйственное развитие монастыря в XVII в. и оставившего заметный след в монастырском рукописном наследии (умер 30 марта 1675 г.).

№ 25

Сборник Кирши Данилова. Последняя четверть XVIII в. (РНБ. F.XIV.62)

Собрание русских народных песен. Рукопись является списком, изготовленным, вероятно, по заказу П. А. Демидова на одном из его горных заводов. Тексты песен сопровождаются нотными записями в современной пятилинейной нотации, причем нотное изложение мелодий сделано не для голоса, а для инструмента, скорее всего скрипки. Рукопись неоднократно издавалась, имеет обширную научную библиографию.

Литература:

Сборник Кирши Данилова. Издание Императорской Публичной библиотеки / Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901.

Сборник Кирши Данилова / Изд. подг. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М.; Л., 1958 (сер. «Лит. памятники»).

ХРОНОЛОГИЯ

Предмет и задачи хронологии. Хронология, как явствует из самого названия этой дисциплины, составленного из двух греческих слов: «χρόνος» — время и «λόγος» — слово, учение, — это наука о времени. Хронология может быть подразделена на несколько разделов. Так, деление хронологии, использованное известным историком церкви В. В. Болотовым, следующее: хронология бывает материальной (к такой хронологии относятся хронографы, летописи, а в новейшее время — тексты, содержащие изложение определенного ряда событий, в порядке возрастания лет) и формальной, делящейся, в свою очередь, на техническую, или историческую (в задачу которой входит объяснение древних систем летосчисления и перевод их данных на современную систему летосчисления) и математическую, или астрономическую (*Болотов, 1907.* С. 66—76) В качестве вспомогательной исторической дисциплины рассматривается обычно хронология, именуемая Болотовым формальной, то есть хронология математическая и хронология историческая, тогда как первая из выделяемых Болотовым ветвей хронологии именуется ныне обычно хронографией. Математическая хронология исследует время, используя методы астрономии и вычисления по движению небесных тел. Историческая хронология ставит своей задачей разработку методов научного анализа источников на основании данных, имеющихся у хронологии математической, исследование различных систем времяисчисления, уточнение и проверку дат, содержащихся в источниках, перевод их на современную систему счета времени. Таким образом, важнейшей задачей хронологии является установление точной датировки упоминающихся в источнике событий и их последовательности. Эта задача не всегда может быть решена, так как древние хронологические системы зачастую не поддаются дешифровке в силу своей сложности и неточности.

История хронологии как системы знаний, возникшей из наблюдений за небесными явлениями, восходит к глубокой древности, к цивилизациям Древнего Египта и Вавилона, следы же первых календарных систем восходят еще к палеолиту. Знания о свойствах времени были особенно необходимы в земледельческих цивилизациях, при проведе-

нии сельскохозяйственных работ. Некоторые хронологические системы, созданные за века человеческой истории, стремились как можно точнее отразить астрономическую смену времен года, другие, как, например, система юлианского календаря, благодаря использованию ее в системе церковного летосчисления, приобрели достаточно статичный вид и, несмотря на все увеличивающуюся неточность, существовали в более или менее неизменном виде многие сотни лет.

История хронологии в России. Хронологические указания можно встретить в самых разнообразных древнерусских источниках: в летописях, в актах и хозяйственных книгах, в писцовых записях и эпистолярных памятниках. Сохранилось также большое количество древнерусских рукописей, содержащих таблицы, предназначенные для календарных вычислений, а также комментарии по их применению. Помимо узкоспециальных хронологических текстов, в России создавались произведения, посвященные полемике вокруг тех или иных проблем календаря и хронологии.

Появление научных (а точнее, «преднаучных») трактатов по хронологии на Руси связано с именем доместика Антониева монастыря в Новгороде, Кирика-новгородца, создавшего в 1136 г. свое «Учение имже ведати человеку числа всех лет», в котором он указывает целый ряд хронологических данных для этого года, хотя и не поясняет метод, с помощью которого ему удалось их вычислить. Сочинение Кирика сохранилось только в сравнительно поздних списках: наиболее ранний из них датируется концом XV—началом XVI в. От XII—XIV вв. сохранились немногочисленные хронологические таблицы, не сопровождаемые комментариями по их использованию. К ним относятся, например, таблица вруцелет — граффити XIII в. в Софийском храме в Киеве, такая же таблица, найденная в развалинах храма в Старой Рязани, датируемая первыми десятилетиями XIII в. Таблицы и статьи, предназначенные для облегчения хронологических расчетов, известные в рукописях XIII—XV вв., имени автора или составителя, как правило, не содержат. И «Учение» Кирика, и более поздние трактаты по хронологии преследовали практические цели и были связаны с расчетами церковного календаря, которые не отличались точностью и не соответствовали истинному движению небесных светил, то есть не основывались на астрономических наблюдениях. Учеными, однако, предполагается, что наблюдения за небом на Руси велись (так, в летописях достаточно точно отмечаются смены фаз Луны, затмения и т. п.), хотя специальные сочинения, отражающие результаты наблюдений за движением Луны и Солнца, нам неизвестны. Некоторые сведения об астрономии и календаре попали на Русь с переводными памятниками: «Христианской топографией» Козьмы Индикоплова, «Синтагмой» Матфея Властаря, текстами Толковой Палеи, «Шестодневов» и др.

На практике в источниках до конца XV в. наиболее распространены были готовые расчеты дат на несколько лет, в виде таблицы или текста, восходящие к византийским образцам. Обычно подобные расчеты переписывались в богослужебных книгах (требниках, часословах, псалтирях с восследованием). В связи с ожиданием конца света после окончания семи тысяч лет от сотворения мира вычисления заканчивались на 7000 г. от С. М. (1492 г. от Р. Х.). Проблема истолкования значения семи тысяч лет дала толчок хронологическим изысканиям и возникновению полемической литературы, посвященной календарной тематике, к которой относятся послания новгородского архиепископа Геннадия и «Сказания...» об окончании седьмой тысячи лет Иосифа Волоцкого. С наступлением 7000 лет от сотворения мира московским митрополитом Зосимой, новгородским архиепископом Геннадием и вологодско-пермским епископом Филофеем были написаны новые тексты пасхалии и предисловия к ним, при этом в предисловии к расчетам, составленном Геннадием, объяснялись также принципы использования пасхальных таблиц, с помощью которых были составлены расчеты. Таким образом, в 1492 г. составление новых хронологических расчетов стало событием государственного масштаба.

Первым древнерусским календарно-хронологическим справочником, фактически «вечным календарем», стал «Миротворный круг» — сборник, дошедший до нас в редакции новгородского священника Агафона. Эта редакция была создана в конце 1530—начале 1540-х гг., но основная часть сборника, таблицы на 7980 лет от С. М. (то есть расчеты на время вплоть до 2472 г. по эре от Р. Х.), возможно, были созданы ранее. В эти таблицы были включены сведения о подвижных праздниках, сроках постов, а также некоторых неподвижных праздниках для каждого года. В сборник также вошли вспомогательные таблицы, предназначенные для расчета церковных праздников, и некоторые тексты, облегчающие эти расчеты.

В XVI—XVII вв. были созданы многочисленные статьи и комментарии к таблицам, а также трактаты, посвященные вопросам календарно-хронологических расчетов. Одним из таких трактатов является, например, сочинение известного публициста середины XVI в. Ермолая-Еразма «Круг пасхалии по немуже христиане празднуем Пасху». В XVII—XVIII вв. в России, особенно в старообрядческой среде, были популярны обширные руководства по расчету Пасхи и связанных с ней праздников, носящие заголовок «Рука богословля». В этих руководствах указывались различные методы расчета Пасхи и других праздников. Можно также указать, что на Украине и в Белоруссии в связи с попытками внедрения там григорианского календаря создавались хронологические трактаты, отстаивающие необходимость сохранения юлианской системы счета времени и связанной с ней вечной пасхалии, которые получили распространение и в России.

В Западной Европе в средние века было создано немало трактатов по расчетам церковного календаря, а также сочинений, содержащих астрономические расчеты движения небесных светил. К первым из названных относится, например, трактат Вильгельма Дурандуса (Гийома Дюрана) «Rationale divinorum officiorum», написанный в 1286 г. Этот трактат был известен и в России, — в конце XV в. один из его фрагментов был переведен в Новгороде по распоряжению архиепископа Геннадия (в русском переводе сочинение получило заголовок «Совещание божественных дел»). Астрономические основы календарных вычислений стали изучаться только в XV в. (примером могут служить сочинения Иоанна Мюллера (Регномонтана)). Изучение системы хронологии в Западной Европе возникает как отрасль знания в связи с разработкой реформы календаря, воплощенной в жизнь григорианской реформой календаря 1582 г. Одним из первых ученых, создавших труды в этой области, стал Иосиф Скалигер, автор книг «De emendatione temporum» («Об исправлении [счета] времени») (1583) и «Thesaurus temporum» («Сокровищница времени») (1606). Скалигер предложил считать все дни по порядку, не учитывая месяцев, годов, столетий и тысячелетий. Такую систему отсчета он назвал в честь своего отца юлианской (эра Скалигера). В качестве исходной точки Скалигер избрал 1 января 4713 г. до н. э. (на этот год приходятся начала циклов обращения кругов Солнца (см. ниже), Луны и индикта). За начало отсчета был принят средний полдень на нулевом (гринвичском) меридиане. Циклом Скалигер предложил считать период в 7980 лет (образуется путем умножения 28-летнего цикла круга Солнца, 19-летнего цикла круга Луны и 15-летнего цикла индиктиона). Как уже отмечалось, такой же цикл был использован в древнерусском сборнике «Миротворный круг». Юлианский период распространения не получил, но его основа — непрерывный счет дней — используется для изучения периодических астрономических явлений (например, изменения параметров небесных тел) и для решения некоторых хронологических задач. Несколько позднее обширный обзор хронологических систем был создан Д. Петавиусом (Пето) в его «Opus de doctrina temporum» («Книга о познании времени») (1627), и с тех пор проблемы хронологии были постоянно в поле зрения западноевропейских ученых.

Наука о времени в России была создана позднее. Критическим анализом исторической хронологии одним из первых занялся святитель Дмитрий Ростовский, в конце XVII—начале XVIII вв. составивший хронологические таблицы для разных исторических периодов. В XVIII в. многие историки, в том числе В. Н. Татищев и А. Л. Шлецер, интересовались проблемами хронологии летописания, в XIX в. эти исследования были продолжены академиком И. Ф. Кругом, а позднее — А. А. Куником и М. П. Погодиным. В первой половине XIX в. вопро-

сами формальной хронологии занимались также В. М. Ундольский, П. В. Хавский, во второй половине века — Д. М. Перевощиков, Н. И. Черухин.

Споры по вопросам хронологии активизировались в связи с обсуждением нескольких тем: возможности календарной реформы в России (перехода на григорианский календарь), проблемы ранней хронологии России, например, достоверности начальной даты Повести временных лет и времени крещения Руси, а также вариантов вычисления пасхальных дат с помощью формулы Гаусса и ее модификаций. Изучались также отдельные вопросы хронологии, например, счет часов в Древней Руси. Специальное исследование хронологии в летописании связано с именем Н. В. Степанова, а немного позднее — Д. О. Святского. В дореволюционной историографии были затронуты многие вопросы, связанные с древнерусской расчетной хронологией: первый русский календарно-хронологический трактат Кирика-новгородца; связь пасхалий и раннего летописания; пасхалии и ожидание конца света в 7000 (1492) г.; древнерусская терминология и единицы счета времени; арифметическая пасхалия (на примере рукописей XVII в.); переводные календари.

Переход в 1918 г. на григорианскую систему летосчисления повлек за собой, прежде всего, появление новых работ, посвященных устройству календаря. Споры внутри церкви о возможностях изменения или совершенствования календаря велись в первой половине 20-х годов, но расчеты церковных праздников продолжали проводиться на основе юлианского стиля. В 1920—1960 гг. появляется значительное количество трудов, посвященных общим обзорам хронологии: это книги Н. И. Идельсона, В. А. Россовской, И. Ф. Полака, В. К. Никольского, учебные пособия А. М. Большакова (1924), Н. В. Устюгова (1939) и Л. В. Черепнина (1944), в 1960—1980-е гг. Е. И. Каменцевой (позднее А. П. Пронштейна, В. Я. Кияшко, И. П. Ермолаева и некоторые др.), научно-популярные книги С. И. Селешникова, И. А. Климишина. Изучение календаря в 1950—начале 1960-х гг. активизировалось также в связи с выдвигавшимися в ООН проектами реформы календаря. В историографии послевоенного периода внимание уделялось истории календаря в дохристианский период истории Руси, народному календарю, было продолжено изучение творчества Кирика-новгородца. Изучению хронологии в летописании посвящены работы Н. Г. Бережкова, И. Н. Данилевского, С. В. Цыба, отдельные наблюдения имеются также в более общих работах по истории летописания, например, в книге А. Г. Кузьмина. Техническая сторона хронологических расчетов Древней Руси, преимущественно для периода до XIV в., рассматривается в работах Р. А. Симонова, основные виды календарных таблиц, встречающиеся в древнерусских источниках, методы их ис-

пользования и проблемы их происхождения рассмотрены в справочной статье А. М. Пентковского.[1]

Единицы счета времени. Основные понятия, или единицы измерения, которыми оперирует хронология, следующие: сутки (смена дня и ночи), месяц (первоначально период полной смены фаз Луны), год (смена времен года). Система времяисчисления, основанная на точно установленном взаимоотношении этих понятий, называется ***календарем***. Термин «календарь» восходит к латинскому слову «caleo» — «провозглашать» и к производному от этого слова понятию «календы» (первое число месяца в древнем Риме). Собственно термин «календариум» обозначает понятие «долговая книга», так как в Древнем Риме существовало правило оплачивать долговые проценты в первый день месяца. Другое значение термина «календарь» — отражение системы счета времени в письменном виде. В России до середины XVII в. роль календаря играли преимущественно святцы. В середине XVII в. в России появились календари в западном понимании этого термина, то есть содержащие, помимо календарных данных, большое количество астрологических и прогностических статей (в том числе предсказания политических событий, природных катаклизмов и т. п.), получившие распространение в Западной Европе в XV в., особенно с изобретением книгопечатания. В европейских странах календари-альманахи были весьма популярны в XVI—XVII вв., и об альманахах в России в эту эпоху было известно (в «Домострое», в частности, среди других запрещенных книг упоминаются и альманахи). Однако на русской почве переводы западноевропейских календарей появляются только во второй половине XVII в. Так, календарно-астрологическими проблемами интересовался отец Петра I, царь Алексей Михайлович (ему, в частности, посвящен перевод польского календаря 1670 г.). Позднее в Посольском приказе делались переводы календарей Фохта (с немецкого) на 1684, 1690—1696 гг. и Словаковича (с польского) на 1689 и 1696 гг., Орминского (на 1696 г.) и др. К началу XVIII в. относятся также переводы календарей Аделунга (на 1706 г.) и Павла Галкена («...управленный математический и физикальный») на 1707 г.

Хронологические системы, используемые разными народами, могут быть подразделены на солнечные и лунные. Использование Луны в качестве хронологического ориентира возникло ранее, так как смену

---

[1] В 1990-х гг. проблемы хронологии вызвали интерес в связи с публикацией многочисленных работ сторонников так называемой «новой хронологии» А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского. Однако в данном разделе не предполагается обсуждение точки зрения названных авторов на проблемы хронологии и хронографии и разбор их теории, сводящейся к тому, что в отношении ко всей древней и средневековой истории мы имеем дело с масштабной фальсификацией. Эта теория выглядит весьма эффектно в целом и не выдерживает никакой критики при рассмотрении конкретных аргументов, которыми оперируют А. Т. Фоменко, Г. В. Носовский и их последователи.

фаз Луны наблюдать много легче, чем движение Солнца. Движение Солнца, от которого зависит смена времен года, точному наблюдению невооруженным глазом не поддается. Поэтому наиболее распространенным в древности было измерение времени по Луне, смена фаз которой на небе была хорошо заметна. Как предполагают, ***лунный календарь*** появился у пастушеских народов, которые вели кочевой образ жизни.

Величина периода полной смены всех лунных фаз неодинакова. Однако принято считать, что средняя лунация (синодический месяц) равна 29 дням 12 часам 44 минутам и 29 секундам. Для вычисления фаз истинной Луны по фазам средней приходится прибегать к разного рода поправкам, прежде всего вставке в разные промежутки времени дополнительных месяцев. Лунный год на 11 дней меньше солнечного, и его начало смещается по сезонам.

Лунный календарь использовался в Вавилоне, Китае, Древней Греции и Риме. В настоящее время счет исключительно лунными месяцами, сохраняемый из религиозных соображений, можно наблюдать, например, в мусульманском календаре. В основе этого календаря — год из 12 календарных месяцев (354 дня), продолжительность каждого примерно соответствует длине синодического месяца. Так как месяц не может включать 29,5 суток, то принята система чередования «пустых» (по 29 дней) и «полных» (по 30 дней) месяцев. Так как эта система не обеспечивает достаточного соответствия календарных лунных месяцев синодическим месяцам, время от времени производится вставка 30-го дня в 12-й месяц, состоящий из 29 дней. 33 лунных года почти равны 32 солнечным годам. Известно несколько типов мусульманского календаря: так называемые турецкий (дополнительный день вставляется три раза за восемь лет) и арабский (30-летний, дополнительный день вставляется 11 раз). Таблица перевода дат мусульманского календаря помещена, например, в кн. *Черепнин, 1944*. Табл. XXIV.

Однако еще в древности, в Вавилоне, были предприняты попытки создать календарь, в котором учитывалось бы и движение Луны, и движение Солнца: в каждом восьмилетнем периоде 2-й, 5-й и 8-й годы имели не 12, а 13 месяцев. Система, при которой смена фаз Луны согласовывалась с годичным движением Солнца, была известна в Древней Греции, где использовался восьмилетний лунный цикл (для согласования движения Луны с Солнцем каждые восемь лет вставлялись три дополнительных месяца), а позднее, в V в. до н. э., афинский математик Метон рассчитал более точный, 19-летний цикл, в течение которого тринадцатый месяц вводился 7 раз. Цикл этот был основан на том, что 19 солнечных лет содержат в себе 235 полных лунных месяцев. Этот цикл, с небольшими поправками, был использован позднее при расчетах христианской пасхалии, однако в Древней Греции он не получил распространения, и господство 8-летнего цикла, крайне неточного, в

котором вставные месяцы добавлялись в разное время, зачастую делает невозможным перевод дат афинского календаря на юлианский.

К разряду лунно-солнечных календарей относятся системы тюркомонгольского и еврейского календарей (в последнем эта система календаря используется для расчета религиозных праздников и поныне).

Для того чтобы проследить историю возникновения юлианского календаря, следует подробнее рассмотреть систему лунного календаря, существовавшую в Древнем Риме. Начинался год с весны. По сведениям, приводимым у некоторых античных авторов, в первоначальном римском календаре было 10 месяцев, которые именовались порядковыми номерами (затем некоторые из них приобрели названия по именам богов: Марса, Майи, Юноны), и они насчитывали: март, май, квинтилис, октябрь — по 31 дню, шесть остальных — по 30 дней. В VII в. до н. э., при Нуме Помпилии (по другим указаниям, на полвека раньше, еще при Ромуле), римский календарь был реформирован: к году прибавили 2 месяца: януариус (в честь бога Януса) и фебруариус (очищение). При этом изменилось число дней в месяцах: если первоначально год у римлян состоял из 304 дней, то теперь — из 355 (март, май, квинтилис, октябрь сохранили 31 день, апрель, июнь, секстилис, сентябрь, ноябрь, декабрь, январь насчитывали по 29, февраль — 28). Таким образом, год в 355 дней почти совпадал по длительности с лунным годом (29,53×12=354,36 дня). Начало каждого месяца определялось по первому появлению лунного серпа после новолуния. От солнечного (тропического) года, равного 365 суткам 5 часам 48 минутам 45,6 секундам, этот год отличался на 10 дней, что вызвало необходимость вставлять каждые два года добавочный месяц, марцедоний, который добавлялся между 23 и 24 февраля и содержал попеременно 22 или 23 дня. Таким образом, была создана лунно-солнечная система. Однако в четырехлетнем периоде продолжительность года превышала продолжительность солнечного года и равнялась 366,25 дня. Справляться с этим креном приходилось произвольно, что и делали жрецы, то удлинявшие, то укорачивавшие вставные месяцы. Вставка марцедония, возможно, была связана с переходом на восьмилетний лунный цикл, лежавший в основе древнеримского календарного счета. Счет дней в римских месяцах основывался на лунном календаре и был обратным: такой-то день до календ, день до ид, такой-то до нон. Ноны — седьмой день в длинных и пятый в коротких месяцах. Иды — пятнадцатый день в длинных (март, май, июль и октябрь) и тринадцатый в коротких месяцах, приходится на полнолуние. Календы — первые дни месяца (близки новолунию). День перед нонами, идами и календами называется кануном. О наступлении нового месяца публично сообщалось (выкрикивалось) — от глагола «calare», по полулегендарным сведениям, и произошло название календ. Римский счет месяцев использовался в Западной Европе до XIV в., знали о нем и в России — счет календами

указан в статье под 6644 (1136) г. Новгородской I летописи, он упоминается в Изборнике 1073 г., указания на этот счет встречаются иногда в древнерусских месяцесловах (святцах). Кроме того, трактат о счете по нонам, календам и идам известен в списках Кормчей книги XV—XVI вв. (*Щапов, 1983*), в записи на Сийском евангелии (ок. 1340 г.), в переводе хронологического трактата XIII в., принадлежащего епископу Гийому Дюрану «Rationale divinorum officiorum», сделанному в Новгороде в 1495 г., в календарно-хронологическом трактате 1496 г. «Учение отроком хотящим учитися ведению ключа границы азбучные».

К числу сложностей, с которыми приходится сталкиваться при изучении римского календаря, относится то, что в Риме не было единой точки, от которой велся бы отсчет лет или эры (эра от основания города используется только в сравнительно поздних памятниках), и счет лет велся по консулам.

Кардинальные изменения в систему римского календаря были внесены в период правления Юлия Цезаря. В основу календаря был положен *солнечный год*. Рассмотрим это понятие чуть подробнее.

Для календарных систем, основанных на солнечном годе, характерна ориентация на *тропический год* или промежуток времени, протекающий между двумя смежными вступлениями центра солнечного диска в плоскость земного экватора при видимом перемещении Солнца с южного полушария небесной сферы в северное. Средний тропический год, используемый в качестве эталона солнечного года, состоит из 365,2422 средних солнечных суток (с. с. с.). Средняя величина юлианского года = 365,25 с. с. с. Средний григорианский год также немного более среднетропического года (365,2425 с. с. с.).

Солнечный год может быть «блуждающим», как в Древнем Египте. Здесь, как предполагают, возник древнейший солнечный календарь (IV тыс. до н. э.), в котором продолжительность календарного года была 365 суток, в связи с чем начало года медленно передвигалось в пределах тропического года, приходилось на разные сезоны и через каждые 1460 лет возвращалось на один и тот же момент солнечного года. Этот период называется «периодом Сотис», от греческого названия звезды Сириус, менявшей свое положение на небе, по восходу которой ориентировались во времени египтяне. После завоевания Египта римлянами календарная система претерпела изменения: помимо уже существовавших 12 месяцев по 30 дней и пяти дополнительных дней один раз в четыре года добавлялся шестой дополнительный день, то есть продолжительность года по новому календарю совпадала с размером юлианского года. Блуждающий египетский год использовался в древности в Армении, а стабильный египетский (александрийский) календарь — в Грузии.

Юлианский календарь. Система, основанная на солнечном годе и предусматривающая применение високоса, используется в юлианском календаре, а также, с некоторыми изменениями, в григорианском календаре. В юлианском календаре в качестве средней продолжительности календарного года взята величина 365,25 суток, немного большая, чем длина тропического года. Високосный день, накапливающийся за четыре года и первоначально вставлявшийся как второй день 24 февраля (дважды шестой до мартовских календ, то есть «bissextus»), образует удлиненный (високосный) год. Таким образом, каждый четвертый год является високосным. Юлианский календарь был введен императором Юлием Цезарем в 46/45 г. до н. э., разрабатывался он египетским астрономом Созигеном. За первый месяц года был принят январь, так как в течение более полутора веков до этого вновь избранные римские консулы ежегодно вступали в свою должность с 1 января. Было упорядочено также число дней в месяцах. Все нечетные месяцы имели по 31 дню, а четные по 30. Пятый по счету месяц римского календаря (квинтилис) был переименован в честь Цезаря в июль (44 г. до н. э.). Счет по новому календарю, получившему название юлианского, начался с 1 января 45 г. до н. э. Ошибки, возникшие в результате неправильной вставки високосного года римскими понтификами (в течение ряда лет високосный день вставлялся каждый третий, а не каждый четвертый год), были исправлены в период правления императора Августа в 8 г. до н. э. — 8 г. н. э., когда к високосным годам не добавлялся дополнительный день. Тогда же календарь принял привычный для нас вид: месяцы получили столько дней, сколько и сейчас: то есть январь, март, май, июль, секстилис (названный августом), октябрь и декабрь — по 31 дню, февраль — 28/29 дней, остальные месяцы — по 30. Юлианский календарь был весьма прост и потому удобен, он лег в основу календарных систем христианских стран, в том числе Византии и России; его устройство позволило создать на его базе логичную и в математическом отношении совершенную систему пасхалии.

Начало года у разных народов отсчитывалось по-разному. На протяжении средневековья в Западной Европе использовалось рождественское, январское, мартовское, благовещенское (отстающее от январского на 2 месяца и 24 дня, с 25 марта), пасхальное начало года. В странах Востока до завоевания их мусульманами начало года отсчитывалось чаще всего от осени. В Византии было известно как сентябрьское, так и мартовское начало года.

Величина юлианского года (365 дней 6 часов) превышает величину тропического года на 11 минут 14 секунд, что привело к образованию ошибки: каждые 128 лет накапливаются лишние сутки.

Проекты изменения юлианского календаря выдвигались неоднократно. Так, содержащуюся в нем ошибку еще в XI в. предложил исправить Омар Хайям: поделить каждые 33 года на 8 периодов: 7 по 4 года

(каждый 4-й год — високосный), 8-й период — 5 лет (то есть високосный — не 32-й год, а 33-й, затем 37-й...) Цикл, предложенный Хайямом, был использован в персидском календаре, употреблявшемся в Иране до середины XIX в. Средняя продолжительность такого года — 365,2424 с. с. с. (то есть он точнее и юлианского, и григорианского года).

Ко второй половине XVI в. ошибка юлианского календаря составила 10 дней: по юлианскому календарю равноденствие должно было наступать 21 марта, в действительности оно наступало 11 марта. На Западе эта проблема была решена путем реформы: в 1582 г. папа Григорий XIII создал специальную комиссию, которая разработала проект этой реформы. Комиссия по реформе календаря ставила задачу переноса весеннего равноденствия, которое в эту эпоху приходилось на 11 марта, обратно на 21 марта, то есть намеревалась вернуть равноденствие на ту же точку, что в эпоху Никейского собора. Был одобрен проект итальянского врача и астронома Алоизия Лилио (1520—1576). По папскому декрету 1 марта 1582 г. счет дней был передвинут на 10 суток вперед и день после четверга 4 октября 1582 г. предписывалось считать пятницей 15 октября. Во избежание накопления новых ошибок была изменена система високосов: из високосных простыми стали те вековые годы юлианского календаря, число сотен в которых не делится на 4: то есть 1700, 1800 и 1900, 2100, 2200, 2300. С течением времени ***григорианский календарь*** также накапливает ошибку — сутки за 3280 лет. Система високосов внутри столетий осталась неизменной; не отличается григорианский календарь от юлианского и счетом дней недели. Таким образом, при переводе дат юлианского календаря на григорианский стиль для периода 1582—28 февраля 1700 г. включительно разница составит 10 дней, для периода до 28 февраля 1800 г. — 11 дней, до 28 февраля 1900 г. — 12 дней. На протяжении XX и XXI вв. разница между двумя стилями остается неизменной и составляет 13 дней.

В 1582 г. григорианский календарь был введен во Франции, Италии, Испании, Португалии, Южных Нидерландах, в 80-х гг. — в Польше, католических землях Германии, католических кантонах Швейцарии, Австрии, Чехии, Венгрии, в 1610 г. — в Пруссии. В протестантских странах: в 1700 г. — в Дании, Норвегии, в протестантских немецких государствах, Северных Нидерландах — в 1707 г., в Англии — в 1752 г., в Швеции и Финляндии — в 1753 г. В некоторых кантонах Швейцарии — с 1812 г., с 1873 г. — в Японии, с 1911 г. — в Китае, в Болгарии — с 1916 г., в Сербии и Румынии — с 1919 г., в России — по декрету от 24 января 1918 г. (следующий после 31 января день стал 14 февраля), с 1924 г. — в Греции, с 1927 г. — в Турции, с 1928 г. — в Египте.

В 1923 г. для Константинопольской патриархии и ряда других церквей (например, румынской) югославским астрономом М. Миланковичем был разработан новоюлианский календарь. В «новоюлианской

системе» последние годы столетий, числа веков в которых не дают при делении на 9 остатка, равного 2 или 6, нужно считать простыми (простыми будут 2100, 2200, 2300, 2500, 2600, 2700, 2800 годы); в 900 годах насчитывается 218 високосных лет. Средняя продолжительность новоюлианского календарного года больше продолжительности тропического года на 0,000022 с. с. с., расхождение в одни сутки новоюлианского и тропического года создается за период в 44 000 лет.

Еще в первой половине XIX в. был поставлен вопрос о введении единого всемирного календаря, который был бы и точнее, и удобнее с практической точки зрения. Однако в большинстве этих проектов нарушался принцип непрерывного счета дней в неделе, что противоречит нормам церковного календаря. В 1880-х гг. в конкурсе на лучший проект всемирного календаря, организованном Французским астрономическим обществом, победил проект французского астронома М. Г. Армелина, согласно которому год делился на 12 месяцев с четырьмя равными кварталами по 91 дню в каждом. Дополнительный 365 день считался вненедельным, он помещался перед первым января и назывался «первым днем нового года», а в високосном году еще один (366-й) день вставлялся после 30 июня. В середине XX в. вопрос о введении всемирного календаря ставился неоднократно. Предлагались варианты календаря, в котором год состоит либо из 13 равных по продолжительности месяцев, либо из 12 месяцев (проект Армелина). Последний был одобрен СССР, Францией, Индией и некоторыми другими государствами, однако дальнейшего развития планы перехода на всемирный календарь не получили.

В России перейти на григорианский календарь впервые было предложено в 1830 г. учеными Петербургской Академии наук. В 1864 г. профессор Дерптского университета И. Г. Медлер предложил свою систему исправления юлианского календаря: для уменьшения отставания календаря исключать из счета один високосный день каждые 128 лет. В 1899 г. при Русском астрономическом обществе была создана комиссия по вопросу о проведении реформы. Решение о принятии реформы не состоялось, прежде всего ввиду необходимости придерживаться юлианского календаря для сохранения вечной (цикличной) пасхалии. В русских источниках конца XVIII—начала XX вв., особенно в тех, где упоминаются зарубежные события, а также в источниках, вышедших из ведомства иностранных дел, торгового и военно-морского флота, можно встретить двойную датировку — с указанием даты как по юлианскому, так и по григорианскому календарю, а в обобщающих пособиях зачастую указывается дата то по одному, то по другому календарю (примеры хронологических несообразностей собраны в пособии Е. И. Каменцевой — *Каменцева, 1967*. С. 158—169, см. также *Перпер, 1984*). В XIX в. в России григорианский календарь использовали в своей деятельности ученые многих специальностей, например, астро-

номы и метеорологи. Вопрос о вводе григорианского календаря («нового стиля») был вновь поставлен вскоре после Октябрьской революции, декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря» был принят на заседании Совета Народных Комиссаров 24 января (6 февраля) 1918 г.

Помимо юлианского и григорианского календарей можно назвать еще одну известную попытку создания солнечного календаря, максимально приближенного к продолжительности тропического года. Это календарь Французской революции, введенный постановлением Национального Конвента от 5 октября 1793 г. и просуществовавший до 1 января 1806 г. Счет лет в этом календаре велся со дня уничтожения королевской власти и провозглашения республики — с 22 сентября 1792 г., совпавшего в этом году с днем осеннего равноденствия. Каждый из 12 месяцев нового календаря включал 30 дней, названия месяцев отражали явления природы и сельскохозяйственные работы, проводимые в это время; вместо недель были введены декады, последний день декады посвящался отдыху. В конце года добавлялись пять (в високосном году — шесть) добавочных дней (так называемые санкюлотиды). Начало года каждый раз определялось точным астрономическим вычислением — он начинался в полночь того дня, на который по среднему парижскому времени приходился момент осеннего равноденствия. Високосные годы в связи с этим наступали то через четыре, то через пять лет.

Обратимся теперь к рассмотрению таких единиц счета времени, как месяц, неделя и сутки.

Месяц. В зависимости от календарной системы, месяцы могут быть лунными (что можно видеть даже из этимологии этого слова) или солнечными. В русских источниках наибольшее распространение получили юлианские названия месяцев, которые используются и поныне. Трактовка происхождения этих месяцев восходит к средневековым западноевропейским хронологическим трактатам. Согласно ей, название месяца январь происходит от имени бога открытых дверей Януса, февраля — от слова «februm» — очищение, в этом месяце у римлян полагалось проводить обряды очищения и поклонения мертвым, марта — от имени бога Марса, апреля — от слова «aperire» — раскрывать, мая — от имени богини Майи, июня — от имени Юноны. Два месяца в году названы в честь римских императоров: июль (в честь Юлия Цезаря) и август (в честь императора Октавиана Августа). Остальные месяцы сохранили наименования, указывающие на их номер в году, начинающемся от марта: сентябрь — септембер (седьмой от марта), октябрь — восьмой и т. д. Однако в отдельных видах памятников — прежде всего в святцах, в том числе имеющихся в Остромировом евангелии, — сохранились славянские названия месяцев. Названия эти (начиная с января) следующие: просинец, сечень, сухий, березозол, травень, изок, червень, зарев, рю-

ень, листопад, грудень, студень. Месяцы в славянских языках известны и под другими названиями, помимо перечисленных. Так, «сечнем» мог именоваться как февраль, так и январь, «березозолом» — как март, так и апрель, «просинцем» — как январь, так и декабрь (см., например, *Селешников, 1962*. С. 58—59). Именование одного и того же месяца по-разному указывает, вероятно, на несовпадение периодов времени, первоначально обозначаемых тем или иным названием, с размерами юлианских месяцев (см. обзор литературы, касающейся проблемы дохристианского славянского календаря: *Данилевский, 1983*. С. 63—65). Некоторые из этих названий сохранились в современных славянских языках, например, в украинском. Кроме того, в святцах и в календарных таблицах, а позднее в так называемых азбуковниках (словарях) можно встретить указания на названия месяцев у других народов: еврейские, греческие, македонские. Однако датировка с указанием как славянских названий месяцев, так и названий месяцев, принятых у других народов, на практике встречается исключительно редко. [2]

Неделя. Деление месяцев на семидневные отрезки времени пришло из Древнего Вавилона и связано с изменением фаз Луны: так как лунный месяц составляет 29,53 суток, люди наблюдали 4 фазы (четверти) Луны на небе, каждая из которых длилась примерно 7 дней. Кроме того, число 7 у многих древних народов почиталось священным. Вавилонские же астрономы составили представление о покровительстве, оказываемом каждому часу суток той или иной планетой: Сатурном (субботе), Юпитером (четвергу), Марсом (вторнику), Солнцем (воскресенью), Венерой (пятнице), Меркурием (среде), Луной (понедельнику). Планета, покровительствующая первому часу каждого дня недели, дала название этому дню во многих языках, в том числе в латинском, сохранившееся во многих европейских языках (например, понедельник, начинавшийся с «часа Луны», в латинском именовался dies Lunae, во французском — lundi, в английском — Monday). В системах, использующих солнечный календарь, счет неделями, с практической точки зрения, не имеет смысла. Помимо деления месяцев на недели, известно также деление их на десятидневные отрезки (декады), использовавшееся, например, в Древнем Египте и Древней Греции.

Использование счета дней неделями на Руси известно с древнейших времен — преимущественно в источниках встречается именование недели седмицей, тогда как термин «неделя» применяется в основном к

---

[2] Можно привести указания на еврейский месяц нисан (соответствует марту—апрелю) в выходной записи Сийского евангелия 1340 г. (см. о нем: *Столярова, 1998*. № 34 (10). С. 332—337) и на македонский месяц фармути — в одной из статей Изборника 1073 г.; в более поздних памятниках это, например, указание на смерть св. Евфимия Суздальского, встречающееся на поле календарной таблицы в некоторых списках упомянутого выше сборника «Миротворный круг».

воскресному дню недели. Русские названия дней недели, за исключением недели (воскресенья) и субботы,[3] связаны со следованием дней и порядковым номером дня. Так, понедельник — это день, следующий за неделей (воскресеньем), вторник (второк) — второй по счету день после недели (воскресенья), среда — середина недели (седмицы), четверг (четверток) и пятница (пяток) — четвертый и пятый дни после воскресенья. Счет дней недели в России велся по-разному: начиная с воскресенья, понедельника или субботы. В период от начала Великого поста до Пасхи счет обычно велся с понедельника, в период от Пасхи до Пятидесятницы — с воскресенья. Однако это правило не является абсолютным, на что указывают разночтения в пасхальных расчетах в разных рукописях. Например, в 6955 (1447) г. Пасха пришлась на 9 апреля. Указание на день недели, в который будет отмечаться память св. Георгия (23 апреля), в отдельных пасхалиях для этого года уточнено: по одним из них праздник придется на вторую неделю (то есть воскресенье) по Пасхе, согласно другим — на третью.

Сутки. Что касается суток, то следует иметь в виду разницу между такими понятиями, как «звездные сутки» и «солнечные сутки». В астрономии время отсчитывается звездными сутками (под которыми понимается время обращения Земли вокруг своей оси или период времени, протекающий между двумя последовательными положениями одной и той же звезды, в определенной точке) и звездными годами (период времени, в который Солнце приходит снова в ту же точку неба). Солнечные сутки — период времени между двумя последовательными положениями Солнца в определенной точке (то есть между двумя последовательными одинаковыми положениями Солнца относительно горизонта). Сутки в этих двух системах измерения времени разные по величине — солнечные сутки приблизительно на 4 минуты больше звездных; звездных суток в году на единицу больше. Кроме того, истинные солнечные сутки имеют разную величину, поэтому в расчет принимаются средние солнечные сутки.

Деление суток в древности у разных народов существенно варьировалось. Термин «сутки» в древнерусских источниках не использовался, вместо него употреблялось понятие «день». На Руси в христианский период был известен счет часами и минутами, однако с какого времени этот счет вошел в широкое употребление, неизвестно. Счет часов велся по-разному. Наиболее древним, по-видимому, был счет, согласно которому сутки делились на две половины, день и ночь, каждая из которых включала по 12 часов (об этом пишет Кирик-новгородец), продолжительность того или иного часа (именуемого «косым» или

---

[3] Понятие восходит к термину «шаббат» — покой, известному у вавилонян, евреев, арабов, в некоторых западноевропейских и славянских языках .

«переменным») зависела от времени года. Позднее, где-то в середине XVI в., чаще использовался счет часами одинаковой величины отдельно для дня и ночи, начиная соответственно с восхода и заката: таким образом, колебался не размер часа, а количество часов: летом самый длинный день насчитывал 17 часов, а самая короткая ночь — 7, зимой наоборот. Деление суток на 24 равные части с началом отсчета от полудня или полуночи иногда носило именование «латинского». Для обозначения дробных частей часа использовался термин «часец» (см. *Зубов, 1953*. С. 212). Сутки обычно начинались с восходом солнца (хотя в церковной практике фактически начало суток совпадало с началом вечерней службы). Кроме того, разнился счет часов в разных местностях: так, в источниках известны таблицы с указанием «московских» и «новгородских» часов. Дневные и ночные часы «отдавались» — ударом колокола давался знак их окончания. В быту время делилось на определенные отрезки времени: заутреня, заря, ранняя заря, начало света, восход солнца, утро, середина утра, обедня, обед, полдень, уденье, полуденье, паобед, вечер, ночь, полночь (*Прозоровский, 1881*. С. 162). Время, на которое приходилось событие, обычно уточнялось с помощью указания на проходившую церковную службу. Перевод на современный счет часов, указанных в источнике, в связи с многообразием применявшихся систем, представляет значительную трудность. Некоторое представление о них дает таблица перевода часов для периода XVI—XVII вв. в Московском регионе (*Каменцева, 1967*. С. 106—109). С начала XVIII в. деление суток на 24 часа в России становится общепринятым.

Изучением истории измерения времени занимается такая дисциплина, как ***хронометрия***. Существование приборов для измерения времени («часников», или «часомериев») зафиксировано в источниках по крайней мере для начала XV в. (в 1404 г. в Москве Лазарь Сербин установил механические часы в Кремле). Как измерялись часы в более раннее время, источники не сообщают (недостаточно доказанными являются предположения о существовании в домонгольскую эпоху водяных или солнечных часов — ср.: *Мурьянов, 1988*). Известно описание часов, находившихся на Спасской башне Московского Кремля в середине XVII в., оставленное австрийским послом А. Мейербергом. На их циферблате было 17 делений. Перевод часов с дневного времени на ночное осуществлялся, по-видимому, вручную (*Пипуныров, Чернягин, 1977*. С. 25). Одним из способов измерения времени, зафиксированным в источниках, было измерение длины собственной тени в «стопах» (см. об этом, например, *Щапов, 1983*).

Из других особенностей суточного счета времени следует иметь в виду так называемое поясное время. Оно вошло в употребление в странах Европы в конце XIX в., в России стало использоваться с 1 июля 1919 г. В связи с тем, что Земля вращается вокруг Солнца и поворачива-

ется за один час на 15 градусов, земной шар условно разделен на 24 часовых пояса: от 0 до 23 пояса, считая с запада на восток. Для нулевого пояса время принимается равным времени Гринвичского меридиана, для остальных — меридианов, делящих часовые пояса пополам. При делении на пояса принимаются во внимание границы государств и административно-территориальных единиц стран. Европейская часть Российской Федерации находится в так называемом втором часовом поясе. Однако в СССР по декрету Совнаркома от 16 июня 1930 г. часы с 21 июня были переведены на один час вперед на период «вплоть до отмены», последовавшей 31 марта 1991 г. согласно постановлению Кабинета министров от 4 февраля 1991 г. Однако уже 19 января 1992 г. на территории Российской Федерации часовая стрелка была вновь переведена на один час вперед против поясного времени.[4] В период 1917—1922 гг. в России, а с 1981 г. в СССР была введена практика перехода на летнее и зимнее время, применяющаяся и в других странах.

Виды летосчисления и точек отсчета. Разница в начальной точке отсчета является одной из самых сложных проблем исторической хронологии. Сложность связана с наличием большого количество эр, использовавшихся в древности и в средневековье. Под термином *эра* подразумевается вся совокупность годов в той или иной системе летосчисления. Понятие восходит к лат. aera — число или является аббревиатурой первых букв фразы: «ab exordio regni Augusti» (от начала царствования Августа). Большие трудности вызывает установление эпохи (начала отсчета) эр, используемых многими античными и средневековыми авторами. Трудности вызваны, прежде всего, тем, что это начало отсчета приходится высчитывать по косвенным данным — по указаниям на другие эры, на события или астрономические явления, имеющие достаточно точную хронологическую привязку, по перечням правителей и т. д. В случае, если эти косвенные данные неточны или не дают достаточной информации, точка отсчета является «плавающей». Противоречия имеются как в расчетах Библии, на которых основаны многие средневековые расчеты древней хронологии, так и в небиблейских источниках (списки царей, диадохов и императоров).

В древности отсчет времени велся по царствованиям (Египет), по времени правления консулов (Рим), т. е. счет лет не был сплошным. Непрерывный отсчет времени от точно определенного момента в прошлом, например, от времени правления какого-либо царя (использовавшаяся древнегреческим астрономом Клавдием Птолемеем эра вави-

---

[4] Некоторые бывшие союзные республики полностью отказались от декретного времени. Так, декретное время сменилось на поясное на Украине, в результате чего в Петербурге и Киеве, лежащих приблизительно на одной и той же географической долготе, 30°, теперь наблюдается разница в счете времени в 1 час.

лонского царя Набонассара — с 26 февраля 747 г. до н. э., эра Селевкидов — с 1 октября 312 г. до Р. Х, эра Диоклетиана — с 29 августа 284 г. н. э.), или от какого-либо памятного события (использовавшаяся преимущественно западноевропейскими историками эра от основания Рима — с 21 апреля 754 г. до н. э. или первых Олимпийских игр — считается с 1 июля 776 г. до н. э.), начал применяться позднее. В эллинистическое время почти в каждом городе и государстве существовала своя эра: например, боспорская эра — на территории Боспорского государства — счет по ней ведется с осени 297 г. до н. э., эра Суллы в городах Малой Азии — с 85 г. до н. э., эра девы, использовавшаяся в Херсонесе, — с 25 г. н. э.

Большое количество эр ведут отсчет от религиозных событий — сотворения мира, рождения Иисуса Христа, бегства пророка Мохаммеда в Медину (16 июля 622 г. н. э.) и др.

В христианский период истории, помимо получившей в конечном итоге наибольшее распространение эры от Рождества Христова, или эры Дионисия Малого, более всего использовался отсчет от сотворения мира (С. М.). Точка отсчета определялась по-разному, и это стало причиной того, что известно где-то около двухсот различных эр от сотворения мира, согласно которым от сотворения мира до Рождества Христова прошло от 6984 до 3483 лет. Эра от сотворения мира использовалась в России вплоть до 1700 г. (затем — у старообрядцев) и постоянно фигурирует в изданиях, напечатанных церковнославянским шрифтом.

Многочисленные ***эры от сотворения мира***, возникшие в христианский период истории, созданы в большинстве своем с опорой на расчеты библейской хронологии, на эру от основания Рима, «ab urbe condita», и на эру Диоклетиана. По наиболее распространенной версии, 1 г. по Р. Х. приходится на 754 г. ab urbe condita (a. u. c.). Праздник основания города праздновался 21 апреля, однако хронологические расчеты чаще всего ведутся от 1 января. В Древнем Риме счет лет велся по консулам, и эта эра не использовалась, она получила распространение уже в начале первого тысячелетия нашей эры. Диоклетиан правил с 17 сентября 284 г. Египетский год, начавшийся 29 августа 284 г., был первым годом царствования Диоклетиана. Перевод на нашу эру осуществляется следующим образом: для периода сентябрь—январь надо прибавить 283, для января—августа — 284. Эра Диоклетиана сохранилась и после отречения императора от престола. Александрийские иерархи, создавая пасхальные таблицы при своих посланиях, употребляли летосчисление по эре Диоклетиана (счет по ней именуется также иногда «летами мучеников чистых»). Наиболее известны следующие эры от сотворения мира (см. их соотношение в прил. 5):

1. Между С. М. и Р. Х. насчитывается 5500 лет. В основу этого мнения легло истолкование слов Псалтири, 89.4: 6 дней творения приравнивались к 6000 лет, а 7 день знаменовал 1000-летнее царство, за которым

наступит конец мира. Впервые эра в 5500 лет была использована, по-видимому, «отцом христианской хронографии» Секстом Юлием Африканом, жившим в начале III в., автором хроники, сохранившейся в небольших отрывках. Африкан вел свой отсчет времени от сотворения Адама. При этом он придерживался мнения, что сотворение мира имело место 22 марта, Воплощение Христово (Благовещение) — в 5501 г. (1 г. до Р. Х.), 22 или 25 марта; проповедь Иисуса Христа длилась 1 год, и распятие произошло через 5531 полный год от Адама, в 5532 г. (Воскресение — 25 марта того же года). Воззрение на 5500 год как на период между С. М. и Р. Х. поддерживалось, например, св. Ипполитом, пресвитером римским (по разным данным, Р. Х. было отнесено Ипполитом или к 5500, или к 5502 г. от С. М.).

2. Александрийская эра известна в двух разновидностях. Первая из них — это эра, названная по имени александрийского монаха Панодора (начало V в. н. э.), она насчитывает 5493 года от С. М. до Р. Х. 1-й г. по Р. Х., по Панодору, — 5494 год по С. М. Сотворение мира, по Панодору, имело место 19 марта, воскресение — 22 марта 5527 г.

Современник Панодора Анниан, автор одного из первых 532-летних пасхальных циклов, составил эру, скомбинировав, по выражению Н. В. Степанова, идеи Африкана и Панодора. Он воспользовался александрийским календарем. 1-й г. от С. М., по Анниану, начался в 5492 г. до Р. Х. по эре Дионисия, сотворение мира и начало года — 25 марта. Однако, по Анниану, от С. М. до Р. Х. протекло полных 5500 лет. Воплощение, по Анниану, имело место в начале 5501 г. или 25 марта 9 г. по Р. Х. эры Дионисия. Распятие — 23 марта 5533 (42 г. по эре Дионисия), воскресение — 25 марта 5534 г. (42 г. по эре Дионисия). Воскресение Христово Анниан, руководствуясь соображениями расчета пасхалии и не принимая во внимание историческую несообразность даты, относил к 5534 г. своей эры, или 42 г. по Р. Х. Таким образом, следует иметь в виду, что хотя Анниан придерживался мнения, что между С. М. и Р. Х. прошло 5500 лет, однако при переводе его вычислений на эру от Р. Х. (Дионисиеву эру, о которой см. ниже) цифра получается другая, а именно 5492 года.

Последующие хронологи, придерживавшиеся александрийского календаря, принимали за эпоху эры Анниана 29 августа 5493 г. (Кирилл Скифопольский), а позднее — 1 сентября 5493 г. Эры Анниана держались Максим исповедник (640 г.), Синкелл (810 г.), Феофан (не позже 815 г.).

3. Византийская («κατὰ ῥωμαίους») эра возникла преимущественно из хронологических соображений, путем модификации цифры 5500 — благодаря прибавке в 8 лет год от С. М. по эре в 5508 лет, разделенный на 15, дает в остатке индикт (см. о нем ниже), важный элемент византийского летосчисления. Кроме того, первый год от сотворения мира по византийской эре — это первый год цикла 28-летнего круга Солнца

(образованного юлианской системой високосов), 19-летнего круга Луны и 15-летнего цикла индикта. Формирование византийской (константинопольской) эры также может быть разделено на два этапа.

1) Ранневизантийская эра. Возникновение ее относят к периоду правления императора Констанция, к 353 г.: эра считается с 5510/5509 г. до н. э. и создана в расчете на то, что Рождение Христа относится к 753 г. по счету от основания Рима. По ранневизантийской эре сотворение мира — 21 марта, Воплощение (Благовещение) — 21 или 25 марта 5507 г. (3 г. до н. э. по эре Дионисия), Распятие и Воскресение — 23 и 25 марта 5540 (31 г. н. э.).

2) Не позднее VI в. возникла византийская эра, исчисляемая с 5509/5508 г. до н. э., Рождение Христа, согласно ей, приходится на 754 г. от основания Рима. Воплощение, согласно этой эре, — 25 марта 5506 г. (3 г. до н. э. по эре Дионисия), Распятие и Воскресение — 23 и 25 марта 5539 г. (31 г. н. э.) Эта эра применялась долгое время наряду с другими эрами от сотворения мира, окончательно же она победила в Византии в середине IX в., использовалась как официальная при дворе византийских императоров и попала в Древнюю Русь, где и употреблялась до конца XVII в. Начало года по ней отсчитывается с 1 сентября.

Единого мнения о дате Рождества Христова у византийских богословов и хронистов не было, а потому дата этого события у различных хронистов, использовавших византийскую эру, рассчитывалась по-разному, то есть, следует помнить, совершенно не совпадала с нашим счетом лет от Р. Х. (см. прил. 5). Например: по Кедрину, Воплощение и Р. Х. произошли в 5506 г. = 4/3 г. до н. э.; по Михаилу Пселлу и Никифору Каллисту, — в 5505 г. (5/4 г. до н. э.), по Диоптре Филиппа Пустынника и некоторым другим авторам, — в 5501 г. = 9/8 г. до н. э. (*Grumel, 1958*. P. 223). Всякий раз, когда мы отнимаем 5508 лет от даты от С. М., мы переводим ее в годы н. э., но в тех случаях, когда необходимо вычислить год от Р. Х. согласно константинопольской эре, потребуется исследование всех возможных вариантов.

Из менее распространенных эр от С. М. можно указать на эру Евсевия Кесарийского (последняя треть III в. — ок. 340 г.), который на основании расчетов по греческой Библии счел возможным сократить хронологию Африкана на 300 лет. Своей эпохой Евсевий выбрал годы по Аврааму и подсчитал, что до Авраама от сотворения мира прошло 3184 года. Затем, по его вычислениям, 2015 лет прошло от Авраама до Р. Х., следовательно, Христос родился в 5199 г. 5201 г. от С. М., по Евсевию, = 1 г. н. э.

Значительно отличаются от остальных эры Климента Александрийского (конец II—начало III в.) — от С. М. до Р. Х. насчитывает 5591 г., 5592 г. = 1 г. эры Дионисия (*Grumel, 1958*. P. 219) — и хрониста Малалы (антиохийская) — последний следовал, по-видимому, мнению, что Распятие и Воскресение Иисуса Христа имели место в 6000 г. от С. М., и,

следовательно, Воплощение произошло в 5967 г. от С. М. (ср.: Быт. 3.8). Большую разницу с восточнохристианской имеет католическая традиция счета лет от С. М., базирующаяся на латинском переводе Библии (*Климишин, 1985*. С. 238).

Наша эра, или ***эра от Рождества Христова*** Дионисия Малого, как и многие предыдущие, возникла в связи с расчетами пасхального цикла. Так, незадолго до окончания пасхальных выкладок Кирилла Александрийского (они завершались на 531 г.) вычисление Пасхи на последующие годы и расчет поправок для високосных лет взял на себя монах Дионисий Малый. Это было в 525 г. н. э. Вместо того чтобы продолжать счисление от Диоклетиана, использовавшееся в предыдущих расчетах пасхалии, он решил вести отсчет от Р. Х. Св. Кирилл Александрийский составил цикл празднования Пасхи на 95 лет — с 153 по 247 г. диоклетиановой эры. Дионисий Малый продолжил расчеты на следующие 95 лет. Счет годами эры Диоклетиана он заменил на эру от Воплощения Господа «ab incarnatione Domini nostri Jesu Christi». Он посчитал, что 248 г. эры Диоклетиана приходится на 532 г. от Р. Х., то есть на 1285 г. a. u. c. На год 753-й от основания Рима приходится первый год 19-летнего круга, в этом году, по Дионисию, последовало Благовещение (Воплощение Христа), Рождество же пришлось уже на 754 г. a. u. c., начавшийся 21 апреля. По-видимому, Дионисий начал счет не от Р. Х., а от Благовещения, при этом соображения, которыми он руководствовался в своих расчетах, достоверно неизвестны, а полученные им данные противоречат сведениям источ-ников. Эра Дионисия Малого — от Р. Х., таким образом, условна. Если в западноевропейских странах эра от Рождества Христова достаточно быстро получила распространение, а эра от С. М. (одна из них, например, насчитывает от С. М. до Р. Х. 4713 лет) практически не использовалась, то в Византии использовался отсчет от С. М., тогда как отсчет лет начиная с Рождества (дата которого была предметом многочисленных споров византийских богословов) не употреблялся.

В хронологии система Дионисия стала чем-то вроде абсолютной шкалы для фиксирования исторических событий во времени. Поэтому, хотя система Дионисия изобретена в VI в. по Р. Х., а юлианский календарь разработан лишь незадолго до Р. Х., историками принято считать: 1) что юлианский календарь употреблялся и до Р. Х. (a. D — ante Deum — «до Господа»); 2) что год, в который по системе Дионисия родился Христос, есть первый год до Р. Х.; 3) что все предшествующие годы имеют нумерацию годов до Р. Х., считая по направлению от Р. Х. к предшествующим периодам. Счет юлианскими годами, проведенный в период до Р. Х., носит название ***пролептического***. Обозначение древних событий датами до «Рождества Христова» (до н. э.) было предложено в 1627 г. французским ученым Петавиусом и окончательно получило признание в XVIII в. Однако следует иметь в виду, что хотя для

древней и средневековой хронологии применяется юлианский календарь, юлианский и григорианский календари совпадают только около 300 г. н. э. Начиная с этого момента, в более позднее время, юлианский календарь отстает от григорианского на 3 дня каждые 400 лет. При этом, считая в обратном порядке, обнаруживаем опережение юлианским календарем григорианского каждые 400 лет на 3 дня.

Имея дело с пролептическим отсчетом лет, надо иметь в виду разницу в астрономическом и историческом отсчете лет.

Исторический счет:			
3 г. до н. э.	2 г. до н. э.	1 г. до н. э	1 г. н. э. 2 г. н. э.

Астрономический счет:			
–2 год	–1 год	Нулевой год	+1 год +2 год

При определении числа лет, прошедших от одного события до другого, из которых хотя бы одно приходится на эпоху «до Р. Х.», следует использовать так называемое «правило Кассини», разработанное французским астрономом Ж. Кассини (1677—1756) для определения отрезка времени между двумя событиями, разделенными эпохой нашей эры, при этом число годов до н. э. необходимо уменьшать на единицу. Пример: от 1 января 1 г. до н. э. по 1 января 1 г. нашей эры прошло не два года (1+1), а 1 (1+1–1). Или: 63 г. до н. э. это «минус 62 год», поэтому число лет между 63 г. до н. э. и 1937 г. н. э. равно 1999.

Прежде чем перейти к рассмотрению методик расчета и проверки хронологических дат, остановимся на таком элементе летосчисления, как ***индикт***. Указание на индикт встречается в русских источниках до конца XVII в. (в раннем русском летописании, в выходных записях, в актах, эпистолярных памятниках) достаточно часто. Этот термин обозначал сперва объявление обязательных поставок налогов или переписи населения. Номер индикта — положение года в 15-летнем цикле (первый цикл считается от 1 сентября 312 г.). Порядковый номер цикла при этом не имеет значения и, как правило, не указывается. Для даты византийской эры номер индикта — остаток от деления числа лет на 15. В некоторых источниках происхождение индикта связывается с именем Юлия Цезаря, в других — с именем императора Августа. Во времена императора Диоклетиана известно использование указания на индикт, под которым понимался 5-летний цикл. В древнерусских источниках получило распространение легендарное объяснение происхождения индикта, согласно которому в каждое из трех пятилетий, входящих в 15 лет индиктового цикла, подданные римских императоров приносили определенную дань: в первое пятилетие — медь и железо, во второе — серебро, в третье — золото.

Происхождение этого цикла неясно; но в Египте 15-летний финансовый период вошел в обиход в конце III в. н. э. Официально счет по

индиктам был введен императором Константином в 312/313 г., однако в документах императорской канцелярии такой счет впервые появляется при императоре Констанции в 356/357 г.; обязательным для датирования документов он стал начиная с 537 г. н. э. (Новеллы Юстиниана).

Традиционное начало византийского (константинопольского) индикта — 1 сентября («начало индикту, сиречь новому лету», на 4 месяца опережает январский год), кроме того, известно начало индикта с 23 сентября (в древних богослужебных книгах, в частности в Остромировом евангелии, с праздником Зачатия Иоанна Предтечи, приходящимся на это число, связывается начало нового года). Известно также большое число вариантов местных индиктов — например, индикт по британскому историку Беде Достопочтенному (отсчитывается с 24 сентября, иначе называется кесарский, имперский или западный); генуэзский (начало его совпадает с индиктом Беды, но цикл начинается на год позже); римский, или папский, индикт (начинается с 25 декабря или с 1 января), использовался в Риме в VI—VII вв. Индикты были включены уже в пасхальные таблицы Дионисия Малого. Исчисление по индиктам использовалось как в Византии, так и в Западной Европе и в России.

Указание на индикт может быть либо единственным хронологическим указанием источника (такого рода указание свойственно, например, актам Литовской метрики), и тогда восстановление года возможно только при наличии дополнительных косвенных хронологических данных), либо помещаться рядом с указанием на год и другими данными.

Для даты от С. М. обычный способ вычисления индикта следующий: номер года делится на 15, полученное в остатке число и есть номер индикта, если остатка нет, индикт равен 15. Если требуется узнать индикт для даты н. э., следует перевести ее в год от С. М. (или добавить к году по эре от Р. Х. 3 — для периода с 1 января по 31 августа, или 1 — для периода с 1 сентября по 31 декабря и сумму разделить на 15, остаток — это номер индикта). Так как индикт меняется в сентябре, то при наличии даты мартовского стиля следует учитывать, что для мартовского года возможны два номера индикта. Возьмем для примера 7000 (1492) г. Сентябрьский 7000 год начался в сентябре 1491 январского года по эре от Р. Х. Мартовский 7000 год начался в марте 1492 январского года. 14-й индикт сменился на 15-й 1 сентября 1491 г., но если мы берем счет мартовскими годами, это еще 6999 г., то есть используя правило деления номера года по византийской эре, мы получим для мартовского 6999 г. в период с сентября по февраль 14-й индикт. Таким образом, чтобы получить верный номер индикта для мартовского года, нам потребуется к 14 добавить еще 1. Отсюда правило: если мы имеем дело с мартовским годом, для периода с 1 сентября по 28/29 февраля номер индикта увеличивается на единицу. Естественно, это правило не применимо, если нет возможности с уверенностью сказать, какому

стилю следует источник, однако если в источнике нет сведений о месяце, но имеется номер индикта, который на единицу больше вычисленного с помощью деления номера года на 15, это поможет уточнить содержащуюся в источнике дату и сделать вывод, что событие датировано мартовским годом. Так, на Евангелии XV в. имеется следующая запись: «В лето 6924 круг солнцу 3 и луны 8, ендикта 10...» (*Лихачев, 1899.* Ч. 1. С. 89). При делении 6924 на 15 получаем остаток (номер индикта) 9. Однако с учетом вышеприведенного правила вполне логично предположить, что в источнике использован мартовский стиль и что книга была переписана в 6924 мартовском году, причем в период, когда индикт уже сменился, то есть с сентября 1416 г. по Р. Х. (6925 сентябрьского года) по февраль 1417 г.

Следует иметь в виду, что в источнике, изобилующем хронологическими сведениями, понятие «индикт» может встретиться не только как номер года в 15-летнем цикле, но и как термин «указание».

Датировка по подвижным и неподвижным праздникам. В средневековье датировки зачастую давались без указания на число и название месяца, а только с упоминанием памяти святого, которая приходилась на этот день, или с отсылкой на какой-либо подвижный праздник (например, на то, что событие имело место в третий день по Пятидесятнице и т. п.). Эта система датировки свойственна как православной, так и католической традиции, причем в последней она имеет более усложненный характер: так, например, в латинской традиции было широко распространено обозначение воскресений по первым строкам праздничного гимна или апостольского чтения на этот день. Так как память одного и того же святого или одноименных святых может приходиться на разные дни юлианского календаря, не всегда имеется возможность точно установить дату. Для нахождения дня месяца, на который приходится память святого или празднование иконе, можно воспользоваться изданием церковного месяцеслова, приложением к словарю «Христианство» (т. 3) или, например, справочником архимандрита Сергия (Спасского) «Полный месяцеслов Востока» (Владимир, 1901, репринт. М., 1997). В прил. 6 дан краткий перечень дат наиболее часто упоминаемых неподвижных (иначе называемых минейными) праздников, подразделяемых также на господние, богородичные, в честь святых и в честь бесплотных сил. Точно определенные сроки имеют посты («говейно», или «говение»): Успенский (Госпожин) — с 1 по 14 августа (здесь и далее данные церковного календаря приведены в числах старого стиля) и Филиппов (Рождественский) — с 15 ноября до Рождества Христова. Следует, впрочем, иметь в виду, что в средневековье память некоторых святых в отдельных случаях в разных редакциях святцев помещалась под различными датами и отмечалась в иные дни, чем сейчас.

Для определения дня недели любой даты юлианского календаря полезно иметь в виду несколько формул, разработанных для дат юлиан-

ского календаря («старого стиля») исследователями исторической хронологии Д. М. Перевощиковым, Е. Ф. Карским, Н. И. Черухиным и Н. Г. Бережковым.

Д. М. Перевощиков предложил следующую формулу:

$$X = R\,[(N - 1) + {}^1/_4\,(N - 1) + (T - 1)] : 7,$$

где X — порядковый номер искомого дня недели (где 1 — воскресенье, 2 — понедельник, 3 — вторник, 4 — среда, 5 — четверг, 6 — пятница, 7 — суббота), R — остаток от деления выражения, N — цифровое обозначение года от «Рождества Христова», N – 1 — количество полных лет, закончившихся ранее года N, ${}^1/_4\,(N - 1)$ указывает на число високосных лет, которое заключает в себе период от начала современной эры до наступления года N, T — количество дней с начала года N (считая от 1 января) до указанного в источнике числа месяца включительно.

Вот достаточно наглядный пример расчета по этой формуле. Возьмем для проверки формулы известную историческую дату — 9 января 1905 г., которая вошла в историю под названием «кровавого воскресенья». $X = R\,[(1905 - 1) + {}^1/_4\,(1905 - 1) + (9 - 1)] : 7 = R\,[1904 + 476 + 8] : 7 = R\,[2388] : 7$, X = 1, то есть 9 января 1905 г. пришлось на воскресенье.

Небольшие изменения, не меняющие конечный результат, были внесены в эту формулу Е. Ф. Карским:

$$X = R\,[N + {}^1/_4\,(N - 1) + T + 5)] : 7,$$

где значения букв остаются такими же, как и в формуле Перевощикова.

Некоторую трудность при использовании двух вышеприведенных формул может представлять подсчет дней от начала года до искомого дня.

Еще одна формула, принадлежащая Н. И. Черухину, имеет следующий вид:

$$X = R\,[(5N : 4) + M + T] : 7,$$

где X — порядковый номер дня недели, при счете с понедельника (понедельник — 1, вторник — 2, среда — 3, четверг — 4, пятница — 5, суббота — 6, воскресенье — 7 (0)), N — число искомого года по эре от «Рождества Христова», M — цифра месяца, соответствующая искомому месяцу (для 12 месяцев простого года, начиная с января, эти цифры следующие: 4 0 0 3 5 1 3 6 2 4 0 2, для високосного: 3 6 0 3 5 1 3 6 2 4 0 2), а T — число месяца.

Вот пример расчетов по этой формуле. Предположим, нужно узнать, на какой день пришелся день 4 апреля в 1644 г. При подстановке соответствующих данных формула Черухина приобретает следующий вид: $X = R\,[5 \times 1644 : 4 + 3 + 4] : 7 = [2055 + 3 + 4] : 7 = 4$. Итак, 4 апреля 1644 г. пришлось на четверг.

Н. Г. Бережков составил общую формулу для определения дня недели, которая учитывает не только январский год и эру от Р. Х., но также

эру от С. М. и мартовское, ультрамартовское или сентябрьское начало годов:

$$X = R\ (N + N - P/4 + T + r) : 7,$$

где X — порядковый номер дня недели (отсчет ведется от воскресенья (1)), N — число года, T — число дней от начала года по определяемый день включительно, P = 0 — для мартовского года, P = 1 — в январском, сентябрьском и ультрамартовском годах, r = 3 — в ультрамартовском году, r = 4 — в мартовском году, r = 5 — в январском и сентябрьском годах.

Помимо вышеприведенных формул, для расчета дня недели можно использовать специальные таблицы (см.: *Черепнин, 1944*, табл. X; *Каменцева, 1967*. С. 94—95, табл. 10; *Пронштейн, Кияшко, 1981*. С. 38—39, табл. 7).

Расчет дня недели в средневековой России мог проводиться разными способами. В древнерусских рукописях сохранились таблицы, с помощью которых можно было вычислить день недели для любой даты, так называемые ***седмочисленники***. Седмочисленник был создан с учетом мартовского начала года и включал в себя данные о вруцелете года (по вертикали) и о солнечном регуляре (по горизонтали). Солнечный регуляр (иначе именуемый епактой месяца, или прикладом) — число дней, остающихся за пределами целой недели. Для марта он равен трем (31 – 28), для апреля — пяти (30 – 28 + 3 дня, оставшихся от марта), для мая — 1 (31 – 28 + 5 – 7 дней, образующих целую неделю). На пересечении строки с указанием вруцелета и столбца солнечных регуляров стояла буква, обозначавшая день недели, — первый день для каждого месяца. Так как первая буква слов, обозначающих день недели, иногда совпадает, для слова среда использовалось сокращение Р, для пятницы — Т. Использование таблицы седмочисленника может помочь и при проверке дат, содержащихся в источниках, однако следует иметь в виду, что если в исследуемом тексте использован сентябрьский стиль или, по крайней мере, следует ожидать использование этого стиля, для периода с сентября по февраль сентябрьского года при расчетах необходимо учитывать вруцелето предыдущего года (то есть не окончившегося мартовского года). При наличии под рукой такой таблицы, для проведения расчетов требовалось вычислить вруцелето года. Использование этой таблицы (см. прил. 4) может быть рекомендовано при проверке совпадения даты с указанным в источнике днем недели, особенно для датировок, в которых используется эра от С. М.

Подвижными (триодными) называются праздники, которые не имеют постоянной даты в юлианском календаре и зависят от даты Пасхи. Пасха может прийтись на любую дату в промежутке между 22 марта и 25 апреля старого стиля. Пасхальные циклы известны с III в. (до этого, по-видимому, христиане определяли день Пасхи, полностью ориентиру-

ясь на иудейскую практику). Большинство из них не сохранились и известны благодаря упоминанию у церковных хронистов, прежде всего, у Евсевия Кесарийского. В период IV—V вв. были распространены преимущественно не пасхальные циклы, а списки дней Пасхи на произвольно взятое число лет (обычно на 50, 100 или 200). Эти циклы в Древней Руси известны не были — расчеты Пасхи там делались согласно правилам так называемой александрийской, или никейской, пасхалии. Принципы пасхалии формировались в спорах относительно дня Пасхи и относительно периода, на который может прийтись Пасха. Единые правила расчета Пасхи, как традиционно считается, были установлены на Первом Вселенском соборе в Никее в 325 г. н. э. Согласно им, Пасху следует праздновать в первое воскресенье после полнолуния, наступившего не ранее весеннего равноденствия 21 марта, однако астрономическое соответствие этому правилу на практике не соблюдается уже в течение многих столетий. Постановления этого собора не сохранились, и есть достаточно оснований полагать, что их и не было, хотя из сохранившихся источников явствует, что в вопросе о Пасхе собор выразил пожелание, чтобы все христианские церкви праздновали Пасху одновременно и чтобы христианская Пасха не праздновалась вместе с иудейской.

Дату Пасхи можно определить несколькими способами, в том числе по формуле немецкого математика Гаусса или по специальной таблице. Гаусс вывел формулы для расчета нескольких вариантов даты Пасхи — еврейской (ветхозаветной), юлианской и григорианской.

Для юлианского календаря ***формула Гаусса*** имеет следующий вид:

Номер года (берется по счету от Р. Х.) следует разделить на 19 — остаток от деления обозначается буквой *a*.

Остаток от деления номера года на 4 обозначается как *b*, на 7 — как *c*.

Затем вычисляется *d* — остаток от деления 19a + 15 на 30 и *e* — остаток от деления 2b + 4c + 6d + 6 на 7.

При отсутствии остатка для всех вышеприведенных случаев *a* приравнивается к делителю (то есть берется равным 19), все остальные величины (*b*, *c*, *d* и *e*) считаются равными нулю.

После этого берется сумма *d* + *e* — если она больше 9, то из нее вычитается 9, и получается дата апрельской Пасхи. Если *d* + *e* меньше 9 или равно 9, то к сумме прибавляется 22, и получается дата мартовской Пасхи.

Для примера вычислений возьмем 1459 г.

$a = R\,(N : 19) = R\,(1459 : 19) = 15$

$b = R\,(N : 4) = R\,(1459 : 4) = 3$

$c = R\,(N : 7) = R\,(1459 : 7) = 3$

$d = R\,[(19a + 15) : 30] = R\,[(19 \times 15 + 15) : 30] = 0$

$e = R\,[(2b + 4c + 6d + 6) : 7] = R\,[(2 \times 3 + 4 \times 3 + 6 \times 0 + 6) : 7] = 3$

Так как сумма $d + e$ меньше 9, то к ней следует прибавить 22 и получить дату Пасхи в марте: 25 марта, то есть Пасха приходится на Благовещение.

Дата григорианской Пасхи вычисляется по более сложным правилам — изложение их, равно как и изложение методики расчетов еврейской Пасхи с помощью формул Гаусса, можно найти в энциклопедическом словаре «Христианство» в статье «Пасхалия».

От Пасхи зависят такие праздники, как Вход в Иерусалим, Вознесение Господне, Троица (Пятидесятница), сроки двух постов: Великого и Петрова, во вторник второй седмицы по Пасхе отмечается Радуница — день поминовения усопших. Помимо того, в зависимости от дня Пасхи находятся дни памяти некоторых святых (так, все святые российской земли поминаются во второе воскресенье по Пятидесятнице) и празднования, посвященные отдельным иконам (например, Кипрской (Стромынской) иконе Богоматери).

Пасхальный год начинается с Пасхи, завершается великой субботой и может продолжаться 50, 51, 54 или 55 недель. В источниках нередко также помещаются указания на дни предпасхального и послепасхального циклов. Так, девятая неделя до Пасхи называется мясопустной, она заканчивается мясопустным воскресеньем (мясопустом). Ей предшествуют седмицы, завершающиеся воскресеньем («неделей) о мытаре и фарисее и о блудном сыне. За ней следует сырная неделя, масленица, завершающаяся сыропустным воскресеньем, заговеньем на Великий пост. Семь последующих недель поста следующие: Федорова (завершается воскресеньем, именуемым Соборным, в источниках может именоваться «Сбор», или «неделей православия»), вторая, третья (завершается крестопоклонным, или средокрестным, воскресеньем), четвертая, пятая (похвальная), шестая (цветная, завершается вербным воскресеньем), седьмая (страстная, предшествует пасхальному воскресенью). Следующее за Пасхой воскресенье именуется Фоминым (называется также антипасхой, или «Красной горкой»), за ним идет неделя жен-мироносиц, неделя о расслабленном, «самаряныне», о слепце, «святых отец Первого Вселенского собора» и Пятидесятница (восьмое воскресенье по Пасхе); таблицу с данными для каждой недели начиная с мясопуста и заканчивая восьмой послепасхальной неделей см.: *Черепнин, 1944*, табл. XVI. Недели (седмицы) по Пятидесятнице имеют отдельную нумерацию (о счете недель в богослужебных книгах см.: *Пентковский, 1990*. С. 145—147).

Для вычисления подвижных праздников принципиальное значение имеют несколько терминов, в числе которых: круг солнца и зависящее от него вруцелето, круг луны и связанные с ним понятия. Эти термины встречаются как в специальных хронологических текстах — комментариях к таблицам и трактатах, так и в других рукописных источниках, прежде всего, в датирующих записях, а также в печатных изданиях.

Круг солнца — это номер года в 28-летнем цикле, существующем в юлианском календаре благодаря системе високосных лет. Если бы не существовало високосных лет, цикл, по прошествии которого распределение дней недели по числам месяцев повторяется, был бы семилетним и каждый новый год начинался бы со дня недели, следующего за днем недели, с которого начался год предыдущий: то есть если 1 января какого-то года пришлось на воскресенье, то следующий за ним год начнется с понедельника. Однако система високосов каждые четыре года меняет этот порядок: год, следующий за високосным, начинается уже не со следующего дня недели, а через день: то есть не с понедельника, а со вторника. Четыре цикла смены дней недели (4×7) и образуют 28-летний цикл. Номер года в 28-летнем солнечном цикле называется кругом солнца. Номер круга солнца — остаток от деления номера года от С. М. на 28. 1 год круга солнца — это 1 год от С. М. по византийскому счету; в некоторых древнерусских источниках указывается, что круг солнца следует считать с октября, что восходит к византийской традиции и отражено в трактате Кирика-новгородца, однако на практике такой счет применялся редко, фактически отсчет лет цикла велся с марта.

«В руце лето» («число руки») — одна из семи букв — А, В, Г, Д, Е, S, З. Термин достаточно многозначен. Прежде всего, вруцелето — это буква, обозначающая воскресенье. С помощью вруцелета можно определить день недели 1-го числа любого календарного месяца. Смена вруцелет полностью повторяется через 28 лет, при этом вруцелета отсчитываются с марта (и сентябрьскому году фактически соответствует два вруцелета). Буквой А обозначается воскресенье, буквой В — суббота, буквой Г — пятница, буквой З — понедельник. Каждое вруцелето соответствует одному из четырех кругов солнца, в простые годы вруцелета следуют друг за другом в алфавитном порядке, в високосный год вруцелето делает скачок через букву (т. е. четвертому кругу солнца будет соответствовать вруцелето Е, а не Д). В источниках вруцелето иногда может именоваться кругом солнца. Пример этого можно видеть, например, в записи Евангелия 1357 г. — ГИМ, Синодальное собр., № 68 («В лето 6865 индикта 10-е, круга солнечного 6-е...» [для 6865 г. круг солнца 5] — см. текст записи: *Столярова, 1998*, № 42 (18). С. 343).

Круг луны — порядковый номер года в цикле из 19 лет (Метонов цикл, именуемый так по имени афинского математика Метона, V в. до н. э.), по прошествии которого совпадает распределение фаз Луны (новолуние и полнолуние) по числам месяцев и часам суток. Относительно действительного движения Луны Метонов цикл является довольно неточным. 1 год круга луны равен 1 году от С. М. по византийскому счету — на Руси использовался цикл, совпадающий с византийско-сирийским. Номер года в цикле вычисляется путем деления номера года по эре от сотворения мира. Год в 19-летнем цикле обращения Луны в западноевропейской традиции (восходящей к александрийскому календарю)

называется «золотым числом» и отличается от византийско-сирийского на 3 единицы. Такое название, по преданию, связано с тем, что это число писалось золотыми буквами на доске, выставлявшейся для всеобщего обозрения. Номер года в 19-летнем цикле «золотого числа» — это остаток от деления числа года н. э., к которому добавляется единица. Год, на который по византийскому и древнерусскому счету придется 1 круг луны, по циклу «золотых чисел» имеет «золотое число» 4.[5]

С кругом луны тесно связаны понятия: основание (греч. «θεμέλιον»), обозначающее возраст Луны на 1 марта или (что практически одно и то же) на 1 января; используется при определении пасхального полнолуния (на первое воскресенье после которого придется христианская Пасха), «еврейская пасха (фаска)» (пасхальное полнолуние, из-за неточности 19-летнего лунного цикла, используемого в христианской пасхалии, не совпадает с датой Пасхи, празднуемой иудеями) и эпакта (возраст Луны к 22 марта или дата пасхального полнолуния, выраженная в числах александрийского календаря (*Степанов, 1917*. С. 8—9)).

Методики, которые использовались при расчете подвижных праздников в Древней Руси, весьма разнообразны. По формальному признаку их можно подразделить на табличные и бестабличные (о бестабличных методиках см. подробнее *Симонов, 1990*. С. 147—148). Без помощи специальных таблиц можно определить подвижные праздники, прибегнув к рядовой пасхалии, которая представляет собой таблицу или текст, где указывается год, номер циклов кругов солнца, луны, индикта и др., дата Пасхи, сроки подвижных постов и дни недели для неподвижных праздников; расчеты подвижных дат отсутствуют.

Дату Пасхи с помощью таблиц можно было вычислить по-разному. Следование дней недели в юлианском календаре, образуемое системой високосов (28-летний солнечный цикл), и 19-летний лунный цикл образуют 532-летний цикл ***Великого Индиктиона***, созданный путем умножения солнечного и лунного циклов, — на протяжении этого периода Пасха передвигается по числам юлианского календаря в определенном порядке. Начало 1 цикла Великого Индиктиона — 1 год от С. М. по византийскому счету. 13-й Великий Индиктион начался в 877 г. от Р. Х., 14-й — в 1409 г., 15-й — в 1941 г. Создание этого цикла традиция также приписывает Первому Вселенскому собору, однако первые таблицы этого цикла известны только начиная с V в., одни из первых опытов 532-летнего цикла принадлежат уже упомянутым Аннниану и Дионисию Малому. В русских рукописях таблицы Великого Индиктиона (19 колонок, 28 строк), в которых поставлена дата Пасхи, выраженная

---

[5] По крайней мере, в конце XVI в. в русской книжности используется другое толкование понятия «золотое число», под которым понимается солнечный регуляр (regulares solaris mensium — числа, которые при прибавлении к вруцелету года, позволяют узнать день недели первого числа месяца в любом году), употребляемый в таблице седмочисленника.

ключевой буквой, встречаются со второй половины XIV в., но особенно с конца XV в. Под термином ***ключевая буква***, или «ключ границ», понимается одна из 35 букв кириллической азбуки (известны также так называемые «латинская» и «греческая» азбуки, см.: *Пентковский, 1990.* С. 154—155), которая соответствует одной из 35 возможных дат Пасхи. Буква «А» соответствует самому раннему сроку Пасхи, 22 марта, буква «Я» — самому позднему, 25 апреля. Таблица бывает двух видов:

1. Годы цикла (ключевые буквы) следуют один за другим — в каждой из 19 колонок находится 28 лет цикла. Эта таблица чаще всего начинается с 1-го года Великого Индиктиона (для 13-го Великого Индиктиона 1-й год цикла — 6917 (1409) г.).

2. Таблица Великого Индиктиона на 532 года, в которой ключевая буква определяется по кругу луны и вруцелету — годы 532-летнего цикла стоят в ней не подряд, а по диагонали.

Использование таблицы Великого Индиктиона требует следующих знаний: нужно знать, с какого года начинается 532-летний цикл, помнить соотношение ключевых букв и дат Пасхи. Так как в XVI в. первые 84 года 14-го 532-летнего цикла были уже не актуальны, таблицы Великого Индиктиона часто начинались с 85-го года цикла, то есть с 7001 (1493) г., и не всегда это отмечалось в заголовке таблицы, поэтому при использовании таблицы Великого Индиктиона могли возникнуть затруднения. Далее, ведя отсчет от 1-го года таблицы, можно было узнать ключевую букву, а зная ее, то есть дату Пасхи, — вычислить по таблице «зрячей пасхалии» все остальные подвижные праздники (см. прил. 3; помимо подвижных праздников в такую таблицу, или в ее текстовый эквивалент, зачастую помещались данные о том, на какой день недели придется тот или иной неподвижный праздник).

Таблица Великого Индиктиона на 532 лета может быть сокращена до таблицы из 133 клеток — в такой таблице ключевая буква года определяется с помощью круга луны и вруцелето — далее она будет обозначаться как ***малая таблица Великого Индиктиона*** (см. прил. 2): для того чтобы узнать дату Пасхи с помощью этой таблицы, требуется вычислить круг солнца или вруцелето года и круг луны года и найти на пересечении колонки с вруцелетом/кругом солнца и строки круга луны искомую ключевую букву. Следует учесть, что так как арифметические расчеты в средневековье применялись достаточно редко, нахождение круга солнца и круга луны представляло достаточно сложную задачу. Для ее решения мог применяться более сложный метод расчета дня Пасхи — это так называемый трехтабличный комплекс: таблица кругов луны и дат пасхального полнолуния («еврейской фаски»), таблица с числами вруцелет или круга солнца и вруцелет («рука Иоанна Богослова» или «рука Иоанна Дамаскина»); таблица солнечных регуляров — 12 чисел, которые при сложении с вруцелетом года позволяют определить день седмицы 1 числа месяца (*Пентковский, 1990.* С. 148,

150). «Трехтабличный комплекс» прослеживается по крайней мере в источниках XII—XIII вв. — в граффити Софии Киевской и храма Старой Рязани, в рукописях XIV—XV вв. Первые две из таблиц комплекса зачастую имеют вид человеческой ладони. Методика, используемая в таблицах, достаточо громоздка (см. изложение ее: *Климишин, 1985.* С. 263—274), и изложение ее в средневековых источниках встречается только начиная с XVI в.

Определение дат по астрономическим явлениям. В источниках можно встретить указания на природные явления, которые помогают уточнить или проверить дату события: затмения, землетрясения, наводнения и т. п. Наиболее точными являются указания на астрономические явления: затмения Луны и Солнца, появление комет или падающих звезд. Солнечные затмения повторяются через определенный промежуток времени: 18 лет, 11 дней, 7 часов 42 минуты, но повторяются они в масштабах всей планеты, в отдельной же местности они наблюдаются реже. Лунные затмения случаются чаще: в конкретной точке земли каждые четыре года можно наблюдать три лунных затмения, при этом одно из них полное. Специальные таблицы, составленные астрономами, позволяют установить время солнечных и лунных затмений для той или иной местности с точностью до суток, а также таблицы определения степени видимости частных затмений для разных точек земного шара. Астрономами были произведены расчеты, с помощью которых был составлен список всех затмений, которые наблюдались на Земле в исторически обозримом прошлом или же будут наблюдаться в будущем. Фундаментальным трудом в этой области является монография Т. Оппольцера (1881 г.) «Канон затмений», содержащая около 8000 солнечных и 5000 лунных затмений. «Канон затмений», изданный в 1967 г., содержит сведения о 10 000 солнечных и 6000 лунных затмениях до 2500 г. н. э. (*Климишин, 1985.* С. 301). Подобного рода природные явления не слишком часты. По подсчетам Д. О. Святского, за период с 1060 по 1715 г. на территории Европейской части России могли быть видны 283 солнечных затмения, однако в летописях отмечено только 49. Из 618 лунных затмений в летописях упоминаются только 40. Даты солнечных и лунных затмений можно высчитать по специальным таблицам (см., например: *Черепнин, 1944.* С. 65—68, *Каменцева, 1967.* С. 83—87). Ярким примером того, каким образом можно уточнить дату, содержащуюся в источнике, с помощью астрономии, является солнечное затмение, имевшее место перед битвой князя Игоря с половцами, согласно Ипатьевской летописи, в 6693 г., согласно Лаврентьевской и Никоновской — в 6694 г. Так как затмение произошло в 1185 г., исследователями делается вывод о том, что в последнем случае был использован ультрамартовский стиль. В указанных выше учебных пособиях помещен также перечень лет, в которые можно было наблюдать появление комет в период с 912 по 1682 г., в том числе кометы Галлея (например, в Ипатьевской летописи под 6653 (1145) г. и в Лаврентьев-

ской летописи под 6810 (1301) г.) Кроме того, сводку данных о различных необычных природных явлениях можно найти в изд.: *Борисенков, Пасецкий, 1988*. С. 239—477.

Методика работы с источниками. Хронологические указания в источниках могут быть прямыми и косвенными. К числу последних относятся указания на какие-то природные явления, точную датировку которых можно установить благодаря исследованиям астрономов, а также указания на время княжения или царствования какого-либо князя/царя, пребывания на епископской/митрополичьей кафедре названного по имени архиерея, титулатуру князей и архиереев, имена наместников, посадников и т. п., проверяемые по другим источникам сведения о политических и общественных событиях, хронологию других событий, связанных с рассматриваемым недатированным сообщением, и т. п. Для уточнения косвенных датировок используется справочная литература, такая, как справочник П. М. Строева «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви» (СПб., 1877) и др.

Для некоторых типов источников характерны хронологические указания, которые можно отнести к символическим. В отдельных случаях можно уточнить дату события, опираясь на сведения о том, что в этот день была произведена закладка храма, поставлен тот или иной иерей и т. д., так как эти события обычно происходили в определенный день недели (воскресенье, на праздник или в день памяти святого, которому посвящался храм). Кроме того, можно встретить некоторые хронологические указания, вставленные в источник благодаря символическому значению. Исследователями отмечено, что в летописях много чаще указывается на то, что событие имело место в неделю (воскресенье), и реже упоминаются другие дни недели (*Данилевский, 1998*. С. 164). Символика дат и чисел играла в средневековой России немаловажную роль. Вызывали опасения и специально упоминались даты, имеющие символическое значение, — к числу таких дат относится, к примеру, совпадение переходящего дня Пасхи и неподвижного праздника Благовещения. Так, в отдельных пасхалиях и в летописях под 6967 г. совпадение праздников Пасхи и Благовещения трактовалось как примета приближающегося конца света.

Прямые хронологические указания могут быть краткими (например, указание на дату события, на день недели, в который оно произошло, или на день памяти святого, на который оно пришлось, на год или на индикт года) или развернутыми — с указанием номера года, номеров круга солнца и луны, епакты, основания, индикта, дня недели и месяца. Развернутые датировки встречаются сравнительно редко. При хронологических расчетах использовалось кириллическое обозначение цифр.[6]

---

[6] Так называемые арабские обозначения цифр появляются в русских источниках по крайней мере в XVI в., но на практике они не употреблялись до второй половины XVII в.

Имея дело с источниками XV в., следует иметь в виду, что в датировках зачастую отсутствуют указания на тысячелетия и столетия и указываются только десятки и единицы (вместо 6981 будет указано 81). В XVII в. очень часто опускалась цифра с обозначением тысячелетия: например, вместо 7149 г. можно встретить указание на 149 г.

Прямые хронологические указания могут содержать ошибки: описки, пропуски отдельных цифр. Так, при переписке могли путаться схожие по написанию буквы, обозначающие цифры, например, П (80), Н (50), И (8). При переписке могли пропускаться десятки или сотни лет, на что иногда указывают другие косвенные датирующие признаки. Буквы, стоящие в конце порядковых числительных, могли приниматься за окончание, и наоборот (например, лето SЦМе (6940-е) могло быть прочитано как SЦМЕ (6945)).

Что касается косвенных хронологических указаний, встречающихся в первоисточниках, следует иметь в виду, что выходные данные рукописи или писцовая запись могут копировать древний оригинал, сам же источник будет датироваться более поздним временем, на что укажут палеографические и иные признаки. Не слишком надежна также датировка рукописного источника по пасхалии (это касается прежде всего кодексов: богослужебных книг и сборников), так как пасхалия может повторять более древний оригинал, и хотя сведения о днях Пасхи в прошедшие годы не имеют практического значения, их могли переписывать по самым разным соображениям. Отношение к церковному календарю можно охарактеризовать на следующем примере: в упомянутом сборнике «Миротворный круг», содержащем данные пасхалии на 7980 лет от С. М., даты всех церковных праздников (в том числе Рождества Христова, Пасхи) и сроки постов указывались не только для тех циклов Великого Индиктиона, для которых эти данные были актуальны и в целом имели значение (то есть для периода после Р. Х.), но начиная с 1-го г. от С. М., то есть с того времени, когда церковные праздники еще не существовали.

Важнейшая задача, которую ставит перед собой хронология, — это перевод дат, встреченных в источнике, на современную систему времяисчисления. Для периода до 1918 г. всегда следует иметь в виду, что даты в источнике в большинстве случаев следуют старому стилю (то есть юлианскому календарю). Для перевода даты на современный стиль летосчисления существует несколько правил. Перевод зависит, прежде всего, от того, какой стиль был использован в источнике. В древнерусских источниках до конца XV в. преимущественно использовалось мартовское начало года, для источников более позднего времени (вплоть до 1700 г.) — сентябрьское, однако возможны исключения. В связи с этим если в источнике (особенно до конца XV в.) указан год, но не указан месяц, перевод на современную эру следует давать в пределах двух возможных годов, не указан месяц, перевести дату на современ-

ное летосчисление с абсолютной точностью нельзя. Было известно на Руси и январское начало года (сохранились, например, начинающиеся с января святцы, имеющие, возможно, западноевропейский оригинал). Кроме того, мартовский год имел несколько разновидностей. Так, Н. В. Степанов, Н. Г. Бережков и последующие исследователи хронологии русского летописания установили использование в летописях так называемого ультрамартовского стиля. Дело в том, что соотношение между сентябрьским, январским и мартовским годами следующее: первым начинается сентябрьский год, через три месяца после его начала — январский, а еще через три, то есть через полгода после того, как начался сентябрьский год, наступает год мартовский. Если же речь идет об ультрамартовском годе, то он начинается на год раньше мартовского, то есть на полгода ранее сентябрьского. Разница в год в стиле была выявлена путем сравнения годовых статей в разных летописях и выявления разночтений в датировках. Помимо этого, начало мартовского года, в отличие от сентябрьского, не всегда было фиксированным, как и начало сезонов.[7] В источниках отмечено явление, названное исследователями циркамартовским годом, в котором мартовское начало колеблется и начало нового года (весны) приурочено либо к природным явлениям, либо к первому весеннему полнолунию. Следует, впрочем, иметь в виду, что точные критерии для установления начала циркамартовского года в том или ином году неизвестны.

Установить, какое начало года использовалось при составлении хронологических указаний того или иного источника, возможно далеко не всегда, поэтому, если источник позволяет истолковывать содержащуюся в нем дату только в широких пределах, следует указывать и учитывать возможные варианты даты.

Для мартовского стиля используется следующее правило: чтобы перевести дату на эру от Р. Х., если дата пришлась на период с марта по декабрь, от даты от С. М. следует отнять 5508 лет, для января и февраля — 5507.

Для ультрамартовского стиля в период с марта по декабрь от года от С. М. вычитается 5509 лет, для января и февраля — 5508.

Для сентябрьского стиля перевод осуществляется следующим образом: если в источнике указана дата, пришедшаяся на период с сентября по декабрь, от даты от С. М. отнимается 5509, для периода с января по август — 5508 (см. прил. 7).

Следует учесть, кроме вышеприведенного, тот факт, что при переводе дат с эры от С. М. на эру от Р. Х. древнерусский книжник в

---

[7] С конца XV в. в древнерусских рукописях встречается заметка о начале четырех времен года, где приводятся данные о том, что весна начинается с Благовещения, лето — с Рождества Иоанна Предтечи, осень — с Зачатия Предтечи, зима — с Рождества Христова.

большинстве случаев не использовал эру в 5508 лет, а прибегал к эре в 5500 лет (хотя в XVII в. достаточно часто встречается и перевод из эры в эру с разницей в 5508 лет). На это противоречие в середине XVII в. обратил внимание антиохийский патриарх Макарий, посетивший Россию в 1654—1656 гг. Это же противоречие было одним из пунктов споров старообрядцев, сторонников эры в 5500 лет, с представителями господствующей церкви, особенно после того как в России официально был введен счет лет от Р. Х. и январское начало года (в последнем, в частности, видели возврат к язычеству — чествованию бога Януса). Однако расчет с помощью эры в 5500 лет имел исключительно символический смысл — он не использовался в церковной практике и в быту, имел чисто сакральное значение, и потому если в древнерусском источнике встречается указание на эру от С. М. и параллельно на эру от Р. Х., при этом разница между этими датами составляет 5500 лет, для того чтобы получить год, соответствующий нашему летосчислению, от данного года от Р. Х. понадобится отнять еще 8 лет.

Может встретиться в источниках и ошибочный перевод дат. Так, в одном из посланий патриарха Адриана гетману Мазепе, датируемом январем 7202 г., указывается также год от Р. Х. — 1693 вместо 1694. По-видимому, при расчете года от Р. Х. по инерции была учтена разница в 5509 лет, учитываемая при переводе дат сентябрьского стиля на январский в период с сентября по декабрь.

Времяисчисление в России. О системе времяисчисления на Руси до принятия христианства сохранилось небольшое количество сведений. По-видимому, год начинался с весны (хотя существует мнение, что год начинался с зимнего солнцеворота (*Данилевский, 1983*. С. 65)), при этом использовался счет лунными месяцами, при котором для согласования смены фаз Луны (имевших у восточных славян самоназвания: «рождение» [«нарождение»], «новый перекрой», «ущерб», «ветхий перекрой») с движением Солнца периодически вставлялся дополнительный месяц. О существовании подобного календаря сообщают и письменные источники, в которых иногда попадается датировка как по «книжным», так и по «небесным» месяцам. Как и у других земледельческих народов, у восточных славян велось наблюдение за сменой времен года. Четкой границы между сезонами не было. К дохристианскому же времени восходят, вероятно, и славянские названия месяцев, которые, впрочем, известны в ограниченном числе источников и в датировках обычно не встречаются. Также нет никаких достоверных известий об использовании в Древней Руси какой-то определенной эры, то есть о том, какой точкой отсчета пользовались на Руси. Предполагают, что в древнерусском времяисчислении использовался так называемый династический принцип, то есть отсчет лет относительного какого-то события (М. П. Погодин, Н. В. Степанов), хотя существует и точка зрения об отсутствии в древнерусской языческой традиции годового счета лет

(А. А. Шахматов, Д. С. Лихачев). Древнерусский календарь отражал языческую обрядность. Некоторые из языческих обрядов, например, масленица, сохранились в быту и после принятия христианства.

Вместе с принятием христианства на Руси появился юлианский календарь, использовавшийся в церковной практике, римские названия месяцев и счет лет от С. М. согласно константинопольской (византийской) эре, а также сентябрьский отсчет лет. Вопрос о том, от какого месяца велся счет начала года, является предметом многочисленных научных дискуссий. В период до XV в. мы можем говорить об использовании в летосчислении мартовского, сентябрьского, а также (в ограниченном круге источников) январского стилей. Наибольшее количество споров вызывает вопрос о существовании так называемого ультрамартовского стиля. Н. В. Степанов, Н. Г. Бережков, а до них П. В. Хавский указали на существование последнего на примерах древнерусского летописания (Н. Г. Бережков прослеживает использование этого стиля на протяжении XI—XIV вв.); впрочем, не все исследователи поддерживают гипотезу о существовании такого стиля (*Пентковский, 1990*. С. 193). Считается, что ультрамартовский стиль возник в Древней Руси, однако стоит обратить внимание на совпадение счета согласно этому стилю с так называемой ранневизантийской эрой (Н. В. Степанов указал в свое время на близость ультрамартовского стиля к стилю летосчисления греческой Пасхальной хроники, однако Н. Г. Бережков счел это совпадением, а не фактом влияния Хроники на стиль русского летописания — *Бережков, 1963*. С. 33). Употреблением мартовского и ультрамартовского стилей в разных летописях объясняются многие разночтения в повествовании об одном и том же событии, помещенном под расположенными рядом годами. Начало мартовского года, как уже отмечалось, не обязательно приходилось на 1 марта, что также влияет на расхождение в датировках. Кроме того, в работах последних лет появляется понятие «постмартовского года», отстающего на год от мартовского (С. В. Цыб). Все указанные разновидности мартовского года являются, по сути дела, более или менее доказанными предположениями исследователей, и их лучше использовать не как непреложные факты, а в качестве рабочих гипотез.

Что касается эр, известных в древнерусских источниках, то исследователи находят в них использование свойственного византийской эре воззрения на то, что от С. М. до Р. Х. прошло 5505 лет, свидетельства о котором наводят на гипотезу о существовании старовизантийской, или византийско-болгарской, эры (см.: *Кузьмин, 1977*. С. 223—225, 261—263). Общепринятым мнением в Древней Руси, отраженным в богослужебной литературе, например, в Псалтири следованной, являлось то, что от сотворения мира до Рождества Христова прошло 5500 лет (эта эра именуется рядом исследователей александрийской, иногда также называется антиохийской (А. Г. Кузьмин)). Александрийская эра Ан-

ниана использована в одном из текстов Изборника 1073 г., а эра Панодора — при датировке Вселенских соборов на полях таблицы на 7980 лет в упомянутом сборнике XVI в. «Миротворный круг» (*Лебедев, 1911.* С. 120, примеч. 13). В некоторых переводных памятниках, например, в Хронике Иоанна Малалы, отразилась антиохийская эра, согласно которой от С. М. до Р. Х. прошло 5967 лет (обоснование этой эре можно найти в богословском воззрении на то, что Распятие и Воскресение Иисуса Христа пришлись на 6000 г. от С. М. и, следовательно, Воплощение его имело место за 33 года до этой даты).

При датировке древнерусских памятников также достаточно часто используется указание на круг солнца и вруцелето, круг луны и основание, дату Пасхи или ключевую букву (так, например, в Псковской летописи пространную датировку с указанием таких данных содержит статья, повествующая о крещении Руси), индикт, иногда можно встретить датировку с указанием дня «месяца небесного» (то есть лунного) и «месяца книжного» (то есть даты юлианского календаря). При датировке западнорусских документов (например, смоленских и полоцких грамот) использовались также даты январского стиля с указанием лет «от Рождества Христова» или «от воплощения Господня». Кроме того, из ханских ярлыков и некоторых других источников в русские тексты попали сведения о 12-летнем восточном (тюрко-монгольском) цикле, в котором годы каждого цикла обозначались именами животных: мыши, коровы, барса, зайца, дракона, змеи, лошади, овцы, обезьяны, курицы, собаки, свиньи. Например, в русском переводе гра-моты ханши Тайдулы великому князю Семену Ивановичу (1347 г.) указана дата: «свиного лета осмого месяца» (см.: *Черепнин, 1944.* С. 87).

Говоря о других хронологических указаниях, можно также упомянуть, что в России благодаря переводным памятникам (как византийского, так и западноевропейского происхождения) были известны знаки Зодиака (названия 12 созвездий, среди которых проходит путь видимого движения Солнца (эклиптики) в течение года), но использование их ограничено сферой календарно-астрологической книжности.

К концу XV в. сентябрьское новогодие в древнерусских источниках начинает явственно преобладать (некоторые виды источников, например, сохранившиеся от более раннего периода акты, использовали по преимуществу сентябрьский стиль). Переход к сентябрьскому началу года был, по-видимому, постепенным (можно отметить, что Н. М. Карамзин полагал, что ввод этого стиля был одобрен церковным собором, состоявшимся в 1491 г. — *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1998. Т. VI. С. 220). Константинопольская эра применяется в древнерусских памятниках практически без исключения, указания на датировку событий с использованием других эр (в том числе эры от Р. Х. по Дионисию) встречаются почти исключительно в пере-

водных источниках, дипломатической переписке, и только иногда, с целью продемонстрировать знание хронологии, в других нарративных памятниках.

На рубеже XVII и XVIII вв. происходит значительное изменение в системе календарных расчетов: с целью уничтожения разницы в летосчислении, существовавшей между Россией и Западной Европой, вместо старого счета от сотворения мира (С. М.) (5509/5508 лет до Рождества Христова (Р. Х.)) и сентябрьского начала года указом царя Петра I от 19 декабря 1699 г. счет лет предписывалось вести с 1 января, и с 1700 г. был введен официальный счет лет от Рождества Христова: «в Розряде и во всех приказех... во всяких приказных и мирских делах лета писать и числить годы генваря с 1 числа 7208 года и считать сего от Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1700 году...». Летосчисление от С. М. не запрещалось, и в годы петровского царствования в документах зачастую встречается датировка от С. М., если речь идет о событиях до 1700 г. и указание на год от Р. Х. для более позднего периода. Кроме того, был оставлен без изменений счет чисел месяцев юлианского календаря («старый стиль»). В церковных календарях отсчет лет от С. М. параллельно с указанием лет от Р. Х. продолжал употребляться в XVIII—XIX вв., употребляется он и до сих пор, хотя в 1923—1924 гг. в связи с переходом Константинопольской и некоторых других православных патриархий на новый стиль в церковной среде поднимался вопрос об изменении календаря и праздновании церковных праздников по новому стилю.

В 1918 г., после введения григорианского календаря, в советской России неоднократно вставал вопрос о реформе календаря: о вводе нового летосчисления взамен эры от Р. Х., об отказе от 7-дневной недели и замене ее на шести- или пятидневную и т. п. По аналогии с календарем Французской революции вместо счета лет от Р. Х. предполагалось вести счет дней со дня Октябрьской революции. В 1929 г. в ходе работы правительственной комиссии по переводу предприятий и учреждений на «непрерывку» было предложено устроить календарь с пятидневной рабочей неделей и 30-дневными месяцами. Таким образом, согласно этому проекту, в году насчитывалось 72 пятидневки (360 дней), оставшиеся 5 дней (6 в високосном году) считались «сверхгодичными», к ним были отнесены 22 января (начало революции 1905 года), 1 и 2 мая, 7 и 8 ноября, а также високосный день; устанавливался отсчет лет от Октябрьской социалистической революции (но сохранялось январское начало года), и вводились новые названия дней недели. Некоторые предложения из этого проекта были внедрены в жизнь в 1930 г., когда был произведен переход на пятидневную (4 рабочих дня и 1 день отдыха), а в некоторых отраслях производства и на шестидневную рабочую неделю. С 1 декабря 1931 г. пятидневную рабочую неделю сменила шестидневная, которая просуществовала до

26 июня 1940 г. Из календарных реформ этого времени до настоящего времени сохранилось только так называемое декретное время, введенное в 1930 г., отмененное в 1991 г., затем введенное вновь и существующее по сей день.

Применение хронологии в исторических исследованиях. Знание хронологии требуется при анализе практически любого источника, содержащего прямую или косвенную датировку. Если речь идет о средневековом источнике, большое значение имеет вид источника. Трудный, но обширный материал для исследования представляют собой летописные памятники. На их материале были выработаны многие приемы хронологического исследования, в том числе: перекрестное сопоставление данных с показаниями иностранных источников и других списков летописи, метод «годовых границ», позволяющий определить использовавшийся в летописи стиль. При наличии достаточно развернутой датировки, содержащей противоречия, в последнее время исследователи делают попытки истолковать эти датировки не просто как ошибку, особенно если можно проследить определенную систему следования датировок, но как свидетельство использования в том или ином летописном памятнике хронологической системы, не укладывающейся в традиционную схему. Если в памятнике (в акте, писцовой или владельческой записи) содержится только одна дата, анализ хронологических несообразностей из-за отсутствия сравнительного материала не всегда позволяет сказать, имеется ли в документе ошибка или при датировке была использована особая хронологическая система. Кроме того, многие акты (особенно XIV—XV вв.) или записи не имеют прямых хронологических указаний на время их создания. Вне зависимости от типа источника необходимо проверить все имеющиеся в нем даты и косвенные датировки.

При рассмотрении памятников нового времени затруднения может вызвать проблема использования в памятнике юлианского или григорианского календаря, особенно если датировки с использованием этих календарей чередуются. Выяснение того, какой именно стиль использован в источнике, требует зачастую достаточно большого количества материала для сравнения, а также дополнительных косвенных хронологических указаний на дату события.

НУМИЗМАТИКА

Определение и предмет изучения нумизматики

Нумизматика — специальная историческая дисциплина, изучающая монеты и монетное производство, историю денежно-весовых систем и денежного обращения. Термин «нумизматика» возник в средние века и имеет искусственное происхождение — это латинская модификация греческого слова «νομίϐμα» («монета»), которое в этом значении было известно уже в V в. до н. э., несколько позже через города Великой Греции оно перешло в Древний Рим, и откуда и вернулось в греческий язык в несколько измененном виде.

История латинского слова «монета», вошедшего в русский язык в петровское время, заслуживает особого внимания. В Древнем Риме оно сначала употреблялось в сочетании Junona Moneta и служило одним из эпитетов к имени богини Юноны. Этот эпитет был образован от глагола *moneo* — предупреждаю, предостерегаю, предвещаю. Согласно легенде, Юнона спасла город, предупредив римлян, что им грозит испытание землетрясением. В знак благодарности на вершине Капитолия был воздвигнут храм, который посвятили Юноне Монете, то есть Юноне Предупреждающей. Позднее при этом храме возник первый монетный двор, а со временем и сами металлические деньги стали называть монетами.

Своим появлением нумизматика обязана коллекционированию и археологии. Первые коллекции монет возникли на территории Европы еще в период античности. Позднее, в средние века, коллекционирование пришло в упадок, как и многие другие отрасли культуры. Интерес к монетам как к особому элементу материальной и духовной культуры, связанный с изучением античности, возобновился в эпоху Возрождения. Именно в это время зародились основные формы и приемы нумизматического коллекционирования — тематический и хронологический подбор монет, изучение техники и веса, тогда же были написаны первые инвентари с попытками систематизации.

Постепенно коллекционирование монет вошло в моду. Монеты стали собирать дворяне, короли, императоры, римские папы. Великолеп-

ные коллекции монет имели Франческо Петрарка, Джованни Бокаччо, Козимо и Лоренцо Медичи во Флоренции, род Сфорца в Милане, Эразм Роттердамский. В России первые собрания монет появились только в XVII—XVIII вв. (*Потин, 1993*. С. 7—12).

Одновременно с распространением моды на коллекционирование монет уже в XV и XVI вв. появились первые книги о монетах и их коллекциях. Постепенно на основе чисто описательных работ возникла нумизматика как наука. Уже в XVIII в. в Европе вышел ряд работ (Й. Мадера, Ж. Пеллерена, Й. Эккеля и др.), посвященных систематизации монет. В России в XIX и начале XX вв. были напечатаны работы Х. Д. Френа, И. И. Толстого, А. К. Маркова, А. В. Орешникова и многих других, чьи исследования не потеряли своего значения до сих пор. После 1917 г. нумизматика в России продолжала успешно развиваться, вопреки всем политическим переворотам.

Изначально в системе исторических знаний нумизматику рассматривали как часть археологии, но всегда она выходила за эти рамки и успешно выступала в качестве особой науки. В настоящее время нумизматика переросла значение вспомогательной исторической дисциплины, так как сейчас она занимается не только определением монет и использованием их как датирующего материала в археологии или иллюстративного — в истории. Современная нумизматика решает самостоятельные задачи в области экономической истории, исторической географии, истории искусства и идеологии. Нумизматика опирается на свои специфические источники, имеет свой понятийный аппарат и терминологию (*Янин, 1977*. С. 67—68).

Нумизматика дает ценнейший материал для разрешения целого ряда проблем не только в истории, но и в политической экономии, археологии, искусствоведении и языкознании. Она помогает выявить денежные системы древности и их развитие, способствует изучению истории торговли и товарно-денежного обращения в разные периоды истории. Нумизматика позволяет установить хронологию тех или иных исторических событий, историю развития техники, архитектуры, сельского хозяйства, металлургии и военного дела.

Источники и основные направления исследования в нумизматике

В своих исследованиях нумизматика опирается на целый ряд специфических источников. К их числу прежде всего относятся сами монеты и инструменты для их производства, включая орудия труда, сырье и полуфабрикаты, а также монетные находки, включая клады, весы и гирьки для взвешивания монет. Эти «вещественные» источники дополняются письменными известиями о монетах, монетной чеканке и денежном обращении.

Монета как исторический памятник имеет свои специфические особенности: она является памятником одновременно и вещественным, и письменным. Способ чеканки, состав металла и вес монеты, изображения, надписи, размер, особенности оформления — все это дает такие ценные сведения, как имена правителей, названия городов, девизы и даты исторических событий. Изучение веса монет помогает выявить особенности денежного счета, метрологии и финансовых реформ древности и средних веков.

Однако монеты попадают в руки исследователей только после их находки. Благодаря прочности материала монеты являются одним из наиболее многочисленных исторических вещественных памятников. Их достаточно часто находят при археологических раскопках, в фундаментах старых домов (так называемые «закладные» монеты), при проведении земляных работ, в убранстве народных одежд и окладах чудотворных икон (так называемые «прикладные» или «привесистые» монеты). Информация об обстоятельствах находки того или иного нумизматического памятника сама по себе является ценным нумизматическим источником. Классификация монетных находок является одним из наиболее спорных и противоречивых вопросов в современной нумизматике (*Потин, 1993*. С. 171—178; *Шувалов, 1999*. С. 374—400).

В большинстве исследований принято выделять клады и отдельные находки монет. Различие между ними проводится прежде всего по количественному признаку: клад включает в себя несколько монет, одновременно изъятых из обращения (случайно или целенаправленно) и найденных совместно, а отдельные (единичные) находки состоят из монет, обнаруженных более или менее независимо друг от друга. Иногда к этому делению добавляют еще пункты или места «массовой находки» монет (*Бырня, Руссев, 1999*. С. 205), где на относительно маленькой площади сосредоточено значительное количество денежных знаков.

Процесс нумизматического исследования включает в себя всестороннее изучение самих монет, а кроме того — состава и топографии монетных находок (единичных и кладов). Клады и единичные находки, зафиксированные по историко-географическому принципу и нанесенные на карту, позволяют составить географический свод монетных находок. Характер таких сводов зависит от конкретных задач исследования, но все они отражают особенности денежного обращения, помогают выявить пути движения монеты и местонахождение торговых центров. Анализ географии монетных находок создает основу для выводов по истории экономики, денежного обращения, торговли и торговых путей. Нумизматическое исследование отдельных монет может включать в себя не только элементарные способы изучения монет (анализ изображений и надписей, взвешивание, обмер), но и более сложные методы: определение пробы, поштемпельный анализ, статистические подсчеты и т. д.

Ведущую роль в изучении денежного обращения играют монетные клады, которые в настоящее время являются основным объектом нумизматического исследования. Один из основных вопросов изучения клада — его датировка. Правильное решение этого вопроса помогает выяснить эволюцию денежно-весовых систем, отражающуюся в весовых нормах монет, установить группы монет, обращавшихся в определенное время, проследить закономерности изменения состава кладов. Проблема датировки кладов остается дискуссионной. Особенно спорной она является для кладов монет, не несущих на себе дат. В связи с этим клады принято датировать по младшей монете, одновременно делая поправку на то, что существует известный промежуток времени между моментом чеканки и попадания монеты в клад (подробнее см. *Потин, 1993*. С. 171—185).

Вторая проблема при исследовании любого клада — это изучение его состава. Различают клады короткого и длительного накопления. Первые представляют собой «моментальные снимки» с денежного обращения. Большинство известных и вновь обнаруживаемых кладов именно такие, они объективно отражают состав монетного обращения в момент своего сокрытия. Этим их принято отличать от кладов «длительного» накопления, которые предположительно собирались в продолжении долгого времени. Однако в современной нумизматике существует мнение о том, что на основе имеющихся материалов «видна научная бессмысленность понятия „клад длительного накопления", поскольку вместо понятия мы здесь имеем дело с произволом воображения исследователей» (*Шувалов, 1999*. С. 379).

Наконец, следующим важным этапом нумизматического исследования становится картографирование находок кладов и единичных монет. Выявляются ареалы обращения тех или иных монет в различные исторические периоды. Топографические сводки в свою очередь также различаются по характеру: одни отражают монетное обращение на определенных территориях, другие — на определенном хронологическом отрезке, третьи — историю обращения различных по своей принадлежности монет (например, римских, куфических, золотых дирхемов и т. д.). Характер топографических сводок изменяется в зависимости от задач исследования. Монетная топография отражает особенности денежного обращения, его интенсивность, торговые пути и центры торговли. На ее основе устанавливаются районы со своеобразным составом денежного обращения, отличные от определенных территорий, и т. д. (*Спасский, 1970*. С. 31—32).

Возникновение монет

Причину появления денег следует искать в развитии обмена. Вследствие роста общественного разделения труда и развития обмена посте-

пенно выделяется в качестве всеобщего эквивалента особый товар-посредник, который превращается в деньги.

Первоначально на роль денег претендовали самые разнообразные предметы. На определенном этапе развития подавляющее большинство народов пользовалось скотом как меновой единицей. В связи с этим очень часто деньги принимали название, происходящее от термина «скот»: в Индии есть монеты, которые называются рупии от слова «рупа» — скот, в Италии пекунии — от слова pecus (скот), в Древней Руси казна называлась «скотницей», казначей — «скотник». Кроме продуктов скотоводства в качестве денег выступали меха, шкуры, ткани, утварь, раковины, бусы, чай, соль и другие предметы.

В ходе исторического развития опытным путем были выявлены основные качества, которые необходимы для использования того или иного товара в качестве денег. Для удобства обращения эквивалент должен быть удобным в хранении и транспортировке, делимым, однородным, обладать высокой стоимостью. Всем этим требованиям максимально соответствуют прежде всего драгоценные металлы. Именно поэтому человечество остановило свой выбор на золоте, серебре и меди. Известно, что уже в III тысячелетии до н. э. в качестве денег египтяне пользовались металлической проволокой определенного сечения. Денежные слитки металлов или металлические предметы, используемые в качестве денег, были известны в древности на территории Китая, Малой Азии, Греции. Следующим шагом в историческом развитии обмена было создание собственно металлических монет.

В VII в. до н. э. родиной первых монет независимо друг от друга стали государство Лидия в Малой Азии и греческий остров (и город) Эгина. В Лидии монеты чеканили из электра (сплава серебра и золота), а в Эгине — из серебра.

Первые монеты изготовляли простейшим способом: нагретый слиток определенного веса помещали на наковальню, прижимали его пучком металлических прутьев и били по ним молотом. Слиток с одной стороны получался гладким, что позволяло злоумышленникам спиливать металл с этой стороны. Тогда был изобретен другой способ чеканки: в наковальне вырезали углубление с определенным изображением, а прутья были заменены одним массивным штемпелем. Так слиток определенного веса получил на свою поверхность изображение, которое не позволяло производить хищение металла без нарушения его целостности, то есть он стал монетой. Надписи на монетах появились несколько позднее, чем изображения.

Достаточно быстро монеты распространились по всему цивилизованному миру того времени: в Элладе, в колониях, Иране, Италии и у варваров, которые испытывали на себе влияние античной культуры. Уже на рубеже VII и VI вв. до н. э. монеты завоевали большинство греческих государств. В VI в. до н. э. стали чеканить собственные моне-

ты многие азиатские государства (Персия, Киликия и т. д.), в IV в. до н. э. монеты появились на территории Африки — в Карфагене (*Казаманова, 1969*. С. 36).

Чеканка монет самостоятельными государствами привела к тому, что уже в древнем мире образовался целый ряд обособленных денежных систем. Условно их можно разделить на группы по основному металлу, использовавшемуся в монетной чеканке. Первоначально такими металлами были электр и серебро. Несколько позднее к ним добавилось золото. При этом необходимо отметить, что изначально существовали монетные системы, основанные и на меди. Наиболее ярким примером этого может служить ранняя денежная система республиканского Рима: знаменитые римские ассы долгое время изготовлялись из меди в технике литья.

Появление монеты стало событием всемирно-исторического значения. Об этом свидетельствует быстрое (если не сказать моментальное) распространение ее по всему Средиземноморскому региону. Монета достаточно быстро вышла за пределы своего первоначального ареала и появилась на соседних достаточно отдаленных территориях.

Появление монет на территории Восточной Европы

Находки первых монет, появившихся на землях Восточной Европы (в том числе на территории России), сконцентрированы в относительно узкой зоне, прилегающей к Черному и Азовскому морям. Их появление связано с Великой греческой колонизацией, которая затронула и Северное Причерноморье. Экономическая и политическая деятельность греков способствовала тому, что монеты пришли сюда практически сразу после их возникновения на родине — в Древней Греции. А уже в VI в. до н. э. в некоторых греческих городах-колониях Северного Причерноморья (например, в Ольвии, Пантикапее и т. д.) началась чеканка собственных монет (*Анохин, 1989*; *Казаманова, 1969*. С. 112). Вероятно, уже в это время на территории данных городов существовало достаточно развитое денежное обращение.

Сложнее определить наличие (или отсутствие) монетного обращения у местного населения. Относительно узкая география и достаточно скромное число находок древнегреческих монет в «глубинных» землях Восточной Европы позволяют предположить, что на большей части ее земель развитое монетное обращение отсутствовало. Монеты прежде всего поступали к ближайшим соседям городов-колоний и их торговым партнерам. Однако не следует и преуменьшать значение древнегреческих монет в жизни местных «варваров». Наличие «варварских» подражаний древнегреческим монетам свидетельствует, что у части местного населения потребность в монете уже появилась.

Завершают обращение греческих монет на территории Восточной Европы денежные знаки Македонии и эллинистических государств (*Нудельман, 1985*. С. 17—18). Завоевания Александра III Македонского (336—223) привели к тому, что в Македонию хлынул поток золота и серебра. Это послужило основой для активизации монетной чеканки и широкого распространения македонских монет, в том числе и на территории Восточной Европы. Собственно македонские монеты были дополнены денежными знаками, которые выпускались в государствах, образовавшихся на развалинах империи Александра III. Однако широкое распространение македонских и эллинистических монет продолжалось относительно короткий промежуток времени. На смену им пришли деньги Древнего Рима и зависимых от него государств.

Уже в I в. до н. э.—I в. н. э. племена Восточной Европы познакомились с римскими денариями. Римские монеты республиканского периода достаточно редко встречаются в Северном Причерноморье. Денежные знаки Рима получили здесь распространение только в период империи. При этом из всего разнообразия различных номиналов, выпускавшихся в Римском мире, наибольшее распространение на территории Восточной Европы (включая современную Россию) получили серебряные денарии (*Кропоткин, 1962*. С. 17), которые представляют собой небольшие плотные серебряные монеты с изображением головы римского императора или императрицы на одной стороне, с какими-либо фигурами на другой и с четкими латинскими надписями (рис. 1). Наличие варварских подражаний этим монетам говорит о том, что они пользовались у местных жителей широкой известностью, причем производство аналогов могло иметь место как во время выпуска того или иного типа римских монет, так и после его прекращения.

Римская золотая монета в ту же эпоху играла заметную роль в восточной торговле Рима, но на север, в Восточную Европу, попадала относительно мало. Большую редкость составляют находки римских золотых дарственных монетовидных медальонов.

Существует предположение, что в римское время у восточных славян зародились денежные, счетные и весовые понятия, так как вес денария — 3,41 г — был кратным весу русской гривны IX—X вв. После реформы Августа 25 серебряных денариев равнялись по стоимости одному ауреусу. Римский денарий назывался куной (cunes — кованый). Для мелких платежей славяне могли резать монету пополам и получали «резану» (от слова «резать»).

В III в. в результате экономического кризиса в Римской империи денарий обесценился и вывоз его в Восточную Европу прекратился. На смену ему пришел антониан, но и он довольно быстро потерял качество своего металла (*Кропоткин, 1967*. С. 40). Вот почему римские монеты IV и V вв. встречаются в Восточной Европе довольно редко. При

Рис. 1. Серебряные римские денарии

этом первое место перешло от серебра к золоту. Ситуацию не смогла исправить и реформа, проведенная Константином Великим в начале IV в. н. э. Окончательный упадок монетного обращения на землях Восточной Европы наступил в конце IV в. н. э. (*Кропоткин, 1967*. С. 44; *Нудельман, 1985*. С. 54—55). Именно в это время в результате нашествия гуннов были окончательно уничтожены многие античные города Северного Причерноморья, разгромлены относительно «цивилизованные» варвары (здесь достаточно вспомнить печальную судьбу готов), а самой Римской империи был нанесен смертельный удар, от которого она не смогла оправиться до самого своего падения.

Монеты на территории Древней Руси

Падение Римской империи и общий упадок культуры пагубно сказались на развитии монетного обращения на территории Восточной Европы. Однако нельзя говорить о том, что монета полностью исчезла из жизни местного населения.

В VI в. Византия, выступившая наследницей Рима, переживала очередной подъем, вследствие чего византийские монеты конечно же появились у северных соседей империи. В количественном отношении они многократно уступали римским денариям. Положение усугублялось тем, что в это время в Византии чеканили преимущественно золотые солиды и медные номиналы разного достоинства. Солиды выступали в роли мировых денег для всего известного в тот период мира, а медь использовалась преимущественно во внутреннем обращении империи. В полном соответствии с этим солиды имеют достаточно широкий ареал обращения в Восточной Европе, но их количество достаточно ограничено. Медные же номиналы сконцентрированы в районах, находившихся под контролем империи или у ее границ, — Южный Крым, Нижнее Подунавье, некоторые пункты на побережье Черного и Азовского морей (*Кропоткин, 1962*. С. 9 и сл.).

В VII в. в Византийской империи наступает период длительного упадка и натурализации хозяйства. Одновременно с этим империя потеряла большую часть своих владений на Балканском полуострове. Все

это привело к тому, что количество византийских монет на территории Восточной Европы в VII—IX вв. резко сократилось. Среди них явно преобладают номиналы из драгоценных металлов. Вероятно, для этого времени можно согласиться с мнением о том, что эти византийские монеты попадали в Восточную Европу в результате грабежей и войн, а не как плод мирной торговли. Интересно отметить, что в это время обескровленная и истощенная Византия выпускала серебряные монеты, которые должны были заменить при выплате дани и субсидий варварам дефицитное золото. При этом важно учесть, что сокращение притока византийских монет, которые должны были бы поступать по знаменитому пути «из варяг в греки», сопровождало возникновение государства в Древней Руси.

Отсутствие собственных разработок драгоценных металлов имело решающее значение для развития денежной системы Древней Руси. Серебро и золото поступали либо в виде иноземной монеты, либо в виде весового металла. Одновременно необходимо признать, что серебро обращалось на территории Древней Руси задолго до возникновения первых государственных образований средневековья, став наиболее привычным платежным средством, золото же выступало в роли платежного средства всегда крайне ограниченно. Подобная ситуация объясняется тем, что для территории Восточной Европы внезапно открылся новый источник пополнения монетной массы, который поставлял преимущественно серебро. В то время как византийские монеты исчезают из Восточной Европы, на ее земли хлынул поток восточного серебра, основу которого составили куфические дирхемы — серебряные монеты арабского Халифата и возникших на его территории государств.

Дирхемы проникают и на территорию Древней Руси в конце VIII в. По именам различных династий различают дирхемы аббасидские, саманидские, бувейхидские, омайядские и др. Их общее название «куфические» происходит от названия особого почерка арабского письма — «куфа». На обеих сторонах дирхемов нет изображений, но помещены надписи, которые содержат символ веры, название города, чеканившего монету, дату выпуска, имена правителей (рис. 2). В ранний период дирхемы сопровождались сасанидскими драхмами V—VII вв. В отличие от античных монет клады дирхемов весьма многочисленны, а география находок расширяется до севера Восточной Европы.

Характерной особенностью монетного обращения данного периода является то, что вес и качество серебра дирхемов на протяжении IX—X вв. постоянно менялись. На эти процессы русская денежная система реагировала, изменяя денежный счет, а временами и вовсе рассматривая монету как весовое серебро. Вот почему в исторической литературе можно встретить утверждение, что в течение всего периода обращения дирхемов их рассматривали в основном не как платежные

единицы — монеты, а лишь как одну из форм серебра и что платежи серебром-монетой производились только по весу.

Следует иметь в виду, что в обращении дирхемов на древнерусской территории выделяется несколько периодов, различающихся составом монетных кладов и способами приема монет — на вес или на счет. Так как на арабских монетах номиналы не обозначены, различать их приходилось по весу и поэтому в кладах вместе с дирхемами часто соседствуют весы и гирьки для взвешивания монет. В то же время славяне принимали и счетный дирхем. Куфические монеты, получая туземные названия, становились номиналами русской денежно-весовой системы — так, нумизматам они известны под именем куны и ногаты (от арабского корня «нагд» — давать).

Ученые не пришли к однозначному мнению в вопросе о роли дирхемов в Восточной Европе; существуют две точки зрения: одни считают, что дирхемы — только памятники транзитной торговли восточных купцов со странами Западной Европы и Скандинавией, по мнению других, дирхемы сами служили средством денежного обращения (*Спасский, 1970*. С. 39). Временем максимального распространения дирхема на Руси был X в., но уже в следующем столетии их приток фактически прекратился.

Причину прекращения импорта дирхемов следует искать в «серебряном» кризисе на Востоке в XI в., когда в странах Халифата истощились запасы серебряных руд и начались внутренние конфликты. В обращение вошли медь и золото, то есть пригодной для вывоза на се-

Рис. 2. Дирхемы

вер монеты не стало. В период распространения дирхема у волжских болгар возникла чеканка подражательных ему, более или менее точно повторявших общий тип арабских монет; второй центр подобной подражательной чеканки существовал в Хазарии. Топография находок и некоторые письменные источники показывают, что именно государства волжских болгар и хазар служили воротами, через которые поток дирхемов устремлялся на Запад.

В кладах Северной Руси восточные дирхемы встречаются с монетами, приходившими с Запада, и уступают им место. На смену дирхемам пришли серебряные денарии, отчеканенные в государствах Западной и Центральной Европы (рис. 3). Они были весьма пестрыми по своему «национальному» составу и включали в себя германские пфенниги, англосаксонские пенни, денарии Венгрии, Италии, Скандинавии, Чехии, Франции и многих других государств (подробнее см.: *Потин, 1968*. С. 128—231). Первоначально в XI в. они обращались вместе с восточными монетами. Поздние клады состоят уже почти исключительно из денариев, которые имели хождение преимущественно в Северной Руси. В южной Руси находки подобных монет встречаются гораздо реже и имеют ограниченный ареал распространения.

Поступление денариев на Русь прекратилось в начале XII в. Причины этого явления, вероятно, связаны с изменениями в денежной системе Западной Европы: порча денариев в фискальных целях привела к тому, что они стали непригодными для вывоза.

В период Древней Руси возобновилось поступление византийских монет. В количественном отношении на севере Руси они явно уступали куфическим дирхемам и европейским денариям. На юге их доля была более заметной, особенно в районах, имевших оживленные связи с Византией. На русский рынок проникали византийские серебряные милиариссии (рис. 4), медные византийские номиналы и византийские золотые номизмы (или солиды) (рис. 5). При этом золотые монеты Византии продолжали выполнять роль мировых денег. Именно они по-

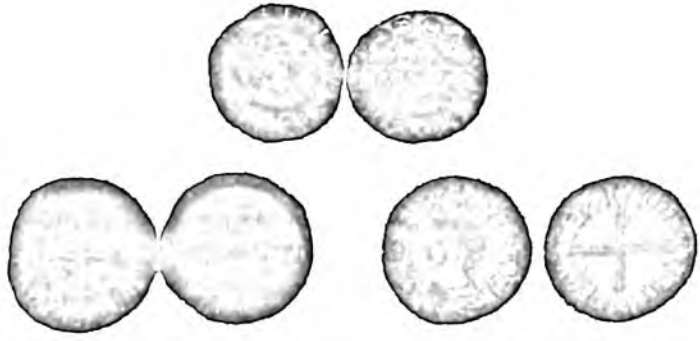


Рис. 3. Европейские денарии X—XII вв.

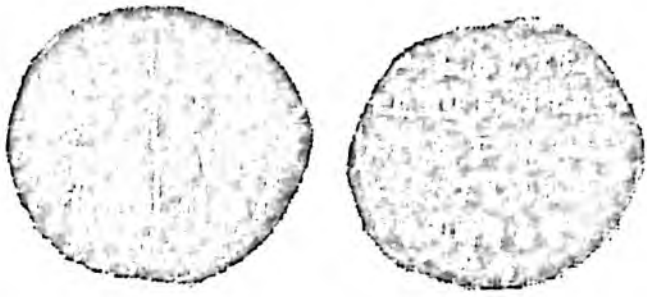


Рис. 4. Миллиарисий

Рис. 5. Солид

Рис. 6. Сребреник Владимира Святославича (980—1015 гг.)

Рис. 7. Златник Владимира Святославича (980—1015 гг.)

служили прототипами для чеканки древнерусских монет — сребреников и златников.

К сожалению, мы не располагаем письменными источниками о начале русской монетной чеканки. Поскольку Русь не имела собственных месторождений серебра, то весь драгоценный металл славяне получали либо в результате торговли, либо как военную добычу. Несмотря на это, во времена князя Владимира началась самостоятельная чеканка монет.

В 1792 г. стала известна первая древнерусская монета — сребреник Ярослава (рис. 6) и чуть позднее — златник Владимира (рис. 7). Вес златника — византийского солида X—XI вв. и русской золотой монеты надолго стал русской единицей веса под названием золотник (4,266 г). При несомненном общем влиянии типа византийских монет X в. древнейшие русские монеты с их славянскими надписями, портретами князей и изображением «родового знака Рюриковичей», хорошо известного по другим памятникам Древней Руси, представляют очень самобытное явление. В настоящее время известно несколько десятков русских монет X—XI вв., которые составляют наиболее обильную группу памятников древнерусской письменности, но изучение их в этом отношении еще далеко не закончено. Нельзя не отметить, что эти монеты одновременно являются образцами древнерусского изобразительного искусства, — на них помещали изображения Иисуса Христа, портреты князей.

В выпуске златников и сребреников наряду со стремлением пополнить обращение несомненная и немаловажная роль принадлежала и чисто политическим мотивам, поскольку выпуск собственной монеты был своеобразным провозглашением суверенности восточно-славянской державы. Идейная насыщенность изображений и надписей делается особенно очевидной при сравнении с любыми другими первыми монетами средневековых государств Европы — обычно варварские государства Западной Европы начинали чеканку собственной монеты

с простого копирования типа позднеримской монеты, только постепенно приходя к пониманию пропагандистских возможностей собственной государственной монеты.

Чеканка русских монет началась в княжение Владимира Святославовича (980—1015 гг.), вероятно, после официального принятия христианства, о чем свидетельствуют изображения Иисуса Христа и креста в руках князя. Подавляющее большинство монет содержит в легенде имя Владимира, меньшее число — имена Святополка и Ярослава, на некоторых монетах надписи не поддаются прочтению, что зачастую связано с низким качеством чеканки из-за штемпелей, которые неоднократно изготовлялись заново. Их размер такой же, как и размер большинства дирхемов, но монеты отчеканены не на специально вырезанных кружках, а на отлитых в двухсторонних формах заготовках. Согласно общепринятой типологии древнерусских монет, чеканку начал Владимир (золотые монеты чеканил только Владимир), а продолжили его сыновья Святополк (1015—1019) и Ярослав Мудрый (1019—1054).

Принято различать четыре основных типа сребреников. Древнейшие златники и сребреники на лицевой стороне имели изображение Иисуса Христа, на оборотной — князя и, соответственно, надписи: «Владимир, а се его злато» для золотых монет и «Владимир, а се его серебро» — для серебряных; а также надпись: «Владимир на столе» (то есть на престоле) для тех и других. В начале XI в. сребреники стали выходить с портретом князя и со знаком Рюриковичей вместо изображения Христа. Около 20 сребреников имеют надпись «Петрос» или «Петар». Атрибуция этих монет остается спорной, и лишь предположительно они могли принадлежать кому-то из сыновей Владимира или Святополку. Если их чеканил Святополк, то, вероятно, становится известным его крестильное имя — Петр, отсутствующее в письменных источниках.

На лицевой стороне монет Ярослава изображен св. Георгий, а на другой — трезубец с надписью: «Ярославле сребро». Эта монета была настолько известна на Западе, что ей стали подражать в Скандинавии.

Особую группу находок образуют известные в нескольких экземплярах и обнаруживаемые только на Тамани серебряные чеканки XI в. тмутараканского князя Олега (в крещении Михаила). Изображение архангела Михаила на них сопровождается на другой стороне надписью «Господи, помози Михаилу».

Древнерусские монеты сыграли определенную роль в декларировании суверенитета и экономической мощи христианского государства, о чем свидетельствует тот факт, что надписи на них сделаны на славянском, а не на латинском языке (как на западноевропейских монетах того времени). Их находят в кладах на территории Древней Руси, в Прибалтике, Германии, Польше, Скандинавии.

Одновременно с монетами платежным средством и средством накопления издавна служили слитки серебра самого различного вида и веса. Особое значение слитки приобретали при сокращении числа монет в обращении. Именно такая ситуация сложилась на рубеже X и XI вв., когда прекратился приток новых куфических дирхемов в Восточную Европу. В XI в. Русь прекратила чеканить собственную монету, а в XII в. завершилось активное поступление денариев с Запада. Характерно, что все эти явления происходили на фоне успешного развития экономики и культуры Древней Руси, в том числе одновременно с ростом русских городов.

Одним из результатов «монетного голода», вероятно, было распространение в XI—XII вв. на территории Древней Руси денежных слитков, которые отливались из серебра. От обычных кусков весового серебра они отличались фиксированными формой, весом и пробой. С помощью этих слитков, называемых гривнами (рис. 8), могли осуществляться только крупные платежные операции.

Различают несколько типов денежных слитков. Наиболее распространенными были «южные», или «киевские», и «северные», или «новгородские», гривны. Названия их условны и связаны с местом первых находок и производства. Появившиеся в XI в. и ходившие до монголо-татарского нашествия киевские гривны представляют собой литые слитки шестиугольной формы. На протяжении всего периода бытования сохранялся их устойчивый вес — около 160 г (возможно, равный 1/2 византийской либры, 327,456 г).

Новгородские гривны напоминали палочку-брусок весом около 200 г — их внешний вид менялся с течением времени. Известны: 1) прямые и короткие гривны, длиной 14—20 см (XI—XIII вв.) и 2) слегка выгнутые гривны (XIV—XV вв.). Особенностью новгородских слитков является то, что на многих из них выцарапано имя, — эти надписи наносились в мастерских ливцов.

Денежные слитки предоставляют современному ученому обширный эпиграфический материал, поскольку на них нередко процарапаны имена лиц, для которых они были отлиты.

Гривны всегда отливали в открытых формах, и поэтому только верхняя плоскость имела гладкую поверхность, а боковые стороны, застывавшие внутри земляной формы, — пористые. На гривнах, учитывая особенности их производства, обычно не бывает следов выравнивания путем удаления излишка или последующей доливки. Кроме вышеуказанных двух типов существовали черниговские и литовские гривны (рис. 9). Черниговские гривны имели вес новгородских, а формой напоминали киевские (шестиугольные), но с раскованными концами (*Спасский, 1962*. С. 54—56).

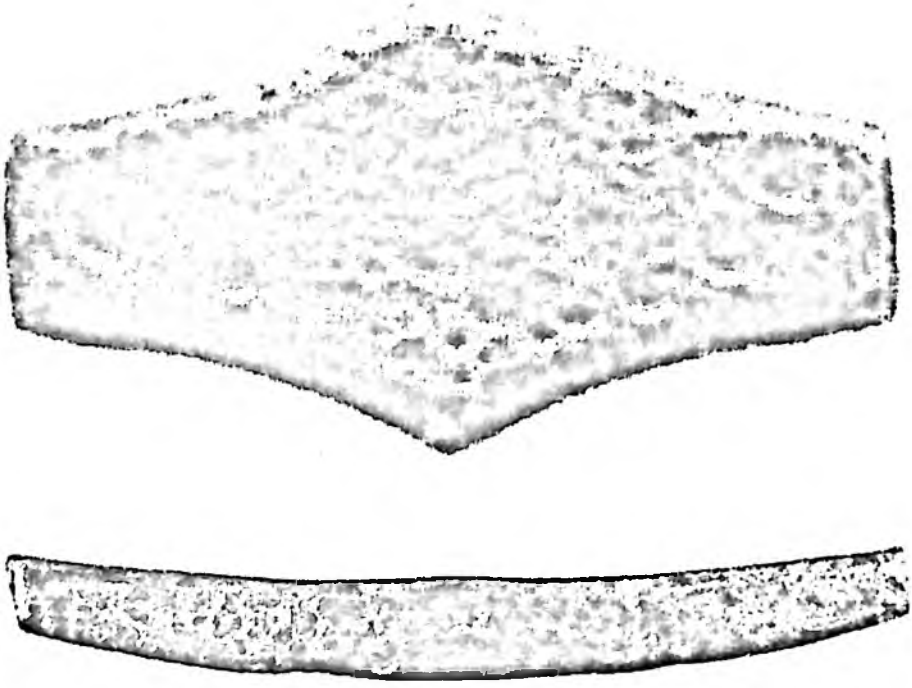


Рис. 8. Гривны киевские и новгородские

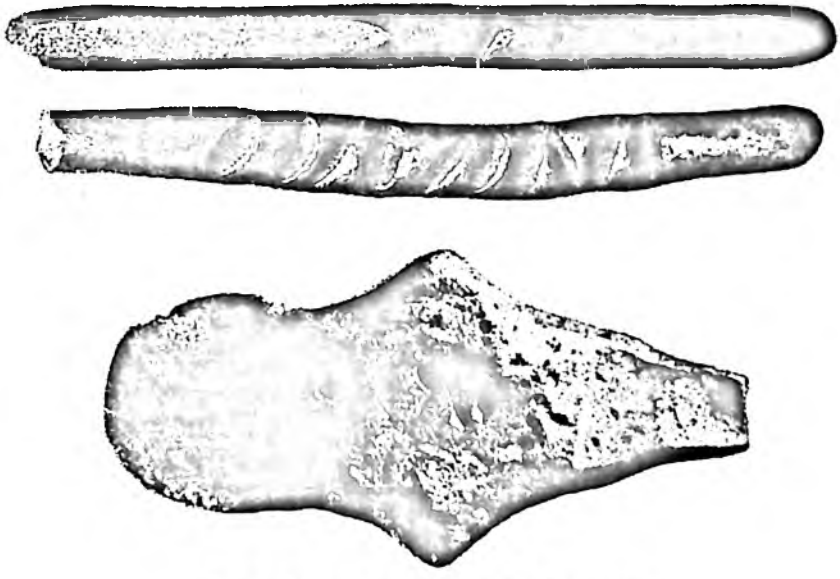


Рис. 9. Гривны черниговские и литовские

Древнерусская денежная терминология и денежный счет домонгольской Руси

В письменных источниках (прежде всего в Русской Правде и Повести временных лет) содержатся сообщения о разнообразных наименованиях русских денежных единиц: скот, куна, резана, ногата, веверица, векша, бела, гривна — дополненные данными археологии, они позволяют реконструировать денежную систему домонгольского периода.

В Древней Руси одной из основных форм поступления серебра являлись монеты. Вследствие этого определенное их количество стало служить мерой веса слитка — гривны. Затем установилась обратная связь: серебряный слиток стал мерой количества монет. Видимо, в результате этой связи монет со слитками и выработались такие денежно-весовые понятия, как «гривна» (весовая единица), «гривна серебра» (слиток), «гривна кун» (счетная единица). Письменные источники позволяют установить весовое равенство гривны серебра 4 гривнам кун и рассчитать весовые величины последней.

Гривна, название которой происходит от наименования шейного украшения, — один из древнейших номиналов, и существует несколько версий его происхождения: византийская, связывающая гривну с византийской либрой, восточная, согласно которой позднейший русский фунт (409,512 г) по весу равен иракскому ратлю, и т. д.

Среди памятников русского денежного обращения хорошо известны денежные слитки новгородского типа, теоретический вес которых примерно 204 г, что составляет половину иракского ратля (по результатам массового взвешивания слитков). Однако большинством авторов письменных источников этот вес не был признан официальной гривной, а иракский ратль и древнерусская гривна отождествлялись.

Интересную точку зрения по поводу понятия «гривна» высказал В. Л. Янин. Гипотеза В. Л. Янина наиболее аргументирована и построена на основе тщательного метрологического анализа обширного нумизматического материала. По мнению этого автора, знакомство восточных славян с денежно-весовыми единицами относится к первым векам н. э., когда в Восточной Европе обращались римские монеты. Средний вес римского денария (3,41 г) лег в основу славянской гривны в 68,22 г (*Янин, 1956.* С. 203—204). Гривна в 68,22 г бытует в IX—первой половине X в. В. Л. Янин допускает и другую возможность, а именно первоначально термин «гривна» обозначал единицу, равную весу не 20, а 40 денариев, то есть около 136,44 г (*Янин, 1973.* С. 10).

В конце VIII в. начался массовый приток на Русь восточного серебра — дирхемов, которые в IX в. весили 2,73 г, то есть относились к гривне в 68,22 г как 25:1. Такой дирхем в письменных источниках назывался куной. В X в. наряду с дирхемами в 2,73 г появились более тяжелые монеты в 3,41 г. Таких дирхемов в гривне содержалось 20. Они

стали называться ногатой. В конце 930-х гг. серебряный кризис на Востоке, обусловивший пестроту веса монет, привел к тому, что дирхемы стали рубить и резать для получения более мелких платежных единиц. Монеты на Руси начинали принимать не на счет, а на вес, о чем свидетельствуют находимые в кладах весы и гирьки-разновесы. Появляется новая денежная единица резана — 1,36 г, равная половине куны. В краткой редакции Русской Правды зафиксирована денежно-весовая система этого времени (см. табл. 2).

До середины X в. денежная система существовала как общерусская, затем она разделилась на две: 1) северную, в основе которой лежит гривна 51,19, равная 1/4 позднейшего фунта, и 2) южную, связанную с византийской литрой. В пространной редакции Русской Правды XIII в. зафиксировано следующее изменения денежного счета: исчезает резана, а куна занимает ее место.

Уязвимым местом в концепция Янина является то, что знакомство восточных славян с римским денарием не доказано археологически, а кроме того нет доказательств бытования гривны в 68,22 г с IV по XVIII в. Особо необходимо отметить, что с наступлением безмонетного периода основные единицы русской денежно-весовой системы не исчезли, самые крупные остались в виде северных и южных мер весов.

«Безмонетный» период

В. М. Потин, проследив возникновение монетной чеканки в ряде стран мира, четко определил ее последовательные этапы: от товаро-денег к слиткам металла неустановившейся формы и веса, затем — к клейменым денежным слиткам и от них — к монетам. Однако денежное обращение Руси имеет ряд особенностей, и эту последовательность не соблюдает: монеты здесь чеканились уже на рубеже X—XI вв., а денежные слитки обращались в основном в так называемый безмонетный период XII—XIV вв.

Период XII—XIV вв. называют «безмонетным периодом», так как в это время функционировали только гривны и вещественные эквиваленты денег, а монеты той эпохи на большей части Древней Руси не известны. Подобное явление противоречит общей экономической и культурной ситуации, но является доказанным фактом.

С наступлением феодальной раздробленности на Руси начали развиваться местные денежно-весовые системы, рыночная сфера жизнедеятельности которых, ограниченная территориальными рамками отдельных княжений, была все же достаточно активной. В памятниках письменности этого времени сохраняется терминология, сложившаяся ранее на основе обращения и смены различных иноземных монет, и на-

блюдается развитие гривенно-кунной системы в направлении обособления местных особенностей счета. Однако на значительной территории Руси XII—XIV вв. совершенно отсутствуют какие-либо находки монет.

Причины наступления «безмонетного периода» и характер денежного обращения тогда остаются наиболее спорными вопросами русской нумизматики. Безусловно, такое явление могло возникнуть из-за прекращения поступления иноземных монет. Но имевшиеся запасы серебра на Руси были достаточны для поддержания собственной монетной чеканки, кроме того они явно пополнялись изделиями и слитками, поступавшими из других стран. Следовательно, основную причину «безмонетного периода» нужно все-таки искать в особенностях развития экономики Древней Руси, а не только во внешних явлениях. Возможно, ею стала начавшаяся феодальная раздробленность Руси, которая ликвидировала единую экономику и саму возможность организации монетного производства, так как исчезли нужные для этого запасы серебра. Письменные источники свидетельствуют о дальнейшем развитии денежной системы и фиксируют появление новых понятий (например, «мортков»), то есть, вероятно, происходило постепенное развитие местных особенностей денежного счета, отразившееся позднее при возобновлении монетной чеканки в различиях весовых норм монет отдельных русских княжеств.

Одним из самых спорных остается вопрос о конкретных формах денежного обращения в «безмонетный период». Серебряные слитки обслуживали только крупные торговые операции. Мелкие платежные единицы — куны, резаны и другие, — перестав обозначать серебряные монеты, получили какое-то другое ценностное содержание. О том, употребляли или нет славяне в качестве денег шкуры пушных животных, написано множество работ, начиная с Н. М. Карамзина. Популярные в прошлом теории о кожаных и меховых деньгах не решают проблему в целом, поскольку меха могли обращаться только в районах с развитым охотничьим промыслом, а кожаные же деньги представляют собой по существу кредитные деньги. Археологических находок, подтверждающих это предположение, нет ни в Новгороде, который всегда считался главным центром «кожаного» обращения, ни в Пскове, ни в Старой Ладоге.

После трудов В. Л. Янина, И. Г. Спасского, В. В. Кропоткина картина русского денежного обращения этого периода может быть нарисована следующим образом. В. Л. Яниным была предложена теория об использовании в качестве денег в «безмонетный период» некоторых «стандартизированных» изделий древнерусского ремесла, например, овручских шиферных пряслиц, так как их количество, судя по археологическим находкам, превосходило хозяйственные потребности, а их распространение идет по стопам монетного обращения предшест-

вующей поры. По той же причине предполагали и то, что в качестве денег использовали бусы и стеклянные браслеты — все эти предметы встречаются в монетных кладах вместе со слитками повсеместно. И. Г. Спасский выдвинул гипотезу о платежной роли для Северо-Западной Руси раковин каури с островов Индийского океана — археологи находят их в погребальных комплексах Пскова, в кладах куфических и западноевропейских монет, а также в виде отдельных кладов в Новгороде, Пскове, Прибалтике, Верхнем и Среднем Поволжье. В Сибири свое товарное значение они сохраняли до начала XIX в. (*Спасский, 1970.* С. 61).

Разнообразие гипотез о конкретных формах денежных знаков на территории Древней Руси в XII—XIV вв., возможно, отражает достаточно пеструю и противоречивую ситуацию в разных русских княжествах и городах этого времени. Интересно отметить, что возобновившаяся в конце XIV и начале XV в. русская монетная чеканка явила миру сразу несколько местных денежных систем, генетически связанных с весовыми нормами «безмонетного периода».

Монголо-татарское иго и монетное обращение в Восточной Европе

Монголо-татарское нашествие нанесло тяжелый урон Руси, разрушив ее хозяйственную жизнь. Однако в самой Золотой Орде уже в XIII в. началась чеканка оригинальных монет и возникла собственная денежная система, причем русский денежный рынок в некоторых районах был знаком с золотоордынскими монетами (другое их название «джучидские»: по имени основателя правящей династии — Джучи) (рис. 10).

Денежная система Золотой Орды оставила следы и в русском языке. Монголо-татарские дирхемы назывались «таньга», в русском произношении — «деньга». Это слово продержалось на русских монетах до конца XIX в. и, несколько видоизменившись, прочно вошло в современный русский язык.

Монеты на территории Золотой Орды чеканились одновременно в нескольких местах. Они имели местные особенности в соответствии с традициями, сложившимися в разных концах обширного государства, и обращались в достаточно замкнутых ареалах (см.: *Сингатуллина, 1998.* С. 52). В первой половине XIV в. произошла стандартизация монетной чеканки в Золотой Орде. Однако уже во второй половине этого столетия начался обратный процесс, связанный с ослаблением центральной власти и «Великой замятней» в Золотой Орде.

Рис. 10. Монеты Золотой Орды (джучидские)

В дополнение к монетам имели хождение и более крупные (и примитивные) формы денежных знаков. По берегам средней и нижней Волги встречаются ладьеобразные слитки в форме корытца с характерным желобком — продукт переработки собранного и перелитого татарами серебра, которые имеют вес новгородского слитка и называются «сум», что впоследствии в татарском языке стало означать рубль.

Монеты Золотой Орды не были случайным или уникальным явлением на территории Восточной Европы, хотя и сосредоточивались преимущественно в южной ее части в степной зоне и прежде всего в районе крупных торговых городов. Почти одновременно с джучидскими монетами в Восточной Европе появляются и другие группы денежных знаков. На западе Руси в XIV в. возникает обращение пражских грошей — крупных серебряных чешских монет с изображением льва и короны в двойном кольце надписей (рис. 11). Эти монеты часто встречаются в кладах вместе со слитками и попадают на Русь главным образом с Запада. Позднее во второй половине XIV в. часть земель, вошедших в состав Польского королевства и Великого княжества Литовского, организовали чеканку собственной монеты.

При польском короле Казимире III (1333—1370 гг.) был начат выпуск автономных серебряных и медных монет для Червонной Руси (после 1349 г.). Почти одновременно приступили к чеканке собственной монеты и в Литовском княжестве. При этом в Литве на монетах впервые появляются изображения: 1) всадника с мечом, ставшего гербом Литовского княжества, и 2) «колюмна» — по одной версии сильно стилизованного трезубца, знака киевских князей и столбовых ворот (так называемого «генуэзского портала») — по другой версии (рис. 12).

Находившиеся под игом русские княжества также стремились выпускать собственную монету. Однако это стало возможным только к последней четверти XIV в. после ослабления Золотой Орды. Первым на Руси в XIV в. незадолго до победы на Куликовом поле (1380 г.) свои деньги начал выпускать Дмитрий Донской. С одной стороны они имеют скопированную с монголо-татарских монет надпись арабским шрифтом, а с другой — изображение и русскую надпись. Как знак верховной власти Золотой Орды на русских монетах этого времени не один раз копировались татарские надписи, содержащие имена ханов (часто уже свергнутых или даже умерших). Например, Василий Темный (1425—1462 гг.) чеканил монету с именем Тохтамыша.

Одновременно с возобновлением чеканки русских монет в денежном деле самой Золотой Орды усиливаются кризисные явления — увеличивается масштаб порчи монет, уменьшается их вес, появляются «гибридные» типы монет. Именно к этому времени (концу XIV в.) относится появление джучидских дирхемов с надчеканкой — литовских колюмн, а в XV в. появляются дирхемы, надчеканенные равносторонним крестом.

Монеты удельных русских княжеств

Более или менее одновременно чеканка монет началась в нескольких княжествах Северо-Восточной Руси: в Московском, в Суздальско-Нижегородском и Рязанском, затем в Тверском. К выпуску собственных денежных знаков в других землях средневековой Руси приступили позднее.

Оформление и техника чеканки русских монет имели достаточно оригинальный характер. Однако при всем разнообразии надписей и изображений, уже тогда проявились ее некоторые общерусские черты — те особенности, которые встречались на территории всех русских княжеств повсеместно. Например, в это время русские монеты чеканились из расплющенной проволоки. Заготовка серебра представляла собой проволоку определенного веса, которую разрубали на положенное число кусков без взвешивания каждого из них. Полученный цилиндрик расплющивался, причем неровные края отруба сохранялись на монете, и поэтому она имела вид овальной чешуйки (рис. 13).

Эпоха появления первых русских монет совпала со временем раздробленности Руси на отдельные княжества. Это привело к большому разнообразию денежных знаков данного периода, что часто было вызвано не экономическими потребностями, а политическими амбициями отдельных князей. Тверские и московские князья, ведя междоусобную борьбу, чеканили резко отличающиеся по внешнему виду монеты, так как, вероятно, по их мысли, монеты русских княжеств, боровшихся друг с другом, должны были конкурировать и вытеснять одна другую. В свою очередь денежные знаки в пределах самих этих княжеств отличались значительным разнообразием в пространстве и во времени, что было вызвано отсутствием стабильности в государствах этого периода. Таким образом, политическая борьба отразилась и на монетах. При этом интересно отметить, что, в отличие от Западной Европы, Россия совершенно не знала денежной чеканки каких-либо духовных властей. Приведем некоторые наиболее яркие примеры монет этого времени.

Монеты Московского княжества XV в. чеканились очень пестрыми и по весу, и по надписям (рис. 14) в Галиче, Серпухове, Малоярославце, Угличе, Можайске, Дмитрове, Коломне. На монете московского князя Василия II изображен всадник, скачущий вправо и поражающий копьем змея, слева буква «К», справа — «Н». На оборотной стороне надпись в пять строк: «Князь велики Василь Василь(евич)».

Интересна монета Ивана III, где он назвал себя «Господарем всея Руси», на лицевой стороне которой — всадник с саблей, скачущий вправо; под конем — буква «Ю». Вокруг надпись: «Князь велики Иван Васильевич», на оборотной стороне — «Господарь всея Руси»; и эта монета как никакой другой факт наглядно свидетельствует о заверше-

Рис. 11. Пражские гроши

Рис. 12. Литовская монета с «колюмном», 1382 г.

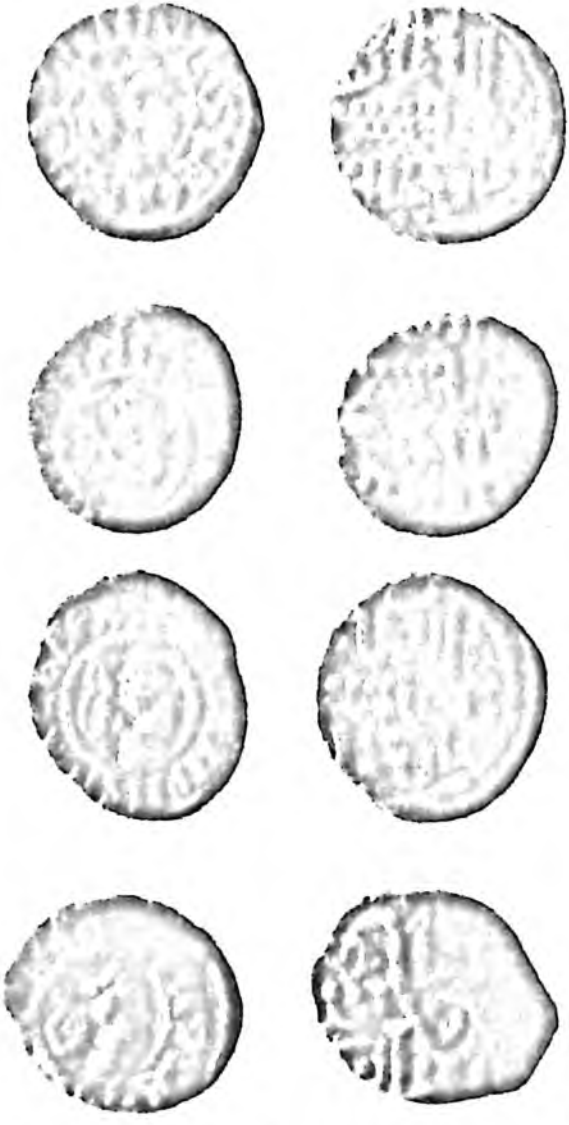


Рис. 13. «Чешуйки». Проволочная техника изготовления монет, XIV—XVII вв.

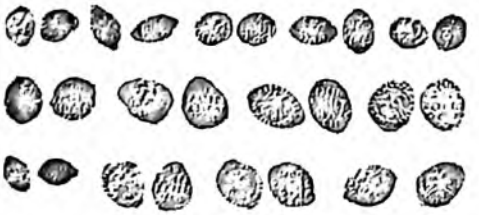


Рис. 14. Монеты Великого княжества Московского, XV в.

Рис. 15. Монеты Ивана III (1462—1505 гг.)

нии объединения русских земель вокруг Москвы (рис. 15). Так, например, появление на монетах Ивана III букв «ТФ», «Н» или «П», указывающих на место чеканки монеты («ТФ» — Тверь, «Н» — Новгород, «П» — Псков), означает, что эти города вошли в состав Московского государства, утратив политическую независимость, а значит, и право чеканки монеты собственного образца.

После свержения ига продолжался выпуск русских монет с татарскими надписями для обращения их на востоке. На лицевой стороне изображен всадник, указаны его имя и титул на русском языке, на оборотной стороне — надпись по-татарски: «Иван». Помещение татарских надписей (зачастую бессмысленных или даже нечитаемых) на ранних русских «двуязычных» монетах в прошлом часто рассматривали как прямой результат даннических отношений. Но, возможно, они использовались в целях налаживания отношений Руси с рынками Востока через Поволжье. В пользу последнего говорит и тот факт, что к началу XV в. вес производимой в поволжских торговых городах татарской «денги» приравнялся к весу денги русской. Разнообразие монетной чеканки существовало и в других княжествах, например Тверском.

Деньга князя Бориса (1425—1461 гг.) имела на лицевой стороне изображение двух воинов, стоящих друг против друга с мечами и щитами, между ними — буква «И». На оборотной стороне надпись: «Печа(ть) князя Вел(и)к(ого) Б (о)р(и)са Ал(ексан)др(о)вича». Особенностью монетной чеканки в Тверском княжестве было то, что некоторые великие князья одновременно с чеканкой монеты в Твери от своего имен чеканили и монету принадлежавших им удельных княжеств — так, например, великий князь Иван Михайлович (1399—1425 гг.) в 1400 г. начал чеканку монет в Твери, а также в г. Городен.

Тверские монеты времен князя Ивана очень разнообразны: на них можно увидеть изображения всадника, дракона, грифона и кентавра, льва и лебедя и т. д. На монетах Михаила (1461—1486 гг.) были изображения чешуйчатого дракона, а на оборотной стороне надпись арабским шрифтом: «Михаил Теверичи». На тверских медных монетах обычно не указывалось имя князя, так же как и знака Золотой Орды, а

только обозначалось место чеканки и надпись: «Пуло тверское, (тферское), кашинское» (рис. 16), что затрудняет их датировку. Окончательное прекращение монетной чеканки в Твери произошло в XVI в.

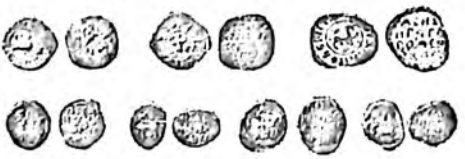


Рис. 16. Тверские монеты

Только в середине XV в. прекратили чеканку два небольших княжества — Ярославское и Ростовское, до этого выпускавшие оригинальные типы денежных знаков. Княжество Ростовское, находившееся в зависимости от великих князей и приобретенное ими по частям, интересно в том отношении, что г. Ростов делился рекой на две — Сретенскую и Борисоглебскую — стороны и постоянно управлялся двумя князьями, которые чеканили монету совместно, помещая на ней оба имени.

Рис. 17. Псковские монеты

Рязанские монеты имеют непосредственную связь с татарским денежным делом. Князь Олег Иванович (1344—1402 гг.) начал контрмаркирование серебряной джучидской монеты сперва пунсонами с различными славянскими буквами, а затем особой тамгой. Он изготовлял монеты в подражание ордынским, а на них надчеканивался знак, похожий на забрало шлема. Иногда такие знаки ставились на русских подражаниях монголо-татарским монетам, иногда и на московских деньгах или же просто на гладких пластинках. И после установления самостоятельной чеканки рязанской монеты сохранялось клеймение их тамгой.

Рис. 18. «Корабельник» Ивана III

Новгород и Псков начали чеканку только в 1420-х гг. На псковских монетах этого времени изображение князя Довмонта-Тимофея с мечом и надпись: «А се денга псковская». После присоединения Пскова к Москве в 1510 г. последнюю заменили на «Господарь всея Руси», а надпись «денга псковская» помещалась теперь на оборотной стороне (рис. 17). Как и во многих княжествах, псков-

ская чеканка изначально носила самостоятельный характер, позднее производилась под контролем московских князей и закончила свое существование как периферийный двор Московского княжества.

Сходная судьба была и у монет Новгорода, чья автономная чеканка имела исключительно устойчивый тип оформления монет. На аверсе размещались изображения двух фигур, причем одна из них стояла перед другой в позе просителя. Реверс занимала краткая надпись: «Великого Новагорода». Интересно отметить, что изображение на аверсе новгородских монет напоминают фигуры на венецианских дукатах, служивших мировыми деньгами этой эпохи. После завоевания Новгорода Москвой его монетный двор продолжал работу, но в оформлении монет теперь присутствовали знаки московского господства.

В целом можно сделать вывод о том, что объединение русских земель вокруг Москвы сопровождалось централизацией монетного хозяйства государства. Все присоединяемые к Московскому государству княжества теряли право самостоятельной монетной чеканки. Для них монету производили либо в Москве, либо в Новгороде, либо в Твери и Пскове.

Особо необходимо остановиться на вопросе о монетном металле и путях его поступления. В денежном обращении русских княжеств и объединившей их Московии господствовало серебро. Его дополняла медь для изготовления исключительно мелких (разменных) номиналов. При этом оба эти металла поступали на Русь из-за рубежа, так как собственных месторождений не было, а старые запасы не могли удовлетворить новых потребностей рынка. В результате этого русские финансы попадали в зависимость от международной торговли и военной обстановки на границах государства. Еще более напряженно, вероятно, обстояло дело с наиболее благородным из всех металлов — золотом. Золотые монеты на территории Восточной Европы в XIV и XV вв. были большой редкостью, а русские монеты этого периода, изготовленные из него, являются коллекционными раритетами.

Единственной дошедшей до нас золотой русской монетой этого времени является угорский Ивана III. Иностранные золотые номиналы также встречаются весьма и весьма редко, так как в это время на Русь приходили золотые монеты немногих западноевропейских государств, имевших регулярную золотую чеканку. Тяжелые английские розеноблы и подражания им по находившемуся на них изображению назывались «корабельниками» (рис. 18), а дукаты именовали «веницейскими», «цесарскими», «угорскими». Так как последние поставлялись в основном Венгрией, то вскоре любую золотую монету типа дуката, даже чеканившуюся в России, стали называть «угорской». Подобно тому как некогда Владимир Киевский чеканил свои первые золотые монеты, приняв за образец византийский золотой, Иван III полностью повторил тип венгерской монеты пусть не в надписи, но в изображении.

О выпуске собственной золотой монеты Московским государством при Иване III, завершившем объединение земель, невозможно было не упомянуть, поскольку, по мнению И. Г. Спасского, он имеет много общего с золотой чеканкой Владимира (*Спасский, 1970.* С. 98). В обоих случаях чеканка имела декларативный, политический характер.

Особенности чеканки монет Московской Руси

После объединения русских земель под властью Москвы в монетной чеканке и денежной системе долгое время сохранялись многие черты, возникшие в удельный период. Особенно заметным это было в технике чеканки и принципах внешнего оформления монет.

Крайне ограниченный размер монет и несоответствие между круглой формой штемпеля и произвольной формой пластинки обусловили лаконизм надписей и вели к предпочтению строчной надписи, а не круговой. Все это было вызвано особенностями технологии изготовления заготовок для монет.

С XIV в. в России привилась своеобразная техника монетного производства, сохранившаяся неизменной до Петра I. Серебро стали вытягивать в проволоку, которую делили на равные отрезки нужного веса. После их плющения в чеканку шли слегка овальные пластинки. Этот способ избавлял от дополнительной переработки отходов, неизбежных при заготовке кружков, и обеспечивал сравнительно высокую выровненность веса монет. Каленые железные штемпели были довольно стойкими и могли давать много оттисков на тонких серебряных пластинках, которые после плющения подвергались нагреванию для придания серебру большей пластичности. Вместо того чтобы вырезать каждый штемпель вручную, углубленные изображения и надписи стали выбивать на разогретом железе многих штемпельных болванок каленым, особо прочным маточником, имевшим на себе изображение, как на монете. Употребление последнего удешевляло производство и давало возможность достигнуть гораздо большего единообразия монет.

Новшеством по сравнению с удельным периодом было сокращение числа монетных дворов и унификация денежной системы. Уже к началу XVI в. монеты чеканились только четырьмя денежными дворами — в Новгороде, Пскове, Москве и Твери, выпускавшими монету из расчета 2,6 рубля из гривенки серебра. Однако в обращении оставалось много разнообразной и пестрой в весовом отношении старой монеты. В первой трети XVI в. внезапно разразился денежный кризис, вызванный обрезыванием монеты (рис. 19), причем иногда срезали до половины металла. Не помогали жесточайшие казни. Необходима была реформа, которая запретила бы любую старую монету — и целую, и испорченную.

В 1534—1535 гг. во время правления Елены Глинской (матери Ивана IV) была проведена денежная реформа, согласно которой запрещались к приему все монеты старого времени и был начат чекан монет нового образца. Таким образом возникла единая монетная система, завершившая процесс объединения разрозненных княжеств. Из гривны серебра стали чеканить монет не на 2,6, а на 3 рубля, а в каждом рубле было 100 новых монет — денег. Это были самые крупные русские монеты того времени с надписью на оборотной стороне: «Князь велики гдрь всея Руси». Когда Иван стал править самостоятельно, его имя появилось на монетах: «Князь Велики Иван всея Руси». После коронации он стал именовать себя на монетах царем и полный титул гласил: «Царь и великий князь Иван всея Руси». Вариантов надписей было множество: они отличаются и по числу строк, и по начертанию букв, и по сокращениям.

Интересно, что монеты Пскова и Новгорода сохраняли оригинальность. Они меньше упали в весе к концу XV в., чем деньги Москвы: на деньгу-новгородку шло две московки. По реформе в качестве одной из нормативных форм деньги вводилась новгородка. На ее лицевой стороне изображался царь верхом на коне с копьем в руке. Эти деньги были названы «копейными деньгами» и вошли в обиход как копейки (весом 0,67 г), на московках был изображен всадник с саблей (рис. 20).

Чеканились монеты и в 1/4 копейки (полушка, полденьги) с изображением птицы. Устанавливался такой строй русской монетной системы: в рубле было 100 денег-копеек (новгородок), 200 московок или 400 полушек, но монеты достоинством в рубль или более крупного достоинства не чеканились (крупнейшей монетой была копейка и ее фракции), что было главным недостатком новой реформы.

Монеты чеканили в Москве, Пскове, Новгороде, о чем соответственно свидетельствуют буквенные обозначения: М, Мо — Москва; Н, Но — Новгород; П, Пс — Псков. Чеканка в Твери прекратилась в годы проведения реформы, оставив только полушки с надписью «тверская». На московских монетах помещались различные буквенные сочетания: *фс, юр, ал, гр* и т. п. — по-видимому, инициалы мастеров. Клады ранних монет Ивана Грозного совсем не содержат удельных монет. Это означает, что запрет употреблять монеты старого образца строго выполнялся. Вес монет оставался без изменения до польско-шведской интервенции. Чеканка медных пул постепенно была прекращена из-за их невыгодности, и монетная система 1534 г. стала опираться только на одно серебро.

Фактически система, заложенная в 1534 г., просуществовала до правления Петра I. Однако монетной реформе Петра I предшествовали в XVII в. несколько различных по масштабу и по последствиям попыток развить или перестроить монетную систему 1534 г., в которой отсутствовали крупные платежные единицы. Ситуация усугублялась по-

степенной инфляцией основных денежных единиц. В течение XVII в. вес русской копейки падал несколько раз. В результате этого усиливалось несоответствие примитивной денежной системы и дальнейшего развития торговли.

Первую попытку реформировать денежное обращение предпринял Лжедмитрий I, выпустивший талеры со своим портретом и двуглавым орлом («рубль Лжедмитрия»), а также копейки со своим именем.

Следующее изменение в денежной системе России произошло при Василии Шуйском.

Начиная с XV в. на Руси в очень небольшом количестве чеканили золотую монету, предназначавшуюся для награждения воинов: первые воинские награды воины носили на шапке или на левом рукаве. Так как при Василии Шуйском запасы серебра были исчерпаны, он был вынужден переделывать в ходячую монету оставшееся в казне золото (*Мельникова, 1989*. С. 108). К 1610 г. относится золотая чеканка сделанная, правда, с помощью штемпеля обычной серебряной копейки (*Мельникова, 1989*. С. 107). Были выпущены золотые монеты достоинством в 5 и 10 копеек — первые после златников Владимира и угорских Ивана III, а также тех редких золотых, которые предназначались для княжеских пожалований и чеканились недолго. Золотая копейка весила столько же, сколько и серебряная, но стоила в 10 раз дороже. Таким образом, иностранные дукаты тоже получили доступ на русский рынок, так как вес последнего равнялся весу пяти копеечных монет (3,44 г). Итак, первые гривенник и пятачок были золотыми монетами. Формально появление этих золотых монет было шагом вперед, но фактически они предназначались для выплаты жалованья служилым людям и были ярким свидетельством финансового банкротства казны. С низложением Шуйского это начинание было ликвидировано.

Более основательно были подготовлены преобразования русской денежной системы при Алексее Михайловиче. Эта реформа в 1654 г. ввела в обращение крупную серебряную (талер и 1/4 талера) и медную (от полтины до 1/2 копейки деньги) монету. Она была предпринята в очень неудобное для экономических реформ время, когда шла война за воссоединение Украины с Россией, что существенно сказалось на ее результатах.

Проведение реформы осложнялось ее непродуманностью и плохой технической подготовкой. В обращении сохранялись старые серебряные монеты-копейки (100 копеек на счетный рубль). Серебряный рубль стал перечеканиваться из европейского талера, с лицевой и оборотной сторон которого предварительно сбивали изображения и надписи. Фактически последний оценивался в XVII в. в 64 копейки (*Спасский, 1988*. С. 12) (рис. 21). На лицевой стороне рубля размещалось изображение царя верхом на коне и его титула, а на оборотной — двуглавый орел, надпись «рубль» и год (славянскими цифрами от сотворения

мира — 1654). На секторах разрубленных начетверо талеров чеканились полуполтины. Медные копейки по стоимости стали равняться серебряным. Кроме того, выпускали алтыны (алтын равен 6 деньгам или 3 копейкам), медные полтины размером в рублевые, но тоньше, и гроши (2 копейки).

В результате реформы Алексея Михайловича медные и серебряные копейки обращались по одному курсу, хотя первые стоили в 100 раз меньше вторых. Разумеется, эта особенность очень быстро стала использоваться и правительством, которое выплачивало жалование войскам медными монетами, а налоговые платежи принимало только серебряными, и злоумышленниками, предварительно скупавшими медь и чеканившими из нее собственные копейки, равные по весу серебряным. Размен медных монет на серебро был прекращен, вследствие чего упало доверие населения к медным деньгам, а значит, и их курс. При этом серебро шло по двум различным курсам: рубль — талер в 28 г и рубль копейками в 47 г.

Одновременно с финансовыми возникли трудности и чисто технические: московский монетный двор с его отсталой ручной технологией чеканки не сумел освоить массовое производство крупных серебряных и медных круглых монет. В результате этого их чеканка вскоре была прекращена. Из меди делали только алтыны и гроши, но и те — старым испытанным способом: из расплющенной проволоки.

Параллельно со всеми этими событиями правительством в 1655 г. была предпринята еще одна недальновидная мера: выпуск «ефимков с признаком» (рис. 22), представлявших собой западные талеры с надпечаткой копеечным штемпелем и прямоугольным клеймом «1655» в качестве русских монет по курсу 64 копейки за штуку. Таким образом, произошел отказ от неполноценного рубля, и монетная система вернулась к единой метрологии старой серебряной копейки. Это означало, что любой западный талер, стоивший на серебряные копейки 58 копеек, становился монетой в 64 копейки (раньше правительство принимало талер по 40 копеек). Выпуск ефимков относится только к 1655 г., но в обращении они были до начала 1659 г., когда были запрещены и выкуплены у населения на медные деньги.

Выпуск ефимков привел к тому, что из Западной Европы хлынул поток талеров, которые теперь можно было, минуя казну, пускать в обращение по курсу 64 копейки за штуку. Отсутствие клейма копеечным штемпелем не всегда принималось во внимание, да и надчеканку фальшивыми клеймами осуществить было нетрудно.

Особенно усилился этот поток во время военных действий на Украине, сопровождавшихся неурожаем и голодом, когда население вынуждено было распродать пожитки и мигрировать в Россию. Надо сказать, что на Украине, входившей в состав Речи Посполитой, местное население всегда отдавало приоритет талеру даже без надчеканки,

Рис. 19. Обрезанная монета, середина XVI в.

Рис. 20. Копейка московская, конец XVI в.

Рис. 21. Рубль Алексея Михайловича (1645—1676 гг.)

Рис. 22. Ефимок, 1655 г.

а не медным копейкам. Если приходящая на Русь иноземная монета сразу же переделывалась в русскую, то на Украине сохранялось обращение польской и иноземной монеты XVI и XVII вв.

Русское правительство оказалось не в силах быстро изменить создавшееся положение и даже организовало систематическую скупку иностранной монеты на украинских ярмарках для целей своего монетного производства. Пытаясь создать альтернативу обращению иноземной монеты на Украине, власти стали чеканить особую русскую «областную» монету — низкопробные чехи (рис. 23), выпуск которых начали подготавливать еще при Алексее Михайловиче, но кратковременную чеканку осуществили только в правление Софьи в 1686 г., на устроенном в г. Севске монетном дворе.

Рис. 23. Чехи

Как ни неудачен был общий замысел реформы в целом, за ним видится намерение русского правительства приступить к такой монетной системе, которая бы, распространившись на Украину, заменила обращавшуюся там польскую монету русской. Печальный исход попытки преобразования монетной системы оставил открытым вопрос о денежном обращении на Украине и о преодолении привычки ее населения к иноземной монете.

Так как медные деньги упали в цене, серебро исчезало из обращения, ходили фальшивые копейки, люди отказывались торговать на медь, цены на продукты возросли в десятки раз и «начала быть от тех медных денег на всякие товары дороговь великая», то в конце концов в 1662 г. в Москве произошло восстание, вошедшее в историю под названием «медного бунта», жестоко подавленного стрельцами. Это событие подтолкнуло правительство к возврату к прежней дореформенной системе, сохранявшейся до времени Петра I. От медных денег пришлось отказаться, причем их выкупали на вес по цене меди: за рубль меди платили одну серебряную копейку.

Итак, денежное обращение вновь вернулось к нормам реформы 1534 г., только с пониженным весом копейки. В обращении по-прежнему остались лишь мелкие серебряные монеты. Несмотря на неудачу и отступление к прежним позициям, важнейшим достижением реформы Алексея Михайловича стало то, что отныне с правом свободной чеканки было покончено, она стала исключительной государственной привилегией.

В годы правления старшего брата Петра I — Федора Алексеевича (1676—1682 гг.) сохранялся прежний вес копейки, серебряный рубль содержал около 46 г серебра. С приходом Софьи он понизился до 38 г.

Серебряные монеты — копейки и денги — выпускались раздельно от имени каждого из братьев-царей — и Петра Алексеевича, и Иоанна Алексеевича (вплоть до смерти последнего в 1696 г.). Вероятно, это объясняется тем, что традиционное изображение всадника на монетах считалось изображением государя, а монетная легенда — как бы истолкованием этого изображения.

Неудачи в проведении реформ во многом были вызваны слабостью сырьевой базы для денежного дела в России XVII в. В последней четверти этого столетия вблизи Нерчинска была открыта серебряная руда и началась ее разработка. Однако еще долгое время производство монеты зависело от ввоза серебра, поскольку отечественная добыча металла оставалась ничтожной.

Реформа Петра Великого

Монетная реформа Петра I полностью изменила ситуацию на рынке России. В результате возникла денежная система, просуществовавшая с отдельными изменениями до конца XIX и начала XX вв. С традициями, заложенными Петром Великим, была вынуждена считаться даже советская власть, выпуская золотые и серебряные монеты в годы нэпа. Сущность новой реформы состояла в том, чтобы ввести в обращение рубль-талер и его фракции из серебра, копейку и кратные ей монеты из меди. При этом золотые монеты дополняли серебряные и медные номиналы.

Денежная реформа, осуществленная Петром Великим, дала России к 1704 г. самую передовую и совершенную монетную систему — десятичную, при которой основные монетные единицы соподчиняются как 1: 10: 100. В настоящее время она является, за единичными исключениями, общепринятой, но в течение почти целого столетия существовала в одной лишь России (только в 1792 г. ее узаконили Соединенные Штаты, в 1795 г. — Франция).

Особенностью петровской реформы было то, что новая монетная система в течение почти двух десятилетий сосуществовала со старой. Это облегчало введение непривычной разменной медной монеты взамен прежней серебряной, а на практике не представляло больших затруднений, так как десятичный принцип был заложен в старом русском счетном рубле, и новая монетная система была построена на основе элементов, веками слагавшихся в России. Не прекращая производства монет старого образца — серебряных копеек, полукопеек («денег») и алтынов, которые чеканились ручным способом из расплющенных обрезков проволоки, Петр с 1700 г. начал выпускать мелкие медные монеты нового образца, машинной чеканки. В последующие годы были выпущены серебряные монеты более крупных достоинств, а

с 1704 г. началась чеканка рублевиков. Выпуск «старых копеек» был прекращен в 1718 г.

Как говорилось выше, реформы денежного обращения, проведенные Петром I, ввели в обращение рубль-талер, его фракции из серебра, копейку и ее фракции из меди. Реформа была проведена в несколько этапов и началась с того, что вес серебряной копейки был уменьшен до 1/100 талера. Первой в 1699 г. была отчеканена серебряная полтина. В 1700 г. появились деньга (1/2 копейки), полушка (1/2 деньги, 1/4 копейки) и полуполушка (1/2 полушки, 1/8 копейки). В 1701 г. впервые отчеканили монеты в 5, 10 копеек и 1/4 рубля. В 1704 г. начали чекан алтынов из серебра. Продолжал осуществляться выпуск серебряных копеек, на которые можно было производить размен медных. Завершилась реформа Петра I выпуском рублей-талеров (рис. 24) и медных копеек, весивших больше серебряных (на пуд шло 2000 таких копеек). Таким образом, новый рубль и копейка появились в последнюю очередь, когда уже был налажен выпуск их фракций. Вес медной монеты был уменьшен.

Несомненным достоинством этой реформы было то, что она сохранила традиционный десятичный строй и способствовала проникновению русского рубля на западный рынок. Были введены в обращение золотые червонцы и двойные червонцы, на которых предусмотрительно не обозначалась цена. Русским червонцам был задан принудительный курс в 2 рубля во избежание ухода из России серебра по низкой цене. С 1718 г. чекан русских червонцев прекратили, и наладили производство новых золотых монет с надписью «Монета, новая цена 2 рубли, 1718» и изображением св. Андрея с косым крестом; на оборотной стороне помещалось изображение Петра I и его титул (рис. 25). Вес монеты был увеличен за счет примесей меди.

Рис. 24. Рубль Петра I, 1723 г.

Рис. 25. «1 андреевский рубль», 1718 г.

Размен золотой и серебряной монеты на медную мог производиться беспрепятственно. Для того чтобы население не боялось принимать медные копейки, на серебряных ставился год чекана. В результате того, что реформа была проведена постепенно, люди привыкли к новым рублям, что дало также правительству возможность постепенно прекратить выпуск се-

ребряных копеек. Полушки и пятаки были только медными. В 1724 г. появился пробный медный двухкопеечный грош (по образцу западноевропейского номинала), с 1757 г. выходивший регулярно.

Для осуществления реформы Петру пришлось заново создавать монетное производство. В течение почти всего его правления чеканка была сосредоточена в Москве: на Красном, Медном и Кадашевском монетных дворах. В 1697 и 1699 гг. Петр I основал в столице еще два новых монетных двора, так как существовавший прежде уже не справлялся с выпуском монеты. Старый, Новый и Набережный дворы ставили на своей продукции соответствующие клейма. Чуть позже начал работу монетный двор в Екатеринбурге. При этом на монетных дворах появились технические новшества, заимствованные из Западной Европы и позволившие организовать чеканку новых типов монет. В противоположность своему отцу Алексею Михайловичу, Петр I стремился привлекать в Россию специалистов и целенаправленно способствовал техническому прогрессу на монетных дворах. Это позволило достигнуть при чеканке монет значительных успехов не только в финансовых вопросах, но и в чисто эстетическом отношении.

Надо заметить, что реформа коснулась и внешнего вида монет, заменив привычное изображение копьеносца на двуглавого орла, а славянские цифры, означавшие дату по новому летосчислению, после 1722 г. на монетах обозначали уже только арабскими цифрами. Медные пятаки имели крестообразно расположенную надпись: «Пять копеек 1724 года». На лицевой стороне в круге — малый двуглавый орел и пять точек (обозначение номинала для неграмотных). Медный грош нес изображение св. Георгия-Победоносца и две точки. На петровских рублях изображение орла, дата и надпись были заменены на два креста, составленные из буквы «П» и цифры «I», за что и получили название «крестовики».

С 1721 г. с принятием Петром I титула императора на монетах появилась новая надпись: «Петр Алексеевич император и самодержавец всероссийский». Монеты всех последующих царей были или такими же, или надписи начинались буквами «Б. М.» (Божиею Милостью). На монетных дворах в XVIII в. работали многие выдающиеся мастера, и рубли того времени обладают высокими художественными достоинствами.

Русские монеты в XVIII—первой четверти XIX вв.

После смерти Петра I основные результаты его денежной реформы сохранились, но одновременно с этим неоднократно предпринимались попытки «улучшить» русскую денежную систему. Чаще всего подобные действия были вызваны желанием получить дополнительный до-

ход от монетной чеканки или использовать монеты в целях политической агитации.

С именем А. Д. Меньшикова связаны аферы с понижением пробы серебра в монетах до такой степени, что после его ссылки они не выкупались казной даже на вес. Особый интерес представляют монеты «царственного младенца» Ивана Антоновича (1741 г.), траурный рубль Екатерины I, на котором императрица изображена без короны, копейка Петра II. Анной Иоанновной была предприняла попытка избавиться от медных легковесных петровских монет, для чего петровские копейки перечеканивались в монеты-деньги.

Елизавета Петровна попробовала реформировать золотое обращение. В связи с тем, что к этому времени золото поднялось в цене и за двухрублевик давали 2 рубля 20 копеек серебром, были выпущены червонцы без обозначения цены, но указами на них были установлены цены в 2 рубля 30 копеек. Но стоили они больше своей стоимости, поэтому правительство попыталось выкупить их у населения и перечеканить в новую золотую монету в 5 и 10 рублей.

В связи с началом войны с Пруссией правительство пошло на изыскание средств на военные нужды: однокопеечные монеты перечеканивались в двухкопеечные и т. д., то есть вместо 8 рублей стали чеканить 16 рублей из пуда. В это время установился тип русской монеты вплоть до конца XVIII в., в соответствии с которым на лицевой стороне изображался двуглавый орел и надпись номинала, а на оборотной — вензель императрицы и год чекана.

В 1760—1762 гг. были предприняты попытки изменить вид русских монет по прусскому образцу, для чего на медных монетах помещались традиционные символы войны, причем переделывались елизаветинские монеты. При Екатерине II они были подвержены обратной перечеканке. Интересно, что при Екатерине II был выпущен необычный рубль цилиндрической формы. В конце своего царствования императрица сделала попытку перечеканить медь с удвоением номинала (пятачок вновь превратился в гривенник).

При Павле I крупных медных монет не выпускали, но перечеканивали медные гривенники в медные пятаки екатерининскими штемпелями. При этом императоре с лицевой стороны надолго исчезает портретное изображение, вместо которого помещается девиз: «Не нам, не нам, а имени твоему». На рубле, полтиннике, полуполтиннике и золотых монетах чеканился крест св. Гроба, знак рыцарского ордена, объединившегося с мальтийским (рис. 27). В начале XIX в. чеканили медь в 5, 2, 1, 1/2 и 1/4 копейки из расчета 16 рублей из пуда.

В 1769 г. в России были выпущены первые бумажные деньги, которые должны были обмениваться только на медную монету (рис. 26). Тогда же в Москве и Санкт-Петербурге для выпуска бумажных денег (ассигнаций) были открыты ассигнационные банки. Для регулирова-

Рис. 26. Первые ассигнации

ния денежных отношений как внутри страны, так и за ее пределами в 1802 г. было образовано Министерство финансов. В связи с прекращением размена меди на серебро и золото медные деньги падали в цене до тех пор, пока не стали ходить по цене содержащейся в них меди. В начале XIX в. цены на медь возросли вдвое. Обесценение последней в свою очередь очень быстро вызвало падение курса ассигнаций. Рубль серебром ценился в 3—5 раз дороже рубля ассигнациями — произошло обесценивание бумажных денег. В 1810—1830 гг. правительство решилось на чекан уже 24 рублей из пуда меди. Пятаки, 2 копейки и копейка до этого времени имели на аверсе изображение двуглавого орла и точек ценности, на реверсе — цену и дату выпуска. После 1810 г. чеканились 2, 1 и 1/2 копейки. Серебряные монеты с каждым правителем неминуемо падали в весе. Серебряные монеты при Александре I чеканились из такого же расчета, что и при его отце. В 1825 г. Александр I умер, и вступить на престол должен был его брат Константин, но он отказался от трона. Однако пробные рубли с его портретом уже были отчеканены (рис. 29) на петербургском монетном дворе, и этот эпизод стал одним из курьезнейших в русской нумизматике.

Русские монеты в XIX—начале XX вв.: от Николая I до Николая II

В первые годы правления Николая I монеты почти не изменились. Только в 1827 г. отчеканили первые пробные 3 копейки, а в 1830 г. были введены новые монеты из меди из расчета 36 рублей из пуда.

Рис. 27. Ефимок Павла I (1798—1801)

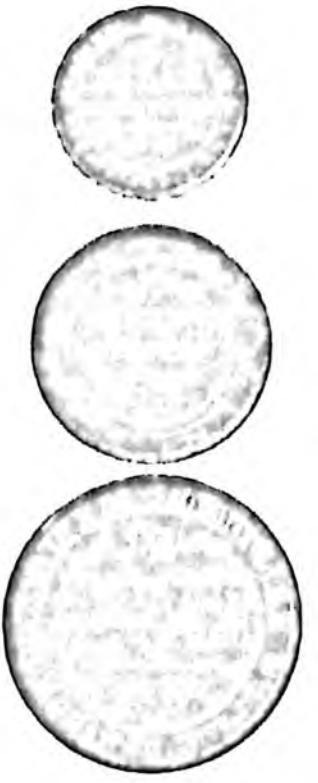


Рис. 28. Платиновые

Кроме того выпускались монеты для окраин Российской империи, например, для Польши. Там чеканка монеты велась одновременно и по десятеричной, и по троичной системе, что было вызвано тем, что польская денежная единица — злотый приравнивалась к 15 копейкам. Для Грузии чеканились монеты из серебра и меди (абазы и пулы) с надписями на грузинском языке.

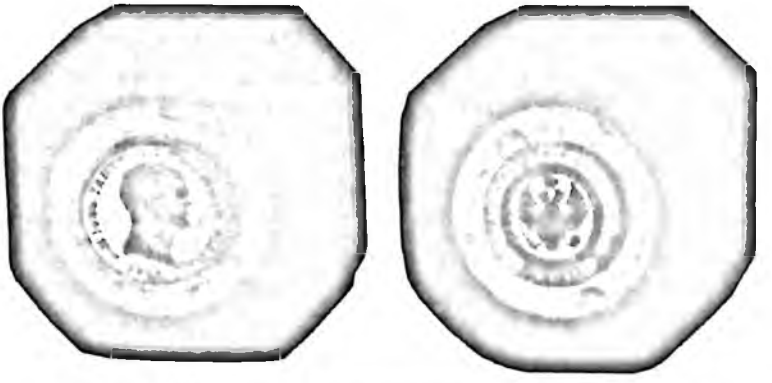


Рис. 29. Штемпель «константиновского» рубля, 1825 г.

Единственным в своем роде явлением в мировом денежном обращении явился выпуск в 1828—1845 гг. русских платиновых монет достоинством в 3, 6 и 12 рублей (рис. 28). Они выпускались размером с серебряные 25, 50 копеек и 1 рубль, но весом в 10, 20 и 40 г. Эта акция стала возможна благодаря достижениям русской металлургии, а также заинтересованности Демидовых, на рудниках которых в начале XIX в. добывалось много платины, не находившей тогда еще применения в промышленности.

Позднее обесценение бумажных денег привело к необходимости широкомасштабной денежной реформы, которая вошла в историю России под названием «Реформа Канкрина».

История бумажных денег в России началась с манифеста Екатерины II от 29 декабря 1768 г. Первоначально ассигнации выступали своего рода заместителями медных монет, хотя ходили одновременно с золотыми и серебряными деньгами. Однако в связи с тем, что в начале XIX в. Россия вступила в полосу непрерывных войн, уже очень скоро выпуск ассигнаций стал одним из главных средств возмещения военных расходов — печатный станок заработал безостановочно, что, в свою очередь, вызвало падение курса медных денег, «коих ассигнации суть изображения», и, как следствие, привело к расстройству денежного обращения России.

В 1840-х гг. под руководством министра финансов Е. Ф. Канкрина была проведена денежная реформа. Вместо ассигнаций вводились кредитные билеты (рис. 30), которые подлежали обмену не только на медь, но и на серебро. Медную монету стали чеканить из расчета 16 рублей из пуда, ее меняли на серебро — рубль за рубль. Поэтому на всех медных монетах от полушек до 3 копеек писали теперь слово «серебром».

Монетная чеканка Российской империи в XIX—начале XX вв. была весьма разнообразной по составу. Выпускались монеты в честь каких-либо событий: в 1834 г. отчеканен рубль в честь открытия «Александрийского столпа», в 1839 г. — в честь открытия памятника на Бородинском поле; юбилейные рубли в память Отечественной войны — 1812 г., 300-летия дома Романовых — 1913 г. (рис. 31), коронационные рубли. Особенно интересными являются монеты — памятники русской воинской славы («Гангутский рубль» 1914 г.).

С 1886 г. на монетах вновь появились портреты императоров.

В конце XIX в. русская монетная система претерпела значительные изменения, связанные с тем, что Россия вступила в союз с Францией, которая попыталась навязать ей латинскую монетную систему. Для этого следовало сделать рубль, стоивший 4 франка, равным франку, а сам рубль перекрестить в «русс». Подобные замыслы закончились полным провалом. Однако в 1897 г. произошло событие, имевшее чрезвычайно важные последствия для русской денежной системы: в России

Рис. 30. Кредитные билеты, 1840-е гг.

Рис. 31. Рубль в память 300-летнего юбилея дома Романовых, 1913 г.

был введен «золотой стандарт», что сопровождалось реформой в сфере денежных знаков. Возглавил проведение этой реформы С. Ю. Витте, а ее последствия позволили стабилизировать рубль до начала Первой мировой войны. При этом произошли заметные изменения в денежном обращении.

Русские золотые десятирублевики (империалы) были приравнены к 15 рублям. Монета в 10 рублей была приравнена к 2/3 империала, а в 5 рублей — к 1/3. Во Франции чеканились для России золотые монеты с двойным обозначением: 37 1/2 рублей — 100 франков. Прежняя монета (полуимпериал), равная 5 рублям, стала стоить 7 рублей 50 копеек.

Первая мировая война настолько расстроила финансы России, что в 1915 г. был прекращен чекан крупного серебра (в 1915 г. чеканился в последний раз серебряный рубль в количестве 600 экз.), а в 1917 г. — мелкого серебра и меди. В первый же год войны исчезли золотые монеты. Постепенно бумажные деньги самых различных модификаций вплоть до почтовых марок вытеснили их полностью. Одновременно с этим нехватка денежных знаков (в том числе мелкой разменной монеты) привела к тому, что для дополнения полноценных денег в обращение были официально допущены различные их заменители (марки). После февральской революции 1917 г. на смену царским денежным знакам («николаевкам») пришли деньги Временного правительства («керенки») и многочисленные суррогаты.

Денежные знаки после 1917 г.

Положение на денежном рынке России существенно изменилось в конце 1917 г. Первоначально советское правительство предполагало вообще отменить деньги, однако потребности экономики и начавшейся гражданской войны привели к тому, что идеология должна была уступить финансам.

Первоначально советская власть выпускала «керенки». Дополнительно были допущены к использованию различные формы денежных суррогатов. Позднее на смену им пришли собственно советские деньги,

которые первоначально стыдливо назывались «расчетные знаки», или «совзнаки». Нелимитированный выпуск советских денег в годы гражданской войны привел к их чудовищному обесценению. В результате этого счет пошел на миллионы и миллиарды.

Ситуация в денежном обращении в первые годы советской власти осложнялась наличием на территории России денежных знаков «белых» и «национальных» правительств. В дополнение к ним на пространстве бывшей Российской империи обращались деньги иностранных государств («валюта») и специальные выпуски иностранных интервентов (например, оккупационные марки Германии). В целом к концу гражданской войны финансы находились в катастрофическом состоянии, назрела необходимость реформы денежной системы, которая фактически стала одним из элементов «новой экономической политики» (нэп) и возрождения экономики страны.

Осенью 1921 г. советским правительством была подготовлена первая деноминация — уменьшение номиналов старых денег. Царские кредитки, думские деньги, «керенки», разного рода ценные бумаги и купоны к ним были заменены едиными государственными денежными знаками, обеспеченными, как на них указывалось, «всем достоянием республики». Однако первая деноминация не решила всех задач создания новой устойчивой валюты, и в октябре 1922 г. государственному банку было предоставлено право выпускать банковские билеты в золотом исчислении достоинством в 1, 2, 5, 10, 25 и 50 червонцев (1 червонец обменивался на 8,6 г чистого золота).

В апреле 1921 г. медальный отдел Петроградского монетного двора разработал эскизы серебряных монет номиналами в 10, 15, 50 коп. и 1 руб., причем было решено сохранить для советских монет все параметры монет, чеканившихся до революции, в том числе металл, вес, диаметр, пробу (рис. 32). Согласно реформе, в обращение возвращались золотые и серебряные монеты. Выпуск каких бы то ни было денежных суррогатов был окончательно запрещен в 1924 г. В 1926 г. было объявлено о чекане и выпуске новой мелкой разменной монеты в 1, 2, 3 и 5 коп. В 1931 г. в производство был запущен новый тип монет из никеля по рисунку А. Ф. Васютинского, который впоследствии неоднократно упрощался.

Постепенно монеты, изготовленные из драгоценных металлов, были изъяты из обращения, что позволило государству сэкономить значительные средства.

Тяжелый удар по финансам СССР нанесла Вторая мировая война, по окончании которой была проведена очередная денежная реформа.

Реформа 1947 г. ставила себе основной задачей отобрать у населения деньги, накопленные им в годы войны. В соответствии с этим был проведен обмен денежных знаков по выгодному государству курсу. При этом деньги, хранившиеся в сберкассах, обменивались по льготно-

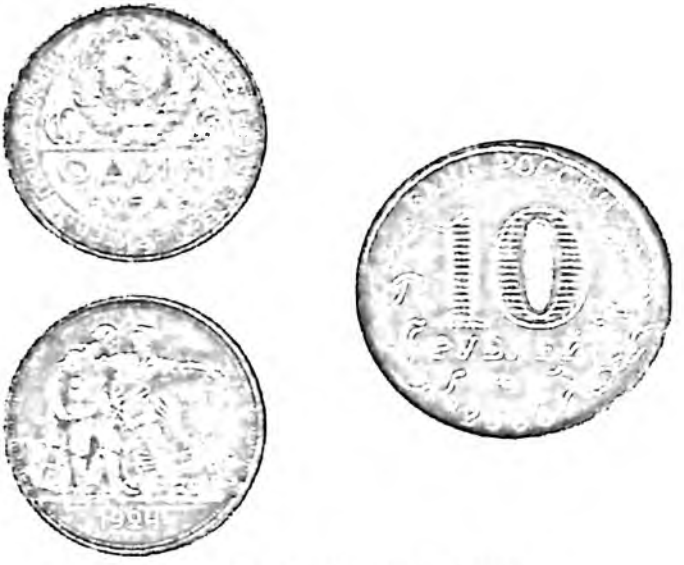


Рис. 32. 1 руб. 1924 г.; 10 руб. 2000 г.

му курсу, а масштаб цен и зарплаты остались без изменений. В результате этого были ликвидированы денежные накопления населения, а государство смогло направить высвободившиеся средства на восстановление экономики, укрепление вооруженных сил и снижение цен на потребительские товары. Важно отметить, что при этой реформе внешний вид разменных монет фактически не изменился.

К 1961 г. относится следующая реформа в СССР: произошел обмен денежных знаков из расчета 1 к 10. На этот раз одновременно изменились зарплаты и цены. Главным результатом этой реформы стало то, что по официальному курсу рубль догнал и даже перегнал доллар США по стоимости. С 1 января 1961 г. в обращение были выпущены монеты и банкноты нового типа: денежные билеты нового образца достоинством в 1, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 руб. и разменная монеты достоинством в 1, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 50 коп. Денежные билеты и монеты старого образца подлежали размену на новые знаки по соотношению 1 руб. новыми за 10 руб. старыми. При подготовке деноминации обсуждался вопрос о чекане полукопеечных монет, но предложение не было принято.

К 1965 г. относится начало новой традиции в советском монетном деле — выпуск юбилейных и памятных монет. Начало ей положил рубль нового типа, который отчеканили в ознаменование 20-летия победы над фашистской Германией. В процессе подготовки к Играм XXII Олимпиады по инициативе оргкомитета Олимпиады-80 и Министерства финансов СССР была разработана и осуществлена большая монетная программа, которая предусматривала выпуск медно-никеле-

Рис. 33. Юбилейные монеты: а) «Олимпиада-80», 1980 г.;
б) «50 лет великой Победы»;
в) «Памятник Петру Первому», 1985 г.

вых монет достоинством в 1 руб., серебряных — в 5 и 10 руб., золотых — в 100 руб. и платиновых — в 150 руб. (рис. 33).

После распада СССР в России были введены новые монеты и бумажные денежные знаки, которые не имели социалистической символики. Однако гиперинфляция, охватившая страну, привела к обесцениванию денег. Это создало трудности при платежах и банковских операциях. В результате чего в 1997—1998 гг. была проведена деноминация денежных знаков в 1000 раз, сопровождавшаяся выпуском монет и бумажных денег нового образца.

Краткий словарь нумизматических терминов

Аверс — лицевая сторона. Лицо монеты определяют изображения (портреты правителя, гербы или легенды, которые указывают на эмитенты). Обычно они дополняют друг друга и расположены на одной стороне. **Реверс** — оборотная сторона. Понятие столь же условное, как и аверс, и служит в основном для удобства описания.

Гурт — боковая сторона монеты или медали. Бывает гладкий, с надписью, ребристый, с насечками и пр. (см. рис. 11), что служит препятствием для обрезывания монеты.

Клад (монетный) — несколько монет, одновременно сокрытых и найденных в одном месте.

Легенда — надпись на монете. Обычно располагается по кругу или горизонтально в одну или несколько строк, реже вертикально или крестообразно. Иногда вписана в изображение. Даты выпуска монет также входят в состав легенд.

Лигатура — примесь недрагоценного металла в золотом или серебряном сплаве.

Номинал — достоинство монеты.

Монета — это слиток металла установленной формы, веса, достоинства и качественного состава, который служит законным средством обращения, что удостоверяют клейма, покрывающие одну или обе его поверхности, а иногда и боковое ребро. Монета — это знак стоимости, материально воплотивший в себе объективно существующие законы товарно-денежных отношений и необходимый инструмент этих отношений.

Монетное право — право чеканки — одно из суверенных прав государства (прежде всего в лице князя). Могло быть пожаловано в виде привелегии, поручено, продано, сдано в аренду, заложено, узурпировано.

Монетная регалия — привилегия обладателя монетного права извлекать из чеканки доход. Иногда неправомерно отождествляется с монетным правом.

Монетная стопа — количество монет, которое получают из определенной весовой единицы металла (например, гривны). То есть, если уменьшить вес каждой монеты, то общее их число (монетная стопа), изготовляемое из той же порции металла, возрастет.

Монетный тип — устойчивая композиция компонентов изображений, включая легенды на лицевых и оборотных сторонах монет. Содержание легенд в данном случае значения не имеет.

Мюнцкабинет (Münze — монета, *нем.*) — первоначально — частное собрание античных монет.

Обрез — горизонтальная черта, отделяющая нижнюю часть монеты от основного поля.

Счетная денежная единица — используется при счете, но не имеет вещественного воплощения в монете (например, либра).

Поле монеты — поверхность лицевой или оборотной стороны, не занятая изображениями и легендами.

Проба монеты — соотношение между весом чистого благородного металла и общим весом монетного сплава.

Порча монеты — уменьшение массы драгоценного металла в составе монеты за счет понижения ее веса и пробы. Содержание драгоценного металла в платежных единицах (монетных номиналах), существовавших более или менее длительно, с течением времени постоянно уменьшается. Убывание достигается различными способами, например, путем простого уменьшения веса вновь выпускаемой монеты без изменения качества металла или путем ухудшения последнего за счет малоценной примеси, сохраняющей или же увеличивающей вес, иногда — путем перехода от драгоценного металла к малоценному и т. п. Порча проявляется во всех формах, начиная от осуществленных правительством тайных и явных понижений веса серебра в монете и кончая обрезыванием монеты в процессе ее обращения.

Эмитент — обладатель права чеканки, выпускавший монету от своего имени (князь, царь, император, город, республика и т. д.).

СФРАГИСТИКА

Введение

Название *сфрагистика* происходит от греческого слова σφραγισ, что в переводе означает печать. Иногда применяется также термин *сигиллография*, образованный из двух латинских слов — sigillum и graphio, что можно перевести как описание печатей. Таким образом, сфрагистика, или сигиллография, — это специальная историческая дисциплина, предметом изучения которой являются *печати*. Именно печати, придававшие документам юридическую силу, позволяют изучать процесс зарождения и становления институтов власти — прообразов позднейших государственных учреждений в России.

В предлагаемом очерке обобщены результаты исследований по истории русской допетровской сфрагистики (*Белецкий, 2001.* Вып. 4). Памятники сфрагистики эпохи Нового и Новейшего времени не рассматриваются: печати этого времени плохо изучены и в основной своей массе не опубликованы. Прорисовки большинства печатей, включенные в таблицы, заимствованы из Корпуса актовых печатей древней Руси X—XV вв. (*Янин, 1970*; *Янин, Гайдуков, 1998* [книга]; *1998* [статья]; *2000*; *2001*), а также из ряда изданий XIX в. (СГГД, 1813—1828; *Иванов, 1858*; Снимки, 1882).

История изучения русской средневековой сфрагистики

Интерес к средневековым русским печатям возник в конце XVIII в. В обширном издании документов по средневековой истории России «Древняя Российская Вивлиофика» (1773—1775) тексты актов сопровождались описаниями печатей, скреплявших документы. Эти описания привлекли внимание историков к сфрагистическим памятникам русского происхождения: попытки истолкования изображений на печатях в начале XIX в. предпринимали Н. М. Карамзин и митрополит Евгений (Болховитинов).

Первый опыт издания прорисовок средневековых русских печатей относится к началу XIX в. Публикация рисунков печатей в капиталь-

ном издании «Собрание государственных грамот и договоров» (СГГД, 1813—1828) стала на долгие годы основным пособием для исследователей, обращавшихся к памятникам русской актовой сфрагистики. Именно эти рисунки анализировал А. Б. Лакиер (1855; переизд.: 1990), первым предпринявший попытку систематизировать известные к середине XIX в. актовые печати древней Руси. Во второй половине XIX в. были изданы два специализированных сфрагистических альбома (*Иванов, 1858*; Снимки, 1882). Итоги первого этапа в становлении научной сфрагистики в России подвел крупнейший отечественный нумизмат конца XIX—начала XX вв. А. В. Орешников (1903).

Начало новому этапу в изучении памятников русской сфрагистики было положено трудами Николая Петровича Лихачева (1862—1936). Являясь не только блестящим источниковедом, но и страстным коллекционером, Н. П. Лихачев на протяжении четверти века целенаправленно собирал памятники сфрагистики. До сих пор коллекция Лихачева, большая часть которой теперь хранится в Эрмитаже (Санкт-Петербург), остается одним из лучших сфрагистических собраний не только в России, но и в мире.

Интерес Н. П. Лихачева к памятникам сфрагистики совпал по времени с уникальным открытием. Близ Новгорода находится так называемое «Рюриково» городище — детинец древнейшего города Новгорода. В конце XVIII в. мысовая часть городища была уничтожена при прокладке Сиверсова канала, соединившего рукава Волхова. В результате проведения этих работ оказался разрушенным находившийся в земле обширный комплекс документов, являвшийся остатками архивохранилища. Сами документы к моменту прокладки канала полностью истлели, но от них в земле сохранялись подвесные металлические печати. Слой, в котором залегали эти печати, был перемещен в отвалы по берегам канала. С конца XIX в. печати, собиравшиеся местными жителями на отмелях канала, привлекли внимание антикваров, а уже в начале XX в. Н. П. Лихачев начал скупать у собирателей эти находки. Менее чем за два десятилетия коллекция русских средневековых печатей в собрании Лихачева превысила 600 экземпляров.

Необходимость издания печатей была очевидна. В 1904—1917 гг. по заказу Н. П. Лихачева было изготовлено более 80 фототипических таблиц, которые включали более 900 древних предметов, в том числе около 700 актовых печатей и пломб; эти таблицы получили в литературе наименование «Сфрагистический альбом». Однако осуществить издание не удалось. Основные наблюдения над группировкой и атрибуцией памятников русской сфрагистики Н. П. Лихачев изложил в двух выпусках «Материалов для истории византийской и русской сфрагистики» (1928, 1930). Планировался третий выпуск, посвященный печатям XIII—XV вв., однако он остался неизданным (СПбОА РАН. Ф. 246. Оп. 1. Д. 123). В 1930 г. Н. П. Лихачев был арестован и сослан на пять лет

в Астрахань, тогда же был уничтожен тираж второго выпуска «Материалов». По возвращении из ссылки Лихачев в неимоверно трудных условиях сумел завершить работу над рукописью комментариев к таблицам «Сфрагистического альбома», однако и этот труд остался неопубликованным (Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 444).

В 1970 г. часть рукописи Н. П. Лихачева, посвященная древнерусским печатям, была переработана В. Л. Яниным, дополнена новыми находками и включена в двухтомный Корпус актовых печатей древней Руси X—XV вв. (*Янин, 1970*). Это издание содержит исследование и каталог, включающий сведения о более чем полутора тысячах актовых печатей. В 1998 г. вышел из печати третий том Корпуса, подготовленный В. Л. Яниным в соавторстве с П. Г. Гайдуковым (*Янин, Гайдуков, 1998* [книга]); в этом томе опубликовано более 1100 моливдовулов. В 1998—2001 гг. вышли также три дополнения к корпусу, содержащие сведения еще о 228 буллах (*Янин, Гайдуков, 1998* [статья]; *2000*; *2001*). В настоящее время Корпус актовых печатей древней Руси является основным источником по истории русских средневековых металлических печатей.

Хотя значительная часть известных к настоящему времени древнерусских металлических печатей принадлежит к числу находок на Рюриковом городище, имеющиеся в распоряжении науки сфрагистические памятники X—XV вв. не ограничиваются комплексом новгородского архива. Многие печати эпохи русского средневековья происходят из случайных находок в средневековых поселениях и городах, а также найдены при археологических раскопках (Киев, Чернигов, Тверь, Владимир, Суздаль, Белоозеро, Новгород, Псков, Изборск, Старая Ладога и др.). Особо следует отметить обширное скопление моливдовулов (564 печати и две заготовки для печатей), найденное в Пскове при археологических раскопках руинированной постройки, погибшей в пожаре начала XVI в. и представлявшей собой остатки одной из городских канцелярий второй половины XV—начала XVI вв.

Значительно меньше повезло другой массовой категории сфрагистических памятников эпохи русского средневековья — *металлическим пломбам*. Хотя свинцовые пломбы известны в науке со второй половины XIX в., свод этих памятников, подобный своду актовых печатей, до сих пор не издан. Не установлено даже общее количество пломб, хранящихся в государственных собраниях: если Н. П. Лихачев в середине 1920-х годов располагал сведениями о 8,5 тысячах пломб, а А. Л. Монгайт называл в конце 1950-х годов цифру «около 15 тысяч», то Б. Д. Ершевский к 1984 г. констатировал наличие «более 10 тысяч» пломб. Причина расхождений заключается в том, что пломбы до сих пор остаются по-настоящему не изученными, хотя в литературе и существуют различные оценки этих памятников (см.: *Перхавко, 1996; Белецкий, 2001*. Вып. 3).

Воско-мастичные печати эпохи русского средневековья долгое время оставались «в тени» печатей металлических: сводное исследование появилось только в 1991 г. (*Соболева, 1991*). Это издание содержит интересные комментарии к проблеме «права печати» в эпоху средневековья, а также каталог на 188 печатей северо-восточной Руси XIV—середины XVI вв. (главным образом, сохранившихся при документах) и комментарии к этим печатям.

Виды сфрагистических памятников древней Руси

Сфрагистические памятники эпохи русского средневековья разнообразны и по внешнему виду, и по функциональному назначению (рис. 1). Выделяются печати-матрицы и печати-оттиски. *Печать-матрица* — это изображения или надписи (часто — то и другое одновременно), вырезанные на металле, кости, камне и других твердых материалах. Печати-матрицы предназначались для оттискивания по мягкому металлу, воску или вощаной мастике. При оттискивании печати-матрицы образуется *печать-оттиск*. Скрепляя документ, печать-оттиск свидетельствует, что данный документ исходит от того лица или учреждения, которому принадлежит печать-матрица. Таким образом, основное назначение печати-матрицы — удостоверение подлинности документа путем скрепления его печатью-оттиском. Последний же, удостоверяя своим наличием подлинность документа, свидетельствует, что документ действительно исходит от держателя печати-матрицы.

По технике скрепления документа все печати-оттиски разделяются на подвесные и прикладные. Подвесные (вислые) печати, как правило, были двусторонними, то есть имели изображения и надписи на обеих сторонах. Печати привешивались на шнуре или нитях к нижней части документа (рис. 2). Для прикрепления печати у нижнего обреза пергамена или листа бумаги прокалывали отверстия для каждой печати,

Рис. 1. Схема группировки памятников русской средневековой сфрагистики

Рис. 2. Духовная грамота великого князя московского Симеона Ивановича (Гордого), 1353 г.

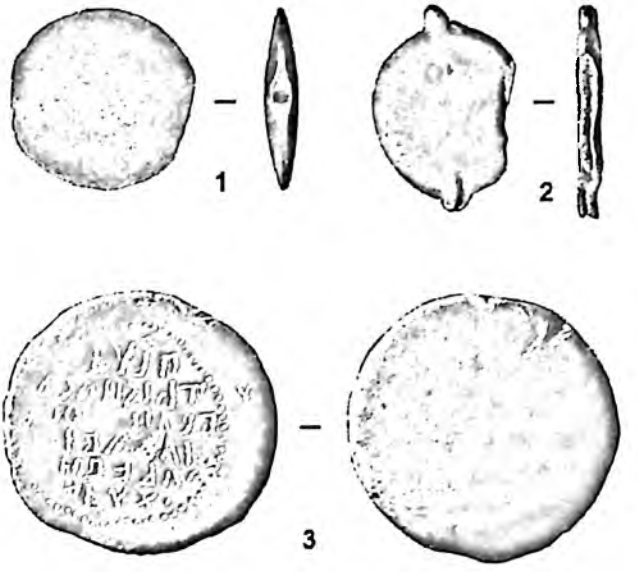


Рис. 3. Заготовки (1—2) и матрица (3) подвесной металлической печати

шнур пропускали сквозь отверстия, иногда — завязывали узлом, а на свободных его концах помещали заготовку для печати. Заготовка с пропущенным сквозь нее шнуром помещалась между двумя матрицами и стискивалась. В результате этой операции образовывалась двусторонняя подвесная печать-оттиск.

В византийской сфрагистике известны *буллотирии* — инструменты, имевшие вид клещей, в рабочих поверхностях которых (*губы*) крепились пластины-матрицы; матрицы могли вырезаться и непосредственно на губах буллотирия. Вплоть до недавнего времени в русской актовой сфрагистике буллотирии известны не были, хотя одна подлинная матрица XV в. сохранилась до нашего времени (рис. 3,*3*). Поэтому в литературе даже высказывалось мнение, что в русском делопроизводстве X—XVI вв. буллотирии могли вооб-

Рис. 4. Древнерусский буллотирий

ще не применяться. Однако при археологических раскопках древнерусского города Новгородка (совр. Новогрудок, Беларусь) был найден буллотирий, конструктивно близкий византийским (рис. 4). Еще один буллотирий был обнаружен при раскопках в детинце древнерусского города Воиня (городище Воинская Гребля, Украина).

Наиболее распространенным видом печати-оттиска на Руси в X—XV вв. были *буллы* — металлические подвесные печати. Как правило, они оттискивались на заготовках из свинца — мягкого пластичного металла, оттиски по которому получались очень отчетливо. Свинцовые подвесные печати называются *моливдовулы*. Подавляющее большинство их оттиснуто на цельнометаллических заготовках. Образцы заготовок, отлитых в специальных формах (найдены при археологических раскопках в Пскове, на Рюриковом городище близ Новгорода и на городище Воронич в Псковской области), известны по материалам археологических раскопок в ряде древнерусских городов (Новгород, Псков, Ладога, Дубна и др.): заготовки имеют вид свинцовых кружков, сквозь которые проходит канал для шнура (рис. 3, *1*—*2*). При сжатии заготовки клещами буллотирия свинец из более выпуклого центра как бы «растекается» к краям заготовки, происходит ее деформация, канал сплющивается, и шнур из печати уже невозможно извлечь, не повредив саму печать.

Кроме свинца для скрепления документа использовались также серебро и золото. Печати, оттиснутые в серебре, называются *аргировулы*, а печати, оттиснутые в золоте, — *хрисовулы*. Серебро и золото — более твердые металлы, чем свинец. Поэтому и техника скрепления документа, как правило, была иной: между двумя тонкими пластинами помещали нити или шнур, прикреплявшие печать к документу, периметр заготовки запаивался, а затем производилось оттискивание матрицами буллотирия. Хрисовулы в домонгольское время могли оттискиваться и на цельнолитых заготовках.

Техника скрепления документов подвесной вощаной печатью отличается от техники скрепления документа металлической печатью. Вощаные печати изготавливались из более мягкого и более пластичного материала, поэтому на них можно было оттискивать печати с очень сложными изображениями и надписями, а легкость материала позволяла значительно увеличивать размеры печати-оттиска. Так, диаметр Большой государственной печати Ивана IV достигает 112 мм, на двух ее сторонах помещено 26 малых фигур или групп фигур, столько же малых круговых надписей, две большие фигуры и по две большие круговые надписи на каждой стороне.

Небольшие по размеру двусторонние вощаные печати могли висеть при документе непосредственно на шнурах. Документ мог быть также скреплен односторонней подвесной вощаной печатью в ковчеге — вощаной или деревянной коробочке, сквозь которую был пропущен

шнур, залитый внутри ковчега вощаной мастикой, по которой производился оттиск. Печати же большого размера и большой насыщенности изображениями и надписями оттиснуть вручную при помощи буллотирия было невозможно: для скрепления документа такой печатью требовалась значительная точность взаиморасположения матриц и уверенность в том, что ни одна из матриц не сместится со своего первоначального места. Такую точность мог обеспечить только станок. Станки, применявшиеся для скрепления документа печатью, известны в европейском делопроизводстве. Подобные станки существовали и в России: в городовой книге Новгорода под 1696 г. записано, что артель кузнеца Константина Иванова изготовила по заказу Посольского приказа тиски «для печатания его, Великого Государя, грамот»: тиски были сделаны из железа и имели деревянные рукояти.

Воск — материал очень непрочный, поэтому в делопроизводстве применялась так называемая вощаная мастика (предшественник современного сургуча); при варке вощаной мастики в воск добавлялись различные компоненты, в том числе смолы и красители. Для предохранения вощаных печатей от разрушения их часто помещали в специальные коробочки — *кустодии* (от лат. custodia — «стража», «охрана»). Створки кустодий, изготовленных из оловянистого сплава, меди и низкопробного серебра, найдены при археологических раскопках в Пскове и Новгороде, а деревянные кустодии известны по раскопкам города Мангазея в Сибири.

Техника скрепления документа прикладной односторонней печатью отличается от техники скрепления документа подвесной печатью. В том месте, где полагалось приложить печать, в документе прорезались два отверстия, через которые пропускалась полоска бумаги, свободные концы этой полоски выводились на лицевую сторону документа, сгибались, накладывались друг на друга и заливались вощаной мастикой, после чего производился оттиск печати матрицы. Таким образом, печать-оттиск прикреплялась к поверхности документа, а отвороты бумажной ленты оказывалась «в теле» печати. Чтобы предохранить вощаную печать от разрушения, вощаную мастику могли прикрывать сверху кусочком бумаги, превышавшим по размеру оттиск печати, а сам оттиск производили поверх бумажки: последняя вдавливалась в вощаную мастику, и оттиск матрицы читался не непосредственно по воску, а по перекрывшей воск бумажке; такие печати в литературе называют «печать под бумажкой», или «печать под кустодией».

Матрицы для прикладных печатей имели различный облик и изготавливались из различных твердых материалов: металла, камня, кости (рис. 5). Наиболее распространенными были перстни-печатки — цельнометаллические или со вставкой из камня. Известны печатки, на тыльной стороне которых имелось подобие ручки, в том числе с отверстием для подвешивания. Иногда таким печаткам (чаще всего —

Рис. 5. Печати-матрицы X—XVII вв.

костяным) придавался вид шахматных фигурок. Известны также печати-матрицы в виде пластины с ушком для подвешивания. Все эти печати были не только атрибутами делопроизводства, но представляли собой также регалии власти, предназначенные для ношения и предъявления. Они использовались не только для скрепления юридических документов, но также для «запечатывания» (сокрытия от посторонних глаз) свернутого послания.

Проблема регламентации материала для печати-оттиска

Вопрос о том, имел ли материал, в котором оттискивалась печать, смысловое значение, давно обсуждается в отечественной и зарубежной дипломатике. Утверждение документов аргировулами и хрисовулами происходило редко. Собственно хрисовулы дошли до нас только от эпохи Московского царства (XVI—XVII вв.), а в древнерусской сфрагистике X—XIV вв. они практически не известны: единственный экземпляр золотой печати домонгольского времени, оттиснутый на цельнолитой заготовке, был найден при археологических раскопках в Новгороде. В древнерусском делопроизводстве вместо хрисовулов

употреблялись так называемые *русские хрисовулы* — позолоченные аргировулы, но и они редки: почти все известные экземпляры сохранились при документах. Уже одно это свидетельствует о том, что серебряные и серебряные позолоченные печати были предназначены для утверждения документов особого ранга.

Принято считать, что русские хрисовулы применялись для утверждения междукняжеских докончаний, договоров князей с Новгородом, международных договоров и других подобных документов повышенной важности. Однако в действительности вопрос решается не столь однозначно. По сути дела, только одна категория актов, сохранившихся в подлинниках от XIV—начала XV вв., традиционно утверждалась русскими хрисовулами — духовные грамоты великих князей. Однако великокняжеские завещания могли утверждаться также и вощаными печатями. Договора Новгорода с великими князьями утверждались, главным образом, моливдовулами, хотя известны и случаи утверждения договоров аргировулами. Договорные междукняжеские грамоты утверждались и свинцовыми, и вощаными печатями. При международных договорах встречены и серебряные, и свинцовые, и вощаные печати. Таким образом, вопрос о дипломатических особенностях скрепы средневековых русских документов не может считаться решенным. Это связано с недостаточным числом дошедших до нас подлинных документов, сохранивших скрепу. Подавляющее большинство печатей-оттисков эпохи русского средневековья оттиснуто в свинце.

Цветовое решение вощаной мастики на Руси, по-видимому, не было строго регламентировано. Правда, печать «на красном воску» употреблялась, прежде всего, в делопроизводстве великокняжеской московской канцелярии, однако для утверждения документов от лица великих московских князей употреблялись также черновосковые и желтовосковые печати. Печати «на черном воску» скрепляли документы, утверждавшиеся от имени московских митрополитов, но в митрополичьей канцелярии документы скреплялись также красновосковыми и желтовосковыми печатями. И если использование красновосковых печатей, в конечном счете, регламентировалось, то о других печатях такие сведения в источниках отсутствуют. Не исключено, что определяющее значение имело наличие запасов того или иного воска в канцелярии на момент утверждения документа.

Диаметр и вес моливдовула

В научной литературе давно обсуждается вопрос о том, случайностью или же закономерностью следует объяснять такие характеристики моливдовула, как его размеры и массивность. Высказывалось мнение, согласно которому размер моливдовула является хронологическим признаком. Действительно, большинство древнейших рус-

ских печатей X—XI вв. были сравнительно крупными — до 30—40 мм в диаметре. В XII—XIII вв. преобладали моливдовулы размерами 14—17 мм. В XIV—XV вв. размеры буллы постепенно увеличиваются, и в XVI в. вновь встречаются моливдовулы размером 40 мм и более. Однако диаметр печати все-таки не является твердо датирующим признаком: расхождение в размерах близких по времени моливдовулов достигает 5—10 мм.

Редкую возможность сравнивать размеры моливдовулов дает комплекс «архива» из раскопок в Пскове. В составе «архива» имеется ряд печатей, представленных десятками и даже сотнями оттисков от одних и тех же пар матриц, использовавшихся в делопроизводстве в сравнительно короткие интервалы времени, — от нескольких десятилетий до нескольких лет. Диаметр оттисков от одной и той же пары матриц мог различаться почти в два раза — от 18 до 32 мм. По существующим оценкам, такие моливдовулы должны были бы отстоять друг от друга на несколько столетий.

Значительно более показательным является изменение веса моливдовула, зависящего от количества свинца, залитого в форму при отливке заготовки: на протяжении второй половины XIV—начала XVI вв. вес печатей в среднем уменьшился в 2,5—3 раза. Таким образом, хронологическим показателем является не диаметр, а вес моливдовулов, и с течением времени происходило не увеличение, а напротив, уменьшение размера печати. Впрочем, постепенное уменьшение массивности свинцовых заготовок для печатей прослеживается и в сфрагистике других государств (Византия, Венеция, Ватикан), так что уменьшение веса печатей было в эпоху средневековья повсеместным явлением.

Изучение моливдовулов из псковского «архива» позволило установить сосуществование в делопроизводстве до трех стандартов заготовок (малые, средние и большие) на протяжении более полустолетия — с середины XV по начало XVI в. Наряду со стандартными заготовками использовались также заготовки индивидуальной отливки — особенно крупные и массивные. На таких заготовках оттиски матриц значительно отчетливее, а сами заготовки больше по размеру, чем диаметр матриц. Небольшие по размеру буллы, напротив, характеризуются небрежностью оттиска, а матрица зачастую значительно превышала размер заготовки и оттискивалась на ней неполностью. Это дает основание считать, что размер заготовки для моливдовула мог меняться в зависимости от важности документа. Почти полное отсутствие в сфрагистических материалах эпохи русского средневековья хрисовулов и сравнительно небольшое число аргировулов могло, таким образом, компенсироваться моливдовулами, оттиснутыми на заготовках индивидуальной отливки, отличающихся от норм своего времени по массивности в 2—4 раза. По-видимому, русские средневековые печати, имевшие особо крупные размеры, самим своим раз-

мером указывали на особое значение скрепленных этими печатями актов.

Судьба матриц актовой печати на Руси

В распоряжении исследователей имеется достаточно большое количество сохранившихся печатей-оттисков из металла, но практически совершенно отсутствуют матрицы, которыми эти печати оттискивались. В области сфрагистики воско-мастичной печати-матрицы известны, хотя, главным образом, для XVII—XVIII вв. и более позднего времени. Оттиски печатей на вощаной мастике, сохранившиеся при документах, представлены более или менее серийно, но матрицы, которыми оттискивались именно эти печати, неизвестны. Отсутствие матриц следует рассматривать в связи с давно обсуждаемой проблемой: хранились или же уничтожались на Руси матрицы печати после того, как владельцы печатей утрачивали право юрисдикции? Для эпохи средневековья решение проблемы затруднено отсутствием прямых свидетельств уничтожения печатей-матриц после смерти их владельца. Правда, при раскопках могильника Шестовицы близ Чернигова зафиксирован случай помещения печати-матрицы в могилу вместе с другими предметами, сопровождавшими умершего в загробный мир. Однако единичность находки не позволяет сделать вывод о широком распространении обычая.

С другой стороны, известно, что в ноябре 1605 г. Лжедмитрий I скрепил грамоту прикладной печатью, воспользовавшись при этом одной из матриц Большой Государственной печати Ивана IV, так что матрицы печати, утратившей юрисдикцию еще в 1584 г., сохранялись в Москве на протяжении двух десятилетий. Случай этот, однако, единственный, а сам факт хранения матриц Большой Государственной печати Ивана Грозного можно расценить в контексте сохранения матриц государственных печатей России более позднего времени (от конца XVII до начала XX вв.) в качестве реликвий.[1]

В связи с поставленной проблемой интересными представляются случаи так называемого *наследования матриц*, то есть повторного использования в делопроизводстве матриц от более древних печатей. Напомню, что подвесная двусторонняя печать оттискивалась двумя матрицами. Если наследование матрицы буллотирия осуществлялось не сразу же при смене печати, а только с течением времени, то гипотеза о длительном хранении матриц печати, утратившей юрисдикцию, получает документальное подтверждение. Но если при обновлении

---

[1] В настоящее время эти матрицы находятся в Государственном Историческом музее (Москва).

матриц буллотирия старые матрицы подлежали уничтожению, то наследование новым буллотирием одной из матриц от старого буллотирия было возможно только в том случае, когда новая печать непосредственно сменяла старую. Следовательно, использование для новой печати одной из матриц от старой печати было равносильно уничтожению матриц старой печати, поскольку комплект матриц буллотирия оказывался разрозненным. Анализ всех доступных проверке случаев наследования матриц, зафиксированных памятниками древнерусской сфрагистики, показывает, что в паре матриц новой печати всегда использовалась матрица от непосредственно предшествующей печати. Таким образом, можно полагать, что редкость матриц актовых печатей связана с существовавшим на Руси в эпоху средневековья правилом уничтожать матрицы печати после утраты этой печатью юрисдикции. И только с XVI (?) в. матрицы царских печатей стали сохраняться в качестве государственных реликвий.

Систематизация памятников древнерусской сфрагистики

При безусловном прокламативном характере печать является, прежде всего, скрепой письменного документа, так что основной функцией ее было свидетельствование достоверности информации, содержавшейся в тексте. Следовательно, печать, гарантировавшая подлинность документа, должна была однозначно читаться современниками: если булла скрепляла юридический документ, то по ней можно было определить полномочность держателя буллотирия; если же речь шла о переписке, то печать, прежде всего, подтверждала происхождение послания. Иными словами, изобразительные символы и их комбинации на печатях можно рассматривать как своего рода язык — знаковую систему, чтение которой не должно было составлять труда для посвященных лиц. За одними и теми же изобразительными символами на печатях должна была, таким образом, скрываться однородная информация, а сфрагистические регалии, оформленные путем комбинации одинаковых символов, не могли использоваться различными властными структурами.

Ключ к выявлению скрытой в древнерусских печатях информации был найден Н. П. Лихачевым. Сопоставив изображения на печатях, сохранившихся при документах, со сведениями о владельцах печатей, содержащимися в тексте этих документов, исследователь установил, что изображенные на печатях святые тезоимениты лицам, утверждавшим документы. Таким образом, Н. П. Лихачев пришел к важнейшему заключению: изображение святого на печати в скрытой форме обозначает крестильное имя.

Следующим шагом в исследовании русских средневековых печатей является выявление скрытых за печатями институтов власти средневе-

кового государства. Решение этой проблемы требует проведения предварительного источниковедческого исследования, включающего классификацию и систематизацию печатей. *Классификация* предполагает выявление элементов, использовавшихся при оформлении печати, установление иерархии этих символов и их смыслового значения. Задачей *систематизации* является выявление комбинаций известных элементов и проведение процедуры «чтения печати».

Изобразительные символы на древнерусских печатях и пломбах

Древнерусская сфрагистическая символика ограничена двенадцатью основными изобразительными символами: 1) изображение Христа; 2) изображение креста; 3) изображение Богоматери; 4) изображение композиции на тему церковного праздника; 5) изображение святого; 6) изображение парных святых; 7) изображение «эмблемы»; 8) изображение «правителя»; 9) изображение «розетки»; 10) буква кириллического алфавита; 11) группа точек; 12) «личина» (схематическое изображение человеческого лица). Кроме того, одна или обе стороны печати могли быть заняты надписью — *легендой*. И если легенда на печати в прямой речевой форме передает информацию, заложенную в сфрагистический тип, то изобразительные элементы передают информацию в скрытой форме.

Изображение Христа. Изображение Христа является на памятниках древнерусской сфрагистики символом самого высокого ранга. В древнерусской сфрагистике изображение Христа, которое помещалось на печатях князей XI—XIV в., носивших титул «великий», встречено на печатях новгородских посадников и тысяцких XIV—XV вв., на вечевой печати Новгорода XIII в. и на печати новгородского архиепископа XV в. Очевидно, что данный изобразительный символ не принадлежал какой-то одной группе лиц. Единственной общей чертой, присущей властным полномочиям перечисленных лиц, является суверенный характер власти. Иными словами, изображение Христа могло обозначать «власть от Бога», которой обладал владелец печати (держатель буллотирия).

Изображение креста. Можно было бы подумать, что изображение креста по своему значению адекватно изображению Христа. Однако этому противоречит факт использования данного символа не только суверенами. Крест изображен на печати князя Тимофея-Довмонта (†1299), сохранившейся при документе. Печати с изображениями креста и Богоматери сохранились при грамотах Новгорода XIV—XV вв. и, судя по месту прикрепления к акту, скрепляли документы от имени новгородского архиепископа. Аналогично оформленная печать скрепляла грамоту Пскова XIV в., составленную «от посадника Сидора... и от всех

пльсковиць». Изображение креста помещено на печати XV в. с легендой, указывающей на принадлежность буллы новгородскому архиепископу Евфимию. Еще на одной печати, датированной XIV в., изображение креста сопровождалось легендой «Печать владычня». Кроме того, изображение креста характерно для печатей, принадлежавших новгородским чиновникам XIV—XV вв., связанным с управлением в различных районах Новгородской земли (Ладога, Двина, Заонежье). Таким образом, изображение креста оказывается характерным для сфрагистических регалий лиц, располагавших принципиально различными полномочиями (князья, иерархи церкви, светские и епархиальные чиновники разного уровня). Вероятно, в древнерусской сфрагистике смысловое значение изображения креста соответствовало не только суверенной, но и автономной власти. Иными словами, изображение креста свидетельствовало о том, что держатель буллотирия обладал властными полномочиями, не требовавшими при принятии решений дополнительных консультаций с вышестоящими органами власти.

Изображение Богоматери на древнерусских печатях является признаком принадлежности владельца печати к числу лиц, связанных с церковью: на это указывают формулы легенд, размещенных на реверсе епископских и митрополичьих печатей Руси XI—XVII в. Очевидно, значение изображения Богоматери на древнерусских печатях сводится к указанию на то, что властные полномочия держателя буллотирия определялись его представительством от лица церкви.

Изображение композиции на тему церковного праздника может быть интерпретировано в качестве символа «святыни» — храма или монастыря соответствующего посвящения. Именно так можно объяснить присутствие композиции «Благовещение» на печати Благовещенского монастыря в Новгороде. Изображение Ветхозаветной Троицы является характернейшей особенностью печатей псковских наместников новгородского архиепископа и московского митрополита и символизирует на этих печатях Троицкий собор — главную святыню Пскова, неоднократно названного в летописи «Дом Святой Троицы».

Изображение святого, как это было установлено еще Н. П. Лихачевым, символизировало на древнерусских печатях крестильное имя лица, имеющего отношение к скрепленному печатью документу: именно изображения святых, тезоименитых владельцу, помещены на княжеских печатях XIII в., сохранившихся при документах. Однако изображение святого на печати могло также символизировать храм или монастырь: таковы, например, монастырские печати Новгорода, на которых изображение святого сопровождается легендой, содержащей формулу принадлежности печати святыне.

Изображение парных святых. Изображение на одной из сторон печати двух святых одновременно не может быть истолковано в качестве символического обозначения крестильного имени одного лица. В ка-

ких-то случаях подобного рода изобразительный прием мог быть использован при оформлении сфрагистической регалии, общей для двух владельцев (князья-дуумвиры?). Однако обращает на себя внимание преобладание среди подобных изображений так называемых парных святых — св. Бориса и Глеба, Козьмы и Дамиана, Петра и Павла и др. Единственно возможное истолкование данного символа — это передача сведений о храме или монастыре соответствующего посвящения (Борисоглебский, Козмодемьянский, Петропавловский и др.).

Изображение «эмблемы» является одним из древнейших в русской сфрагистике: княжеские знаки были изображены уже на печатях X—начала XI вв. Однако затем наступил полуторастолетний перерыв, и вновь изображения княжеских знаков появились на древнерусских печатях только в XII—XIII вв. В середине XIII в. княжеские знаки исчезают из обихода, но зато с этого времени на русских печатях появляются эмблемы индивидуальных типов — хищники, всадники, воины, птицы, фантастические животные и проч.; подобные изображения используются вплоть до XVII в. Очевидно, что печати с изображениями эмблем принадлежали лицам, обладавшим полномочиями в пределах той территории и/или той области права, на которые распространялась власть владельца эмблемы. Иными словами, изображение эмблемы можно рассматривать в качестве символа территориально и юридически ограниченного правового пространства.

Изображение «правителя» — символ, редко встречающийся в памятниках русской сфрагистики. Несмотря на условность и схематичность изображений, можно считать, что на печатях они были призваны символизировать непосредственно владельца печати.

Изображение «розетки». Это наименее представительный изобразительный символ: все известные в настоящее время печати с такими изображениями принадлежали одному и тому же владельцу — князю Изяславу Ярославичу (†1078). Считать розетку орнаментальной не приходится, поскольку изображение, помещенное на актовой печати, в принципе, не могло быть случайным. Решение проблемы кроется в костяном кружке из раскопок Саркела — Белой Вежи: кружок представлял собой печать-матрицу, на одной стороне которой было помещено изображение княжеского двузубца, а на другой — изображение розетки (рис. 6). Помещение на печати, принадлежавшей чиновнику, представлявшему в Белой Веже власть великого киевского князя, одновременно двух матриц, одна из которых предназначалась для оттиска княжеского двузубца, а другая — для оттиска розетки, свидетельствует о том, что розетка в X в. входила в число символов княжеской власти на Руси. Велик соблазн предположить, что это изображение, расцениваемое исследователями в качестве солярного символа, в дохристианский период истории Руси обозначало суверенный характер властных полномочий владельца печати; в таком случае изображе-

Рис. 6. Печать-матрица X в.

ние розетки следует признать синонимичным изображению Христа и стадиально предшествующим ему.

Буква кириллического алфавита. Группа точек. «Личина». Три последних изобразительных символа зафиксированы почти исключительно на пломбах. Значение этих символов пока не получило удовлетворительного объяснения, хотя в литературе высказывались различные предположения (единицы счета, единицы измерения времени, «правитель» и проч.).

Большинство изобразительных символов появляется на русских печатях в XI—XII в. и доживает до XV—XVI вв. Практически все символы получают однозначное смысловое значение. Исключение, казалось бы, составляют изображения святых, которые могут символизировать на печати не только крестильное имя человека, но также святыню. Однако оба варианта прочтения по своему информативному значению однородны, являясь именем собственным скрытого за изобразительным символом объекта.

Систематизация печатей. Сфрагистические разряды

Главной функцией печатей было свидетельствование правомочности совершенного юридического действия. Поэтому печать должна была нести одновременно и юридическую (сведения о полномочиях, которыми обладал владелец), и персонифицирующую (сведения о личности держателя буллотирия) информацию. Сопоставляя разновременные памятники сфрагистики между собой, необходимо сравнивать сравнимое: лицевые стороны должны сопоставляться с лицевыми, а оборотные — с оборотными. Несоблюдение этого правила чревато ошибками уже на стадии предварительной группировки булл, когда закладывается фундамент для выявления исторической информативности сфрагистических памятников.

За лицевую сторону буллы (*аверс*) следует принимать ту ее сторону, на которой помещены символы властных полномочий держателя буллотирия, а за оборотную сторону (*реверс*) — ту сторону, на которой помещены сведения о держателе буллотирия. Из двенадцати изобразительных элементов только четыре (изображения Христа, креста, Богоматери и «розетки») не могли нести персонифицирующей информации, так что эти изображения по-преимуществу помещались на аверсе печати.[2] Остальные элементы в разных сочетаниях оказываются носителями информации либо юридической, либо дополнительной (персонифицирующие символы и проч.). Сочетания изобразительных элементов, использованных при оформлении печатей и пломб, позволяют сгруппировать известные памятники древнерусской сфрагистики в 40 *разрядов*, объединенных в 11 *классов* (табл. 1).

Таблица 1

Класс/разряд	Печати	Пломбы	Класс/разряд	Печати	Пломбы
I/1. Христос — Богоматерь	+		IV/2. «Эмблема» — святой	+	+
I/2. Христос — святой	+		IV/3. «Эмблема» — легенда	+	+
I/3. Христос — «эмблема»	+		IV/4. «Эмблема» — буква		+
I/4. Христос — 2 святых	+		IV/5. Эмблема — группа точек		+
I/5. Христос — легенда	+		IV/6. Эмблема — «личина»		+
I/6. Христос — «правитель»	+		V/1. «Композиция» — святой	+	
II/1. Крест — Богоматерь	+		V/2. «Композиция» — легенда	+	
II/2. Крест — святой	+	+	VI/1. Святой — святой	+	+
II/3. Крест — «композиция»	+		VI/2. Святой — легенда	+	
II/4. Крест — 2 святых	+		VI/3. Святой — буква	+	+
II/5. Крест — легенда	+		VII/1. 2 святых — святой	+	
II/6. Крест — крест		+	VII/2. 2 святых — 2 святых	+	
II/7. Крест — эмблема		+	VII/3. 2 святых — легенда	+	
II/8. Крест — буква		+	VIII/1. «Правитель» — святой	+	
II/9. Крест — группа точек		+	VIII/2. «Правитель» — легенда	+	
II/10. Крест — «личина»		+	IX/1. «Розетка» — святой	+	
III/1. Богоматерь — святой	+		IX/2. «Розетка» — «правитель»	+	
III/2. Богоматерь — 2 святых	+		X/1. Легенда — легенда	+	
III/3. Богоматерь — легенда	+		XI/1. Буква — «личина»		+
IV/1. «Эмблема»— «эмблема»	+	+	XI/2. Буква — буква		+

Каждый из разрядов объединяет сходно оформленные сфрагистические типы, так что печати и пломбы, отнесенные к одному и тому же разряду, должны были восприниматься как одинаковые по своему правовому статусу. Исключение составляют разряды I/5, II/5, III/3, IV/3, V/2, VI/2 и VIII/2 — общим для них является наличие изобразительного символа только на одной из сторон, в то время как другую

[2] Исключения из этого правила требуют в каждом конкретном случае специального комментария.

сторону занимает текст (*легенда*). Легенды представлены также на некоторых буллах, несущих изобразительные символы на обеих сторонах, а разряд X/1 составляют печати *эпиграфического типа*, изобразительные символы на которых отсутствуют.

Систематизация односторонних печатей (как прикладных, так и подвесных) представляет известную трудность, поскольку информация и о владельце печати (институте власти), и о его правовом статусе концентрировалась на ограниченном пространстве одностороннего оттиска. Заметим, однако, что изобразительные символы, известные по оттискам односторонних печатей (изображения Христа, креста, Богоматери, святого, эмблемы, композиции, правителя, а также тексты легенд), соответствуют изобразительным символам двусторонних печатей. Исключением являются многочисленные оттиски перстневых печаток, вставкой в оправу которых являлись позднеантичные геммы: очевиден случайный характер изображений на таких печатках.

Легенды

Основное назначение легенды — передача в речевой форме информации о принадлежности регалии и/или полномочиях держателя буллотирия. Несмотря на значительное разнообразие легенд на древнерусских печатях, подавляющее большинство их представляет собой стереотипные формулы *благопожелания*, *указания* или *принадлежности.*

Формулы благопожелания. Легенды, содержащие эту формулу, могли быть написаны по-гречески и по-русски. Тексты стандартны: «Господи, помози рабу своему...», «Спаси, Господи, раба своего...», «Воззри на меня...» и различаются только именами, включенными в легенду, а также наличием или отсутствием указания на статус владельца печати (титулы князей, церковных иерархов и высокопоставленных чиновников).

Формулы указания содержат имя либо имя и титул владельца печати; известны печати, легенда на которых содержит указание на святыню или властную структуру.

Формулы принадлежности наиболее разнообразны. Они обычно включают слово «печать» и содержат имя, имя и титул или же только титул владельца печати. Среди владельцев печатей известны князья и великие князья, великокняжеские тиуны, митрополиты, архиепископы, епископы и игумены, новгородские посадники и тысяцкие, сотский, новгородские тиуны и старосты, владычные и региональные наместники и др. Известны также печати с формулой принадлежности городу, городскому концу, «святыне». Отметим наличие на ряде печатей формулы двойной принадлежности. В некоторых легендах слово «печать» отсутствует.

Легенды индивидуальных типов. Наряду со стереотипными, на средневековых русских печатях встречаются иногда легенды индивидуальных типов: круговая надпись «Все сѧ минетъ» на аверсе печати великого князя Дмитрия Ивановича (Донского); надпись «Дьнѣслово» на реверсе большой группы домонгольских печатей; легенда, содержащая информацию летописного характера, и легенды, содержащие даты. Каждая из легенд индивидуального типа уникальна и требует особого комментария.

Дешифровка сфрагистического типа: «чтение» печати

При наличии на печати легенды персонификация и атрибуция буллы во многих случаях упрощаются. Но для печатей, лишенных легенды, дешифровка информации, заложенной в сфрагистический тип, представляет определенную трудность. Для того чтобы установить, кому именно могла принадлежать печать, утратившая связь с документом, следует установить, какой из изобразительных элементов, составляющих сфрагистический тип, является символом властных полномочий держателя буллотирия, а какой указывает на личность держателя буллотирия. Иными словами, требуется определить порядок и процедуру *чтения печати*. Но предварительно надо определить место печати среди известного сфрагистического материала, установить хронологию использования печати в делопроизводстве, выявить географию распространения печатей данного типа и разряда. И только после этого возможно прочтение печати, то есть *выявление возможных вариантов истолкования того сочетания элементов, которое было использовано при оформлении сфрагистического типа, и выбор среди этих вариантов наиболее вероятного*.

Начало русской сфрагистики (X—начало XI в.)

Начало русской сфрагистики восходит к первым страницам истории Российского государства. В Повести временных лет под 944 г. помещен текст договора Руси с греками, и в этом договоре особо оговаривается обязательное предъявление русскими послами и купцами, прибывающими в Константинополь, письменных документов, подтверждающих официальный характер миссии: «Раньше носили послы золотые печати, а купцы серебряные, ныне же ваш князь повелел посылать грамоты к нам, царям..., чтобы из этих грамот мы узнали, что пришли они с мирными целями». А в тексте договора Руси с греками, заключенном в 971 г., специально подчеркивается: «Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали на пергамене этом, и скрепили своими печатями». Таким образом, процедура составления

письменного документа, утвержденного печатью, вводится на Руси в самом конце правления великого князя Игоря Рюриковича (†945) и безусловно существует в период правления его сына, Святослава Игоревича (†972).

Сведения летописи о появлении на Руси письменного документа, утвержденного печатью в середине—третьей четверти X в., подтверждаются подлинными сфрагистическими находками. В 1912 г. при археологических раскопках церкви Богородицы Десятинной в Киеве была найдена свинцовая печать, на обеих сторонах которой помещены изображения княжеского знака в форме простого двузубца, окруженного фрагментарно сохранившейся греческой надписью «(Свенто)стла(вос)» (рис. 7,*1*). Печать, несомненно принадлежавшая Святославу Игоревичу, подтверждает летописные сведения о том, что в середине X в. на Руси уже существовало делопроизводство византийского образца.

При общем сходстве делопроизводства Руси X в. с делопроизводством Византии того же времени печати оформлялись по-разному: тогда как для византийских печатей X в. характерными являются изображения христианских символов, на печати Святослава помещены изображения двузубца — родового символа Рюриковичей. Этот принцип оформления печати находит аналогию в так называемых *геральдических подвесках* — небольших предметах трапециевидной формы, изготовленных из серебра, меди или кости и несущих на одной или на обеих сторонах изображения княжеских знаков (*Белецкий, 2000*). Подвески представляют собой верительные знаки княжеских чиновников; серебряные подвески являются, вероятнее всего, теми самыми купеческими «печатями», которые упомянуты в договоре 944 г. Использование геральдических подвесок на Руси восходит к скандинавской традиции употребления в дипломатических отношениях верительных знаков (*jartegnir*).

Отмеченный для буллы Святослава принцип оформления княжеской печати сохранялся на Руси и при преемниках Святослава. Об этом свидетельствует уникальный моливдовул, найденный при археологических раскопках в Новгороде (рис. 7,*2*): на одной стороне его помещено изображение княжеского трезубца, окруженного надписью «Изаслаосо»; на другой стороне изображение как будто бы отсутствовало, и имелась только круговая (к сожалению, нечитаемая) надпись. Печать принадлежала сыну великого князя Владимира Святославича Изяславу (†1001). Правда, моливдовул оттиснут не на обычной заготовке, а на массивном свинцовом бруске со щелевидным каналом, через который был пропущен кожаный ремешок. Возможно, эта уникальная печать являлась *sigillum citationis*, *«позовницей»* (печатью вызова в суд) или же своеобразно оформленной геральдической подвеской. Однако при оттискивании печати Изяслава был использован обычный буллотирий.

Рис. 7. Печати X—начала XII вв.: 1 — печать великого князя Святослава Игоревича (†972 г.); 2 — печать князя Изяслава Владимировича (†1001 г.); 3 — печать великого князя Ярослава Владимировича Мудрого (†1054 г.); 4, 6 — печати князя Изяслава Ярославича (†1078 г.); 5 — печать великого князя Святополка Ярополчича († после 1019 г.); 7, 9 — печати князя Святослава Ярославича (†1076 г.); 8 — печать протопроедра Евстафия (конец XI—начало XII вв.); 10 — печать великого князя Владимира Всеволодича Мономаха (†1125 г.); 11 — печать князя Вячеслава Ярославича (†1057 г.)

От периода правления Владимира Святого подвесные металлические печати-оттиски пока не известны. Однако до нас дошла печать-матрица для оттискивания по воско-мастичной основе, найденная при раскопках кургана конца X в. в могильнике Шестовицы близ Чернигова. Захоронение было совершено по дружинному обряду, что указывает на высокий социальный статус погребенного. На щитке печати вырезано погрудное изображение Христа (рис. 5, *1*). На Руси в эпоху правления Владимира Святого, безусловно, знали, что изобразительным символом императорской власти в Византии являлось изображение Христа, помещавшееся на императорских печатях и на монетах. Изображение Христа было помещено и на древнейших русских монетах — златниках и сребрениках Владимира, оформленных по образцу византийских солидов и милиариссиев (*Сотникова, 1995*). Таким образом, изображение Христа уже в конце X в. должно было восприниматься на Руси как символ «власти от Бога».

Сфрагистика домонгольской Руси

Среди домонгольских печатей древней Руси выделяются три стилистически компактные группы — *печати греко-русского типа, печати с русской легендой, печати с формулой «Дьн҃слово»*. Кроме того, в домонгольское время существуют сфрагистические разряды, остающиеся за пределами перечисленных групп.

Печати греко-русского типа

Печати греко-русского типа — это буллы, на аверсе у которых помещены изображения Богоматери или святого, а на реверсе размещены написанные по-гречески легенды. Преобладают формулы благопожелания, однако имеются также формулы указания и формулы принадлежности. Подобные печати были широко распространены в Византии.

Светские печати. Дошедшие до нас греко-русские светские печати относятся к разряду VI/2. Известны печати князей и княгинь, а также редчайшие буллы высокопоставленных светских чиновников. В легенду на княжеской печати, кроме имени владельца, могло быть включено указание на статус держателя буллотирия. Таковы, например, печать Владимира-Василия Мономаха (†1125) с легендой «Печать Василия, благороднейшего архонта России, Мономаха» (рис. 7, *10*); печать князя Давида Игоревича (†1112) с легендой «Господи, помози Давиду, архонту России», печать князя Мстислава-Андрея Всеволодича (†1113) с легендой «Мстислав, великий архонт России» и др. Однако чаще формула легенды содержала только имя владельца печати. Это могло быть

двойное (крестильное и мирское) имя, как на печати князя Вячеслава-Меркурия Ярославича (†1057) с легендой «Господи, помози рабу своему Меркурию-Вентеславу» (рис. 7,*11*), но чаще — только крестильное имя: печати с легендами «Господи, помози рабу своему Василию», «Господи, помози рабу своему Михаилу» и проч.

Греко-русские печати должностных лиц оформлены аналогично княжеским печатям: на аверсе также помещены изображения святых, а на реверсе размещена греческая легенда. Тем не менее, между печатями суверенов и их уполномоченных лиц имеется важное отличие: в то время как на печатях князей помещены святые, тезоименитые владельцу буллы, на печатях чиновников изображены святые, тезоименитые не самому владельцу печати, а его сюзерену. Таковы печать с изображением на аверсе архангела Михаила и легендой «Господи, помози рабу своему Евстафию», а также печать с изображением на аверсе архангела и легендой «Господи, помози рабу своему Андрею»: в первом случае Евстафий являлся представителем своего сюзерена, носившего в крещении имя Михаил, а во втором Андрей выступал от имени сюзерена, носившего крестильное имя Михаил или Гавриил.

Наиболее известными среди печатей должностных лиц являются буллы с изображением на аверсе св. Федора и легендой «Воззри на меня, протопроедра Евстафия». К настоящему времени зафиксировано 36 печатей протопроедра Евстафия, оттиснутые двумя парами матриц (рис. 7,*8*). География распространения находок необычайно широка: печати протопроедра найдены в Киеве, Белгороде, Витичеве, Новгороде, Белоозере, Ладоге, Пскове, Волковыйске. При этом большинство булл (22 экз.) скрепляли документы, осевшие «на вечное хранение» в новгородском архиве. Это указывает на активную роль Евстафия в политической жизни Руси и свидетельствует о широчайших полномочиях протопроедра в пределах всего Киевского государства: подобными полномочиями мог быть наделен глава боярского совета при князе, носившем крестильное имя Федор. Во второй половине XI—начале XII вв. единственным русским князем, носившим это крестильное имя, был старший сын Владимира Мономаха Мстислав-Федор Владимирович (†1132) — его и следует признать сюзереном протопроедра Евстафия. [3]

---

[3] Чрезвычайные полномочия, которыми обладал Евстафий, объясняются особенностями биографии Мстислава Владимировича (будущего великого киевского князя): в 1088 г. двенадцатилетний княжич был посажен на новгородский княжеский стол, причем его положение не было прочным — через пять с небольшим лет, в начале 1094 г., Мстислав был, по распоряжению великого киевского князя Святополка Изяславича, заменен на новгородском княжении двоюродным дядей, Давидом Святославичем, и возвратил новгородский стол только в 1096 г. В подобной ситуации существование в 1088—1094 гг. при юном новгородском князе боярского совета, главой которого был протопроедр Евстафий, представляется весьма вероятным.

Печати иерархов церкви. Иерархи русской православной церкви пользовались греко-русскими печатями, относящимися к разрядам III/3 и VI/2, только одна булла принадлежит к разряду X/1. Особенностью печатей, принадлежавших представителям церкви, является обязательное включение в формулу легенды сведений о статусе владельца. От XI—XIII вв. до нас дошла представительная серия печатей киевских митрополитов. В большинстве случаев легенда на реверсе печатей содержит формулу благопожелания, а на аверсах помещено изображение Богоматери (рис. 8,*3—6*). Исключениями являются печать эпиграфического типа, принадлежавшая митрополиту Никифору II (1182—1198 гг.), а также печати, принадлежавшие митрополитам Георгию (1068—1073 гг.), Феопемпту (1037—1043 гг.) и Ефрему (1054—1068 гг.). На аверсе у печати митрополита Георгия помещено изображение тезоименитого владыке святого (рис. 8,*2*), аверсы у печатей митрополитов Феопемпта (рис. 8,*1*) и Ефрема заняты изображениями святых, нетезоименитых владельцам печатей. Помещение на печати митрополита Ефрема изображения архангела Михаила объясняется тем, что киевский владыка выступал в своей деятельности представителем патриарха Михаила Кирулария (1043—1058 гг.), рукополагавшим Ефрема в сан. Это же объяснение можно было бы адресовать и печати митрополита Феопемпта, поскольку на ней изображен св. Иоанн Предтеча, изображение которого помещено также на печати патриарха Алексея Студита (1025—1043 гг.), рукополагавшего киевского святителя в сан. Однако сравнительно недавно петербургский историк А. Е. Мусин связал изображение св. Иоанна Предтечи на этих печатях с вероятной принадлежностью обоих иерархов к Студийскому братству, поскольку Студийский монастырь находился под патронатом св. Иоанна Предтечи; эта гипотеза представляется весьма правдоподобной.

Кроме печатей киевских митрополитов до нас дошла серия греко-русских печатей, принадлежавших владыкам, которые занимали святительские кафедры в Новгороде, Смоленске, Полоцке, Галиче, Ростове и Тмутаракани. По своему оформлению епископские печати повторяют сфрагистические типы киевских митрополитов: аверс в подавляющем большинстве случаев занят изображением Богоматери, а на реверсе, как правило, помещена благопожелательная формула с указанием имени и статуса владельца печати (рис. 8, *7—11*). Имеются, впрочем, и исключения: на реверсе печати смоленского епископа Мануила (1137—1167 гг.) вместо благопожелательной формулы помещена формула указания, а на реверсе печати полоцкого епископа Дионисия (†1183) — формула принадлежности; на аверсе печати архиепископа Митрофана помещено изображение святителя в крещатых ризах, а в легенде отсутствует указание на местоположение святительской кафедры; в легендах на большинстве греко-русских печатей, принадлежавших новгородским епископам, отсутствует имя владыки.

Рис. 8. Печати XI—XIII вв.: 1 — печать митрополита киевского Феопемпта (1037—1043 гг.); 2 — печать митрополита киевского Георгия (1068—1073 гг.); 3 — печать митрополита киевского Михаила (1131—1147 гг.); 4 — печать митрополита киевского Иоанна IV (1164—1166 гг.); 5 — печать митрополита киевского Кирилла I (1225—1233 гг.); 6 — печать митрополита киевского Иоанна III (1090—1091 гг.); 7 — печать епископа новгородского Нифонта (1131—1156 гг.); 8 — печать архиепископа ростовского Леонтия (1165—1183 гг.); 9 — анонимная печать епископа новгородского (XII в.); 10 — печать епископа тмутараканского Григория (конец XII в.); 11 — печать епископа полоцкого Дионисия († 1183 г.); 12 — печать великого князя Владимира Всеволодича Мономаха († 1125 г.); 13 — печать боярина Ратибора (конец XI—начало XII вв.); 14 — печать княгини (княжны ?) Марии (начало XII в.); 15 — печать великого князя Мстислава Владимировича († 1132 г.); 16 — печать князя Аведа-Дмитрия (конец 1120-х—1130-е гг.)

Печати с кириллической легендой приходят на смену печатям греко-русского типа как в светской, так и в церковной сфрагистике. Однако происходит это не одновременно: в светской сфрагистике — на рубеже XI—XII вв., а в сфрагистике церковной — в XII и даже в XIII в.

Светские печати. Известны печати князей, княгинь и высокопоставленных светских чиновников. Большинство печатей относится к разряду VI/2. В легенду на реверсе княжеских печатей могло включаться указание на статус держателя буллотирия, как это зафиксировано на печати Владимира-Василия Мономаха (рис. 8, *12*), — «Г(оспод)и, помози рабу своєму Василь(ю), князоу русьского». Но чаще формула легенды содержит указание только на крестильное имя владельца печати: «Г(оспод)и, помози рабу своєму Василью», «Г(оспод)и, помози рабу своєму Ⱄеѡдору, ам(їнь)» и др. (рис. 8, *15*). Исключение составляет печать с легендой «Г(оспод)и, по(м)ози рабѣ своеи Мари(и)» на реверсе: на аверсе буллы помещено поясное изображение женщины в царских регалиях, сопровождающееся надписью «Мари(ѧ)» (рис. 8, *14*), так что булла должна быть отнесена к разряду VIII/2.

Список имен, содержащихся в текстах легенд, достаточно представителен: Борис, Василий, Давид, Даниил, Дмитрий, Иаков, Иоанн, Кирилл, Константин, Мария, Михаил, Павел, Петр, Феодор. Возможно, печати с изображением св. Василия Кесарийского и именем Василий в легенде принадлежали Владимиру Мономаху, а печати с изображением св. Федора и именем Федор в легенде — старшему сыну Мономаха, Мстиславу-Федору Владимировичу († 1132). Однако большинство русских князей конца XI—первой трети XII в. известны нам только по их мирским именам, так что персонификация булл затруднена.

Печати должностных лиц с кириллическими легендами на реверсе, как и печати должностных лиц с легендами греческими, крайне редки и также принадлежат к разряду VI/2. На аверсе печати князя Аведа-Дмитрия, псковского наместника новгородского князя Всеволода-Гавриила Мстиславича († 1138), помещено изображение архангела Гавриила, а реверс занят легендой «Ѧв(е)д(о)ва п(е)ч(а)ть», вырезанной на матрице без учета на оттиск (рис. 8, *16*). Аналогично печати Аведа оформлены печати с изображением святого воина (св. Дмитрия Солунского) и легендами «(С)вѧ(то)сла(вл)ѧ» («(С)вѧ(то)сла(вл)ѧ печ(а)ть»), принадлежавшие Святославу, доверенному лицу одного из князей Дмитриев XII—начала XIII в., а также печать с изображением св. Николая Мирликийского и легендой «Твердислав ѧ печ(а)т(ь)». Группа печатей с легендой «Ѿ Ратибора» («Ѡт Ратибора») на реверсе (рис. 8, *13*) принадлежала Ратибору — тмутараканскому посаднику, киевскому тысяцкому, ближнему боярину князя Всеволода Ярославича и его сына, Владимира Мономаха. Изображение на аверсе св. Кирилла Иерусалим-

ского принято считать патрональным Ратибору, а сами печати, вероятнее всего, были предназначены для переписки: на это указывает уникальное построение формулы легенды — «От такого-то».

Печати иерархов церкви. Печати киевских митрополитов с кириллическими легендами пока неизвестны, а единственная представительная серия епископских печатей разряда III/3 принадлежит новгородским святителям. В настоящее время известны печати, принадлежавшие епископу (позднее — архиепископу) Илье-Иоанну (1163—1186 гг.), епископу Мартирию (1193—1199 гг.), архиепископам Митрофану (1200—1210, 1220—1223 гг.), Антонию (1210—1220, 1226—1228, 1229 гг.) и Спиридону (1229—1249 гг.). На аверсах большинства печатей помещено изображение Богоматери, а на реверсах — формула указания, содержащая имя и титул владыки (рис. 9, *1*—*4*). Исключение составляет одна из печатей архиепископа Спиридона (рис. 9, *7*), на реверсе которой, кроме легенды, помещено также изображение святителя (св. Спиридона ?); эта булла должна быть отнесена к разряду III/1.

Кроме новгородских владык печати с кириллическими легендами на реверсе использовали и иерархи, находившиеся на других кафедрах, однако такие печати единичны. Пока известна всего одна печать, принадлежавшая смоленскому епископу Лазарю (рис. 9, *5*), занимавшему кафедру в начале XIII в.: на аверсе помещено изображение Богоматери, на реверсе — стереотипная формула указания. Сам факт исключительной редкости печатей разряда III/3, принадлежавших святителям русской православной церкви XII—XIII вв., дает основание для важного вывода: иерархи церкви пользовались не только печатями разряда III/3, но и иными печатями, на которых принадлежность буллы не была обозначена так явно, как на печатях, несущих на реверсе легенду. Судя по печати новгородского архиепископа Спиридона, речь должна идти о буллах разряда III/1 (рис. 9, *6*, *8*—*11*). К сожалению, дошедшие до нас списки русских епископов XII—XIII вв. отличаются крайней неполнотой, поэтому большинство известных печатей данного разряда пока персонифицировать не удается.

Печати с формулой «Дьнѣслово»

Среди печатей с кириллической легендой на реверсе выделяется группа печатей (рис. 9, *12*—*14*), включающая буллы разрядов III/3 и VI/2: их объединяет общая легенда — «Дьнѣслово» или «дѣнѣслово». Печати датируются концом XI—первой половиной XII вв., а география их распространения охватывает всю территорию Руси — от Киева до Ладоги и от Дрогичина до Ярополча.

Главной загадкой печатей является формула легенды. Н. П. Лихачев первым разделил легенду на два слова — «Дьнѣ» и «слово». Пред-

Рис. 9. Печати XI—XIII вв.: 1 — печать епископа новгородского Илии (1163—1186 гг.); 2 — печать епископа новгородского Мартирия (1193—1199 гг.); 3 — печать архиепископа новгородского Митрофана (1200—1210, 1220—1223 гг.); 4, 7 — печать архиепископа новгородского Спиридона (1229—1249 гг.); 5 — печать епископа смоленского Лазоря (начало XIII в.); 6, 8—11 — печати разряда III/1; 12—14 — печати с формулой «Дьн ѣслово»

ложив читать текст «(Въ) дьнѣ слово», то есть — «Слово внутри», исследователь полагал, что смысл надписи сводится к приглашению прочитать скрепленный печатью документ (аналогично легенде на анонимных византийских печатях — «Чьей печатью я являюсь узнаешь, взглянув на написанное»). Развивая идею Н. П. Лихачева, Б. А. Рыбаков полагал, что печати с формулой «Дьнѣслово» являлись атрибутами тайной переписки, и переводил текст формулы как «Скрытое (сокровенное) слово».

Принципиально иную гипотезу о расшифровке надписи на печатях выдвинул украинский филолог В. В. Нимчук. Исследователь предложил рассматривать первую часть формулы в качестве отглагольного существительного дѣнѣ (речь, сообщение), а вторую часть считал притяжательным прилагательным среднего рода, именительного падежа, единственного числа — сълово, производного от существительного *сълъ — посол, посланец, доверенное лицо, вестник*. В целом надпись переведена В. В. Нимчуком как «речь посла». Эта версия представляется наиболее перспективной: документы, скрепленные печатями «дьнѣслово» (дѣнѣслово), очевидно, содержали сведения о полномочиях посла, то есть являлись посольскими верительными грамотами. Существование института верительных грамот в делопроизводстве иерархов церкви зафиксировано находкой печати с изображением на аверсе Богоматери (рис. 9,*14*), но, в основном, суверенами, направлявшими посольства, были князья. Список имен, скрытых за изображениями святых, достаточно обширен — Василий, Георгий, Дмитрий, Давид, Иоанн, Ирина, Мина, Михаил, Серафим, Федор. Затрудняясь пока персонифицировать большинство лиц, направлявших посольства, отметим, что наиболее представительная группа печатей «дьнѣслово» объединяет изображение на аверсе св. Федора (рис. 9,*12*), и эти печати, вероятнее всего, связаны с деятельностью великого князя Мстислава-Федора Владимировича (Великого).

* * *

Кроме рассмотренных печатей в домонгольское время на Руси появляются сфрагистические разряды, остающиеся вне перечисленных групп. Большинство из этих разрядов составляют единичные буллы, и только разряды I/2, II/1, II/2, III/1, IV/2, VI/1, VIII/1 и IX/1—2 представлены серийными памятниками.

Печати с изображениями «правителя» и святого (разряд VIII/1)

В литературе печати разряда VIII/1 иногда обозначают как печати «архаического типа», объединяя их в одну группу с уже упоминавши-

мися печатями Святослава Игоревича и Изяслава Владимировича. Известны буллы разряда VIII/1, принадлежавшие князьям Ярославу Владимировичу (†1054) и Святополку Ярополчичу († ок. 1019) — сыну и усыновленному племяннику Владимира Святого. Обе буллы относятся к разряду VIII/1 (рис. 7,*3,5*): на аверсе помещено изображение самого князя, а на реверсе — изображение святого, тезоименитого владельцу печати (св. Георгий на печати Ярослава и св. Петр на печати Святополка). Отметим, что на аверсе печати Ярослава рядом с изображением князя имеется сопроводительная кириллическая надпись «Гарославъ кънѧзь роусскыи», а сам князь изображен в остроконечном шлеме, причем изображение выполнено в традициях скандинавского мужского «портрета». Святополк Ярополчич, напротив, изображен на печати в церемониальных одеждах византийского императора и в нимбе. Подобным же образом в нимбе и императорском одеянии Святополк изображался на монетах, и точно так же изображался на монетах сам Владимир Святой (*Сотникова, 1995*).

К тому же разряду VIII/1 относятся и печати, атрибутированные сыну Ярослава Мудрого, Святославу (†1076): на реверсе помещено изображение патронального князю св. Николая Мирликийского, а на аверсе — изображение самого князя в рост с крестом в руке. Печати Святослава Ярославича известны уже в нескольких экземплярах от разных пар матриц (рис. 7,*7,9*); на некоторых из них изображение на аверсе сопровождается надписью «Свя[тослав]» или «С[вя]тос[лав]». Отметим, что в делопроизводстве князя использовались заготовки для печатей различного размера — от сравнительно небольших до крупных и массивных, причем размер заготовки не был связан с диаметром матриц печати.

Печати с изображением «розетки» (разряды IX/1—2).

Все известные печати с изображением «розетки» атрибутированы сыну Ярослава Мудрого — Изяславу-Дмитрию Ярославичу (†1078). Буллы разнотипны: в одном случае (разряд IX/2) на реверсе помещено изображение «правителя» в регалиях, с мечом и щитом, окруженное плохо читаемой греческой надписью «Димитрий» (рис. 7,*4*); в другом случае (разряд IX/1) на реверсе помещено погрудное изображение св. Дмитрия Солунского, патронального Изяславу (рис. 7,*6*). И те, и другие печати по способу передачи сведений о владельце соответствуют прочим печатям архаической традиции, отличие же заключается в том, что на аверсах всех печатей Изяслава помещены изображения розетки. Таким образом, печати Изяслава Ярославича являются, наряду с печатями Святослава Игоревича и Изяслава Владимировича, одними из наиболее архаичных булл древней Руси, восходящими в своем оформлении к дохристианской структуре власти в государстве.

Печати с изображениями святых на обеих сторонах (разряд VI/1)

Это — самый представительный сфрагистический разряд домонгольской Руси: в настоящее время известно более 600 булл, оттиснутых 180 парами матриц (рис. 10,*1—10*). География распространения находок охватывает всю территорию древнерусского государства — от Белоозера и Ладоги на севере до Крыма на юге и от Владимира Волынского на западе до Поволжья на востоке. Печати с изображением святых на обеих сторонах связаны с деятельностью русских князей XII—XIII вв.: принципиальная атрибуция разряда была установлена Н. П. Лихачевым, и он же убедительно показал, что изображения святых на печатях передают крестильные имена владельца печати и его отца. Процедура установления владельцев печатей разряда VI/1 справедливо уподобляется раскладыванию пасьянса, когда необходимо учитывать многие факторы: известные по письменным источникам крестильные имена князей и их отцов, количество найденных оттисков от одних и тех же пар матриц, географию находок печатей, технические и стилистические особенности булл и проч. Однако предлагавшиеся в литературе опыты персонификации для большинства известных печатей разряда VI/1 пока остаются гипотетичными.

Нетрудно заметить, что печати с изображениями святых на обеих сторонах лишены юридического аверса: принимая за лицевую сторону буллы ту ее сторону, на которой помещено изображение святого, тезоименитого владельцу печати, мы тем самым лишь определяем начало подписи («имя»), окончание которой («отчество») перенесено на оборотную сторону. Такое оформление буллы является свидетельством неофициального характера печатей. Следовательно, печати разряда VI/1 не принадлежали к числу регалий власти, а являлись личными печатями князей, предназначенными, в первую очередь, для междукняжеской переписки, следы которой дошли до нас в виде скрытых цитат, включенных в погодные статьи летописи.

Печати с изображением на аверсе креста (разряды II/1—2),

Большинство печатей XII—XIII вв. с изображением креста несут на реверсе изображение святого (разряд II/2). Как установил еще Н. П. Лихачев, эти печати, как и печати разряда VI/1, принадлежали русским князьям (рис. 10,*11—15*). Список имен, скрытых за изображениями святых, достаточно широк: Федор, Симеон, Борис, Глеб, Захария, Константин, Прокопий, Давид, Иоанн, Михаил. Кроме того, из-за плохой сохранности ряда печатей установить, какой именно святой изображен на реверсе, не удается.

К XII—XIII вв. относится также появление первых печатей разряда II/1, на реверсе у которых помещено изображение Богоматери

Рис. 10. Печати XI—XIII вв.: 1—10 — разряд VI/1; 11—15 — разряд II/2; 16 — разряд II/1; 17 — разряд I/2; 18 — разряд I/1.

(рис. 10,*16*). Буллы с изображением креста и Богоматери употреблялись в делопроизводстве новгородского архиепископа, связанном с теми его полномочиями, которыми владыка обладал в качестве высшего должностного лица в новгородском правительстве. В XII—XIII вв. подобной печатью скреплялись единичные документы, и только с рубежа XIII—XIV вв. печати разряда II/1 становятся одним из самых массовых сфрагистических разрядов Новгорода Великого.

Печати с изображением на аверсе Христа (разряды I/1—2)

Из пяти сфрагистических разрядов, общим для которых является изображение Христа на аверсе печати, в домонгольское время появляются три, причем два из них (разряды 1 и 4) представлены единственными буллами.

Печати с изображением Христа и святого (разряд I/2), как установил еще Н. П. Лихачев, принадлежали князьям. Древнейшая из известных в настоящее время печатей этого разряда — булла, принадлежавшая князю Святославу Ярославичу (†1076): на аверсе помещено изображение сидящего на троне Христа Пантократора в крещатом нимбе и с кодексом в левой руке, а на реверсе — изображение св. Николая Мирликийского (рис. 10,*17*). Хотя сопроводительных надписей, указывающих на владельца печати, на булле нет, принадлежность печати Святославу Ярославичу устанавливается благодаря исключительной близости изображения Св. Николая на этой и других печатях, принадлежавших князю (ср.: рис. 7,*9*). В домонгольскую эпоху печати разряда I/2 употреблялись, по-видимому, достаточно редко: большинство известных булл относится к более позднему времени.

Печать разряда I/1 (рис. 10,*18*), стилистически может быть датирована XII в. Читается она легко — это регалия суверенного (изображение Христа) деятеля церкви (изображение Богоматери). Теоретически им мог быть митрополит киевский. Однако уникальность буллы определенно указывает на то, что подобный тип печати не принадлежал к числу стандартных сфрагистических регалий высших иерархов русской православной церкви, а печать всем своим оформлением недвусмысленно повторяет тип великокняжеской печати. Именно это обстоятельство делает соблазнительной попытку увидеть в появлении данной печати результат одной из великокняжеских попыток поставить во главе русской церкви вместо митрополита-грека иерарха, избранного собором русских епископов: им мог быть, например, ставленник Изяслава Мстиславича митрополит Климент (Клим Смолятич), чье избрание на соборе русских епископов в 1147 г. положило начало семнадцатилетней смуте на русской митрополичьей кафедре.

Печати разряда IV/2 (рис. 11,*1,2,4,5*) — последний из сфрагистических разрядов домонгольской Руси, представленный серийными находками. На протяжении длительного времени печати с изображением княжеского знака и святого расценивались историками как сфрагистические регалии русских князей. Только после исследований В. Л. Янина стало очевидно, что печати принадлежали не князьям, а чиновникам княжеского аппарата, облеченным властными полномочиями, предоставленными им князем (аверс), и несшим персональную ответственность (реверс) за совершенные юридические действия.

География распространения печатей разряда IV/2 охватывает всю территорию Руси: большинство находок происходит из Новгорода и Новгородской земли; одна булла найдена в Киеве, еще одна — в Вышгороде под Киевом; три печати происходят из Белоозера и три — из Городца на Волге (крупных городов Владимиро-Суздальской земли, традиционно являвшихся объектами интересов Новгорода); по одной печати найдено в Смоленске и Старой Рязани, являвшихся стольными городами своих земель; одна булла происходит с территории Туровского княжества; еще одна печать найдена в Дубне, являвшейся в XII—начале XIII вв. таможенным пунктом на границе между новгородскими и владимиро-суздальскими землями. Очевидно, что юрисдикция лиц, пользовавшихся печатями разряда IV/2, распространялась, прежде всего, на Новгород и Новгородскую землю, но была также ориентирована на внешнеполитические связи Новгорода, причем значительное число документов, скрепленных печатями разряда IV/2, попадало «на вечное хранение» в городищенский архив. Широта полномочий, которыми располагали владельцы печатей, свидетельствует, что эти лица занимали ведущее место в структуре управления Новгородом. Такими фигурами в правительственных структурах Новгорода XII—XIII вв. являлись посадники, с деятельностью которых и следует связывать печати разряда IV/2.

Разряд IV/3 представлен двумя печатями, одна из которых происходит из Новгорода (рис. 11,*6*), а другая — из Дрогичина (рис. 11,*3*). Кириллическая легенда на реверсе новгородской печати содержит имя владельца печати — Гєѡрьги. На реверсе дрогичинской буллы легенда сохранилась только частично, однако в ней угадывается слово Sig(illum) — «*Печать*». В обоих случаях княжеские знаки, помещенные на аверсах печатей, являются лично-родовыми знаками князей Рюриковичей, так что обе печати принадлежали уполномоченным лицам, представлявшим интересы русских князей. Латиноязычная формула легенды на дрогичинской печати легко объясняется географическим положением Дрогичина — древнерусского города, занимавшего ключевые позиции на русско-польском пограничье.

Рис. 11. Печати XII—XIII вв.: 1, 2, 4, 5 — разряд IV/2; 3, 6 — разряд IV/3; 7, 9—11 — разряд V/1; 8 — разряд V/2; 12 — разряд VII/3; 13 — разряд VII/2; 14, 18, 19 — разряд VII/1; 15 — разряд I/4; 16 — разряд III/2; 17 — разряд II/4; 20 — разряд II/3

Среди печатей с кириллическими благопожелательными надписями выделяются две буллы от разных пар матриц, которые отличаются от прочих печатей с благопожелательной формулой легенды наличием изобразительных элементов на обеих сторонах: на аверсе помещено изображение композиции «Преображение Господне», а на реверсе — изображение св. Евфросинии, окруженное легендой «Г(оспод)и, помози рабе своеи, Ефросинии нареченои» (рис. 11, *7*). Очевидна принадлежность печати монахине, выступавшей в своей деятельности от имени Спасо-Преображенского монастыря. Вероятнее всего, речь может идти об инокине полоцкого Спасского монастыря Евфросинии (†1173), в миру княжне Предславе Ростиславне, внучке знаменитого полоцкого князя-чародея Всеслава Брячиславича (†1101).

По составу изобразительных символов печати Евфросиньи должны быть отнесены к разряду V/1, и, таким образом, они оказываются ключевыми для понимания всего разряда, объединившего сфрагистические регалии лиц, выступавших представителями монастырей (аверс). Судя по «именному» характеру буллы (реверс), владельцы печатей несли за свои действия персональную ответственность, так что нет оснований связывать печати разряда V/1 с игуменами, представлявшими монастырь по своему должностному положению: речь может идти о ктиторах, получавших за заслуги перед обителью персональное право выступать от имени монастыря.

Предлагаемая гипотеза объясняет редкость сфрагистических типов, составляющих разряд V/1: кроме печати Евфросиньи Полоцкой к этому разряду можно отнести печать с изображением на аверсе композиции «Богоявление», а на реверсе — святого воина (рис. 11, *11*), а также три сфрагистические группы, общим для которых является изображение на аверсе композиции «Благовещение». На реверсе единственной печати разряда V/2, составляющей первую из этих групп, помещена благопожелательная формула «Сп(а)си, Г(оспод)и, кн(ѧ)зѧ Ивера Всеволо(д)ич(а)» (рис. 11,*8*). Владельцем печати был, таким образом, ктитор Благовещенского монастыря князь Ивор Всеволодич, не известный по письменным источникам. На реверсе печатей разряда V/1, составляющих две другие группы, помещены изображения св. Федора (рис. 11,*9*) и св. Иоанна Предтечи (рис. 11,*10*). Датируя печати XII в., их можно персонифицировать устроителям Благовещенского монастыря в Новгороде (основан в 1170 г.), братьям Илье-Иоанну и Григорию-Гавриилу, занимавшим новгородскую архиепископскую кафедру, соответственно, в 1163—1186 и 1186—1193 гг.

Разряд II/3 представлен печатями, на реверсе которых помещено изображение композиции «Успение Богородицы» (рис. 11,*20*). Русское происхождение печатей несомненно, однако образцом при изготовле-

нии матриц наверняка послужила византийская булла. Печати являлись сфрагистическими регалиями святыни — Успенского собора или монастыря (реверс), причем лицо, выступавшее от имени храма или обители, располагая суверенными или, как минимум, автономными полномочиями, несло за свои действия должностную, а не персональную ответственность. География распространения печатей — Старая Рязань, Городец на Волге, Новгород — свидетельствует, что владельца печати следует искать в северо-восточной Руси, и за композицией «Успения» может быть скрыт, например, кафедральный Успенский собор г. Владимира. Уникальность стилистического оформления булл и отсутствие в составе разряда иных сфрагистических типов допускают предположение об экстраординарных событиях, стоящих за появлением данных сфрагистических регалий. Соблазнительно было бы предположить, что владельцем печатей являлся ставленник Андрея Боголюбского «нареченный архиепископ» Феодор («Феодорец Белый Клобучок»), направленный в 1163 г. к константинопольскому патриарху с просьбой об учреждении во Владимире митрополичьей кафедры и получивший от патриарха Луки Хрисоверга отказ в рукоположении.

Печати с изображением двух святых на одной стороне (разряды I/4, II/4, III/2, VII/1—3)

Эти печати принадлежат к числу редких сфрагистических типов. Более или менее представительным является только разряд VII/1, объединяющий печати с изображениями на аверсе «парных святых», — св. Петра и Павла, Бориса и Глеба, Косьмы и Дамиана, Флора и Лавра (рис. 11,*14,19*). С наибольшим вероятием буллы являлись регалиями власти лиц, которые выступали представителями святыни (аверс) и несли за свои действия персональную (реверс) ответственность. Типологическое сходство этих печатей с печатями разряда V/1 позволяет атрибутировать печати разряда VII/1 ктиторам монастырей соответствующего посвящения.

Прочие печати с изображением двух святых на одной стороне буллы крайне редки. По сути дела, каждая из них составляет самостоятельный сфрагистический разряд и требует специального комментария. Печать разряда I/4, на реверсе у которой помещены изображения св. Дмитрия Солунского и святого воина (рис. 11,*15*), стилистически не выходит за пределы XII в. «Непарный» характер святых на реверсе не исключает принадлежности ее князьям-соправителям, один из которых носил в крещении имя Дмитрий.

Печать разряда II/4 с изображением на реверсе св. Бориса и Глеба (рис. 11,*17*) относится ко второй половине XII—первой половине XIII вв. Булла являлась, вероятнее всего, сфрагистической регалией

Борисоглебского храма или монастыря (реверс), причем владелец печати (настоятель собора?, игумен монастыря?) располагал значительными по объему полномочиями (аверс) и нес за свои действия должностную, а не персональную ответственность (анонимный характер буллы).

На реверсе единственной печати разряда III/2 помещено изображение св. Бориса и Глеба (рис. 11,*16*). Датируя печать домонгольским временем, можно связывать ее с Борисоглебским храмом или монастырем (реверс), отметив при этом, что представитель храма или обители нес за свои действия должностную, а не персональную ответственность (анонимный характер буллы) и что полномочия его ограничивались областью церковного права (аверс).

Уникальна печать разряда VII/2 (рис. 11,*13*), на одной стороне которой помещены изображения «парных святых» (апостолы Петр и Павел), а на другой — святых «непарных» (два святых воина). Предполагая, что за изображением апостолов скрыт Петропавловский монастырь, буллу можно было бы, по аналогии с печатями разряда VII/1, рассматривать в качестве сфрагистической регалии одновременно двух лиц, являвшихся ктиторами данной обители. Однако обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, матрица реверса этой печати была использована также в составе комплекта матриц у печати разряда VI/2 с легендой «Г(оспод)и, помози рабу своєму ⊕едору ...жр...» (рис. 11,*12*), что делает вероятной принадлежность обеих печатей одному владельцу. Во-вторых, из двух святых воинов на реверсе буллы был поименован только св. Федор (колончатые надписи «оагіос ⊕еодорос», размещенные по сторонам от изображения), а рядом с изображением второго воина надписи отсутствуют. Не связано ли отсутствие надписей рядом со вторым воином, а также несколько меньшие размеры фигуры последнего с тем, что на печати был изображен св. Федор Стратилат в сопровождении слуги Уара? В этом случае вторая фигура была помещена на печать для того, чтобы отличить св. Федора Стратилата от св. Федора Тирона (также святого воина), и смысловое значение при «прочтении» печати получает только изображение св. Федора. Само «прочтение» печатей в этом случае не составит особого труда: булла разряда VI/2 оказывается адекватной прочим княжеским печатям с кириллическими легендами, а булла разряда VII/2 сопоставима с прочими ктиторскими печатями разряда VII/1.

Пломбы

К домонгольскому времени относится также широкое использование свинцовых пломб — маленьких булл, оттиснутых на заготовках, имевших зачастую неправильную форму. Обычно такие предметы на-

Рис. 12. Пломбы XII—XIII вв.: 1—3 — разряд II/2; 4 — разряд II/6; 5—7 — разряд II/7; 8 — разряд II/8; 9, 10, 14 — разряд IV/1; 11—13, 15 — разряд IV/2; 16, 21, 22 — разряд IV/4; 17, 23 — разряд IV/6; 18, 25 — разряд II/9; 19, 20 — разряд XI/1; 24 — разряд IV/6; 26 — разряд II/10

зывают «пломбами дрогичинского типа» (по городу Дрогичину на западной окраине Волынской земли, откуда происходит наибольшее число известных ныне пломб), однако это название условно, поскольку пломбы найдены во многих древнерусских городах (Новгород, Псков, Ладога, Киев, Тверь, Дубна, Белоозеро и др.). Наиболее ранние из известных пломб несут изображения княжеских знаков, принадлежавших великому князю Владимиру Мономаху, позднейшие из пломб определенно датируются XIII в.

Различить пломбы и печати по внешнему облику удается далеко не всегда. Многие пломбы оттиснуты на заготовках, значительно превышающих диаметр матриц буллотирия (например: рис. 12, *7,15,18,19*), так что пломба оказывается близка по своим размерам небольшим актовым печатям. С другой стороны, среди безусловных актовых печатей встречаются оттиски на чрезвычайно маленьких заготовках (например: рис. 8,*4*; 10,*3*; 11,*15,16,18*), и даже единственный домонгольский хрисовул (рис. 10,*2*) по размеру следовало бы скорее причислить к пломбам, нежели к печатям. Как будто бы единственным более или менее надежным критерием отличия пломб от печатей является размер не заготовки, а матриц буллотирия: у пломб диаметр матриц, как правило, менее 10 мм, в то время как у печатей диаметр матриц превышает 15 мм, что отчетливо фиксируется даже на тех буллах, в площадь которых оттиск матриц вошел не полностью. Важным показателем является также массивность буллы: даже небольшие по диаметру печати оттискивались на массивных заготовках, вес которых

превышает 8 г, в то время как вес даже крупных пломб редко достигает 3—4 г.

Показательно сравнение древнерусских печатей и пломб по составу сфрагистических разрядов (табл. 1): печати заметно разнообразнее, представлены, по крайней мере, 30 разрядами, в то время как среди пломб удается выявить пока только 16 разрядов, однако из них лишь 6 находят себе соответствие среди безусловных актовых печатей.

Хотя ряд сфрагистических разрядов, в которые объединены пломбы, соответствует сфрагистическим разрядам актовых печатей (II/1, II/2, IV/1, IV/2, IV/3, VI/1, VI/3), основная масса пломб отличается от печатей и по составу изобразительных символов, и по их сочетанию на булле: только на пломбах встречены такие изобразительные символы, как «личина», группа точек, большинство разновидностей креста (потент, круассанте, фурше, помме, крампоне и др.), только среди пломб встречены буллы разрядов II/6, II/7, IV/4, XI/1, оба изобразительных символа на которых известны также и на актовых печатях.

Существенным подтверждением различия между двумя основными категориями сфрагистических памятников древней Руси является также разная представительность одинаково оформленных пломб и печатей. Так, среди актовых печатей буллы разряда VI/1 являются самыми массовыми находками, в то время как среди пломб такие буллы представлены исключительно редко. Буллы разряда II/2, сравнительно с другими актовыми печатями, встречаются не часто, а оттиски двух и более экземпляров от одной пары матриц исключительно редки, в то время как среди пломб буллы этого разряда достаточно многочисленны, а оттиски от одних и тех же пар матриц дошли до нас представительными сериями. Среди актовых печатей пока известна только одна булла разряда IV/1, датированная к тому же X в., а среди пломб XII—XIII вв. буллы данного разряда представлены чрезвычайно широко.

Сказанное свидетельствует о том, что печати и пломбы нельзя рассматривать как однопорядковые явления древнерусской сфрагистики, хотя принципы оформления тех и других подчинялись одним и тем же законам. Возможно, отличие пломб от печатей заключается в функциональном назначении: если функции актовых печатей сомнений не вызывают, то функции древнерусских пломб остаются предметом дискуссии. Какая-то часть пломб, безусловно, имеет непосредственное отношение к товарно-денежным отношениям: пломбы могли скреплять, например, тюки с товарами или же связки шкурок пушных животных либо утверждать так называемые меховые деньги. Однако очевидно и то, что часть пломб привешивалась к письменным документам: находки пломб на Новгородском городище и по берегам Сиверсова канала определенно указывают на то, что в составе городищенского архива находились не только документы, утвержденные печатями, но также документы, скрепленные пломбами.

В XIII в. из делопроизводства исчезают печати одиннадцати разрядов (I/1, I/4, II/3, II/4, III/1, III/2, V/1, VI/3, VII/1, VII/2, VII/3). К началу XIV в. перестают использоваться практически все разряды древнерусских пломб. К середине XIV в. из делопроизводства выводятся еще пять разрядов печатей (I/2, I/3, II/2, IV/2, VI/1). С учетом того, что печати двух разрядов (IX/1, IX/2) не известны позднее XI в., можно констатировать: со второй половины XIV в. в делопроизводстве находится немногим более четверти (13 из 40) от числа сфрагистических разрядов, существовавших в домонгольской Руси.

Печати второй половины XIII—первой половины XIV вв., лишенные легенд, соответствуют по своему оформлению сфрагистическим регалиям домонгольской Руси. Кроме того, ряд анэпиграфичных печатей сохранились при подлинных документах. Все это позволяет сравнительно легко устанавливать принадлежность печатей. Наличие же на подавляющем большинстве русских печатей XIV—XV вв. легенд, включающих указание на имя и титул (должностное положение) владельца либо на институт власти, регалией которого являлась печать, позволяет группировать печати XIV—XV вв. не только по формально-типологическим признакам, но, прежде всего, на основании сведений о принадлежности печатей. В XIV—XV вв. выделяются *печати князей, светских должностных лиц, иерархов церкви, должностных лиц, связанных с церковным управлением*, а также *печати, принадлежавшие различным структурам управления Новгородской и Псковской боярских республик*.

Княжеские печати

Металлические печати. Во второй половине XIII—первой половине XIV вв. в делопроизводстве русских князей использовались подвесные металлические печати пяти разрядов — I/2, I/6, II/2, VI/1 и VIII/1 (?). Печати разряда I/2 дошли до нас представительной серией находок (рис. 13). При документах сохранились печать князя Михаила Ярославича (†1319 г.) с изображением на реверсе архангела Михаила (рис. 13,*8*) и печать князя Александра Михайловича (†1339 г.) с изображением на реверсе св. Александра-воина (рис. 13,*9*), а две духовные грамоты князя Ивана Даниловича (†1340 г.) были скреплены одинаковыми печатями с изображением на реверсе св. Иоанна Предтечи (рис. 14,*4*).[4] На печати с изображением св. Дмитрия (рис. 13,*6*) сохра-

[4] Сохранявшаяся при второй духовной Ивана Калиты на одном шнурке с великокняжеской печатью маленькая печать-пломба была привешена к грамоте при утверждении ее в Орде.

Рис. 13. Княжеские печати XIII—XIV вв.: 1—3 — князь Ярослав-Федор Всеволодич (†1246 г.); 4 — князь Андрей Ярославич (†1264 г.); 5, 6 — князь Дмитрий Александрович (†1294 г.); 7 — князь Тимофей-Довмонт (†1299 г.); 8 — князь Михаил Ярославич (†1319 г.); 9 — князь Александр Михайлович (†1339 г.); 10 — князь Даниил Александрович (†1303 г.)

Рис. 14. Княжеские печати XIII—XIV вв.: 1, 2 — князь Тимофей-Довмонт (†1299 г.); 3 — князь Ярослав-Федор Всеволодич (†1246 г.); 4 — князь Иван I Данилович Калита (†1340 г.)

нился фрагмент легенды «Кнажа печат(ь)». Круг святых, изображения которых помещены на реверсах печатей разряда I/2, достаточно ограничен: кроме упомянутых известны буллы с изображениями св. Федора Тирона, Андрея Критского, Дмитрия Солунского, Даниила Столпника и Тимофея Газского. Это позволяет персонифицировать буллы, утратившие связь с документами, князьям Ярославу-Федору Всеволодичу († 1246 г.), Андрею Ярославичу-Федоровичу († 1264 г.), Довмонту-Тимофею († 1299 г.) Дмитрию Александровичу († 1294 г.) и Даниилу Александровичу († 1303 г.). Заметим, что большинство из них в разное время носили титул *великий князь*.

Печати разряда II/2 для второй половины XIII—XIV вв. не характерны: фактически известны всего две буллы с изображением на реверсе св. Тимофея Газского. Одна из печатей (рис. 14, *2*) сохранилась при документе конца XIII в., написанном «Довмонтовым писцом», так что булла наверняка принадлежала князю Тимофею-Довмонту; ему же обычно атрибутируют и вторую печать (рис. 14, *1*).

Печати разряда VI/1 во второй половине XIII—начале XIV вв. составляют заметную серию. При подлинных документах сохранились печати князя Ярослава-Афанасия Ярославича-Федоровича († 1271 г.) с изображениями св. Афанасия и св. Федора (рис. 15, *5*, *7*) и печать князя Михаила Ярославича-Афанасьевича с изображениями арх. Михаила и св. Афанасия (рис. 15, *6*). Конечно, не все печати разряда VI/1 могут быть с определенностью персонифицированы, однако буллы с изображениями св. Александра-воина и св. Федора (рис. 15, *1*—*3*), возможно, принадлежали князю Александру Ярославичу-Федоровичу Невскому († 1263 г.), печати с изображением св. Даниила Столпника и св. Александра-воина (рис. 15, *8*, *10*) наверняка принадлежали князю Даниилу Александровичу († 1303 г.), а печати с изображением св. Дмитрия и арх. Михаила (рис. 15, *9*) скорее всего принадлежали князю Дмитрию Михайловичу Грозные Очи († 1325 г.).

Некоторое затруднение вызывает установление сфрагистического разряда для печатей с изображением на аверсе светского всадника в короне, а на реверсе — св. Федора (рис. 14, *3*). Изображение всадника теоретически следует считать эмблемой, а сами буллы следует относить к разряду IV/2, расценивая их как сфрагистические регалии должностного лица, носившего крестильное имя Федор и выступавшего в своей деятельности представителем другого лица, эмблемой (гербом?) которого было изображение конного мечника. Однако конного мечника на аверсе печатей можно расценить и как изображение «правителя», считая в этом случае изображенного на реверсе св. Федора тезоименитым владельцу печатей.

Особое место среди печатей рубежа XIII—XIV вв. занимают буллы, на одной из сторон у которых помещено изображение сокольника. На аверсе одной из печатей (рис. 16, *3*) по сторонам от изображения Христа

Рис. 15. Княжеские печати XIII—XIV вв.: 1—4 — князь Александр Ярославич Невский († 1263 г.); 5, 7 — князь Ярослав Ярославич († 1271 г.); 6 — князь Михаил Ярославич († 1319 г.); 8, 10 — князь Даниил Александрович († 1303 г.); 9 — князь Дмитрий Михайлович Грозные Очи († 1325 г.)

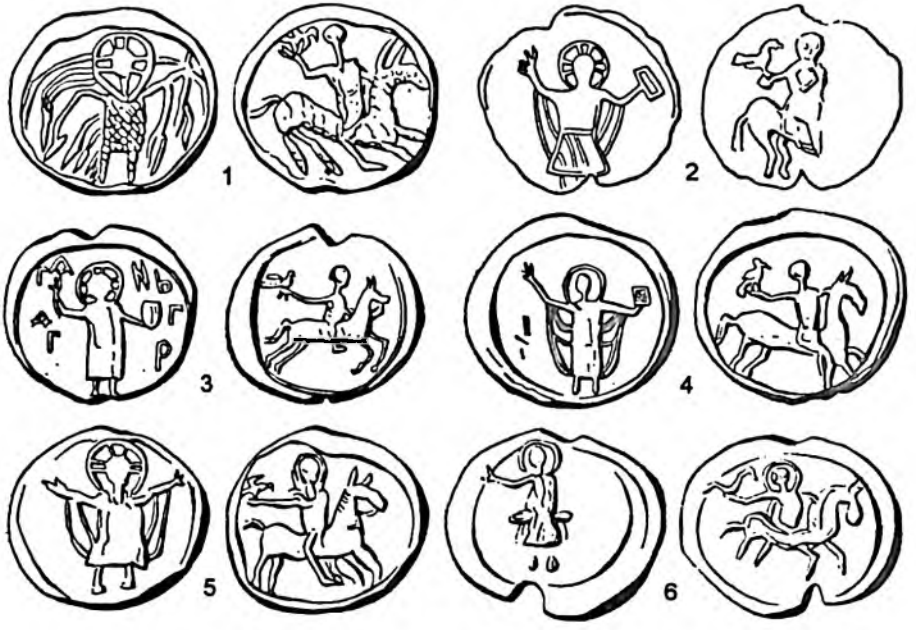


Рис. 16. Княжеские печати рубежа XIII—XIV вв.:
1—6 — князь Андрей Александрович (†1304 г.)

хаотично размещены буквы легенды, в которой угадывается имя «Аньдр[еи]». Две печати сохранились при документах: одна из булл (рис. 16,*1*) скрепляла договор Новгорода с Любеком, Готским берегом и Ригой 1301 г. (Любекский и Рижский экземпляры), а вторая (рис. 16, *4*) скрепляла посольскую грамоту 1302 г. из Новгорода в Колывань. В обоих случаях печати утверждали документы от имени великого князя Андрея Александровича (†1304 г.). Рассматривая изображение светского сокольника в качестве личной эмблемы великого князя Андрея, печати с изображениями Христа и сокольника следовало бы относить к разряду I/3. Однако вопрос о том, считать ли эти печати великокняжескими или же нет, остается открытым. Дело в том, что в момент утверждения названных документов великий князь Андрей Александрович в Новгороде отсутствовал. Поэтому не исключено, что печати с изображениями Христа и сокольника являлись не собственно княжескими буллами, а сфрагистическими регалиями княжеского уполномоченного, располагавшего должностным (анонимный характер буллы) правом выступать представителем великого князя (реверс) и при этом располагавшим в отсутствие князя всей полнотой власти (аверс). Таким лицом мог быть глава великокняжеской администрации, канцлер-печатник великого князя Андрея Александровича.

Великокняжеская сфрагистика начала меняться со времен вокняжения на Москве Ивана I Даниловича (†1340 г.). Правда, Иван I еще ис-

пользовал печать разряда I/2 (рис. 14,*4*), но на обеих сторонах буллы уже появились круговые легенды, содержащие имя и титул владельца, — «Печать великого / кнѧзѧ Ивана», а занимавшие великий московский стол потомки Ивана I вообще перестали пользоваться печатями с изображением Христа.[5] С этого же времени перестают использоваться печати разряда VI/1, и им на смену приходят печати разряда VI/2 (рис. 17). Известны буллы, принадлежавшие самому Ивану I, а также его сыновьям Симеону Гордому († 1341 г.) и Ивану II Красному († 1359 г.), Дмитрию Ивановичу Донскому († 1389 г.), Василию I Дмитриевичу († 1425 г.) и Василию II Васильевичу († 1462 г.). Во всех перечисленных случаях на аверсе княжеских печатей разряда VI/2 помещено изображение тезоименитого князю святого.

В делопроизводстве русских князей появляются также буллы, относящиеся к разряду IV/3. Таковы печати с изображением хищника (рис. 18,*2,4,7*), принадлежавшие великому князю Михаилу Александровичу Тверскому († 1399 г.), князю Федору Юрьевичу Смоленскому и великому князю Василию II. На печати великого князя Василия I на аверсе помещено изображение пешего воина (рис. 18,*6*), а на печати великого князя Ивана III Васильевича изображен конный копейщик (рис. 18,*11,12*). Древнейшей среди русских княжеских печатей разряда IV/3 является как будто бы печать великого князя Федора Ростиславича Черного († 1299 г.), скреплявшая смоленские грамоты 1284 г. (рис. 18,*2*).[6] В большинстве случаев принцип выбора эмблемы на аверсе печати остается неясен. Исключение составляет только изображение конного копейщика, являвшееся со времен правления великого князя Василия I традиционной эмблемой московских князей и ставшее при великом князе Иване III, внуке Василия I, изобразительным символом Московского государства.

Кроме перечисленных, в делопроизводстве русских князей использовались также уникальные печати, несущие на аверсе изображения, которые пока не поддаются объяснению. К числу таких сфрагистических регалий относится одна из печатей Дмитрия Донского: на аверсе у нее помещено изображение мужской головы в короне (царь Давид?) в окружении надписи «Все сѧ минеть» (рис. 18,*1*).

---

[5] Исключение составляет одна из печатей великого князя Василия I Дмитриевича (рис. 18,*9*): на ней помещено погрудное изображение Христа в крещатых святительских (sic!) ризах. Однако велика вероятность того, что это изображение появилось благодаря «редактированию» матрицы аверса, при котором нимб изображенного на печати св. Василия Великого был дополнен перекрестием, превратившим изображенного святого в Христа.

[6] Персонификация этой печати признается не всеми исследователями. В частности, В. Л. Янин предположил, что булла принадлежит великому князю Федору Святославичу († после 1326).

Рис. 17. Княжеские печати XIV—XV вв.: 1 — князь Иван I Данилович Калита († 1340 г.); 2, 3 — князь Иван II Иванович Красный († 1359 г.); 4, 6 — князь Семен Иванович Гордый († 1352 г.); 5, 8 — князь Дмитрий Иванович Донской († 1389 г.); 7 — князь Василий II Васильевич Темный († 1462 г.); 9, 10 — князь Василий I Дмитриевич († 1425 г.)

Рис. 18. Княжеские печати XIII—XV вв.: 1 — князь Дмитрий Иванович Донской (†1389 г.); 2 — князь Федор Ростиславич (†1299 г.); 3, 5, 7, 8 — князь Василий II Васильевич Темный (†1462 г.); 4 — князь Михаил Александрович (†1399 г.); 6, 9 — князь Василий I Дмитриевич (†1425 г.); 10 — князь Андрей Ольгердович (†1399 г.); 11, 12 — князь Иван III Васильевич (†1505 г.)

Вощаные печати. Вторым существенным изменением в княжеской сфрагистике, приходящимся на первую половину XIV в., является широкое распространение с этого времени вощаных перстневых печатей. Преобладают прикладные печати, хотя не редкостью являются и подвесные печати, у которых разные стороны представляют собой оттиски разных перстней, принадлежавших одному владельцу.

Все известные в настоящее время оттиски прикладных (в том числе перстневых) печатей сохранились при подлинных документах. Наиболее ранними из них являются печати сыновей Ивана Калиты, Ивана II Красного (рис. 19,*1*) и Андрея (рис. 19,*3*), а также печати князя Владимира Андреевича Серпуховского (рис. 19,*2,4*). Со второй половины XIV в. практика использования князьями Северо-Восточной Руси для скрепления документов оттисков перстневых печатей становится повсеместной: таковы печати великого князя Василия I Дмитриевича (рис. 19,*5*), великой княгини Софьи Витовтовны (рис. 19,*10*), великого князя Василия II Васильевича (рис. 19,*6,7,8,12,13*), великого князя Ивана III Васильевича (рис. 19,*9,14,15*), князя Юрия Дмитриевича Галицкого (рис. 19,*16,17,19*), князя Андрея Дмитриевича Можайского (рис. 19,*20*), князя Петра Дмитриевича Дмитровского (рис. 19,*21*), князя Константина Дмитриевича Углицкого (рис. 19,*22*), князя Дмитрия Юрьевича Шемяки (рис. 19,*23,29*), князя Василия Ярославича Серпуховского и Боровского (рис. 19,*27,30*), князя Ивана Андреевича Можайского (рис. 19,*18,24,28*), князя Андрея Васильевича (Большого) Углицкого (рис. 19,*25*), князя Михаила Андреевича Верейского и Белозерского (рис. 19,*26*), князя Василия Михайловича (Удалого) Верейского (рис. 19,*31*), князя Ивана Борисовича Волоцкого (рис. 19,*36*), князя Федора Борисовича Волоцкого (рис. 19,*36*); князя Бориса Васильевича Волоцкого (рис. 19,*32*); великого князя Бориса Александровича Тверского (рис. 19,*34*); великого князя Михаила Борисовича Тверского (рис. 19,*33*) и др. В качестве печатей использовались позднеантичные или западноевропейские геммы, заключенные в перстневую оправу, по ободку которой была вырезана легенда, включающая формулу принадлежности или, реже, формулу указания.

Печати светских должностных и частных лиц

Металлические печати. Должностные лица княжеского аппарата в XIV—XV вв. пользовались печатями разрядов IV/3, VI/3 и X/1. Особенностью печатей разряда VI/2 является помещение на аверсе печати изображения святого, тезоименитого не самому владельцу печати, а его господину: таковы печати XIV в., принадлежавшие великокняжеским тиунам (рис. 20,*1*), служилым князьям (рис. 20,*4—6*), а также уполномоченным без указания должности (рис. 20,*2,3,10*); среди последних

Рис. 19. Княжеские печати XIV—XV вв.: 1 — великий князь Иван II Иванович (†1359 г.); 2, 4 — князь Владимир Андреевич Серпуховской (†1410 г.); 3 — князь Андрей Иванович (†1353 г.); 5 — великий князь Василий I Дмитриевич (†1425 г.); 6—8, 11, 12 — великий князь Василий II Васильевич (†1462 г.); 9, 13, 14 — великий князь Иван III Васильевич (†1505 г.); 10 — великая княгиня Софья Витовтовна (†1453 г.); 15, 16, 18 — князь Юрий Дмитриевич Галицкий († после 1434 г.); 17, 23, 27 — князь Иван Андреевич Можайский (†1454 г.); 19 — князь Андрей Дмитриевич Можайский (†1432 г.); 20 — князь Петр Дмитриевич Дмитровский (†1406 г.); 21 — князь Константин Дмитриевич Углицкий († после 1433 г.); 22, 28 — князь Дмитрий Юрьевич Шемяка (†1453 г.); 24 — князь Андрей Васильевич Большой Углицкий (†1494 г.); 25 — князь Михаил Андреевич Верейский (†1485 г.); 26, 29 — князь Василий Ярославич Серпуховской (†1483 г.); 30 — князь Федор Борисович Волоцкий (†1513 г.); 31 — князь Борис Васильевич Волоцкий (†1494 г.); 32 — великий князь Михаил Борисович Тверской (†1505 г.); 33 — великий князь Борис Александрович Тверской (†1461 г.); 34 — князь Василий Михайлович Удалый Верейский († после 1483 г.); 35 — князь Иван Борисович Рузский (†1504)

Рис. 20. Печати XIV—XV вв.: великокняжеских тиунов (1, 7—9), служилых князей (4—6) и лиц без обозначения должности (2, 3, 10)

как будто бы оказываются лица, обладавшие княжеским титулом (рис. 20,*10*). Позднее, в конце XIV—начале XV вв., должностные лица княжеского аппарата пользовались по преимуществу печатями эпиграфического типа (рис. 20,*9*). К XV в. относится также использование великокняжескими тиунами печатей разряда IV/3 с изображением «лютого зверя» и иных эмблем (рис. 20,*7,8*).

Среди печатей разряда IV/3 особую группу составляют печати князей, принадлежащих к Литовскому дому или находящихся от него в зависимости. На аверсе этих печатей помещено изображение конного мечника — традиционной с первой четверти XIV в. эмблемы Великого Литовского княжества (см., например: рис. 21,*5,6*). Таковы печати князя Глеба-Наримунта (рис. 21,*2,3*), князя Патрикия Наримунтовича (рис. 21,*4*), а также князя Александра Михайловича Тверского, получившего княжеский стол в Пскове «из руки» великого князя Гедиминаса (рис. 21,*1*).

В связи со сказанным привлекает особое внимание печать великого князя Василия II (рис. 18,*3*), на которой также помещено изображение конного мечника. Не исключено, что эта печать появилась в начальный период великого княжения Василия Васильевича, находившегося в это время в вассальной зависимости от своего деда, великого князя Литовского Витовта.

Вощаные печати. Должностные лица великокняжеского аппарата, как и князья, пользовались перстневыми печатями. Таковы печати боярина великого князя Василия I Бориса Константиновича Шея-Зернова (рис. 22,*8*), судей великого князя Ивана III Михаила Дмитриевича Шапкина (рис. 22,*7*), Ивана Семеновича Головы (рис. 22,*3*), Афанасия Матвеевича Дурова (рис. 22,*6*), Владимира Дмитриевича Зверева (рис. 22,*4*), разъездчика Ивана Ивановича Далматова (рис. 22,*9*) и др. Перстневыми печатями пользовались и частные лица, такие, как вотчинники Иван Андреевич Слизнев (рис. 22,*5*), Дмитрий Иванович Годунов (рис. 22,*2*) и Федор Вельяминович Зернов (рис. 22,*1*). Отличием печатей должностных лиц от печатей княжеских является только отсутствие княжеского титула в круговой легенде. В тех же случаях, когда легенда на печати отсутствует (например, рис. 22, *4*), установить принадлежность печати можно только исходя из сведений документа, который был скреплен данной печатью.

Печати иерархов русской церкви и церковнослужителей

Печати митрополитов Московских и Всея Руси в XIV—XV вв. оформлялись стереотипно: на аверсе было помещено изображение Богоматери, а на реверсе размещалась многострочная легенда, содержащая стереотипную формулу указания имени и титула владыки

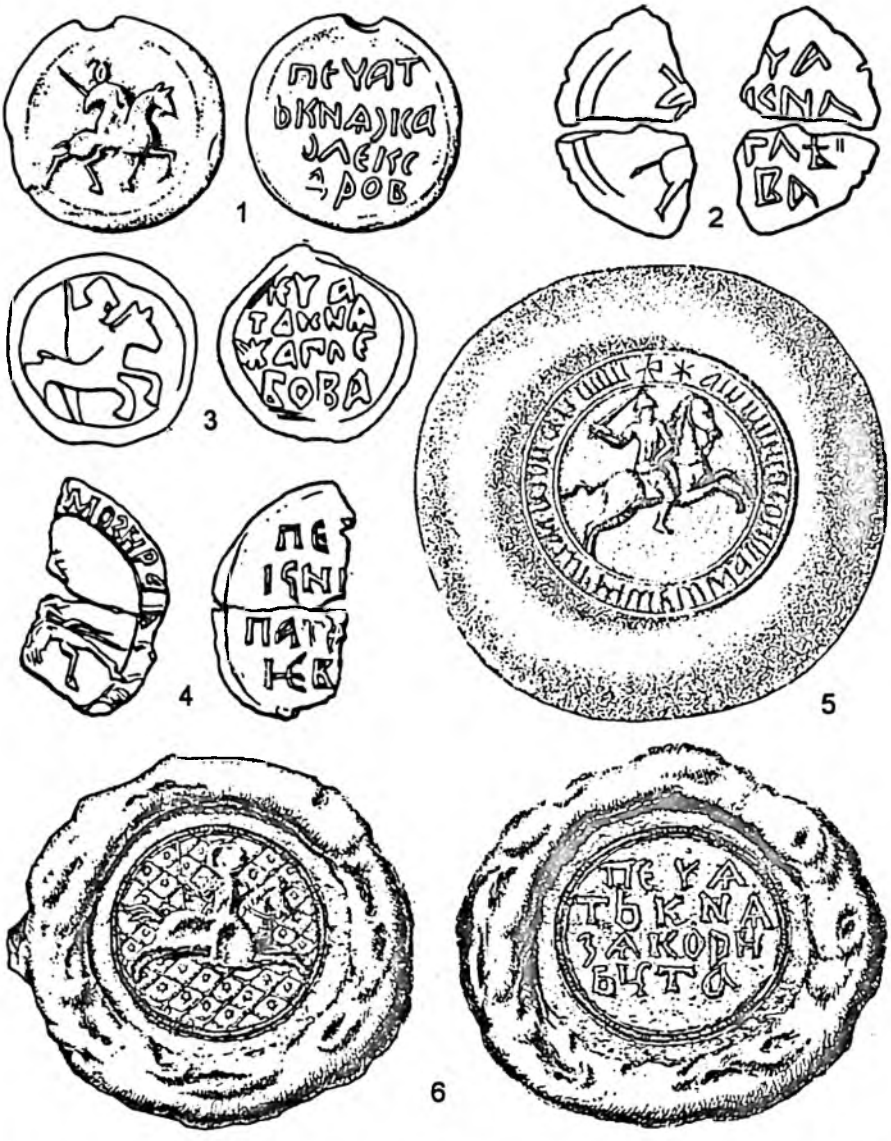


Рис. 21. Печати литовских князей и князей, вассальных Литве, XIV—начала XV вв.: 1 — князь Александр Михайлович Тверской († 1339 г.); 2, 3 — князь Глеб-Наримунт Гедиминович († 1348 г.); 4 — князь Патрикий Наримунтович († 1349 г.); 5 — великий князь Витовт-Александр Кейстутьевич († 1430 г.); 6 — князь Дмитрий-Корибут Ольгердович († после 1404 г.)

Рис. 22. Печати должностных и частных лиц XV вв.: 1 — Федор Вельяминович Зернов, послух (при документе 1485—1486 гг.); 2 — Дмитрий Иванович Годунов, послух (при документе 1485—1486 гг.); 3 — Иван Семенович Голова, судья (при документе 1492 г.); 4 — Владимир Гаврилович Зверев, судья (при документе 1496—1498 гг.), 5 — Иван Андреевич Слизнев, вотчинник (при документе 1467—1474 гг.); 6 — Афанасий Матвеевич Дуров, судья (при документе 1495—1497 гг.); 7 — Михаил Дмитриевич Шапкин, судья (при документе 1492 г.); 8 — Константин Дмитриевич Шея-Зернов, боярин великого князя Василия I Дмитриевича (при документе 1410-х гг.); 9 — Иван Иванович Далматов, разъездчик (при документе 1498—1499 гг.); 10 — Кассиан, игумен Кириллова Белозерского монастыря (1448—1465, 1466—1470 гг.); 11 — Филофей, игумен Ферапонтова монастыря (1467—1471 гг.); 12 — келарская печать Троице-Сергиева монастыря (ок. 1462—1463 гг.); 13 — Федор, старец Кириллова Белозерского монастыря (1485 г.); 14 — Фалелей, монастырский слуга Московского Симонова монастыря (ок. 1463 г.); 15 — келарская печать Троице-Сергиева монастыря (1470—1480-е гг.); 16 — Нифонт, игумен Кириллова Белозерского монастыря (1476—1482 гг.); 17 — Фадей, белозерский поп (1485 г.)

(рис. 23,*1—5*); различий в оформлении печати металлической (аргировулы) и вощаной как будто бы не было. Исключением является подвесная односторонняя вощаная печать митрополита Алексия (1354—1378), на которой помещено изображение святителя Николая (Николы Можайского) в рост (рис. 23,*11*). По образцу митрополичьих печатей оформлялись и печати (как металлические, так и вощаные) епископов (рис. 23,*12,13*), хотя в конце XIII и в конце XV в. использовались также печати эпиграфического типа (рис. 23,*8,12*). В конце XV—начале XVI вв. получили распространение вощаные епископские печати эпиграфического типа, у которых центральная часть поля печати занята выполненным вязью именем владыки, а титул владыки помещен в круговой надписи (рис. 23,*6—8*). По образцу этих печатей оформлялись также вощаные печати архимандритов (например: рис. 23, *10*).

Впрочем, большинство известных к настоящему времени сфрагистических регалий церковнослужителей низшего сана XV в. представлены (кроме печатей новгородского и псковского происхождения) оттисками по воску. Среди них имеются как оттиски перстней со вставками (рис. 22,*10,11,13,14,16,17*), так и оттиски специально изготовленных матриц (рис. 22,*12—15*), причем сведения о должностном и социальном положении владельца печати, как правило, включались в формулу легенды.

Сфрагистика Новгорода XIII—XV вв.

Новгород — один из древнейших городов Руси, впервые упомянутый в недатированной части Повести временных лет. Город находится близ истока р. Волхов из оз. Ильмень. Центром левобережной (Софийской) стороны Новгорода является Детинец, к которому примыкали три административных района города — Людин, Загородский и Неревский концы. На правобережной (Торговой) стороне города размещались торговая площадь, княжий двор («Ярославово дворище»), вечевая площадь и еще два городских конца — Славенский и Плотницкий. В XIV—XV вв. территория города была окружена валами и рвами Окольного города.

В конце IX—XI вв. Новгород являлся вторым по значению центром древнерусского государства, управление в котором осуществляли назначенные сюда представители великого киевского князя. На рубеже XI—XII вв. или в самом начале XII в. в Новгороде, наряду с великокняжескими представителями, появляются местные *посадники* (представители новгородской аристократии) и *тысяцкие* (представители неаристократических слоев свободного населения) — высшие должностные лица представительной власти Новгорода, избиравшиеся на вече. В 1156 г. впервые вводится процедура избрания новгородского еписко-

Рис. 23. Печати иерархов русской церкви конца XIII—начала XVI вв.: 1, 11 — митрополит Московский и Всея Руси Алексий (1341—1378 гг.); 2 — митрополит Московский и Всея Руси Феодосий (1461—1464 гг.); 3 — митрополит Московский и Всея Руси Геронтий (1473—1479 гг.); 4 — митрополит Московский и Всея Руси Иона (1448—1461 гг.); 5 — митрополит Московский и Всея Руси Симон (1495—1511 гг.); 6 — епископ Полоцкий Семион (1470-е годы); 7 — епископ Полоцкий Евфимий (начало XVI в.); 8 — епископ Смоленский Перь[филий] (конец XIII в.); 9 — епископ Полоцкий Иона (1478 г.); 10 — архимандрит Полоцкого Никольского монастыря на Лучне Иона (1487 г.); 12 — епископ Полоцкий Симеон I (1440-е годы); 13 — епископ Полоцкий Яков (ок. 1298—1300 гг.); 14 — епископ Полоцкий Григорий (ок. 1331 г.)

па (с 1163 г. — архиепископа), и с этого времени владыка не только возглавляет новгородскую епархию, но становится также главой светского правительства Новгорода. В XIII—XV вв. Новгород и Новгородская земля признают верховным сюзереном великого князя Владимирского (позднее — Московского), однако отношения с князьями определяются специальными договорами. Управление в Новгороде и в Новгородской земле в эти столетия осуществляется местными чиновниками, а высшие должностные лица избираются и смещаются по решению веча. В 1478 г. Новгород был присоединен к Московскому государству.

Новгородские средневековые печати: общие сведения. Сфрагистическое собрание новгородского происхождения поражает своей масштабностью — из Новгорода происходит более половины всех средневековых русских металлических печатей. Если же не учитывать печати, сохранившиеся при документах (более 160), а также печати, сведения о происхождении которых отсутствуют (более 250), то печати из Новгорода составляют более 63% всего наличного сфрагистического материала эпохи русского средневековья — более 2 тыс. ед. хр. Большая часть находок хранится в Отделе нумизматики Эрмитажа (Санкт-Петербург), в фондах Новгородского музея-заповедника, в Отделе нумизматики Государственного исторического музея (Москва) и на кафедре археологии Московского государственного университета. Некоторые буллы находятся также в частных собраниях Санкт-Петербурга и Новгорода.

Печати XI—начала XIII вв., найденные в Новгороде, характеризуют весь спектр древнерусской домонгольской сфрагистики. Подавляющее большинство булл принадлежит к общерусским сфрагистическим типам и разрядам. Собственно новгородская республиканская сфрагистика начинает формироваться только с середины XIII в., при этом важной особенностью большинства печатей является включение в формулу легенды сведений о принадлежности регалии конкретному институту власти или же о должностном положении держателя буллотирия.

Печати высших органов власти Новгорода. Древнейшей из печатей, утверждавших документы от имени «всего Новгорода», является булла разряда I/5, (рис. 24,*1*), сохранившаяся в двух экземплярах при договоре Новгорода с Ганзой 1263—1264 г.[7] Судя по формуле легенды («Печать всего Новагорода»), властная структура, пользовавшаяся

[7] Наличие двух комплектов печатей при договоре 1263—1264 г. объясняется включением в текст договора полного текста «Правды» 1191/92 г., сохранявшей свое действие еще в конце XIII в.: подтверждение старой «Правды» потребовало дополнительной скрепы.

Рис. 24. Вечевые печати Новгорода XIII—XV вв.

этой печатью, выступала от лица новгородского веча, а сфрагистическая регалия была оформлена не без оглядки на оформление одновременной великокняжеской печати. Очевиден прокламативный характер «Печати всего Новгорода» — скрытая попытка декларировать равенство высшего органа власти Новгородской республики великому князю.

«Печать всего Новгорода» долгое время оставалась хронологически изолированной: между ней и большой группой так называемых новгородских печатей (с легендами «Новгородская печать», «Печать новгородская» и «Печать Великого Новгорода») существовала хроно-

логическая лакуна. Датировка «новгородских печатей» XV в. сомнений не вызывает, подтверждаясь сохранностью ряда булл при подлинных документах. Подавляющее большинство «новгородских печатей» относится к разряду IV/3 — на аверсе размещены изображения птицы («орелъ»), хищника («а се лютъ зверь»), конного или пешего воина (рис. 24,*4*—*7*,*9*,*10*); возможно, эти изображения связаны с кончанской эмблематикой Новгорода; известна также печать эпиграфического типа (рис. 24,*8*). Правда, среди наиболее ранних «новгородских печатей» имеются буллы разряда I/5 (рис. 24,*2*), однако лакуна между этими печатями и «Печатью всего Новгорода» достигает полутора столетий. На этом основании использование «Печати всего Новгорода» некоторые исследователи рассматривали как случайный эпизод в практике новгородского делопроизводства, полагая, что институт власти, выступающий представителем новгородского веча, появился не ранее конца XIV в. или даже в начале XV в. Полуторастолетнюю хронологическую лакуну отчасти заполняла печать эпиграфического типа с легендой «Новъгорочкаѧ печать // и посаднича», сохранившаяся при грамотах 1371 и 1372 гг. (рис. 24,*3*). Однако уникальный характер формулы, фиксирующей двойную принадлежность буллы (разделение формулы легенды по сторонам двусторонней буллы, а также отделение одной части формулы от другой союзом «и» свидетельствуют о самостоятельном характере правового положения институтов власти, скрытых за каждой из двух частей формулы), позволял расценивать и эту печать как случайный эпизод в практике новгородского делопроизводства.

Между тем, на длительное непрерывное существование властной структуры, выступавшей от имени новгородского веча, указывало постоянное присутствие в начальном протоколе новгородских грамот XIII—XV вв. устойчивой формулы — «весь Новгород» («все новгородцы»). Это позволяло предполагать, что институт власти, располагавший правом выступать от лица «всего Новгорода», существовал непрерывно с XIII по XV в. И такое предположение подтвердили новые находки. Две обнаруженные в последние годы печати с изображением Христа Вседержителя и легендой «(Но)вгородьскаѧ печать» стилистически датируются XIV в. Этим же временем датируются и новонайденные печати с формулой «Новъгорочкаѧ печать // и посаднича», также оттиснутые неизвестными ранее парами матриц. Таким образом, можно определенно считать, что в структуре органов управления Новгорода на протяжении длительного времени — с середины XIII в. и вплоть до январских событий 1478 г. — существовал институт власти, представлявший «весь Новгород». Речь может идти о так называемом Совете Господ — высшем органе власти в Новгороде, в состав которого входили посадники и тысяцкие. Сфрагистическая регалия Совета Господ меняла свой облик, что отражало изменение статуса скрыто-

го за печатью органа власти, а порядок употребления печати в делопроизводстве в разные отрезки времени мог быть различным.

Среди сфрагистических регалий, принадлежавших государственным учреждениям республиканского Новгорода, известны также *печати городских концов*. Они происходят из археологических находок, а также сохранились при подлинных документах середины XV в. По образцу «новгородских печатей» оформлены только буллы Людина конца, принадлежащие к разряду IV/3: на аверсе помещено изображение воина в рост, на реверсе — легенда «Печать Людина конца» (рис. 25, *1*). Прочие печати, утверждавшие документы «изо всих пяти концов» Новгорода Великого, оказываются в той или иной степени связанными с новгородскими монастырями. Таковы сфрагистические регалии Загородского и Неревского концов, относящиеся к разряду VI/2 (рис. 25, *5,6*): на аверсе помещены изображения святых, а на реверсе — формула принадлежности соответствующей кончанской обители («Святого Николы в Загородском конце», «Печать святого Николы великого конца Неревского»). Печать Славенского конца относится к разряду II/2: на реверсе помещено изображение св. Павла Исповедника (Павлов монастырь в Славенском конце Новгорода), а на аверсе — изображение голгофского креста в окружении легенды «Печать Славенского конца» (рис. 25,*2*). Наконец, печать Плотницкого конца, принадлежащая к разряду II/1, вообще лишена указания на кончанскую принадлежность регалии — это монастырская печать, на аверсе которой помещено изображение процветшего креста, окруженного формулой принадлежности Антониеву (Богородицкому) монастырю Новгорода («Печать Онтоновская»), а на реверсе — изображение Богоматери в молении (рис. 25,*3*). Вероятно, монастыри являлись административными центрами городских концов Новгорода, а кончанская сфрагистика складывалась на основе сфрагистики монастырской.

Прочие *монастырские печати* Новгорода принадлежат, по преимуществу, к разряду VI/2: на аверсе помещено изображение святого — покровителя обители, а на реверсе — формула принадлежности святыне. Таковы печати Варваринского (рис. 25,*8*), Кириллова (рис. 25,*10*), Юрьева и Николо-Вяжищского монастырей. Печать Спасо-Хутынского монастыря (рис. 25,*9*) также относится к разряду VI/2: на аверсе помещено изображение преподобного Варлаама Хутынского, на реверсе — легенда «Печать Варлама игумена святого Спаса Хуты(нского)». Первоначально печать, вероятнее всего, являлась личной печатью архимандрита Варлаама — игумена Спасо-Хутынского монастыря начала XV в., с инициативами которого связана местная канонизация преподобного Варлаама Хутынского († 1193 г.), однако в третьей четверти XV в. эта печать уже использовалась как монастырская. Печать Благовещенского монастыря (рис. 25,*4*), относящаяся, строго говоря, к разряду V/2 (аверс — изображение композиции Благовещение, ре-

Рис. 25. Кончанские и монастырские печати Новгорода XV в.

верс — легенда «Печать Благовещенская»), по сути дела, оформлена аналогично другим монастырским печатям: аверс занят изобразительным символом, указывающим на посвящение обители, а на реверсе размещена формула принадлежности святыне. Аналогичным образом оформлена и печать Спасского монастыря в Русе, известная только по описанию: эта печать (аверс — изображение Вседержителя; реверс — легенда «Печать святого Спаса») формально должна быть причислена к разряду I/5, хотя ее следовало бы отнести к разряду VI/2, поскольку изобразительный символ, помещенный на аверсе, указывает на посвящение обители.

Печать Спасо-Нередицкого монастыря (рис. 25,*7*) принадлежит к разряду II/5: на аверсе вокруг четырехконечного голгофского креста размещено начало легенды («Печать святого Спаса»), а окончание легенды («Нередицкого монастыря») занимает реверс буллы. Статус этой печати отличается от статуса прочих монастырских печатей Новгорода, а ближайшее соответствие ей обнаруживается в печатях Славенского и Плотницкого концов Новгорода. Очевидно, что высокий статус печати связан с особым положением Спасо-Нередицкого монастыря: строительство монастырского храма по княжескому заказу и территориальная близость обители к комплексу служб великокняжеского представительства в Новгороде позволяют предполагать, что Нередицкий монастырь выполнял административные функции, сходные с функциями кончанских монастырей: здесь могло быть сосредоточено управление территориями, находившимися в ведении князей — так называемым княжеским доменом, существование которого в Новгородской земле фиксируется письменными источниками на протяжении всего периода независимости Новгорода.

Печати новгородских чиновников. Среди печатей должностных лиц новгородского аппарата управления в настоящее время известны не только регалии власти высших боярских магистратов (посадники, тысяцкие), но также буллы чиновников среднего звена (тиуны, старосты). Кроме того, известны достаточно многочисленные печати, на которых должностная принадлежность владельца не указана.

Печати новгородских посадников в разное время оформлялись по-разному. Среди печатей XIV в. известны буллы с изображением на аверсе креста (рис. 26,*1*), Христа (рис. 26,*3*) или святого (рис. 26,*4*). Посадничьи регалии последней четверти XIV—первой четверти XV в. по преимуществу представлены буллами эпиграфического типа (рис. 26,*5,6*), а в середине—третьей четверти XV в. печати новгородских посадников, как правило, несли на обеих сторонах изображения эмблем (птица, хищник, воин) и круговые легенды, содержащие имя и титул владельца (рис. 26,*2*).

Печати новгородских тысяцких также оформлялись по-разному. В начале XIV в. на лицевой стороне этих печатей помещается изображе-

Рис. 26. Печати новгородских посадников (1—6) и тысяцких (7—12). XIV—XV вв.

ние святого (рис. 26,*7*). В последней четверти XIV—первой четверти XV в. тысяцкие пользуются печатями эпиграфического типа (рис. 26, *11*), а в середине и второй половине XV в. сфагистические регалии тысяцких по преимуществу несут на одной (рис. 26, *10*) или на обеих сторонах изображения эмблем (птица, хищник, воин); в первом случае легенда в виде многострочной надписи занимала реверс буллы, во втором случае круговые легенды, содержащие имя и титул владельца (рис. 25, *6—9*), размещались вокруг изображений (рис. 26, *12*). Правда, тысяцкий Андрей в начале XIV в. пользовался печатью эпиграфического типа (рис. 26, *8*), а тысяцкий Филипп в 1370-е гг. утвердил документ печатью с изображением на аверсе тезоименитого святого (рис. 26, *9*). Тем не менее, по общей динамике изменение стиля сфрагистических регалий тысяцких близко изменению сфрагистических регалий посадников.

Печати новгородских чиновников среднего звена представлены буллами тех же сфрагистических разрядов, что и печати высших боярских магистратов: регалии власти *соцкого* (рис. 27,*2*) и *купеческих(?) старост* (рис. 27,*3,4*) XIV в. принадлежат к числу булл эпиграфического типа, а вощаная *печать рускогo*[8] *посадника* (рис. 27,*1*) первой четверти XV в. относится к разряду IV/3. Но наиболее представительной серией являются *печати новгородских тиунов* — лиц, облаченных различными (возможно, не всегда строго фиксированными) полномочиями. Подавляющее большинство тиунских печатей принадлежит к числу булл эпиграфического типа (рис. 27, *6,7*), хотя известна печать тиуна Андрея, принадлежащая к разряду II/5 (рис. 27, *5*), а также группа тиунских печатей разряда IV/3 (рис. 27, *8,9*) с изображением на аверсе руки (рыцарской перчатки?). Принятая датировка печатей новгородских тиунов охватывает конец XIII—начало XV в. и уточнению пока не поддается.

Серийно представлены в Новгороде и именные печати без указания в легенде на должность владельца. Среди этих печатей имеются буллы, принадлежавшие посадникам (рис. 28,*2,6*) и тысяцким (рис. 28,*1*), но владельцев большинства печатей с уверенностью соотнести с лицами, известными по письменным источникам, не удается. Отметим, что буллы принадлежат к тем же сфрагистическим разрядам, что и прочие чиновничьи печати Новгорода. Привлекают внимание печати, формула легенды у которых фиксирует двойную принадлежность регалии (рис. 28,*7,8*). Хотя такие печати крайне редки, они, тем не менее, представлены серией находок, и это исключает случайный характер появления булл: не исключено, что печати двойной принадлежности оттискивались составным комплектом матриц, когда в буллотирии одновре-

[8] «Посадник руский» — посадник города Руса (совр. Старая Русса) близ впадения р. Ловать в оз. Ильмень.

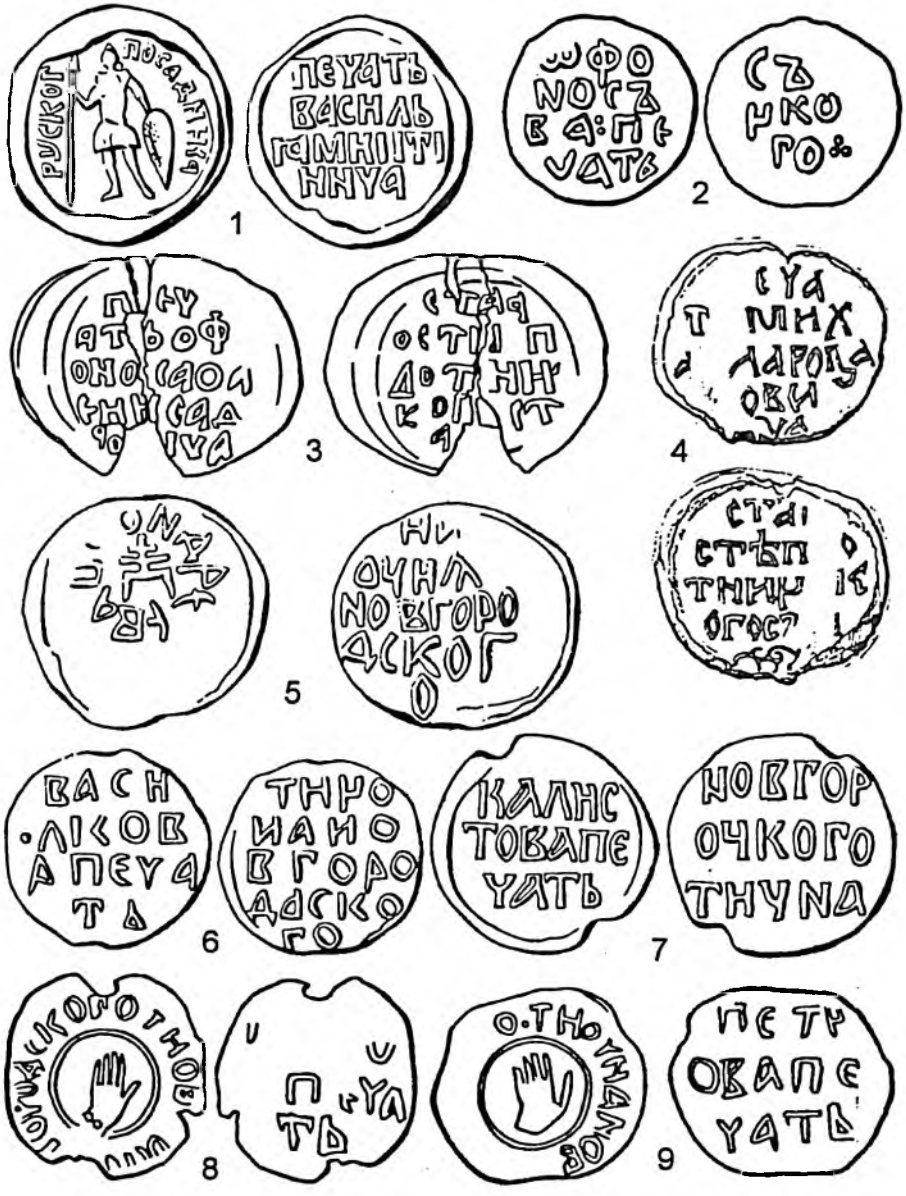


Рис. 27. Печати должностных лиц Новгородской республики XIV—XV вв.:
1 — печать посадника г. Руса; 2 — печать соцкого; 3—5 — печати купеческих старост; 6—9 — печати тиунов

Рис. 28. Печати должностных лиц Новгородской республики XIV—XV вв. без указания должности

менно использовались две матрицы атрибутивных сторон от двух различных печатей.

Печати новгородского владыки. Подавляющее большинство печатей новгородских архиепископов относятся к разряду III/3 и являются именными сфрагистическими регалиями: на реверсе помещена многострочная легенда, содержащая имя и титул владыки (рис. 29, *1—6, 9,*). Исключение составляют: вощаная прикладная печать владыки Симеона (1415—1421 гг.) с изображением благословляющей руки в окружении легенды, содержащей формулу инвокации, имя и титул владыки (рис. 29, *7*); печать разряда I/5 (рис. 29, *8*), принадлежавшая архиепископу Ионе Отенскому (1459—1470 гг.); булла владыки Евфимия I,[9] относящаяся к разряду II/5 (рис. 29, *10*).

В связи со сказанным принципиально важной становится печать разряда II/5 с формулой легенды «Печать владычня» (рис. 30, *1*). Время использования этой печати в делопроизводстве определено благодаря обнаружению при археологических раскопках одного из экземпляров в слое середины XIV в. Лишенная указания на имя владыки эта булла, как и печать Евфимия, несет на аверсе крест. Таким образом, использование в делопроизводстве новгородских архиепископов печатей с символикой суверенной (автономной) власти вряд ли можно считать случайными эпизодами. Не исключено, что речь должна идти о разных областях юрисдикции, скрытых за печатями с изображением Богоматери, с одной стороны, и печатями с изображением Христа или креста — с другой.

Так называемые «анонимные печати владычных наместников». Наименование «анонимные печати владычных наместников» закрепилось в литературе за печатями разряда II/1. При характеристике памятников домонгольской сфрагистики уже было отмечено, что для XII—XIII вв. подобные буллы единичны, и только с рубежа XIII—XIV вв. они становятся самой представительной группой сфрагистических памятников Новгорода и Новгородской земли и остаются такими вплоть до конца новгородской независимости (рис. 30, *2—5, 7*). Большинство исследователей связывают печати разряда II/1 с абстрактными «владычными наместниками» Новгорода.

Печати разряда II/1, безусловно, отличаются от всех известных булл, принадлежавших иерархам русской церкви и их доверенным лицам. В этой связи отметим, что сфрагистический тип предполагает возможность двоякого прочтения: печати можно расценить как атрибуты

---

[9] В определении принадлежности буллы можно было бы выбирать между Евфимием I Брадатым (1424—1429 гг.) и Евфимием II Вяжищским (1429—1458 гг.), но изображение креста на аверсе печати стилистически ближе всего к изображению крестов на печатях времен святительства владыки Иоанна Хутынского (1388—1415 гг.), так что печать принадлежала, вероятнее всего, владыке Евфимию I.

Рис. 29. Именные печати новгородских архиепископов XIII—XV вв.: 1 — печать архиепископа Далмата (1249—1273 гг.); 2 — печать архиепископа Климента (1274—1299 гг.); 3 — печать архиепископа Феоктиста (1300—1308 гг.); 4 — печать архиепископа Давида (1308—1325 гг.); 5 — печать архиепископа Моисея (1325—1330, 1352—1359 гг.); 6 — печать архиепископа Василия Калики (1331—1352 гг.); 7 — печать архиепископа Симеона (1415—1421 гг.); 8 —печать архиепископа Ионы Отенского (1459—1470 гг.); 9 — печать архиепископа Алексия (1359—1388 гг.); 10 — печать архиепископа Евфимия I Брадатого (1424—1428 гг.)

Рис. 30. Печати Новгорода XIV—XV вв.: 1 — анонимная печать новгородского архиепископа; 2—5, 7 — печати правительственных чиновников; 6, 8, 9, 11 — печати двинских наместников; 10,12 — печати владычных наместников без указания наместничества

юрисдикции независимой церковной власти, то есть независимой власти в области церковного права, но их можно расценить и иначе — в качестве регалий независимой власти, контролируемой церковью. Для первой версии нет достаточных оснований, зато вторая заслуживает самого пристального внимания. Напомню, что новгородский владыка после 1158 г. подлежал избранию на вече точно так же, как подлежали вечевому избранию высшие боярские магистраты Новгорода. Точно так же, как посадники и тысяцкие, владыка мог быть смещен с должности и даже изгнан. Уже одно это свидетельствует о том, что новгородский епископ (с 1165 г. — архиепископ) находился в положении должностного лица новгородского аппарата управления, не ограничиваясь отправлением пастырских обязанностей. И так как санкция владыки была обязательной для придания законности вечевым решениям, вероятной представляется мысль о том, что новгородский архиепископ в правовом отношении являлся первым должностным лицом новгородских структур государственного управления. Ключевые позиции в области управления владыке давало и председательское кресло в Совете Господ.

Таким образом, рассматриваемый сфрагистический разряд употреблялся в делопроизводстве, связанном с теми полномочиями новгородского архиепископа, которыми он обладал в качестве высшего должностного лица Новгородской республики. В XII—XIII вв. подобной печатью скреплялись единичные документы, требовавшие непосредственного участия владыки. На рубеже XIII—XIV вв. произошли изменения в структуре управления: был создан штат должностных лиц, получивших право использовать печать разряда II/1. Эти чиновники обладали не персональной, а должностной ответственностью за совершенные юридические действия и при этом обладали полномочиями в самых разных областях делопроизводства — от утверждения частных актов до скрепления международных договоров. Очевидно, что называть печати разряда II/1 регалиями власти абстрактных «владычных наместников» явно недостаточно: определение «анонимные печати владычных наместников», прочно укрепившееся в литературе, автоматически отождествляет держателей буллотириев с епархиальными чиновниками, в то время как речь должна идти о чиновниках правительственного аппарата Новгорода Великого.

Печати двинских наместников традиционно рассматриваются в литературе в качестве сфрагистических регалий епархиальных чиновников Новгорода. Буллы принадлежат к разряду II/5 и датируются XV в. Многие из них сохранились при подлинных документах. Однако в большинстве случаев легенда содержит формулу принадлежности, включающую только имя держателя буллотирия (рис. 30, *6,8,9*), так что считать владельцев печатей именно епархиальными, а не правительственными чиновниками Новгорода вряд ли правомерно.

При подлинных двинских грамотах сохранились также печати разряда II/5, легенда которых содержит сведения не только об имени, но и о статусе владельца — «наместник владычный» (рис. 30, *11*); эти печати принадлежали чиновникам Софийской кафедры.

Печати епархиальных чиновников. Печати, принадлежавшие чиновникам Софийской кафедры, представлены в сохранившемся сфрагистическом материале буллами новоторжских и ладожских наместников, а также буллами, в формуле легенды которых отсутствует указание на территориальную принадлежность держателей буллотирия. *Печати новоторжских наместников* относятся к разряду VI/2 (рис. 31,*5—10*): на аверсе помещено изображение святого, тезоименитого новгородскому архиепископу, а на реверсе — легенда, содержащая указание на должностную принадлежность владельца буллы. Судя по изображению на аверсе, полномочия новоторжских наместников определялись непосредственно новгородским архиепископом, личными представителями которого были наместники. Известны печати времен архиепископов Давида (1309—1325 гг.), Моисея (1326—1330, 1352—1359 гг.), Василия Калики (1331—1352 гг.), Алексия (1360—1388 гг.), Иоанна Хутынского (1389—1415 гг.) и Евфимия I Брадатого (1424—1429 гг.). Рядом с изображением святого иногда помещено имя, не соответствующее изображению (Сава, Микита) и, возможно, обозначающее имя наместника. Отметим, что у ряда печатей в центральной части реверса между буквами надписи помещено изображение креста (рис. 31,*5, 7*). Интересно также, что матрицы печати новоторжского наместника времен архиепископа Василия Калики (1331—1352 гг.) переделаны из матриц, первоначально изготовленных для печати разряда II/1 — изображение св. Василия Кесарийского переделано из изображения Богоматери, а буквы легенды размещены вокруг голгофского креста (рис. 31,*7*).

Древнейшие из дошедших до нас *печатей ладожских наместников* датируются концом XIII в. и относятся к разряду VI/2 (рис. 31, *1*): на аверсе помещено изображение св. Климента, тезоименитого архиепископу Клименту (1274—1299 гг.), а на реверсе — легенда, содержащая указание на статус владельца буллы. Однако в XIV в. тип наместничьей регалии меняется — на смену буллам разряда VI/2 приходят буллы разряда II/5 (рис. 31,*2,3*): легенда на реверсе сохраняет прежнюю формулу, а на аверсе размещено изображение креста в окружении надписи, содержащей имя и титул новгородского архиепископа. Очевидно, что в это время статус ладожского наместника изменился — чиновники, первоначально являвшиеся личными представителями новгородского владыки, получили заметно большую самостоятельность в своих действиях, сохранив в то же время принцип должностной ответственности за совершавшиеся юридические действия. Позднейшие из печатей ладожских наместников, относящиеся к XV в., лишены

Рис. 31. Печати епархиальных чиновников Новгородской республики XIII—XV вв.: 1—4 — печати ладожских наместников; 5—10 — печати новоторжских наместников

круговой надписи на аверсе, зато в формуле легенды на реверсе появляется имя наместника (рис. 31,*4*), что переводит буллу в разряд именных, указывая на новое изменение в положении держателя буллотирия: на смену должностной ответственности приходит ответственность персональная. Очевидно, что полномочия ладожских наместников первоначально совпадали с полномочиями наместников новоторжских, а затем постепенно изменялись и к XV в. уже соответствовали полномочиям двинских владычных наместников.

Среди печатей новгородских епархиальных чиновников известны немногочисленные буллы эпиграфического типа (рис. 30, *10,12*), формула легенды у которых включает сведения об имени и статусе владельца, но не содержит указания на место службы чиновника. Все известные печати такого типа утратили связь с документами еще в древности, так что установить круг полномочий владельцев не удается.

Городищенский архив Новгорода. По своему происхождению новгородское сфрагистическое собрание неоднородно. С территории новгородского («Рюрикова») городища или с берегов Сиверсова канала, при рытье которого часть городища была уничтожена, происходит 37% всех печатей из Новгорода. Значительная часть новгородских булл (более 48%) топографически в пределах города не локализована. Вне городищенского комплекса найдено около 300 печатей, то есть 15% от общего количества.

Традиционно считают, что находившееся на городище обширное собрание документов, остатками которого являются печати, принадлежало новгородским князьям. Городищенский комплекс печатей рассматривали также как остатки республиканского архива Великого Новгорода. Существование двух различных гипотез относительно принадлежности архива связано с тем, что до настоящего времени не предпринималось попыток проанализировать собственно городищенский сфрагистический комплекс.

Оценить состав и хронологию городищенского архива можно путем сравнения[10] трех сфрагистических комплексов: 1) печати, найденные на городище или на берегах Сиверсова канала, 2) печати, не связанные с городищенским комплексом, и 3) печати, места находок которых в черте Новгорода не установлены. Сравнение трех комплексов по составу серийно представленных печатей домонгольского времени показывает (рис. 32), что качественный состав их одинаков, однако количественные характеристики различаются. Очевидно, что разнотипные документы домонгольского времени были по-разному представлены в городищенском архиве и в городских кварталах Нов-

[10] При анализе городищенского архива не учитываются находки пломб, подавляющее большинство которых до настоящего времени не опубликовано.

Рис. 32. Домонгольские печати Новгорода. Сравнительные характеристики массовых (10 экз. и более) сфрагистических разрядов: 1 — печати с изображениями святых на обеих сторонах; 2 — печати греко-русского типа с изображением святого, тезоименитого владельцу; 3 — печати с изображением святого, тезоименитого владельцу, и легендой типа «Господи, помози...»; 4 — печати с изображениями композиции и святого; 5 — печати греко-русского типа с изображением святого, нетезоименитого владельцу; 6 — печати епископов и архиепископов; 7 — печати с изображениями эмблемы (княжеского знака) и святого; 8 — печати с изображениями креста и святого; 9 — печати с изображениями парных святых и святого.

А — печати, места находок которых в пределах Новгорода не локализованы; Б — печати, найденные на Новгородском городище; В — печати, найденные вне городища

города. Еще отчетливее различия прослеживаются по составу серийно представленных печатей XIII—XV вв. (рис. 33). Как и в случае с домонгольскими печатями, качественный состав всех трех комплексов одинаков, а количественный принципиально различается. Очевидно, что городищенский архив и домашние архивы горожан формировались по разным законам.

Количественные характеристики и домонгольских печатей, и печатей XIII—XV вв., не приуроченных к черте Новгорода, сколько-нибудь отчетливой картины не дают, так что среди нелокализованных печатей явно присутствуют как буллы, найденные на городище, так и буллы, не имеющие отношения к городищенскому комплексу. Следовательно, для характеристики архива нельзя использовать печати, места находок которых в пределах Новгорода и его ближайшей округи не установлены. Разумеется, какая-то часть этих находок также происходит с городища, однако отмечавшаяся в литературе «фактурная разница» между буллами с городища и прочими новгородскими печатями — характеристика слишком субъективная. При изучении состава и хронологии городищенского сфрагистического комплекса, на наш взгляд, следует опираться только на печати, найденные на городище.[11]

Начало формирования комплекса документов, составлявших городищенский архив, можно определенно датировать рубежом XI—XII вв., а позднейшие из поступивших в городищенский архив документов были скреплены печатями Ивана III († 1505 г.). Состав печатей, утверждавших городищенские документы, достаточно пестрый: в XII—XIII вв. в архив попадали документы, скрепленные князьями и чиновниками княжеского аппарата, посольские верительные грамоты, грамоты, утвержденные иерархами церкви, новгородскими посадниками и ктиторами монастырей; во второй половине XIII—XV вв. в составе архива оседали документы, скрепленные князьями, чиновниками княжеского аппарата, новгородскими архиепископами и чиновниками Софийского аппарата, посадниками, тысяцкими и тиунами, а также правительственными чиновниками Новгорода. Очевидно, что архив хранил документы, утвержденные должностными лицами самого разного уровня, — от новгородских тиунов до великих князей. Наряду с буллами должностных лиц, осуществлявших управление в Новгороде и

---

[11] Разумеется, далеко не все городищенские печати скрепляли документы, хранившиеся в одном и том же архивохранилище. Как показали раскопки, в жилых постройках XII в. на городище также найдены печати, так что какая-то часть городищенских булл связана с документами, находившимися в домашних архивах людей, живших на территории городища. Однако установить, какие именно из булл, найденных за десятилетия собирательской деятельности на территории городища, принадлежат именно к разрушенному архивохранилищу, а какие — нет, теперь уже невозможно, так что городищенские находки приходится рассматривать как единый сфрагистический комплекс.

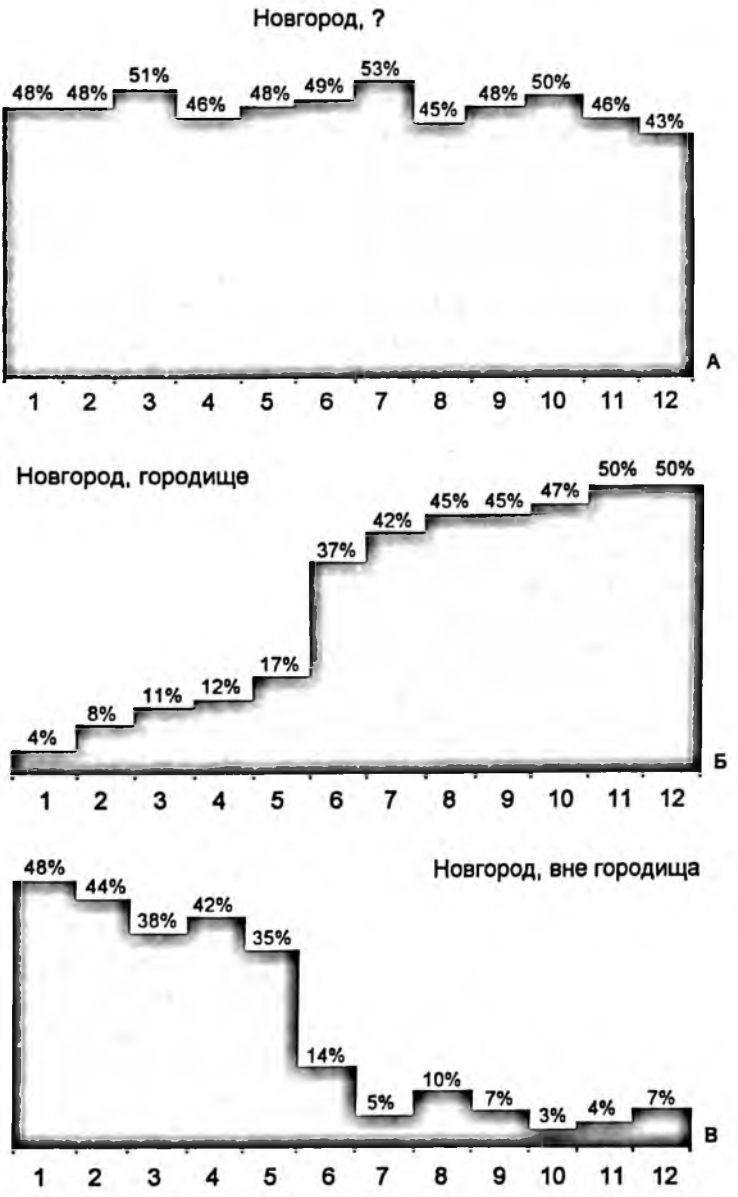


Рис. 33. Печати Новгорода XIII—XV вв. Сравнительные характеристики массовых (15 экз. и более) сфрагистических разрядов: 1 — печати с изображениями эмблемы и святого; 2 — печати с изображением святого, нетезоименитого владельцу; 3 — печати новгородских тиунов; 4 — печати с изображениями Христа и святого; 5 — печати с изображениями святых на обеих сторонах; 6 — «Печати новгородские» и «Печати Великого Новгорода»; 7 — печати с изображениями креста и Богоматери; 8 — печати новгородских архиепископов; 9 — печати новгородских посадников; 10 — печати с изображением святого, тезоименитого владельцу; 11 — печати новгородских тысяцких; 12 — печати великокняжеских тиунов.

А — печати, места находок которых в пределах Новгорода не локализованы; Б — печати, найденные на Новгородском городище; В — печати, найденные вне городища

Новгородской земле, в составе архива серийно представлены печати лиц, не имевших прямого отношения к новгородским властным структурам. Иными словами, городищенский архив формировался не только за счет актов, утвержденных печатью в самом Новгороде, но также и за счет актов, поступавших в Новгород извне.

Разнообразие документов, составляющих архив, и различные источники поступления документов «на вечное хранение» свидетельствуют о том, что мы имеем дело не с архивом великокняжеских чиновников и не с ведомственным архивом одной из властных структур Новгорода, а с пестрым собранием разновременных документов, среди которых были многочисленные акты, связанные с внутренним управлением Новгородской республики, а также документы, касавшиеся межгосударственных отношений. Заметим, что в подъемном материале на городище собраны только металлические печати, в то время как западные соседи Новгорода, а также митрополичья и великокняжеская канцелярии Москвы в XV в. уже почти полностью перешли на печати вощаные, сохранявшиеся лишь до тех пор, пока сохранялись сами документы. Вероятность того, что в составе городищенского собрания документов могли быть акты, утвержденные вощаными печатями, достаточно высока.

Начало формирования городищенского архива относится к рубежу XI—XII вв. и совпадает по времени с появлением в Новгороде выборных посадников, то есть принципиально нового института власти, положившего начало будущему республиканскому устройству Новгородской республики. Поступление документов в архивохранилище продолжалось на протяжении четырех столетий и завершилось незадолго до присоединения Новгорода к Москве. Долговременный характер формирования архива и пестрота документов, накопленных в его составе, свидетельствуют о том, что обширное собрание городищенских печатей не может быть ничем иным, кроме как остатками государственного архива Новгородской республики.

Изучая русские средневековые архивы, академик Л. В. Черепнин убедительно доказал, что государственный архив Новгородской республики в Москву вывезен не был: сохранившиеся до нашего времени подлинные новгородские документы XIII—XV вв. первоначально находились в Тверском княжеском архиве и были вывезены в Москву после потери Тверским княжеством самостоятельности (1485 г.). Черепнин полагал, что «новгородский государственный архив погиб и вряд ли случайно. Возможно, что его намеренно уничтожила московская рука, не желая хранить те документы, которые не отвечали политическим позициям Москвы конца XV в.» (*Черепнин, 1948.* С. 225—239). В свете изложенного такое предположение весьма вероятно, хотя не исключена и иная версия гибели архива: в конце 1460-х или начале 1470-х гг., когда опасность потери новгородской независимости стала

реальностью, государственный архив Новгорода мог быть по решению Совета Господ вывезен за пределы территории города и укрыт на городище; впоследствии сведения о месте сокрытия архива оказались утрачены (в связи с депортацией или же из-за физического уничтожения лиц, знавших о местонахождении архива), а спрятанные на городище документы остались, подобно монетным и монетно-вещевым кладам, невостребованными.

Сфрагистика Пскова XIV—XV вв.

Псков находится на северо-западе России близ границ с Эстонией, располагается при впадении в р. Великую ее правого притока Псковы. Впервые упомянутый на страницах летописи под 903 г., город Псков входит в число десяти древнейших городов России, основанных в конце IX в. В домонгольское время город и его округа периодически входили в состав Новгородской земли. В 1307 г. Псков в одностороннем порядке объявил о выходе из-под юрисдикции Новгорода, однако новгородцы признали за псковичами право самоуправления только в 1342 г. (так называемый Болотовский договор, впервые упомянутый в летописи под 1348 г.). Вплоть до 1468 г. Псков являлся столицей небольшого государства с республиканской формой правления, после 1468 г. перешел на положение протектората великого князя Ивана III Васильевича, а в 1510 г. был окончательно присоединен к Москве.

Псковские средневековые печати: общие сведения. Коллекция металлических печатей из Пскова в настоящее время приближается к 800 экз. Большая часть находок хранится в Отделе истории русской культуры и Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), а также в фондах Псковского музея-заповедника, единичные буллы находятся также в Отделе нумизматики Государственного Исторического музея (Москва) и в частных собраниях Санкт-Петербурга и Пскова.

Печати домонгольского времени сравнительно немногочисленны и принадлежат к общерусским сфрагистическим типам. Собственно псковская сфрагистика начинает формироваться только с XIV в. (*Белецкий, 1994*. Вып. 1—2; *1994* [автореф.]). Однако, в отличие от республиканских печатей Новгорода, в легендах на большинстве печатей Пскова XIV—XV вв. отсутствуют указания на принадлежность регалий, так что соотнесение различных сфрагистических разрядов с известными по письменным источникам институтами власти Псковской республики представляет определенную трудность. Принадлежность республиканских печатей Пскова удается установить благодаря сведениям Псковской судной грамоты (ПСГ) — важнейшего источника по истории властных структур Пскова последней трети XV в.

Вечевые печати Пскова. Вече — высшая инстанция представительной власти в Пскове, властная структура, выступающая от лица «Господина Пскова», правомочная осуществлять административную деятельность и судопроизводство в тех областях, которые неподсудны другим судебным инстанциям (преступления, перечисленные в ст. 5 ПСГ). В сохранившихся международных договорах Пскова конца XV в. есть сведения о том, что «за всю Псковскую державу» к грамотам привешивалась «Печать Святой Троицы». Это дало возможность установить, что вечевой печатью республиканского Пскова являлись так называемые *троицкие печати* — буллы разряда III/3, на аверсе у которых помещено изображение Богоматери Знамение, а на реверсе — легенда «Печать Троицькаѧ» или «Печать Стыѧ Троица» (рис. 34,*8,9*). У позднейшей из троицких печатей на аверсе имеется круговая легенда «Печать [Господарства Пск]овскога» (рис. 34, *9*).

Изображение Богоматери на аверсе вечевых печатей Пскова XV в. вызывает удивление: такой изобразительный символ характерен для архиерейской сфрагистики средневековой Руси, считать же Псковскую боярскую республику теократическим государством нет оснований. Решение загадки было получено при изучении псковских печатей разряда II/1 (рис. 34,*1—7*). Ранние буллы этого разряда по своему оформлению аналогичны новгородским печатям, однако отличаются от них по матрицам, так что буллотирии псковских печатей разряда II/1 наверняка изготавливались в самом Пскове. Связующим звеном между псковскими печатями разряда II/1 XIV в. и печатями троицкими XV в. являются буллы рубежа XIV—XV вв., на аверсе у которых имеются колончатые надписи «Троіц(каѧ)» (рис. 34,*5*) или «Печ(а)ть Троіц(каѧ)» (рис. 34,*6,7*), размещенные по сторонам от креста. Таким образом, троицкие печати оказываются производными от новгородских печатей с изображениями креста и Богоматери.

В том, что вечевые печати Пскова XV в. восходят в своем оформлении к печатям правительственных чиновников Новгорода, нет ничего удивительного: Псков долгое время входил в состав Новгородской земли и только после подписания Болотовского договора (1342 г.) получил права автономии. Очевидно, что после Болотовского договора псковские степенные посадники, утверждавшие документы от лица веча, были в правовом отношении приравнены к новгородским правительственным чиновникам и начали представлять Псков перед Новгородом точно так же, как назначенные из Новгорода в Псков в предшествующий период правительственные чиновники представляли Новгород перед псковичами.

Печати Господы. Господа, по данным ПСГ, являлась судебной коллегией в составе князя, посадника и сотского и осуществляла функции исполнительной власти Пскова, в том числе судопроизводство по уголовным и большинству гражданских дел. С деятельностью псковской

Рис. 34. Вечевые печати Пскова XIV—XV вв.

Господы могут быть связаны так называемые *печати псковские*. Наименование их происходит от формулы легенды, размещенной на реверсе печатей. Это самая представительная сфрагистическая группа Пскова XV в., объединяющая печати разряда IV/3. На аверсе у ранних булл помещено изображение мужской головы в короне, окруженное надписью «В лѣ(то) 6924, с(о)лн(ца круг) 17, л(у)н(ы круг) 17, инд(икта) 3», на реверсе размещена легенда, содержащая, кроме формулы принадлежности, также текст летописного типа «Печать псковьскаѧ, тогда и Перси свьрьшiшь камены» (рис. 35,*1—2*). Дата, содержашаяся в круговой легенде на аверсе *печати 6933 г.*, обозначает время введения сфрагистической регалии в делопроизводство (1424/25 г.), соотнесенное с завершением масштабных строительных работ по переустройству «здания псковского веча»[12] (1420—1424 гг.).

В 1468 г. «печать псковская» подверглась «редактированию»: на аверсе новой буллы (рис. 35,*3*) было помещено изображение мужской головы в короне, из подбородка растут тонкие ручки, в правой руке меч; вокруг изображения размещена надпись «Въ лѣ(то) 6977 доспе(ты) бы(ша) клещи си(и)», то есть «В 1468/69 году был изготовлен данный буллотирий»; на реверсе разместилась формула принадлежности — «Печать псковьскаѧ водьчины великого кнѧзѧ Івана Васильевич(а)». Очевидно, что введение нового типа «печати псковской» (*печать 6977 г.*) материализовало собой юридическое признание Псковом зависимости от великого князя Ивана III.

Изображение на печатях 6933 и 6977 гг. находит себе соответствие в изображениях на аверсе псковских монет XV в. Помещенная на ранних псковских монетах рядом с этим изображением монограмма букв *Д* и *Т* (рис. 35,*6—11*), по мнению большинства исследователей, является сокращеннием от имени «Довмонт-Тимофей».[13] Литовец Довмонт, крещенный Тимофеем, был псковским князем в последней трети XIII в., а уже в середине XIV в., то есть всего через несколько десятилетий после смерти († 1299 г.), он был признан местночтимым святым и воспринимался горожанами как святой покровитель Пскова. Таким образом, изображение «князя» на монетах и печатях фактически стало изобразительным символом Псковской боярской республики XV в.

---

[12] Перси — подковообразная в плане южная крепостная стена Псковского кремля, внутреннее пространство которой было занято вечевой площадью города.

[13] По своему оформлению аверс псковских монет чрезвычайно близок реверсу древнейших монет России — златников и сребреников Владимира I Святославича († 1015). Однако считать знак на псковских монетах аналогичным княжескому знаку, размещенному над плечом «князя» на монетах Владимира Святого, не приходится: к моменту начала псковской монетной чеканки древнерусские княжеские знаки в форме двузубцев и трезубцев (так называемые знаки Рюриковичей) уже полтора столетия как вышли из употребления.

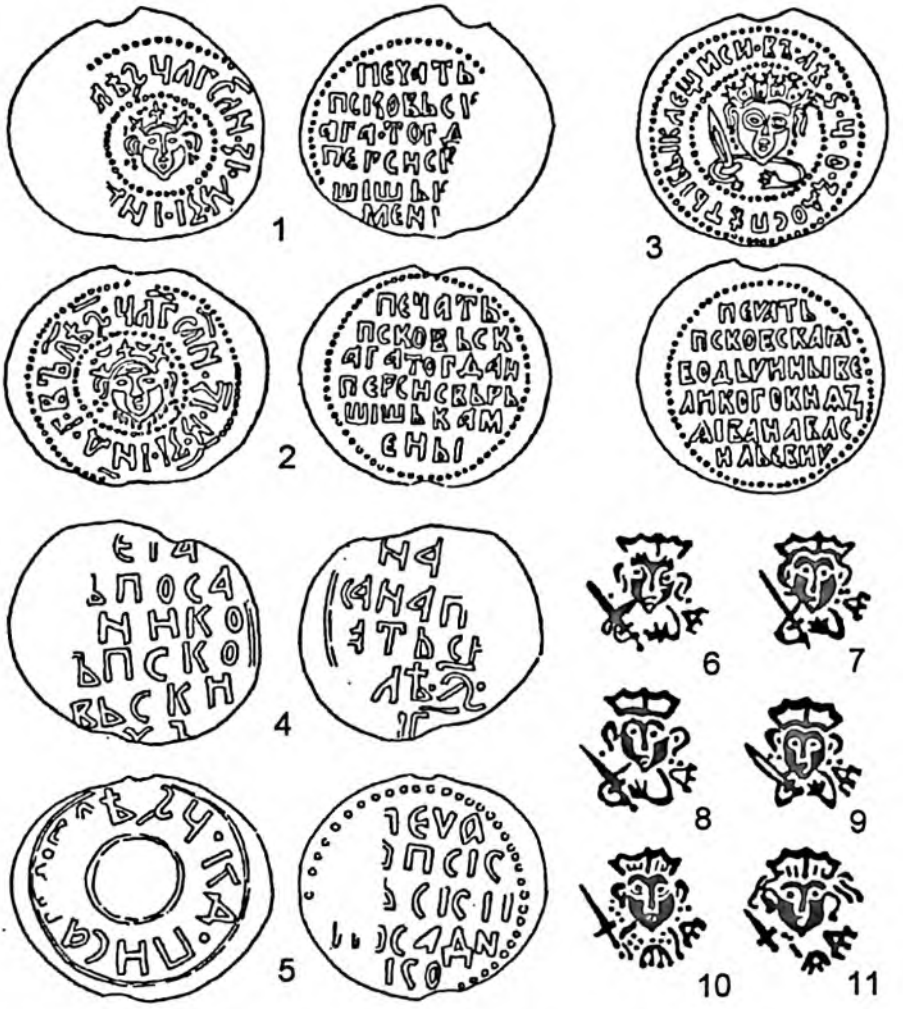


Рис. 35. «Печати псковские» (1—3), печати псковских посадников (4—5) и изображения на псковских монетах XV в. (6—11)

Печати псковских посадников. Посадник, по данным ПСГ, являлся высшим должностным лицом в структуре органов представительной власти республиканского Пскова: он обладал правом законодательной инициативы, являлся членом Господы, но был также уполномочен осуществлять особое от «княжого суда» судопроизводство. Печати псковских посадников — единственная группа печатей Пскова XV в., в легенде на которых указана должностная принадлежность держателей буллотирия. Все известные посадничьи печати относятся к эпиграфическому типу. Наиболее ранняя из них (рис. 35,*4*) содержит в тексте легенды формулу принадлежности и дату, обозначающую время введения

печати в делопроизводство, — 6913 г. (1404/05). К более позднему времени относится печать (рис. 35,*5*), на реверсе у которой помещена формула принадлежности, а на аверсе — круговая надпись, содержащая дату 6924 г. (1415/16).

Стилистические различия между оформлением матриц аверса и реверса у *печати 6924 г.* указывают на то, что матрицы разновременны, причем более ранней из них является матрица реверса, стилистически близкая «печатям псковским». В этой связи обращает на себя внимание пустой кружок в центре аверса печати 6924 г. — в этом месте на печатях 6933 и 6977 гг. было размещено изображение «князя». По-видимому, первоначально печать 6924 г. была эмблематичной: на это указывает также описание посадничьей печати, сохранившееся в копии XVII в. с грамоты XV в.: «А у даной печать свинцовая вислая, *а на одной стороне глава человеча, а на другой стороне печать посадницкая псковская*» (курсив мой. — *С. Б.*). В какой-то момент печать 6924 г. прошла «редактирование», в процессе которого с нее была «снята» республиканская эмблема. Если лишение печати эмблематичности свидетельствует о понижении статуса института власти, то наиболее вероятным временем редактирования печати 6924 г. являются события 1468/69 г. — момент признания Псковом вотчинности по отношению к великому московскому князю.

Печати владычных наместников Пскова. Епископская кафедра в Пскове была основана только в XVI в. В период существования Псковской республики Псков и Псковская земля находились в составе Новгородской епархии и в церковном отношении подчинялись новгородскому владыке, представителем которого в Пскове являлся владычный наместник — высшее должностное лицо в структуре органов церковной власти Пскова, правомочный осуществлять независимое судопроизводство по делам церкви или лиц, связанных с церковью. По условиям Болотовского договора (1342 г.), псковский владычный наместник избирался из числа псковичей и фактически представлял не владыку перед Псковом, а Псков перед владыкой. Эта особенность церковного управления в Пскове существовала не только на протяжении всего периода существования Новгородской республики, но сохранялась вплоть до окончательного присоединения Пскова к Москве (1510 г.). Единственным исключением стал короткий — между 1437 и 1442 гг. — период, когда церковное управление в Пскове осуществлял псковский архимандрит, являвшийся представителем не новгородского архиепископа, а непосредственно московского митрополита.

Особенностью наместничьих печатей Пскова является размещение на аверсе буллы изображения композиции Ветхозаветной Троицы, символизирующее главную святыню Пскова — собор Св. Троицы в Псковском кремле. Древнейшей из дошедших до нашего времени печатей псковских владычных наместников является булла начала

XIV в., несущая на реверсе формулу «Плесковьшкаг(о) намешник(а)» (рис. 36,*1*). После признания Новгородом в 1342 г. независимости Пскова ей на смену пришла печать с легендой «Печать архиєп(иско)па Новгородьского» (рис. 36,*2*), свидетельствующая о том, что «представителем Святой Троицы» с этого времени стал уже не епархиальный чиновник, а сам новгородский архиепископ (в лице своего псковского наместника). В годы святительства новгородского архиепископа Симеона (1415—1421 гг.) формула легенды на наместничьей печати Пскова претерпевает новые изменения — теперь в нее включается не только титул, но и имя владыки.

От короткого периода существования в Пскове архимандритии, подчиненной московскому митрополиту Исидору, до нас дошел фрагмент наместничьей печати, на аверсе у которой было помещено изображение Ветхозаветной Троицы, а на реверсе — легенда «(Григ)ріиа (наме)стник(а ми)тропо(лита...)» (рис. 36,*4*). Показательно, что при традиционном оформлении аверса сфрагистической регалии легенда на ней принципиально отличается от легенды на наместничьих печатях предшествующего времени: формула включает титул и имя наместника, что свидетельствует не только о должностной, но и о персональной ответственности держателя буллотирия за совершавшиеся им юридические действия.

После 1442 г. Псков и Псковская земля вновь перешли под контроль новгородского архиепископа. В это время печать псковского владычного наместника претерпела новое изменение: в титул новгородского архиепископа было включено упоминание Пскова (рис. 36,*3,5,7*). С этого времени особенностью делопроизводства псковской канцелярии владычных наместников стало использование двух типов печати — постоянной (матрицы которой привозили из Новгорода) и временной, применявшейся в периоды от избрания на Софийскую кафедру нового владыки и до первого посещения (так называемого подъезда) владыкою Пскова. Отличительной чертой временной печати являлось изготовление в Пскове новой матрицы реверса (с легендой, содержащей имя и титул нового владыки) при сохранении матрицы аверса от старой печати, утратившей со сменой владыки юрисдикцию. Временная печать могла использоваться достаточно длительное время (до нескольких лет), а в периоды кратковременного святительства архиепископов Сергия (конец 1483 — июнь 1484 гг.) и Серапиона I (1506—1509 гг.), не успевших совершить в Псков традиционную визитацию, постоянной печати у владычных наместников Пскова не было.

Пригородские печати Пскова. Печати Юрьевские. Среди печатей Псковской республики XIV—XV вв. имеется группа так называемых *пригородских печатей*, объединяющая разнотипные буллы, легенда на которых прямо или косвенно указывает на принадлежность сфраги-

Рис. 36. Печати владычных наместников Пскова XIV—XV вв.: 1 — «печать плесковского наместника» начала XIV в.; 2 — «печать архиепископа новгородского» конца XIV в.; 3 — печать времени святительства архиепископа Евфимия II Вяжищского (1428—1456 гг.); 4 — печать «Григория наместника митрополита...» (1440-е годы); 5 — печать времени святительства архиепископа Ионы Отенского (1459—1470 гг.); 6 — печать времени святительства архиепископа Геннадия Гонозова (1485—1504 гг.); 7 — печать времени святительства архиепископа Серапиона I (1506—1509 гг.)

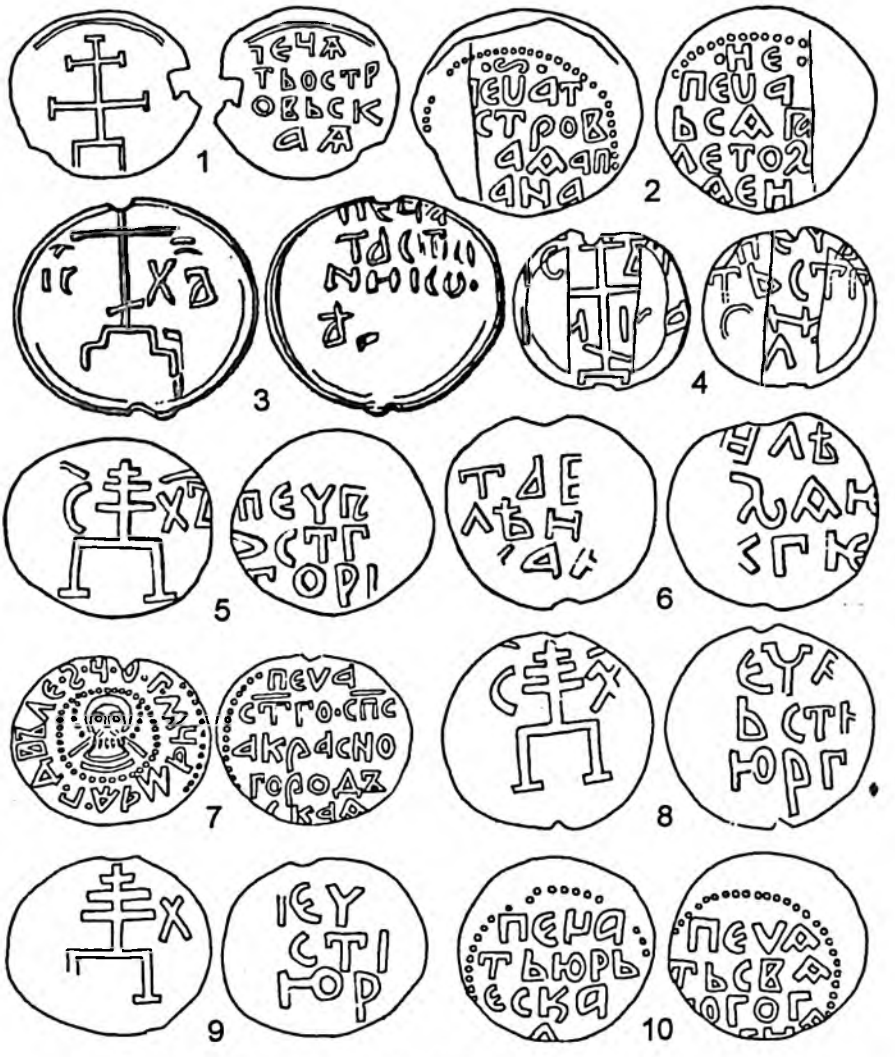


Рис. 37. Пригородские печати Пскова: 1—2 — Остров; 3—4 — Изборск; 5 — Воронач; 6 — Велье; 7 — Красный городок; 8—10 — Юрьев

стической регалии одному из псковских пригородов. В настоящее время из 12 псковских пригородов известны печати пяти — Изборска, Воронача, Велья, Острова и Красного городка. Принадлежность печати пригороду прямо обозначена в легендах на двух разновременных печатях города Острова, на печати города Велье и на печати Красного городка: «Печать островская» XIV в. принадлежит к разряду II/5 (рис. 37,*1*); «Печать С(вя)т(о)го Сп(а)с(а) Красногородъскаѧ» XV в. (рис. 37,*7*) — к разряду VI/2; островская (рис. 37,*2*) и велейская (рис. 37,*6*) печати XV в. — к эпиграфическому типу. В формуле легенд на красногородской печати и печатях эпиграфического типа содержат-

ся даты: на островской печати помещена дата 6928 г. (1419/20), на велейской — 6923 г. (1414/15), на красногородской — 3 мая 6973 г. (1464); в последнем случае дата соответствует летописной дате строительства красногородской крепости, а сама печать оформлена по образцу печати псковской 6933 г.

Печати еще двух пригородов — Изборска (рис. 37,*3,4*) и Воронача (рис. 37,*5*) относятся к разряду II/5. На реверсе у этих печатей была помещена формула принадлежности святыне: на двух печатях Изборска, названного в летописях «Дом святого Николы» (по Никольскому храму — главной святыне Изборска) легенда гласит: «Печать с(вя)т(о)го Николѣ»; а на печати Воронача, названном в летописи «Дом святого Егория» (по Георгиевскому/Егорьевскому храму — главной святыне Воронача) — «Печ҃а(т)ь с(вя)т(о)г(о Е)гори(҃а)».

Хотя в письменных источниках упоминаются пригородские посадники Пскова, прямых сведений о самоуправлении пригородов нет ни в летописях, ни в ПСГ. В этой связи обращает на себя внимание еще одна группа чиновников Псковской республики, обладавшая по ПСГ правом судопроизводства. Речь идет о *судьях* — должностных лицах, отправлявших судопроизводство в так называемом судийном суде. В ПСГ зафиксирована независимость «судийного суда» от суда князя (Господа), посадника и владычного наместника, и, что особенно существенно, указано на правовое соответствие судей погородским чиновникам. Таким образом, есть основание предполагать, что «судийный суд» ПСГ — это орган судопроизводства, в юрисдикции которого находились псковские пригороды, а пригородские печати — это печати «судийного суда».

Совершенно особой группой печатей, найденных только в Пскове, являются так называемые *печати юрьевские* — буллы, связанные с городом Юрьевом в Ливонской земле (совр. Тарту, Эстония). К XIV в. относятся печати разряда II/5 (рис. 37,*8,9*), оформленные аналогично печатям Изборска и Воронача, а в XV в. им на смену приходит печать эпиграфического типа (рис. 37,*10*), стилистически чрезвычайно близкая печати островской 6928 г., а также оформлению реверса у печатей псковских 6933 г. и печати псковских посадников 6924 г. Таким образом, связь печатей юрьевских с памятниками псковской сфрагистики представляется безусловной, а орган управления, пользовавшийся печатями юрьевскими, располагал в Пскове такими же правами, как и другие органы власти, связанные с пригородским управлением. Все сказанное дает основание считать, что печати юрьевские, как и пригородские печати, связаны с «судийным судом» Пскова, а в юрисдикции чиновников, пользовавшихся этими печатями, могло находиться судопроизводство «по русским делам» в Юрьеве. Отмечу, что в Юрьеве существовал особый русский конец, а факты деятельности

псковских судей в Юрьеве зафиксированы на страницах псковских летописей.

«Архив» из раскопок в Пскове. Сфрагистическое собрание Пскова так же неоднородно, как и сфрагистическое собрание Новгорода. Более 70% всех известных к настоящему времени печатей псковского происхождения приходится на комплекс так называемого архива — обширного скопления моливдовулов, обнаруженного при археологических раскопках 1960—1962 гг. Остатки двухкамерной постройки, содержавшей «архив», находятся в юго-западном углу Довмонтова города Псковского кремля (рис. 38): печати обнаружены в северном помещении постройки в слое пожара начала XVI в. Исследованный раскопками комплекс насчитывает 564 моливдовула и 2 заготовки. Наличие заготовок свидетельствует о том, что мы имеем дело не с погибшим архивохранилищем, а с документацией, хранившейся в помещении действовавшей канцелярии.

Подавляющее большинство печатей, составляющих «архив», датируется XV—началом XVI вв. Среди наместничьих печатей в этом комплексе отсутствуют буллы не только XIV, но и первой половины XV вв., и наиболее ранними являются печати времен святительства новгородского архиепископа Евфимия II, находившиеся в делопроизводстве с 1448 по 1458 г. Начало поступления в «архив» документов, скрепленных «печатью псковской», относится ко времени не ранее 1456—1458 гг. Таким образом, начало формирования комплекса документов, составлявших «архив», можно определять в пределах второй половины 1450-х годов. Верхняя хронологическая граница периода формирования «архива» определяется присутствием в составе комплекса печатей владычных наместников времени святительства новгородского архиепископа Серапиона I (1506—1509 гг.) и, таким образом, сближается со временем окончательного включения Пскова в состав Московского государства (январь 1510 г.). «Архив» находился в постройке в момент пожара — об этом свидетельствуют следы оплавленности на многих найденных печатях, а также мельчайшие капли расплавленного свинца, найденные в постройке вместе с печатями. После пожара постройка так и не была восстановлена, что объясняется потрясениями, пережитыми псковичами в начале 1510 г.

Важнейшим и наиболее сложным является вопрос о принадлежности комплекса конкретному органу власти Пскова второй половины XV—начала XVI вв. При сравнении «архива» с печатями, найденными в Пскове вне этого комплекса, оказывается, что состав «архива» не соответствует ни количественному, ни качественному соотношению памятников сфрагистики, найденных в городских кварталах Пскова (рис. 39). Уже одно это обстоятельство не позволяет считать «архив» Большим Государственным архивом Псковской республики.

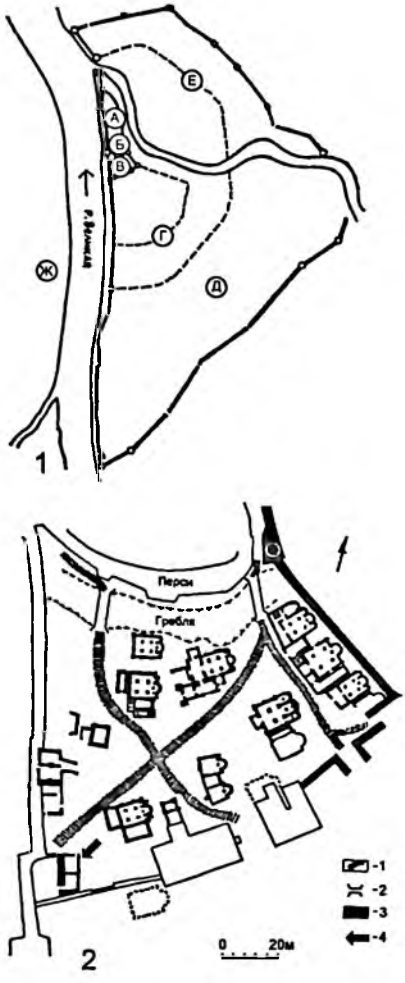


Рис. 38. 1 — план-схема Псковской крепости (А — Кром; Б — вечевая площадь; В — Довмонтов город; Г — Средний город; Д — Полонище; Е — Запсковье; Ж — Завеличье); 2 — план исследованных раскопками построек на территории Довмонтова города (1 — трассы улиц; 2 — местоположение мостов через ров-Греблю; 3 — фундаменты построек, раскрытых при археологических раскопках 1956—1990 гг.; 4 — местонахождение «архива»)

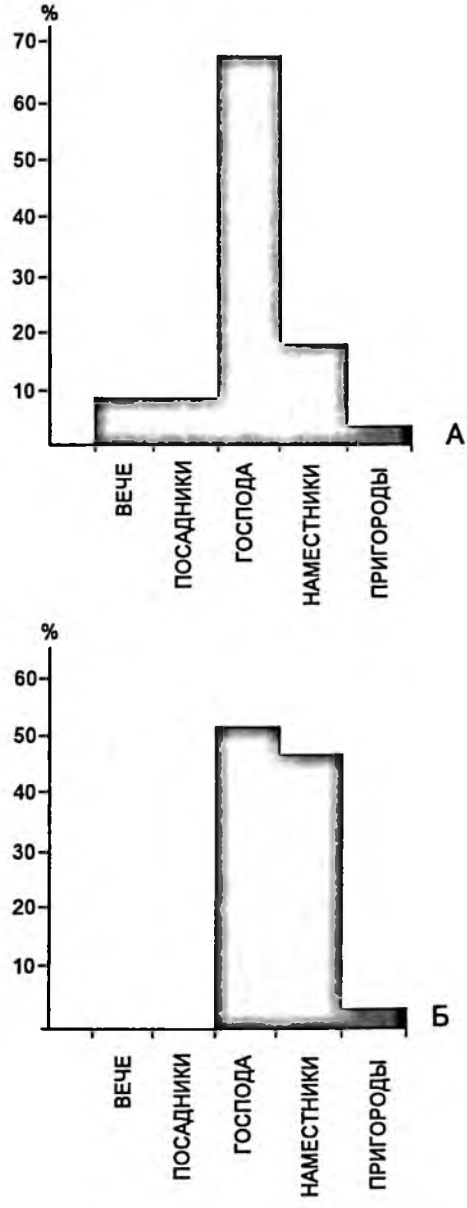


Рис. 39. Печати Пскова. Сравнительная характеристика состава «архива» из раскопок в Довмонтовом городе (Б) и состава сфрагистических находок, найденных в черте города вне «архива» (А)

Но не менее важно и другое: в составе «архива» количественное соотношение «печатей псковских» и печатей владычных наместников принципиально иное по сравнению с соотношением этих же печатей, найденных в черте города: если среди печатей, найденных в городских кварталах, «печатей псковских» больше, чем печатей владычных наместников в три раза, то в составе «архива» эти сфрагистические разряды представлены почти поровну. Заметное смещение акцента на печати владычных наместников наводит на мысль о том, что при формировании комплекса «архива» важную роль играло поступление документов, утвержденных в канцелярии владычных наместников.

Сказанному, казалось бы, противоречит значительное число найденных в составе «архива» печатей Господы: численно документы, прошедшие утверждение в княжом суде Пскова, даже преобладают над документами, утвержденными владычной канцелярией. Недоумение снимается при обращении к ст. 107 ПСГ, конституировавшей не только область юрисдикции владычных наместников и наместничьего суда в Пскове, но также и круг дел, подсудных смесному суду князя и наместника, а также наместника и судий (ПСГ, ст. 107: «...А будет один человек простой истец мирянин, а [не] церковный человек с церковным, то судить князю и посаднику с владычным наместником вопчи, також и судиям»). Если считать, что в смесном суде документ проходил двойное утверждение, то приблизительно равное количество печатей Господы и владычных наместников свидетельствует не о равном количестве документов, вышедших из двух различных канцелярий, а о том, что комплекс «архива» состоял по преимуществу из документов, скрепленных двумя печатями, — печатью Господы и печатью владычного наместника. Иными словами, «архив» оказывается иллюстрацией к ст. 107 ПСГ: подавляющее большинство документов, составлявших этот комплекс, прошли двойное утверждение в органах смесного светского и церковного судопроизводства, а сама канцелярия, исследованная раскопками 1960—1962 гг., вероятнее всего, являлась канцелярией владычных наместников Пскова.

Русская сфрагистика XVI—XVII вв.

Государственные великокняжеские и царские печати

Важнейшим событием в великокняжеской сфрагистике Москвы конца XV в. стало введение в делопроизводство красновощаной печати с изображениями конного копейного воина, поражающего дракона, на аверсе и двуглавого орла под двумя коронами на реверсе (рис. 40, *1*). На обеих сторонах печати размещены круговые легенды, составляющие формулу титула великого московского князя. Впервые эта печать,

Рис. 40. Печати конца XV—начала XVI вв.: 1 — печать великого князя Ивана III Васильевича (при документе 1497 г.); 2—3 — печати великого князя Василия III Ивановича (2 — при документе 1504 г.; 3 — при документе 1514 г.)

обычно обозначаемая в литературе как «двойная кормчая»,[14] зафиксирована при грамоте 1497 г., однако установлено, что печать была введена в делопроизводство не позднее 1489—1490 гг.

Строго говоря, новым для русской сфрагистики данный тип печати считать не приходится: по своему оформлению двойные кормчие могут быть отнесены к разряду IV/1, хорошо известному с домонгольского времени. Не явилось чем-то принципиально новым и изображение конного копейного воина, занимавшего аверс печати, — это изображение встречается на московских великокняжеских перстневых печатях со времен правления Василия I (рис. 34,*5*; 35,*1*; 36,*2*) и в XV—XVII вв. воспри-

[14] Принято считать, что первоначальной функцией *двойной кормчей*, или *кормленой*, печати являлось скрепление грамот, дававших получателю право на кормление, то есть на выплату содержания из государственных доходов.

нималось современниками в качестве московского герба. Событием в русской эмблематике стало появление на печати московского великого князя двуглавого орла[15] — одного из самых дискуссионных изобразительных символов эпохи русского средневековья (*Вилинбахов, 1997*).

Традиционной для отечественной науки является гипотеза, согласно которой включение двуглавого орла в систему изобразительных символов Московского государства явилось следствием женитьбы Ивана III в 1472 г. на Зое (Софье) Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI: двуглавого орла рассматривают в качестве герба Византийской империи, а соединение его в одной сфрагистической регалии с московским копейщиком связывают с провозглашением в начале XVI в. концепции «Москва — третий Рим» — новой официальной политической доктрины Московского государства.

Действительно, после падения Византии в 1453 г. московские великие князья прямо называли себя наследниками византийских императоров, а изображение двуглавого орла было в эпоху средневековья широко распространено в Византии. Однако этот изобразительный символ никогда не был официальным гербом Византийской империи,[16] так что Московское государство, по меткому определению Н. П. Лихачева, «не могло заимствовать непосредственно из Византии того, чего та не имела». Да и сам факт появления двуглавого орла на государственной печати только через два десятилетия после бракосочетания Ивана III и Зои Палеолог свидетельствует против гипотезы о включении двуглавого орла в состав государственных символов Москвы именно вследствие женитьбы московского великого князя на племяннице византийского императора.

Значительно существеннее то, что двуглавый орел использовался в качестве юридического символа в западноевропейских странах и, в частности, с середины XV в. являлся гербом Священной Римской империи. Н. П. Лихачев отмечал желание Ивана III «во всем равняться — в титулах, и в формулах грамот, и во внешности булл — цесарю и королю римскому» и связывал включение двуглавого орла в состав изобразительных символов печати Ивана III с посольством императора Священной Римской империи в Москву. По-видимому, появление двуглавого орла на печати Ивана III следует объяснять знакомством

---

[15] Изображение двуглавого орла известно с глубокой древности: оно встречено уже в памятниках изобразительного искусства народов Передней Азии (II тыс. до Р. Х.), известно в государствах Сасанидов и сельджуков, являлось широко распространенным элементом декора в орнаментике балканских государств и стран Западной Европы. Смысловое значение этого изображения объясняют по-разному — совместным правлением двух правителей, притязанием на управление двумя государствами, олицетворением идеи всемирной империи.

[16] Герб Византийской империи XIV—XV вв. представлял собой крест, образованный четырьмя буквами «В».

великого московского князя с атрибутами государственной власти в империи Габсбургов (*Соболева, Артамонов, 1993*). Отметим, что орел на великокняжеской печати занимает реверс, в то время как на аверс вынесено изображение традиционного московского копейщика. Именно изображение копейщика оказывается, таким образом, юридическим символом печати, изображение же орла находится в подчиненном положении и может быть расценено как символически выраженные претензии «господаря Всея Руси» на равенство с европейскими государями, и прежде всего с «римским цесарем».[17]

Тип печати, введенный при Иване III, в дальнейшем становится традиционным: по образцу печати Ивана III была изготовлена печать меньшего диаметра для его сына и наследника московского престола Василия Ивановича (рис. 40,*2*), а со вступлением Василия III на престол в великокняжеской канцелярии Москвы была изготовлена новая печать, полностью соответствующая печати Ивана III (рис. 40, *3*). По образцу двойной кормчей были оформлены золотые буллы Василия III (рис. 41, *1*—*2*), так что новый тип великокняжеской печати оказался универсальным.

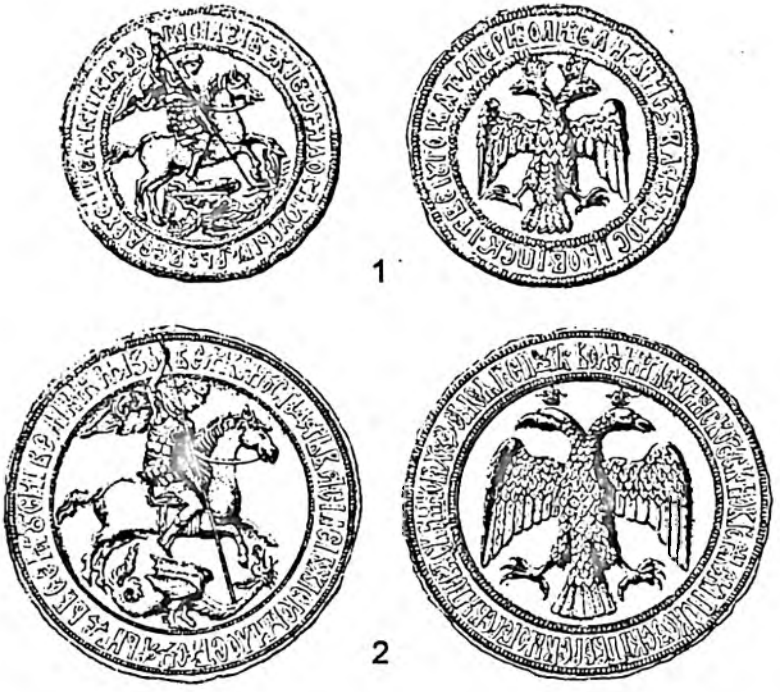


Рис. 41. Золотые буллы великого князя Василия III Ивановича
(1 — при документе 1517 г.; 2 — при документе 1514 г.)

[17] Подробнее об истории двуглавого орла в России см.: *Соболева, Артамонов, 1993; Вилинбахов, 1997.*

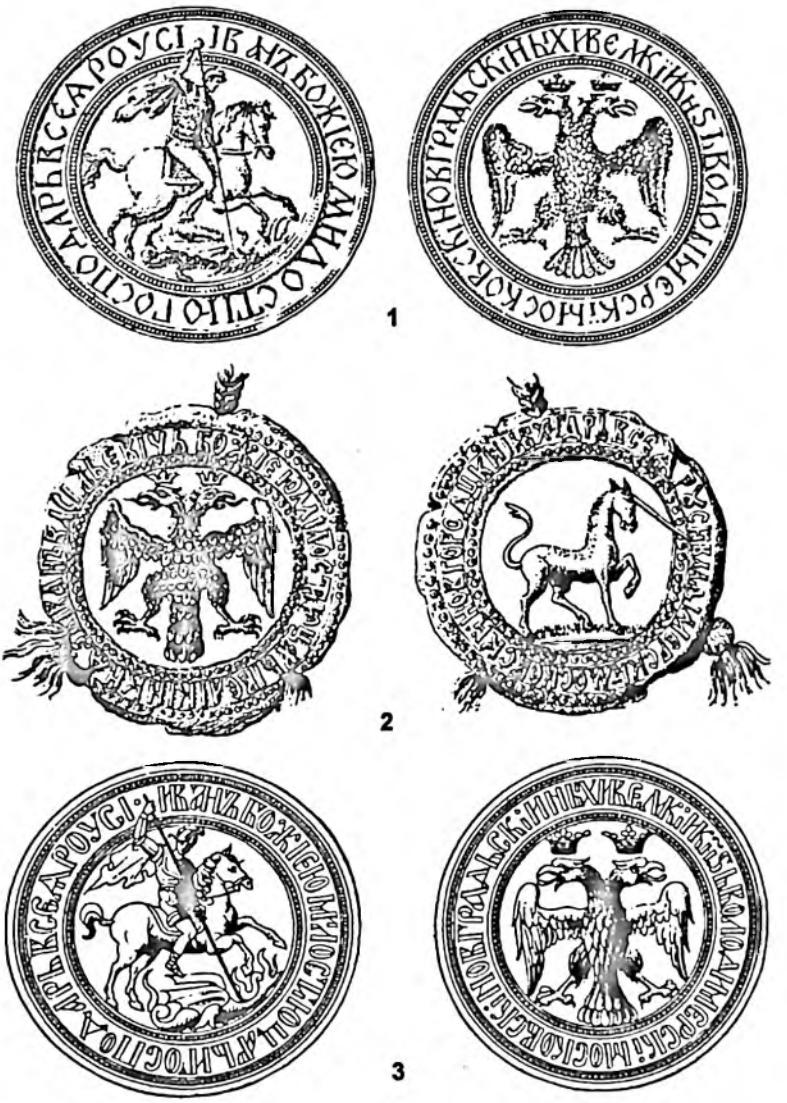


Рис. 42. Печати XVI в.: 1—3 — печати великого князя/царя Ивана IV Васильевича (1 — при документе 1539 г.; 2 — при документе 1569 г.; 3 — при документе 1584 г.)

Двойная кормчая, которую в литературе иногда называют *Малой Государственной печатью*, использовалась в делопроизводстве московской великокняжеской (с 1547 г. — царской) канцелярии не только при Иване IV (рис. 42,*1,3*) и Федоре Иоанновиче (рис. 45,*1*) — непосредственных преемниках Василия III, но и позднее — при Борисе Годунове (рис. 46,*2*), Лжедмитрии I (рис. 47,*5*), Василии Шуйском (рис. 48,*3*) и при первых Романовых (рис. 50,*1,2*). Только однажды — в 60-е годы XVI в. — была предпринята попытка изменить оформление двойной кормчей: изображение двуглавого орла было вынесено на аверс печати, а реверс оказался занят изображением единорога (рис. 42,*2*). Однако новый тип печати не прижился, и во второй половине 70-х годов XVI в. в царской канцелярии Москвы вернулись к традиционному оформлению двойной кормчей.

В годы царствования Ивана IV в делопроизводстве царской канцелярии использовались, наряду с двойной кормчей, печати других типов, причем в письменных источниках имеются сведения об изготовлении матриц для некоторых из них. Так, в 1561 г. была изготовлена печать «орел двоеглавной, а середи его человек на коне, а на другой стороне орел же двоеглавной, а середи его инорог»; возможно, речь идет о паре матриц, использованных для скрепления документов золотой буллой (рис. 43,*1*). Отличительной особенностью еще одной золотой буллы стало иное размещение по сторонам печати единорога и копейщика, помещенных в гербовые щиты на груди орлов (рис. 43,*2*). При документах сохранились также оттиски односторонней прикладной печати (*Малая Государственная печать*) с изображением двуглавого орла, на груди у которого в гербовом щите размещалось изображение единорога (рис. 43,*3*), оттиски перстневой печати (рис. 43,*5*). Но наибольшую известность получила *Большая Государственная печать*, введенная в делопроизводство в конце 1570-х гг. (рис. 44): в центре аверса помещено изображение двуглавого орла, на груди у которого в гербовом щите изображен копейщик, вокруг орла между двумя круговыми легендами размещены 12 территориальных эмблем в окружении самостоятельных легенд; в центре реверса помещено изображение двуглавого орла, на груди у которого в гербовом щите изображен единорог, вокруг орла между двумя круговыми легендами размещены еще 12 территориальных эмблем в окружении самостоятельных легенд. Четыре круговых надписи на печати в совокупности содержат полный царский титул. Территориальные эмблемы на печати имеют вид зверей (в том числе фантастических), рыб, оружия и регалий власти, причем большинство этих изобразительных символов не находит исторических корней в предшествующей сфрагистике и эмблематике соответствующих земель. Таким образом, территориальные эмблемы Большой Государственной печати Ивана IV, символизирующие единство земель, составлявших Московское государство, представляют собой новообразованные изобразительные символы, иллюстрирующие царский титул.

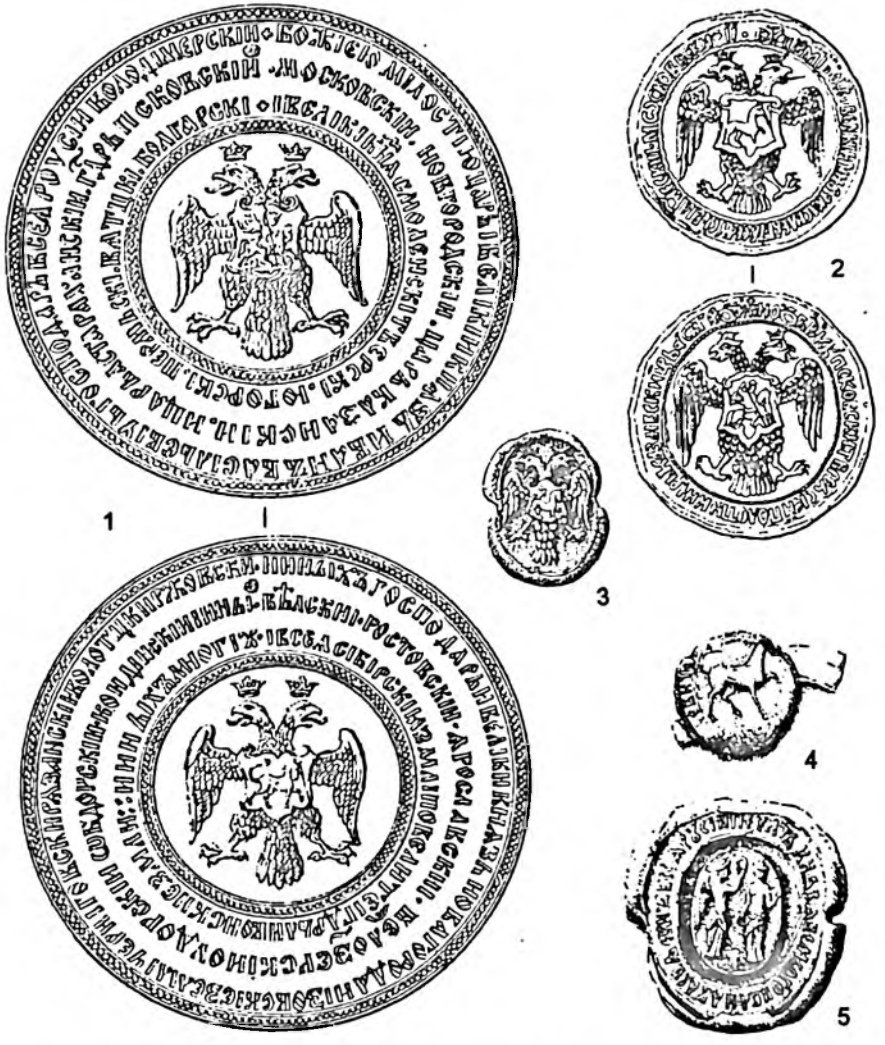


Рис. 43. Печати XVI в.: 1—5 — печати царя Ивана IV Васильевича (1 — золотая булла при документе 1562 г.; 2 — золотая булла 1563—1579 гг.; 3 — при документе 1566 г.: 4—5 — при документах 1557 г.)

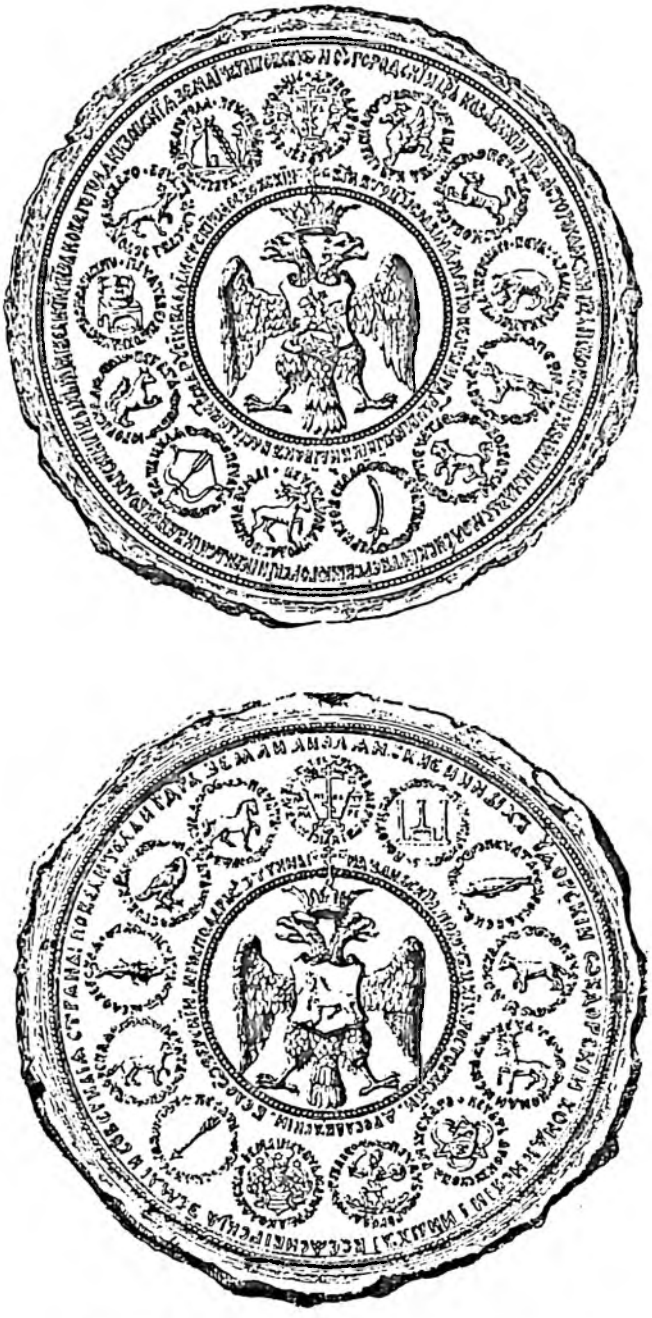


Рис. 44. Большая Государственная печать
царя Ивана IV Васильевича

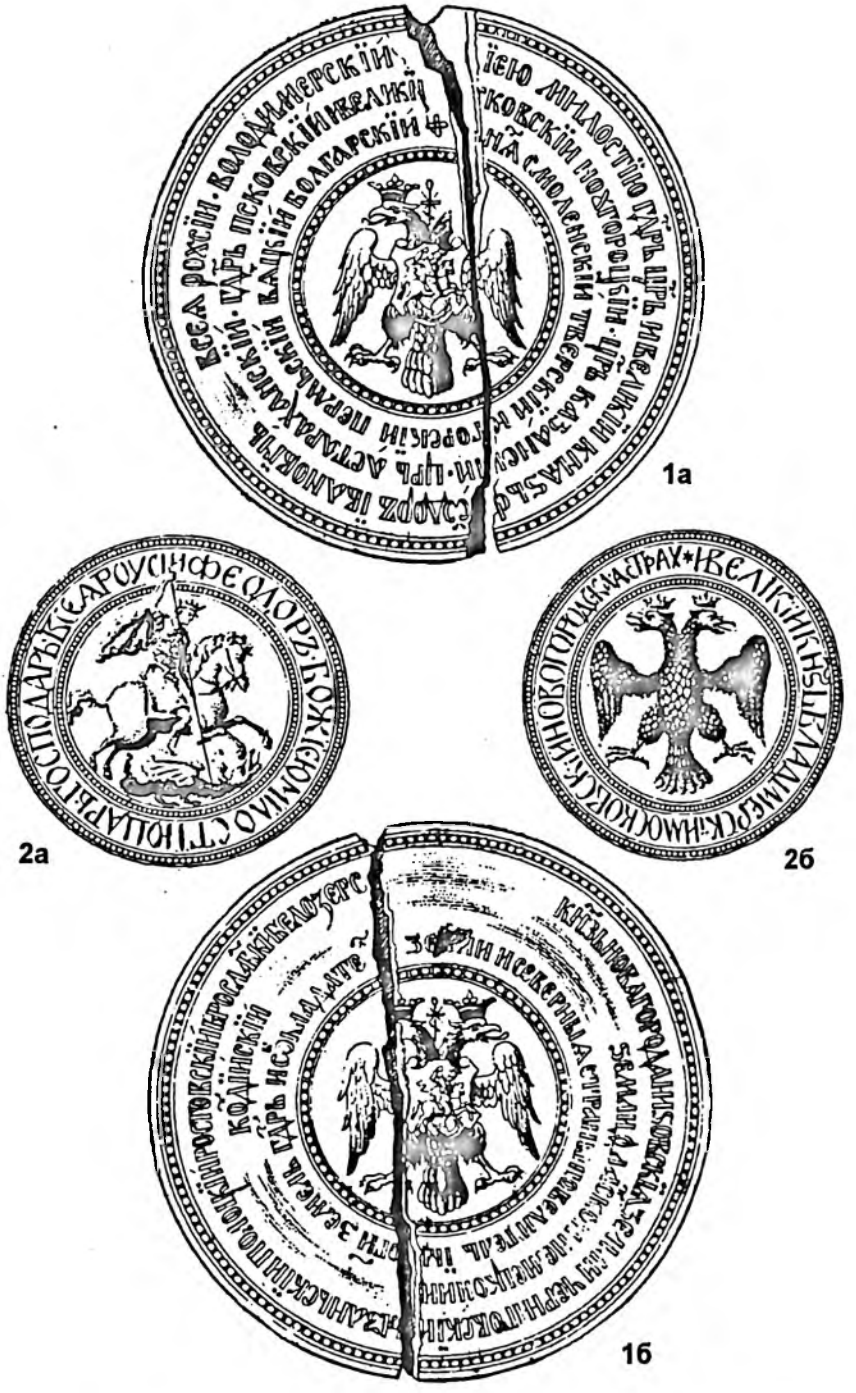


Рис. 45. Печати конца XVI в.: 1—2 — печати царя Федора Иоанновича (1 — при документе 1589 г.; 2 — при документе 1585 г.)

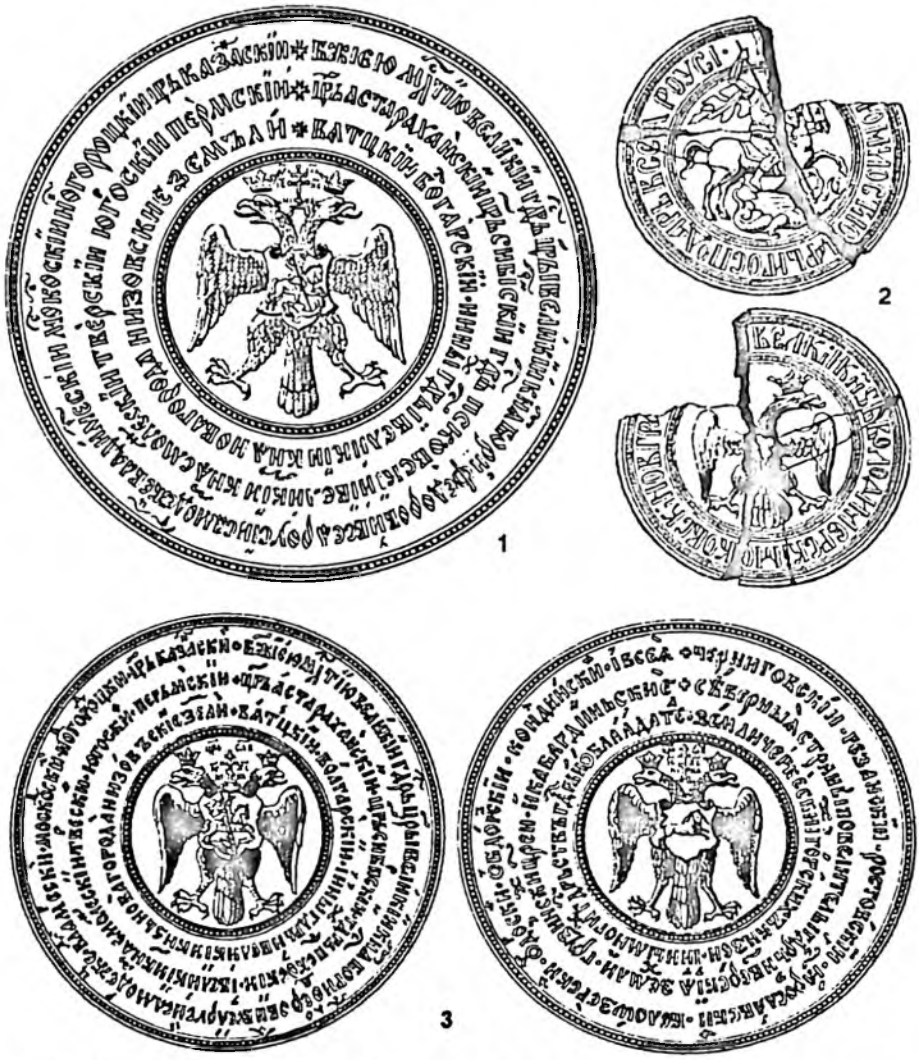


Рис. 46. Печати конца XVI—начала XVII вв.: 1—3 — печати царя Бориса Федоровича Годунова (1 — при документе 1590 г.; 2 — при документе 1599 гг.; 3 —золотая булла при документе 1602 г.)

В годы царствования Федора Иоанновича наряду с двойной кормчей (рис. 45,*2*) существовала Большая Государственная печать (рис. 45,*1*), причем матрица аверса ее использовалась и для скрепления документов прикладной печатью. Двойная кормчая и Большая Государственная печати (рис. 46,*1—2*) известны и от периода правления Бориса Федоровича Годунова, а золотая булла Годунова повторяла тип Большой Государственной печати (рис. 46,*3*). Прикладная печать царевича Федора Борисовича по своему оформлению соответствовала аверсу двойной кормчей (рис. 47,*1*).

Эпоха Смутного времени представлена в доступном сфрагистическом материале выразительной серией разнообразных печатей-оттисков. От короткого периода правления Лжедмитрия I до нас дошли двойные кормчии (рис. 47,*5*), Малая (рис. 47,*3*) и Большая (рис. 48,*1*) Государственные печати, а также золотая булла (рис. 47,*4*); все эти печати повторяют уже известные сфрагистические типы предшествующего времени, а некоторые документы Лжедмитрий I утвердил прикладной печатью, оттиснутой матрицей аверса Большой Государственной печати Ивана IV. Отметим прикладную печать Лжедмитрия I (рис. 47,*2*), матрица которой была явно изготовлена западноевропейским торевтом. В годы царствования Василия Ивановича Шуйского существовали обе основные государственные печати — двойная кормчая (рис. 48,*3*) и Большая Государственная (рис. 48,*4*).

В изготовлении матриц для прикладных печатей Лжедмитрия II (рис. 49,*1*) и печати, скрепившей послания Марины Мнишек (рис. 48,*2*), угадывается участие западноевропейских торевтов: в первом случае мы сталкиваемся с латинизированным начертанием букв и грамматическими ошибками в круговой легенде, а во втором случае на груди орла помещена стилизованная лилия. Заметим, что в формуле легенды на

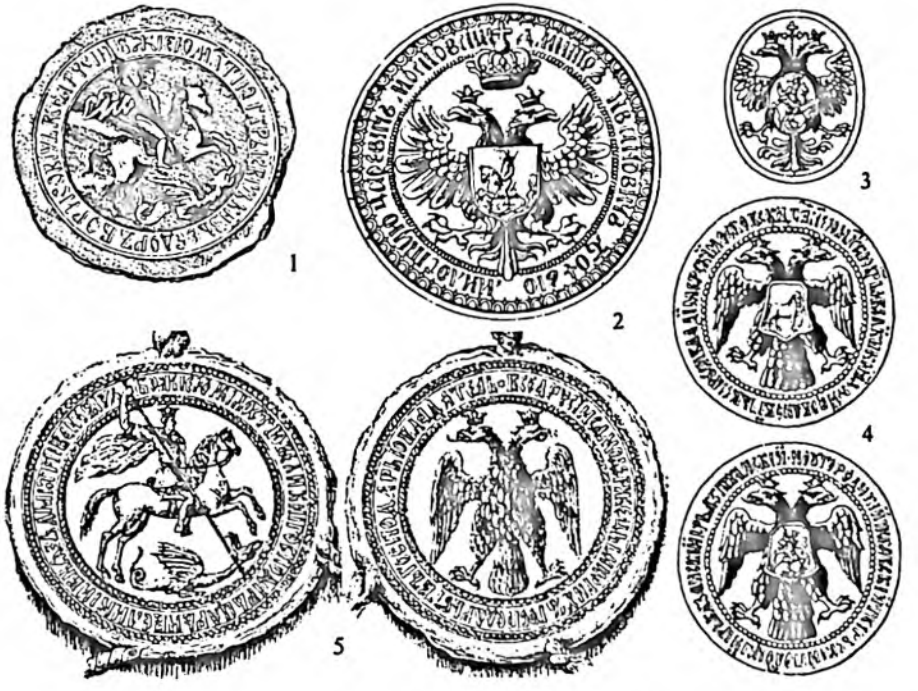


Рис. 47. Печати начала XVII в.: 1 — печать царевича Федора Борисовича (при документе 1604 г.); 2—5 — печати Лжедмитрия I (2 — при документе 1604 г.; 3 — при документе 1605 г.; 4 — золотая булла при документе 1605—1606 гг.; 5 — при документе 1603—1606 гг.)

Рис. 48. Печати начала XVII в.: 1 — печать Лжедмитрия I (при документе 1606 г.); 2 — печать, скреплявшая документы, написанные Мариной Мнишек (при документе 1609 г.); 3—4 — печати царя Василия Ивановича Шуйского (3 — при документе 1608 г.; 4 — при документе 1606 г.).

Рис. 49. Печати начала XVII в.: 1 — печать Лжедмитрия II (при документе 1608 г.); 2 — печать Второго Ополчения (при документе 1608 г.)

этой печати («Пічаты Дми... Русии») угадывается начало имени «Дмитрий», так что матрица печати принадлежала не самой Марине, а одному из ее мужей — Лжедмитрию I или Лжедмитрию II.

К числу сфрагистических редкостей относится *земская печать*, использовавшаяся в делопроизводстве Первого и Второго ополчений: в центре поля печати помещено изображение одноглавого орла, окруженного надписью: «Великіе Россіскіе д(е)рж(а)вы Московско(го) г(осу)д(арства) печа(т) земска» (рис. 49,*2*). Земская печать могла прикладываться и привешиваться к документам, в последнем случае аверс и реверс оттискивались одной и той же матрицей. Часть документов Первого ополчения скреплялась также личной печатью Прокопия Ляпунова, а документы Второго ополчения могли утверждаться личной печатью князя Дмитрия Пожарского.

Государственная сфрагистика Московского царства стабилизировалась после избрания на царство Михаила Федоровича Романова. В это время использовались двойные кормчии (рис. 50,*1*—*2*), Малая (рис. 50,*3*) и Большая (рис. 51,*1*) Государственные печати, причем все перечисленные сфрагистические регалии, хотя они и включали изменения в титуловании и иконографии изображений, оформлялись в традициях предшествующего царствования. Традиционно оформлялась вначале и Большая Государственная печать Алексея Михайловича (рис. 51,*2*, 52,*1*), однако в 1667 г. для скрепления Андрусовского договора с Польшей была изготовлена матрица новой Большой Государственной печати (рис. 52,*2*), описание которой было оформлено в виде царского указа: кроме новой иконографии изображения орла и нового царского титула, размещенного в круговой легенде, особенностью этой печати является размещение по сторонам от орла шести схематичных изображений «городов», иллюстрирующих царский титул, причем каждое из изображений сопровождается пояснительным инициалом: слева — «В(еликия)», «М(алыя)», «Б(елыя)», справа — «В(ос-

Рис. 50. Царские печати XVII в.: 1—3 — царя Михаила Федоровича (1 — при документе 1625 г.; 2 — при документе 1627 г.; 3 — при документе 1625 г.); 4 — печать инокини Марфы Ивановны, матери царя Михаила Федоровича

Рис. 51. Большие Государственные печати XVII в.: 1 — печать царя Михаила Федоровича (при документе 1636 г.); 2 — печать царя Алексея Михайловича (при документе 1654 г.)

Рис. 52. Большие Государственные печати царя Алексея Михайловича (1 — при документе 1656 г.; 2 — при документе 1668 г.)

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18

точных)», «З(ападных)», «С(еверных)». Считать Большую Государственную печать 1667 г. принципиально новой для русской сфрагистики, однако, не приходится, поскольку этот же принцип включения в оформление печати изобразительных эквивалентов для царского титула уже известен по Большой Государственной печати Ивана IV.

Печати центральных и местных государственных учреждений

Печати, использовавшиеся в делопроизводстве центральных и местных государственных учреждений Московского государства, представлены в доступном для изучения материале значительно хуже, чем печати царской канцелярии. К числу наиболее ранних относится *печать Ливонской земли*, матрица которой была изготовлена в 1564 г. (рис. 53,*1*): поле печати занимает двуглавый орел с гербовым щитом на груди, попирающий лапами «гербъ печать маистра Ливоньского» и «гербъ печать Юріевского бискупа», вокруг орла размещена круговая легенда, содержащая формулу принадлежности.

Древнейшая из известных *печатей Царства Казанского* (рис. 53,*2*) сохранилась при документе конца XVI в., более поздняя печать скрепляла документ конца XVII в. (рис. 53,*3*); помещенное на печатях изображение крылатого коронованного дракона соответствует изобразительному символу Казанского царства на Большой Государственной печати Ивана IV. На *печати Царства Астраханского*, сохранившейся при документе 1636 г. (рис. 53,*5*), отчетливо читается только изображение короны.

К XVI в. обычно относят две сохранившиеся серебряные печати матрицы с изображением хищника семейства кошачьих и круговой легендой «Печать Господарства Псковско(го)» (рис. 53, *4*). На *печати Княжества Смоленского*, скреплявшей документ середины XVII в., помещено изображение птицы, сидящей на пушке (рис. 53, *6*), рядом с изображением имеется пояснительная надпись «Птица Гама(юн)».

Рис. 53. Печати центральных и местных государственных учреждений России XVI—XVII вв.: 1 — печать Ливонской земли (при документе 1564 г.); 2, 3 — печать Казанского царства (2 — при документе 1596 г.; 3 — при документе 1693 г.); 4 — печать Господарства Псковского (оттиск матрицы XVI в.); 5 — печать Астраханского царства (при документе 1636 г., увеличена); 6 — печать Смоленского княжества (при документе1664 г.); 7—8 — печати Приказа Большого дворца (7 — при документе 1638 г.; 8 — при документе 1685 г.); 9 — печать Приказа Большой казны (при документе 1692 г.); 10 — печать Съезжей избы Шенкурского острога (при документе 1657 г.); 11 — печать Енисейского острога (при документе 1671 г.); 12 — печать Красноярского острога (при документе 1644 г.); 13 — печать города Симбирска (XVII в.); 14 — печать Земского приказа (при документе 1682 г.); 15 — печать Якутского острога (при документе 1682 г.); 16 — печать города Верхотурья (при документе 1689 г.); 17 — печать города Кузнецка (при документе 1694 г.); 18 — печать Малороссийского приказа (при документе 1654 г.) (по СГГД)

Сохранившиеся *печати московских приказов* относятся к XVII в. Таковы: печати Большого Дворца (рис. 53,*7,8*) — одного из центральных правительственных учреждений, в ведение которого входило управление дворцовыми учреждениями и вотчинами; печать приказа Большой Казны (рис. 53,*9*), являвшегося центральным финансовым учреждением, контролировавшим сборы доходов (таможенные пошлины, питейные и оброчные деньги); печать Земского приказа (рис. 53,*14*), отвечавшего за порядок и благочиние в государстве, а также ведавшего борьбой с пожарами в Москве; печать Малоросского приказа (рис. 53,*18*), отвечавшего за отношения с Украиной, имевшей автономное управление. Подмечено, что изображения на печатях правительственных учреждений иллюстрируют функции приказа: портал здания на печати Земского приказа, весы на печати приказа Большой Казны, гетманская булава на престоле и подходящие к престолу с двух сторон украинские казаки с характерными оселедцами на бритых головах. Сохранился также ряд таможенных печатей эпиграфического типа (Нижегородская, Соликамская и др.) и печатей, употреблявшихся в делопроизводстве городов и острогов Сибири (рис. 53,*10—13,15—17*); все они датируются XVII в.

Печати светских должностных и частных лиц

Печати светских лиц сохранились при многих документах (рис. 54). Наряду с печатями князей и бояр, занимавших высокие должности в аппарате управления государства (окольничий, дворецкий, стольник, наместник, воевода и др.), широко представлены печати, принадлежавшие чиновникам среднего звена (подьячии, тиуны, писцы, старосты, приказчики, судьи), а также частным лицам без указания статуса владельца печати. Известны печати, оттиснутые специально изготовленными матрицами, на которых вырезалась формула принадлежности или указания. Иногда формула легенды сокращалась до инициалов, как на печати князя Семена Ивановича Шаховского (рис. 53,*22*). Уникальна печать писца и межевщика Федора Измайлова, сохранившаяся при документе 1622 г. (рис. 54,*46*): шестистрочная надпись на печати содержит фрагмент псалма «Не ревнуі лукавнующимь, ниже завиди творящимъ безаконіе». Большинство печатей являются оттисками позднеантичных гемм, вставленные в перстневую или иную оправу.

Печати иерархов русской церкви и церковнослужителей

Печати епископов и митрополитов Руси XVI—XVII вв. оформлялись в традициях, сформировавшихся еще в XIV—XV столетиях: аверс по преимуществу занят изображением Богоматери, а на реверсе разме-

Рис. 54. Печати XVI—XVII вв.: 1 — печать боярина И. Г. Морозова (при документе 1541 г.); 2 — печать боярина князя Д. Ф. Палецкого (при документе 1554 г.); 3 — печать боярина дворецкого Д. Р. Юрьева (при документе 1549 г.); 4 — печать окольничего Д. А. Чеботова (при документе 1554 г.); 5 — печать окольничего боярина И. И. Беззубцова (при документе 1545 г.); 6 — печать двинского наместника князя Д. М. Жижемского (при документе 1547 г.); 7 — печать князя Д. А. Друцкого (при документе 1575 г.); 8 — печать боярина В. Ю. Траханиота (при документе 1568 г.); 9 — печать дворецкого, князя Ф. И. Хворостинина (при документе 1576 г.); 10 — печать воеводы князя И. М. Воротынского (при документе 1587 г.); 11 — печать воеводы князя С. И. Гундорова (при документе 1555 г.); 12 — печать нижегородского межевщика князя О. Д. Мосальского (при документе 1563 г.); 13 — печать боярина и дворецкого С. В. Годунова (при документе 1605 г.); 14 — печать стольника и воеводы князя В. П. Ахмащукова-Черкасского (при документе 1632 г.); 15 — печать стольника и воеводы князя С. В. Елецкого (при документе 1611 г.); 16 — печать воеводы князя А. В. Приимкова-Ростовского (при документе 1616 г.); 17,20,23 — печати князя В. Р. Волконского (17,20 — при документах 1625 г.; 23 — при документе 1630 г.); 18 — печать стольника и воеводы князя В. Г. Ромодановского (при документе 1625 г.); 19 — печать воеводы князя А. Д. Ростовского-Приимкова (при документе 1619 г.); 21 — печать межевщика князя И. Л. Шаховского (при документе 1629 г.); 22 — печать воеводы князя С. И. Шаховского (при документе 1631 г.); 24 — печать воеводы князя В. П. Кропоткина (при документе 1632 г.); 25 — печать подьячего Якова Семенова Щелкалова (при документе 1535 г.); 26 — печать Федора Непогодьева сына Зубатого (при документе 1573 г.); 27 — печать Ивана Черникова сына Онучина (при документе 1573 г.); 28 — печать подьячего Истомы Емельянова (при документе 1601 г.); 29 — печать воеводы Перфилия Секиры (при документе 1620 г.); 30 — печать двинского тиуна Ковурца Лаврентьева (при документе 1535 г.); 31 — печать переяславского городового приказчика судьи Давыда Иванова Макарьева (при документе 1552 г.); 32 — печать Ивана Кирея Клементьева сына Ольгова (при документе 1511 г.); 33 — печать подьячего Федора Фатьянова (при документе 1545 г.); 34 — печать Прокофия Зиновьевича (при документе 1501 г.); 35 — печать Тимофея Петровича Замыцкого (при документе 1501 г.); 36 — печать писца-межевщика Федора Васильева Ржевского (при документе 1552 г.); 37 — печать белозерского дозорного писца-межевщика Елизара Григорьева Старого (при документе 1580 г.); 38 — печать писца-межевщика Федора Ефимьева Кошки (при документе 1612 г.); 39 — печать Поярка Ильина Ивашнина (при документе 1545 г.); 40 — печать Василия Семенова Самарина (при документе 1620 г.); 41 — печать Романа Васильева Жукова (при документе 1655 г.); 42 — печать Гаврилы Иванова Бобрищева-Пушкина (при документе 1617 г.); 43 — печать губного старосты Бежецкого Верха Ивана Иванова Воронина (при документе 1582 г.); 44 — печать дозорщика Павла Игнатьева Лошакова (при документе 1615 г.); 45 — печать Ивана Петрова Майорова (при документе 1662 г.); 46 — печать писца-межевщика Федора Иванова Измайлова (при документе 1622 г.); 47 — печать Шарапа Семенова Якушкина (при документе 1605 г.); 48 — печать Васюка Гаврилова Бобкова (при документе 1519 г.); 49 — печать Афанасия Ильича Шишкина (при документе 1678 г.); 50 — печать архимандрита Чудова монастыря Левкия (при документе 1558 г.); 51 — печать старца Троице-Сергиева монастыря Андреяна Апостолова (при документе 1562 г.); 52 — печать протопопа соборной церкви владимирского Рождественского монастыря Григория (при документе 1674 г.); 53 — печать игумена Кириллова монастыря Иосафа (при документе 1569 г.); 54 — печать архимандрита московского Новоспасского монастыря Вассиана (при документе 1574 г.); 55 — казенная домовая печать Троице-Сергиева монастыря (при документе 1582 г.); 56 — келарская печать Троице-Сергиева монастыря (при документе 1582 г.); 57 — печать архимандрита владимирского Рождественского монастыря Викентия (при документе 1674 г.)

щена легенда, содержащая стереотипную формулу указания (рис. 55, *2—5, 12*; 56, *4—9*; 57, *1—3, 5, 6*). Традиционным изобразительным символом на аверсе архиерейских печатей является также изображение благословляющей руки (рис. 55, *1, 9, 11*; 56, *1—3, 10*; 57, *3*),[18] причем символика этого изображения прямо названа в круговой легенде на печати митрополита московского Даниила: «Рука митрополита Даниила Всея Руси» (рис. 55, *1*). После собора 1564 г. повелением Ивана IV высшим церковным иерархам было даровано право использовать печать красного воска, и с этого времени оформление печати стало стереотипным: *аверс* — изображение Богоматери, *реверс* — благословляющая рука и легенда с именем и титулом владыки. Этот тип печати использовался первым московским патриархом Иевом (рис. 58, *1*) и стал в дальнейшем традиционным типом русской патриаршей вислой печати (рис. 58, *2, 3*).

Особняком среди прочих находятся печати архиепископа Арсения Елассонского (*аверс* — изображение архангела, *реверс* — изображение благословляющей руки в окружении формулы указания), а также печать епископа Владимирского и Берестейского Иосифа с изображением на аверсе композиции Успение Богоматери (рис. 57, *7, 9*): в первом случае изображение символизировало Архангельский собор Московского Кремля, при котором жил и трудился владыка Арсений, а во втором случае изображение композиции Успения символизировало кафедральный Успенский собор во Владимире Волынском.

В делопроизводстве иерархов русской церкви употреблялись и односторонние прикладные печати, причем в качестве матрицы могла быть использована одна из матриц от двусторонней подвесной печати (рис. 55, *6, 7*; 57, *4, 8*). Печати низшего духовенства и церковнослужителей в XVI—XVII вв. были по преимуществу лишены изображений, а легенда содержала стандартную формулу указания, включавшую имя и должность владельца печати (рис. 54, *50—57*).

Заключение

Предпринятый обзор русской допетровской сфрагистики позволяет сделать несколько существенных выводов. Очевидно, что традиция оформления письменного документа, скрепленного подвесной печатью, пришла на Русь в X в. из Византии, однако древнерусская сфрагистика не была заимствована в готовом виде: она формировалась на основе слияния элементов византийского делопроизводства и традиционного права, материализованного в своеобразных сфрагистических

---

[18] Самой ранней архиерейской печатью с изображением благословляющей руки является как будто бы односторонняя прикладная печать новгородского архиепископа Симеона, занимавшего Софийскую кафедру в 1415—1421 гг. (см. рис. 55, *8*).

Рис. 55. Печати митрополитов и архиепископов XVI—XVII вв.: 1 — митрополит Московский и Всея Руси Даниил (при документе 1522 г.); 2 — митрополит Московский и Всея Руси Антоний (при документе 1580 г.); 3 — митрополит Московский и Всея Руси Макарий (при документе 1563 г.); 4 — митрополит Московский и Всея Руси Афанасий (при документе 1565 г.); 5 — митрополит Московский и Всея Руси Дионисий (при документе 1584 г.); 6 — митрополит Московский и Всея Руси Макарий (при документе 1561 г.); 7 — митрополит Московский и Всея Руси Варлаам (при документе XVI в.); 8 — митрополит Новгородский и Великолуцкий Макарий (при документе 1626 г.); 9 — архиепископ Новгородский Пимен (при документе 1565 г.); 10—11 — архиепископ Новгородский и Псковский Александр (10 — при документе 1580 г.; 11 — при документе 1584 г.); 12 — архиепископ Псковский и Изборский Пафнутий (при документе 1626 г.)

Рис. 56. Печати митрополитов и архиепископов XVI—XVII вв.: 1 — архиепископ Казанский и Свияжский Иеремей (при документе 1580 г.); 2 — архиепископ Казанский и Свияжский Тихон (при документе 1584 г.); 3 — митрополит Казанский и Астраханский Гермоген (при документе 1589 г.); 4 — архиепископ Ростовский и Ярославский Давыд (при документе 1580 г.); 5 — архиепископ Ростовский и Ярославский Евфимий (при документе 1584 г.); 6 — митрополит Ростовский и Ярославский Варлаам (при документе 1626 г.); 7 — архиепископ Вологодский и Великопермский Варлаам (при документе 1580 г.); 8 — епископ Суздальский и Тарусский Иов (при документе 1589 г.); 9 — епископ Суздальский и Тарусский Варлаам (при документе 1580 г.); 10 — епископ Рязанский и Муромский Леонид (при документе 1584 г.)

Рис. 57. Печати митрополитов, архиепископов и епископов XVI—XVII вв.:
1 — архиепископ Рязанский и Муромский Антоний (при документе 1626 г.);
2 — митрополит Сарский и Подонский Киприан (при документе 1626 г.);
3 — митрополит Сарский и Подонский Геласий (при документе 1589 г.);
4 — архиепископ Суздальский и Тарусский Серапион (при документе 1629 г.);
5 — епископ Коломенский и Каширский Иосиф (при документе 1589 г.);
6 — архиепископ Тобольский и Всея Сибири Макарий (при документе 1626 г.);
7 — архиепископ Арсений Елассонский (при документе 1613 г.); 8 — архиепископ Тверской и Каширский Пафнутий (при документе 1626 г.); 9 — епископ Владимирский и Берестейский Иосиф (при документе 1626 г.)

Рис. 58. Печати патриархов Всея Руси XVI—XVII вв.:
1 — Иов (при документе 1589 г.); 2 — Филарет (при документе 1628 г.);
3 — Питирим (при документе 1662 г.)

памятниках, — так называемых геральдических подвесках, верительных знаках, удостоверявших полномочия княжеских представителей.

В XI—XII вв. появляются все известные к настоящему времени группы сфрагистических символов и большинство сфрагистических разрядов. Таким образом, именно в домонгольское время складывается «язык» древнерусской сфрагистики, то есть приемы передачи информации, использовавшиеся при оформлении русских средневековых печатей. С этого же времени в делопроизводстве используются свинцовые заготовки разного размера, что свидетельствует о формировании осознанного отношения к документам различного ранга. Более половины известных к настоящему времени сфрагистических разрядов домонгольской Руси представлены единичными буллами. Очевидно, что в XI—XII вв. происходил активный поиск оптимальных форм печатей, наиболее адекватно соответствовавших возникавшим властным структурам и зарождавшимся институтам управления. Однако к середине XIII в. этот процесс был далек от завершения.

Резкое сокращение числа известных сфрагистических разрядов, фиксируемое в XIII в., безусловно, требует объяснения. Велик соблазн сопоставить полученные наблюдения с монголо-татарским нашествием. Тем не менее, это сопоставление — мнимое: из обихода вышли типы печатей, материализовавшие своим появлением эпизоды в истории властных структур средневековой Руси. Поэтому считать изменения в составе сфрагистических регалий следствием произошедшего в середине XIII в. распада российской государственности вряд ли правомочно. Равным образом нет оснований связывать с конкретными историческими событиями и сокращение числа сфрагистических разрядов, произошедшее в первой половине XIV в. В это время из делопроизводства были выведены разряды, объединяющие анэпиграфичные буллы. Фактически большинство средневековых русских печатей начиная с XIV в. несут на одной или на обеих сторонах легенду, содержащую сведения о личности владельца печати либо об институте власти, регалией которого являлась печать, а сфрагистические разряды, объединяющие анэпиграфичные печати, составляют исключение.

Существенно, что переход от преобладания печатей, лишенных надписей, к преобладанию печатей, на одной или на обеих сторонах у которых имелись легенды, происходил постепенно и растянулся во времени на несколько десятилетий — с конца XIII до середины XIV в. По-видимому, и сокращение разнообразия актовых печатей в делопроизводстве, и переход к преобладанию печатей, несущих легенды, — это явления одного порядка. Вряд ли мы сильно ошибемся, предположив, что названные события знаменуют собой начавшийся процесс унификации русских средневековых печатей. И если в XIV—XV вв. результаты унификации только угадываются, то к рубежу XV—XVI вв. складывается новый тип великокняжеской московской печати, а к середине

XVI в. уже формируются основные типы государственных сфрагистических регалий, сохранявшиеся впоследствии на протяжении всего периода существования Московского царства. Отметим, что в годы царствования Ивана IV был взят под контроль процесс оформления местных сфрагистических типов (создание Большой Государственной печати с включением в ее оформление новообразованных территориальных эмблем). По сути дела, к этому времени неподконтрольным государству оставался только процесс выбора личных перстневых печатей, однако случайный характер изображений на большинстве из них не вызывает сомнений.

Памятники сфрагистики Российской империи и более позднего времени до настоящего времени остаются в основном неопубликованными, поэтому их можно охарактеризовать только в самых общих чертах. В оформлении Государственной печати основным изобразительным символом остается двуглавый орел, в гербовом щите на груди у которого помещен копейщик (при Петре I иногда заменявшийся на Андреевский крест, позднее — и на другие изображения), а круговая легенда включает императорский титул. Сменявшие друг друга на российском престоле императоры и императрицы вносили в оформление государственных печатей изменения непринципиального характера по сравнению с печатями первых Романовых. К XIX в. из оформления печатей государственных и центральных учреждений исчезают аллегорические изобразительные символы и им на смену приходит изображение государственного орла. На печатях местных учреждений помещается изображение городского герба города, а зачастую печати являются анэмблематичными. Личные печатки весьма разнообразны, наряду с дворянскими гербовыми печатками использовались печатки эпиграфического типа и печатки со случайными изображениями.

Очевидно, что государственная сфрагистика России продолжала развитие в прежнем направлении, стремясь к полному единообразию типа печатей в масштабах государства, однако процесс выбора личных печатей оставался неподконтрольным государству.

Изменения, внесенные в тип Государственной печати Временным правительством, коснулись деталей в изображении орла, лишившегося оружия (короны, скипетр, держава), и щитового герба с копейщиком, кроме того, на печать было помещено изображение Таврического дворца — здания, где размещалась Государственная дума.

Первые печати государственных учреждений, введенные в делопроизводство после октябрьского переворота, относятся по преимуществу к эпиграфическому типу. Процесс их изготовления первоначально носил стихийный характер, и только 19 июня 1918 г. был утвержден тип Государственной гербовой печати — с гербом РСФСР (позднее — с гербами СССР и союзных республик), вокруг которого размещалась легенда, содержащая формулу указания. Кроме гербовых печатей в де-

лопроизводстве СССР использовались также печати анэмблематичные (эпиграфического типа), несущие формулу принадлежности или (реже) указания. Личные печати в эти десятилетия не употреблялись, за исключением печатей, использование которых было регламентировано профессиональной деятельностью владельцев (врачи, сотрудники музеев и т. п.). На протяжении всех десятилетий существования советского государства употребление гербовых печатей было строго регламентированным, а значительное число учреждений, не получивших права гербовой печати, употребляли исключительно анэмблематичные печати. Таким образом, именно при советской власти было, наконец, достигнуто в масштабах государства полное единообразие как в оформлении, так и в процедуре использования сфрагистических регалий.

После распада СССР в государственном делопроизводстве сохранились основные типы печатей предшествующего времени (на гербовых печатях была только заменена государственная символика). Однако с начала 1990-х годов в делопроизводстве начали использоваться разнообразные печати частных лиц и организаций, не связанных с системой государственных учреждений. Эти печати пока никем всерьез не исследовались, так что ни о какой систематизации этих сфрагистических памятников говорить пока не приходится. Очевидно только, что сложившаяся ныне ситуация по сути своей напоминает ситуацию, существовавшую в русской сфрагистике с конца XV и вплоть до начала XX в., когда в делопроизводстве одновременно использовались строго регламентированные государственные печати и разнообразные личные печати должностных и частных лиц, не попадавшие под процесс государственной унификации.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ

Генеалогия — специальная историческая дисциплина, которая занимается выяснением происхождения и родственных связей того или иного лица или семьи, изучает историю отдельных родов и их роль в разных сферах жизни общества определенной эпохи.

Греческое слово «генеалогия» (γενεαλογία) буквально означает «родословная» (от слов γένος — род, происхождение и λόγος — слово, счет, рассуждение). У греков существовал и специальный глагол γενεαλογέω — перечислять (выводить) род, составлять родословную. Этот интерес к поколениям предков носил в древности не теоретический, а сугубо практический характер, поскольку юридический и социальный статус человека в традиционном обществе определялся происхождением и передавался по наследству.

«Практическая» генеалогия достигла своего расцвета в эпоху средневековья, когда дворянин в доказательство своего знатного происхождения должен был, если потребуется, привести имена четырех (впоследствии 16 и даже 32) благородных предков по отцовской и материнской линиям. Составление родословий поручалось герольдам, которые стали первыми профессиональными экспертами в области генеалогии и геральдики. С XV в. вошли в употребление генеалогические таблицы, в которых данные родословий представлялись в удобной наглядной форме.

В XVI—XVII вв. начинается формирование генеалогии как научной дисциплины: издаются многочисленные родословные справочники, используемые историками при написании своих трудов; возрастают требования к достоверности генеалогической информации; родословные таблицы и росписи теперь сопровождаются выдержками из источников. В 1721 г. была открыта первая кафедра генеалогии — в Венском университете. В XVIII—XIX вв. лидирующие позиции в области теоретической генеалогии занимали немецкие ученые (Г.-А. Виль, И. Гаттерер, О. Лоренц, С. Страдониц). Они обосновали статус генеалогии как специальной исторической дисциплины, занимались разработкой статистических методов в генеалогических исследованиях. Оттокар Лоренц в 1898 г. выступил с широкой программой превращения

генеалогии в самостоятельную науку, занимающую особое место на стыке истории и биологии, общественных и естественных наук. В первой половине XX в. крупнейшим авторитетом в области генеалогии был профессор Венского университета О. Форст де Батталья. В послевоенный период свой вклад в развитие этой дисциплины внесли В. Изенбург (ФРГ), П. Дюри, М. Перонне (Франция), В. Двожачек (Польша) и другие ученые.

Веками предметом изучения генеалогии служили происхождение и родственные связи дворянских фамилий. Это создало в обществе представление о генеалогии как о занятии преимущественно аристократическом, отвечающем интересам высшего сословия. Не случайно после Великой французской революции наблюдался явный упадок этой дисциплины во Франции; аналогичная ситуация сложилась после революции 1917 г. в России. Лишь в XX в. происходит постепенная «демократизация» генеалогии: объектом изучения становятся недворянские слои населения (предприниматели, крестьяне, духовенство, деятели науки и культуры и т. п.); интерес к истории родной семьи, к поиску своих корней охватил к настоящему времени тысячи людей, стал массовым явлением.

Из истории российской генеалогии. В средневековый период на Руси, как и в других странах, генеалогические знания носили прикладной, утилитарный характер, ведь титул и властные полномочия князей, а также права служилых людей на владение землей (вотчиной) и на получение определенных доходов, равно как и их служебные обязанности, передавались по наследству. Внимание к вопросам происхождения, к истории тех или иных родов особенно возросло с развитием в Московском государстве XVI—XVII вв. института местничества, представлявшего собой сложную систему занятия придворных и военных должностей представителями служилой знати. Местнические споры явились отражением неоднородности московской аристократии: при дворе государя «всея Руси» сошлись и старинные слуги московских князей (так называемое старомосковское боярство: Воронцовы, Шереметевы, Захарьины-Юрьевы, Морозовы), и потомки некогда самостоятельных правителей Северо-Восточной Руси (князья Ростовские, Белозерские, Микулинские и др.), и выходцы из Великого княжества Литовского (в том числе Гедиминовичи — родственники правившей в Литве в XIV—XVI вв. династии: князья Бельские, Мстиславские, Голицыны, Трубецкие, Куракины), и татарские князья и мурзы (так, князья Юсуповы были потомками ногайского князя Юсуфа, сыновья которого получили от Ивана Грозного владения в России).

Соперничество за более высокие места при дворе и на службе вынуждало знатных лиц пристально следить за каждым назначением и помнить во всех подробностях не только историю своего рода, но и других аристократических семей. Потребность в постоянном наведении

справок о древности и службе того или иного рода привела к появлению в 40-х гг. XVI в. родословных книг. Многие знатные фамилии составляли свои родословцы и «памяти», а официальным целям служил Государев родословец, созданный в 1555 г.

В 1682 г. местничество было отменено, но поскольку служилое сословие сохранило свой привилегированный статус в государстве, то сохранилась и заинтересованность в «практической генеалогии» как со стороны самих служилых людей, так и со стороны властей. После отмены местничества была создана особая комиссия при Разрядном приказе, позднее получившая название Палаты родословных дел; ей было поручено принимать от дворян родословные росписи, необходимые для составления новой официальной редакции родословной книги. Всего было подано более 600 росписей. Итогом этой работы 1680-х годов стало существенное пополнение Государева родословца. Дошедший до нас экземпляр этой новой родословной книги получил благодаря отделке переплета название Бархатной книги.

В петровское царствование наряду с родовым дворянством появляется дворянство выслуженное (для его получения достаточно было стать офицером, а на гражданской службе — получить чин коллежского асессора; с 1845 г. потомственное дворянство давалось только при производстве в чин майора или статского советника, с 1856 г. — соответственно, полковника или действительного статского советника). Другое новшество заключалось в том, что теперь титулы (княжеский, графский, баронский) стали жаловаться монархом. Первым получил титул графа Б. П. Шереметев в 1706 г.

Вопросами принадлежности к дворянству, составлением родословных, присвоением гербов занималась учрежденная в 1722 г. Герольдмейстерская контора при Сенате (преобразованная в 1848 г. в Департамент герольдии).

Однако наряду с «практической» генеалогией в России XVIII в. стала развиваться и генеалогия научная. Родословные таблицы и росписи включались в качестве приложений в обобщающие труды по русской истории (М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина). Большое значение имело издание Н. И. Новиковым Бархатной книги [1] и других важных генеалогических источников. Зять М. М. Щербатова, сенатор М. Г. Спиридов, начал в 1786 г. работу над «Родословным российским словарем», в котором в алфавитном порядке содержались сведения о дворянских родах и служебной деятельности их представителей; всего в 1793 — 1794 гг. вышло лишь две части этого труда (фамилии на буквы А и Б).

---

[1] Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе Родословную книгу, собранную и сочиненную в Разряде при царе Федоре Алексеевиче и по временам дополняемую и которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787. Ч. I—II.

В первой трети XIX в. в трудах П. В. Хавского и М. С. Гастева российская генеалогия получила необходимое ей теоретическое обоснование. В работе о наследственном праве П. В. Хавский систематически изложил понятия о линиях и степенях родства. М. С. Гастев впервые назвал генеалогию «вспомогательной наукой для истории». Его книга (*Гастев, 1835*), написанная с учетом достижений западноевропейской генеалогии, знакомила русского читателя с терминологией, принятой в этой области знаний, с приемами составления и видами генеалогических таблиц, явившись по существу первым пособием по данной дисциплине в России.[2]

Заметной вехой в развитии отечественной генеалогии стало издание в середине XIX в. «Российской родословной книги» князя П. В. Долгорукова (*Долгоруков, 1854—1857*), в которой были представлены поколенные росписи дворянских фамилий: княжеских (ч. I), графских и баронских (ч. II), обладателей иностранных почетных титулов (ч. III), дворянских родов, существовавших в России до 1600 г. (ч. IV). Остальные части задуманного автором обширного труда так и не увидели свет. Справочник Долгорукова был удобен в пользовании (для каждого лица в росписях указан порядковый номер отца), но его научная ценность снижалась из-за отсутствия ссылок на источники и некритического отношения автора к родословным легендам. Последующие справочные издания (князя А. Б. Лобанова-Ростовского, В. В. Руммеля и В. В. Голубцова) представляли собой дополнения к труду Долгорукова и также лишь в редких случаях содержали указания на источник информации.

Конец XIX—начало XX в. — период расцвета российской генеалогии. Прежде всего заметно повысилась требовательность ученых к достоверности сообщаемой информации (см., например: *Барсуков, 1887*), возрос интерес к источниковедческим аспектам генеалогического исследования. Здесь в первую очередь следует назвать работы Н. П. Лихачева по истории создания Государева родословца (*Лихачев, 1897* и др.); он же вместе с Н. В. Мятлевым подготовил издание другого важнейшего источника — Тысячной книги 1550 г. Справочные издания, выходившие на рубеже веков — такие, как труд Г. А. Власьева по истории черниговских и владимиро-волынских князей и работа А. В. Экземплярского о князьях Северо-Восточной Руси, — отличаются богатством фактического материала, который выверен и документирован самым тщательным образом (*Власьев, 1906—1918; Экземплярский, 1889—1891*). Примечательно также появление в это время фундаментальных трудов по истории отдельных дворянских фамилий (Шереметевых, Разумовских, Татищевых и др.), в которых биографические све-

[2] Подробнее о становлении генеалогии в России см.: *Аксенов, 1977*. С. 61 и сл.

дения о каждом представителе рода органически включались в общий контекст истории страны (см. *Барсуков, 1881—1904; Васильчиков, 1880—1894; Татищев, 1900*).

Хотя история дворянских семей по-прежнему пользовалась преимущественным вниманием со стороны генеалогов, необходимо отметить появление первых работ, в которых выяснялось происхождение представителей других слоев населения. Здесь вновь нужно назвать имя Николая Петровича Лихачева, перу которого принадлежит капитальный труд по истории дьячества XVI в. (*Лихачев, 1888*). Значение этой новаторской работы заключается в том, что в ней генеалогическими методами изучалось происхождение и семейные связи влиятельной социальной группы — приказной бюрократии.

Отражением высокого уровня, достигнутого отечественной генеалогией к началу XX в., явились «Лекции по русской генеалогии» Леонида Михайловича Савёлова, прочитанные им в Московском археологическом институте (*Савелов, 1908—1909 [1994]*). В этом труде, не утратившем своего значения и в наши дни, давалось определение генеалогии как научной дисциплины, приводилась методика составления родословных таблиц и росписей и содержалась чрезвычайно подробная характеристика источников, используемых в генеалогических исследованиях.

На рубеже XIX—XX вв. были созданы профессиональные объединения генеалогов: в 1898 г. в Петербурге возникло Русское генеалогическое общество, в декабре 1904 г. был зарегистрирован устав Историко-родословного общества в Москве. Они имели свои печатные органы («Известия» РГО в Петербурге, «Летопись» ИРО в Москве) и активно занимались публикаторской деятельностью. После революции оба общества прекратили свое существование.[3]

В советский период интерес к генеалогии, воспринимавшейся по традиции как «дворянская наука», заметно упал; раздавались даже голоса о том, что эта вспомогательная дисциплина «отжила свое время» (цит. по: *Бычкова, 1976*. С. 45). Ученым, который в те годы вопреки изменившимся общественно-политическим условиям продолжал генеалогические изыскания, был Степан Борисович Веселовский. Считая род основной ячейкой средневекового общества, он сделал генеалогические методы важнейшим инструментом изучения землевладения и политических судеб московского служилого люда и его верхушки — боярской аристократии (*Веселовский, 1969* и др.). Традиции С. Б. Веселовского в историко-генеалогическом изучении средневековой Руси продолжили в 60—80-х гг. А. А. Зимин, В. Б. Кобрин, В. Л. Янин,

[3] Последнее официальное заседание Историко-родословного общества состоялось в конце 1917 г. Деятельность Русского генеалогического общества продолжалась до 1922 г.

М. Е. Бычкова и другие ученые. В работах Н. И. Павленко и А. И. Аксенова генеалогические методы были применены к исследованию более поздней эпохи — XVIII столетия — и иной социальной группы — купечества, предпринимателей.

Возрождение интереса к генеалогии стало заметно еще в 70-е годы (см., например, сборник *История и генеалогия, 1977*). В 1989 г. в Москве прошла первая Всесоюзная конференция по генеалогии. А в 90-х гг. увлечение этой дисциплиной приобрело массовый характер; наряду с профессиональными историками составлением родословных занялись и энтузиасты-любители. В Москве в апреле 1990 г. было воссоздано Историко-родословное общество, в Петербурге в мае 1991 г. — Русское генеалогическое общество; подобные организации появились и в других городах (в 1999 г. многие из них объединились в Российскую генеалогическую федерацию). Выходят специализированные периодические издания: «Историческая генеалогия» (Екатеринбург, с 1993 г. по настоящее время вышло восемь томов); «Летопись Историко-родословного общества» (Москва, с 1993 г. издано 5 выпусков); «Известия Русского генеалогического общества» (Санкт-Петербург, с 1994 г. издано 11 выпусков); «Генеалогический вестник» (Санкт-Петербург, издается с 2001 г.) и др.

Предмет и задачи исторической генеалогии. Предмет генеалогии определить несложно, это — отношения родства между людьми в истории. Гораздо труднее оказалось генеалогам прийти к согласию относительно задач, стоящих перед этой научной дисциплиной. Нередко авторы формулируют для генеалогии, так сказать, программу-минимум и программу-максимум. Так, Л. М. Савелов определил генеалогию как «построенное на достоверных документах и других источниках доказательство родства, существующего между лицами, имеющими общего родоначальника или потомка...», а затем сформулировал «идеал» этой науки следующим образом: «генеалогия есть история того или другого рода во всех проявлениях жизни его представителей, как общественной, так и семейной» (*Савелов, 1908[1994]*. С. 21). Ту же двойственность встречаем у современного польского историка В. Двожачека: с одной стороны, генеалогию, по его мнению, можно рассматривать как вспомогательную дисциплину, «которая устанавливает, согласно критериям обычного права, родственные связи между индивидами»; с другой же стороны, у этой науки есть и «более самостоятельные задачи» — «через установление родственных связей людей, принадлежащих к разным классам, она стремится к определению общественного положения как индивидов, так и целых групп и тем самым содействует выяснению многих основополагающих социальных процессов...» (*Dworzaczek, 1959*. S. 15). К трактовке, предложенной Двожачеком, очень близко определение задач генеалогии в работах А. И. Аксенова: выяснение происхождения отдельных лиц и семей и на этой основе — исследова-

ние условий формирования и развития целых социальных групп (*Аксенов, 1972*. С. 206).

Итак: установление родства — история рода (семьи) — изучение большой социальной группы. Как видим, эти задачи следуют друг за другом в порядке расширения объекта исследования, увеличения его масштаба и сложности.

В зависимости от целей, которые ставятся перед генеалогическим исследованием, в рамках этой научной дисциплины можно выделить два направления: 1) частную генеалогию, занятую изучением отдельных семей и родов, сбором биографических сведений об их представителях, и 2) общеисторическую, или *комплексную,* генеалогию (термин А. И. Аксенова, см.: *Аксенов, 1988*. С. 10), предметом изучения которой служит не один род, а множество, совокупность родов, принадлежащих к определенной социальной группе (дворянству, купечеству, бюрократии и т. п.) или связанных территориальной общностью по месту происхождения либо проживания. По мнению автора этих строк, именно второе направление, сторонники которого применяют генеалогические методы для решения крупных исторических проблем, в наибольшей мере отвечает предназначению генеалогии как специальной исторической дисциплины. На задачах комплексной генеалогии необходимо остановиться подробнее.

Долгое время предметом исключительного внимания генеалогов служила история правящих династий и аристократических семей. Лишь в XX в. на повестку дня было поставлено генеалогическое изучение других слоев населения и профессиональных групп: крестьянства, купечества, офицерского корпуса и т. д. Рассмотрение этих сюжетов, в свою очередь, подводит исследователей к более общим вопросам о путях социально-экономического и политического развития страны. Ниже мы познакомимся с несколькими удачными примерами использования генеалогических методов при изучении подобных проблем на российском материале.

Расширение проблематики генеалогических исследований связано не только с «открытием» новых социальных объектов изучения (вроде перечисленных выше), но и с изменением, так сказать, хронологических предпочтений: большая часть накопленной к настоящему времени генеалогической информации и наблюдений исследователей относится к эпохе средневековья (что может быть оправдано исключительным значением, которое имели тогда категории родства); генеалогическое изучение более близких к нам столетий — XVIII и особенно XIX—XX вв. — еще только начинается. Между тем перспективность подобного рода исследований применительно к новому и новейшему времени не вызывает сомнений. Формирование фабричного пролетариата, складывание армейских и флотских «династий», возникновение банкирских домов, роль семейно-родственных связей в придворной поли-

тике и в революционном движении — вот лишь некоторые важные темы, разработка которых требует применения генеалогических методов.

Интересно сформулированы задачи генеалогии советского периода в программной статье В. Б. Кобрина (*Кобрин, 1994*. С. 29—31): речь идет, в частности, об изучении генеалогического состава партийно-государственного аппарата и научной элиты, а также вопроса о наследовании социального статуса в советское время (сын И. В. Сталина был генерал-полковником, Л. И. Брежнева — заместителем министра, Ю. В. Андропова — послом).

Новые перспективы открываются перед генеалогией в связи с развитием таких научных направлений, как история повседневности и «устная история». Запись воспоминаний десятков и сотен людей, переживших драматические события только что закончившегося века, предполагает внимание и к генеалогическому аспекту: составление семейных родословных, уточнение и проверку (по возможности) сообщаемых информаторами биографических сведений. Все это требует от исследователей владения современными генеалогическими методами.

Генеалогия и другие исторические дисциплины. Для комплексной генеалогии характерно тесное взаимодействие с другими историческими дисциплинами: археологией, нумизматикой, геральдикой, сфрагистикой.

Нумизматические и сфрагистические материалы существенно расширяют источниковедческую базу для генеалогических изысканий, дополняя сведения, почерпнутые из письменных памятников. Например, изучение монет Ярославского княжества позволило А. В. Орешникову и Н. Д. Мец существенно уточнить преемственность и хронологию правления ярославских князей (см.: *История и генеалогия, 1977*. С. 121).

Удачным примером сочетания археологических и генеалогических методов исследования могут служить работы академика В. Л. Янина: данные, полученные при обследовании боярских усадеб в Новгороде, сведения найденных там же берестяных грамот и летописные известия он систематизировал при помощи составленных им генеалогических таблиц боярских родов. Полученные в итоге исследователем выводы о замкнутом, кастовом характере новгородского боярства и его землевладения явились важным вкладом в отечественную медиевистику (*Янин, 1981*).

Среди дисциплин, с которыми «сотрудничает» генеалогия, следует также назвать ономастику — науку о собственных именах; этот раздел языкознания включает в себя антропонимику, изучающую личные имена людей, и топонимику, предметом исследования которой служат географические названия. Знание антропонимики особенно необходимо генеалогу, работающему с материалами средневековой эпохи. Дело

в том, что фамилии на Руси появились относительно поздно, в XV—XVI вв., и долгое время сохраняли неустойчивый характер. Знатные лица именовались тогда по отцу (отчество) и деду («дедичество»), которые менялись в каждом следующем поколении. Так, один из предков династии Романовых, боярин Ивана III, звался Юрием Захарьевичем; его дети носили, помимо отчества, еще и дедичество: «Роман да Григорей Юрьевичи Захарьина»; внука его звали Микита Романович Юрьев, а правнука — Федор Никитич Романов. К тому моменту, когда сын последнего, Михаил Федорович, вступил на русский престол (1613 г.), за этим родом окончательно закрепилась фамилия «Романовы» (см.: *Кобрин, 1977.* С. 93 и сл.).

Знание особенностей процесса возникновения фамилий помогает избежать путаницы при составлении родословных росписей. Кроме того, данные антропонимики позволяют выявлять скрытые пласты информации. Известно, например, что фамилии на *-ский* имеют владельческое происхождение, напоминая о том, что тот или иной населенный пункт принадлежал некогда данному знатному роду. Причем, по наблюдениям В. Б. Кобрина, чем дольше княжеский род сохранял владельческие права на определенной территории, тем чаще среди его представителей встречались прозвания (ставшие затем фамилиями) подобного топонимического типа (например, князья Белозерские и ветви этого рода: Белосельские, Ухтомские, Кемские, Сугорские и др.). И наоборот: для князей, рано утративших суверенные права на свой удел и ставших слугами московских государей (вроде Оболенских), типичны родовые прозвания (фамилии), образованные от личных имен и прозвищ: Долгоруковы, Стригины, Туренины, Репнины, Лыковы, Щепины и т. д. (*Кобрин, 1977.* С. 97—100).

Но чаще всего генеалогия взаимодействует еще с одной дисциплиной — *биографикой*, поскольку изучение истории какого-либо рода естественным образом предполагает сбор информации о судьбе каждого его члена. В последние десятилетия особое распространение получил метод коллективной биографии, или *просопографии* (от греческих слов: πρόσωπον — «лицо, личность» и γράφω — «пишу»), с помощью которого изучаются большие социальные группы: аристократия, купечество, бюрократия и т. п. Суть его состоит в том, что социальный «портрет» группы создается на основе изучения биографий *всех* ее членов в определенную эпоху. Это позволяет избежать выборочности, иллюстративности в работе с материалом и получить надежно обоснованные выводы. В нашей стране просопографический подход в сочетании с методами генеалогии впервые стал широко применять академик С. Б. Веселовский. Итогом кропотливой работы С. Б. Веселовского и его последователей (А. А. Зимина, В. Б. Кобрина и др.) стал детальный «коллективный портрет» боярской аристократии XV—XVI вв. О возможностях применения просопографического подхода в историко-ге-

неалогических исследованиях мы поговорим подробнее в заключительном разделе данного очерка.

Источники генеалогической информации. По справедливому замечанию В. Б. Кобрина, «разделение источников на генеалогические и негенеалогические принципиально неверно» (*Кобрин, 1994.* С. 26). Круг источников, содержащих полезную для генеалога информацию, в принципе, неограничен; в него могут входить наряду с различного рода документами монеты, печати, изобразительные материалы (портреты, для более позднего времени — фотографии), надписи на надгробных плитах и многое другое. Тем не менее для каждого периода истории и в зависимости от того, генеалогией какого социального слоя занимается исследователь, можно выделить группу источников первостепенной важности.

Так, если нас интересуют судьбы старинной русской знати допетровской поры, то в первую очередь необходимо обратиться к *родословным книгам*. Как уже говорилось выше, эти памятники практической генеалогии появились в России в середине XVI в. М. Е. Бычковой выявлено около 130 списков родословных книг XVI—XVII вв. (*Бычкова, 1975*); она же подготовила издание текстов двух их древнейших редакций (см.: Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977). Каждая такая книга состоит из нескольких десятков глав (чаще всего их 43) и содержит росписи сначала великих князей, затем других княжеских фамилий и нетитулованных боярских родов. В росписях перечисляются только мужские представители рода, с прибавлением очень кратких сведений о некоторых из них. Вот, например, как выглядит начало главы о черниговских князьях из Румянцевской редакции родословных книг:

> Род князя Михаила Черниговского. У великого князя у Ярослава Володимеровича третей сын был Святослав, посадил его отец на Чернигове; у Святослава сын Олег, а у Олега сын Святослав же. А у Святослава сын Всеволод Чермной. А у Всеволода князь Михайло Черниговской, было у него 5 сынов: большой Ростислав, в лето 6737 (1229 г. — *Авт.*) был при отце на Новегороде на Великом, не стало его бездетна; другой Роман, от него пошли Осовитцкие князи, был после отца немного на Чернигове и на Брянске; третей князь Семен Глуховской Новосильской; четвертой — князь Юрьи Торуской и Оболенской; пятой — Мстислав Карачевской. А от князя Семена от Глуховского пошли Одоевские, да Белевские, да Воротынские, а писаны опосле (Редкие источники... Вып. 2. С. 111—112).

По поводу приведенного отрывка из родословной книги 40-х гг. XVI в. следует заметить, что ранняя история черниговских князей изложена там очень неполно и к тому же с ошибками. Во-первых, ряд имен представителей рода просто опущен: так, у третьего сына Ярослава Мудрого, Святослава, был не один только сын Олег, но еще четверо сыновей (Глеб, Роман, Давыд, Ярослав). Во-вторых, происхождение князя Всеволода Чермного указано там неверно: он был сыном не Свя-

тослава Олеговича, а Святослава Всеволодовича и приходился Олегу Святославичу не внуком, а правнуком. (Подробнее мы разберем эту ошибку ниже, при обсуждении методики генеалогического исследования.) Приведенный пример показывает, что к ранним известиям родословных книг XVI—XVII вв. нужно относиться с большой осторожностью.

Однако далеко не всем дворянским родам нашлось место в родословных книгах (тех, кто не был туда записан, так и называли — *недородословными*, то есть незнатными людьми). В конце XVII в. была предпринята попытка составить новые подобные книги и включить в них всех служилых людей по отечеству; одним из результатов этой работы является (как уже знает читатель) так называемая Бархатная книга. Росписи, поданные тогда в Разрядный приказ представителями дворянских семей, и приложенные к ним документы представляют собой ценнейший комплекс историко-генеалогических материалов (их обзор см.: *Антонов, 1996*). Однако они нуждаются в тщательной проверке, поскольку среди них встречаются и легендарные известия, и фальсифицированные акты. Один из наиболее известных примеров такого рода представляют собой документы, поданные Бестужевыми.

В конце XVII в. среди русских служилых семей получила распространение тенденция выводить своих предков из-за границы, а также искусственно удревнять историю своего рода путем фабрикации подложных документов. Так, Бестужевы в представленной ими поколенной росписи утверждали, что их род ведет свое происхождение от выехавшего якобы в 1403 г. на Русь англичанина Беста (причем в обоснование своих притязаний они ссылались на полученный ими из Лондонской гербовой палаты лист о происхождении и гербе дома Бестюр). Не ограничиваясь этим, Бестужевы прибегли и к прямой фальсификации документов: они представили, например, «жалованную грамоту» Ивана III их предку — боярину (!) Якову Гавриловичу Рюме Бестужеву на г. Серпейск от 8 августа 1469 г. Разумеется, у Ивана III не было боярина с таким именем, да и Серпейск тогда Москве не принадлежал; и по форме, и по содержанию эта грамота — явная подделка. Между тем на протяжении XVIII и большей части XIX вв. легенда об английском происхождении Бестужевых (и ветви этого рода, в 1701 г. получившей право писаться Бестужевыми-Рюмиными) принималась всерьез. Сомнения по поводу этой версии были высказаны в 1886 г. П. Н. Петровым (*Петров, 1886*), а затем она была окончательно опровергнута в работе Д. Ф. Кобеко (*Кобеко, 1887*). Последний справедливо указал на то, что до середины XVI в. никаких контактов между Россией и Англией не было, что фамилия «Бестужев» — русская (от слова «безстуж» — «бесстыжий») и нет никакой необходимости выводить ее из иностранных языков; исследователь пришел к обоснованному выводу о том, что Бестужевы — коренной московский род, и привел

свидетельства надежных источников об их службе в XV—XVI вв. Д. Ф. Кобеко продемонстрировал также подложность представленной Бестужевыми в конце XVII в. «грамоты Ивана III» 1469 г. (эти его аргументы уже приведены нами выше).

Если исследователя интересует карьера представителей какой-либо дворянской семьи в XVI—XVII вв., то ему в поисках информации нужно обратиться к разнообразной *военно-служебной документации*. При этом важно учитывать, принадлежал ли данный род к привилегированной верхушке служилого сословия — Государеву двору или к провинциальному дворянству — городовым детям боярским. В первом случае необходимые сведения можно найти в разрядных книгах (в них ежегодно фиксировались воеводские назначения для участия в военных походах и обороны границ), Тысячной книге и Дворовой тетради 50-х гг. XVI в., боярских книгах и списках (содержащих перечни думных и дворцовых чинов). Во втором случае следует обратиться к десятням (самый ранний из сохранившихся подобных документов относится к 1556 г.) — спискам рядовых детей боярских того или иного города, составлявшимся для проведения смотра, назначения жалованья и т. п.

Выяснение происхождения и родственных связей провинциального служилого люда может встретить определенные трудности, поскольку фамилии, не принадлежавшие к старинной знати и столичному дворянству, не включались в родословные книги. Наряду с десятнями и иной военно-учетной документацией при изучении генеалогии уездного дворянства могут оказаться полезными *писцовые книги*, в которых, наряду с другими сведениями, фиксировались имена помещиков-владельцев описываемых земель (пример применения писцовых книг Новгородской земли для реконструкции родословных местных землевладельцев см.: *Победимова, 1983*).

Охарактеризованные выше источники позволяют судить также об имущественном положении интересующих исследователя лиц. В том же ряду следует назвать официальные акты на право владения землей: жалованные грамоты на вотчины, ввозные — на поместья.

Наконец, не следует забывать о документах личного происхождения, и прежде всего духовных грамотах (завещаниях): они, как правило, содержат упоминания о родственниках завещателя, причем эти сведения нередко уникальны и не могут быть почерпнуты из других источников (удачный опыт использования духовных грамот при изучении семейной генеалогии см.: *Кобрин, 1983*).

Значительно бóльшие источниковедческие трудности встают на пути исследователей, изучающих генеалогию непривилегированных слоев населения допетровской Руси — крестьянства и купечества. Для них не существовало родословных книг; государство не интересовалось происхождением, родством и индивидуальными судьбами самой

многочисленной категории своих подданных. Тем не менее в ряде случаев ученым удается реконструировать крестьянские родословные XVI—XVII вв., при этом используются два типа источников: писцовые книги и актовые материалы. Писцовые книги дают, так сказать, горизонтальный срез крестьянской генеалогии, выявляя отношения родства и свойства в крестьянской среде. Изучение же истории крестьянского рода в глубину, по вертикали, возможно только при наличии сохранившегося документального комплекса (купчих, меновных, раздельных, духовных и иных грамот). Такие комплексы частных актов сохранились на Русском Севере, что позволило исследователям реконструировать крестьянские родословные на протяжении пяти-шести, а то и восьми поколений (см., например: *Воскобойникова, 1983*).

Важнейшее значение для изучения дворянской генеалогии XVIII—XIX вв. имеют архивы учреждений, ведавших учетом российского дворянства и надзором за осуществлением его сословных прав и служебных обязанностей. Эти функции, как уже знает читатель, выполняла с 1722 г. Герольдмейстерская контора при Сенате (ее архив хранится сейчас в РГАДА, ф. 286), а с 1848 г. ее преемником стал Департамент герольдии правительствующего Сената (его архив — в РГИА, ф. 1343). Там хранятся документы об определении дворян на военную и статскую службу, об отставках, о пожаловании титулов, дела о выдаче справок о дворянском достоинстве, списки военных, придворных и гражданских чинов и многие другие материалы. Но на первое место по важности для генеалогии нужно поставить *губернские родословные книги* за конец XVIII—первую треть XIX в., хранящиеся в фонде Департамента герольдии.

Родословные книги в каждой губернии были заведены по распоряжению Екатерины II в 1785 г. Каждая книга делилась на шесть частей; в первые три части заносились роды, получившие дворянство по выслуге или высочайшему пожалованию (ч. 1 — «жалованное» дворянство, ч. 2 — выслуженное по военным чинам, ч. 3 — выслуженное по гражданским чинам и орденам); более «почетными» считались заключительные части книг, куда записывались иностранные дворянские роды (ч. 4), все титулованные фамилии (ч. 5) и «древние благородные роды», существовавшие на момент составления Бархатной книги (ч. 6). В родословные книги заносились сведения о возрасте, чине и должности каждого дворянина, его семейном положении, сыновьях, а также о количестве принадлежащих ему ревизских душ (крепостных). Губернии должны были регулярно присылать книги в Герольдию, что и делалось относительно исправно до 1840-х гг. (с 1841 г. дворянские депутатские собрания стали присылать только списки вновь утвержденных в дворянстве родов, а также лиц, причисленных к уже утвержденным родам; сами же родословные книги оставались в губерниях). В конце XIX—начале XX в. были изданы алфавитные спи-

ски дворян ряда губерний, составленные на основе родословных книг.[4]

При реконструкции биографии и этапов карьеры дворян, состоявших на государственной службе, генеалог может воспользоваться данными формулярных (послужных) списков, хранящихся в центральных архивах. Эти списки заводились на каждого чиновника и содержали сведения о его возрасте, чине, образовании, вероисповедании, имущественном положении. Как и любой другой источник, формулярные списки нуждаются в критической проверке: в них встречаются неточности и неполные данные (особенно в последнем из перечисленных пунктов).[5] Полезную информацию можно также найти в издававшихся ежегодно официальных справочниках: «Списках гражданским чинам» (с 1773 по 1858 г. там печатались сведения о чиновниках первых шести — восьми классов, в 1858—1916 гг. — только первых четырех классов), списках служащих отдельных министерств, адрес-календарях (издавались с 1768 г. и содержали «роспись всех чиновных особ в государстве», обычно весьма неполную), губернских «памятных книжках» (с 1848 г.) и иных подобных изданиях.

Ценную, подчас уникальную информацию по истории дворянских родов (круг родных и знакомых, семейные традиции, предания и т. п.) содержат мемуары и воспоминания.

Наконец, важные для генеалогии сведения сохраняют некрополи: иногда только по надписи на могильной плите можно уточнить дату рождения или смерти того или иного лица, узнать о детях, умерших в младенческом возрасте, и т. д.

Как и для средневекового периода, круг источников по генеалогии непривилегированных сословий XVIII—начала XX вв. заметно уже, чем в отношении дворянства, а их выявление и обработка сопряжены с немалыми трудностями. Личных фондов купеческих фамилий в архивах сохранилось мало, не говоря уже о крестьянах или рабочих. Не принято в этой среде было и писать мемуары. Зато особое значение приобретают массовые источники: материалы ревизий, метрические книги, исповедные ведомости и т. д. (об использовании этих материалов как источника по генеалогии см. статьи А. И. Аксенова в: Историческая генеалогия. 1993. Вып. 1 и 2). Кроме того, по каждой исследуемой группе населения имеются свои особые материалы, которые могут служить источником генеалогической информации. Так, применительно к купечеству конца XVIII—начала XIX вв. это так называе-

---

[4] См.: Справочники по истории дореволюционной России: Библиографический указатель. 2-е изд. М., 1978 (в разд. «Губернии и отдельные административные районы»).

[5] О методике анализа формулярных списков см.: *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 9—13.

мые капитальные книги: книги, в которые записывались по указу 1775 г. объявленные купцами капиталы, с которых уплачивался в казну однопроцентный сбор (*Аксенов, 1988*). В отношении же рабочего люда подобными источниками могут служить формулярные списки мастеровых XVIII в. или личные дела заводских рабочих конца XIX в. (*Семенова, 1977; Мейерович, 1994*).

Терминология родства и свойства. Для того чтобы правильно понять свидетельства источников и не ошибиться при составлении родословных, важно хорошо знать терминологию отношений родства и свойства.

Родством называются отношения людей, имеющих общего предка, связанных кровными узами. Очевидно, нет необходимости пояснять значение таких категорий родства, как мать, отец, брат, сестра, дед, бабка, внук, внучка (старинная форма последнего слова — «внука»). К числу общеупотребительных терминов принадлежат также: племянник и племянница (соответственно, сын или дочь брата, сестры), дядя (брат отца или матери по отношению к детям последних) и тетя (сестра матери или отца по отношению к детям последних). В источниках, однако, можно встретить и ныне забытые понятия:

Братан — двоюродный брат.
Братанич — племянник, сын брата.
Братанна — племянница, дочь брата.
Великий дядя — двоюродный дед, брат деда или бабки.
Великая тетка — двоюродная бабка, сестра деда или бабки.
Сестрич — племянник, сын сестры.
Сестрична — племянница, дочь сестры.
Стрый — дядя, брат отца.
Уй (вуй) — дядя, брат матери.

Свойством называется отношение одного из супругов к родственникам другого или отношения между родственниками обоих супругов. Ниже приведены основные термины свойства:

Деверь — брат мужа.
Золовка — сестра мужа.
Зять — муж дочери, сестры.
Мачеха — неродная мать, жена отца в его новом браке.
Невестка — жена сына (другое название — сноха), брата.
Отчим — неродной отец, муж матери в ее новом браке.
Падчерица — неродная дочь одного из супругов (по отношению к мачехе или отчиму).
Пасынок — неродной сын одного из супругов (по отношению к мачехе или отчиму).
Сват, сватья — родители и родственники жениха и невесты по отношению друг к другу.

Свекор — отец мужа.

Свекровь — мать мужа.

Свояки — мужчины, женатые на сестрах.

Свояченица — сестра жены.

Сноха — жена сына (то же — невестка).

Тесть — отец жены.

Теща — мать жены.

Шурин — брат жены.

Ятровь (синоним — сношенница) — жена деверя; жены двух братьев по отношению друг к другу.

Кроме того, обычаем был закреплен ряд категорий близких отношений, не являющихся ни родством, ни свойством. К ним относились:

Братья названные (крестовые) — побратимы, лица, обменявшиеся нательными крестами.

Дочь названная — приемная дочь, воспитанница.

Дядька — воспитатель.

Крестный отец и крестная мать — восприемники при обряде крещения.

Крестник, крестница — мужчина или женщина по отношению к восприемникам при обряде крещения (то же — крестный сын, крестная дочь).

Крестный брат — сын крестного отца.

Кум, кума — крестные отец и мать по отношению друг к другу.

Мать названная — женщина по отношению к приемным детям.

Мамка — молочная мать, кормилица.

Отец названный — мужчина по отношению к приемным детям.

Сын названный — приемный сын, воспитанник.

Методика генеалогического исследования. Когда определен основной круг источников будущего исследования, начинается самый трудоемкий и продолжительный его этап — сбор и систематизация материала. Для того чтобы собранный материал максимально полно и всесторонне отражал историю избранной для изучения семьи (или группы семей), необходимо вести эту работу по определенному плану. Французские генеалоги разработали обширную программу сбора материала, названную ими *генеалогическим досье*. Такое досье ведется на каждого представителя рода и должно включать в себя следующие пункты (*Durye, 1961*. P. 78—80; ср.: *Соболева, 1977*. С. 280—281):

1. Гражданское состояние: документы о рождении, смерти, усыновлении, перемене фамилии и т. п.

2. Семейное положение: брачные контракты и другие свидетельства о гражданском и церковном браке, разводе и т. д.

3. Гражданство: паспорт и другие документы, связанные с приобретением, утратой и переменой гражданства, эмиграцией и т. п.

4. Физический облик и состояние здоровья: фотографии в разном возрасте, медицинские карты, сведения о болезнях и причине смерти.

5. Характер и интеллект (по воспоминаниям и свидетельствам современников).

6. Религиозные верования: акты крещения, свидетельства о принадлежности к религиозным организациям.

7. Политические взгляды: собственные тексты или свидетельства современников о политическом кредо в различные периоды жизни.

8. Образование: полученные дипломы, свидетельства и т. п.

9. Карьера и социальное положение: документы о прохождении гражданской или военной службы, наградах и отличиях.

10. Имущественное положение: нотариальные акты о разделе родительского наследства, купле-продаже недвижимости, долговые расписки, налоговые декларации, завещания и т. д.

Легко заметить, что приведенная анкета составлена с учетом реалий европейского общества XIX—XX вв.; в зависимости от специфики изучаемого общества и эпохи, а также состояния источниковой базы она может быть модифицирована. Ясно, например, что если нас интересует генеалогия русского купечества XVIII в., то пункт 3-й досье окажется лишним, а пункты 4, 7 и 8 скорее всего останутся незаполненными ввиду отсутствия у нас соответствующих данных.

Информация, заключенная в генеалогическом досье, может быть слишком обширна, и для того, чтобы воспользоваться ею для построения родословных таблиц и росписей, необходимо формализовать наиболее важные сведения, выписав их на *генеалогическую карточку*. Генеалогические карточки могут включаться в качестве информационных блоков в родословные росписи, базы данных и т. п. Вот вариант такой карточки, предложенный современным исследователем русской дворянской генеалогии Д. М. Шаховским (*Шаховской, 1989*. С. 98):

1. Имя и отчество (фамилия не указывается, если речь идет о представителях одного и того же рода).

2. Место и дата рождения, указание восприемников при крещении.

3. Место и дата кончины, погребения.

4. Место и дата брака (браков), указание свидетелей при венчании.

5. Место и дата развода (разводов).

6. Для жен: а) имя, отчество, фамилия отца; б) имя, отчество, девичья фамилия матери.

7. Сведения о службе, профессии и т. п.

8. Сведения об имуществе.

9. При каждом пункте или отдельным пунктом в конце — указание источников информации.

В зависимости от целей исследования карточка может включать в себя и другие пункты. Приведу в качестве примера генеалогическую карточку генерала М. А. Фонвизина (1788—1854), составленную С. А. Сапожниковым в рамках проекта по созданию генеалогического фонда участников Отечественной войны 1812 г. (см.: *Генеалогические исследования, 1994*. С. 231—232):

Фамилия:	Фонвизин
Имя и отчество	Михаил Александрович
Дата рождения	20.08.1788
Дата и место смерти, погребения	30.04.1854. Марьино Коломенского уезда, г. Бронницы Московской обл. Могила и памятник сохранились.
Родители: Отец Мать	Александр Иванович Фонвизин (1749—1819) Екатерина Михайловна, урожденная Дмитриева-Мамонова (1750—1823)
Сословие, губерния:	Из дворян Московской губернии
Имения, место жительства	Крюково, Марьино Московской губ. (73 души), Калязинский уезд Тверской губ. (131 душа), Ряжский уезд Рязанской губ. (278 душ), Костромская губ. (1200 душ — нераздельно с братом). Жил в Крюкове и Марьине
Вероисповедание	Православное
Воспитание и образование	Училище Св. Петра (С.-Петербург), Университетский пансион (Москва), Московский ун-т
Прохождение и место службы, должности	Прапорщик (5.12.1803) лейб-гвардии Измайловского полка <...> (*перечисл. чины и должности*) Генерал-майор, командир 3-й бригады 22-й пехотной дивизии (1820). В отставке с 25.12.1822 г.
Участие в кампаниях и сражениях, ранения	Война 1805 г.: Аустерлиц. Война со Швецией в Финляндии 1809—1810 гг. Отечественная война 1812 г.: Витебск, Смоленск (ранен), Бородино, Тарутино, Малоярославец, Красное, Березина. Заграничные походы 1813—1814 гг.: Люткен, Бауцен, Кульм, Лейпциг, Бар-сюр-Об (ранен, пленен до конца военных действий). Состоял в оккупационном корпусе во Франции до 1819 г.
Награды	Владимир IV степени с бантом (1812, Смоленск), Анна II степени (1812, Бородино), Золотая шпага (1812, Малоярославец), алмазные знаки к Анне II ст. (1813, Бауцен), Кульмский крест (1813, Кульм), прусский орден «За заслуги»
Иконография	Портрет неизв. худ., около 1820 г. (ГИМ)
Жена	С 1822 г. Наталия Дмитриевна, урожд. Апухтина (1805—1869), во втором браке с 1857 г. за И. И. Пушиным
Дети	Дмитрий (1824—1850), Михаил (1826—1851), Богдан, Иван (1832—1833). Приемные: Прасковия и Антонина
Другие сведения	Член Московской масонской ложи, Союза спасения и Союза благоденствия. Декабрист, осужден по IV разряду, находился в Сибири в 1826—1853 гг.
Использованные источники	*Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 2. С. 311—314; *Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. 1—2; Русский провинциальный некрополь. СПб., 1914; Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 185—186

Однако выявление максимально полной информации о каждом представителе рода — это лишь начальный этап работы, ведь объектом генеалогического исследования, напомню, является род в целом (а иногда и множество родов). Естественным способом организации всего собранного материала в генеалогии служит составление родословной, представляющей историю семьи через систему родственных связей. Различают *восходящее* родословие, когда выясняются предки какого-либо лица по отцовской и материнской линиям (само это лицо в немецкой генеалогии обозначается специальным термином *Probant*), и *нисходящее* родословие, в котором направление поиска обратное — от родоначальника к потомкам.

Существуют две основные формы представления родословий — *генеалогические таблицы* и *росписи*. В таблицах структура родства выражена в пространственной форме, и поэтому они обладают большей наглядностью по сравнению с росписями. Древнейшим видом таблицы является *генеалогическое древо*: с его помощью еще в эпоху средневековья знатные семейства демонстрировали свое происхождение от благородных предков. Родословное древо выражало идею вечного продолжения жизни: листья (отдельные люди) умирают и падают, но само древо рода продолжает жить.

С помощью генеалогического древа могло изображаться как нисходящее, так и восходящее родословие. В первом случае в основании древа (у корней) помещалось имя родоначальника, а на стволе и ветвях располагались в медальонах (картушах) имена, портреты и гербы его потомков. (Упрощенный вариант подобного генеалогического древа приведен на рис. 1: там представлено нисходящее родословие первых пяти колен династии Рюриковичей.) В другом случае в основании древа помещалось имя того, для кого составлялось родословие (Probant), а его предки образовывали «ствол» и «крону».

В настоящее время генеалогическое древо в научных целях уже не применяется. Оно уступило место менее «живописным», но зато более удобным для исследовательских нужд формам таблиц. Генеалогические таблицы могут строиться по вертикали (сверху вниз), в форме круга или по горизонтали (слева направо). Последняя форма является сейчас наиболее распространенной.

Попробуем изобразить в виде таблицы сведения о происхождении рода черниговских князей из приведенного выше отрывка родословной книги XVI в., исправив предварительно содержащиеся там ошибки.

Само наличие ошибки в родословии можно обнаружить, применив так называемое *правило генеалогического счета*. Суть его состоит в том, что в среднем на столетие приходится три поколения по мужской линии и четыре — по женской, то есть средняя разница в возрасте между отцом и ребенком 30—35 лет, а между матерью и ребенком — 25—

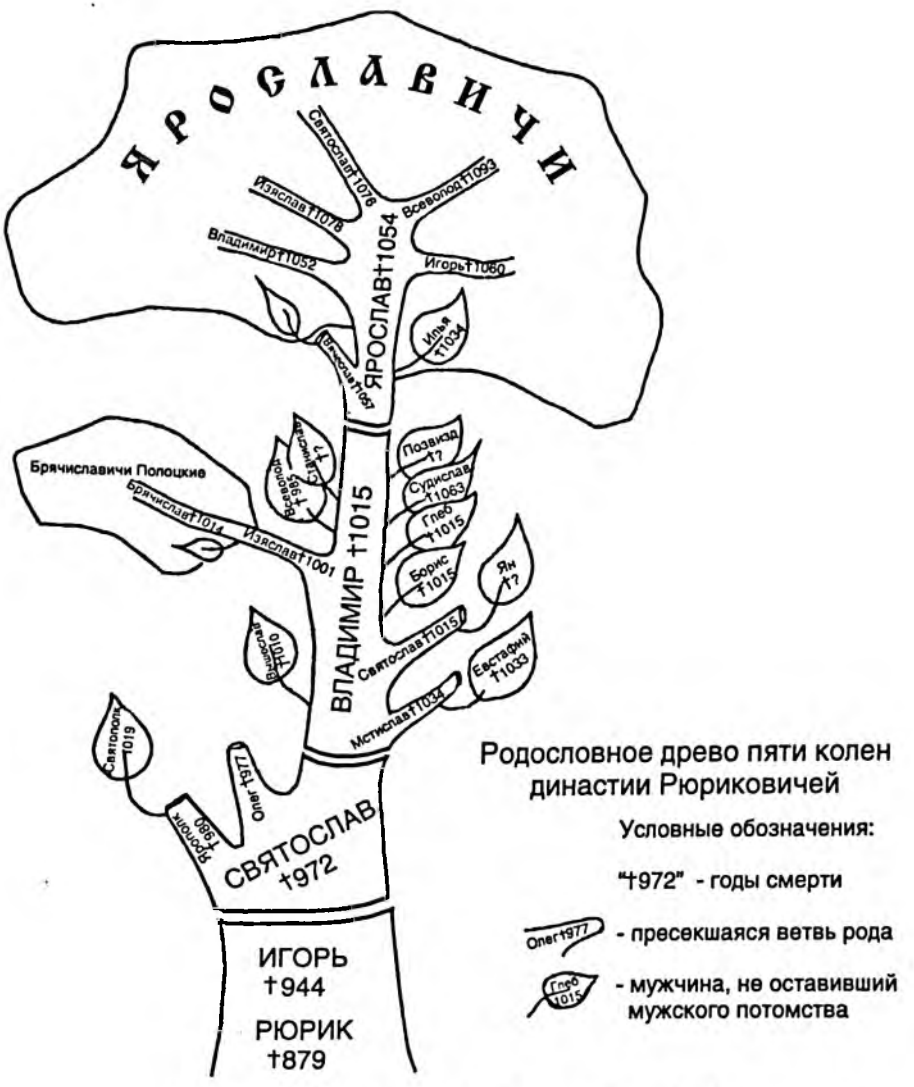


Рис. 1. Древо Рюриковичей (по: *Белецкий*, 1997. С. 13)

30 лет. (Чем протяженнее рассматриваемый период, чем больше за это время сменилось поколений, тем явственнее проявляется отмеченная закономерность: средняя разница в возрасте между родителями и детьми оказывается близка к генеалогическому счету.) Отсюда следует, что если в родословной разница между поколениями слишком сильно отличается от 30—35 лет, то нужно искать там ошибку.

Согласно процитированной выше родословной книге XVI в., князь Всеволод Чермный якобы приходился внуком князю Олегу Святославичу. Однако известно, что первый из упомянутых князей умер в 1215 г., а второй — в 1115 г. Таким образом, получается, что на столет-

ний период приходится всего два поколения, а дед и внук оказываются разделены слишком большим временным промежутком. В родословии явно пропущено одно поколение. И действительно, как явствует из более надежных источников, Всеволод Чермный приходился Олегу Святославичу не внуком, а правнуком: он был вторым сыном Святослава Всеволодовича (ум. 1194) и внуком князя Всеволода (ум. 1146) — старшего сына Олега Святославича (см. *Власьев, 1906*. Т. I. Ч. 1. С. 3—6).

С учетом этих исправлений происхождение черниговских князей может быть представлено в виде следующей генеалогической таблицы (рис. 2).

Рис. 2. Схема происхождения черниговских князей

Наряду с несомненными достоинствами (наглядность, компактность), таблицы как способ представления и обобщения генеалогической информации имеют и серьезный недостаток: они позволяют сообщать о каждом представителе рода лишь самые краткие сведения (имя, прозвище, титул, годы жизни и т. д.). Кроме того, возможностей генеалогической таблицы явно недостаточно для отражения истории рода, насчитывающего более десяти поколений: ведь в этом случае количество лиц, которым должно найтись место в таблице, может приблизиться к тысяче! Поэтому более удобной формой систематизации генеалогической информации считаются *родословные* (или *поколенные*) *росписи*.

Родословная роспись представляет собой пронумерованный перечень всех членов рода, причем информация о каждом из них начинается с новой строки. Нумерация для *восходящего* родословия была разработана еще в XVII в. испанским генеалогом Х. де Соса и в XIX в. усовершенствована немецким ученым Стефаном Кекуле фон Страдоницем. Принцип нумерации по системе Соса—Страдоница состоит в следующем: лицо, чья генеалогия устанавливается (Probant), получает вне зависимости от пола номер 1; его отец получает номер 2, мать — номер 3, дед по отцу — номер 4, бабка по отцу — номер 5, дед

по матери — номер 6, бабка по матери — номер 7 и т. д. Мужчины в этой системе всегда обозначаются четными номерами, женщины — нечетными. Вот как будет выглядеть, например, роспись двух поколений предков Ивана Грозного:

1. Иван IV Грозный (1530—1584), великий князь всея Руси с 1533, царь с 1547 г.
2. Василий III (1479—1533), великий князь всея Руси с 1505 г.
3. Елена Глинская (?—1538), вторая жена Василия III (с 1526) и великая княгиня.
4. Иван III (1440—1505), великий князь всея Руси с 1462 г.
5. Софья Палеолог (?—1503), греческая царевна (дочь Фомы, деспота Мореи), вторая жена Ивана III (с 1472) и великая княгиня.
6. Василий Львович Глинский, по прозвищу Слепой (ум. до 1522), князь, в 1508 г. выехал вместе с семьей из Великого княжества Литовского в Россию на службу к Василию III.
7. Анна (ум. ок. 1553), дочь сербского воеводы Стефана Якшича, жена князя В. Л. Глинского.

Для наглядности восходящее родословие Ивана Грозного можно представить в виде генеалогической таблицы, сохранив ту же нумерацию (см. рис. 3).

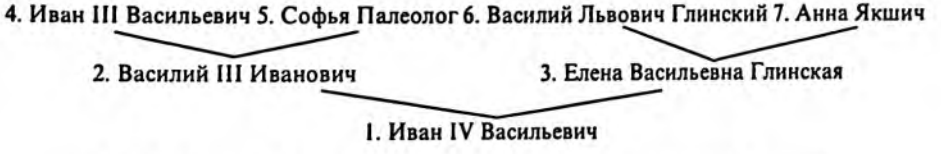


Рис. 3. Предки Ивана Грозного по отцовской и материнской линиям

Нумерация Соса—Страдоница удобна тем, что позволяет легко определить характер родственных отношений любых внесенных в роспись лиц: номер отца всегда равен удвоенному номеру ребенка, а номер матери — удвоенному номеру ребенка плюс один (номер мужа плюс один). Например, номер 20 соответствует мужчине — отцу мужчины под № 10 и деду женщины под № 5. А номер 21 — это женщина, мать мужчины под № 10 ($21 = 10 \times 2 + 1$) и бабка женщины под № 5.

Удобство этих расчетов связано с тем, что количество предков определенного лица по мере погружения в прошлое растет в геометрической прогрессии.[6] Значительно труднее сделать «говорящей» нумерацию при *нисходящем* родословии, ведь количество потомков некоего лица не подчиняется какой-либо математической закономерности.

---

[6] На самом деле число реальных предков оказывается значительно меньше числа порядковых номеров: дело в том, что в брак нередко вступали дальние родственники, и поэтому в родословных знатных особ неоднократно на разных местах фигурирует одно и то же лицо. Так, в восходящем родословии французского короля Людовика Святого (1214—1270 гг.) 500 раз упоминается его знаменитый предок Карл Великий (742—814 гг.)! Это явление носит название генеалогической редукции, или убывания предков.

Русские генеалоги XIX—начала XX в. пользовались довольно простой системой нумерации (в дальнейшем мы будем называть ее «традиционной»): поколения в нисходящем родословии они обозначали римскими цифрами, а представителей рода — арабскими (по валовой нумерации); при этом напротив имени каждого лица указывался номер его отца. В этих росписях, составленных по мужской линии, женщинам обычно не присваивались отдельные номера. В качестве примера приведу поколенную роспись рода Суворовых, к которому принадлежал знаменитый полководец, из справочника князя П. В. Долгорукова (*Долгоруков, 1855*. Ч. II. С. 65—66):

№ — № отцовский

Колено I

1. Федор Суворов

Колено II

2. Иван Больший Федорович, воевода в Тюмени [после 1680] — 1
3. Иван Меньший Федорович — 1

Колено III

4. Иван Иванович — 2
5. Сергей Иванович — 2

Колено IV

6. Василий Иванович, генерал-аншеф, сенатор, кавалер ордена Св. Александра Невского; род. 1705, ум. 1776. — 4
7. Александр Иванович, гвардии капитан-поручик; женат на Анне Васильевне NN — 4

Колено V

8. Князь Александр Васильевич Италийский, граф Суворов-Рымникский, генералиссимус, кавалер всех российских орденов 1-х степеней и прусского ордена Черного орла; род. 13 ноября 1729, ум. 6 мая 1800; женат на Варваре Ивановне Прозоровской (1750—1806) — 6
   Анна Васильевна, замужем за генерал-поручиком князем Иваном Романовичем Горчаковым — 6
   Мария Васильевна, замужем за действительным статским советником Алексеем Васильевичем Олишевым — 6
9. Михаил Александрович — 7
10. Федор Александрович, бригадир — 7

Колено VI

11. Князь Аркадий Александрович, генерал-лейтенант и генерал-адъютант; род. 4 августа 1780, утонул 13 апреля 1811 в реке Рымнике; женат на Елене Александровне Нарышкиной (род. 1785) (во втором браке замужем за кн. Василием Сергеевичем Голицыным) — 8
    Графиня Наталия Александровна, род. 1. 08. 1775, ум. 30. 03. 1844; замужем за обер-шталмейстером графом Николаем Александровичем Зубовым (1763—1805) — 8

Колено VII

12. Князь Александр Аркадиевич, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, генерал-губернатор лифляндский, эстляндский и курляндский; кавалер ордена Белого орла; женат на Любови Васильевне Ярцовой 11
13. Князь Константин Аркадиевич, полковник, женат на Елисавете Алексеевне Хитрово 11

Княжна Мария Аркадиевна, замужем за генерал-майором кн. Михаилом Михайловичем Голицыным 11

Княжна Варвара Аркадьевна, замужем за: 1) действ. статским советником Дмитрием
Евлампиевичем Башмаковым; 2) генералом от инфантерии кн. Андреем Ивановичем Горчаковым 11

Колено VIII

14. Князь Николай Александрович (род. 1833) 12

Княжна Любовь Александровна 12

Более сложную систему нумерации для нисходящего родословия разработали в XX в. французские ученые. Жак д'Абовилль предложил в каждом поколении начинать счет заново (в порядке старшинства); при этом к индивидуальному номеру лица присоединяется номер его отца: в результате каждая строка росписи открывается рядом цифр, разделенных косой чертой и содержащих информацию обо всех предках по прямой линии данного представителя рода. Так, если родоначальник получает номер 1, то его дети в порядке старшинства обозначаются как 1/1, 1/2, 1/3 и т. д., внуки от его старшего сына (или дочери) — 1/1/1, 1/1/2, 1/1/3 и т. д., внуки от его второго сына (или дочери) — 1/2/1, 1/2/2, 1/2/3 и т. д. Общее количество чисел, разделенных чертами, показывает, сколько поколений отделяет данное лицо от родоначальника. Совпадение нескольких чисел у двух лиц, включенных в роспись, свидетельствует о степени родства между ними: например, совпадение двух чисел в III поколении (трех цифр — в IV поколении, четырех — в V и т. п.) указывает на родных братьев и сестер; у двоюродных братьев/сестер — на одно число меньше. По общему правилу, чем больше чисел совпадает, тем ближе степень родства.

Эта система позволяет также различать потомство от разных браков: для этого используются буквы алфавита (а, б, в...). Например, дети родоначальника от первого брака будут записаны как 1а/1, 1а/2, 1а/3..., от второго брака — 1б/1, 1б/2, 1б/3... и т. д.

Существует и комбинированный вариант нумерации, сочетающий в себе элементы систем д'Абовилля и Соса—Страдоница. От описанной выше методики он отличается тем, что позволяет дополнительно различать в росписи мужчин и женщин при помощи, соответственно, четных и нечетных чисел. Суть этой системы нумерации (Соса—Страдоница—Абовилля) состоит в следующем: родоначальник и старшие

сыновья в каждом браке обозначаются цифрой 0, а всем остальным мужчинам в роду присваиваются четные номера (2, 4, 6...); женщины получают нечетные номера (1, 3, 5...). Таким образом, старший сын родоначальника от первого брака обозначается как 0а/0, второй его сын от того же брака — 0а/2, старшая дочь от второго брака — 0б/1, вторая дочь родоначальника от третьего брака — 0в/3 и т. д.

В последние десятилетия элементы «французской системы» нумерации стали использоваться и российскими генеалогами; при этом сохраняются и некоторые принципы традиционной системы, применявшиеся еще князем П. В. Долгоруким и князем А. Б. Лобановым-Ростовским. В результате получившая сейчас распространение в отечественной генеалогии система нумерации имеет следующий вид: все лица, внесенные в роспись, получают индивидуальные порядковые номера (по валовой нумерации), однако, в соответствии с принципом Абовилля, к этим цифрам добавляются еще номера всех предков. Различение мужчин и женщин с помощью четных и нечетных чисел у нас практически не применяется.

«Русифицированную» версию системы Абовилля использовал, например, В. Б. Кобрин (в предложенном им варианте индивидуальный номер лица находится слева, а номера его предков — справа; цифры разделены не косой чертой, а тире; поколения обозначены римскими цифрами). Вот как выглядит роспись первых трех поколений из составленного В. Б. Кобриным родословия князей Ярославских (*Кобрин, 1995*. С. 19):

I

1. Давыд Федорович. Ум. в 1321 г.[7]

II

2—1. Василий Давыдович Грозный (Грозные Очи?). Ум. в 1345 г. Занимал ярославский стол. Около 1320-х гг. выдал тарханную и несудимую грамоту Спасо-Ярославскому монастырю (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1964. Т. III. № 190).

3—1. Михаил Давыдович Моложский. Ум. в 1361 г.

III

4—2—1. Василий Васильевич. Занимал ярославский стол, уп. в 1339—1380 гг.

5—2—1. Глеб Васильевич.

6—2—1. Роман Васильевич. Уп. в 1375—1380 гг.

7—3—1. Федор Михайлович Моложский. Уп. с 1375 г., ум. в 1408 г.

8—3—1. Иван Михайлович Моложский. Убит в 1380 г.

9—3—1. Лев Михайлович Моложский. Ум. в 1369 г.

---

[7] Здесь и ниже в росписях используются традиционные для генеалогической литературы сокращения: ум. — умер, уп. — упоминается, м. — муж, ж. — жена. Знак вопроса на месте даты или имени означает отсутствие соответствующих данных.

Приведенный фрагмент росписи относится к типу *мужского нисходящего родословия*. Источники XIV—XVI вв., которыми пользовался В. Б. Кобрин, нечасто содержат упоминания о женах и дочерях, даже если речь идет о княжеских семьях; поэтому в составленных им росписях женских имен мало, а когда такие сведения все-таки имеются, они включаются в биографическую справку о соответствующем представителе рода — мужчине: отдельного номера женщины не получают.

К иному, *смешанному* типу родословия относятся составленные А. И. Аксеновым росписи купеческих родов XVIII—начала XIX вв. В них представительницы прекрасного пола (купеческие дочери) записаны особо, и им присвоены отдельные номера (правда, их потомство в росписи не внесено, что является «уступкой» более традиционному мужскому типу росписи). В избранной А. И. Аксеновым методике хорошо заметны элементы «французской системы», хотя сохраняется и традиционная для русской генеалогия сквозная (валовая) нумерация. Вот как выглядит, например, роспись пяти поколений семьи Гусятниковых (*Аксенов, 1988*. С. 162—163):

Поколение 1

0 — Сергей Захарьев сын Гусятников (? — уп. 1713) — «природный» московский купец гостиной сотни. В 1689 г. — целовальник Купецкой палаты по приему соболей и «мягкой рухляди» из Сибирского приказа.

Поколение 2

0/1 — Петр (1683 — уп. 1740) — в 1717 г. в окладе гостиной сотни. С 1729 г. — среди московских компанейщиков питейных сборов. Торги в Москве.

Поколение 3

0/1/2 — Михайла (1713—1776) — питейный откупщик в 40—60-х годах XVIII в., владелец шляпной и полотняной фабрик, заграничная торговля с Востоком и Западом, «вотчины» в московских торговых рядах, обер-директор компании питейных откупщиков.

Ж. — Ирина Ивановна (1723—1771) — дочь известного московского купца, питейного компанейщика И. И. Иконникова.

Поколение 4

0/1/2/3 — Михайла (1745—1782) — 1-й гильдии купец.
Ж.: а) ?
б) Вера Васильевна (1752 — уп. 1795) — дочь московского именитого гражданина В. В. Суровщикова. Во втором браке замужем за именитым гражданином М. Д. Мещаниновым.

0/1/2/4 — Татьяна (1750 — уп. 1782).
М. — И. И. Пастухов — тульский купец.

0/1/2/5 — Марья (1753 — уп. 1782).
М. — М. И. Миняев — московский купец.

0/1/2/6 — Александра (1756—1779).
М. — И. П. Колосов — московский именитый гражданин.

0/1/2/7 — Елизавета (1757 — уп. 1782).

М. — А. С. Попов — камердинер императорского двора, полковник.

0/1/2/8 — Петр (1758—1816) — в 1788—1796 гг. — именитый гражданин. К 1816 г. — 2-й гильдии купец.

Ж. — а) Анна Ларионовна (1757 — уп. 1795) — дочь известного тульского купца Л. И. Лугинина.

б) Наталья Ивановна (1781 — уп. 1850) — в 1850 г. числилась потомственной почетной гражданкой.

0/1/2/9 — Сергей (1750 — уп. 1811) — до 1801 г. — 1-й гильдии купец и именитый гражданин, к 1811 г. — в 3-й гильдии.

Ж. — Вера Семеновна (1766 — уп. 1815) — дочь московского 1-й гильдии купца С. Д. Ситникова.

0/1/2/10 — Семен (1761—1782).

0/1/2/11 — Федор (1762 — уп. 1782) — в 1780 г. выбыл «в статскую службу».

Поколение 5

0/1/2/3а/12 — Николай (1766 — уп. 1811) — в 1795—1801 гг. — именитый гражданин в одном капитале с братом Алексеем. По «Очередной книге» 1801 г. выбыл в дворянское достоинство, а по сказке 6-й ревизии 1811 г. — «состоит по мещанству с 1808 г.».

0/1/2/3б/13 — Алексей (1773—1812) — в 1795—1801 гг. — именитый гражданин в одном капитале с братом Николаем. В 1807 г. — в 1-й гильдии. В 1811 г. состоял в именитом гражданстве «по ученой части» без объявления капитала.

0/1/2/3б/14 — Елизавета (1774 — уп. 1795).

0/1/2/3б/15 — Александр (1779 — уп. 1811) — в 1788—1793 гг. вместе с матерью в 1-й гильдии. С 1808 г. — в мещанстве.

0/1/2/3б/16 — Василий (1780—1784).

0/1/2/8а/17 — Александр (1780—1803).

0/1/2/8а/18 — Михайла (1790 — уп. 1811) — уволен в 1809 г. в «статскую службу».

0/1/2/8б/19 — Петр (1801 — уп. 1816) — в 1815 г. уволен в «ученое звание».

0/1/2/8б/20 — Евгения (1803 — уп. 1816).

0/1/2/8б/21 — Юлия (1807 — уп. 1816).

0/1/2/8б/22 — Дмитрий (1809 — уп. 1816).

0/1/2/8б/23 — Аполлон (1811 — 1812).

0/1/2/8б/24 — Владимир (1813—?).

0/1/2/9/25 — Семен (1784—1845) — до 1815 г. купец 1-й, затем — 3-й гильдии.

0/1/2/9/26 — Софья (1787 — до 1811).

0/1/2/9/27 — Марья (1789 — до 1811).

0/1/2/9/28 — Александра (1790 — после 1815).

0/1/2/9/29 — Любовь (1794 — после 1857) — с 1834 г. 1-й гильдии купеческая дочь, девица.

Генеалогия и компьютер. Базы данных. Описанные выше методы генеалогических исследований были разработаны еще до появления компьютера. Бурное развитие компьютерных технологий в последние десятилетия открыло новые возможности перед генеалогией.

Прежде всего компьютер существенно облегчает хранение и обработку собранной информации. Составив родословную роспись, можно ввести ее в компьютер в виде отдельного файла, пополняя ее в ходе дальнейшей работы новыми данными и заполняя имеющиеся лакуны. Кроме того, поисковые возможности наиболее распространенной

сейчас операционной системы Windows и входящего в нее текстового редактора Word позволяют быстро найти в файле-росписи нужное лицо или выделить группу лиц по определенным признакам (году рождения, чину, профессии и т. п.). Существуют также специальные компьютерные программы, позволяющие оформлять собранную генеалогическую информацию в виде таблиц, с последующим выведением их на печать.

Кроме того, компьютер может прийти на помощь генеалогу уже на начальном этапе исследования, заметно ускоряя поиск и получение необходимой информации. Этой цели служат компьютерные базы данных, создаваемые по определенным эпохам и темам. Выше уже упоминался проект составления фонда генеалогической информации об участниках войны 1812 г. (см. *Генеалогические исследования, 1994*. С. 227—234). Другой масштабный проект — по созданию Биографического банка Московского государства XIV—XVII вв. — осуществляется с 1992 г. группой российских и американских ученых.[8] К настоящему времени в этот банк уже внесены сведения о карьере более чем 650 обладателей думских и дворцовых чинов XVI—XVII вв.

Проблема состоит в том, как сделать подобные базы данных, подготавливаемые инициативными группами ученых, доступными всем исследователям. «Радикальное» средство решения этой проблемы — размещение их во Всемирной компьютерной сети (Интернет).

Уже сейчас в Интернете существует множество страниц, посвященных генеалогии и истории семей. Так, начинающему исследователю полезно обратиться к сайту С. Котельникова и Л. Бирюковой «Всероссийское генеалогическое древо» (адрес: http://www.people.adicom.ru/people.htm). Здесь можно узнать о том, чем занимаются современные российские генеалоги, получить практический совет, обменяться информацией с коллегами. Подобные сайты особенно полезны тем, кто занимается изучением истории своей семьи, поиском живущих в разных городах и странах родственников. Из зарубежных генеалогических сайтов самым посещаемым является так называемый «Список Синди» (http://www. cyndislist. com), вобравший в себя огромный пласт исторической информации. Не меньшей известностью пользуется страница в Интернете по истории семей, созданная Церковью мормонов (адрес: http://www. familysearch. org/eng/default. asp). База данных, размещенная на этом сайте, содержит сведения о десятках тысяч семей со всего мира (включая Россию) за несколько последних веков. Сделав запрос, можно получить информацию об опубликованных,

---

[8] Об этом проекте см.: *Кошелева О. Е., Мартин Р., Морозов Б. Н., По М.* Международный проект создания «Биографического банка данных Российского государства (XIV—XVII вв.)» // Отечественная история. 1993. № 6.

а также архивных материалах, относящихся к истории интересующего исследователя региона. (Подробнее о генеалогических сайтах в Интернете см. в публикации С. Поверского: *Поверский, 2001*.)

Возможности генеалогии в историческом исследовании (вместо заключения). Можно привести немало примеров того, как обращение исследователей к генеалогии и ее методам позволяло исследователям по-новому поставить, а порой и решить многие важные проблемы. Применительно к периоду средневековья использование генеалогических данных является, так сказать, императивом: без учета родственных связей в обществе той эпохи исследование просто невозможно.

Возможности генеалогии в изучении, казалось бы, давно исследованной темы, где все сохранившиеся источники известны наперечет, ярко продемонстрировала только что вышедшая монография К. А. Аверьянова (*Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. М., 2001). Историков неизменно ставило в тупик загадочное троекратное упоминание в духовной Дмитрия Донского о «куплях» его деда — Галиче, Угличе и Белоозере. Было высказано немало версий по поводу того, каким образом деду князя Дмитрия Ивановича, Ивану Калите, достались эти княжества. Ни одна из этих гипотез не смогла утвердиться в науке в качестве наиболее обоснованной. К. А. Аверьянов напомнил о том, что дедом Дмитрию Донскому приходился не только Иван Калита, но и братья последнего Юрий и Афанасий. Детальный анализ родственных связей московского княжеского дома позволил установить, что Афанасий, Иван и Юрий Даниловичи были женаты, соответственно, на белозерской, галицкой и ростовской княжнах. Это позволило К. А. Аверьянову высказать предположение, что Белоозеро, Галич и Углич (последний принадлежал тогда ростовским князьям) были присоединены к московским владениям не в результате покупки у хана ярлыков на эти княжества, как считали многие исследователи, а в качестве приданого. Пока эти княгини были живы, именно они считались владелицами упомянутых земель: это объясняет молчание грамот Калиты и его сыновей об этих приобретениях. Возможно, гипотеза Аверьянова и не поставит последнюю точку в многолетней дискуссии о «куплях», но она способна вывести ее на новое и весьма перспективное направление. Сам же обсуждаемый вопрос только на первый взгляд может показаться частностью, ведь речь в конечном итоге идет о методах, которыми создавалось будущее единое Русское государство.

Но наиболее эффективным представляется применение генеалогических методов для изучения динамики определенной социальной группы в избранный для исследования период. Как уже говорилось, такой подход, сочетающий приемы генеалогии и биографики, носит название *просопографического*. Применение этого подхода позволило С. Б. Веселовскому и А. А. Зимину воссоздать «коллективный порт-

рет» московского боярства, а В. Л. Янину — боярства новгородского (*Веселовский, 1969; Зимин, 1988; Янин, 1981*).

Не менее впечатляющие результаты были получены исследователями российского купечества и предпринимательства. В работах Н. И. Павленко, Н. Е. Носова, А. И. Аксенова и других ученых был показан процесс «одворянивания» буржуазии: купцы всеми правдами и неправдами стремились получить дворянское звание. А. И. Аксенов, проведя историко-генеалогическое исследование московского купечества в XVIII в., пришел к важному выводу о неустойчивости купеческого рода: обычно купеческая династия существовала на протяжении не более чем трех поколений. Историк объясняет этот факт воздействием неблагоприятных социально-экономических условий (*Аксенов, 1988*). Но и политический климат в России XVI—XVIII вв. не слишком благоприятствовал процветанию купечества. В. А. Варенцов, проследив судьбы новгородских купеческих родов с конца XV по начало XVII в., констатировал то же явление: неустойчивость местных торговых династий. Войны, насильственные переводы купцов в другие города, опричнина Ивана Грозного — все это привело к тому, что за полтораста лет состав новгородского купечества сменился несколько раз (*Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода XVI—XVII вв. Вологда, 1989). Естественно, все эти историко-генеалогические наблюдения имеют серьезное значение для понимания социально-экономического развития России и пресловутого «запаздывания» российского капитализма.

Наконец, просопографический метод может быть с успехом применен и к истории одного рода, как это показывает недавнее исследование М. О. Мельцина о судьбах князей Долгоруковых в конце XVIII—начале XX вв. В этом случае данные об одной семье могут послужить своего рода моделью при изучении положения старинной аристократии России в тот период (*Мельцин, 1999*).

Таким образом, в наши дни генеалогия может не только научить нехитрым приемам построения родословных; в сочетании с другими методами исторического исследования она является эффективным инструментом познания прошлого.

ГЕРАЛЬДИКА

I. Определение геральдики

Геральдика, или гербоведение, — дисциплина, посвященная изучению гербов. Термин «геральдика» относится также к традиции и практике использования гербов (в этом смысле русская геральдика старше русского гербоведения).

Геральдика является частью эмблематики — группы взаимосвязанных дисциплин, изучающих эмблемы.

Значение терминов «герб», «эмблема», а также «символ» имеет смысл рассмотреть во взаимной связи.

Символ — знак, иносказательно указывающий на некое понятие или явление (так, скипетр — символ власти, пальмовая ветвь — мира, а также первенства, и т. д.). Эмблема — это символ, предметом обозначения которого является не абстрактное понятие, а индивидуальный или коллективный «обладатель» этой эмблемы, устойчиво ею пользующийся (так, скрещенные топоры — эмблема инженерных войск Российской империи, а также их генерал-инспектора).[1] Наконец, герб — частный случай эмблемы, характеризующийся тем, что его строение, употребление, правовой статус соответствуют особым, исторически установившимся правилам.

Иногда говорят о символах и эмблемах в узком смысле, противопоставляя эмблеме (всегда принадлежащей кому-либо) безличный символ или же разграничивая подчиненные твердым правилам гербы и куда более свободно составленные и используемые *эмблемы*. В то же время говорится, что герб — «официальный символ», что эмблемы относятся к *символике* их обладателя. При грамотном, осмысленном употреблении терминов все эти словесные противоречия сглаживаются сами собой.

Старейшие известные гербы датируются второй половиной XII столетия. Они принадлежали высшей аристократии исторических Ни-

[1] Исторически термин «эмблема» применим также к аллегориям — сложным, сюжетным композициям, составленным из символов.

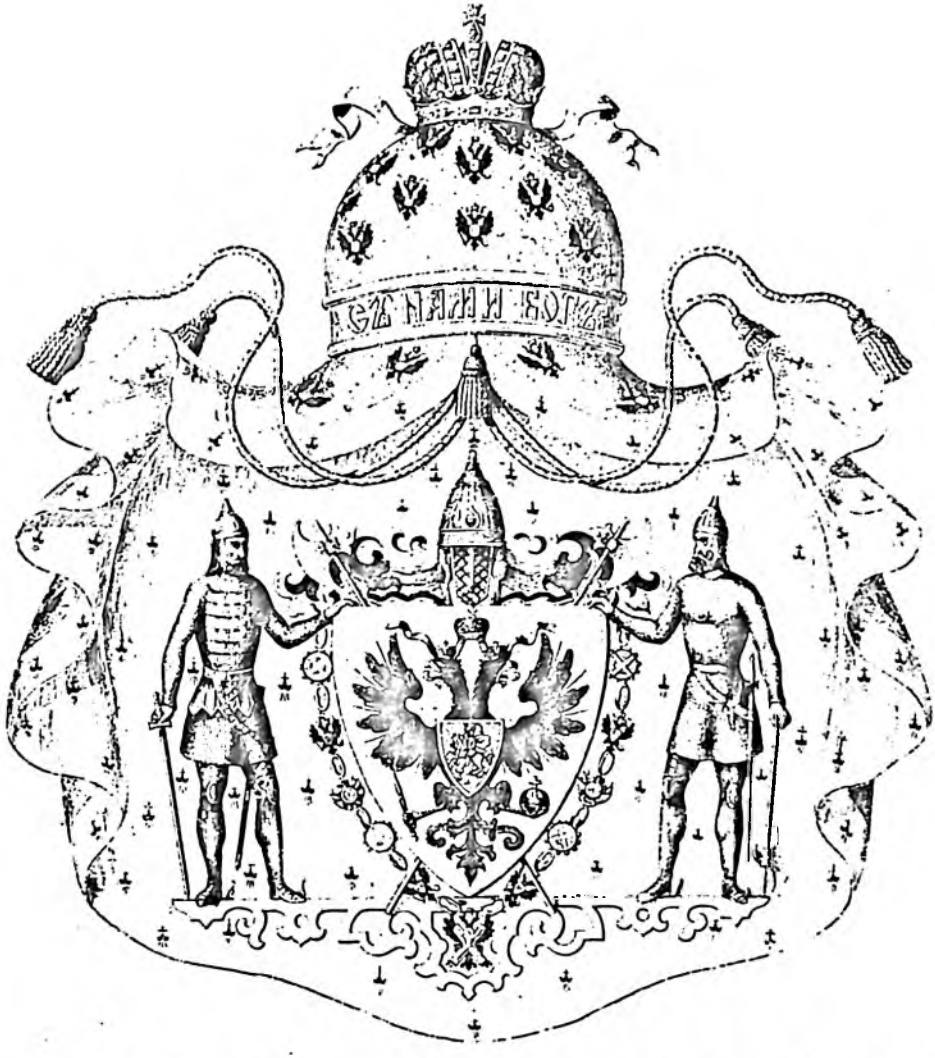


Рис. 1. Топоры как должностная эмблема в сокращенной версии большого герба Великого князя Николая Николаевича (старшего)

дерландов, Франции и Британии. На протяжении двух последующих столетий их употребление распространялось по всей Западной и Средней Европе и почти во всех социальных слоях и группах. Появились женские гербы, гербы духовных лиц, горожан, крестьян, а также городов (городских общин), корпораций, государств, провинций и т. п. С конца Средневековья в большинстве стран Европы были установлены различные правовые ограничения: дворянство пыталось сделать употребление гербов (или хотя бы определенных почетных элементов в гербах) своей исключительной привилегией; государство стремилось поставить гербы под свой контроль (иногда — вплоть до запрещения

гербов, не снискавших официального подтверждения). В трактатах эти тенденции отражались наиболее полно, гораздо меньше — в законодательстве, еще меньше — на практике. При этом, наряду с законами, геральдика всегда в значительной мере руководствовалась так называемым обычным, неписаным правом.

Геральдические правила в основе своей являются наднациональными, но в различных странах действует множество частных норм как правового, так и чисто геральдического характера. Например, один и тот же тип гербовой короны обозначает во Франции титул герцога, в Испании — достоинство гранда, в Германии — старинный графский титул и т. п.; в России же такая корона была признана за Демидовыми-Сан-Донато как указание на их итальянский княжеский титул.

Глубокое исследование русской геральдики невозможно, если она рассматривается в отрыве от других европейских геральдических традиций, под совместным влиянием которых в России складывались и местные геральдические нормы, и отдельные гербы. Несомненно влияние иностранного гербоведения на формирование профессиональных концепций — и, как следствие, — на деятельность наиболее образованных российских геральдистов. В меру их эрудиции геральдическая практика в Российской империи была непосредственно связана не только с современными практиками Запада, но и с наследием золотого века геральдики — западноевропейского Средневековья. Конечно, все это не дает оснований произвольно применять германские, французские или британские стереотипы к русским гербам. Необходимы сравнительные исследования, кропотливое сопоставление исторических реалий. Подобная методика вполне традиционна для отечественного гербоведения, но мало разработана.

II. Геральдика в России

Основная задача этого раздела — рассказ о развитии русского гербоведения. Но нет смысла игнорировать цельность геральдики как социально-культурного явления и излагать историю геральдической науки в отрыве от истории прикладной геральдической мысли, выражавшей себя в практике, в работе геральдических учреждений и т. д.

Кроме того, одной из ключевых проблем отечественного гербоведения является анахроническое применение геральдических критериев к несомненно более ранним, догеральдическим памятникам.

Уместно связать эти сюжеты воедино, начать издалека и пояснить, что геральдическая практика по сравнению с Западной и Средней Европой запоздала в России на пять веков, то есть установилась не в XII, а в XVII столетии. Однако влияние геральдики сказывалось уже в XV в., когда складывающееся единое русско-московское государство потребо-

вало новой символики. Помещение Иваном III двуглавого орла на реверсе печати было несомненным подражанием гербовой печати императоров Священной Римской империи, а изображение «ездца» на аверсе, являющееся одновременно эмблемой государства и условным портретом монарха, отчетливо перекликалось с воплотившим эти же особенности гербом Литвы. Позже влияние усилилось, но касалось почти исключительно внешнего вида, декоративного оформления, отдельных композиционных и изобразительных мотивов. Структура герба, цветовая фиксация деталей оставались неизвестными и непонятными русским.

Примером формального подражания гербам может послужить произошедшее при Иване IV Грозном совмещение орла и «ездца». «Ездец» был расположен на фигурном нагруднике, как бы надетом на туловище птицы. Безусловно, это было композиционной цитатой из герба Священной Римской империи, где орел дополнялся сердцевым щитком с родовым гербом правящего императора. Но чисто геральдическая идея *сердцевого щитка* была неведома в Москве, и поначалу его пришлось заменять специально изобретенной деталью, способной удержаться на теле орла. Лишь позднее, в XVII в., «ездец» стал помещаться в самостоятельном картуше.

В ходе «знаковой полемики» с соседними державами Иван IV не раз включал в собственный знаковый (сфрагистический) обиход целые композиции геральдического происхождения (воин на стене — герб города «Кеси», то есть Вендена/Цесиса в Ливонии) или отдельные фигуры: медведя из герба герцогства Финляндского, рысь Тавастской провинции, нарвскую рыбу. Но это отнюдь не означало заимствования знаковой системы геральдики в целом.

С XVI в. известны и собственно российские территориальные эмблемы, иллюстрировавшие монарший титул. В XVII столетии их также стилизовали «под герб», помещая в картушах. Наиболее яркий памятник догеральдической российской символики является также ярчайшим примером игнорирования гербовых правил; это знаменитый «Титулярник», или «Большая государственная книга» 1672 г. «Титулярник» представлял собой собрание изобразительных доказательств величия российских государей и, в частности, содержал более тридцати территориальных эмблем (а также портреты великих князей и царей от Рюрика и т. п.). Одновременно в «Титулярник» вошли более или менее четко перерисованные гербы держав, с которыми Россия состояла «в общении». Можно было бы ожидать типологической нивелировки русского и западного материала. Но, напротив, бросается в глаза контраст: «печати» (эмблемы) русских земель в основном лишены четкой расцветки деталей, вместо геральдических полей изображены пейзажные фоны, почти полностью отсутствуют характерные для западных гербов геометрические формы («геральдические фигуры»), картуши с эмблемами лишены каких-либо внешних элементов.

Смысловое своеобразие догеральдической русской символики характеризуется присутствием в «Титулярнике» двуглавого орла без всадника на груди в качестве московской (общероссийской) эмблемы. Вероятно, это объяснимо особенно четко осознававшимся значением всадника как условного изображения монарха, его аллегорического «портрета». Но портрет правящего государя в «Титулярнике» уже присутствовал. Это был реалистический погрудный портрет; и все же его соседство с «ездцом» явилось бы неуместным дублированием.

Что касается родовой символики — в Московской Руси она была настолько неразвита, что до начала XVII в. геральдическому влиянию, даже сугубо формальному, было практически не на чем проявиться. Показательно, что герой Смутного времени князь Д. М. Пожарский пользовался печатями, изображения которых отчетливо имитировали геральдические формы; но при этом он выступал в роли правителя, а не частного лица.

Идея использования личной (или родовой) эмблемы сдерживалась как социальными факторами (несамостоятельность родового статуса в системе местничества), так и особенностями знаковой культуры (увлечение абстрактно-нравоучительной символикой, аллегориями в противовес персональной эмблематике). Тем не менее при первых Романовых ситуация постепенно меняется; сказываются контакты с Западом, присоединение Украины. Известные фразы Котошихина [2] о том, что «у всякого чину людей Московского государства гербов не бывает» и что «гербов... изложити не могут», характеризовали ситуацию при Алексее Михайловиче, но при нем же и стали устаревать. Наконец, с отменой местничества в 1682 г. пользоваться гербами (или эмблемами, гербам подражавшими) стали многие знатные семейства.

Четко отграничить псевдогеральдическую практику от геральдической не всегда возможно: эмблема может *выглядеть* как герб; но для нас важно, *воспринималась* ли эта эмблема теми, кто пользовался ею для обозначения или опознания, в русле гербовой культуры, геральдических представлений. Впрочем, последние получают существенное распространение на протяжении 1680-х гг. С 1686 г. в Посольском приказе и Родословной палате уже шло делопроизводство о гербах выехавших с Запада «шляхецких» фамилий, то есть родовые гербы получили признание государства.

Первые пожалования гербов последовали при Петре I. Еще в 1692 г. городу Ярославлю была дарована гербовая печать. Идея муниципального герба к тому времени еще чужда России; и за неимением собственно городской эмблемы на печати воспроизвели старую, догеральдического происхождения эмблему Ярославского княжения.

---

[2] Г. К. Котошихин — подьячий Посольского приказа; перебежчик в Швецию, составивший подробный рассказ о положении дел в России.

В документации о печати не были точно определены геральдические характеристики (прежде всего расцветка фигур и поля), и можно полагать, что пожалование все еще было догеральдическим по сути, а термин «герб» был применен сугубо формально. Тем не менее акт 1692 г. стал первым случаем узаконения городского герба в России. Прочие гербовые пожалования, совершенные Петром I, относились к дворянским родам. Жалованных гербов удостоились А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин (в 1715 г.), Я. В. Брюс (в 1721 г.) и другие. Русские подданные получали также иностранные пожалования; так, А. А. Матвееву в 1714 г. была пожалована грамота на графский титул Священной Римской империи и на соответствующие дополнения к уже имеющемуся гербу. «Цесарские» пожалования служили образцами для русских грамот на гербы. Поначалу таковые готовились при содействии Я. В. Брюса и, быть может, П. А. Толстого — высокопоставленных ценителей гербоведения из окружения Петра I. По свидетельству В. Н. Татищева, государь собирался поручить «рассмотря, исправить» русскую геральдику именно им, но государственные дела другого рода слишком связывали и Брюса, и Толстого.

В 1722 г. был назначен первый герольдмейстер, которому вменялась в обязанность, помимо прочего, работа с дворянскими гербами — «родословными и прежними и вновь данными». В том же году товарищем герольдмейстера, поставленным специально для «сочинения» гербов, стал (по протекции Брюса) пьемонтец, получивший образование во Франции, граф Франческо (Франциск Матвеевич) Санти. Ему были поручены не только дворянские гербы, но и государственный, провинциальные и городские: в одних случаях следовало придать строго геральдическую форму старому знаку, в других — изобрести новый герб. Санти стремился отражать местную специфику, например, достопримечательности городов (в гербе Серпухова монастырский птичник был увековечен фигурой павлина и т. д.). В гербоведческой теории Санти был верным последователем великого французского геральдиста Марка де Вюльсона де Коломбьера. Формально-книжный, франкофильский стиль Санти существенно разнился с гербовой практикой соседей России: Австрии, Польши и др.; со стороны остзейских дворян даже последовали протесты. Но в собственно русской геральдике Санти не ломал, а дополнял спонтанно складывавшиеся схемы.[3]

Большая часть гербов, разработанных Санти, осталась невостребованной до его отрешения от дел в 1727 г.; однако именно им был зало-

[3] К слову, отнюдь не вся деятельность Санти характеризовалась импортом французской теории. Среди его советчиков были иностранец Брюс, англичанин Олроу, швед Стремфельд, одним из его настольных справочников был, наряду с трактатом Коломбьера, фундаментальный труд немца Ф. Я. Шпенера. Сам Санти был оригинальным геральдистом и к тому же отменным рисовальщиком.

жен твердый фундамент российского официального герботворчества. Отсюда и наименование *отца русской геральдики*, усвоенное графу Санти позднейшими гербоведами.

Лишившись Санти, Герольдмейстерская контора далеко не сразу восстановила свою ведущую герботворческую роль. В 1728 г. разработка городских и земельных гербов велась уже в военном ведомстве — для помещения таковых гербов на знаменах полков согласно их наименованию и квартировке. Местные эмблемы для полковых знамен были сочинены уже в 1712 г., но имели откровенно негеральдический характер. Работу по созданию гербов возглавил (судя по всему, не только формально) граф Бурхард фон Миних. Был составлен сборник, в который вошло более 80 гербов провинций и городов. Использовались проекты Санти и другие источники; большую работу Миних с ассистентами провели самостоятельно. В 1730 г. «гербовник Миниха» был удостоен высочайшего утверждения; последовал сенатский указ об употреблении утвержденных гербов не только в полках, но и губернаторами.

Как в делопроизводстве о разработке полковых гербов, так и в самом гербовнике понятия о гербе провинции и ее центрального города не были должным образом разделены. Это объяснялось тем, что гербы готовились для полков сообразно их двояко толкуемым названиям: «Владимирские», «Казанские» и т. п.; а также тем, что русские города в 1730 г. были не привилегированными сообществами «граждан», а элементами административной системы, в которой город-центр и подведомственная ему территория находились на одной смысловой оси. Смешение городского и территориального герба оставалось обычным для России и позднее (а фактически нередко и сегодня). В гербовнике Миниха преобладали гербы, оформленные как территориальные (так, ярославский, рязанский и другие гербы венчали княжеские шапки согласно титульному достоинству соответствующих земель); но, строго говоря, речь шла об установлении *общего* герба для города и провинции. Если из названия следовала принадлежность герба только территории («Сибирский», «Эстляндский»), или только городу («Кронштадтский», «Рижский»), или только полку как таковому (отдельный герб был дарован Лейб-регименту), это не нарушало единого стиля оформления. Двум гербам были оставлены, в виде исключения, старинные дополнительные элементы (шлем с нашлемником у Ревеля, щитодержатели у Выборга).

1730 год стал вехой в становлении русской геральдики. Впервые геральдические версии старых земельных эмблем получили полноценное законодательное утверждение; впервые (не считая «экспериментального» пожалования Ярославлю в 1692 г.) устанавливались городские гербы, включая оба столичных; система корон достоинства, закрепленная в гербовнике, была логичной и оригинальной.

Независимо от Санти и Миниха геральдику исследовал и преподавал профессор Санкт-Петербургского академического университета

Академии наук И. С. Бекенштейн. Его компилятивный труд об основах геральдики, написанный на немецком языке и опубликованный в Петербурге в 1731 г., стал первым гербоведческим изданием в России.[4] Однако и книга, и лекции оказали влияние лишь на «чужестранную» аудиторию. Бекенштейн также сочинял гербы, развивая идею отражения в гербе местных характерных черт и достопримечательностей, но из всех его проектов применение нашли лишь немногие (герб Академии наук; магистратский и собственно городской гербы Оренбурга, уже в 1776—1782 гг. вытесненные новым гербом города).

С 1741 по 1758 г. в Герольдмейстерской конторе служил воспитанник Академического университета В. Е. Адодуров,[5] благодаря которому контора успешно возобновила создание дворянских гербов. Помимо вкуса к традиционной композиционной эстетике герба, Адодуров обладал глубоким пониманием гербовой структуры и социально-правового значения второстепенных атрибутов (в частности, корон). Это удалось благодаря знанию языков и знакомству с опубликованными трудами по предмету (в конторе им была собрана гербоведческая библиотека). Определяющим было влияние наиболее авторитетных геральдических авторов Запада Европы и, как следствие, частных геральдических норм Франции, Британии; но при разработке графских гербов продолжала сказываться ориентация на Священную Римскую империю.

Оживление герботворчества предопределялось намерением императрицы Елизаветы небывало наградить роту гренадер, возведших ее на престол. Рота получила почетное наименование «Лейб-кампании», гренадерам было даровано дворянство, и все они, числом более 300, должны были получить гербы, причем в каждом из них собственный герб лейб-кампанца соединялся, в знак монаршей милости и увековечения заслуг, с «генеральным» лейб-кампанским гербом. Объем работы был огромным; часть лейб-кампанцев так и не получила гербов.

Большинство русских дворянских гербов этого времени использовалось их обладателями без высочайшего утверждения; к последнему прибегали почти исключительно для придания геральдического оформления пожалованию дворянства, титула либо иной подобной почести.

В отличие от «профранцузской» позиции Герольдмейстерской конторы, общие закономерности оформления неутвержденных гербов российского дворянства были внушены соседскими примерами — польскими, германскими и скандинавскими гербами. В них присутствовали

---

[4] *Beckenstein J. S.* Kurtze Einleitung zur Wappenkunst und zur Art des Blasonierens. SPb., 1731.

[5] Впоследствии — адъюнкт Академии наук; первый русский, занявший это положение.

дворянские короны, не принятые во Франции, но обычные в Центральной Европе и в Речи Посполитой, а также шлем с решеткой как общий дворянский атрибут. Проникновение этих элементов в жалованную дворянскую геральдику совершилось лишь при Екатерине II.

В правление этой императрицы последовал новый геральдический бум, связанный с городскими гербами. С 1767 г. Герольдмейстерская контора разрабатывала гербы для самих городов, поначалу (до конца 1770-х гг.) еще продолжая *отдельно* создавать, по запросу Военной коллегии, местные гербы на полковые знамена; а в 1785 г. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» установила, что город непременно должен иметь высочайше утвержденный герб для употребления на печати и «во всех городовых делах». В итоге состоялось массовое пожалование местных гербов. Екатерина II продолжала и пожалования гербов дворянам. К концу ее правления количество таковых гербов, пожалованных отдельными дипломами, приближалось к четыремстам. Но пожалования были, как правило, приурочены к возведению в новое достоинство, а «сердцевина» сословия (в том числе старинные княжеские и нетитулованные роды) пользовалась гербами без утверждения. При этом отношение к представительской функции и правовому статусу этих гербов было вполне серьезным. Так, представителями Муравьевых и Пущиных был составлен и подписан протокол об употреблении обоими родами — в знак общего происхождения — одного и того же герба. Большинство рюриковичей пользовалось, в качестве основы для своих гербов, высочайше утвержденными гербами территорий, дабы указать на владения своих предков. Характерен пример Татищевых, принявших собственным гербом герб Смоленского княжения с добавлением к нему польской версии смоленского герба, а также девиза «*Не по грамоте*»: Татищевы гордились тем, что благородный статус и герб как его атрибут были восприняты ими не по пожалованию (диплому, грамоте), а по деяниям предков. Гербовый быт русского дворянства в XVIII в. был сравнительно богатым, но неупорядоченным: обычными были случайные искажения элементов, гербовые узурпации и гербоведчески варварские композиции.

Идея упорядочения дворянской геральдики проявляется к концу столетия в составлении разными авторами сборников гербов (по преимуществу неутвержденных) с представлением их августейшим особам. Так, депутат Уложенной комиссии от дворянства крапивнинского уезда А. Т. Князев преподнес Екатерине II в 1785 г. «Собрание фамильных гербов, означающих отличие благородных родов обширныя Российския Империи, частно снятое с печатей и приведенное в алфабетный порядок», с 527 рисунками гербов в цвете. Возглавлявший Герольдмейстерскую контору в 1783—1794 гг. Л. И. Талызин подошел к проблеме как профессионал: избирательно составленный им гербовник должен был раскрывать системность российской гербовой практики, а об-

ширный пояснительный текст явился первым в русской геральдике гербоведческим трактатом. Труд Талызина впечатляет глубиной суждений. Так, комментируя своеобразие геральдики в России, он разграничивает разнообразие геральдико-правовых норм, присущих феодальной традиции Запада, и значение русского дворянского герба как атрибута унифицированного дворянского достоинства. То, что трактат Талызина оставался практически неизвестным и неисследованным, явилось значительным уроном для российского гербоведения.

По выражению В. К. Лукомского, «с восшествием на престол Царственного Рыцаря в истории русской геральдики начинается новая эра». Павел I учредил «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи», в котором, от тома к тому, предстояло собрать и утвердить все гербы дворян, приведя их при этом в согласие со всеми правилами геральдики. Павел планировал и другие реформы, в том числе несостоявшееся создание «Общего гербовника городов».

Каждая *часть* «Общего гербовника дворянских родов» (далее — Общий Гербовник, ОГ) содержала около полутораста гербов, иногда несколько более. При Павле I были утверждены пять частей, части с шестой по девятую утвердил Александр I с 1801 по 1816 г., десятую — Николай I в 1836 г. Эти части ОГ были опубликованы в 1800—1840 гг. Последовал спонтанный перерыв; затем с 1863 г. и до конца правления Николая II были утверждены еще десять частей. Они уже не публиковались; подлинник всех двадцати частей хранится в РГИА в Санкт-Петербурге.

Для создания начальных томов ОГ была образована рабочая группа под началом генерал-прокурора князя А. Б. Куракина, непосредственно возглавленная обер-прокурором третьего департамента Сената О. П. Козодавлевым. В 1800 г. группа была слита с Герольдмейстерской конторой, новое учреждение получило права коллегии и официальное название «Герольдия», а Козодавлев стал ее директором (герольдмейстером). Наблюдение за собственно геральдическими деталями вносимых в ОГ гербов было поручено (с 1800 г. — вкупе с должностью ваппенрихтера, то есть гербового судьи) молодому чиновнику Матвею Ваганову, который впоследствии прилежно выполнял эти обязанности вплоть до подготовки десятой части ОГ. Дальнейший перерыв в работе на существенную долю объяснялся отсутствием у Ваганова преемников.

Профессиональная осведомленность Козодавлева и Ваганова оставляла желать много лучшего. Вместо грамотного редактирования гербы формально подгонялись под общие шаблоны, порой искажались, тогда как многие нарушения геральдических правил были оставлены без исправлений. Описания гербов, как и родословные справки к гербам (столь важные, например, для идентификации конкретного обладателя по гербу), пестрят ошибками и лакунами. Из геральдических

пособий, которыми располагали составители начальных томов, наверняка известно лишь одно — весьма второстепенный трактат «Начертание гербоведения» гессенца И. Х. Гаттерера, изданный в 1805 г. в переводе секретаря Герольдии Г. Мальгина. И все же гербы российского дворянства были широко охвачены упорядочением и кодификацией.

Дела, решавшиеся Герольдией, выходили далеко за пределы геральдики и были весьма сложны. Множество проблем было связано с делами о дворянстве западных губерний, для чего в 1839 г. было учреждено особое подразделение — Временное присутствие Герольдии, просуществовавшее до 1848 г. В 1848 г. Герольдия была преобразована в сенатский департамент («Департамент герольдии правительствующего Сената»). Все эти изменения не принесли решающего улучшения в геральдической деятельности государства. С работой в области городской геральдики Герольдия не справлялась вовсе, так что Александру I и Николаю I проекты представлялись через Министерство внутренних дел.

Событием стало сведение воедино городских и земельных гербов в особом приложении к Полному собранию законов, вышедшем в свет в 1843 г. Но это издание, подготовленное отнюдь не гербоведами, во многом несовершенно: некоторые гербы были воспроизведены гравером с искажениями (так, из герба Петрозаводска исчезла рудоискательная лоза), гербовник 1730 г. проигнорирован, и т. д.

Николай I считал российские геральдические практику и делопроизводство весьма несовершенными; он рассчитывал, что положение можно исправить при содействии геральдиста-профессионала, квалифицированного гербового судьи (этот пост остался вакантным по смерти Ваганова). Поиск гербоведа и разработка концепции для реформы велись с 1849 г. Среди лиц, бравшихся за разработку свода геральдических правил, который мог бы лечь в основу реформы, был и один из герольдмейстеров — И. Д. Булычев. Им был написан любительского свойства трактат по геральдике, задуманный как официальный свод правил, но завершенный и малым тиражом опубликованный (по-французски!) уже в качестве частного труда, после отставки герольдмейстера.[6]

Тогда же вышла в свет отдельным изданием и фундаментальная книга А. Б. Лакиера «Русская геральдика»,[7] которая легла в основу непрерывной традиции отечественного гербоведения. Эта книга, по

---

[6] *Boulitchoff J.* Essai sur l'art du blason... SPb., 1855.

[7] *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. Годом ранее работа Лакиера была напечатана в «Записках императорского археологического общества».

выражению П. П. фон Винклера, — «первая и блистательная попытка истории русских гербов, о которых до того времени существовало совершенно неясное представление». Лакиер был юристом и историком, никак не связанным с геральдическим ведомством, и писал не пособие для служащих этого ведомства, а исследование, адресованное широкой аудитории; он стремился не предлагать, а выявлять нормы на основании анализа памятников.

И исследовательский опыт, и патриотизм побуждали Лакиера обличать «ложную в основании и последствиях» мысль, «будто у нас не может быть отечественной геральдики, не может быть самостоятельной науки о наших гербах». Отсылка к западной традиции, сама по себе безусловно необходимая, тем не менее оставляет «необъяснимыми изменения, в эмблемах и атрибутах наших гербов происходившие».

В первой части книги Лакиер рассказывает о западных корнях геральдической традиции, об основных правилах гербоведения. Вторая часть, призванная риторически уравновесить первую, посвящена русским догеральдическим эмблемам; это своего рода трактат в трактате, повествующий о печатях допетровской Руси. Эта часть, безусловно, необходима для полноты книги (поскольку прослеживает историю государственной и земельной символики, впоследствии востребованной в качестве основы для соответствующих гербов) и имеет собственную сфрагистическую ценность; однако в ней явно преувеличено преемство русской геральдики по отношению к старинным печатям, а ключевой термин «герб» употребляется то в прямом смысле, то в условно-расширенном, когда речь идет об устойчиво употребляемых официальных эмблемах печатей. В результате собственная, внегеральдическая специфика старых русских эмблем предстает на страницах книги недостаточно раскрытой, а переход к подлинным гербам — нечетко очерченным. Третья и четвертая части «Русской геральдики» (занимающие две трети книги) посвящены отечественным гербам как таковым: их особенностям, основным типам, а равно истории учреждений, ими ведавших. «Русская геральдика» была оценена многими читателями как прикладной труд, введение в герботворчество, однако по сути своей книга имела историко-фундаментальный характер.

И, наконец, в том же 1855 г. определилась кандидатура официального «практического гербоведца»: им стал хранитель нумизматического кабинета Эрмитажа Б. В. Кёне (впоследствии — барон фон Кёне). Последовали разработка государственных, династических, территориальных, родовых гербов, общих гербоведческих концепций, которыми следовало руководствоваться впредь, совершенствование блазонирования и т. д. В 1857 г. при Департаменте герольдии была — впервые за всю историю России — учреждена специализированная геральдическая структура, получившая наименование Гербового отделения. Его управляющим стал Кёне.

Под руководством Кёне была составлена XI часть ОГ; дворянские гербы, создававшиеся или же правленные им, образовали также основу XII и XIII частей. Критерии и мотивы правки гербов и их проектов, представлявшихся дворянами на утверждение через Герольдию, стали довольно четкими. Это относится и к осуществлявшемуся в Гербовом отделении «авторскому» сочинению гербов по запросам гербовладельцев. Кёне также довелось продолжить работу с государственным и династическими гербами, подготовить реформу местной геральдики. Геральдической точности в изображениях гербов он добился, «вымуштровав» штатного художника Герольдии А. Фадеева.

Обладавший скорее широкими, нежели глубокими гербоведческими познаниями и воспринимавший геральдические правила с преувеличенным формальным ригоризмом, Кёне пользовался репутацией последователя германской геральдики, «схоластичной» и «безвкусной»; в этом качестве его противопоставляли Лакиеру с его «противоположными взглядами на понимание задач» (по формулировке Лукомского). Это не вполне справедливо. Лакиер действительно стремился раскрыть уже сложившуюся системность в русской геральдике, тогда как Кёне в качестве официального чиновника ставил перед собой задачу введения новой системы. Лакиер цитировал уже утвержденные блазоны, Кёне рвался составлять новые. Но во многом их воззрения были близки; оба в поисках русской геральдической идентичности обращались к древностям, допетровскому наследию, преуменьшая дистанцию, отделяющую его от «настоящих» гербов (Кёне, как практический геральдист, порой демонстрировал при этом реформаторский радикализм и изъяны вкуса, Лакиер же просто не проявлял себя в этой сфере).

В 1886—1914 гг. Гербовое отделение возглавлял А. П. Барсуков, не разделявший гербоведческого ригоризма Кёне и критически относившийся ко многим нововведениям последнего. Однако, не располагая цельной альтернативной концепцией, Барсуков фактически действовал как последователь Кёне, допуская лишь некоторые послабления в правилах: так, в гербах вновь появились «естественные» цвета и немотивированно четверочастные щиты, которых Кёне старался избегать. При Барсукове были составлены пятитомный «Сборник высочайше утвержденных городских и местных гербов», двадцатитомный «Сборник высочайше утвержденных дипломных гербов российского дворянства» (около полутора тысяч гербов), рабочие сборники-указатели для использования сотрудниками Гербового отделения. Все эти работы остаются неопубликованными и ныне сохраняются в РГИА.

Следует учитывать, что в Российской империи автономией, в том числе и геральдической, пользовалось Великое княжество Финляндское, а до 1862 г. и Царство Польское: там вели собственное делопроизводство, а общероссийские нормы применялись с оговорками.

Со временем гербы все более привлекали интерес приватных исследователей. Упомянем лишь нескольких наиболее интересных авторов и их труды.

В 1892—1894 гг. П. П. фон Винклером была предпринята попытка создать обобщающий геральдический трактат, проиллюстрировав его всеми дворянскими гербами, утвержденными в России; из семи томов этого любительского сочинения были опубликованы только три. Более известна его книга «Гербы городов, губерний, областей и посадов...», в которой собраны гербы, вошедшие к 1900 г. в Полное собрание законов, а также помещены очерки геральдической теории и истории местной геральдики в России.

В 1908 г. вышел в свет курс лекций по геральдике, читанных хранителем Оружейной палаты Ю. Арсеньевым в Московском археологическом институте. Впервые в России международно принятые правила и традиции геральдики были столь подробно раскрыты, терминология — столь разработана.

В 1913—1914 гг. С. Н. Тройницким в Петербурге публиковался журнал «Гербовед» — исключительное по своим достоинствам издание, на страницах которого помещались исследования, архивные материалы, рецензии, шла острая дискуссия о русском блазонном языке. Тройницким же были изданы гербовник Князева, гербы лейб-кампанцев.

Крупнейшим русским ученым-геральдистом своего времени был В. К. Лукомский — выпускник, а затем преподаватель Петербургского археологического института, автор ряда важных печатных работ, сотрудник и оппонент Тройницкого и в то же самое время служащий Департамента герольдии; в 1914 г. он возглавил Гербовое отделение, а в 1915 г. был окончательно утвержден в должности управляющего. Эрудит, обладавший значительной профессиональной интуицией, Лукомский видел в гербе, прежде всего в его конкретном воспроизведении, цельный феномен изобразительной культуры, чьи собственно геральдические и художественно-стилистические особенности нерасторжимы. Это видение герба было положено Лукомским в основу нескольких существенных сочинений («О геральдическом художестве в России», «Источники русского гербоведения» и др.), а также разработанной им концепции геральдической экспертизы (атрибуции предмета по гербу). Тем не менее в тех работах Лукомского, которые имеют характер гербовников, сборников-указателей, гербы неизбежно предстают более или менее сведенными к графическому однообразию и почти что все внимание уделяется их собственно геральдическому содержанию. Таковы «Малороссийский гербовник», составленный в соавторстве с В. Л. Модзалевским, неопубликованный «Сборник неутвержденных гербов» (в соавторстве с бароном Н. А. Типольтом) и другие работы.

Поначалу между исследовательской и чиновничьей ролями Лукомского сохранялся барьер. Характерно, что созданная им (уже — главой Гербового отделения) совместно с Типольтом «Русская геральдика. Руководство к составлению и описанию гербов» (1915 г.) была сугубо неофициальным изданием и отражала упрощенный взгляд на правила, графику и терминологию в геральдике. В своей же государственной деятельности Лукомский не спешил с решительными реформами (за исключением усилий по поднятию художественного уровня работ Гербового отделения).

Февральская революция не прервала трудов геральдического ведомства. Уже при Временном правительстве из гербов, высочайше утвержденных ранее, была официально сформирована XX часть ОГ. Пользуясь полномочиями коллективного главы государства, приобретенными при отречении великого князя Михаила, Временное правительство оставило за собой ведение земельными и городскими гербами, а утверждение дворянских передало Сенату (успевшему до своего роспуска пожаловать 61 герб).

В конце 1917 г. исключительный энтузиазм и исследовательская репутация Лукомского позволили сохранить Гербовое отделение в виде архивно-справочной и музейной структуры — Гербового музея. Лукомскому долго удавалось отстаивать перед новым режимом прикладную полезность геральдической науки для выполнения экспертиз (в основном это были датировки, атрибуции национализированных ценностей и иных предметов по гербовым изображениям), а также культурное и социальное значение геральдических памятников для исторической науки. Читал он до 1920-х гг. и курс геральдики в Петроградском университете. Гербоведение было терпимо как вспомогательная дисциплина государственной политики в области экспроприации, освоения музейных и архивных собраний и т. д. Ученые издания той поры публиковали гербоведческие статьи, в коллекционерских изданиях обсуждались дворянские гербы, как и допустимость новых, бессословных. К тридцатым годам подобное стало невозможно.

С 1922 г. в штате Гербового музея оставался один Лукомский; в 1931 г. музей был закрыт, часть его фондов расформирована; но на «останках» создался и просуществовал еще десять лет Кабинет вспомогательных исторических дисциплин с тем же Лукомским во главе и с теми же основными функциями консультативно-экспертного центра. Упразднение Кабинета и гибель уникального личного собрания в одном из множества пожаров, охватывавших осажденный Ленинград, явились переломными событиями для Лукомского. После более чем четверти века работы с фондами Гербового отделения он «эмигрировал» в Москву, став преподавателем кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ (Историко-архивного института), и продолжал гербоведческую работу. Им были опубликованы статьи о

Рис. 2. Примеры гербовой практики раннего советского времени: экслибрисы Б. Коломарова (худ. А. Литвиненко, 1923 г.) и М. Наумова (1927 г.)

гербах Пушкина и Смоленска, создано учебное пособие для студентов МГИАИ — «Эмблематический гербовник» (1944), начата подготовка учебника по геральдике, адресованного архивистам, сделан ряд докладов, раскрывающих вспомогательное значение геральдики. В 1946 г. В. К. Лукомский скончался. Лишь долгие годы спустя его ученице Е. И. Каменцевой удалось возобновить преподавание в МГИАИ основ геральдики и в соавторстве с Н. В. Устюговым опубликовать учебное пособие «Русская сфрагистика и геральдика»,[8] в целом отмеченное здраво-традиционным пониманием гербоведения.

Дореволюционные гербы считались в советской России потерявшими силу, упраздненными. Их даже не удосужились формально отменить. Теоретически гербы губерний и уездов существовали до отмены этих административных единиц, а городские и даже родовые гербы (не как атрибут принадлежности к аннулированному сословию, а как фамильное достояние) сохранялись. На практике, разумеется, употребление этих символов было прервано.

Начиная с 30-х гг. XX столетия господствующим было суждение о геральдике, в том числе и научной, как «бесполезной и не нужной». Дисциплина переживала естественный упадок, а редкие случаи обращения к ней в исторических трудах были, как правило, отмечены стремлением пересмотреть ее «устаревшие» основы и границы. Так, о *древнерусских гербах* писали в середине века А. В. Арциховский и А. А. Ураносов. Позже, в конце 1970-х гг., Г. В. Вилинбаховым была предложена идея отнесения к геральдике иных дисциплин, занимающихся социально значимыми эмблемами (знаменами и флагами, наградами, униформами и т. п.), с созданием общего инструментария этих дисциплин; идея герба, определяемого через социальную функцию обозначения статуса, при этом осмыслялась как надэпохальная, а не узко «феодальная». (Это толкование позволило основать в Эрмитаже семинар «Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина», рассматривающий широкий круг эмблематических вопросов, в том числе и собственно гербовых.[9]) В конце концов волна массового краеведческого интереса к гербам способствовала относительной легитимизации геральдики; стали появляться популярные публикации. Наконец, подлинной вехой стал выход в свет в 1981 г. обширного труда Н. А. Соболевой «Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв.», помимо большого фактического материала содержавшего ценные свидетельства связи социально-политических и геральдических процессов.

---

[8] *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. В книге присутствует превосходная библиография, не вошедшая, к сожалению, в дополненное издание 1974 г.

[9] См.: Геральдика. Материалы и исследования. Л., 1987.

Несмотря на отдельные успехи и на новые возможности (так, И. В. Борисовым еще в советское время был создан компьютерный указатель к ОГ), приходится признать, что общий уровень российского гербоведения сегодня явно ниже дореволюционного, а подавляющее большинство публикаций по теме является балластом, некачественной данью моде. Даже переиздания старых трудов Лакиера, Лукомского, Арсеньева и фон Винклера уступают оригиналам.

Далее речь пойдет о строении герба и о праве на герб. Излагаются нормы, которые были приняты в России; международный контекст упоминается в тех случаях, когда это может иметь особую эвристическую ценность. Следует помнить, что нет ни одного правила, которое не нарушалось бы. Геральдическая теория ценна, поскольку раскрывает внутреннюю логику традиции, объясняет ее типические черты и помогает систематизировать данные; но разнообразия, которое предлагают геральдические памятники, теория отнюдь не исчерпывает. К тому же средний обладатель герба так же мало задумывался о геральдических правилах, как средний говорящий — о грамматике, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

III. Геральдические правила

Геральдика не признает графических эталонов; изображения одного и того же герба могут существенно различаться. Искони, с XII в., гербы обозначали своих обладателей во всем богатстве их социальных ролей — в бою и в мирной обстановке, в публичной и семейной жизни и т. п. Отсюда — практика воспроизведения герба на самых разных предметах, в разных техниках и, как результат, в различных стилях, пропорциях, в полном или же сокращенном виде. Для исследователя важны как стилистические особенности геральдического памятника, так и чисто геральдические; но крайне важно не смешивать первые со вторыми. Изменение изображения не считается изменением герба, если сохраняются основные характеристики — расцветка деталей, расположение одной фигуры относительно другой и т. п. (см. рис. 3а—г). Фундаментальные геральдические правила связаны именно с уточнением этих основных характеристик, определяющих «формулу» каждого герба.

III.1. Геральдические цвета

В гербах употребляется девять основных геральдических цветов: два «металла» (золото и серебро, с которыми в геральдике отождествляются желтый и белый цвета), пять «финифтей» (червлень, то есть красный цвет; лазурь — под этим понятием объединены различные от-

тенки синего и голубого; зелень; черный цвет; пурпур, воспроизводимый малиновым, фиолетовым, сиреневым, розовым и тому подобными оттенками), два главных «меха» (горностаевый в виде белого фона, равномерно покрытого стилизованными черными хвостиками, и беличий в виде серебряных и лазоревых угловатых «шкурок»). Существует также несколько дополнительных «мехов» (например, противогорностаевый с черным фоном и белыми хвостиками), применяемых редко.

На случай черно-белого или рельефного изображения герба установлено несколько видов так называемой шафировки — штриховки для обозначения геральдических цветов (см. рис. 4).

Помимо геральдических цветов, в гербах встречаются также и натуральные или естественные цвета — например, телесный для изображения человека. Однако очень часто натуральный следует понимать как геральдический цвет, ближайший к реальной расцветке изображаемой фигуры, — например, естественный дуб имеет зеленую листву, естественное солнце — золотое и т. п.

Изображение герба может украшаться дамасцировкой — узором, покрывающим поле или фигуру и имеющим тот же геральдический цвет, что и это поле или фигура (но другой оттенок этого цвета). Дамасцировка не учитывается в «формуле» герба и играет чисто декоративную роль.

«Основное правило геральдики» гласит: металлическая фигура не должна помещаться в металлическом поле (то есть на металлическом фоне), а финифтяная — в финифтяном. Вопреки традиционному названию, это правило чрезвычайно часто нарушалось. К тому же оно применяется ограниченно, так как не относится к составным (металлическо-финифтяным) полям и фигурам, к вспомогательным фигурам и элементам фигур и т. д.

III.2. Щит

Щит — основной и обязательный элемент герба, представляющий собой условное пространство для размещения гербовых полей (фонов) и фигур. Обычно (но не всегда) этому пространству придаются очертания, напоминающие о средневековом боевом или турнирном щите; отсюда и название. Есть несколько наиболее часто употребляемых форм щита, часто именующихся (весьма неточно и нетвердо) по странам Европы. Форма щита не фиксируется, при воспроизведении герба она может свободно меняться от случая к случаю, по прихоти художника или заказчика изображения. Есть, однако, особый тип щита — ромбоидальный; он употребляется в родовой геральдике, исключительно в женских гербах, по преимуществу — девицами и вдовами. Овальный и круглый щиты считаются нейтральными: они могут упо-

Рис. 3а. Герб Челищевых в ОГ

требляться и как обычные, и как женские, вместо ромба.

Различные участки щита имеют особые названия: верх — это глава, низ — оконечность, середина — сердце и т. д.; есть четыре угла, подразумеваемые и тогда, когда щит изображен круглым. Правой стороной в щите (и вообще в гербе) именуется сторона, расположенная слева от зрителя, и наоборот! Подразумевается, что стороны определяются относительно хозяина герба, находящегося за гербовым щитом.

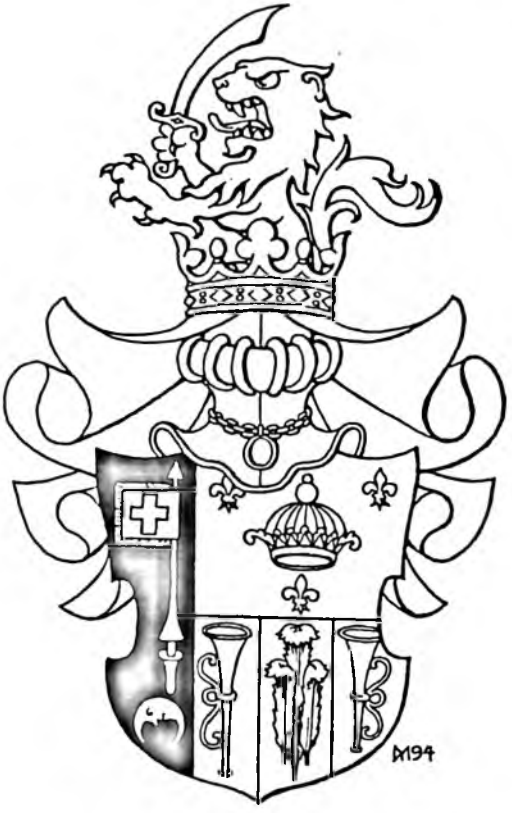


Рис. 3б. Герб Челищевых: современный дизайн

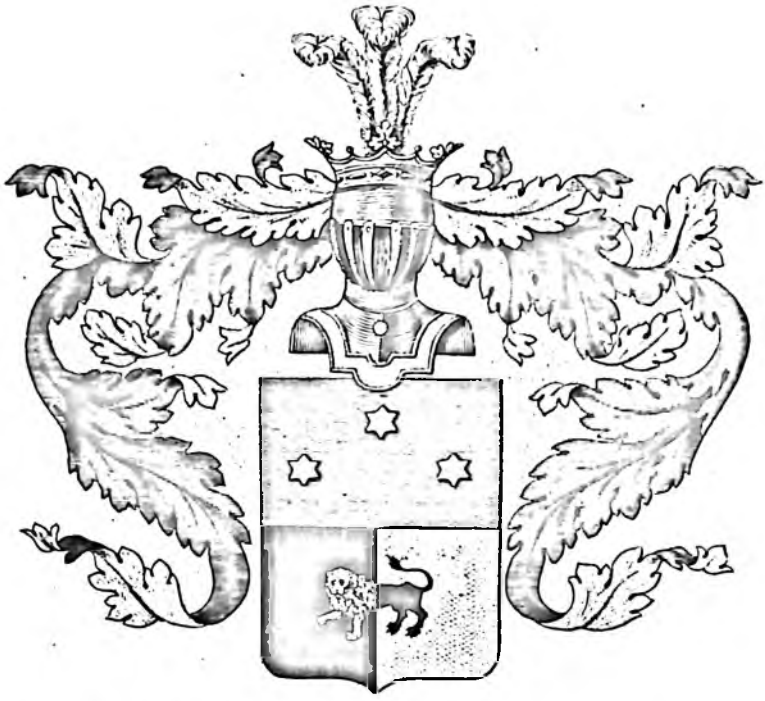


Рис. 3в. Герб Бухариных в ОГ

В гербе чаще всего присутствует один щит, но иногда (в результате соединения нескольких гербов в одном) их бывает два, три и т. д.; в Большом гербе Российской империи их более двадцати. Как правило, если в гербе два щита, один изображается маленьким (так называемый щиток) и помещается на фоне другого (обычно — «в сердце», получая название сердцевого щита). При этом он считается не фигурой в поле большого щита, а отдельным, самостоятельным щитом.

Теоретически щит может быть одноцветным, без изображений, но в России таких гербов не бывало: щит оказывался либо разделен на разноцветные участки, либо украшен фигурами, весьма часто фигуры и деления сочетались.

Рис. 3г. Герб Бухариных: современный дизайн

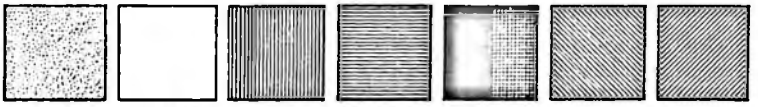


Рис. 4. Шафировка: золото, серебро, червлень, лазурь, черный цвет (два варианта), зелень, пурпур

Основные способы деления щита — по вертикали (щит рассечен), по горизонтали (пересечен), по диагонали (скошен справа, слева — имеется в виду геральдическая сторона). Если щит одновременно рассечен и пересечен, его именуют четверочастным, разделенным начетверо или же расчетверенным; если скошен справа и слева — разделенным накрест или в андреевский крест.

Возможны различные сочетания делений; одинаковые деления могут повторяться многократно. Если иное не оговаривается особо, щит делится на одинаковые по ширине участки. Обычно деление совершается прямой линией, но существует множество допускаемых в геральдике узорных делений в виде различного вида зубцов, волн, дуг.

Из числа гербовых фигур выделяются так называемые геральдические; это абстрактно-геометрические формы, в основном образуемые делениями. Их иное название — почетные фигуры (не потому, что они почетнее прочих, но, поскольку они не обозначают конкретных предметов и существ, весь их смысл сводится к почетности, вообще присущей гербам как предметам гордости их обладателей).[10] Важнейшие геральдические фигуры — столб (вертикальная полоса), пояс (горизонтальная), правая и левая перевязи (диагональные), крест (образованный столбом и поясом), андреевский (косой, «косвенный») крест, глава (отделённый верх щита), оконечность (низ щита), кайма (полоса по краю щита), стропило (две полосы, соединенные под углом). Как и деления, такие фигуры могут повторяться в пределах щита, сочетаться с другими фигурами и иметь ровный либо узорный край.

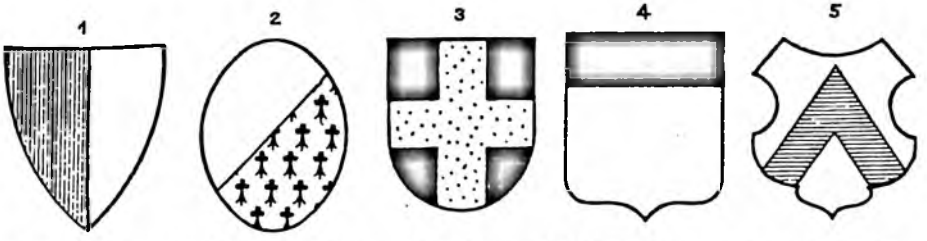


Рис. 5. Примеры делений и геральдических фигур: 1. Щит, рассеченный червленью и серебром. 2. Щит, скошенный слева серебром и горностаем. 3. В черном поле золотой крест. 4. В серебряном поле черная глава. 5. В серебряном поле лазоревое стропило

[10]Ю. В. Арсеньевым был предложен альтернативный термин «гербовные фигуры», довольно удачный, но пока не прижившийся.

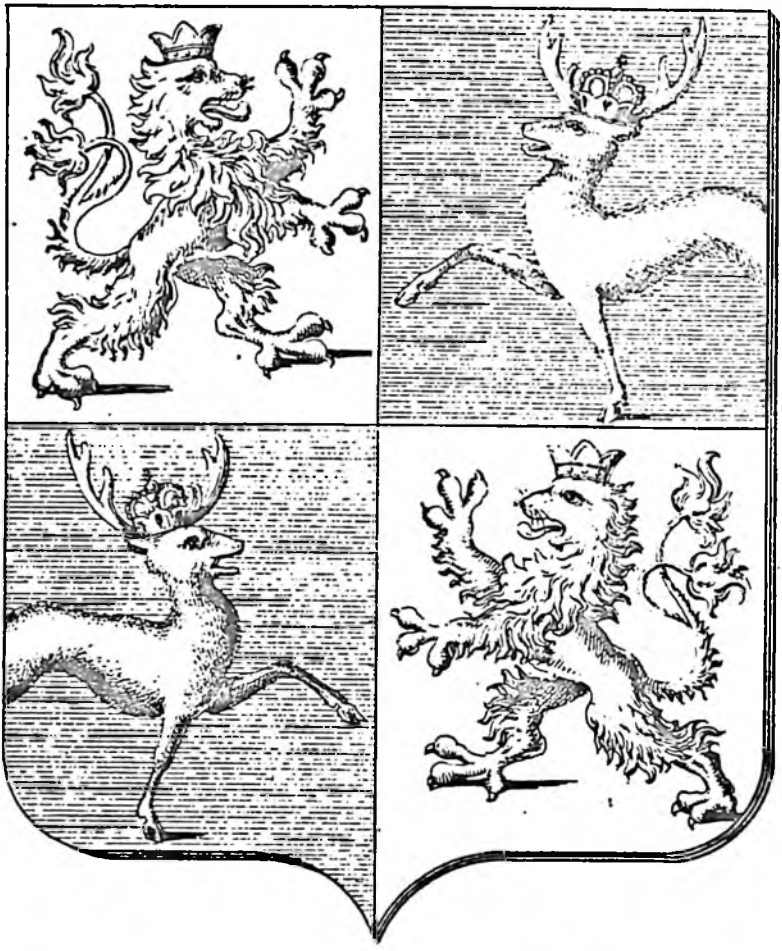


Рис. 6. Геральдическое вежество в титульном гербе императора как герцога Курляндского и Семигальского

Прочие фигуры именуются негеральдическими и делятся на естественные (лев, дракон, ангел, молния, звезда и т. п.) и искусственные (стена, меч и т. п.). Иногда из числа естественных фигур выделяют «сверхъестественные», или «фантастические», но такая классификация всегда чревата неуместным анахронизмом, так как на протяжении геральдической истории представления о естественности и правдоподобии слишком существенно менялись.

Установлен традиционный набор позиций, в которых предстают геральдические животные. Так, четвероногие могут быть восстающими (вставшими на дыбы), идущими (стоящими на трех лапах, одна из передних поднята в шаге), стоящими (на четырех лапах), скачущими,

сидящими, лежащими; другие позиции более редки. Твари также могут быть обернувшимися (глядящими назад) или повернувшими морды к зрителю. При этом позиция понимается условно, без графической фиксации деталей; так, восстающий зверь может равно изображаться опирающимся на обе задние лапы или на одну, значительная свобода допускается в расположении хвоста и т. п. Орел, как правило, предстает фронтально (лишь голова его обращена в профиль), распростершим и воздевшим крылья.

Расцветка гербовых животных часто приближена к природной. Так, большинство медведей — черные (не считая «натуральных», которые также обычно изображались черными). Но, в принципе, цвет может быть любым; лазоревый или полосатый серебряно-червленый львы столь же геральдически корректны, как и золотой.

Детали изображений животных можно выделять цветом, отличным от основного. У каждого из важнейших гербовых животных есть традиционный набор частей тела, наиболее часто выделяемых другим цветом, — так называемые вооружения. У льва это — когти и язык, иногда также зубы и глаза; у коня — копыта, иногда также глаза, грива, язык и хвост; у кабана — клыки, копыта, щетина на спине и иногда язык и гениталии; у орла — клюв, язык, лапы (от «локтя»), и т. п. Российский государственный орел имел золотые клювы и лапы, но червленые языки.

Правая (геральдическая) сторона считается передней; когда щит с гербом закрывал левый бок рыцаря, так оно и было. Поэтому живые существа и оружие обычно не принято изображать повернутыми влево, как бы отступающими (если только такой поворот не обусловлен так называемым «геральдическим вежеством», то есть поворотом навстречу другой фигуре). Однако в русской геральдике (до Кёне) обращенные влево фигуры весьма часты и бегства отнюдь не символизируют.

Щит может быть и многопольным, то есть разделенным на четыре четверти или же на какие-либо иные близкие по размеру части, в которых расположены самостоятельные геральдические композиции. При этом герб, как правило, считается составным, а каждая из частей щита — содержащей отдельный герб. Исторически такие геральдические построения возникли в результате приобретения одним лицом прав на несколько гербов. Позднее возникли многопольные гербы, части которых никогда не употреблялись по отдельности и являются различными гербами лишь в теории. Наиболее типично четверочастное деление; если объединяются два герба, то важнейший занимает первую (геральдически правую верхнюю) и четвертую (левую нижнюю), а менее важный — вторую и третью. Но разнообразие вариантов многопольного деления неисчерпаемо.

III.3. Прочие элементы герба

Помимо щита, в состав герба могут входить шлем, нашлемник, намет, корона (или аналогичный венчающий элемент — бурлет, шапка), щитодержатели, девиз, мантия, а также особые дополнения — награды, должностные знаки и пр.

Шлем в России является принадлежностью родовых и личных гербов. Единственный городской шлем в официальной истории российских гербов был подтвержден Ревелю (ныне Таллинн) в 1730 г. Чаще всего встречается заимствованный из среднеевропейской традиции «турнирный» дворянский шлем — стальной (что в случае со шлемами обычно изображается натуральным серо-синеватым колером), с золотой решеткой забрала и золотыми украшениями. В жалованных гербах XVIII в. встречается и другой тип дворянского шлема, заимствованный из Франции, — «закрытый», или «копьевой». Для титулованной знати был предусмотрен серебряный шлем с золотыми украшениями, но часто его место занимал простой дворянский. Не обходилось без исключений: турнирный шлем в гербе графов Головкиных — стальной, без золотых деталей; баронам Вейсманам фон Вейсенштейнам был пожалован золотой шлем, положенный, в принципе, только членам владетельных династий. Во второй половине XIX—начале XX в. в гербы старых русских родов иногда вносились русские шлемы (ерихонки) — стальные с серебряными украшениями для нетитулованных дворян, стальные с золотом для баронов и графов, серебряные с золотом для князей; в гербы империи, императора и членов августейшей фамилии вошел так называемый «шлем св. Александра Невского» — парадная царская ерихонка XVII в. В гербах родов восточного происхождения изредка можно встретить ориентальные типы шлемов (князья Чингисы, князья Чегодаевы и др.).

Шлем располагается над щитом, обычно анфас, иногда — в профиль; если шлемов несколько, они поворачиваются навстречу друг другу (при нечетном их числе средний остается повернутым прямо).

Нашлемник[11] — фигура (или несколько фигур), венчающая шлем; чаще всего это плюмаж. Три серебряных страусовых пера стали настолько стереотипными для русской дворянской геральдики, что в середине XIX столетия пожалование гербов с такими нашлемниками было на время прекращено, и даже при переутверждении старых гербов серебряные перья стали заменять разноцветными. Иные харак-

---

[11] В наши дни часто *и неверно* именуется клейнодом. В русском языке (в том числе официальном) значение этого слова иное: атрибуты власти (монаршие регалии и особенно инсигнии казачьих войск — насеки, булавы и т. п.); см. блазон герба графа А. Разумовского в материалах для занятий.

терные типы нашлемников — рука с мечом (саблей), пара крыльев (так называемый лёт). Над шлемом может повторяться фигура гербового щита, но столь же обычны и нашлемники с совершенно самостоятельными изображениями.

Намет — шлемовое покрывало, изорванное в клочья и чаще всего изображавшееся в виде прихотливого орнамента, подобного растительному. В большинстве случаев намет имеет верхнюю сторону расцвеченной главной финифтью герба, а подкладку в цвет главного металла. Очень редки примеры намета, украшающего герб самостоятельно, без шлема (как у баронов Фредериксов).

Короны являются атрибутами достоинства, обозначают дворянство или же титул обладателя герба (от баронского до императорского), иногда — титул, принадлежавший роду в прошлом. В земельных и городских гербах короны указывают на административный статус или на титул, исторически связанный с регионом. В полном гербе дворянская корона, как правило, венчает шлем, так что нашлемник (если он есть) выходит из нее. Баронская и графская короны обычно располагаются между щитом и шлемом и при этом повторяются на шлеме, но могут и занимать лишь одну из этих позиций.

Если шлемов несколько, корона, указывающая на родовой титул, может венчать лишь один из них (см. рис. 7); в противном случае подразумевается, что хозяин герба имеет более одного титула. Это правило, однако, было несколько раз нарушено при пожалованиях начала XIX в., а в Финляндии (вследствие особенностей шведской дворянской традиции, унаследованных финляндцами) оно не соблюдалось вовсе.

В отличие от титульных корон, обычная дворянская корона могла повторяться в гербе несколько раз и не имела «счетного» значения, так как быть дважды российским дворянином было невозможно.

Разновидностью корон являются княжеские шапки. Они могут венчать как щит, так и шлем, но обычное их место — над мантией (см. ниже). Некоторые княжеские роды пользовались особыми типами шапок и корон, отличавшимися от обычных (Черкасские, Ширинские-Шихматовы). Все члены правящей династии помещали в своих гербах императорскую корону (о причинах этого см. ниже).

Бурлет — жгут, свитый из разноцветных лент (обычно в цвета намета), венчающий шлем вместо короны и служащий дворянским атрибутом.

Если герб изображается в сокращенном виде, то шлем нередко бывает исключен из композиции, а венчающая его корона или шапка оставлена и помещена над щитом. Отделять подобным образом бурлет от шлема в русской геральдике не принято. Но теоретически бурлет представляет собой такой же отдельный структурный элемент герба, как и корона.

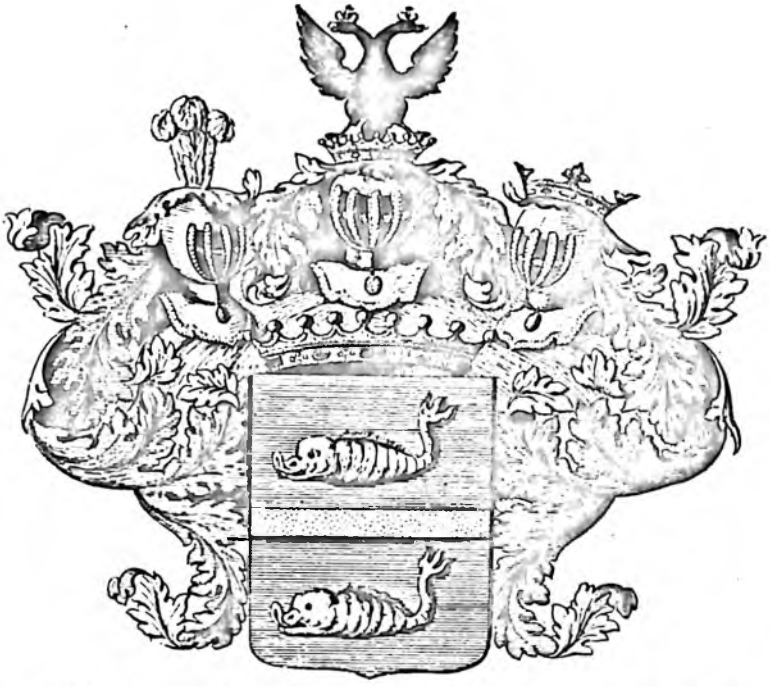


Рис. 7. Герб графов Паниных. Венчающая щит графская корона повторена только на среднем шлеме. Второй шлем вовсе не имеет короны, на третьем — дворянская

Рис. 8. «Древле-русский» шлем и щитодержатели, указывающие на принадлежность рода к старому дворянству, в гербе Молоствовых (ОГ XIV, 13)

Если же шлем увенчан головным убором, вовсе неспецифичным для традиции гербовых корон (меховой шапкой, воинской каской и пр.), этот убор считается частью нашлемника.

Следует заметить, что в Средней Европе бурлет и «закрытый» шлем считались недворянскими, бюргерскими гербовыми атрибутами, в России же они были знаками дворянства.

Щитодержатели, или фигуры в опорах щита, — почетные элементы герба в виде существ (ангелов, людей, животных, чудовищ), поддерживающих щит по сторонам. Щитодержатели имеют подножие (обычно в виде земли с травой или орнаментального цоколя). К XIX столетию право на щитодержателей имели только титулованные особы, представители старого дворянства (VI часть родословной книги), а также те, кому щитодержатели были высочайше пожалованы в знак особой милости. За редкими исключениями, щитодержатели включались в герб парами — по одному с каждой стороны щита. В русских городских гербах щитодержатели были редкостью: их утверждение последовало лишь для Выборга (имевшего их еще со шведских времен) и Екатеринодара. Щитодержатели Риги были по недоразумению «засунуты» в щит при перепожаловании герба, Митава (ныне Елгава) пользовалась фигурами в опорах щита без высочайшего утверждения.

Девиз — изречение (призыв, нравоучительная формула, исторический афоризм и т. п.), помещаемое в гербе на ленте под щитом (гораздо реже — над щитом или вокруг щита). Надпись — черная на серебряной ленте или же согласована со щитом: литеры по цвету соответствуют главной фигуре, лента — полю щита; первое наиболее характерно для гербов, составленных до середины XIX в., второе — для более поздних. В некоторых гербах девиз теряет значение самостоятельного структурного элемента и помещается в пределах гербового щита (гербы Копьевых, графов Витгенштейнов, две последних версии герба Суворова и др.; вообще подобный прием в гербоведческой традиции не одобряется) или в пределах иной части герба (в императорском гербе — на краю купола сени).

Пурпурная («багряная», «малиновая») мантия с горностаевой подкладкой, золотыми бахромой и шнурами, характерным образом задрапированная, увенчанная княжеской шапкой и образующая фон для основной части герба, является атрибутом княжеского достоинства. Тем не менее многие нетитулованные дворяне, как владетельного, так и более скромного происхождения, особенно в XVIII в., неофициально пользовались мантиями (обычно под дворянскими коронами) в своих гербах. В 1797 г. право на мантию с княжеской шапкой было распространено Павлом I на роды, произошедшие от удельных князей Древней Руси, но утратившие княжеские титулы; во второй половине XIX в. эта привилегия стала распространяться на иные роды, име-

ющие владетельное происхождение; последовало ее признание за некоторыми потомками татарских, кавказских, древнепрусских правителей.

Для гербов империи, императора и старших по статусу членов династии была установлена *сень* (мантия-шатер с куполом, традиционный символ суверенной власти; см. рис. 1; согласно узаконению 1856 г. — «золотая, коронованная Императорскою короною, усеянная Российскими двуглавыми орлами и подложенная горностаем»). Младшие члены династии получили право лишь на золотую, с орлами, мантию.

Кроме того, в гербах могут появляться дополнительные почетные элементы, иллюстрирующие положение обладателя герба в административной иерархии или системе формальных почестей. Наиболее типичные примеры — орденские знаки в личных гербах кавалеров, фельдмаршальские жезлы, расположенные накрест позади щита, в гербах генерал-фельдмаршалов. В Большом государственном гербе с 1856 г. позади сени помещалась «государственная хоругвь» как особый атрибут верховной власти. Существовали, хотя на практике употреблялись и нечасто, особые женские атрибуты: венок для девиц, шнур для замужних дам и вдов. Их систематическое употребление было введено лишь для членов императорского дома. Иногда же почетные элементы были не стереотипными, а индивидуальными (как пара знамен в гербах графов Чернышовых).

Развитая система подобных дополнений к гербам была установлена Александром II в территориально-административной геральдике (см. ниже). В 1882 г. в Государственный герб, как логическое завершение этой системы, был внесен лаврово-дубовый венок.

Как уже указывалось, воспроизведение герба в сокращенном виде, без одного или нескольких структурных элементов, — частый и вполне допустимый прием. Чрезвычайно типично изображение на предметах дворянского быта только щита под короной или же щита, шлема, короны и нашлемника с исключением намета. Довольно часто в качестве отдельной эмблемы использовалась геральдическая корона, то в одиночку, то над монограммой (так поступали и дворяне, вовсе не имевшие герба). Гораздо более редким в России является использование отдельно взятого нашлемника, обычно с короной достоинства, которая служит ему основанием.

Порой на геральдических памятниках (предметах быта, экслибрисах и др.) второстепенные элементы герба изображаются в вольной манере, без соблюдения геральдических правил (например, животные-щитодержатели не держат щит, а «гуляют» подле него) и т. д. К подобным вольностям, если они проявлялись в сугубо неофициальной обстановке, гербовая традиция всегда относилась терпимо.

IV. Блазон

Блазоном именуется лаконичное описание герба, выражающее его «формулу», геральдически значимые характеристики (и при этом игнорирующее характеристики изображения, не имеющие геральдического значения или же тривиальные и потому подразумевающиеся). Блазон составляется с учетом геральдических правил и обычно с использованием специальных геральдических терминов. При утверждении герба традиция требует приведения в документе как изображения, так и блазона, причем именно последний играет главную роль, тогда как рисунок служит поясняющей иллюстрацией.

Ранние русские блазоны в большинстве своем не вполне удовлетворяли этим требованиям: терминология была еще не разработана и нестабильна, описание часто оказывалось смешано с толкованием символики, цвета фигур и второстепенные детали композиции оставались неупомянутыми. К тому же четкость гербоведческих воззрений у многих авторов описаний оставляла желать лучшего. При Екатерине II искусство составления официальных блазонов даже претерпело упадок. И, наконец, такие гербы, как у дворян Путиловых, городов Туринска и Инсара, содержали невразумительные пейзажные картинки, вовсе не поддающиеся точному блазонированию всех деталей.

В середине и второй половине XIX столетия стараниями Б. В. Кёне российская практика блазонирования стала совершенствоваться, заимствуя опыт европейских стран, в которых гербоведческая терминология складывалась и оттачивалась веками. Разрозненные попытки упорядочить терминологию предпринимали как официальные геральдисты, так и авторы частных исследований; сведение всех этих усилий воедино наметилось, но не осуществилось в начале XX в.

При блазонировании игнорируется не только то, что гербоведчески несущественно, но и то, что тривиально. Например, в блазоне герба Орловых («В щите, девять раз пересеченном золотом и лазурью, — червленый орел») не описывается ни то, что щит пересечен на равные по ширине части, ни то, что орел изображен с распростертыми в стороны крыльями и лапами (обычная «поза» гербового орла), ни то, что его голова повернута геральдически вправо: все это подразумевается по умолчанию. Ср., однако, непрофессионально составленное официальное описание герба Якутска, утвержденное в 1790 г.: «В серебряном поле орел, держащий в когтях соболя». Здесь не отражены особенности, явствующие из изображения (орел смотрит влево, обе его лапы вытянуты вперед, то есть тоже влево), не оговорена расцветка фигур.

Неловко составленные блазоны конца XVIII—начала XIX вв. приводили к путанице. Бестия в гербе Керчи (1845 г.) описана как грифон, в действительности же, согласно высочайше утвержденному подлиннику, она представляет собой так называемого дракогрифона с

перепончатыми крыльями и жалом на хвосте. Но из-за небрежных перерисовок это обстоятельство оказалось крепко забытым уже в XIX в. В гербе Иркутска (пожалован в 1790 г.) главной фигурой стал тигр; в описании его обозначили диалектным словом «бабр». В результате к 1830-м гг. официальные геральдисты стали считать этого зверя бобром, а в самом Иркутске, напротив, бабра переосмыслили как фантастического зверя, имеющего скорее куньи, нежели кошачьи черты.

Немало хлопот исследователю, работающему с блазонами, могут доставить *мечи*: это слово равно применяется к разным типам мечей, саблям, шпагам, шашкам; и наоборот, можно встретить саблю, описанную как шпага. Для гербов наиболее типичны условные геральдические прямой меч и меч с искривленным клинком, идентифицируемый с саблей, но встречаются и исторически конкретные тесаки, палаши и т. п.

Некоторые любопытные особенности утвердившегося с середины XIX в. блазонного языка определяются международной традицией. Так, если лев в щите изображен *восстающим* (на дыбы, рис. 10) с головой в профиль, то это считается его обычной позой и не описывается; если же лев оказывается *идущим* и его морда повернута к зрителю (как в гербе Бухариных, рис. 3в), он блазонируется как *леопард*. Восстающий лев с мордой анфас — это *львиный леопард*, идущий с мордой в профиль — *леопардовый лев*. При этом речь идет о чистой терминологической условности, биологические различия не подразумеваются. Некоторую путаницу вносило появление в гербах настоящих леопардов; они должны именоваться *натуральными леопардами* или *барсами*, но иногда составители блазонов забывали об этом.

Несколько иные правила относятся к щитодержателям — их обычное положение соответствует восстающему, так что вставший на задние лапы лев с мордой анфас в опоре щита именуется леопардом без эпитета «львиный».

Дракон имеет две лапы; если же он четвероног, его следует именовать *крылатым змеем* (иногда — просто *змеем*, в отличие от обычной *змеи*). Дракон и змей, как правило, одноглавы. Многоглавой, без лап, с крыльями или же без них, изображалась гербовая *гидра*.

Слова *гриф* и *грифон* употребляются как синонимы, для обозначения фантастического полуорла, полульва.

Порядок блазонирования частей в многопольном щите сходен с порядком чтения текста (рис. 11); если присутствует сердцевой щиток, то он может быть описан и в самом начале, и после описания большого щита.

При блазонировании нескольких (например, пяти) шлемов сначала описывается средний, затем находящийся геральдически справа от среднего, затем находящийся слева, затем крайние справа и слева.

Существуют также особые нормы блазонирования корон. Например, описывая количество зубцов на короне, упоминают лишь *видимые*

Рис. 9. Герб Якутска

зубцы (как правило, те, которые находятся на передней стороне обруча короны).

Гербоведу необходимо владеть блазонным языком как пассивно (зная особенности исторической русской терминологии), так и активно, ориентируясь на официальные блазоны второй половины XIX—начала XX вв., наработки дореволюционных ученых и, в идеале, на то, что служило ориентиром для чиновников и ученых: на опыт традиционного западноевропейского блазонирования.

V. Право на герб

Гербовое право является одним из важнейших компонентов геральдики, отражая эмблематическую, «хозяйскую» природу герба, и всегда должно учитываться исследователем. Отчасти оно закреплено законодательно, отчасти относится к *обычному*, неписаному праву.

V.1. Родовые гербы

Существует распространенное заблуждение, согласно которому герб обязательно должен утверждаться верховной властью и, таким образом, в основе права на герб всегда лежит высочайшее пожалование. Это совершенно неверно. Согласно фундаментальным нормам гербового права, в полной мере применимым к России, герб, самостоятельно принятый его обладателем, имеет силу, если таковое принятие не воспрещено местным законодательством, если аналогичный герб не

Рис. 10. Восстающий лев с двойным хвостом и секирой на искривленном древке в лапах: экслибрис барона Ф. фон Мейендорфа (герб сокращен; опущены дополнительные поля, шлемы и т. д.)

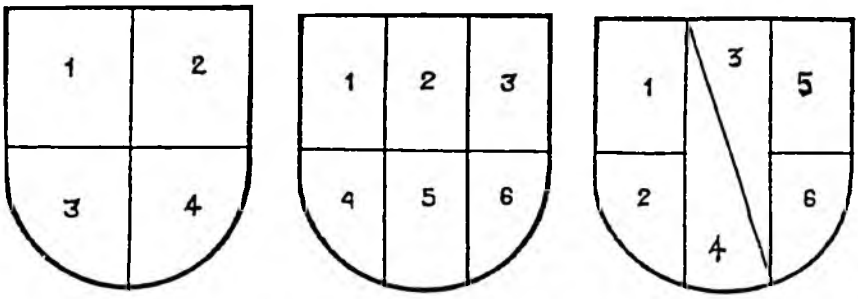


Рис. 11. Порядок блазонирования частей щита

используется кем-либо другим и если в принятом гербе не присутствуют особые почетные элементы, на которые этот обладатель герба не имеет прав. Гербы, утвержденные верховной властью, имеют преимущество перед неутвержденными, но (если иное не установлено законом, то есть той же верховной властью) не вытесняют неутвержденные гербы за пределы допустимого. Еще Петр I объявил незаконной узурпацию чужого герба; самостоятельное принятие герба было при этом упомянуто (как действие, при котором может произойти правонарушение), но не запрещено само по себе. И неудивительно: пожалования гербов в ту пору совершались крайне редко и удовлетворить потребность российских дворян никак не могли. Последующие акты, касавшиеся гербов, также не содержали воспрещения неутвержденных («самобытных»). На протяжении XVIII столетия самобытные гербы безусловно доминировали в российской родовой геральдике.

Павлом I была предпринята попытка упорядочения всей дворянской геральдики, и манифест 1798 г. определил, что гербы всех дворянских родов должны быть внесены в высочайше утверждаемый Общий Гербовник. Но до этого внесения (которое не могло совершиться сразу же и неизбежно растягивалось на долгие десятилетия) не теряли силы ни самобытные гербы, ни гербы, пожалованные ранее (их также предполагалось внести в ОГ, утвердив повторно). Таким образом, упразднение самобытной геральдики было запланировано, но отложено на неопределенный срок, и неутвержденные гербы продолжали вполне законно играть значительную роль в жизни российского дворянства.

Право на герб в дореволюционной России связывалось с принадлежностью к дворянству. Эта связь между «геральдической способностью» (capacité héraldique) и сословным статусом может показаться тривиальной, но в действительности требует пояснений.

Дело в том, что в большинстве европейских стран герб не является (и не являлся исторически) исключительно дворянским атрибутом. Существовали и пользовались официальным признанием бюргерские, крестьянские и тому подобные гербы. Но в некоторых странах дворянству удалось добиться превращения права на герб в свою исключитель-

ную привилегию. В Речи Посполитой герб устойчиво рассматривался как «украшение шляхетства», и это воззрение существенно повлияло на русскую геральдику. Общественное мнение нашло отражение в законах, игнорировавших тему «неблагородных» гербов. Екатерининское законодательство о дворянстве рассматривало использование герба в роду как одно из вспомогательных доказательств благородного происхождения, то есть закон косвенно отказывал недворянской геральдике в праве на существование. Прямого законодательного запрета так и не последовало. В середине XIX в. даже обсуждался проект, предусматривавший пожалование гербов почетным гражданам. В качестве маргинального явления недворянская геральдика в России существовала de facto (так, прибалтийские недворяне, до прихода русских имевшие гербы, в основном сохраняли таковые, не получая признания государства).

С собственно недворянскими гербами не следует смешивать гербы, употреблявшиеся лицами, не признанными в российском дворянстве, но претендовавшими (обоснованно или нет) на благородный статус.

Гербовые пожалования личным дворянам, насколько известно, не испрашивались и не совершались, хотя теоретически были вполне возможны. Вероятно, это объясняется тем, насколько идея герба была связана в массовых воззрениях с идеей рода.

Дворянские гербы в России понимались как общеродовые. В этом они сходны с дворянскими фамилиями (хотя следует учесть, что в России герб не был так жестко привязан к родовому имени, как в некоторых странах Запада). Герб, принятый кем-либо или пожалованный кому-либо, переходил ко всем его законным (или узаконенным) потомкам по мужской линии, то есть от отца к сыновьям и дочерям. Несмотря на то, что пожалования совершались как дворянским родам, так и отдельным лицам, в обоих случаях подразумевалась передача герба всему потомству — в первом случае родоначальника, во втором — пожалованного лица. Лишь иногда, если герб был связан с передающимся по первородству титулом, специальные условия пожалования такого герба могли предусматривать его использование лишь главой рода.

Эта черта русского гербового права сближает его с законами и обычаями стран-соседей, прежде всего Германии и Скандинавии.[12]

---

[12] В некоторых странах Запада, включая Речь Посполитую, допускалось использование «генеалогического» герба, в котором собственный герб обладателя без какого-либо разрешающего акта дополнялся гербами его предков по женским линиям, иллюстрируя родословную роспись. В основе этого обычая — другой, более давний, побуждавший в знак безупречного происхождения рядом с собственным гербом помещать гербы четырех, восьми либо шестнадцати благородных предков (род отца, то есть свой, род матери, род матери отца и так далее); со временем появилась и полуофициальная практика соединения этих гербов в одном. Русское гербовое право этого не допускало (хотя в частной практике родов польского, литовского, белорусского происхождения еще долго сохранялись старые обычаи). О своеобразии польских геральдических традиций см. ниже.

Иные правила соблюдаются в Британии и среди высшей французской знати: собственно родовым гербом может пользоваться только глава рода (или по крайней мере старшая ветвь), младшим членам полагается вносить в свои гербы специальные отличительные знаки. Дворянский род мыслится при этом как маленькая династия со своим pater familias во главе, которому и принадлежит полнота родовой репрезентации. В российской же геральдике «сопредставителями» дворянского рода являются все его члены, в том числе и женщины. Последние сохраняли право на свой первоначальный родовой герб даже в браке, однако не могли передать его детям.

Передача герба по женской линии допускалась лишь в виде исключения, обычно в дополнение к передаче фамилии, и каждый раз должна была оформляться через *новое пожалование*. Муж «сообщал» право на свой герб жене, которая могла соединить этот герб с «девичьим» (если таковой имелся) в особом, составном супружеском гербе. Подробнее об особенностях женских гербов см. ниже.

Внебрачное потомство не наследовало никаких родовых привилегий, в том числе гербовых прав (в отличие от многих западных стран, где существуют общие правила изменения родового герба при передаче его бастарду). Если бастард получал герб, сходство с гербом предков могло как наличествовать (графы Перовские, Полугарские и др.), так и отсутствовать (Ранцовы). Император всегда сохранял право узаконения внебрачного потомства с полным (как в случае с Афанасием Фетом, который «стал» Шеншиным) или частичным (Каменские, потомки графов Каменских) признанием отеческих прав.

Точно так же император имел право, в порядке исключения, передать герб по женской линии. Обычно это происходило ввиду совершившегося или ожидаемого пресечения рода, имеющего передаваемый герб, и вместе с передачей фамилии (ветвь дворян Ладыженских стала княжеским родом Ромодановских-Ладыженских и получила жалованный герб, составленный из высочайше утвержденного ранее герба Ладыженских и самобытного герба Ромодановских, графы Кушелевы-Безбородко на основании императорского дозволения самостоятельно объединили оба соответствующих герба, и т. п.). Но, в принципе, фамилия могла передаваться без герба, а герб — независимо от фамилии (как в случае со включением герба графов Скавронских в гербы графов Гендриковых и Ефимовских) и даже невзирая на то, что материнский род благополучно продолжался (так герб Адлербергов вошел в герб графов Барановых). При передаче по женской линии (как и вообще при процедуре переутверждения) герб мог подвергнуться существенным искажениям и изменениям (у князей Одоевских-Масловых старый герб черниговских рюриковичей Одоевских был заменен искаженным территориальным гербом Черниговщины в версии 1856 г.). Правила компоновки двух соединяемых гербов в одном были весьма свободными

(Глебовы-Стрешневы, Шубины-Поздеевы и др.), но чаще всего им отводились половины рассеченного щита, по две части щита, разделенного начетверо, или щит с сердцевым щитком. Те же Одоевские-Масловы ходатайствовали о пересеченном щите, но получили в Гербовом отделении отказ (такой способ соединения, чрезмерно подчиняющий один из гербов, был сочтен неподходящим) и в конце концов были удостоены четверочастного щита.

Дворянская фамилия, титул, герб передавались по женской линии посредством высочайшего пожалования, испрашиваемого как особая милость. Лишь в случае с майоратами на основании общего узаконения фамилия и титул должны были автоматически передаваться наследнику. В этом случае обычай (не получивший, насколько известно, полного признания государства) предусматривал и автоматическую передачу герба.

Во многих гербоведческих трудах в качестве главного признака герба упоминается его неизменное наследование. Это, строго говоря, неверно: история гербов, особенно самобытных, полна изменений, как намеренных, так и случайных;[13] высочайше утвержденные гербы порой реформировались по прошению их обладателей (обыкновенно для дополнения их какими-либо почетными деталями). Некоторые типы гербов (брачные, личные с орденами и пр.) вообще не подлежали передаче потомкам. И наоборот, наследственными являлись многие негеральдические эмблемы; поэтому, в частности, критерий наследственности совершенно непригоден для столь актуального в русистике разграничения гербов и «еще не гербов».

В принципе, один человек имеет право на один герб, то есть герб не должен иметь ни многопольный щит, ни более чем один шлем. Отступления от этого правила, чрезвычайно многочисленные, объясняются различно: либо историческими обстоятельствами (так, потомки удельных князей вполне закономерно соединяли в своих щитах гербы разных земель, которыми правили их предки), либо официально признанным слиянием двух или нескольких родов, либо в качестве особой, чисто геральдической награды, когда верховная власть символически «уравнивает» обладателя герба с потомками владетельной и родовитой знати. Нередко старые гербы, представлявшиеся на утверждение, были многопольными без очевидных к тому оснований и тем не менее

---

[13] Наследственный характер дворянского герба обусловлен наследственным характером обозначаемой им родовой идентичности. Но эта идентичность отнюдь не непреложна, она способна к различным трансформациям; обрыв преемственности есть такой же обычный факт родовой жизни, как и сохранение этой преемственности. Этим прежде всего и объясняется «подвижность» самобытной геральдической традиции.

получали высочайшее одобрение: теоретически это оправдано давностью употребления гербов (подразумевается, что многопольность могла объясняться одной из перечисленных выше причин, но таковая причина со временем забылась, доказательства утрачены: это объяснение, имеющее характер юридической фикции, традиционно обосновывает геральдическое уважение к старине).

Другим предметом ограничения были почетные структурные элементы герба — короны, щитодержатели, шлемы, атрибуты ранга. Основные критерии признания права на таковые вкратце упомянуты выше. Следует учесть, что эти критерии не были неизменными. Так, в XIX в. геральдическое ведомство пыталось отказать в пожаловании щитодержателей баронам и нетитулованным старым родам, но в конце концов не удержалось на этой ригористической позиции. Кроме того, множество родов, имевших право на почетные элементы, таковыми не пользовалось. Большинство рюриковичей имели гербы без щитодержателей и даже без шлемов (или по крайней мере гербы были утверждены за ними в такой усеченной версии).

Касаясь утверждения гербов, отметим, что вообще оно может совершаться как собственно верховной властью (в России — императором), так и специально уполномоченным государственным чиновником, и что оно может происходить в различных формах: как собственно пожалование, то есть дарение нового герба; как подтверждение, с изменениями или без таковых, уже существующего (самобытного, иностранного, ранее пожалованного); как прибавление новых почетных фигур к гербу, уже существующему, и т. п. Однако после ареста Ф. М. Санти в России установился порядок, при котором за редчайшими исключениями все виды «апробации» герба осуществлялись унифицированно, в форме пожалования (таким образом, не делалось различия между дарованием нового и подтверждением самобытного), все пожалования совершались непосредственно высочайшей особой и становились частью российского законодательства.

При совершении пожалования монарх связан лишь наиболее фундаментальными правилами геральдики: структурной концепцией герба, традиционной «номенклатурой» цветов, фигур, позиций животных. Если же в жалованном гербе нарушено так называемое основное правило, если без общих к тому оснований щит содержит множество полей и дополнен почетными элементами — это не считается геральдическим нарушением. Точно так же не является узурпацией и принятие, *с высочайшего дозволения*, чужого (или близкого к чужому) герба. Император действовал как самодержавный fons honorum (лат.: источник почестей); считалось, что все дворянские гербы находились в его безраздельном распоряжении, поскольку имели основание в его милости. Это относилось и к самобытным гербам, которые служили

атрибутами дворянского достоинства, тогда как привилегии последнего также определялись высочайшей волей.

Еще одна особенность жалованных гербов — их неизменность. Однажды пожалованный герб не должен подвергаться произвольным изменениям; вносить таковые вправе лишь верховная власть путем перепожалования. Однако этот принцип утвердился далеко не сразу. Формально его ввел Павел I для гербов, внесенных в Общий Гербовник, указав, чтобы «впредь без особого Высочайшего соизволения гербы не изменялись, чтобы ничто ни под каким видом из них не исключалось и вновь в оные не было ничего прибавляемо». Только к 1910 г. это ограничение было распространено на все гербы, когда-либо утвержденные российским монархом.

Было бы ошибкой истолковывать павловский запрет на изменение герба с абсолютной буквальностью. Например, грамотное изображение герба в сокращенном виде (щит под короной без шлема и т. п.) нисколько не противоречило процитированному тексту. В случае с составным, многопольным гербом было вполне допустимо воспроизвести лишь главную часть, по крайней мере если она когда-либо существовала самостоятельно и может быть сочтена отдельным гербом.

Более того, если род имел право на те или иные структурные элементы герба, непосредственно относящиеся к щиту (например, девиз, щитодержателей), но в пожалованной версии эти элементы отсутствовали, это можно было рассматривать не как запрет, а как лакуну в пожаловании, которая заполняется по усмотрению обладателя герба. Таким образом, не нарушали закона ни князья Гагарины, на протяжении XIX и XX вв. продолжавшие употреблять шлем и нашлемник, щитодержателей, девиз, что входили в состав их герба с XVIII в., но не были учтены при утверждении герба Павлом I; ни графы Головкины, добавившие щитодержателей к своему графскому гербу уже после пожалования такового; ни многие другие роды, поступавшие аналогично.

В жалованный герб могли также вноситься геральдические атрибуты различных милостей, оказанных главою государства: знаки российских орденов, если хозяин герба был удостоен таковых (со временем эта практика получила высочайшую санкцию); иностранные орденские знаки, высочайше дозволенные к ношению в России; знаки некоторых высших должностей и званий; дворянин, получивший титул, мог, не дожидаясь перепожалования своего герба, добавить к нему соответствующую корону, видя в даровании титула достаточное проявление «особого... соизволения» на эту перемену (так, например, поступил генерал граф М. Милорадович).

Наконец, придание гербу особой формы для использования его дамой и соединение гербов мужа и жены в специальном брачном гербе (о чем см. ниже) также не нарушали установленного Павлом I запрета на самовольные «прибавления».

Всего российскими самодержцами было утверждено более пяти тысяч гербов, в том числе 4880 дворянских.

С жалованными не следует смешивать гербы, получавшие официальное признание государства в лице его младших инстанций, прежде всего — дворянских собраний. Последние были уполномочены принимать во внимание в своем делопроизводстве гербы своих членов, как жалованные, так и самобытные. Впрочем, эта практика была вполне обычной лишь в западных губерниях империи: Прибалтике, Польше, Украине, Белоруссии, то есть там, где родовая геральдика имела наиболее глубокие корни. Ни исключения из правил, ни ограничения, установленные для пожалованных гербов, на подзаконно признанные гербы не распространялись.

Гербы, пожалованные иностранными монархами, тем или иным образом утвержденные в иностранных юрисдикциях, теоретически имели в России тот же статус, что и самобытные. При подтверждении в России их довольно часто подвергали большим или малым изменениям. Следует учитывать, что после вхождения в состав империи частей Речи Посполитой, Остзейского края и Финляндии, а также Грузии пожалования и признания, совершенные в этих землях ранее, уже не являлись в полной мере иностранными.

Впрочем, польско-литовское геральдическое наследие не было, да и не могло быть во всей полноте воспринято в России. Одной из причин этого были антипольские настроения российских властей. Другая причина — чрезвычайное своеобразие польской гербовой традиции, прежде всего то, что одним и тем же шляхетским гербом могло исстари пользоваться несколько родов — иногда более сотни. В таких случаях не герб принадлежал роду, а род гербу. С XV в. эти обычаи распространились на Литву (с Белоруссией) и отчасти на Украину. Польские гербы имели собственные имена; род определялся по соединенным своему и гербовому именам: Корсаки герба Корсак, Боратынские герба Корчак, Бонч-Бруевичи (то есть Бруевичи герба Бонча). Итальянский художник Бачарелли получил в XVIII в. польское дворянство и с ним герб «Бачарелли», и т. п.

В России употреблялось огромное количество гербов польско-литовского происхождения — как ввезенных выезжими родами, так и заимствованных, на основании генеалогической легенды или в силу чистого подражания, исконно русскими семействами. В официальном делопроизводстве, если речь шла о дворянстве западных губерний, формула «род X герба Y» вполне регулярно возникала как имеющая большое значение для доказательства дворянских прав. Тем не менее идея «межродового» герба не была до конца воспринята русской геральдикой. Строго говоря, в российском контексте не было дворянских родов одного герба; были роды, имеющие одинаковые гербы. Более того: весьма часто семействам, обладавшим одним и тем же поль-

ским гербом, высочайше даровались несколько различающиеся версии такового; иногда различия вносились в гербы намеренно, иногда — случайно. В польском контексте многие из этих разночтений просто могли быть не приняты во внимание, сочтены вольностями при воспроизведении. В России же таким образом создавались *разные* гербы, непосредственно принадлежащие разным родам.

Исключением было Царство Польское до утраты им автономии. На территории Царства сохранялось традиционное польское гербовое право; император в качестве польского монарха не только подтверждал старые «межродовые» гербы за группами шляхетских семейств, но и жаловал новые гербы, придавая им, согласно старому обычаю, собственные названия. В Царстве с 1836 по 1862 г. существовала собственная Герольдия, подготовившая три тома «Гербовника дворянских родов Царства Польского», в который вошло 367 гербов. Первые два тома были высочайше утверждены в 1850 и 1851 гг. и опубликованы в 1853 г. Гербовник был двуязычным, польско-русским; его русская блазонная терминология весьма любопытна и своеобразна. В 1862 г., с упразднением герольдии Царства Польского, все гербы, подтвержденные и пожалованные в Царстве, сохранили полную силу, став частью общероссийской геральдической системы, но лишь как атрибуты отдельных родов.

Некоторые особенности иноземного (шведского) гербового права были унаследованы другой автономией — Великим княжеством Финляндским; но в этом случае расхождения с общероссийскими нормами не имели столь принципиального характера.

V.2. Гербы мужские и женские

Личный герб мужчины полностью совпадал с гербом его рода (за исключением случаев, когда этот мужчина мог дополнить свой герб персональными атрибутами — прежде всего орденами). Геральдические возможности женщины были обширнее. Дворянка наравне с мужчинами употребляла *общеродовой* герб. Но из-за присутствия (точнее — в случае присутствия) шлема, считавшегося воинским и оттого мужским атрибутом, герб рода не мог считаться ее *личным* гербом. Шлем и подчиненные ему нашлемник и намет (но не корона) подлежали исключению; однако это «урезание» изредка компенсировалось добавлением специфических дамских элементов (представления о них со временем менялись; с XIX в. это — пальмовый венок для девицы, «шнур любви» для замужней или вдовы[14]). Обычная форма геральд-

[14] Исторически этот элемент является атрибутом дамского герба вообще, в отличие от девичьего; но некоторые авторы склонны связывать его по преимуществу со вдовством (именно этой концепции, в сущности — ошибочной, придерживался Кёне).

дического щита, также условно связываемая с полем боя, могла при этом заменяться ромбом (наиболее характерным для девиц и вдов) или овалом. Начиная со времен Павла I исключение из всех этих правил делалось, если женщина была единственным членом рода, и в силу этого родовой герб мог считаться ее личным, или же если женщине и *в ее лице* — роду жаловался титул.

Рис. 12. Гербовая печать М. В. Исленьевой, урожденной Шереметевой (Гос. Эрмитаж)

Дворянин *сообщал* жене право на герб своего рода; при этом она не утрачивала права на собственный, «от отца воспринятый» родовой герб (если таковой у нее был) и могла употреблять эти гербы параллельно или же объединять их в особом брачном гербе (чаще всего — в виде двух расположенных рядом щитов под общей короной, соответствующей статусу мужа; иногда — в виде рассеченного щита; в обоих случаях герб мужа должен был занимать более важное место справа, но это соблюдалось не всегда; рис. 12[15]). Щитодержатели в брачном гербе могли заимствоваться и из герба мужа, и из герба отцовского рода, а могли и комбинироваться.

Такой брачный герб считался личным гербом замужней женщины. Но по этой же схеме составлялся другой тип брачного герба — совместный герб обоих супругов как единый символ их союза, своего рода двучленной корпорации. В этом случае над соединенными щитами мог помещаться и шлем мужа; кроме того, герб мужа мог «сопоставляться» с уже соединенным, брачным гербом жены (так что фигуры герба мужа дублировались).

Изображения в щите супруга (особенно — фигуры животных) могли быть развернуты зеркально, навстречу гербу супруги, согласно упоминавшемуся выше принципу геральдического вежества. Но в России эта практика была мало распространена.

---

[15] Приводимый пример опубликован и исследован М. А. Добровольской: Геральдика. Материалы... С. 103—104, 175.

V.3. Государственный герб и династическая геральдика

Герб на печати русского великого князя впервые появился при Василии Темном; но это был герб венгерских королей (!). Московский государь воспользовался властным символом своего коллеги, не осознавая эмблематического значения этого символа, его персональной принадлежности. С развитием русской знаковой культуры заимствования геральдического характера становились все более осознанными. На личной печати царя Федора Алексеевича впервые встречается настоящий герб (российский орел в щите, шлем с царской короной, намет). Но это — единственный случай для XVII столетия, не отражающий общей ситуации.

Только на рубеже XVIII в., по мере петровских реформ, двухсотлетняя официальная монаршая эмблема — *двуглавый орел*, как правило, *со всадником на груди* — впервые приобрела устойчивые геральдические характеристики. В частности, была закреплена иконография деталей (в лапах орла помещались скипетр с державой и ничто другое, всадник разит змея именно копьем, а не мечом); определилась расцветка: черный орел в золотом поле (это было установлено в подражание гербу Священной Римской империи), «натуральный» всадник в червленом щитке. Всадник сохранил геральдически необычный поворот вправо от зрителя, определившийся в «догеральдический» период развития государственной символики России. Впрочем, на изображениях, выполненных западными мастерами, эта особенность не всегда бывала соблюдена.

Одновременно произошло переосмысление фигуры всадника («ездца») на груди орла. Ранее ездец, поражающий змея, являлся символическим изображением победоносного российского государя; при этом и ездец, и орел обозначали государство Московское (то есть Российское). Со времени Петра I всадник стал считаться святым Георгием и связываться с московским великим княжением, а орел — с Россией в целом. По основании ордена св. Андрея Первозванного его цепь (первоначально в весьма условной передаче) помещалась в государственном гербе, обычно окружая щиток со всадником. Если сам орел изображался в поле щита, то цепь должна была окружать этот щит, а не сердцевой щиток. Это правило, однако, соблюдалось не всегда. Герб воспроизводился обычно в сокращенном виде: вне большого щита, со «свободным» орлом, а иногда без цепи и даже без щитка со всадником.

Еще до принятия императорского титула Петром I короны над орлом (сначала средняя, затем и две прочие) приобрели вид «имперialьских», аналогичных гербовой короне Священной Римской империи. При этом средняя корона могла изображаться с характерными лентами. Первоначально предполагалось, что орел как таковой увенчан лишь двумя коронами, а третья, большая, венчает щит с птицей. Но

поскольку орла чаще всего изображали вне поля щита и большая корона помещалась непосредственно над ним, эта композиция стала восприниматься как нераздельная, что и было узаконено уже в 1730 г.

Помимо общероссийской символики еще с XVI в. существовали в изобилии второстепенные монаршие эмблемы догеральдического характера, обозначавшие отдельные княжества и владения согласно полному титулу. При Петре I они также постепенно приобрели геральдическое оформление: получили фиксированные цвета, были помещены в коронованных щитах. Был поставлен (но не решен) вопрос о создании большого императорского герба, в состав которого вошли бы все гербы владений. Возникали лишь прецеденты помещения щитков с гербами важнейших царств и великих княжеств на крыльях орла, рядом с московским гербом.

Члены династии поначалу не получили каких-либо личных гербов: они находились как бы в тени императорского великолепия и в случае надобности пользовались гербом императора как общединастическим.

Став российским наследником, будущий Петр III принял сложный герб, в котором щит с российским орлом и многопольный щит Шлезвиг-Гольштейна бок о бок помещались на груди еще одного двуглавого орла (на этот раз играющего роль одиночного щитодержателя). Изредка этот герб употреблялся Петром III и после восшествия на престол.

При Павле I был проведен ряд реформ: установлены геральдические права членов династии (великие князья смогли пользоваться имперским орлом как своим, князьям крови императорской был дозволен такой же орел, но без всадника на груди); учрежден особый герб монарха как главы «российского кавалерского ордена»; а вскоре по провозглашении Павла I гроссмейстером (великим магистром) Державного ордена св. Иоанна Иерусалимского (ордена-государства мальтийских рыцарей) в 1797 г. эта уния двух держав была запечатлена в гербе России: на груди орла (позади московского щитка) был расположен мальтийский крест под короной великого магистра. Исходя из композиционных соображений, андреевская цепь стала помещаться в составе государственного герба лишь изредка. Но, в отличие от андреевской цепи, коронованный крест был введен в герб не как отдельный орденский знак, а как постоянный атрибут орла (подобно короне, скипетру и державе).

Наконец, в 1800 г. был подготовлен к утверждению Манифест о полном гербе империи, в состав которого вошли десятки титульных гербов, коронованные шлем и сень, щитодержатели со знаменами и орденские знаки. В качестве династического элемента в государственный герб поместили составной щит шлезвиг-голштинского герцогства.

Император подписал манифест, однако не распорядился опубликовать его и не ввел в действие — видимо, потому, что не был удовле-

творен документом в полной мере. Вскоре манифест окончательно потерял актуальность: смерть Павла I означала конец унии с орденом, и Александр I убрал коронованный крест из герба, вернувшись к петровско-екатерининской версии.

В конце правления Александра I и особенно при Николае I широко и вполне официально употреблялся вариант государственного орла, существенно отличавшийся от гербового: с венком и молниями, а порой также и с факелом или пучком стрел в лапах, с вытянутыми в стороны крыльями, нередко — под одной короной. Это явилось в стилистическом плане итогом влияния французского ампира, а в плане гербоведческом — отражением немецкой, прежде всего прусской практики использования официальных знаков власти (Hoheitzeichen), вольно варьирующих элементы герба. Под конец царствования Николая I негербовая версия государственного орла постепенно вытеснялась гербовой, при этом на крыльях орла, как в свое время при Петре I, располагались шесть щитков с гербами важнейших владений.

В 1856 г. Александром II были утверждены спроектированные Б. В. Кёне большой, средний и малый (для различных протокольных и церемониальных целей) государственные гербы; гербы царств, княжеств и иных титульных владений; большой и малый гербы для всех членов династии; а также родовой герб императора. При создании большого и среднего гербов империи Кёне удалось сочетать наднациональные традиции оформления государственных гербов с характерным композиционным решением, принятым для государственных печатей России еще в XVII в. Но при всем остроумии общей схемы она была воплощена со множеством несуразностей, прежде всего в порядке расположения отдельных территориальных гербов. Авторская манера Кёне проявилась в ревностном, но поверхностном и не всегда адекватном соблюдении гербоведческих правил: московский всадник, вопреки традиции, был развернут геральдически вправо (хотя поворот влево не воспрещен, а лишь считается исключением), щит со всадником получил тонкую золотую кайму, чтобы избежать наложения червленого щита на черную грудь орла (хотя, будучи не фигурой, а отдельным щитом, московский герб не должен был подчиняться «основному правилу»), и т. д. Как сама реформа, так и стилистические особенности изображений, в которых она была воплощена, вызвали острую критику таких ярких персонажей своего времени, как великий князь Константин Николаевич и св. Филарет Московский. В 1882—1883 гг. государственный герб был переутвержден (добавлены два новых элемента, не изменившие общей структуры). При этом в употребление был введен новый дизайн государственного орла — менее «растрепанный», что явилось единственным шагом навстречу критикам реформы 1856 г.

Большой и средний герб империи были нужны прежде всего для придворного обихода. Наиболее часто употреблялся малый государст-

венный герб, который в свою очередь воспроизводился в более или менее полных вариантах, — от орла, несущего девять гербовых щитков на груди и на крыльях, в поле щита, обрамленного щитодержателями, орденской цепью и сенью, до орла, изображенного вне щита, с одним московским щитком, окруженным орденской цепью, на груди.

Для государственно-династических узаконений 1856 г. был специально сочинен (на основании вольно истолкованных догеральдических памятников) фамильный герб Романовых, к которому для полноты мог присоединяться шлезвиг-голштинский герб. Николаем I и Александром II были утверждены также специальные владельческие гербы важнейшим императорским и великокняжеским загородным резиденциям.

Одной из существенных особенностей династической геральдики в России было то, что младшие члены династии не использовали корон, соответствующих своим титулам, но венчали свои гербы императорской короной. Это обстоятельство, на первый взгляд весьма почетное, вместе с тем подчеркивало несамостоятельность статуса членов императорской фамилии, являющегося лишь следствием близости к государю, а не собственных сеньориальных прав. По этой же причине в гербы старших (до пятого поколения) членов династии вместо мантии была введена сень, в принципе, положенная исключительно правящим монархам.

В оформлении гербов женщин — членов династии дамскими атрибутами закон предусматривал четкое соблюдение общих правил, касающихся супружеской геральдики в России.

В заключение следует упомянуть, что государственный и династический гербы не были тождественны обычным дворянским, и право на них не определялось простой передачей потомству, но регламентировалось порядком престолонаследия и законами об императорском доме.

Временное правительство заменило государственный герб империи двуглавым орлом без атрибутов — эмблемой, не имевшей ни фиксированной расцветки, ни геральдического щита и отчетливо подражавшей ранним догеральдическим русским орлам. Первое время этим квазигербом пользовались и советские органы власти.

V.4. Земельные и городские гербы

В основу местной русской геральдики легли уже упоминавшиеся земельные эмблемы, иллюстрировавшие царский титул, оригинальные проекты Санти, а также догеральдические композиции с полковых знамен образца 1712 г.

Геральдизация титульных эмблем шла постепенно и спонтанно. Важнейшим источником по этой теме являются монаршие грамоты, нередко украшавшиеся таковыми эмблемами: постепенно они приобретали вид «настоящих» гербов. Детали и расцветка были неустойчивы. Санти разработал (в виде блазонов) геральдическую версию титульной символики, а позднее была создана новая версия, получившая утверждение в 1730 г., в составе гербовника Миниха. Тем не менее гербы на императорских грамотах еще долго сохраняли облик, отличный от утвержденного в 1730 г., и должны рассматриваться как самостоятельные, не уступающие по значению формально утвержденным, геральдические памятники. Сложилась своего рода традиция нестабильности. Позднее (при разработке государственного знамени для коронационных торжеств, при екатерининских пожалованиях, при отображении в родовых гербах рюриковичей, при составлении «павловского» полного герба империи, в ходе реформ Кёне) опять и опять в ход шли новые геральдические версии старых эмблем.

Выше уже была дана характеристика гербовника Миниха и проявившегося в нем смешения гербов города и территории. Со времени екатерининских массовых пожалований не только герб центра провинции (наместничества, губернии) устойчиво отождествлялся с гербом провинции, но и герб уездного города — с гербом уезда. Последнее наиболее ярко отразилось в геральдической практике дворянских собраний.

Города, уже имевшие гербы по пожалованию 1730 г. или позднейшим «наданиям» полковых гербов, получали при Екатерине II повторное пожалование, иногда совпадавшее с первоначальным, иногда — отличающееся в деталях (цвет поля в гербе Ярославля, к примеру, был заменен с золота на серебро), иногда же совершенно новое. При этом екатерининские пожалования городских гербов не содержали корон и иных атрибутов при щите (кроме щитодержателей у уже упоминавшегося Выборга). Несмотря на законодательную акцентировку значения герба города как знака городского «общества», смешение герба территории и ее центра продолжалось и даже получало официальное закрепление. Но теперь уже, как правило, земельный герб подменялся городским. С 1778 г. по предложению товарища герольдмейстера И. И. фон Эндена в гербы большинства городов Ярославского наместничества при их составлении была внесена какая-либо часть городского ярославского герба, который в этом случае определялся как наместнический. Эта схема получила высочайшее одобрение, и герольдмейстер А. А. Волков стал применять ее самостоятельно, оттеснив Эндена от работы с гербами. Однако в геральдике Волков смыслил мало, и первые результаты его трудов были курьезны. В случае с рязанским и костромским наместничествами он упростил схему внесения земельной эмблемы, отведя под нее во всех гербах верхнюю половину;

под видом «части герба» в этой половине располагались элементы, заимствованные из герба наместничества, но в иной конфигурации, даже в ином ракурсе. Позднее в верхней половине щита стали располагать земельный герб,[16] он же — герб земельного центра, целиком; этому принципу следовали при составлении большинства городских гербов вплоть до середины XIX в.

Характерен случай с Астраханью. Ей не был пожалован герб ни при Екатерине II, ни позднее, но это оставалось незамеченным, так как его роль исполнял хорошо известный герб царства Астраханского. Когда гербы были в 1853 г. дарованы нескольким городам Астраханской губернии, герб царства (в версии, употреблявшейся при Николае I) занял место в верхних половинах их гербовых щитов, тогда как вопрос о гербе губернского центра, вопреки прямому указанию государя, не нашли нужным довести до решения. Не менее красноречив пример Костромы: ее герб был пожалован Екатериной II в 1767 г., но Павел в пику матери установил Костроме иной герб (официально речь шла при этом о восстановлении некоего более раннего герба). В Полное собрание законов этот герб не вошел, и фактически восстановилось употребление герба 1767 г. В 1834 г., однако, Николай I повелел Костромской губернии (не городу!) принять «павловский» герб.

Наконец, при Александре I и Николае I в Бессарабии, Крыму и на части территории Белоруссии были совершены пожалования не уездным городам, а уездам как таковым.

Все это отражало роль местного герба как административной эмблемы, подлинным обладателем которой является верховная власть, представленная властью уездной. При Николае в обозначение уездных гербов даже была введена остроумная формулировка «герб NN губернии для NN уезда», точно раскрывавшая смысл двухчастного деления гербового щита на губернскую и собственно уездную (нижнюю, подчиненную) доли.

Строго говоря, в лице местных «дворянства и общества» губернии, города, уезды обладали некоторой формальной идентичностью, несводимой к местному ответвлению верховной власти. Можно, таким образом, считать, что местные гербы, по сути, были и гербами соответствующих «мест», и эмблемами верховной власти (гербами монарха) в отношении этих мест.

Переход уездного или заштатного города из губернии в губернию не означал автоматической замены верхней, земельной половины щита. В 1824 г., по превращении Красноярска в губернский центр, ему было законодательно предписано сохранить герб, пожалованный двадцатью годами ранее, включая верхнюю половину с томским гербом

---

[16] Первоначально имелся в виду наместнический, позже — губернский герб.

(эта деталь исчезла лишь при даровании Красноярску совершенно нового герба в 1851 г.). Однако по мере утверждения взгляда на местный герб как на административную эмблему подобное несоответствие символики реальному положению дел вызывало нарекания и требовало правки.

Еще одним геральдическим показателем несамостоятельности местных институтов власти явилась установившаяся в первой половине XIX в. практика увенчания губернского герба (герба губернского города тож) императорской короной (а не земельной короной согласно собственному статусу местности, как это было в гербовнике Миниха). На такое же украшение покушались и некоторые уездные города. В употребление также вошла так называемая городская, или *башенная*, корона в виде зубчатой стены. Впервые широко примененный в наполеоновской геральдике, этот тип короны на волне ампирной моды распространился в качестве украшения для городского герба по всему Европейскому континенту. Николай I в конце своего правления одобрил такую практику, указав «на гербах губерний, областей и губернских городов, кои впредь будут представляемы на высочайшее утверждение, изображать всегда императорскую корону; на гербах же городов уездных ставить ныне употребляемую подобными городами городскую корону». Императорская корона была также разрешена некоторым наиболее важным уездным городам. Показательно, что оформление гербов губерний и их центров здесь отождествляется, однако понятия о них уже четко разделены: сказывается стремление Николая I к логическому упорядочению геральдической практики в России. Уже при Александре II, в 1857 г., это стремление выразилось в общей реформе местных гербов, подготовленной Кёне. Ниже публикуется текст указа, эту реформу утвердившего.

Реформа 1857 г. была призвана решить две взаимосвязанные задачи: во-первых, разграничить гербы территорий и их центров; во-вторых, дать во всех гербах геральдически логичные обозначения статуса и административной принадлежности. В большинстве случаев еще подразумевалось использование одинакового гербового щита губернией и губернскими городами, а в случае с уездами и их центрами принцип тождества щита сохранялся полностью; но введение разных внешних атрибутов должно было исключить смешение одного герба с другим.

Указ 1857 г. — «трудный» документ, полный лакун и умолчаний. Так, в нем не идет речи об отмене старых губернских «верхних половин»; но введение губернских вольных частей, безусловно, подразумевает такую отмену (что отчетливо следует из документации Гербового отделения). Под предлогом воплощения реформы Кёне рассчитывал провести, с последующим высочайшим утверждением, массовую правку прежних городских гербов, геральдическими качествами которых

он во многих случаях был крайне недоволен. В силу этого Гербовое отделение парадоксальным образом не было заинтересовано в немедленном осуществлении реформы путем простой перекомпоновки имеющихся гербов.

Теоретически указ 1857 г. имел немедленное и непосредственное действие, но вопреки этому (и в полном согласии с бюрократическим духом времени) Гербовое отделение стало готовить для высочайшего утверждения сотни проектов: новые гербы для губерний, областей, городов, иногда слегка отредактированные, иногда абсолютно несходные с прежними (если Кёне считал фигуры первоначальных версий геральдически неприемлемыми). Осуществить эту затею по индивидуальной законодательной замене старых гербов удалось лишь в отношении губерний и областей, а также Москвы и городов Московской губернии, причем процесс затянулся более чем на два десятилетия. Остальные проекты, разработанные Гербовым отделением для городов, ранее гербы имевших, остались без утверждения (хотя известны случаи, когда их по недоразумению начинали употреблять на местах, как, например, в Ростове-на-Дону). Из числа проектов для городов, доселе не имевших гербов, узаконены были лишь немногие.

При подготовке своих проектов Кёне игнорировал гербовник Миниха, отдавая дань установившемуся при Екатерине II пренебрежению этим памятником как в геральдическом, так и в юридическом аспектах.

Результаты реформы 1857 г. на местах оказались довольно хаотичными. Во многих случаях гербы были переделаны согласно требованиям указа. Нередко эта переделка осуществлялась геральдически неаккуратно, с ошибками и путаницей. Чаще всего, однако, старые версии гербов продолжали употреблять в неизменном виде. Кроме того, гербы территорий и их центров на практике продолжали подменять друг друга — на сей раз в прямом противоречии с их законным статусом.

В 1910-х гг., не без влияния Лукомского, положение стало меняться. Гербовое отделение окончательно «смирилось» с прямым действием указа 1857 г. и заодно реабилитировало гербовник Миниха. Так, в результате переписки о гербе Азова Гербовое отделение самостоятельно, без представления на высочайшее рассмотрение, добавило к щиту 1730 г. атрибуты, узаконенные в 1857.[17] Начавшаяся война помешала добиться окончательного осуществления указа Александра II о местных гербах.

---

[17] Показательно, что на два десятилетия ранее находившиеся в аналогичном положении (имевшие гербы с 1730 г.) Белгород и Рыльск были вынуждены получать новые монаршие пожалования; в случае с Белгородом первоначальные элементы герба были изменены.

Остается упомянуть, что реформа 1857 г., как и другие начинания Кёне, не раз подвергалась критике за свой «немецкий» стиль. В западной литературе, напротив, введенную в 1857 г. манеру оформления местных гербов упоминают как специфически русскую. В действительности же разработка Кёне была вдохновлена прежде всего французской геральдикой Первой Империи с ее жесткими рационалистическими схемами.

V.5. Корпоративные гербы

Подлинно геральдические знаки учреждений, сообществ и т. п. были в России чрезвычайно редки. Они получали лишь косвенное утверждение (через пожалование печати с гербом, а не герба как такового Академии наук в 1737 г.; орден св. Георгия также получил герб через печать, Морской кадетский корпус — через знамя и т. д.) либо оставались неутвержденными (как у Русского генеалогического общества в Петербурге).

VI. Жалованные почетные элементы герба

По воле жалующего монарха в гербы дворян, городов, территорий и корпораций могли вноситься почетные добавления, «прибавки», «удостоения», обозначающие особую высочайшую милость. Наиболее характерно внесение в герб, в виде награды, государственного орла (в обычном или несколько измененном виде, целиком или же «возникающего»), орлиного крыла, императорской короны (как в гербах Калуги, Тихвина и т. д.) или иного символа верховной власти. Но подобную роль геральдической награды могли исполнять и элементы местных гербов (голова пермского медведя и сибирского соболя — у Строгановых, галера в гербе Комиссарова-Костромского), и обозначения дарованных наград (андреевский крест у графов Толстых, георгиевские крест и лента у Андреевских, получивших пожалование в 1917 г. от Сената), и указания на совершенные подвиги и понесенные труды (меч, маршальский жезл, пушка со знаменами и лев в воротах у князей Барклаев де Толли), и отвлеченные символы чести, достоинства и монаршей милости (например, жалованное некоторым родам при Екатерине II поле со звездой).

Такие жалованные добавления почетного и наградного характера всегда выделялись в особую категорию геральдических явлений, но до сих пор не имеют устойчивого определения в русском гербоведении; может быть рекомендован термин «аугментация» (калька с англ. honourable augmentation, почетное дополнение). В один герб могло быть внесено множество раздельных аугментаций, как в щит, так и вовне

его. Так, Суворов в придачу к российскому графскому титулу получил пожалование, в котором первоначальный родовой герб был обременен каймой с надписью, пятипольным большим щитом с российским двуглавым орлом в одном из полей и обозначениями различных заслуг в четырех прочих, и нашлемник с российским орлом (нашлемник с орлом Священной Римской империи уже был пожалован ранее, всего вместе с фамильным нашлемником их оказалось трое). При даровании княжеского герба аугментации в щите были перекомпонованы, оба российских орла дополнены новыми элементами. Аракчеев, уже будучи графом и имея герб с аугментациями, удостоился особой милости — его первоначальные щитодержатели (воин и единорог) были заменены на фигуры военных в мундирах подшефного Аракчееву полка.

Теоретически жалованные элементы, отражающие государственную или земельную символику, не могли присваиваться обладателями гербов иначе как в силу пожалования.[18] Пожалование титулом давало лишь право испрашивать аугментацию, но не присваивать таковую. На практике этот принцип иногда нарушался: князь Кутузов-Смоленский помещал, без высочайшего на то дозволения, фигуры смоленского герба в своем нашлемнике; Рибопьеры по случаю принятия графского титула добавили к своему щиту главу с возникающим императорским орлом и т. д. В этих случаях были налицо заслуги как причина возможных аугментаций, но из-за отсутствия должного ходатайства не последовало пожалования таковых. Случалось и наоборот: без особых оснований родовые гербы с «цитатами» из государственной символики получали высочайшую апробацию.

Некоторые гербы практически целиком состоят из почетных жалованных элементов (как у графа Сперанского: вверху щита — российский орел, внизу — измененный герб Сибири).

Иногда исследователь может легко вычленить аугментацию из герба — если известно, как герб выглядел до ее дарования, или же если аугментация содержит узнаваемые фигуры: двуглавого орла или его часть, императорское «вензелевое имя» (монограмму), при Павле I — мальтийский крест и т. д. В иных ситуациях грань между аугментациями и собственно родовыми знаками может быть неясной (как у Чичаговых, графов Апраксиных и др.). В случае с уже упомянутыми екатерининскими пожалованиями поля со звездой было бы невозможно убедиться, что это аугментация, если бы не указание в тексте пожалования. Жалованный герб, как и любой его элемент, сам по себе есть

---

[18] Кстати, элементы герба Ярославского наместничества в гербах уездных городов, пожалованных в 1778 г., имели именно характер аугментации; лишь позднее, весьма постепенно, земельные части в гербах уездных городов превратились в стереотипные обозначения административной принадлежности.

почетный дар; аугментации лишь наиболее ярко выражают это, играя роль «дара по преимуществу».

Аугментации могли дароваться и к утвержденному ранее, и к самобытному гербу (как в большинстве графских пожалований XVIII в.), но в последнем случае, как правило, старые элементы герба получали узаконение вместе с новыми.

Особое место в русской геральдике занимает лейб-кампанская аугментация, уже упомянутая выше. «Генеральный» лейб-кампанский герб был добавлен в гербы лейб-кампанцев, занимая правую половину рассеченного щита (лишь у графов Шуваловых и Воронцовых он занял место во главе щита, а у графа А. Разумовского был закомпонован с другими аугментациями). Подобного рода общую аугментацию Екатерина II предусмотрела для членов Уложенной комиссии.

Довольно нередки в родовых гербах аугментации, дарованные иностранными монархами.

VII. Символика гербов

Ранняя русская геральдика испытала значительное влияние моды на аллегории, характерной для эпохи барокко. При Петре I в России был переиздан сборник аллегорических композиций «Символы и эмблемата», многие сюжеты которого перешли в земельные, городские и иные гербы. Вообще же составители гербов пользовались самыми различными символами из числа принятых в их время; в этом плане геральдика смыкается с искусствоведением. Довольно частыми вплоть до середины XIX в. были фигуры античного происхождения: кадуцеи, рога изобилия и т. п. Кёне считал анахронизмом их присутствие в гербах, порожденных средневековьем, и пытался их искоренять (что опять-таки было проявлением его личных воззрений, а не немецкого «схоластичного» влияния), но не слишком успешно.

Порой заслуги членов рода или жителей города, события из истории и прочие важные реалии отображались в гербах буквально (в гербе Нарбековых — их предок, получающий ранение на поле боя). В любом случае геральдические правила требовали соблюдать некоторые границы реализма — например, не изображать подлинных сооружений, заменяя их условно-геральдическими (хотя нарушалось и это правило; так, граф Клейнмихель получил герб с изображением Зимнего дворца).

Четкой фиксации цветовой символики в геральдике не существует, как и иерархии цветов. Точно так же «почетные», геральдические фигуры не почетнее прочих. Лишь Санти под влиянием трактатов придавал почетным фигурам наградное значение.

Во второй половине XIX в. формируется несколько устойчивых условно-ведомственных обозначений: так, горностаевый мех в щите родового герба обозначает, как правило, службу по дворцовому ведомству, лист клевера — медицинскую службу. Гербовое отделение обращает особое внимание на выяснение смысла и происхождения фигур в подаваемых на утверждение родовых гербах. Но ни в этот, ни в другие периоды герб не становится четким, однозначно читаемым текстом; он наделен сложной образностью, многочисленными ассоциативными связями.

Многие символы русских гербов стереотипны (меч) или же крайне многозначны (звезда). Одна и та же фигура, даже довольно специфичная, может иметь совершенно разные значения в разных гербах: так, сплетенная из треугольников звезда Давида в гербе Н. И. Лобачевского обозначает геометрию, а в гербах братьев Л. С. и Я. С. Поляковых — их иудейское вероисповедание. Огромное количество толкований теряется в далеком прошлом, иногда же объяснения искусственно сочинялись после возникновения герба; и, таким образом, адекватная символическая расшифровка герба, даже неполная, далеко не всегда возможна.

Но сам по себе дворянский герб, какие бы изображения он не нес, был символом благородного достоинства и, по сути, мог *не нуждаться* в более конкретном изъяснении. Отсюда и обычное в геральдике «бездумное» тиражирование стереотипных элементов (геометрических форм, благородных животных и т. п.), и, наоборот, крайняя курьезность некоторых композиций, и постоянная путаница в деталях при воспроизведении гербов, особенно самобытных. Не так важно было, что герб рассказывал о роде; важно было, что герб обозначал, «являл» род. *Главной задачей герба была не символическая, а эмблематическая, идентификационная.*

Несколько иная ситуация сложилась в городской геральдике. Еще Санти стремился отражать в ней местные достопримечательности, но при этом был не чужд игре с символическим подтекстом (акцентировка коллизии центрального и маргинального в гербе Петербурга) и добивался лаконизма и выразительности форм (пожар в Белеве был увековечен в виде пылающего снопа). При Волкове окончательно развился взгляд на городской герб как на зерцало промышленной, торговой, политической либо природной специфики города (или его округи, уезда). Гербовые композиции полны буквализма, законодательные тексты о гербах пестрят формулировками типа «два рябчика... в знак того, что в окрестностях сего города находится наилучшая и отменной величины сего рода дичина» (Пинега), «накладенные кучею железные крицы, которыми сего города обыватели торгуют, и достают оное железо из гнездовой руды, которою окрестность сего города изобильна» (Устюжна), «несколько стеблей маку... в знак того, что жители с большим успе-

хом... разводят мак для приготовления из него опиуму» (Дербент) и пр. Некоторые примеры весьма топорны: древние Переяславль и Шуя оказались обозначены парой селедок и куском мыла, новые Екатеринбург и Алапаевск — невразумительными в геральдическом плане индустриальными композициями. Стремясь к большему геральдическому изяществу, Кёне сохранил сам принцип герба-путеводителя. И все же этой тенденцией российская городская геральдика не исчерпывается; в нее не вписывается прежде всего значительная доля «старых» местных гербов.[19]

Гербы, иллюстрирующие имя обладателя (орел в гербах Орловых и города Орла, солнце в гербе графа Сольского, медвежья голова у генерала Потапчина, померанцевое дерево города Ораниенбаума и т. п.), именуются говорящими, или *гласными*. Нередко символическое содержание герба или по крайней мере его главной фигуры сводится к указанию на имя обладателя. «Гласящая» фигура в гербе не обязательно отражает действительную этимологию имени (в гербе Великих Лук — три лука, а отнюдь не речные излучины; в гербе Кологрива — «крутая грива» коня и т. п.).

VIII. Методика исследования

Для исследователя, всерьез стремящегося приобрести системные представления о русской геральдике, чтение пособий и трактатов совершенно необходимо, но лишь в качестве занятия исходных позиций. Понадобятся также, во-первых, большая работа с источниками, включая неопубликованные; во-вторых, сравнительные исследования,[20] о ценности которых речь уже шла ранее.

Наиболее характерен сугубо прикладной тип геральдического исследования, в котором герб выступает как средство датировки, атрибуции и т. п. (именно это Лукомский называл гербовой экспертизой). В этом случае первоочередная задача — определить герб. Сужая пространство поиска, исследователь прежде всего выясняет, к какой локальной геральдической традиции принадлежит данный герб, присутствуют ли в нем титульные атрибуты и т. п. Пока что не опубликованы ни составленный в Гербовом отделении эмблематический указа-

---

[19] Категория «старых» гербов, традиционно выделяемая и неоднородная по происхождению, в основном характеризуется тем, что Герольдмейстерская контора не просто сочиняла их, а создавала на основе уже существующих гербов (самобытных, из гербовника Миниха и пр.), эмблем (печатей). Понятие «старый герб» в русской городской геральдике подробно проанализировано Н. А. Соболевой.

[20] О компаративных исследованиях в истории вообще геральдисту имеет смысл прочитать статью великого французского историка: *Блок М.* К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей 2001. М., 2001. С. 65—93.

тель, ни «Определитель изобразительных элементов...» И. В. Борисова, так что при поиске герба — даже в пределах ОГ — приходится чаще всего прибегать к простому узнаванию герба «в лицо». Изданы лишь весьма неполные определители гербовых девизов.

Разумеется, если в гербе присутствуют такие элементы, как графская корона и российский орел, это существенно облегчает поиск. (Впрочем, уже упоминался герб графов Рибопьеров, содержащий оба эти элемента, но отсутствующий в каких-либо официальных гербовниках.) Если герб менялся и вехи его развития четко датируются, это позволяет убедительно датировать и предмет, несущий изображение герба. Но следует соблюдать осторожность: предмет с устаревшей версией герба мог быть заказан post factum для пополнения утрат в более раннем комплекте или даже явиться своеобразным памятником внутрисемейного историзма (как это практиковалось в роду графов Шереметевых).

Примером исторически полезной гербовой экспертизы может послужить атрибуция герба князя Н. И. Дондукова-Корсакова на стеклянном графине из собрания Национального музея в Минске.[21] Герб отличался от высочайше утвержденной версии (ОГ IX,133) порядком частей в многопольном щите, видом венца (княжеская корона вместо мантии), отсутствием мантии и шлема: это делало его неузнаваемым для нетренированного взгляда. Определение герба позволило не только указать владельца, но и датировать предмет периодом с 1802 по 1816 г. (от передачи княжеского титула Дондуковых Н. И. Корсакову до высочайшего утверждения за ним окончательной версии соединенного герба), и получить данные о родовом самосознании гербовладельца (в «музейной» версии герба символика нетитулованных, но весьма гордившихся происхождением Корсаковых первенствует по отношению к гербовым фигурам князей Дондуковых; в ОГ эта аномалия исправлена).

Улов может быть и куда более скромным. Курьезный, но характерный пример: требовалось определить герб под короной маркиза на французской тарелке. Герб оказался принадлежащим нетитулованному русскому роду Пашковых: дворянская корона русско-польско-германского типа была ошибочно перерисована художником-французом.

Герб может быть не только средством поиска, но и объектом отдельного изучения в качестве памятника культуры. В этом случае особое внимание привлекают причины складывания той или иной геральдической композиции, характерные механизмы произвольных и непроизвольных гербовых метаморфоз. Так, изучение типичных искажений фигур при перерисовке позволяет реконструировать перво-

---

[21] Публикация автора на эту тему находится в печати.

начальное значение «загадочных» композиций в гербах Тютчевых и Блоков (оказывается, оба герба содержали кадуцей). Еще один объект естественного интереса исследователя — символическая насыщенность герба, его место в знаковой культуре эпохи. «Буквализм» русских городских гербов, к примеру, является несомненным памятником мысли эпохи Просвещения. Сопоставляя гербы и иные знаковые памятники, необходимо учитывать, что одно и то же изображение может иметь различные смысловые акценты внутри структуры герба и вне ее.

Очевидна тесная связь родовой геральдики и генеалогии. Герб является незаменимой иллюстрацией фамильной истории и ее важной реалией, родословные разыскания позволяют выяснить право той или иной персоны на герб или его определенную версию. Нередко в гербах находили свое отражение родовые предания — как достоверные (подвиг предка, прямо отображенный в гербе Нарбековых; крест над полумесяцем у князей Шихматовых, графов и дворян Уваровых и у многих других крещеных потомков татар), так и фантастические (указание на происхождение от Юпитера в гербе Римских-Корсаковых и др.). В случае с городскими гербами подобную роль сестринской дисциплины играет краеведение, но прежде всего в территориально-административном и «макроисторическом» аспекте (герб обычно сочинялся в столице, и потому решающим оказывался чиновный взгляд на данный город со стороны).

Геральдические памятники могут становиться объектом изучения искусствоведов и филологов, могут пригодиться и внегуманитарные данные о технике исполнения (черная фигура может запросто оказаться почерневшей серебряной). Вполне естественно рассматривать герб в общем контексте символической и эмблематической культуры, современной его созданию. Но, безусловно, *главное* умение историка, систематически изучающего гербы, заключается в определении *собственно геральдических характеристик* памятника.

Как при чтении манускрипта обычно приходится «преодолевать» языковые трудности, особенности почерка, аббревиатуры, утраты текста (хотя все это весьма интересно само по себе и требует соответственного изучения), так и при анализе изображения или блазона герба требуется прочесть этот герб как знаковую идею, иконографическую абстракцию, преодолевая средства ее выражения. Разумеется, эта методика требует серьезных познаний в геральдической теории и использования развитой блазонной терминологии. Как уже говорилось выше, обращение к западному опыту в этих случаях необходимо, но отнюдь не достаточно.

При этом приходится учитывать, что многие геральдические памятники создавались несведущими или мало сведущими в геральдике художниками, чиновниками и т. п.; продолжив аналогию с манускрипта-

ми, такие памятники можно уподобить строкам, которые перерисовал неграмотный. Как следствие, роль ошибок в истории гербов (не только русских!) весьма велика. Некоторые геральдические недоразумения довольно типичны, и их анализ позволяет лучше понять общие пути формирования и развития русских гербов.

Но геральдическое невежество отнюдь не было тотальным. Санти, Адодуров или Кёне располагали не просто обширными геральдическими познаниями, но и были носителями определенных гербоведческих концепций, а также обладали авторской манерой их практического воплощения. Менее просвещенные геральдисты действовали не столь осознанно, с большей долей формальной подражательности, но и в этом случае они зависели от традиций и развивали их. Выдвигаемый в последнее время рядом авторов тезис о совершенной «неправильности» русских гербов неоснователен и связан с неверным представлением о «правильности». В конечном счете, самый варварский самобытный герб находится в определенных отношениях с системными основами геральдики и прежде всего должен быть рассмотрен в аспекте гербоведческой теории.

Разумеется, создание и употребление гербов не было самоцелью, оно отражало социальные, культурные, политические, правовые реалии. Герб, рассмотренный в полном отрыве от этих исторических реалий, вообще не является предметом *научной* геральдики. Задача исследователя — осознать и раскрыть геральдический памятник как историческое явление; например, связать символику какого-либо герба (или же гербовое пожалование, реформу, развитие гербоведческих воззрений) с историческими событиями. Впрочем, это не имеет ничего общего с упрощенным, потребительским включением герба в общеисторические рассуждения. Практическая геральдика была (и остается) *средством*, инструментом репрезентации, но это инструмент очень сложный; и прикладной потенциал геральдических исследований наиболее полно реализуется, если относиться к этим исследованиям как к фундаментальным.

IX. Заключение

Гербоведение не перестает быть прикладной наукой. В сегодняшней России бурно развивается местная символика, отражая рост значения локальных институтов власти и разграничение их компетенций. При этом официально провозглашена полнота преемства к дореволюционной геральдике — и в отдельных гербах, и в теоретических основах. Реанимируется родовая геральдика. Одной из основных задач научного гербоведения является, безусловно, обслуживание этих социально-культурных сфер.

В то же время знание гербов чрезвычайно полезно для историка независимо от сегодняшних обстоятельств. Герб на документе, печати, портрете, предмете быта, здании может служить ценным, иногда — незаменимым источником атрибуции, датировки. Мастером такого рода гербовой экспертизы был В. К. Лукомский.

Наконец, герб является своеобразным памятником культуры: продуктом тех или иных влияний, показателем тех или иных процессов. В этой связи он может быть интересен исследователю сам по себе.

Очевидно, что геральдика как историческая дисциплина граничит с политической, социальной и культурной историей, искусствоведением, с генеалогией, со множеством иных исторических дисциплин (сфрагистика, нумизматика, вексиллология и т. п.), с юриспруденцией и, благодаря блазонированию, с филологией. Перечень, конечно, неполон. Это отводит геральдике весьма важную роль в развитии междисциплинарных исследований.

Наконец, нет нужды обосновывать вненаучную, житейскую важность геральдических консультаций и экспертиз при создании произведений искусства на исторические темы или же в антикварном бизнесе.

Вторая половина XX столетия была отмечена ростом специального интереса к гербам в европейской науке. Несомненно, наиболее значительные результаты этой тенденции еще дадут о себе знать в наступившем столетии. Остается надеяться на то, что свой достойный вклад внесут при этом и российские ученые.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

1. Предмет

Историческая география, как и любая другая историческая дисциплина, выделяется в специфическую область знания особенностью своего предмета и набором присущих ей методов. В отечественной историко-географической традиции существует несколько подходов к определению предмета исторической географии. Сами поиски предмета исследователями связаны с двоякой природой дисциплины — налицо явная связь с историей, хронологией, но и с географией — изучением пространства. В зависимости от приоритетов той или иной научной школы исследователи в разной степени отдают преимущество этим двум составляющим исторической географии. Один из первых отечественных исследователей, работавших в этом направлении, С. М. Середонин, определял предмет исторической географии как «взаимоотношение человека с природой» в том смысле, что все сферы человеческой деятельности протекают в определенном ландшафте и в связи с ним (*Середонин, 1916*).

1.1. Наиболее ранние работы по исторической географии России связаны с поиском конкретных реконструкций, составлением комментариев и локализаций к текстам летописей, актов, записок путешественников, иных документов. В таких реконструкциях и комментариях историко-географические изыскания обнаруживают себя в качестве вспомогательной исторической дисциплины.

В первую очередь материалом для конкретных историко-географических реконструкций послужили поземельные описания разных уездов Московского государства XVI—XVII вв. — писцовые и, в меньшей степени, переписные книги.

В начале XX в. региональные историко-географические исследования особенно активно разрабатывались в рамках научной школы, сложившейся в Киевском университете св. Владимира под руководством проф. М. В. Довнар-Запольского. Его учениками — Е. Д. Сташевским, П. П. Смирновым, А. М. Гневушевым, Г. М. Белоцерковским, С. Г. Грушевским, Г. А. Максимовичем, В. Ф. Яницким — были рассмотрены

источники по различным уездам Московского государства, проведены частичные локализации сельских поселений с использованием подробных карт и планов Генерального межевания. Особо стоит выделить научное творчество А. М. Андрияшева. Наиболее капитальным сочинением исследователя был его труд о Шелонской пятине Новгородской земли (*Андрияшев, 1913; 1914*).

В то же время в Москве сложилась традиция историко-географических исследований на основе изучения землевладения и комментариев к актам и запискам путешественников. Одной из первых работ такого рода стал комментарий Е. И. Замысловского к «Запискам» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна. Исследовав богатую географическую номенклатуру этого источника, Замысловский составил чрезвычайно подробный комментарий, в котором воедино была сведена информация Герберштейна о дорогах, городах и населенных местах современного ему Московского государства. Позднее в печати появился труд А. М. Ловягина, в этом же ключе комментировавший записки другого австрийского посланника, барона Мейерберга.

Первые работы, содержащие развернутые комментарии актов на земельные владения (духовных и договорных грамот великих и удельных князей) XIV—XV вв. принадлежали В. Н. Дебольскому (*Дебольский, 1901; 1903*). Позднее важные историко-географические исследования в этом направлении были проведены С. Б. Веселовским (*Веселовский, 1947*). Исследования этого направления отличает внимание к региональным особенностям землевладения (и его картографированию), к топонимическим разработкам (*Веселовский, 1945*). К этой же традиции историко-географических исследований относится и монография А. Н. Насонова, касающаяся ранней истории Древнерусского государства, но уделяющая достаточно внимания именно локальным сюжетам (*Насонов, 1951*). Предпринятые А. И. Копаневым, Ю. Г. Алексеевым и Л. И. Ивиной историко-географические разыскания также, вероятно, следует рассматривать в этом русле.

В 1960-е и особенно 1970—1980-е гг. отечественными исследователями было опубликовано большое число историко-географических трудов, посвященных региональной средневековой сельской истории. В работе Н. П. Воскобойниковой для 698 селений Яренского уезда 1678 г. была составлена таблица, соотносившая их с теми, что были упомянуты в более ранних (1585/6, 1608, 1646 гг.) и более поздних (1720 г.) переписях. На материалах таблиц Н. П. Воскобойникова проследила изменения иерархического статуса многих селений, выявив процессы, отражающие, по всей видимости, региональные особенности Яренского уезда (в частности, исчезновение погостов, превращение их в самом начале XVII в. — до Смутного времени — в деревни; и напротив, быстрое образование в XVII столетии новых селений этого

типа, например погоста Паллауза) (*Воскобойникова, 1970.* С. 373). Но большинство исследований 1960—1970-х гг. содержало лишь конкретные материалы по отдельным регионам. За редким исключением (*Водарский, 1970; Воскобойникова, 1970*) в них отсутствовали новые методические разработки по локализации поселений, в громадном большинстве случаев аргументация локализаций отсутствовала вовсе.

Важнейшие шаги в разработке принципов историко-географических реконструкций были предприняты в 1970—1990-х гг. московским исследователем С. З. Черновым. Этот ученый связал традицию отечественных историко-географических разысканий с изучением истории землевладения, разработанной С. Б. Веселовским и В. Л. Яниным. В результате исследованные С. З. Черновым регионы — подмосковные волости Радонеж, Кинела, Воря, район Волока Ламского — представили картину поэтапного освоения земли боярским землевладением, судьбу родов, связанных с этими землями в XVI в. Важное место в работах С. З. Чернова занимает исследование функционирования топографических стереотипов (система пространственных ориентиров, топонимическая традиция, выбор места для поселения), сложившихся в средневековье, в народной культуре XX в.

Таким образом, значительная часть историко-географических исследований связана с конкретной историей небольших локальных территорий — уездов, волостей, округ отдельных небольших селений.

1.2. Самым распространенным направлением в исторической географии России является исследование процесса заселения земель Московского государства — Российской империи на протяжении X—XX вв. Один из ключевых процессов, зафиксированных источниками на Севере и Северо-Западе России в эпоху позднего средневековья, является внутренняя колонизация. Ее хронологические рамки определить достаточно сложно. По мнению Е. Н. Швейковской, освоение новых земель в XV в. можно сравнить с «великими расчистками» во Франции XII в.[1] Именно рассмотрение внутренней колонизации послужило основой для монографических историко-географических исследований А. А. Савича и М. К. Любавского (*Савич, 1927; Любавский, 1909; 1929; 1996*). Исторические особенности Северо-Запада России определили особый характер заселения его территории: кризисы второй половины XVI и начала XVII в. привели к повторной колонизации на Северо-Западе в XVII—XIX вв. Наиболее ярким исследованием в этом направлении является серия трудов М. К. Любавского. В одной из этих работ, написанной в 1920-х гг., но опубликованной не так давно (*Любавский, 1996*), задачи исторической географии рас-

[1] *Швейковская Е. Н.* К характеристике мировосприятия черносошных крестьян (XVII век. Север) // История СССР. 1992. № 1. С. 81.

сматриваются как исследование колонизации, расселения. Работам Любавского в некоторой степени присущи эмпиризм и увлечение конкретными разработками, однако в них формулируется задача историко-географического исследования: не только определить местоположение того или иного события, но и представить историю конкретного пространства во всех ее аспектах на протяжении исторических эпох.

Можно сказать, что многие последующие историко-географические исследования сложились под влиянием методологии Любавского. *Таким образом, наиболее распространенный подход к исторической географии — это история колонизации, заселения пространства.*

1.3. Другая выдающаяся школа русской исторической географии связана с именем В. К. Яцунского. Этот исследователь впервые в отечественной историографии специально поставил вопрос о предмете исторической географии. По мысли Яцунского, предмет географии исторической не отличается от предмета собственно географии и включает все элементы, изучаемые этой наукой.

«Марксистская историческая география на основе периодизации, принятой в исторической науке, должна дать характеристику физической, экономической и политической географии данной страны или территории на соответствующие данной периодизации отрезки времени. Основными элементами этих характеристик должны быть: 1) физико-географический ландшафт данной эпохи, 2) население с точки зрения его этнического состава, размещения и передвижения по территории, 3) география производства и хозяйственых связей, 4) география внешних и внутренних политических границ, а также важнейших исторических событий» (*Яцунский, 1955*. С. 9—10).

Так, с точки зрения исследователя, происходит сближение истории с географией (при этом Яцунский особо оговаривает, что четко отделяет историческую географию от истории географии). В то же время значение традиционных для отечественных историко-географических исследований локализаций и уточнений местоположения тех или иных исторических объектов В. К. Яцунский относил к второстепенным. Основная доминанта собственных работ Яцунского — историческая география экономики России. Задача автора и его последователей — сравнение больших районов между собой, выделение взаимоотношений между ними, выявление принципов размещения производства путем картографирования статистических показателей.

В географической науке также наблюдается тенденция к сближению с исторической географией. В первую очередь следует упомянуть труды В. С. Жекулина, посвященные Новгородской земле (и некоторых его учеников, например, А. А. Семеновой). В работах школы Жекулина важное место уделяется принципам размещения поселений, их связи с физико-географическими ареалами. В последнее время в таких

работах доминирует экологический подход. *Основное внимание в исследованиях уделяется взаимоотношениям человека и природы, истории адаптации общества, общественных групп к природным условиям на протяжении длительных хронологических периодов.*

1.4. Специфическим направлением исторической географии является историческая картография — исследовательское направление, связанное с изучением карт XVI—XVIII вв. Оно получило развитие в России с рубежа XIX—XX вв. Здесь следует отметить важнейшие работы В. А. Кордта и Л. С. Багрова (последний может считаться представителем не столько отечественной, сколько мировой исторической картографии — *Bagrow, 1975; Bagrow, Kölin, 1953*). Конкретной задачей этих исследователей была публикация картографического материала; в то же время такая публикация требовала развернутого комментария. *В рамках этого подхода важнейшей исследовательской задачей становится источниковедение карт — решение вопроса о том, насколько карты XVI—XVIII вв. отражают действительность того времени.*

Таким образом, на предмет исторической географии в отечественной науке существуют разные взгляды. Можно говорить о том, что в настоящее время в России доминирует взгляд на историческую географию как на исследование колонизации и расселения. Именно в этом направлении были проделаны наиболее значительные шаги. И. П. Шаскольский, рассмотрев опыт отечественных историко-географических работ, подробно классифицировал их возможные направления и выдвинул более широкие формулировки задач (*Шаскольский, 1968*). Основной акцент в работе И. П. Шаскольского был сделан на конкретно-исторических разработках, характерных для отечественной исторической географии конца XIX—XX в. Традиция отечественных конкретных историко-географических исследований была в конце 1970-х гг. рассмотрена в обстоятельной статье Ю. М. Критского (*Критский, 1978*). В этой работе особое место отводилось картографическим материалам, составленным учеными XIX—начала XX вв. на основе изучения письменных источников. Нам представляется, что из большого числа работ по исторической географии того времени можно выделить два важнейших направления дисциплины.

Наиболее обстоятельный очерк отечественной исторической географии, лишенный всякой предвзятости, содержится в монографии В. А. Кучкина (*Кучкин, 1984*). Отдавая приоритет конкретным, локальным историко-географическим разработкам, ученый отмечает опасность возможной перенасыщенности историко-географических работ конкретным материалом в ущерб эвристике. Среди наиболее острых вопросов, стоящих перед исследователями, занимающимися исторической географией России, Кучкин отмечает поиск причины возвышения в XIV в. именно Москвы, а не других, более выгодно расположенных центров северо-восточных княжеств. Кучкин ясно показывает, что пря-

мые экстраполяции данных современных карт (или карт XIX в.) на древнерусскую эпоху зачастую просто не профессиональны. По мнению В. А. Кучкина, выигрышность, к примеру, исследований В. Н. Дебольского по отношению к современным ему работам заключалась в широком привлечении промежуточных данных — XVI—XVII вв. *В самом деле, именно эта эпоха наиболее полно представлена в массовых письменных источниках, именно она является самым ранним и полным фоном для историко-географических реконструкций.* В этом же, как полагает Кучкин, успех работ Ю. В. Готье и М. М. Богословского.

Все работы историко-географического цикла соотносятся и с конкретными западноевропейскими разработками. Составление карт — хронологических срезов находится в немецкой традиции «землеведения». Исследование исторической географии землевладения известно нам во французской исторической традиции. В последние годы в европейской историографии встречается достаточно большое количество работ, посвященных комплексному исследованию отдельной небольшой территории, чаще всего церковного прихода, методологически сходных с работами С. З. Чернова. Основание этой традиции было положено, вероятно, работой М. Бересфорда об «утраченных» деревнях Англии (*Beresford, Hurst, 1989*). В труде голландского исследователя Ф. Теуса разработана методика изучения истории отдельного поселения на протяжении 400—1500 гг. (*Theus, 1991*). Основными параметрами для изучения изменения (развития) поселения, согласно Ф. Теусу, являются: перемещение селения, изменение в его структуре, создание укреплений, возникновение новой строительной традиции, возведение церкви, появление кладбища близ селения. Такой набор параметров позволял, вероятно, сравнивать достаточно большое число поселений (полигоном исследований Ф. Теуса служила Северная Австразия). В основе работы Ф. Теуса лежит тот же принцип преемственности селений, который предложен М. В. Витовым. Работе голландского исследователя методологически близко монографическое исследование шведского авторского коллектива под руководством Б. Берглунда, посвященное округу Истад (в Сконе) (*Berglund, 1991*).

2. Источники исторической географии в России

Важнейшие источники:

2.1. Летописи. Для начального периода изучения отечественной истории именно летописи дают более всего материала для историко-географических исследований. Еще в работах Н. М. Карамзина, З. Доленго-Ходаковского, М. П. Погодина и других историков начала XIX в. содержатся попытки локализации летописных событий, установления местоположения упомянутых в летописях городов и других

селений. Важную роль в отечественной историографии играет изучение и локализация пути из варяг в греки, описанного на страницах Начальной летописи. Рассказ о нем непосредственно предшествует датированной части Повести временных лет. Именно локализация всех упомянутых летописью пунктов пути позволила исследователям говорить о большой точности недатированной части летописи. *При работе с летописями исследователь исторической географии в первую очередь обратит внимание на то, где происходят описываемые в летописях события, как происходит то или иное движение, где находится тот или иной упомянутый в летописи объект.*

2.2. Акты. Акты — сохранившиеся до наших дней делопроизводственные документы эпохи средневековья в отличие от летописей несут информацию о более частных моментах истории. Большая часть средневековых актов относится к истории землевладения и связана с куплей, продажей, завещанием, дарением земельных участков. Рассматривая материалы больших комплексов актов (к примеру, материалов монастырского или городского архива), можно, путем сопоставления упомянутых в актах топонимов с современными, установить границы средневековых владений, этапы формирования вотчин, историю составлявших эти вотчины сельских поселений. Особую группу актов представляют собой берестяные грамоты, найденные в Новгороде при археологических раскопках. *При работе с актами упор делается на исследование территории, с которой происходит комплекс актов или отдельный акт, на том, где расположены те или упомянутые в них земельные ориентиры и как они соотносятся друг с другом и с современными реалиями.*

2.3. Массовые источники.

2.3.1. Регулярные описания — писцовые и переписные книги.

Писцовые книги — государственные описания, проводившиеся с целью учета земельного фонда и платежеспособности сельского и городского населения. Писцовые книги составлялись в России с конца XV в. до середины XVII в. Писцовые книги, независимо от времени их создания, прежде всего представляют собой государственные кадастры, составленные для налогообложения. Они появляются в России с конца XV в. Наиболее древние дошедшие до нас комплексы описаний относятся к Северо-Западу России — Новгородской земле. Роль этих источников для историко-географических реконструкций трудно переоценить. Эти источники, создававшиеся, по определению, для наиболее полного поземельного описания, стремятся покрыть собой как можно полнее большие территории, тем самым создавая основу из своего рода срезов, которые соответствуют годам описания. Такая система срезов позволяет помещать более поздние источники в контекст писцовых книг.

С середины XVII в. и до 1720-х гг. основным источником по исторической географии России становятся переписные книги — ма-

териалы регулярных описаний земли, в которых учитывались лишь население и его платежеспособность.

После 1720-х гг. роль массовых письменных источников начинают выполнять материалы ревизий (регулярных переписей) — сказки (сведения) по отдельным волостям и уездам и итоговые поуездные таблицы. Начиная с середины XIX в. итоги ревизий публиковались, а в 1860-х гг. почти для всей территории Российской империи были составлены и опубликованы «Списки населенных мест».

2.3.2. Другой тип массовых письменных источников — дозорные, обыскные, отдельные и другие книги. Это — чрезвычайные поземельные описания, проводившиеся в тех случаях, когда данные регулярной переписи переставали соответствовать реальности. Эти источники служат дополнительным материалом, часто уточняют данные писцовых и переписных книг. Для некоторых территорий сохранились только эти данные (особенно для конца XVI—начала XVII вв.).

При работе с массовыми письменными источниками требуются исследование и систематизация содержащейся в них информации о поселениях: численность живущих, количество дворов, размеры угодий и конкретные особенности, отличающие данное поселение; кроме того, очень важно отнесение таких поселений к той или иной административной единице. Но самым важным здесь является сопоставление между собой источников по одной и той же территории и синтез содержащихся в них данных.

2.4. Нарративные источники. Сюда относятся записки путешественников, русских и иностранных, поземельные обзоры и географические труды ученых XVI—XIX вв. К этой группе примыкают источники, в разной степени отражающие отношение обычного человека к местным историческим реалиям. Мы имеем в виду записки и рапорты администрации, интересующейся местными древностями, сообщения и летописи, составленные церковнослужителями, публиковавшиеся в местной и центральной прессе и хранящиеся в архивах сообщения краеведов, а также данные устной народной топографической традиции, собранные этнографическими и фольклорными экспедициями. Все эти материалы чрезвычайно важны для уточнения топографии тех или иных исторических объектов, для более точной локализации населенных мест и т. д.

Многие исследуемые объекты, особенно находящиеся в сельской местности, часто меняют свое название и значение для культурно-хозяйственной деятельности. В результате подчас только сведения, зафиксированные в случайных текстах, позволяют точно локализовать исторические реалии в пространстве. Лучшим примером здесь может служить так называемая Осударева дорога — проложенная в короткий срок в 1702 г. трасса, по которой несколько гвардейских батальонов во главе с Петром I проследовали из Архангельска к Ладожскому озеру. После этого дорога была заброшена, но *именно благодаря местным*

преданиям, запечатлевшимся в небольших, часто случайных текстах, она была выявлена и изучена историками.

2.5. Атласы, планы и экономические примечания Генерального межевания.

Эти данные являются эпохой как в истории русского межевого дела и картографии, так и в истории сельского расселения вообще. Планы Генерального межевания составлялись с целью покрыть ими всю территорию империи, не оставив ни одного участка неучтенной земли, в течение второй половины XVIII—первой половины XIX вв. Они по сути дела являются первым в истории страны крупномасштабным картографическим проектом. Более того. В этих документах досконально учитывался как прежний опыт межевания и локального картографирования, так и его методы: опрос старожилов для выявления точных границ угодий. В материалах экономических примечаний достаточно полно отразилась топонимика. Но важнее другое: фактически для рубежа XVIII—XIX вв. мы имеем полный список названий пустошей для большей части европейской территории России с их точной привязкой к местности. Сами же по себе пустоши являются определенной стадией развития поселений. При сопоставлении списка названий пустошей с перечнями селений XVI—XVII вв. наблюдается поразительное совпадение.

2.6. Карты XVII—XVIII вв.

Эти карты несут в себе информацию о статусе селений, часто именно они позволяют точно установить их местоположение (если по какой-то причине селение исчезает до проведения на данной территории Генерального межевания). Как правило, эти карты сообщают также информацию о дорогах, как проселочных, так и магистральных, о границах, древней гидрографии. Специфика этих источников заключается в малой точности (до конца XVIII в.) и, как правило, мелком масштабе.

3. Применение исторической географии в исторических исследованиях

В качестве примера наиболее разработанной в историко-географическом отношении территории следует привести Новгородскую землю. Можно говорить о том, что представители нескольких поколений исследователей обратили на эту территорию особое внимание, благодаря чему мы имеем на настоящий момент несколько блестящих историко-географических реконструкций.

К. А. Неволин — представитель так называемой историко-юридической школы, обращавший особое внимание на реконструкцию системообразующих факторов пространства. Именно благодаря его разы-

сканиям была подвергнута основательному изучению система новгородских погостов-округов. Проблема заключается в том, что на территории Новгородской земли погосты впервые упоминаются под 945 г., во время похода княгини Ольги, а после длительного перерыва, с рубежа XV—XVI вв., являются основой территориального деления Новгородской земли. Именно на это и обратил внимание К. А. Неволин, впервые картографировавший эту систему. Составленная Неволиным карта продолжает оставаться актуальной до сего дня, а методы его реконструкций глубоко фундированы, но, с другой стороны, они являлись новаторскими для своего времени: ученый умело оперировал данными смежных дисциплин: этнологии (на тот момент — материалы народной этимологии пространства), топонимики. Еще в 1853 г. К. А. Неволин указал на необходимость привлечения для локализации сельских поселений материалов Генерального межевания, но только в конце XIX в. Е. Н. Щепкина и Н. Е. Бранденбург использовали эти данные в своих реконструкциях. Новый этап в развитии методики локализаций сельских поселений связан с работой А. М. Андрияшева.

Картографирование селений и границ погостов Шелонской пятины осуществлялось и ранее, однако в работе А. М. Андрияшева, подготовленной к XV Археологическому съезду в Новгороде, были привлечены материалы почти всех переписей Шелонской пятины XV—XVI вв., а также — широко — данные Генерального межевания. Исследователь локализовал практически каждое селение Шелонской пятины, проделав беспрецедентную работу по изучению атласов Генерального межевания по Санкт-Петербургской, Новгородской и Псковской губерниям. Им же впервые были привлечены данные земской статистики конца XIX—начала XX в. В эти годы, когда землеустроительные работы велись очень интенсивно, базовым документом для землеустройства оставались планы Генерального межевания. Таким образом, в делопроизводстве рубежа XIX—XX вв. употреблялись названия селений XVI—XVII вв. При этом в ходе более поздних размежеваний делились крупные дачи; названия новых дач часто также соответствовали названиям селений. Локализация каждого селения, каждой границы аргументировалась А. М. Андрияшевым, а не была «слепой», то есть такой, когда читатель вынужден полагаться лишь на добросовестность автора.

В исторической географии существует проблема преемственности топонимов и, шире, — сельских поселений (*Витов, 1967*). Именно признание этой преемственности позволяет исследователю локализовывать те или иные древние поселения на карте, привязывать их к актуальному ландшафту. И в этом контексте встает проблема идентификации современных и древних топонимов. Чем больше будет здесь привлечено промежуточных источников, доказывающих связь древних и современных топонимов, тем такая локализация будет убедительнее.

К таким выводам пришел М. В. Витов, разработавший в окончательном виде в середине XX в. тот метод историко-географического исследования сельских территорий, который используется нами в настоящей работе. В серии статей и двух монографиях М. В. Витов предложил составлять вместо одной, «генеральной» карты селений некоего региона (как это делали представители школы М. В. Довнар-Запольского и А. М. Андрияшев) серию карт-срезов одной небольшой местности, причем каждая из таких карт базировалась на материалах одной переписи (*Витов, 1956; 1962; Витов, Власова, 1974*). Ученый подверг критике труд А. М. Андрияшева, страдавший, по его мнению, методическими недочетами. М. В. Витов справедливо полагал, что совмещение на одной карте данных разновременных переписей влечет за собой возможность нанесения на одну эту карту одних и тех же селений, изменивших со временем свои названия, дважды, «если тождество их не будет подкреплено достаточно вескими основаниями». Вероятно, таким «веским основанием» является предложенное М. В. Витовым составление таблиц селений, идентификация селений разных хронологических срезов.

М. В. Витов предлагал реконструировать поселенческую систему в ее полном объеме методом ретроспекции, от наиболее позднего источника к наиболее раннему, то есть от карт Генерального межевания к писцовым книгам рубежа XV и XVI вв. Целью Витова, по его собственному определению, было «представить степень населенности, перемещения населения и прочие демографические процессы» (*Витов, 1956*). Такая установка допускает приблизительную локализацию поселений, местоположение которых точно определить не удается (обычная при историко-географических разработках ситуация). Однако задача может заключаться и в точной локализации селений XVI—XVIII вв., и тогда, вероятно, не следует обозначать на карте те селения, местоположение которых установить не удалось.

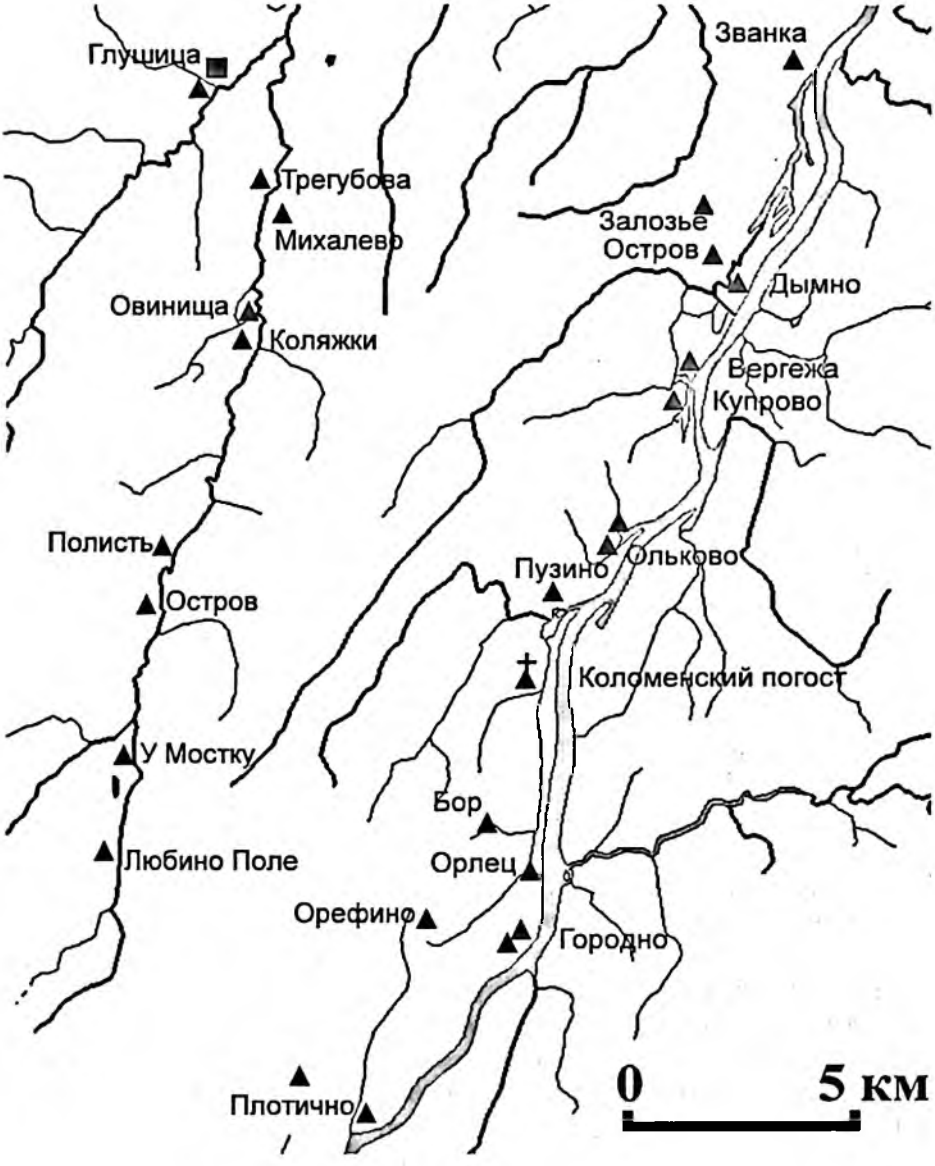
Но и такой подход к картографическому методу все равно приводит нас к необходимости определенных допусков при идентификации селений, упомянутых в разных писцовых и переписных книгах и других источниках. Очертим важнейшие из них.

При существовании в источниках XVI—XVII вв. одного поселения с названием, к примеру, Хотово, а в картографических материалах конца XVIII в. двух селений со сходными названиями Большого и Малого Хотова, мы помещаем селение Хотово XVI—XVII вв. на месте селения Большого Хотова на карте конца XVIII в. Условность такого допуска очевидна, но наличие дополнительных источников для более точной локализации — вещь сравнительно редкая. Подобных же допусков придерживался А. М. Андрияшев. Точно так же при существовании в XVI—XVII вв. двух селений с одинаковым названием, если в одном из них стоит церковь, мы соотнесем селение с церковью с «Большим» или «Старым» селением имярек на карте XVIII в.

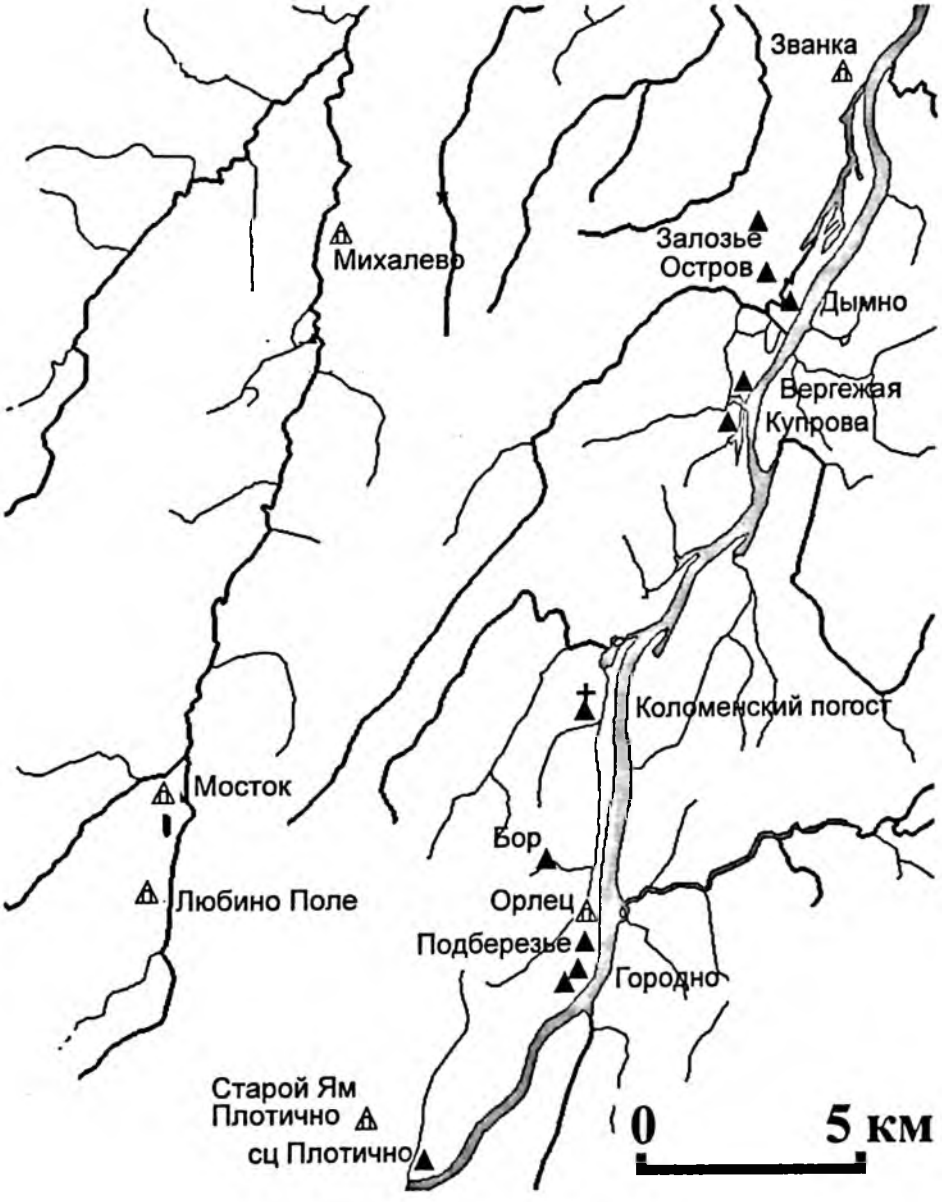
С другой стороны, мы исходим из топографической преемственности поселений XVI—XX вв. и отмечаем деревню XVII—XVIII вв. именно на месте селения XVIII—XX вв., опираясь на тождество или подобие названий. В то же время само поселение не обязательно должно находиться на том же самом месте. Названия деревни относятся не только к самой застройке, но и к комплексу угодий; таким образом, строго говоря, одного названия для локализации поселения бывает мало.

Метод историко-географичекой реконструкции, предлагаемый М. В. Витовым, заключается в создании карт-срезов, отражающих тот или иной аспект развития региона в определенный отрезок времени. Карты составляются для изучения картины расселения и выявления наиболее заселенных и опустевших территорий на разных хронологических отрезках. Основой для создания карт являются таблицы селений. Таблицы селений составляются на основе сравнения списков селений разновременных переписей; каждая такая таблица охватывает один погост или волость. Карты расселения на тех или иных территориях также соответствуют годам переписей. При этом верхним хронологическим рубежом явилось появление планов и атласов генерального межевания — первых сравнительно точных крупномасштабных карт, фиксировавших систему расселения. В Приложении нами помещены карты Коломенского погоста Водской пятины, составленные таким образом на 1500, 1568 и 1646 гг. (карты 1—3).

Составление карт ведется следующим образом. Вначале на топографическую основу наносятся селения, отмеченные на картах и планах Генерального межевания конца XVIII в. Далее с использованием таблиц на эту же топооснову наносятся селения 1748 г. — и так далее, путем ретроспекции, до самого раннего хронологического среза. В качестве вспомогательного картографического материала часто используется Военно-топографическая карта Европейской России, так называемая трёхверстка — масштаб этой карты 3 версты в 1 английском дюйме (примерно 1:126 000). Эта карта впервые была опубликована в 1868 г. и затем периодически публиковалась с исправлениями (последнее известное нам издание относится к 1925 г.), а также карты масштабом 1:200 000, съемки конца 1920—начала 1930-х гг. На этих картах содержится большой материал, существенно дополняющий даже данные Генерального межевания. В ходе Столыпинской реформы и после революции 1917 г., судя по картам съемки 1920—1930-х гг., в стране развивается масштабная внутренняя колонизация. При этом названия многих хуторов совпадали с названиями селений, запустевших в годы Смуты.

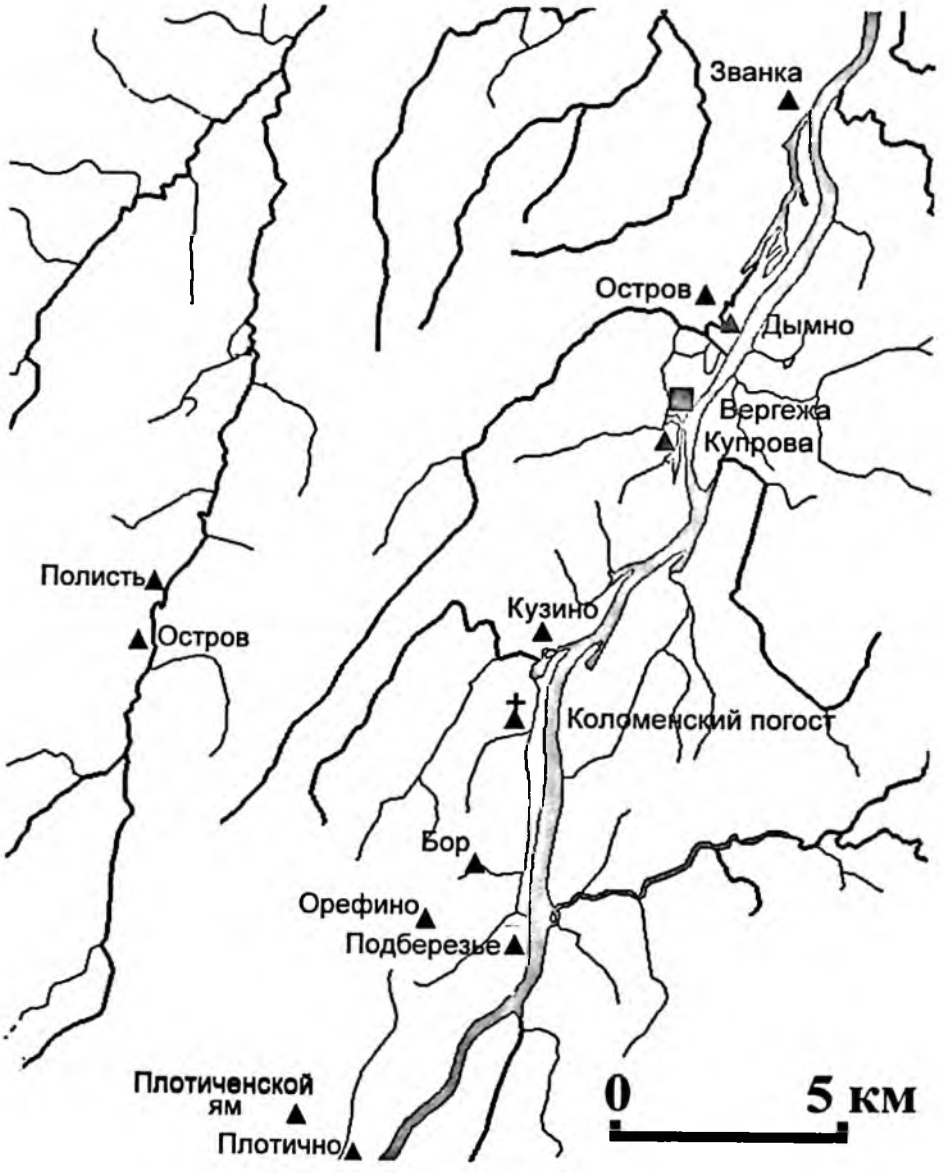


Карта 1. Коломенский погост Водской пятины в 1500 г.

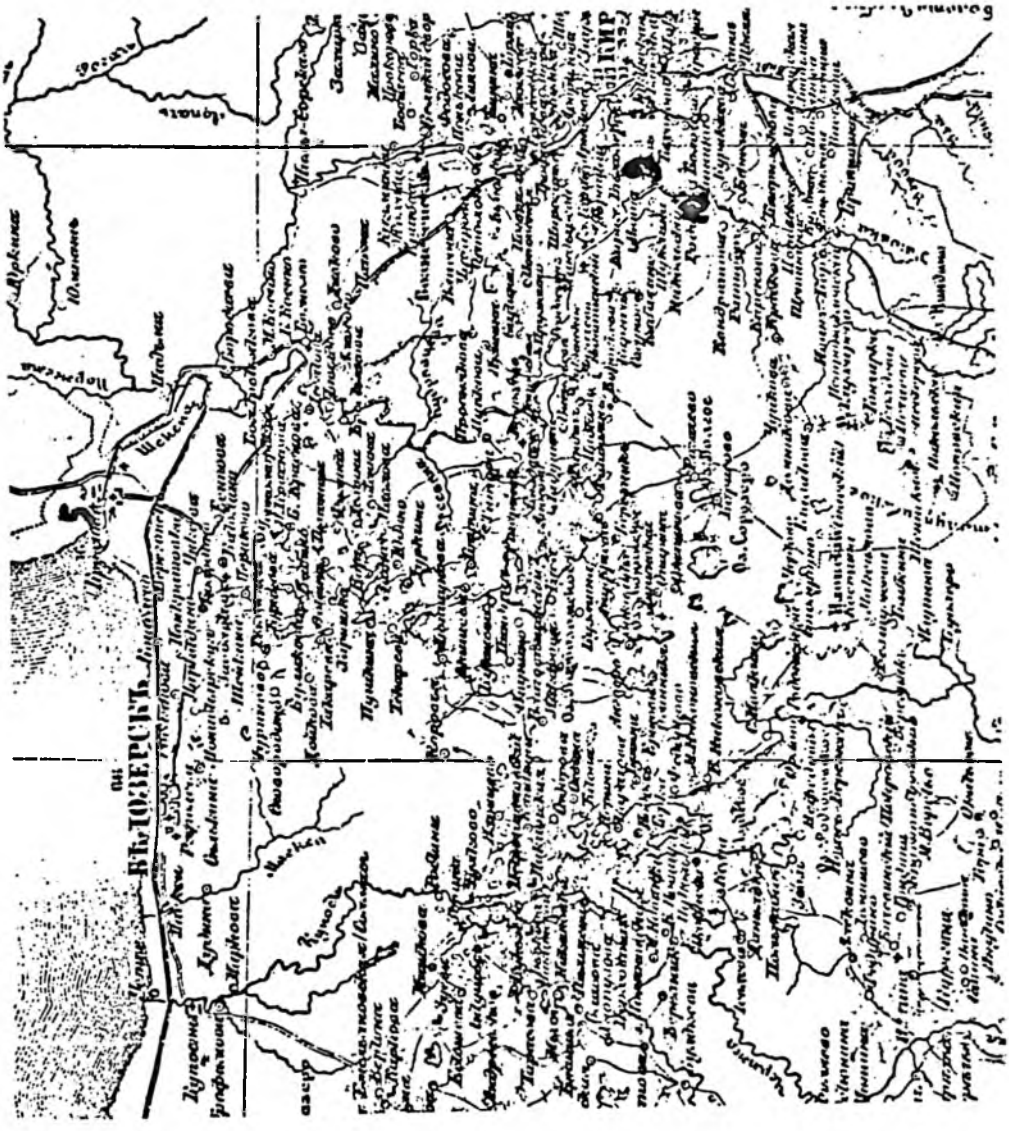


Карта 2. Коломенский погост Водской пятины в 1568 г.

⚠ — пустые деревни



Карта 3. Коломенский погост Водской пятины в 1646 г.



Карта 4. Карта Белозерского и Кирилловского уездов Новгородской губернии. 1868. Фрагмент

МЕТРОЛОГИЯ

Введение

Метрология[1] (от греческих слов μέτρον — мера и λόγος — слово, учение, знание) как специальная историческая дисциплина изучает эволюцию единиц измерения и историю сложения систем измерения: длины (протяжения), поверхности, тяжести (веса), объема, единиц поземельного налогообложения. Исторические источники, содержащие сведения о русских мерах XI—XX вв., можно подразделить на несколько основных групп: 1) летописи; 2) законодательные памятники (Русская Правда, правительственные указы и законы), уставы; 3) описания путешествий и сочинения иностранцев о Руси; 4) руководства (трактаты) о мерах, межевые инструкции; 5) акты; 6) приходо-расходные книги и другая учетная документация приказов и монастырей; 7) писцовые книги и материалы писцового дела; 8) материалы комиссий (XVIII—XX вв.) по организации поверочного дела и подготовки введения метрической системы.

Метрология как система знаний о мерах сложилась в глубокой древности. В качестве исходных мер длины и веса применяли ширину и вес зерна, как правило, ячменя или пшеницы. У арабов в VIII—IX вв. ячменное зерно приравнивалось к 6 верблюжьим волосам. Английский король Эдуард I (1272—1307 гг.) законодательно определил величину дюйма — «три сухих круглых ячменных зерна» (*Шостьин, 1975.* С. 10).

Официальные меры создавались на основе народных мер. Поэтому название меры часто совпадает с названием действий или момента в трудовом процессе (перестрел, вержение камня, гон, верста и др.). На Руси, как и в других средневековых государствах, меры первоначально были связаны с человеком, с частями его тела (локоть, ладонь, палец, пядь, стопа, шаг). Большие расстояния измерялись днями пути — пешими и конными. Мерой объема и тяжести служили количества, ко-

[1] В задачу метрологии как технической науки о точных измерениях входит создание и контроль за единицами измерения — образцами-эталонами.

торые человек мог захватить или унести своими руками (горсть, ноша, охапка). Эти «антропологические» меры не содержали точного определения размеров и количества.

До XVI в. на Руси специальные руководства по исчислению и применению тех или иных мер не составлялись. Одним из первых таких «пособий» была «Торговая книга», предназначенная для молодых людей, решивших заниматься торговлей. Первый раздел «Торговой книги» содержит «Статью о мерах». Здесь были не только перечислены меры, бытовавшие на Руси в то время, но и даны их соотношения друг с другом.

В XVII в. создается руководство для проведения писцовых описаний[2] — «Книга сошного письма» (см. *Книга сошного письма, 1853.* С. 55—65). Подобным же руководством для измерения земли является «Роспись полевой меры», изданная по тексту 1709 г. (*Роспись полевой меры, 1853.* С. 66—90). Однако «Роспись» была известна уже в середине XVII в. Например, один из ее списков входит в состав сборника келаря Кирилло-Белозерского монастыря Матфея Никифорова (Архив СПбИИ. Кол. 11. Д. 249). Многочисленные метрологические сведения обобщены в «Арифметике» Л. Ф. Магницкого, изданной в 1703 г. В ней содержится целый трактат о мерах древних народов — иудеев, греков, римлян, а также приведены сведения о русских мерах. В XVIII в. был составлен «Выбор из законов о мерах и весах» (РГАДА. Ф. 19. Д. 358). Первый раздел этой записки начинается словами из Третьей книги Моисеевой (гл. 19, стих 35): «Не сотворите неправды в суде, в мерах и весах» (цитата по рукописи). В записке упоминается писцовый наказ 1620-х гг. об измерениях земель и «всяких угодий в десятины», подробно рассмотрены статьи Соборного уложения 1649 г. о земельных измерениях.

В конце XIX—начале XX в. создавались руководства, где представлен большой метрологический материал. Например, трехтомная «Настольная книга для русских сельских хозяев», изданная в 1875—1880 гг. В первой половине XIX в. появляются научные исследования в области метрологии. В 1820-е гг. выходят в свет работы акад. А. И. Ламберти, посвященные происхождению и современному состоянию мер длины и веса. В 1840-е гг. П. Г. Бутков опубликовал статью о «старых» линейных и путевых мерах. В 1844 г. Ф. И. Петрушевский выпустил курс лекций по метрологии. Трудами Д. И. Прозоровского, В. О. Ключевского, А. И. Никитского, И. И. Кауфмана во второй половине XIX в. метрология складывается как вспомогательная историческая дисциплина.

---

[2] О писцовых книгах подробно см. на с. 462 настоящего пособия и Материалы и задания к разделам «Метрология» и «Историческая география», док. 1, 2, 6.

Историография последних 80 лет в области метрологических изысканий шла по нескольким направлениям. Обобщающие работы в значительной степени базировались на уже известных в науке исторических материалах и наблюдениях и были представлены учебниками по метрологии для студентов исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. Это — прежде всего работа Л. В. Черепнина «Русская метрология», вышедшая в 1944 г. Помимо русских мер в пособие включены польско-литовская метрология, а также метрологические данные источников по истории Украины и Белоруссии XVI—XVII вв. Отдельные параграфы содержат примеры из писцовых и приходо-расходных книг и раскрывают методику изучения источников.

В 1975 г. вторым изданием вышло учебное пособие по русской метрологии Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюгова, где авторы максимально интегрировали выводы и наблюдения исследователей по метрологии XI—XX вв. Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов вслед за Л. В. Черепниным в русле метрологии рассматривают историю денежного счета, начиная с Киевской Руси.

Раздел по метрологии включили авторы учебного пособия по вспомогательным историческим дисциплинам — московские историки В. Б. Кобрин, Г. А. Леонтьева и П. А. Шорин (М., 1984). В разделе дан общий взгляд на развитие русских мер длины, площади, веса и объема.

В 1991 г. в Архангельске вышло второе издание справочного пособия по метрологии России и Русского Севера, составленное А. А. Куратовым. В нем метрические единицы и их соотношения представлены в виде детерминированных систем и таблиц. К сожалению, приведенные данные не обоснованы фактическим материалом и их использование требует проверки. В приложении А. А. Куратов привел сведения о мерах веса, объеме и денежном счете в руссенорске (смешанном языке, возникшем на основе языкового контакта поморов и норвежцев, торговавших между собой в морях Северной Европы).

Второе направление в историографии включило изучении истории и эволюции отдельных мер. Среди этих работ 1930—1960-х гг. назовем статьи Б. А. Рыбакова о мерах длины XI—XV вв., В. И. Шункова о мерах сыпучих тел в Сибири XVII в., З. А. Огризко о единицах измерения земельных площадей в XVII в. и др. Во второй половине 1960—1980-х гг. участники ленинградской аграрной группы по изучению новгородских писцовых книг конца XV—XVI вв. и написанию многотомной аграрной истории Северо-Запада России подготовили серию статей о мерах и единицах обложения (обже, сохе, выти) (*Абрамович, 1963; Дмитриева, 1985; Шабанова, 1987; Чернякова, 1989*). После выхода в свет четвертого тома «Аграрной истории» (1989 г.) ее авторы З. А. Тимошенкова и Ю. С. Васильев на материалах монастырей попытались показать специфику местных мер объема и площади и их

эволюцию на протяжении XVII—первой половины XVIII в. (*Тимошенкова, 1999; Васильев, 1992*).

Особое место в историографии русской метрологии занимают работы лингвистов. Среди этих работ назовем книгу Г. Я. Романовой, посвященную наименованию мер длины в русском языке (вышла в 1975 г.). Автор дает историко-этимологический анализ 205 однословных и составных метрологических наименований (верста, поприще, стадий, сажень, шаг, локоть, аршин, стопа, фут, пядь, четверть, вершок, палец, дюйм, перст и др.) В книге раскрыта специфика народных мер по сравнению с мерами официальными.

До настоящего времени единственным фундаментальным исследованием по метрологии является книга Н. А. Шостьина «Очерки русской метрологии», вышедшая в издательстве стандартов в 1975 г. и перепечатанная в 1991 г. Автор рассматривает метрологию как «науку об измерениях, обеспечении их единства, методах и средствах достижения требуемой точности» (*Шостьин, 1975.* С. 8). В книге, наряду с традиционно исследуемыми мерами длины, площади, объема, массы (веса), показана эволюция таких мер, как меры и единицы времени, угловые, механические, тепловые и электрические единицы. Особое место Н. А. Шостьин уделяет надзору за мерами и весами и обеспечению единства измерений, начиная с Киевской Руси. В книге показано возникновение и развитие метрологической службы. В Приложении даны сводная таблица единиц длины, площади и веса с XI до XIX в. и перечень русских мер, включая единицы объема жидкостей XIX—начала XX в.

О значении метрологических изысканий В. О. Ключевский писал, что известия источников, содержащие единицы измерения, представляют собой «историографические загадки, шифрованное письмо, ключ к которому потерян», и «пока не будет найден этот ключ, значительный запас таких известий... останется заманчивым, но недоступным, т. е. бесполезным для науки материалом» (*Ключевский, 1990.* С. 59). Поиском этого ключа и занимается метрология. Как вспомогательная историческая дисциплина она является необходимой составной частью внутренней критики исторических источников. Без нее невозможно корректное использование документов, содержащих цифровые показатели и отражающих разные аспекты экономической истории России (платежи крестьян, эволюция натуральных и денежных оброков на протяжении столетий, налоги, особенности налогообложения в конкретно-исторический период, формирование местных и всероссийского рынка и другие вопросы).

Использование материалов писцовых, приходных, расходных, таможенных книг и другой учетно-финансовой документации невозможно без изучения единиц объема, веса и налогообложения. Неслучайно авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» под руководством

А. Л. Шапиро начали свой многотомный труд с характеристики терминологии и метрологии писцовых книг конца XV—начала XVI в. (*Аграрная история, 1971*. С. 20—32).

Недостаточное внимание историков к метрологии приводит к ошибочной оценке информации исторических источников или к непониманию явлений, в них отраженных. Так, недавно один из историков, характеризуя в своей статье экономическое положение родовых и купленных вотчин светских землевладельцев в первой трети XVII в. на основе материалов писцовых книг 1620—1630-х гг. сравнил размеры земельных угодий, выраженные пространственными четвертями (= 0,5 десятины), с «живущими четвертями», не имевшими отношения к реальной пашне и определявшимися числом крестьянских и бобыльских дворов.

Настоящее пособие ни в коей мере не претендует на раскрытие значений всех мер и единиц измерения, встречающихся в источниках. Оно может быть рассмотрено как первый шаг в изучении метрологии — специальной исторической дисциплины. Более того, к материалам, приведенным в данном пособии и в известных очерках и учебниках по метрологии (Л. В. Черепнина, Н. В. Устюгова, Е. И. Каменцевой и др.), следует относиться критически, дополняя и сопоставляя их сведения с наблюдениями других исследователей. Обращая внимание на это обстоятельство, А. Л. Шапиро писал, «что многие метрологические проблемы... являются спорными, малоизученными и сложными», и историку «часто приходится предпринимать специальные исследования для ответа на метрологические вопросы, возникающие при изучении источников».[3]

1. МЕРЫ ДЛИНЫ

Игумен Даниил в «Хождении» в Святую землю[4] называет следующие меры длины — **пядь, локоть, сажень, версту, поприще**. Истинное значение этих мер до сих пор остается спорным, ибо вплоть до XVI в. эти термины употреблялись без какого-либо определения. В основе их расчетов лежит представление о системе мер, которую составляли измерения частей человеческого тела. Эта система была широко

---

[3] *Шапиро А. Л.* Библиография истории СССР. М., 1968. С. 201.

[4] «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли» — памятник начала XII в. Свое путешествие Даниил начинает и оканчивает в Константинополе. По пути из Константинополя до Яффы в Палестине посещает острова и приморские города, отмечая расстояния между ними и их основные достопримечательности (Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб., 1977. С. 26—117; 584—599).

распространена в государствах древнего Востока и средневековых обществах Западной Европы, в том числе и в Древней Руси.

Самой малой древнерусской единицей измерения длины была пядь. Слово «пядь» обозначает кисть руки и произошло от корня «пять». В практике употреблялись пяди нескольких размеров. Малая пядь, равная 19 см, соответствовала расстоянию от конца вытянутого большого пальца до конца вытянутого указательного пальца (см. рис. 1). Великая пядь, 22—23 см, соответствовала расстоянию от конца большого пальца до конца вытянутого мизинца. В Древней Руси употребляли еще одну пядь — «пядь с кувырком». Она была равна малой пяди плюс два или три сустава указательного пальца. В первом случае получалась пядь в 27 см, во втором — в 31 см. Как официальная мера пядь существует с XVI в. Впоследствии в метрологии она уступила место четверти, но продолжала употребляться в быту вплоть до XX в.

Локоть был равен расстоянию от локтевого сустава до конца вытянутого среднего пальца. Его размер колебался от 38 до 54 см. По мнению большинства историков, размер «среднего» локтя был равен приблизительно 46—47 см. Локоть применялся в розничной торговле холстом, полотном, сукном и прочими тканями. На рубеже XV—XVI вв. он постепенно вытесняется более крупной единицей — аршином. О длительном бытовании пяди и локтя как мер длины свидетельствуют современные наименования икон: «пядница», «локотница».

Сажень. Название «сажень» восходит к слову «шаг» («сяг») или к глагольному корню славянских языков: сед — протянуть руку вперед, дотянуться до чего-либо. Сажень аналогично пяди и локтю имела несколько значений. Малая сажень, равная 152 см, соответствовала расстоянию между размахом вытянутых рук человека от большого пальца одной руки до большого пальца другой. Мерная, или маховая, сажень (176 см) определялась размахом рук человека от конца пальцев и до конца пальцев. Косая сажень (216 см) соответствовала расстоянию от пальцев ноги до конца пальцев вытянутой вверх руки и равна диагонали квадрата со стороной 152 см. Наиболее крупной из всех была косая (великая) сажень, равная 248 см. Известны также сажени других размеров. Г. Я. Романова на основе лингвистического анализа мер длины насчитала более 30 наименований саженей, бытовавших в разных районах Руси с XI по XVII в. (*Романова, 1975*). Несмотря на разнообразие древнерусские единицы длины находились в определенном соотношении друг с другом (см. рис. 1). Согласно расчетам Б. А. Рыбакова, сажень состояла из 8 пядей и 4 локтей (*Рыбаков, 1949*. С. 69—71).

Сажени разной величины применялись не только в быту, но и при строительстве крепостей и храмов. Анализ древнерусских построек показал, что их размеры являются кратными некоторым величинам. Б. А. Рыбаков высказал гипотезу о возможном установлении русскими строителями простых геометрических соотношений между мерами

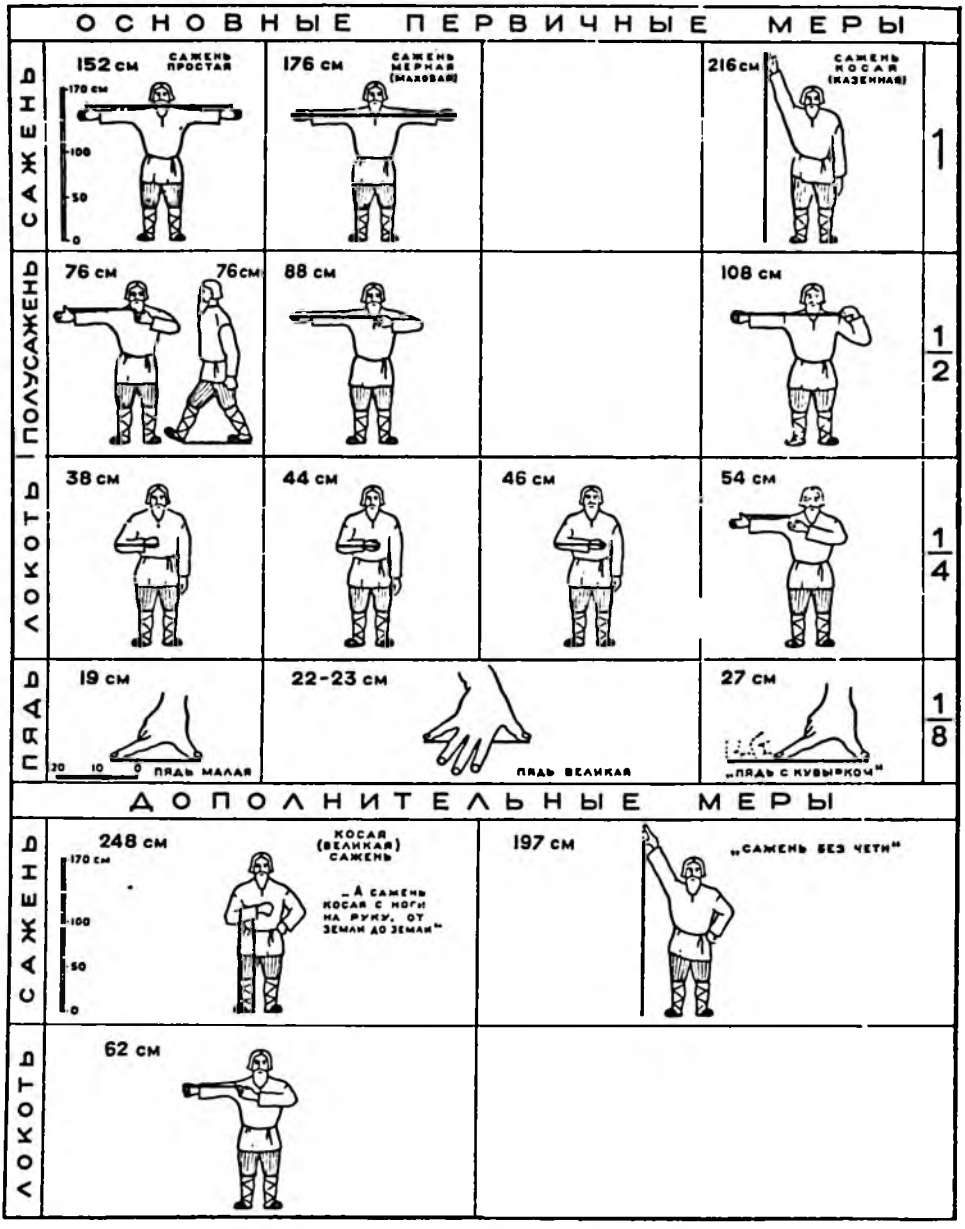


Рис. 1. Русские народные меры (по Б. А. Рыбакову)

длины, что обеспечивало удобство и легкость линейных измерений. Эта идея была выражена автором в форме геометрических построений, представлявших собой систему «мерных квадратов» и вписанных в них концентрических кругов.[5] На рис. 2 представлен квадрат, сторона которого — прямая сажень в 152 см. Диагональ такого квадрата равна 216 см, то есть косой сажени. Может быть, поэтому она и была названа косой? Если вписать в квадрат круг, а в него еще квадрат, то сторона его будет равна 108 см, а все последующие вписанные квадраты дадут размеры локтя, пяди и стопы. На. рис. 3 представлен квадрат со стороной в 176 см (мерная, маховая сажень). Его диагональ равна 248 см, то есть величине великой, косой сажени. Вписанные квадраты дают «смоленский» локоть в 62 см и локоть в 44 см. Сажень в 186 см представляла собой также отрезок диагонали (см. рис. 1).

Самой крупной единицей измерения длины была верста (поприще). Происхождение термина «верста» связывают с глаголом «верстать», который обозначал, по мнению В. И. Даля, Д. И. Прозоровского, С. Б. Веселовского, распределять, уровнять. Поприще этимологически связывают с глаголом «переть», «идти». В летописях «верста» и «поприще» употреблялись синонимично. Так, например, Ипатьевская летопись под 1167 г. сообщает о встрече жителями Смоленска князя Ростислава за 300 поприщ от города, а в Воскресенском списке летописи — за 300 верст.[6] Верста содержала в себе 750 саженей. Поскольку сажень имела несколько метрических значений, определить точную длину версты затруднительно. Если исходить из величины простой сажени, равной 152 см, то верста будет равна 1140 см. В ряде исследований версту соотносят с греческим стадием,[7] 7,5 стадия составляли одну версту. Однако стадий, как и сажень, имел несколько значений. В расчетах допускается стадий 185 см (олимпийский стадий). В таком случае древнерусская верста составит 1387,5 м.

Помимо верст, в Древней Руси расстояние указывали такими выражениями, как «вержения камня», «перестрел», «день пути». Отрезок пути, определенный таким образом, не может быть точно установлен.

---

[5] В 1980 г. иную систему, применяемую в древнерусском строительстве, предложил А. А. Пилецкий. Она рассчитана автором на основе разновеликих саженей и вершков по закону числовых рядов Фибоначчи и Ле Корбюзье. Г. Я. Макеев назвал эту систему древнерусским «всемером» (*Пилецкий, 1980*. С. 91, 93). Основные ее положения А. А. Куратов счел возможным включить в учебное пособие по метрологии (*Куратов, 1991*. С. 8—12). Однако предложенная А. А. Пилецким система не получила поддержки в историографии.

[6] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 1843. Т. 2. С. 94; СПб., 1857. Т. 7. С. 79.

[7] Стадий — расстояние, которое проходил человек за время подъема солнца, от первого солнечного луча до появления всего солнечного диска над горизонтом . Выход солнечного диска над горизонтом происходит за 2 минуты. За это время человек может пройти шагом от 160 до 185 м.

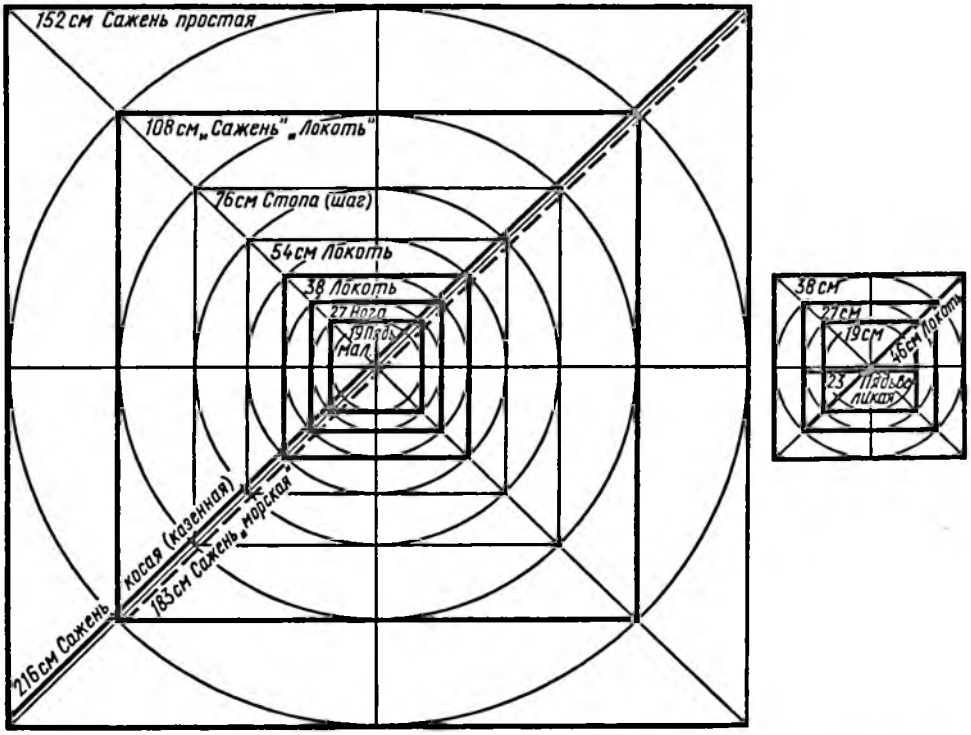


Рис. 2. Геометрическая система русских мер, основанная на прямой сажени в 152 см

«Вержение камня» примерно соответствовало 40—60 м. Для «дня пути» условно применяется расстояние 25 (или 35—40) км, а для «конного пути» — 50—70 км.

В древнерусской переводной литературе для обозначения единиц измерения, связанных с ножными измерениями, использовали термины: **стопа, степень, ступня, нога**. Эти понятия употреблялись в двух метрологических значениях: как мера, соотнесенная с длиной шага и с длиной ступни. В XVII в. первое значение было вытеснено словом шаг, второе — словом «фут», заимствованным из английского языка (*Романова, 1975.* С. 81—86).

В период существования отдельных самостоятельных русских земель и княжеств (XII—XV вв.) меры длины, как и в предшествовавший период, не были единообразными. Основными единицами измерения остаются пядь, локоть, сажень, верста (поприще). В источниках появляются синонимы мелких единиц: пяди — нога, локтя — стопа.

В этот период сложились две системы мер длины — новгородско-псковская и московско-владимирско-черниговская. Первая опиралась на малую пядь в 22—23 см, вторая — на малую пядь в 19 см. В новгородско-псковской системе локоть соответственно был равен 44—46 см, сажень — 174 см, в московско-владимирско-черниговской локти

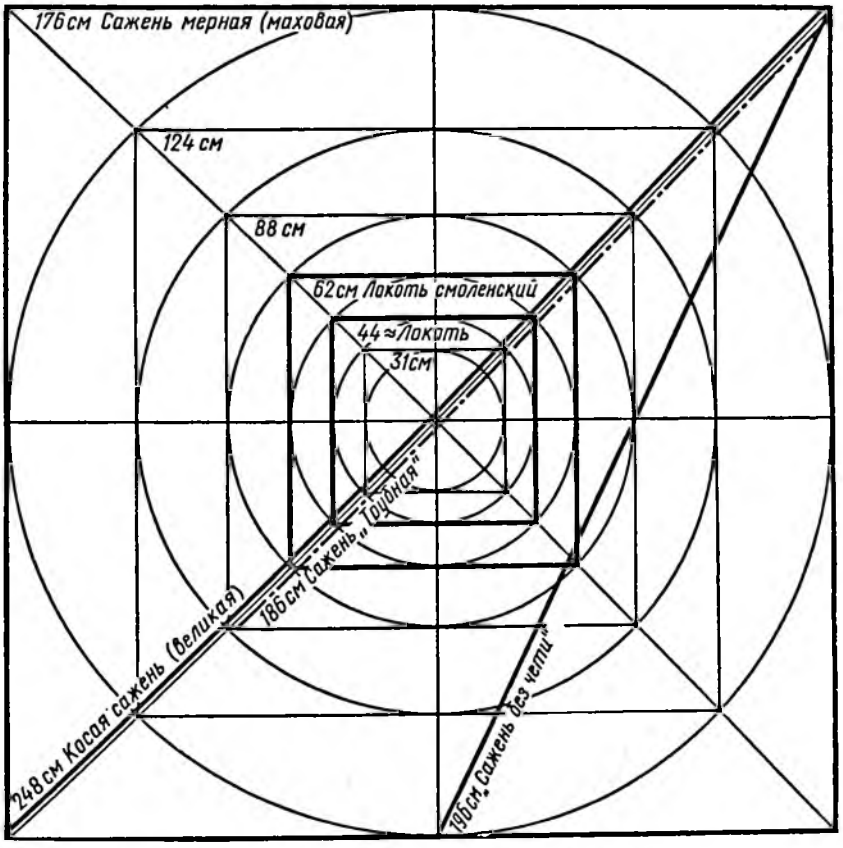


Рис. 3. Геометрическая система русских мер, основанная на маховой сажени в 176 см

и сажени были несколько меньше — 38 см и 152 см. Кроме указанных единиц, употреблялась сажень в 216 см, в основе которой лежала пядь «с кувырком».

Самой крупной единицей длины оставалась верста (поприще), которая включала 700 или 500 саженей. В зависимости от величины сажени длина версты была 1065 м (152 см × 700) или 1080 м (216 см × 500). Верста этого периода приблизительно соответствовала позднейшей версте, равной 1066 м.

В XVI—XVII вв. продолжают употребляться пяди, локти, сажени и версты. С конца XV в. появляется и впоследствии широко бытует новая единица измерения длины — **аршин**. Ее появление было обусловлено включением Русского государства в международную торговлю. В XVI в. аршинами измеряли ткани иноземного производства — восточного и западного, а локтями — полотна, изготовленные в русских городах. К середине XVI в. аршин становится основной мерой длины. Однако локоть еще долгое время бытовал в повседневной жизни, особенно на окраинах государства.

Аршин — мера восточного происхождения. Этимология слова «аршин» спорна, а его метрическое содержание до настоящего времени точно не установлено. В литературе первоначальный размер аршина определяется и в 28 дюймов (71,12 см), и в 27 дюймов (около 68,6 см), и в 27,9 дюйма (70,9 см). Впоследствии аршин в русской системе мер равнялся примерно 72 см и делился на 4 четверти и 16 вершков. По размеру **четверть** почти совпадала с малой пядью — 18 см. «Торговая книга» упоминает **вершок** как $^1/_{16}$ аршина. Наименование происходит от слова «верх» («верх перста», то есть пальца). Вершки делились на половины и четверти.

Появление в системе русских мер аршина повлекло за собой изменение размера сажени. Она стала приравниваться к трем аршинам и составила 216 см. Этот размер был официально закреплен Соборным уложением 1649 г. В источниках XVII в. трехаршинная сажень называлась: «государева», «казенная», «мерная», «печатная» или «аршинная». Наряду с этой саженью продолжали употребляться и другие, причем некоторые из них имели официальный характер, и их эталоны хранились в приказах. Таковыми были простая сажень в 152 см, маховая сажень в 176 см и косая большая сажень в 248 см. При строительстве устройств («труб») для извлечения соляного рассола из подземных соляных ключей употреблялась «трубная сажень» в 189 см и в 198 см. Сажень, равная 216 см, лежала в основе расчетов размера версты. Бытовало две версты — путевая, равная 500 саженям (1,080 км), и межевая, равная 1000 саженям (2,160 км).

Система мер длины, сложившаяся к концу XVII в., представляется в следующем виде:

— Верста межевая = 2 верстам путевым = 1000 саженям = 2,160 км
— Верста путевая = 500 саженям = 1,080 км
Сажень = 3 аршинам = 12 четвертям = 48 вершкам = 216 см
Аршин = 4 четвертям = 16 вершкам = 72 см
Четверть (пядь) = 4 вершкам = 18 см
Вершок = 4,5 см

В XVIII—XIX вв. в целом сохранились меры длины, бытовавшие в XVII в. Из употребления вышла только межевая верста, равная 1000 саженям. Новшеством было составление и дополнение русской системы мер длины единицами измерения, заимствованными из английской метрологии, — футом и дюймом.[8] Сажень приравняли к 7 футам (213,36 см), аршин — к 28 дюймам (71,12 см). Таким образом, сажень сократилась, по сравнению с XVII в., примерно на 1%. Когда появилась новая сажень, в XVIII или XIX в., насколько широко она была

[8] Фут = 12 дюймам = 30,48 см; дюйм = 10 линиям = 2,54 см; линия = 10 точкам = 2,54 мм.

распространена во всех сферах хозяйства страны — эти вопросы до сих пор остаются дискуссионными и до конца не выясненными. Е. И. Каменцева, исследуя «Материалы Комиссии мер и весов» (1736—1742 гг.), пришла к выводу о неизменности размеров сажени в XVIII в., которая, как и ранее, составляла около 216 см (*Каменцева, 1962.* С. 127—132; *Каменцева, Устюгов, 1975.* С. 237—238). Новая сажень, по ее мнению, получила распространение только в XIX в.

Вместе с тем, многочисленные свидетельства о бытовании 7-футовой сажени уже в начале и в середине XVIII в. приводит Н. А. Шостьин, опираясь на руководства по землемерию и навигации и другие издания XVIII в. Эти факты дают основание говорить о широком распространении 7-футовой сажени в XVIII в. Внесенные же Комиссией 1736 г. предложения об официальной трехаршинной сажени, отличной от сажени в 7 футов, возможно, так и не были реализованы на практике (*Шостьин, 1975.* С. 99).

Как единая мера длины сажень, равная 7 футам, была утверждена указом 1855 г. В 1899 г. «Положением о мерах и весах» в качестве основной меры был узаконен аршин, равный 28 английским дюймам (71,12 см). Его длина была выражена не только через английские меры, но и через метрические: 1 аршин = 0,711200 международного метра (*Шостьин, 1975.* С. 171). Международная метрическая система мер была введена декретом 1918 г., а с 1 января 1927 г. считалась окончательно принятой в СССР, и пользование старыми мерами было запрещено. Основу единиц длины составил метр (м). Линейные меры приняли следующий вид: километр (км) = 1000 м, гекто-метр (гм) = 100 м, декаметр (дкм) = 10 м, дециметр (дм) = 0,1 м, сантиметр (см) = 0,01 м, миллиметр (мм) = 0,001 м, микрон (м) = 0,001 мм.

Меры площади

Единицей измерения земли на Руси, как и в других средневековых государствах, служил участок земли, который обрабатывался упряжкой в одну, пару или три лошади[9] (*Шапиро, 1969.* С. 59). Такой участок — окладная единица — именовался плугом, ралом, сохой, обжой. Плуг упоминается в ст. 58 Русской Правды по Карамзинскому списку: «А в селе сеяной ржи на 2 плуга 16 кадей ростовских».[10] Размер ростовской кади неизвестен. По расчетам Л. В. Черепнина, Е. И. Каменцевой и других историков древнерусская кадь была в 2 раза больше московской четверти и высевалась на одной десятине. Следовательно, плуг

[9] В Западной и Центральной Европе единицей измерения служил участок, вспахиваемый упряжкой за день или за полдня (югер, юрнал, морген, морг).

[10] Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 353, 379.

был равен 8 десятинам (*Черепнин, 1944.* С. 27; *Каменцева, Устюгов, 1975.* С. 297). Иные данные приводит А. Л. Шапиро. По его мнению, ростовская кадь была равна новгородской кади, которая равнялась двум коробьям или четырем четвертям. Таким образом, 1 плуг = 8 кадям = 16 коробей = 16 десятин (*Шапиро, 1991.* С. 73).

Новгородская обжа соответствовала хозяйству с одной лошадью («один человек на одной лошади орет»), а соха [11] — трехлошадному хозяйству. При определении размеров площади, соответствовавшей обже и сохе, необходимо учитывать, что они являлись единицами налогообложения и включали не только определенное количество и качество обрабатываемой пашни, но и ряд других факторов, прежде всего способность населения тянуть тягло [12] с определенного участка земли.

Актовые источники XIV в. (купчие, данные, закладные) земельные площади выражают описательно: «пустошь», «пожня», «поженка», «наволок», «село», «деревня» и т. д.[13] Понятия «село» и «деревня» включали не только жилые и хозяйственные постройки, но и угодья, «что к ним потягло, и с луги, и с пожнями, и куда соха ходила, и куда коса ходила, и куда топор ходил»[14]. Измерение земли заменялось традиционно сложившимися межами между поселениями, волостями, землевладельцами. Типично следующее описание одной из межи Белозерья: «...от озера по Волочек до врага, а посреди врага вверх до реки, а снизу до Нестерова огорода по огород до реки».[15]

Начиная с конца XV в., со времени составления писцовых книг, площади определяются количеством высеваемых семян ржи («сеется... коробей ржи», «сеется... четвертей ржи»). **Коробья** ржи включала примерно 7—8 пудов и высевалась на одной десятине, **четверть** (четь) в 4 пуда — на половине десятины. Понятие «четверть» и «четь» употреблялись синонимично. В XVI—XVII вв. четверть становится основной единицей измерения земли наравне с десятиной. При измерении земли ее размеры чаще выражали в четях.

Официальный размер казенной десятины определялся в 2400 квадратных сажен (в длину 80 сажен, поперек 30 сажен). На частновладельческих землях, помимо казенной, мерили десятинами других размеров: 3200 квадратных сажен (80 × 40) и «круглая» десятина с равными сторонами по 55 сажен (3025 квадратных сажен). В переводе на метри-

---

[11] О сохе как единице обложения см. на с. 487—489 настоящего пособия .

[12] Тягло — совокупность платежей в пользу государства и землевладельца .

[13] Измерение площадей при постройках храмов , крепостей, домов производилось линейными мерами.

[14] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (далее — АСЭИ). М., 1958. Т. II. № 57. С. 38.

[15] АСЭИ. Т. II. № 6. С. 17.

ческую систему казенная десятина в XVII в. равнялась 11 197,44 кв. м, или 1 га и 1197,44 кв. м. Если же считать площадь десятины в укороченных саженях (213 см), то ее площадь составляет 10 925 кв. м, или 1 га и 925 кв. м.

Четверть делилась по системе двух и по системе трех. По системе двух она включала 2 осмины, 4 полуосмины и 8 четвериков. На более мелкие части делились осмина и четверик. Самой малой единицей счета по системе двух был малой четверик, составлявший $^1/_{64}$ часть четверти. По системе трех четверть делилась на 3 третника, 6 полтретников, до малого третника, равного $^1/_{24}$ четверти.[16]

Помимо десятин и четвертей на Русском Севере земли мерили в **веревках** (XVI—XVII вв.) и в саженях (XVII в.). Веревка употреблялась в двух значениях, как линейная и как квадратная мера. Ее размеры устанавливаются по веревным книгам. Длина веревки могла быть 60, 64 и 80 сажень и определялась волостью или монастырем в конкретном месте. При этом могли использовать сажени разной величины, от 2,5 до 5 аршин. Веревка земли представляла собой четырехугольник с размером сторон, определенным для вервления. Площадь земли, выраженная в веревках, могла колебаться от 2,04 до 4,73 десятины в зависимости от длины веревки (*Копанев, 1976*. С. 201—203).

Веревками мерили землю в ряде районов Обонежья. По подсчетам А. М. Шабановой веревка земли в Пиркинском погосте Присвирья в 40-е гг. XVII в. составляла 0,3 четверти (400 кв. саженей). При этом пользовались веревкой, длина и ширина которой равнялась 20 саженям. В 80-е гг. XVII в. здесь площадь веревки сократилась до 0,1—0,12 четверти и представляла собой квадратный участок со стороной 12 саженей (*Шабанова, 1987*. С. 139—142).

В Обонежье, помимо веревок, землю в некоторых районах измеряли мерой емкости — **корцом** (ковшом). Так, в Лоянской волости один корец вмещал около пуда ржи (0,95 четверика) и высевался на площади, равной 0,09 четверти (*Шабанова, 1987*. С. 142—144).

Земельные площади на Русском Севере в XVII в. определяли не только квадратными, но и **линейными мерами — саженями**. При измерении участков их размер выражался длиной, ширина всегда оставалась равной 50 саженям, то есть в основе измерений лежал квадрат, равный десятине в 2500 квадратных сажен. Площадь в 100 сажен соответствовала 2 десятинам, «три четверти ста сажен» (75) — 1,5 десяти-

---

[16] Понятия «осмина», «четверть», «третник» восходят к мерам сыпучих тел. Однако следует учитывать, что третник севной составлял одну шестую часть четверти, а третник (треть) земли составлял третью часть четверти или шестую часть десятины . Соотношение севных мер (четверти, осмины и третника) можно проследить по материалам вытных книг Кирилло-Белозерского монастыря 1559 г. (см. Материалы и задания к разделам «Метрология» и «Историческая география», док. 4).

нам, «четверть ста сажен» (25) = 1 четверти, «осмина ста сажен» — 0,5 четверти (*Огризко, 1961*. С. 258—261).

Перечисленными выше земельными мерами измерялась пашня. Сенокосные угодья исчислялись **копнами сена**. При составлении писцовых книг XVI—XVII вв. 10 копен приравнивались к одной десятине. Вес этой копны историками определяется по-разному.[17] Г. В. Абрамович соотносит ее с малой волоковой пятипудовой копной (*Абрамович, 1963*. С. 365). А. Л. Шапиро считает, что писцы имели в виду копну в 10 пудов.[18]

В XVIII—XIX вв. меры поверхности существенно не изменились. Постепенно выходит из употребления четверть и основной единицей измерения земельных площадей становится десятина, делившаяся по системе двух: 2 полдесятины, 4 четверти десятины и 8 осьмых десятины. Основной размер десятины был равен 2400 квадратных сажен (30 × 80). На практике употреблялись сажени других размеров: хозяйственная, равная 3200 квадратным саженям; сотенная (сотельная) десятина, равная 400 квадратным саженям (100 × 400). С начала XVIII в. в системе единиц площади прочно утвердились квадратные метры, квадратные сажени и квадратные аршины. Прежде всего их использовали для измерения городских земельных участков и при застройке городов. Если в XVII в. в городах площади земли, занимавшие дворовые постройки и огороды, выражались исключительно в линейных мерах, то уже при строительстве Петербурга распространение получили квадратные сажень и аршин (*Шостьин, 1975*. С. 130).

После введения метрической системы в СССР основной единицей площади становится квадратный метр, который определяет площадь квадрата со стороной, равной одному метру. Квадратный километр, гектар, и другие меры площади были соотнесены с квадратным метром (*Каменцева, Устюгов, 1975*. С. 293). Это соотношение представлено в следующей таблице:

Название	Отношение к основной единице
квадратный километр (км^2)	1 000 000 м^2
гектар (га)	10 000 м^2
ар (а)	100 м^2
квадратный метр (м^2)	1 м^2
квадратный дециметр (дм^2)	0,01 м^2
квадратный сантиметр (см^2)	0,0001 м^2
квадратный миллиметр (мм^2)	0,000001 м^2

[17] О копне как мере объема см. на с. 497.

[18] *Шапиро А. Л.* Русское крестьянство перед закрепощением (XIV—XVI вв.). Л., 1987. С. 25.

Система древнерусских дробей

До введения Петром I арабской цифири и десятичных дробей часть целой единицы фиксировалась описательно с добавлением слова «пол» (половина).[19] Например, половина коробьи записывали как полкоробьи. Четвертная доля обозначалась словом «четь» («четверть»), третья доля — словом «треть». Не следует путать четь (четверть) как меру площади и единицу объема с четью (четвертью), обозначающей часть целого числа. Четвертая часть целого числа делилась добавлением слова «пол» до $^1/_{64}$ — пол-пол-пол-полчети. По такому же принципу целое число делилось по системе трех: полтрети = $^1/_6$, пол-полтрети = $^1/_{12}$, пол-пол-полтрети = $^1/_{24}$, пол-пол-пол-полтрети = $^1/_{48}$. Выражение дробных чисел происходило также посредством сложения и вычитания. Например, $^5/_{24}$ могли записать как полчети и пол-полтрети или же как четь без пол-пол-полтрети.

Слово «пол» использовалось и для обозначения целого числа с дробями. При этом пополам делилась последняя единица в обозначении числа. Например, пол-2 равнялось 1,5, пол-3 = 2,5, пол-4 = 3,5, пол-12 = 11,5 и т. д. Эти числа могли записываться как буквами славянского алфавита, так и словами (полдве, полтретьи, полчетверти, полдругонатки). При чтении текстов следует различать значение полтрети как шестой доли целого ($^1/_6$) и полтретьи — пол-3, обозначающее 2,5.

Сошное письмо

Понятием «сошное письмо» определяется система взимания государственных налогов, в основе которой лежала единица обложения, получившая название от основного орудия обработки земли — сохи. Посошное обложение формируется на Руси с конца XV в. До введения большой московской сохи в 1550-е гг. обложение осуществлялось на основе разных принципов. Число сох могло определяться и размерами запашки, и числом дворов, и обеспеченностью крестьян рабочим скотом. Новгородцы в 1478 г. на вопрос Ивана III, «что их соха», ответили: «3 обжи соха, а обжа один человек на одной лошади орет; а кто на трех лошадех и сам третей орет, ино то соха».[20] Как видим, новгородская соха соответствовала трехлошадному хозяйству.[21] Строгого равенства между трехобежной сошкой и земельными угодьями по новгородским писцовым книгам 1495—1505 гг. не наблюдается. Разнились

---

[19] Цифирь до XVIII в. обозначалась словами (один, два, три и т. д.) или же буквами славянского алфавита (см. табл. 1 на с. 18—19 в разделе «Русская палеография»).

[20] ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 217.

[21] Впоследствии новгородская соха будет именоваться трехобежной сошкой.

показатели по отдельным владениям и особенно средние показатели по районам. В некоторых погостах Обонежской пятины на соху приходилось менее 4,5 десятины в одном поле, а в Шелонской пятине во многих погостах соха составляла 12 и более десятин (*Аграрная история, 1971.* С. 27—28). Лишь в 1580-е гг. осуществляется уравнение новгородских сошек: в каждой из них числилось по 30 четвертей (15 десятин) в одном поле. Это было следствием введения регламентированной обжи, равной 10 четвертям земли (*Аграрная история, 1974.* С. 13; *Шапиро, 1991.* С. 75—76). На Северо-Востоке во второй половине XV—первой половине XVI в. сохи были значительно больше, чем на новгородских землях. В одну соху могли включать 100 и более дворов. При этом, по выражению А. Л. Шапиро, до первой половины XVI в. они оставались разнокалиберными (*Шапиро, 1991.* С. 82).

В начале 50-х гг. XVI в. государство внесло существенные изменения в систему обложения. Прежде всего была введена новая единица обложения — большая соха. Отныне устанавливался нормированный размер сохи, который определялся количеством и качеством земли, а также зависел от социальной принадлежности землевладельца. Земля по своему качеству разделялась на добрую (то есть плодородную), среднюю («середней») и худую. На поместных и вотчинных землях соха было равна 800 четвертям доброй земли, 1000 — средней и 1200 — худой. Для церковных и монастырских земельных владений была введена соха в 600 четвертей доброй земли, 700 четвертей средней и 800 четвертей худой. Более тяжелое обложение этого типа земель объясняется тем, что их владельцы не несли «государеву службу», как помещики и вотчинники. Самый меньший размер сохи приходится на черносошные земли. Здесь доброй земли полагалось 500, средней — 600, худой — 700 четвертей. Во всех случаях норма сохи исчислялась в одном поле. Введение нормированной большой сохи историки связывают с Уложением о службе 1555—1556 гг., согласно которому со 100 четвертей (50 десятин) в одном поле должен был выставляться конный воин в полном вооружении.

Соха делилась на части по системе двух и трех. В писцовых книгах соответствующие доли сохи обозначались словами «пол», «треть», «четверть» («четь»).[22] Например, пол-полчети и пол-пол-полчети сохи можно выразить так: $^1/_{16} + {}^1/_{32} = {}^3/_{32}$. В сохи или части сохи клались большие площади земли (отдельные поместья, вотчины и земельные владения монастырей). Мелкими единицами обложения, которыми описывались отдельные поселения (села, деревни, пустоши и др.), были выти и обжи. Государева выть в XVI в. была равна 10 четвертям

[22] Дробное обозначение сох см.: Материалы и задания к разделам «Метрология» и «Историческая география», док. 3.

доброй, 12 четвертям середней, 14 четвертям худой земли. Новгородская обжа в 1580-е гг. была приравнена с такой выти (*Аграрная история, 1974.* С. 10—13).

Введение большой московской сохи не исключило существования на местах единиц обложения, отличных от установленных государством. Например, в Кевроло-Мезенском уезде в конце XVI в. были обжи и сошки в соотношении 3:1. На одну сошку в разных волостях приходилось от 10,33 до 15 четвертей пашни. В 1613/14 г. здесь была введена соха, занимавшая промежуточное положение между местной сошкой и большой московской сохой. Искусственные сохи содержали в себе 133,8—134 четвертей обрабатываемой земли. Только в 1620-е гг. в Кеврольско-Мезенском уезде была введена выть, официально утвержденная правительством на всех черносошных землях Поморья и равная 12 четвертям доброй, 14 четвертям средней и 16 четвертям худой земли. Однако сошки продолжали существовать, и крестьяне для межволостных расчетов «создали» единицу обложения, размер которой превышал сошки, но был меньше выти (*Мацук, 1998.* С. 49—51). Таким образом, на одной территории могли единовременно действовать разные единицы обложения.

Население, занимавшееся промыслами, облагалось **луками**. Так, например, крестьяне Лопских погостов и Шуерецкой волости Карелии в 1590 г. платили с луков, а государевы писцы, «дозиравшие» совместно с попами, старостами, целовальниками и выборными крестьянами, должны были «сыскивать» и «писать» «живущие и пустые луки и мельницы, и варницы, и всякие угодья...» (*История Карелии, 1987.* С. 186—233, 234—242).

В 1620—1630 гг. на монастырских и служилых землях была введена новая единица — **живущая четь**, а в Заонежских погостах — **живущая выть**. На черных землях выть согласно «Книге сошного письма 1629» соответствовала 12—14—16 четверти в зависимости от ее качества. Введенная в 1620-е гг. «живущая четь» измерялась не количеством обрабатываемой земли, а числом крестьянских и бобыльских дворов, причем 2 бобыльских приравнивались к одному крестьянскому двору. Введение «живой чети» не отменило старую соху, как и ранее, в нее было положено то или иное число четвертей (от 600 до 1200), но оно уже исчислялось не размерами земли, а количеством дворов (*Веселовский, 1916.* Т. 2. С. 415; *Милюков, 1892.* С. 134, 138; *Козлов, Дмитриева, 2001.* С. 77—78). Согласно указам о введении «живущей чети» были установлены 8 разрядов, определявших число крестьянских и бобыльских дворов на одну четверть в уездах в зависимости от степени их «разоренности». В первом разряде «живущая четверть» состояла из 2 крестьянских и 2 бобыльских дворов, а в восьмом разряде — из 12 крестьянских и 8 бобыльских (*Веселовский, 1916.* Т. 2. С. 489; *Козлов, Дмитриева, 2001.* С. 77). «Живущая четь» не стала единой для всей страны единицей

обложения. На черносошном Севере осталось поземельное налогообложение и выть, равная 12—14 или 16 четвертям земли в зависимости от ее качества.

В писцовых книгах Заонежских погостов 1620-х гг. фигурирует «**живущая выть**». В одну выть было положено 15 дворов «лучших, середних и молотчих» крестьян при норме 12—16 четвертей земли на ту же выть. Бобыли не брались в расчет и платили особый денежный оброк, собираемый со двора. Механизм обложения «живущими вытями» заключался в следующей процедуре. Общее количество дворов в волости делили на 15 и получали число вытей. Далее это число умножали на 12 или 14 или 16 четвертей в зависимости от ее качества (добрая — средняя — худая) и таким образом получали площадь тяглой земли. Если реальной обрабатываемой земли было больше, чем получилось при расчете, то разницу также клали в выти. Эта пашня значилась «за указным числом». Перелоги и пашня, поросшая лесом, была положена в пустые выти из расчета 14 четвертей на выть. Например, в волости 45 дворов, 54 четвертей средней земли: 1) 45 дворов : 15 = 3 выти; 2) 3 выти × 14 четвертей = 42 четверти; 3) 54 четверти – 42 четверти = 12 четвертей; 4) 12 четвертей : 12 четвертей = 1 выть (пашня «за указанным числом»). Таким образом, 3 выти были в тягле, а одна «за указным числом» (*Шапиро, 1987*. С. 114—115).

Как видим, в первой половине XVII в. «живущие чети» и «живущие выти» перестали быть поземельными единицами обложения. Однако в писцовых книгах этого времени далеко не всегда ясно, какие именно четверти и выти лежали в основе сошного письма. В ряде уездов тяглые земли описывались условными четвертями, а господские и пустые — пространственными, равными половине десятины (*Милов, Булгаков, Гарскова, 1986*. С. 111—155; *Шапиро, 1987*. С. 106—110).

В сохи были положены не только крестьянские, но и посадские дворы в зависимости от их состоятельности. Они подразделялись на «лучшие», «середние» и «молотчие». Число дворов в посадской сохе было самое различное. Например, в 1646—1647 гг. старожильцы на посаде г. Сольвычегодска в сошку клали по 30 средних дворов, по 20 «лучших» и по 114 «молотчих» (*Шапиро, 1991*. С. 81).

С сохи взималась определенная сумма, раскладка которой между плательщиками осуществлялась землевладельцами, крестьянской или посадской общинами. Посошное обложение было заменено подворным в 1670-е гг., а в 1723 г. перешли на подушное обложение.

Принципы и единицы государственного обложения не следует механически переносить на систему вотчинного обложения, где выть была наиболее распространенной единицей взимания владельческих повинностей. Вотчинная выть, в отличие от государственной, не была фиксированной единицей, а включала разное количество пашни и крестьянских дворов (*Шапиро, Дмитриева, 1995*). Значительные колебания

в значениях выти наблюдались даже в пределах одной вотчины. Помимо выти, владельческими единицами в XVI—XVII вв. были: осьмак, шестуха, кость, участок, обжа, алтын, деньга, лук, мортка, двор, пуд, корова и т. д. В XVIII в. в вотчинах появляются новые единицы — тягло, венец, пара, душа (*Шапиро, 1962*. С. 207—217).

2. МЕРЫ ОБЪЕМА

Меры сыпучих тел

Древнейшей мерой сыпучих тел на Руси была **кадь**. А. И. Никитский установил, что киевская кадь вмещала 14 московских пудов (229,32 кг) (*Никитский, 1894*. С. 377). Она делилась по системе двух на 2 половника, 4 четверти и 8 осмин. В Русской Правде упоминаются также более мелкие меры: голважня, лукно и уборок. Вместимость голважни и уборка не установлена. Лукно по предположению Д. И. Прозоровского включало 24—25 кг. Это значение является сугубо приблизительным, так как автор строит свои расчеты на ряде спорных допущений (*Каменцева, Устюгов, 1975*. С. 31; *Шостьин, 1975*. С. 30).

Кадь как мера сыпучих тел, равная 14 пудам, бытовала на большей части Русского государства в течение нескольких столетий. Иногда ее называли **бочкой** или **оковом**. Происхождение понятия «оков» связано с тем, что кади (бочки) оковывали металлом, чтобы нельзя было «урезать» размер кади.

Наряду с кадью, в отдельных землях бытовали местные меры сыпучих тел. В Новгороде и новгородских землях хлеб мерили **коробьями**. Коробья вмещала 7—8 пудов ржи и включала 4 четверти и 16 четвериков.[23] В новгородских писцовых книгах упоминаются и такие малые меры сыпучих тел (крупы, муки, хмеля, соли), как сито, сев, ставец, розмер, конюх, сак и др. (*Бассалыго, 1999*. С. 309—310). Их соотношение с коробьей не установлено. В Пскове известна местная мера **зобница**, делившаяся на 2 подзобья и 4 четвертки. Зобница первоначально включала $9^1/_3$, а затем 14 пудов ржи, то есть соответствовала кади. Известны также северодвинский пуз, вмещавший 1,5 пуда ржи или 3 пуда соли; вятская куница, которая соответствовала 3 четвертям, и другие меры (*Шостьин, 1975*. С. 44—45).

Помимо перечисленных выше единиц измерения в быту использовались меры, размеры которых не поддаются установлению, так как они не имели строго фиксированных размеров. К таким единицам измерения, например, относится **горсть** или **пригорша (пригоршня)**, то есть

[23] Л. А. Бассалыго определяет вес новгородской коробьи в 6—7 пудов (*Бассалыго, 1999*. С. 306).

то количество, которое может удержать человек в руках. Горстями измеряли лен. В повседневной жизни мерами измерения были различные виды посуды, употреблявшейся в домашнем обиходе (**блюдо, ставец, чаша, ведро, подойник, ковш, корыто** и т. д.) (*Бассалыго, 1999.* С. 311). В таможенной практике расчеты велись на **лодью, невод, вьюки, мешки, корзины** и проч. Эти единицы сыпучих тел вмещали примерные количества, и для них невозможно подыскать соответствующие математические показатели в современных метрических единицах (*Черепнин, 1944.* С. 44; *Шостьин, 1975.* С. 44—45).

Начиная с XVI в. четверть становится основной мерой сыпучих тел в Русском государстве. В XVII в. оков или кадь выходит из употребления. Четверть делилась на 2 осмины и 8 четвериков. Иногда восьмую долю четверти называли черпоком. В XVI в. казенная четверть как официальная мера включала 4 пуда ржи. В 1550—1560-е гг. в источниках упоминается «мера медяная нова», которая превышала «старую меру» в $1^1/_3$ раза и составляла 6 пудов (*Аграрная история, 1974.* С. 17—18). По мнению Н. В. Устюгова, официально размер казенной четверти был увеличен в 1624 г., а в 1679 г. шестипудовая четверть была заменена восьмипудовой (*Каменцева, Устюгов, 1975.* С. 103—110). На практике хлеб мерили осминами, пол-осминами и четвериками.

Помимо казенной (торговой и таможенной) четверти бытовали еще казенная приимочная и казенная раздаточная (отдаточная) меры. Приимочной мерой измеряли поступавший в казну хлеб (например, стрелецкий). Приимочная мера соответствовала объему торговой четверти. Раздаточной пользовались при выдаче хлебного жалованья служилым людям по прибору. Раздаточная мера была значительно меньше приимочной и составляла 0,75—0,37 ее объема.

На местах (в регионах) в течение XVI и всего XVII в. продолжали существовать свои местные меры сыпучих тел. На Устюге хлеб (зерно и муку) измеряли **мерами**. Устюжская мера была равна половине московской четверти и вмешала в себя 3 пуда ржи или 2,5 пуда ржаной муки. Мерами измеряли хлеб и в других местах. На Холмогорах в 80-е гг. XVII в. мера включала 4,5 пуда. В Старорусском уезде в 1680-е гг. известна мера, равная 1,5 четверика, а в 1697 г. — «государева тройная мера», равная 3 четверикам.[24] На Вятке местная мера сыпучих тел называлась куницей и вдвое превышала московскую четверть. Вятский четверик был равен 6 московским четверикам (*Каменцева, Устюгов, 1975.* С. 118). В Соли Камской и в уезде основной мерой сыпучих тел являлась **сапца**. Этой мерой измеряли хлеб и соль. Сапца соли по весу

---

[24] Использованы данные исследователей: *Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А.* Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960. С. 508. Примеч. 20; *Копанев, 1984.* С. 86; *Тимошенкова, 1999.* С. 228.

равнялась 3 пудам ржи и 6 пудам соли. Как видим, сапца как хлебная мера равна осмине (при четверти в 6 пудов). Во второй половине XVII в. в Пермском крае сапца как мера сыпучих тел заменяется осминой, но продолжает существовать как более крупная, чем пуд, весовая единица (*Каменцева, Устюгов, 1975*. С. 120—123). На Двине бытовал уже упомянутый **пуз**. По своему объему пуз соответствовал московской полуосмине и вмещал в себя 1,5 пуда ржи или 3 пуда соли.

На Двине в XVI—XVII вв., наряду с мерой, бытовали **четверть, четвертка и пуз**. Мера здесь, как и на Устюге, составляла половину местной четверти; четвертка — четверть. По мнению Ю. С. Васильева, вероятно, четвертке соответствовал и пуз. Двинская четверть с середины XVII в. равна 8 пудам (*Васильев, 1992*. С. 192—193). По материалам Кольского острога и Соловецкого монастыря известны кольская таможенная четверть, равная 0,75 вологодской таможенной четверти — 6 пудов, кольская стрелецкая раздаточная четверть — 4 пуда.

На вологодских землях Спасо-Прилуцкого монастыря бытовали такие меры, как четверть, осмина, пуз, четвертка, четверик и шестерик. Четверть включала 2 осмины или 4 пуза. Четверик и шестерик в данном случае, по мнению Ю. С. Васильева, связаны с пузом и, вероятно, являлись его долями. Этот же автор на основе приходо-расходных книг Спасо-Прилуцкого монастыря делает вывод о переходе к 8-пудовой четверти в этом монастыре уже в 1620-е гг. В те же годы в Тотемском усолье Спасо-Прилуцкого монастыря использовали 2 меры: четверть и четверик. Причем четверик здесь был равен половине четверти, то есть осмине. С увеличением в XVII в. четверти в 2 раза четверик сохранил свой объем, и в 8-пудовой четверти считалось 4 четверика, а не 8, как это было в казенной четверти (*Васильев, 1992*. С. 188, 190).

В Пскове и других городах известны четверти, существенно отличавшиеся от казенной торговой четверти (старорусская, боровицкая, валдайская и др.). Московские власти, зная о существовании местных мер, отличных от московских, пересылая казенный хлеб из одного города в другой, вместе с зерном и мукой посылали образец меры.

На землях одного монастыря могли пользоваться четвертями разного объема. Например, собирать хлеб с крестьян в монастырскую оброчную меру, а раздавать им же на посев «в ссудную заемную меру». Далеко не всегда можно установить размеры этих четвертей.

Четвертями, осминами и четвериками мерили зерно и муку. Единицами измерения соли были вышеупомянутые **пуз** и **сапца**. Однако значительно чаще соль мерили рогожами, мехами, пошевнями. Рогожа заключала в себе от 18 до 24 пудов соли, пошев — около 15 пудов, мех — до 7 пудов (*Никитский, 1894*. С. 383—385). В XVII в., по данным таможенных книг и монастырской учетной документации, мех и рогожа как меры измерения соли употреблялись синонимично и вмещали, как правило, от 20 до 35 пудов соли.

Существование на территории Русского государства, наряду с официальными казенными мерами, местных мер, разных по объему, значительно осложняет использование в исторических исследованиях цифровых данных таможенных, приходо-расходных книг и другой учетной документации, фиксировавшей поступление налогов в казну, движение на рынках зерна, муки, соли, сбор оброков и проч. Извлечение цифровых показателей предполагает предварительное установление объемов местных мер и их соотношения с казенной московской четвертью.

К концу XVII в. в целом сложилась система мер сыпучих тел, просуществовавшая до начала XX в. В XVIII в. постепенно выходит из употребления осмина и появляется новая мелкая единица — **гарнец**, составлявшая восьмую часть четверика. Л. Ф. Магницкий среди мер сыпучих тел упоминает ласт, равный 12 четвертям.[25] В XVIII в. в естественнонаучных исследованиях и геометрии применяли систему кубических единиц на основе 7-фунтовой сажени, был введен термин «кубический» («кубичный»). В 1736—1742 гг. Комиссия мер и весов определила точный объем четверика в кубических единицах — 288 кубических вершков (*Шостьин, 1975*. С. 103).

В XIX в. меры объема исчислялись в зависимости от веса вмещаемой ими воды. Указом 1835 г. были установлены следующие меры сыпучих тел: четверть, равная 2 получетвертям, 8 четверикам; 64 гарнцам (*Шостьин, 1975*. С. 175).[26] Четверик был определен как объем перегнанной воды весом 64 фунта при t = $13^1/_3$° Реомюра, то есть при наибольшей плотности (26,208 кг). Следовательно, вес четверти можно определить в 209,664 кг воды. При расчете веса четверти ржи принято считать, что рожь не превышала по весу 63% веса воды в том же объеме (*Каменцева, Устюгов, 1975*. С. 247). Учитывая это, можно получить вес четверти ржи: (209,664 × 63) : 100 = 132,088 кг, или 8,064 пуда.[27]

В начале XX в. указом от 27 июля 1916 г. были узаконены для измерения объемов жидкостей и сыпучих тел литр, декалитр, гектолитр, причем литр определен как объем 1 килограмма химически чистой воды при температуре +4° С. Были также узаконены кубические километр, метр, дециметр, сантиметр, миллиметр. Кубический метр получил наименование «стер», 10 кубических метров — «декастер» (*Шостьин, 1975*. С. 176). В торговой практике и в быту употреблялись прежние меры сыпучих тел, их соотношение следующее:

четверть = 8 четверикам = 2,0991 гкл

четверик = 2 получетверикам = 4 четверкам = 8 гарнцам = 26,239 л

---

[25] См.: *Магницкий Л. Ф.* Арифметика, сиречь наука числительная. М., 1703. С. 36.

[26] Фунт = 409,5 г.

[27] Пуд = 16,38 кг.

получетверик = 2 четверткам = 4 гарнцам = 13,118 л
четверка = 2 гарнцам = 6,559 л
гарнец = 3,280 л

Меры жидких тел

Наиболее распространенной мерой жидкостей на Руси являлось **ведро**. В таком качестве оно упоминается в ст. 7 Русской Правды по Троицкому списку. Д. И. Прозоровский путем сравнения сведений о ведре и лукне в Русской Правде пришел к выводу, что ведро вмещало около 24 фунтов, то есть 9—10 кг воды (*Прозоровский, 1854*. С. 230—268). По мнению Е. И. Каменцевой и других историков, расчеты Д. И. Прозоровского очень приблизительны и правильнее считать, что точный объем древнерусского ведра неизвестен. Для измерения жидкостей также использовали **бочки** и **корчаги**. В летописи упоминается крупная мера для вина и меда — «**провара**» («вара»). По расчетам, основанным на поздних материалах новгородских писцовых книг конца XV—начала XVI в., объем бочки составлял 10 ведер. «Корчагу» Л. В. Черепнин соотносит с греческим «керамионом» и еврейским «батом» и считает, что эти меры равны 1,5—1,75 позднейшего ведра (весом в 30 фунтов, или 12,28 кг). Что собой представляла «провара» («вара»), неизвестно.

В источниках XIII—XV вв. помимо **бочки** и **ведра** упоминаются местные меры измерения жидкостей. В Новгороде система мер жидкостей складывалась на основе деления бочки на **насадки** и **ведра**: бочка = 4 насадкам = 10 ведрам. Псковские бочки делились на **ведра** и **корцы**. Их соотношение не установлено. Вместимость новгородских и псковских мер жидкостей определяется только, исходя из данных XVII в., когда ведро вмещало около 30 фунтов воды. Однако нет уверенности, что это предположение допустимо по отношению к местным мерам значительно более раннего времени.

В XVI—XVII вв. основной мерой жидкости было **ведро**. Оно делилось по системе двух и трех, а также на **кружки** и **чарки**. Точный объем ведра неизвестен, не вполне ясно и его соотношение с кружками и чарками. Источники первой половины XVII в. упоминают «заорленое ведро», вмещавшее 12 кружек. Во второй половине XVII в. казенное ведро содержало 10 кружек, в кружке — 10 чарок. Согласно указу от 11 августа 1652 г., размер чарки увеличен в три раза («чарка в три чарки»).[28] Эта увеличенная чарка называлась ковшом. В XVII в. известно и торговое ведро, равное 8 кружкам. Ведро в источниках на-

[28] ААЭ. Т. 4. № 59.

зывают «восмивершковым» или «полуаршинным». В литературе выводятся несколько различных значений объема ведра, от 21,8 до 48,5 фунта воды. Можно согласиться с мнением Н. А. Шостьина, который наиболее правильными считал результаты экспериментальных исследований «староманерного» ведра, выполненных академиками И. Н. Делилем и Х. Н. Винсгеймом в 1738 г. По их расчетам такое ведро вмещало 30,3 фунта воды (*Шостьин, 1975.* С. 73).

Получившие широкое распространение «питейные меры» — **кружки и чарки (ковши)** — преимущественно использовались в государственной торговле вином, пивом, медом, а также для выдачи на праздники «корма» служилым людям по прибору (драгунам, стрельцам и др.). При продаже других жидких товаров (смолы, дегтя и проч.) применяли ведро или часть ведра (полведра, четверть ведра, полчетверти ведра, треть ведра, полтрети ведра и т. д.).

Начиная с XVIII в. в России, наряду с русскими мерами жидких тел, в торговой практике употреблялись различные иностранные меры: **канна, анкерок, оксофт, галенок (галенка)**. Анкерок, канна и оксофт — меры жидкостей, которыми пользовались преимущественно в скандинавских странах (Финляндии, Швеции и др.). Галенок (галенка) — мера английского происхождения — бытовала в России как мера вина и вмещала приблизительно 4 л.

Наиболее крупной мерой при оптовой продаже вина был **мерник**, равный 40 ведрам, и **десятня** — бочонок емкостью в 10 ведер. Основной мерой жидких тел (уксуса, растительного масла, вина, пива, меда и др.) вплоть до начала XX в. оставалось ведро. Оно делилось по системе двух и трех: $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_8$, $^1/_6$, $^1/_{16}$, $^1/_{32}$. Наиболее распространено было деление на два. Согласно указу 1835 г., ведро делилось на 2 полуведра, 20 кружек (штофов), 20 полукружек. В этом же указе допускалось «осмеричное» разделение, то есть ведро могло включать 8 кружек. Ведро представляло собой объем, вмещавший 30 фунтов перегнанной воды. Кружками продавали спиртные напитки русского происхождения, штофами — привозные спиртные напитки. Штоф соответствовал 2 бутылкам, канна — 2 штофам, галенок — 3 кружкам, анкерок — 3 ведрам, оксофт — 180 штофам (*Каменцева, Устюгов, 1975.* С. 256). В начале XX в. размер ведра был установлен в 12,299 литра и вся система мер объема жидкостей имела следующий вид:

бочка = 40 ведрам = 491,976 л

ведро = 4 четвертям = 12,299 л

четверть = 2,5 штофа (5 бутылок водочных) = 3,075 л

штоф = 2 бутылкам (водочным) =1,23 л

бутылка (водочная) = 5 чаркам = 0,615 л

1 чарка = 2 шкаликам = 0,123 л

1 бутылка (винная) = 1/16 ведра = 0,769 литра = 12,5 шкалика (*Шостьин, 1975.* С. 259—260).

Положением о мерах и весах от 27 июля 1916 г. для измерения объемов жидкостей и сыпучих тел были узаконены литр, декалитр, гектолитр.

Прочие меры объема

Единицами измерения сена и немолоченного хлеба были способы его укладки: **снопы, суслоны, кучи, скирды, копны, возы, одонья, зароды, стога** и др. Этими мерами продавали и поставляли землевладельцу и государству немолоченный хлеб и сено. Их объем можно определить только приблизительно, да и то далеко не всегда.

По расчетам А. И. Копанева, в разных районах Поморья в XVII в. на **суслон** приходилось 10—13 снопов, а «з головами», с теми четырьмя снопами, которыми суслон накрывается, — 20 снопов. Суслон в 20 снопов давал умолот около одного пуда (*Копанев, 1984.* С. 134, 173).

Куча немолоченного хлеба, называвшаяся иногда **копной**, могла состоять из 150, 200, 300, 750, 780, 900 снопов. Из кучи вымолачивали 7,5—12,5 четверти хлеба. Иногда кучи измерялись линейными мерами. Куча могла быть длиной 2 сажени без локтя (2 сажени с локтем), поперек одна сажень, высотой одна сажень (одна сажень с локтем). В качестве мер укладки немолоченного хлеба на севере, помимо суслона и кучи, упоминаются промежки, прясла и кладени. Промежками измерялось также сено, по 2 копны в промежке. Сколько снопов хлеба было в промежке — неизвестно. «**Кладень**» (**кладуха, скирда**) предназначался для ржи, «**прясло**» — для более коротких ячменных снопов, которые укладывались в два ряда (колосом внутрь). Прясло достигало сажени и более высоты и 4 сажени длины. В Вятской губернии ячмень и овес укладывали в **шаромы**, иногда также называвшиеся пряслами. На новгородских землях снопы укладывали в **стога** и **одонья**. В документах Иверского монастыря XVII в. упоминается стог в 900 снопов (в умолоте 6 четвертей хлеба); одонья в 1200 снопов (*Копанев, 1984.* С. 134; *Тимошенкова, 1999.* С. 211).

Мерами сена были **копна, воз, острамок, куча, стог, одонье, зароды, метище**. «Малая волоковая» копна в XVI—XVII вв. по расчетам П. А. Колесникова и Г. В. Абрамовича была пятипудовой. Волоковая копна в вотчине Иверского монастыря весила 4—5 пудов., а в первой трети XVIII в. — 3 пуда. В центральных районах России вес волоковых копен в XVIII в. колебался от 2 до 6 пудов. В Переяславском и Московском уездах встречается мерная копна, равная 6 возам (120 пудов). В вотчине Иверского монастыря известны мерные копна в 9 и 10 возов (около 200 пудов). **Воз**, как принято в литературе, весил 20 пудов сена.

На практике возы были различными и могли включать 7, 15 и 20 пудов сена.[29]

Острамок — небольшой воз сена, возможно, включал 2 копны (*Бассалыго, 1999*. С. 315).

Куча — местное название копны. На Русском Севере куча весила 15 пудов. В Иверском монастыре известны кучи значительно меньших размеров, 4—5 пудов.

Стог в XVI в. на новгородских землях мог включать от 5 до 40 волоковых копен (25—200 пудов), а в XVII в. — от 7 до 25 волоковых копен (35—125 пудов). В первой трети XVIII в. в вотчинах Иверского монастыря ставились стога значительно больших размеров, от 30 до 100 копен (90—500 пудов). В конце XVIII в. в Костромской губернии ставились стога небольшие, от 70 до 100 пудов. Размеры стогов помимо копен измерялись линейными мерами — саженями.

Одонья по материалам новгородских вотчин Иверского монастыря XVII в. составляли в длину 6, 10, 12 саженей, при ширине полторы сажени. Они могли вмешать от 67 до 250 копен сена. В корельских деревнях Валдайской округи известны одонья в 3—4 воза (60—80 пудов сена).

Зароды определялись в саженях и числом копен сена. В конце XVII в. в новгородских пятинах на зарод приходилось 12,5 и 30 копен. Встречались также «зародцы», в которых было немного более 10 копен. В Архангельском крае в XVIII в. зароды составляли в высоту 4,5 аршина, а в ширину — аршин.

Метище как способ укладки сена известен в Новоторжском уезде. В метище входило 15—20 копен сена (75—100 пудов).

В Деревской пятине Новгородчины в XVIII в. известна **скирда**, куда укладывали от 40 до 110 трехпудовых копен (от 140 до 330 пудов сена).

Омет в документах начала XVIII в. — способ укладки соломы, включавший более 10 возов ржаной соломы.

Единицами измерения выделанного льна или конопли были **горсти** и **пятки́**. Один пяток содержал 50 горстей. Горсть — условная мера, определявшаяся количеством льна (конопли), которое можно уместить в горсти одной руки.

Меры веса

В источниках XI—XV вв. упоминаются следующие меры веса: **гривна, берковец, пуд, капь, золотник, почка и пирог**. Понятие «гривна» пер-

---

[29] *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 220; *Тимошенкова, 1999*. С. 201, 205; *Колесников П. А.* Северная деревня XV—первой половине XIX века. Вологда, 1976. С. 147.

воначально было связано с шейным украшением, обручем или ожерельем, сделанным из монет.[30] **Гривна** употреблялась для обозначения как весовой, так и денежной единицы. Она была наиболее распространенной мерой веса в розничной торговле и ремесле. Исследование сохранившихся слитков показало, что южнорусские гривны XI—XIII вв. представляли собой шестиугольные литые бруски серебра весом около 160 г. Вес большей части обследованных слитков колебался от 161 до 164 г, что точно совпадает с нормой $^1/_2$ византийской литры (163,73 г). Северная (новгородская) гривна имела форму бруска и весила около 200 г. Наиболее часто встречались слитки весом 202—204 г.[31] Вес новгородской гривны составлял примерно половину позднего русского фунта (409,512 г).

Берковец — большая мера веса, употреблялась в оптовой торговле, преимущественно для взвешивания воска, который продавали большими кусками, а также меда, поташа и проч. Берковец в XVI—XVII вв. был равен 10 пудам.

Слово «пуд», вероятно, происходит от латинского pondus (вес, тяжесть). **Пуд** в древнерусской метрологии означал не только меру веса, но и весоизмерительное устройство. С XV в. вес пуда равен 16,38 кг.

В договоре Великого Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1269 г., упоминается **капь** как единица веса, равная 4 пудам, или 65,52 кг.[32] Иногда она называлась вощаным пудом, так как в основном употреблялась при торговле воском.

Золотник первоначально означал золотую монету («златник»), вес которого был равен весу византийского солида X—XI вв. (около 4 г). «Златник», получивший название «золотник», становится русской единицей веса, равной 4,266 г.

С конца XV в. известны мелкие меры веса, применяемые для взвешивания благородных металлов и драгоценных камней: **пирог**, равный $^1/_{25}$ части золотника (0,17 г), и **почка**, составлявшая $^1/_4$ часть пирога (0,04 г). «Торговая книга» упоминает только почку, однако пирог бытовал и в XVII в.

В XVI в. основной весовой единицей являлся **пуд** (16,38 кг). Более крупными единицами были **ласт** (72 пуда), **вощаная четверть** (12 пудов), **берковец** (10 пудов). Вощаной четвертью взвешивали воск, берковцем — пеньку. Небольшой вес определяли гривенками. «Торговая книга» XVI в. различает большую гривенку, равную 96 золотникам (409,5 г), малую (скаловую) гривенку в 48 золотников (204,8 г) и по-

---

[30] *Спасский И. Г.* Русская монетная система: Историко-нумизматический очерк. 3-е изд. Л., 1962. С. 58.

[31] *Янин В. Л.* Денежно-весовая система русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956. С. 54, 47.

[32] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 61.

лугривенку малую, равную 24 золотникам (102,4 г). В пуде было 40 больших или 80 малых гривенок. «Торговая книга» называет также такие весовые единицы, как ансырь или фунт, равный 96 золотникам (409,5 г), безмен (2,5 фунта), контарь (2,5 пуда).

В XVII в. большая гривенка постепенно заменяется фунтом. Это предписывает Таможенный устав 1653 г.: «учинити бы вес против фунтов».[33] В XVII в. выходят из употребления крупные меры веса — ласт и вощаная четверть. Их заменяют пудами и фунтами. Взвешивание драгоценных металлов осуществляется в золотниках даже в тех случаях, когда вес серебра (например, оклады и венцы икон) превышал 96 золотников, то есть фунт.

Сложившаяся к началу XVIII в. система мер веса включала: берковец, пуд, фунт, золотник, гран, карат и долю. Основной мерой веса становится фунт, равный по весу 25,019 куб. дюймам чистой воды при температуре +13,5° по Реомюру. Его вес соответствовал 96 золотникам и был равен 409,5 г. Пуд включал 40 фунтов (16,38 кг), берковец — 10 пудов (163,8 кг), золотник (4,267 г) — 6 гран, 20 карат, 96 долей.

Во второй половине XVIII в. в систему русских мер вошел лот — немецкая мера веса, равная 3 золотникам и составлявшая $^1/_{32}$ фунта. Лот как единица веса применялся редко, например для взвешивания цветочных семян и духов.

В XVIII в. входит в употребление система мер аптекарского веса, заимствованная из Нюрнберга. Основной единицей аптекарского веса был аптекарский фунт, в основе которого лежала римская либра, равная 84 золотникам, то есть аптекарский фунт составлял $^7/_8$ торгового фунта. Фунт включал 12 унций, унция — 8 драхм, драхма — 3 скрупула, скрупул — 20 гран, гран — $^1/_{16}$ грамма десятичной метрической системы.

Перечисленные меры веса были законодательно утверждены в 1835 г. и просуществовали до начала XX в.

После введения в СССР метрической системы основной единицей веса стал грамм, что соответствовало весу 1 куб. см воды при температуре 4° С на широте Парижа. За эталон мер веса был принят килограмм. Платино-иридиевая копия международного прототипа килограмма хранится в Институте метрологии в Санкт-Петербурге. Метрическую систему мер веса можно представить в следующей таблице:

Название	Отношение к основной единице	Название	Отношение к основной единице
тонна (т)	1000 кг	грамм (г)	0,001 кг
центнер (ц)	100 кг	дециграмм (дг)	0,0001 кг
килограмм (кг)	1 кг	сантиграмм (сг)	0,00001 кг
декаграмм (дкг)	0,01 кг	миллиграмм (мг)	0,000001 кг

[33] ААЭ. Т. 4. № 64/II. С. 102.

Не все указанные в таблице единицы веса употребляются в быту (декаграмм, дециграмм, сантиграмм).

Торговые мерные единицы

В торговой практике, кроме рассмотренных мер объема и веса, использовался ряд других мерных единиц. **Поштучно** продавали строительный материал (бревна, железо), одежду, предметы обихода, рыбу ценных пород. Рыбу также покупали на вес, в основном сушеную и соленую бочками. Поштучно и на вес велся учет железа и уклада. Единицами счета выступали полуфабрикаты: **крицы, связки, доски, полицы**. Не всегда удается установить их вес. Крица, например, могла весить от 24 до 36 фунтов, полица — от 6 до 7,5 фунта. Поленницей определенных размеров, называвшейся саженью, продавались дрова. Обычно дрова укладывались в поленницу высотой в 0,5 сажени и в длину 2 сажени.

«Торговая книга» XVI в. упоминает счет **дюжинами**: «А чего дюжина, ино 12 в большом и малом счете» (*Торговая книга*. С. 114). Дюжинами продавались зеркала, замки, игральные карты.

В XVII в. широко употреблялся счет **парами**. Существовали специальные термины, обозначавшие понятие «пара», — «**юфть**», «**обувь**», «**коромысло**». **Юфть** хлеба включала 2 четверти, четверть ржи и четверть овса. Юфтями измеряли хлеб при определении общего оклада стрелецкого хлеба и при выдаче хлебного жалованья служилым людям по прибору. Юфтью иногда называлась пара жерновов — верхний и нижний. Понятие «юфть-пара» широко применялось в кожевенном деле — в выделке кожи и в торговле выделанными кожами. Юфтями или парами продавались шапки и рукавицы. Понятие «обувь» употреблялось в значении «пара» при продаже обуви (сапог, поршней и т. д.). «**Коромыслами**» (парами) покупали деревянные ведра.

Меха учитывались **поштучно, сороками** (связками по 40 штук) и **тысячами**. Соболи и куницы считались сорока́ми, белки — тысячами, горностаи — штуками.

Сукна, шелк, бархат и другие ткани иностранного производства продавались **кипами, косяками, половинками**. Эти единицы измерения применялись в практике оптовой торговли тканями. Они не были величинами определенными. Например, половинка сукна была равна 20, 38, 40 и более аршин, а кипа могла составлять немного более 6 половинок. Косяк также представлял собой отрезок ткани разной длины — 80 и более аршин.

Кроме кип и половинок ткани покупались еще и **поставами**. Слово «постав» в русском языке, согласно словарю В. И. Даля, означало ткацкий стан и трубку ткани в том виде, как она снята со стана. Размер постава был равен примерно 20—40 аршинам.

Кипами не только считали ткани, но и продавали хмель. Вес кипы хмеля колебался от 2 до 20 и более пудов.

Понятие «**косяк**» употреблялось в торговле не только тканями, но и варовыми снастями (канатами) и мылом. Вес косяка варовых снастей значительно разнился. Он мог быть 13,5 пуда и 24 пуда. Весовое содержание косяка мыла не установлено.

Бумагу в XVI—XVII вв. покупали **стопами и дестями**. Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов, опираясь на более поздние сведения, предполагают, что стопа была равна 20 дестям, десть — 24 листам (*Каменцева, Устюгов, 1975*. С. 165—168). В. М. Загребин приводит другое содержание дестей и листов в стопе: стопа = 10 дестей, десть = 12 листам.[34]

Весоизмерительные приборы

Уже в XI—XII вв. употребляли различные весы с равноплечим и неравноплечим коромыслом. Для больших грузов применялись обычно неравноплечие весы значительной грузоподъемности, из которых особенное распространение получил **пуд (пудный ремень)**, представлявший собой разновидность **большого безмена**, то есть весов с переменной точкой опоры и неподвижной гирей. **Равноплечие весы (двухчашечные)**, именовавшиеся «**скалвами**», первоначально служили преимущественно для небольших грузов. Диапазон весовых значений взвешиваемых тел в эпоху Киевской Руси был значителен — от малых серебряных и золотых монет до больших кусков воска и металла (*Шостьин, 1975*. С. 34).

В XVI—XVII вв. для взвешивания применяли **терези** (коромысловые равноплечие весы), **контари** (весы с неподвижной точкой опоры и одной подвижной гирей) и **безмены** (весы с подвижной точкой опоры и одной неподвижной гирей). Терези и контари употреблялись для крупного и для мелкого веса. В источниках различаются терези большие и терези малые, контарь большой и контарь малый. Безмен употреблялся для взвешивания небольшого груза при покупке и продаже в розницу. На большом контаре могли взвесить 40 пудов и более. Грузоподъемность малого контаря была 6, 10 и 12 пудов. Малые терези — весы для мелкого веса с гирями в пуд, полпуда, четверть пуда и 5 фунтов (*Каменцева, Устюгов, 1975*. С. 144).

Взвешивание проводилось не только на таможнях в городах при продаже товаров, но и в повседневной жизни. В монастырских документах XVII в. упоминаются весоизмерительные приборы: «контари весовые железные з гирей», железные и деревянные безмены, «контари соляные», «коромысло весовое», а также «вески медные» (гирьки, раз-

[34] Сообщено В. М. Загребиным автору в устной беседе.

новесы). В описи имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. значатся 13 «контарей железных невеликих» (Опись 1601 г. С. 182). Подробнейшим образом весы представлены в описи казны Саввина Сторожевского монастыря 1676 г.: «безмен медной с ременьем; безмен деревянной, гиря зеленой меди с ременьем; безмен деревянной, гиря железная без ременья; терези большие, веретено и цепи железные, по доскам полосы железные; терези середние, веретено и цепи железные, доски без полос; терези ж, веретено железное, веревки воровые, доски с кольцы; терези малые, веретено железное, доски с кольцы, веревки воровые».[35] Здесь же хранилось более 40 гирь разного веса: 3, 2, 1 и 0,5 пуда, 10, 5, 3, 2, 1 и 0,5 гривенки.

Рис. 4. Гиря для безмена XII в. (вес 2450 г)

Пуд и фунт широко использовались при взвешивании до начала XX в. «Российский разновес», описанный в инструкции 1782 г., включал три типа разновесов: пудовый, фунтовый и золотниковый. В состав первого типа входили гири 2, 1, $^1/_2$, $^1/_4$ пуда, 5, 3, 2, 1 фунт («пятерник», «тройник», «двойник», «фунтовик»), в состав вто-рого — гири 1, $^1/_2$, $^1/_4$ фунта, 12, 6, 3, 2, 1 золотник, в состав третьего — гири 1, $^1/_2$, $^1/_4$ золотника, 12, 6, 3, 2, 1 доля. Законами 29 апреля 1797 г. была установлена новая совокупность мер «торгового» разновеса: гири весом 1 пуд, 1 фунт и 1 золотник дополнялись гирями 2 пуда, 27, 9 и 3 фунта и 81, 27, 9 и 3 золотника. К тексту закона была приложена таблица по правильному и быстрому подбору и употреблению гирь (*Шостьин, 1975*. С. 137).

В XVIII в. изменился ассортимент и типы весоизмерительных устройств. Увеличилось использование неравноплечных весов, появились пружинные весы, некоторые специальные типы весов (например, были сконструированы «портовые» весы). Положением о весах и мерах от 4 июня 1842 г. изготовление гирь и весов разрешалось всем заводам и мастерским при наличии у них мер, проверенных в казенных палатах (*Шостьин, 1975*. С. 208). Во второй половине XIX в. расширяется ассортимент весоизмерительных приборов, от химических лабораторных и аптечных до мощных вагонных. В 1902 г. Министерство финансов издало «Правила об устройстве вновь изготовляемых торговых весов». Со второй половины XIX в. официально было разрешено использовать де-

[35] Описи Саввина Старожевского монастыря XVII века / Сост. С. Н. Кистерев, Л. А. Тимошина. М., 1994. С. 123.

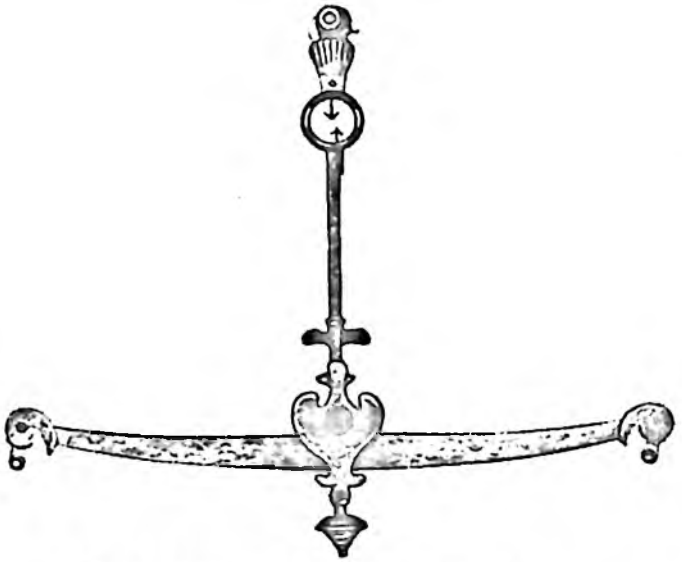


Рис. 5. Коромысло с указателем весов XVII в.

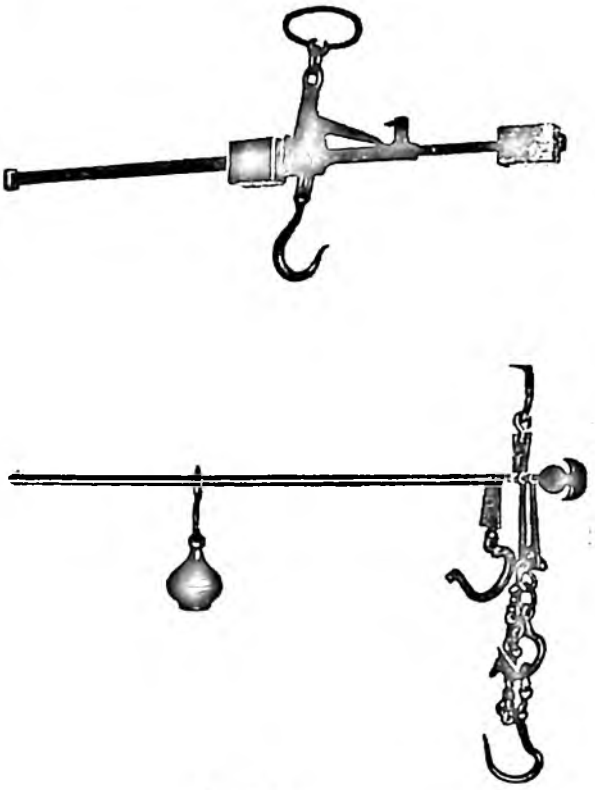


Рис. 6. Безмены

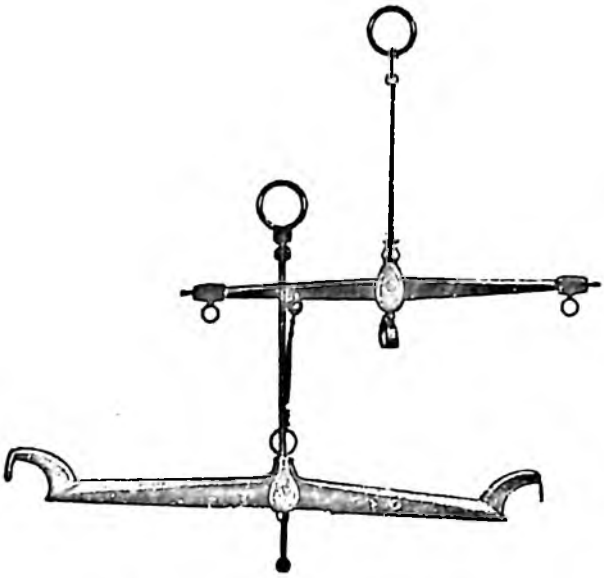


Рис. 7. Коромысла весов XVIII в.

Рис. 8. Русские гири 2 и 3 фунта 1781 г.

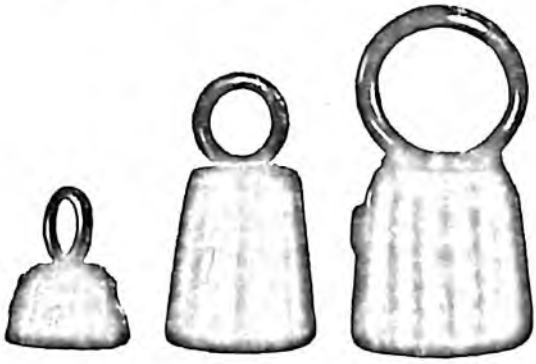


Рис. 9. Гири 10 фунтов, 1 и 2 пуда XVIII в.

сятичные весы, к разрешению были приложены правила устройства весов и клеймения десятичных гирь (Там же. С. 209).

Контроль за соблюдением единообразия мер и весов. Введение метрической системы

Образцовые меры Древней Руси находились в распоряжении князей, а функции контроля были переданы церкви. Сведения о надзоре за мерами и весами содержит «Устав князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных».[36] В нем предписывалось епископам «городскые и торговые всякие мерила» (меры длины), а также «спуды» (меры объема), «извесы» и «ставила» (весоизмерительные устройства) «блюсти бес пакости, ни умалити, ни умножити».[37] Этот текст содержится только в Синодальном списке, находящемся в приложении к Новгородской Синодальной кормчей 1280-х гг.[38] Оленинская редакция Устава, наиболее близкая к архетипному тексту, относящаяся к концу XII—первой половине XIII в., не включает статью о «мерилах», что, возможно, указывает на ее новгородское происхождение.

Эта норма подтверждается в Уставе новгородского князя Всеволода «О церковных судах и о людех и о мерилах торговых». Устав представляет собой компиляцию, основанную на тексте Устава князя Владимира Синодальной редакции с дополнением новгородских материалов. Возникновение Устава Всеволода большинство историков относят к концу XIII в.[39] В нем предписано епископу не только «блюсти без пакости... вся весы, мерила, и скалвы вощаные и пуд медовый и гривенка рублеваа», но и «на всякий год извещивати» их, то есть удостоверять. Уставом предусмотрено введение санкции за нарушение мер веса и объема. Если в Уставе Владимира епископ нес ответственность за правильное использование мер перед Богом «в день суда великого», то в Уставе Всеволода устанавливалась земная кара тому, кто допустит их искажение, — «казнити близко смерти», а имущество конфисковать и передать «треть живота святей Софии» (кафедральной церкви), «треть святому Ивану» (купеческой организации), «а третьая треть сочьским и Новугороду».[40]

---

[36] В основе Устава князя Владимира лежит грамота о выделении десятины церкви Богородицы в 995—996 гг. Грамота была переработана и включена в первоначальный текст Устава в начале XI в., в течение XI—XIII вв. в Устав вносились дополнительные статьи (Российское законодательство X—XX веков: Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. I. С. 138).

[37] Там же. С. 149. Ст. 15; С. 162.

[38] Там же. С. 147.

[39] Там же. С. 249.

[40] Там же. С. 252, 257.

Рис. 10. Русский складной фунт 1887 г.

Рис. 11. Набор образцовых гирь 1838 г.

Рис. 12. Образцовые стеклянные гири

Унификация мер веса, объема, длины, а также контроль за их соблюдением проводились прежде всего в крупных торговых городах. Вопросы надзора за злоупотреблениями при взвешивании и преднамеренном повреждении гирь и весов включали в международные договоры. Удельные князья устанавливали меры и удостоверяли их «печатями» (клеймами). Специальными грамотами предписывалось их использование. Так, белозерский князь Михаил Андреевич в жалованной грамоте (1473—1486 гг.) Череповскому Воскресенскому монастырю указывал, что «иным мерам в городе (Белоозере. — *Авт.*) не быти, опричь моее меры печатные...».[41] Наличие официальных торговых мер не исключало использование на местах своих мер, прежде всего мер объема.

Мероприятия по введению единых мер главным образом распространялись на города. В повседневную жизнь деревни государство не вмешивалось. В середине XVI в. в условиях социально-экономических преобразований правительство Ивана IV пытается провести унификацию мер объема. Сохранилась грамота на Двину от 21 декабря 1550 г. о новых печатных мерах (осминах). Грамота адресована местным выборным лицам: двинским старостам, соцким и целовальникам, а также «лутшим людем, и середним, и молодшим земским людем».[42] Вместе с грамотой посылалась «мера медяная новая» (медная осмина). С нее следовало сделать деревянные копии («спуски»), на них «учинити по пятну» и разослать уездным «целовальником и земским людем» и использовать новые меры «в тех местах, где торги». Присланную на Двину медную меру следовало хранить для контроля у выборных людей. Таким образом, в XVI в. меры хранились уже не в церквах, а у выборных светских властей. За пользование старыми мерами взимался штраф (так, по крайней мере, предписывалось правительством).

В 1550-е гг. новую осмину получили не только двиняне. Из текста вышеупомянутой грамоты следует, что Иван IV «таковы есми меры послал во все свои городы ровны».[43] У иностранца немца Генриха Штадена, бывшего на службе в опричном войске, даже сложилось мнение, что «по всей Русской земле... одна вера, один вес, одна мера».[44] Это было, несомненно, преувеличением. Указы о введении единых мер не устраняли использование местных мер объема.

В XVII в. правительство неоднократно пыталось унифицировать метрологические единицы. По словам Е. И. Каменцевой, новые меры

---

[41] ААЭ. Т. 1. № 100. С. 78.

[42] Дополнение к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссией (далее — ДАИ). СПб., 1846. Т. 1. № 45. С. 62.

[43] Там же. С. 63.

[44] *Штаден Г. О.* Москва Ивана Грозного. Записки немца-опричника / Пер. И. И. Полосина. М., 1925. С. 113.

рассылались из Москвы в «поворотные моменты истории русского государства» (*Каменцева, Устюгов, 1975*. С. 78—79). После Смуты во время проведения генерального описания земель и введения нового налогообложения[45] правительство одновременно обратилось к унификации основной меры объема — осмины, служившей для сбора налогов и в торговле хлебом. В 1620-е гг. было принято решение «во всех городех Московскаго государьства учинити меры меденыя, ровно против нынешния московские меры, какова мера ныне на Москве сделана под гребло». Согласно указу, новые «меденыя меры» послали «по всем городам». Продавать и покупать хлеб следовало «в те наши новыя меры, которые будут поделаны и припечатаны таможенным пятном».[46]

Соборное уложение 1649 г. подтвердило существование трехаршинной сажени.[47]

В Таможенном уставе 1653 г. содержалось распоряжение о введении единообразия мер и весов всех видов: «...сажени и аршины сделать везде бы однаки и ровны, да и всякие б весы сделать везде ровны ж, против фунтов, и гири, и безмены, и контари, и терези и всякие вески... А хлебные меры учинить в одно кружало с железными обручьми... А сажени быти мерою трех аршин и мерити тою саженею впредь, как посланы будут писцы, на Москве и в городех и в уездах».[48]

В 1670-е гг. в связи с упорядочением налогообложения и сбором стрелецкого хлеба по переписным книгам 1678 г.[49] правительство Федора Алексеевича разослало на места медный четверик и гребло.[50] С них следовало сделать копии, чтобы «нималым болше и менше не было», и «те деревянные четверики внутри и на дне и по сторонам и по краям заорлить (поставить печати. — *Авт.*) во многих местах, также и гребла заорлить, чтобы прибавить и убавить никому никоторыми делы не мочно...».[51] В то же время было дано распоряжение о пользовании единой мерой жидкости — заорленым ведром. Соблюдение единообразия мер и точности измерения были необходимыми условиями также и для иностранной торговли, которая значительно расширяется во второй половине XVII в.

В XVIII в. экономическое развитие страны и реформы Петра I поставили вопрос не только о внедрении единой системы мер для всей

---

[45] О введении «живущей чети» в 1620-е гг. см. на с. 489 настоящего пособия.

[46] ААЭ. Т. 3. № 151. С. 217—218.

[47] Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. Гл. XVI. Ст. 46.

[48] ААЭ. Т. 4. № 64. С. 99, 102.

[49] После составления переписных книг правительство перешло от посошного к подворному обложению.

[50] Совок, лопатка, которой снимают излишек при отмеривании сыпучих продуктов, равняя с краями меры (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Т. 4. С. 127).

[51] ААЭ. Т. 4. № 240. С. 332.

страны, но и о создании эталонов, на основе которых можно было бы осуществлять проверку мер. В конце 1736 г. Сенат принял решение об учреждении Комиссии весов и мер во главе с главным директором Монетного правления графом М. Г. Головкиным. В задачу Комиссии входила разработка образцовых мер — эталонов, а также установление соотношений различных мер друг с другом и организация поверочного дела в стране. Предполагалось сажень — основную исходную меру — привести в соответствие с градусными измерениями земной поверхности и принять десятичный принцип деления единиц измерения. Академия наук должна была связать систему мер длины с градусом земной поверхности. Однако ей не удалось это сделать, так как Академия наук не располагала необходимыми денежными средствами и у нее не было специалистов, способных провести эту работу.

Комиссия в основу мер длины положила линейку, найденную среди вещей, принадлежавших Петру I. На линейке был обозначен полуаршин, на основе которого изготовили медный аршин и деревянную сажень. Мерой сыпучих тел выбрали четверик Московской большой таможни, а мерой жидкости — ведро, присланное из Каменномоского питейного двора в Москве (*Каменцева, Устюгов, 1975*. С. 196).

В разработке образцовых мер веса активное участие принял известный механик-изобретатель А. К. Нартов. Комиссия согласилась с его мнением о необходимости принять за основу мер веса гири Монетной канцелярии. Такая гиря была сделана в 1727 г. В. Н. Татищевым в соответствии с весом «чугунного пудовика», который находился на Монетном дворе для проверки гирь.

Итогом работы Комиссии явился Регламент, поданный в Сенат в 1732 г. Однако он не был утвержден и в 1742 г. Комиссия была ликвидирована. Внедрение разработанных ею мер не было до конца осуществлено. Большое значение для развития метрологии в России имели постановления Комиссии для определения объемов мер сыпучих и жидких тел. В конце 1743 г. Камер-коллегия разослала по провинциальным канцеляриям указ об изготовлении «в каждой губернии и провинции по одному медному кувшинному ведру, которыя б были мерою против указного осьмивершкового ведра». Эти меры, изготовленные на местах, следовало прислать в Москву и сверить с «плоским ведром, свидетельствованным в Академии наук» (*Каменцева, 1966*. С. 161). Во второй половине XVIII в. были изготовлены четверик, полуосмина и осмина для сыпучих тел. В целом решения Комиссии 1736—1742 гг. были учтены последующими комиссиями 1827, 1832 гг. и указом 1835 г.

В 1827 г. при Министерстве внутренних дел была образована Комиссия для унификации мер и весов. Исходной величиной для мер объема был принят английский кубический дюйм, а мерой веса — фунт Петербургского монетного двора 1771 г. На основе предпринятых расчетов была установлена величина фунта — 25 куб. дюймов воды. Исхо-

дя из этого, Комиссия произвела расчеты объема ведра и четверика. Однако выводы Комиссии оказались неточными, и ее решения не были приняты и оформлены законодательно.

В 1832 г. была создана Комиссия для приведения в единообразие российских мер и веса. Комиссия вновь обратилась к определению веса кубического дюйма воды и фунта, который оказался равен 25,019 куб. дюйма. Эти расчеты легли в основу всей русской системы объема и веса. Линейные меры также были соотнесены с английскими метрическими единицами — футами и дюймами. Русская сажень соответствовала 7 английским футам, делилась на 3 аршина, каждый в 28 дюймов или 16 вершков. Эта система была утверждена законом «О системе Российских мер и весов». Комиссия в 1830-е годы создала единые государственные эталоны мер длины и веса (массы) и первичные образцы мер объема сыпучих тел и жидкостей. Для хранения эталонов, изготовления и проверки их копий, а также поверки образцовых мер, рассылаемых в разные районы государства, в Петербурге на территории Петропавловской крепости создается метрологическое учреждение — Депо образцовых мер и весов (*Шостьин, 1975*. С. 161). Завершающим этапом деятельности Комиссии было принятие «Положения о мерах и весах 1842». Русская система мер вводилась в употребление с 1 января 1845 г.

Во все губернии рассылались медные образцовые меры. Надзор за исполнением Положения о весах и мерах возлагался на городскую, земскую и сельскую полицию. В уездных городах городские думы или магистраты должны были осуществлять проверку мер и весов. Таким образом, в первой половине XIX в. законом 1835 г. и Положением 1842 г. окончательно была сформирована русская система мер, находившаяся в тесной связи с английскими мерами. Эта система просуществовала до введения метрической системы в СССР в 1927 г.

Метрическая (десятичная) система в настоящее время является международной. Новая система была разработана и первоначально введена во Франции в период Великой французской революции. Новая метрическая система, по мысли ее творцов, предназначалась на все времена и для всех народов, то есть изначально носила международный характер. Ее создатели выдвинули идею о необходимости проведения метрологических расчетов на основе не случайных мер, а постоянной, «естественной» величины. Также было предложено выбрать единый принцип деления в метрологии, то есть определить твердый коэффициент, на основе которого строились бы все взаимоотношения между единицами. За основную природную единицу была взята одна десятимиллионная часть четверти дуги земного меридиана, получившая название метр, а система, разработанная на основе метра, стала именоваться метрическая. Все другие меры исчислялись по десятичному принципу: ар — квадрат со сторонами 10 м; стер — куб со

сторонами по 1 м; литр — куб со сторонами по 0,1 м; грамм равен весу чистой воды при температуре 0° в объеме 0,01 куб. м.

Единицы, бóльшие по сравнению с основными, получили названия от греческих числительных: дека (10), гекто (100), кило (100), мириа (10 000); а меньшие (десятые, сотые и тысячные доли основных единиц) — от числительных на латинском языке: деци (от decem — 10), санти (от centum — 100), милли (от mille — 1000).

МАТЕРИАЛЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

К разделу «Палеография»

1. Упражнения по чтению и датировке рукописей по типу письма и почерку

№ 1

Прочесть. Определить извод. Указать лингвистические признаки извода.

№ 2

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки.

№ 3

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки.

№ 4

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить тип нотации. Определить стиль орнаментированного инициала.

№ 5

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить стиль орнаментированных инициалов. Определить тип рукописи по характеру текста (богослужебная, четья, документ).

№ 6

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить стиль орнаментированного инициала. Определить тип рукописи по характеру текста (богослужебная, четья, документ).

№ 7

Прочесть. Определить тип письма основного текста. Датировать основной текст по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить тип письма записи по нижнему полю и указать тип записи (писцовая, владельческая, вкладная и т.п.). Датировать запись по начеркам букв. Указать датирующие признаки.

№ 8

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки.

№ 9

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить стиль заставки.

№ 10

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки.

№ 11

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить тип вязи, которым написано заглавие; указать хронологические рамки типа. Определить стиль художественного оформления.

№ 12

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить тип рукописи по характеру текста.

№ 13

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить тип рукописи по характеру текста.

№ 14

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить тип рукописи по характеру текста.

№ 15

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить тип рукописи по характеру текста.

№ 16

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить тип рукописи по характеру текста.

№ 17

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить тип рукописи по характеру текста. Произвести сравнительный анализ почерков, сопоставив данный образец с образцом № 24 из 1-й части альбома и образцом № 16 из 2-й части альбома. Сделать выводы о тождестве или нетождественности почерков.

№ 18

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить тип рукописи по характеру текста.

№ 19

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить тип рукописи по характеру текста.

№ 20

Прочесть. Определить тип письма. Датировать по начеркам букв. Указать датирующие признаки. Определить тип рукописи по характеру текста.

свободнтсѧ ѿ работы нестлѣнныѧ, вьсво
бодоу славѣ чедьбнѫхъ. Не. е. тебрнмлѧ
Граѥ благоволенніе моѥтосрца имлтва
гаѥіскоу. гонзлнѥвьсегсенніе. свѣдѣ
тельствоу юбонмь гаісорьвеннѥѣжніе
нмлоуть. нькнеторазоумоу. несвѣдоу
щебобжніепрлвды. нсвоюгіравдоухо
теще гоставнтн. гіравдѣбжнньнего
внноушесѥ. ісонунна бозаісоноухъ. вь
гіравдоувсаісомоувѣроующоумоу
моиснбогнншетьгіравдоугаѥѯзаісо
на. гаісоствореніягулвісь жнвьбоудеть
вьнихъ. агіравдагаѥѯвѣры. таісоглѥ
ть. нерцнвьсрцнсвоѥмь істовьзнде
тьнанбо реісшехѧсвестн. нлністо сни
детьвлкезноу. снирѣчьхѧвьзвестн
нзьмртвыхъ. ньутоглютысннгы.
блнзѣтнніглѣѥвьоустѣхътвоихьнвь
срцнтвоѥмь. снирѣчьглвѣры нжетро
товѣдаѥмь. гаісоащенгговѣсноусты
своимнгаіса. нвѣроунлешнвьерцн х
своѥмь. гаісобьвьсіросѣснннзьмртвы.

Χъ
сѫбота · ζ · А не · е кан · Г
Б
отъ иоана · гла · сѣ ѕ —

ъвръмаоно·
иѣнсанісъоу·
ученикомъсѣ
нмъ · бъста
бъотъмръ
тѣынухъ · нгл
снмоноупетроу
снмонѣонннъ
любишилнма
плуѣснухъ глаѣ
моу ѥнгн · тъі
кѣснѧколюблю
тѧ глаѣмоу па
сновьцамоѧ гла
ѣмоупакъібъто
роѣснмоѣнонн ·
нълюбишилн
ма · глаѣмоу ѥн ·
гн · тъібѣснѧ
колюблютѧ гла
ѣмоу пасновьцѧ
моѧ глаѣмоутре
тнѣѣ снмоѣно
ннъ любишилн
ма оскърѣѣжепе
тръ якореуѣѣмоу
третнѣѣлюбн
шилнма. нглаѣ
моугн · тъкьсѣ
бѣсн · тъібѣснѧ
колюблютѧ гла
ѣмоу пасновьцѧ
моѧ аминъ · ѧ

отъкоудоубы·нан·
къдвнхлѣша· · ·
(1) ѡснѣснъкенробъ·гѣ
ѡтъвелелофа·плекле
неисахарока·ноумльр
потребенъбы·бъсво
ѥзеллн·къмнроу·
ндлъждо·прнтнгоу
назеллю·аштеборе
чедоубънжебъснло
ллъразделнтьса
сллъна·кі·доубца·
к·ллоѥбѣотъфекоу
ѥ·ноубъенъбыотъ
сналлласнниа·пробо
денъбойсопнѣлл·
лежджплештелла·
нйштедоухан·прн
тнбъземлюсвоѭ
йподьныхъоумльръ·
потребенъбы·г·лан
хасъінънѣралокъ·
ѡлова·фнтнмъ·бы
стьотъплеменеѣфре
ѡлова·нлмногостъво
рнебъахакоуоуморе
нъбъіотъсмаѣлоу·
йоралласъвръгланль
жеѡбланчлшенозъ

локърнйоцькего·нпо
гребенъбъікъземлн
свойн·д·йоїлъснъка
фоунлокъбѣшеотъ
племенероубланнлла·
отъсела·феворьска·й
оумльръсълнрълль
потребесятоу·е·йѡ
наснъамла·ннинъбѣ
отъземлякарнаафна
рнлъ·блнзьазо,та
градапрнморн·нн
збльканъотъкнта·
нѡшьдъбънннеуї·н
къспатнбъсмнежн
къземлнсвойн·нъ
понлъматербсвоѭ
бъселнсакъсжрѣлѣ
стѣ·нноплеменьын
къ·глашебойкота
кообъйлоуоукоръсво
йнйсотхлъгахънанн
неутнѭградъпрорн
цакъ·бѣшежетъгда
ѡбланчанлнй·ахада·
нпрнзъкакъглядъ
назеллюкѣжанпрн
шьдъобрѣтебъдокн
цюсънъмлькй·небо

№ 5

рилъ сѧ е҃гожевъ ыра
спасте. в҃е. с҃тъіѧ.
не. апл. ѡ҃дѣѧнмм.
ъомъідн҃м. ре҃пе
тръкліделъ. по
канте сѧнкрті
тесѧвъмлѧ
хво. въ ѡданнкгрѣ
ховъ. ннрнмлѣтеда
ръстгодха. вашъбо
нетьобѣщанмемуа
домъвашмлъмвсѣ
млъдалнмлъ. елнко
ащенрнзоветьхаба
нашего. мнѣлнже
нболшмлмсловесы.
свѣдѣтельствова
шегла. спснтесѧѡ
родасегорлцкаваго.

ѡвнжеоцбовъсласть
прнмлшесловокрті
шасѧ. ннрложнсѧ
вътъдньѧко. г҃. тъі
саща. бахчметьрь
пащевъоцуеммма
плъстѣ. мвъоумще
ммм. мвъпрѣломле
ммнхлѣбамвъмлм
твахъ. бъіжевсако
ндшнстрахъ. млно
гажеумдесанзна
млеммѧбъішлапльі
вънерусалимлѣ.
впѧк. с҃тъіѧмел. ѵ
апл. ѡ҃дѣѧмнм.

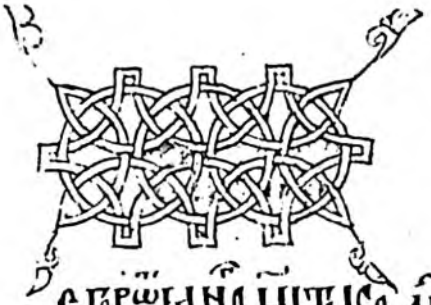
ъѡмъідн҃м. пе
тръноамъвнидо
ставъцрквьна

ъградѣдорого
бужиипѣѣмѣ
на. рабасущи
дѣлашевъве
жиигжасьоегапо
велѣмиѣмль. бъ
дньстгомиколы.
ивнезапуѣави
стасѧиеистаѧ
етрпцапрѣта
щаѣвгаща. по
утотакотъори
шивъдньоцѧ
нашегомиколы.
сетистъодивѣкъ
кмь. исирекша
разлеташахра
лиину. жемуту
акъѣклртъустъо
риста. илетамць
неллогущиѿи
нудьнитутоже.
ивъстабшине
лошнаарукай
иеуха. ипребывъ

шенеллогущистро
датиниипослуѫ
тигдѣ. юневидѣ
вшигжаѣгатаку
ѿгонию ѿсебе. по
трочайѣавъслобо
дѣродившагосѧ.
поработишасуда
щиижепосла
бишатоклутако
клубыти. нагдѣ
ѣѣаповѣлѣшали
хоклѣбыти. цѣны
тоионихъсвобо
дѣсподобиша.
ѕанежепоневолѫ
йонадѣлавши.
икасньприѣала
ѣсть. иилиину вши
клдѣ. г. слышавъ
шиижемасухо
рукаѣ. оулѣцѣ
бывшемъиецѣле
нѣрукамаино
гакма. икакопри

стефанъ боголюбивый панахоиевъ иноческого сергиевa лавры всея
стлоугшанноу пустыни нашего совсинавеа

Велиʹсы вѣцѣ҃ї хѣ҃с҃ѹ҃ мешѧ҃нѣ.
желаніємъ сѧ҃ловѣ҃же
дерꙗ҃ліѧ҃вый влка, ѡ҃бавѣ҃ї.
ісрове҃ны҃ разоумы. вѣ҃гловѣ҃и
нѣ҃мнѡгостр҃тны҃ї҃сїхѣ҃ыскнїѧ҃гъ.
пр҃ѣмодраговаси҃лїѧ҃вразо҃мъ.
повелѣ҃мѧ҃ѣ҃пѣ҃сѣ҃чинѣ҃вѣ҃дїю.
прѣ҃мѣ҃ноѣ҃ѣ҃твѣ҃рїтиръ҃чинна҃їс҃
нападѧ҃щѣ҃тожѣ҃ѣ҃творазоумѣ҃є
го. и҃желѣ҃ы҃бчела любодѣ҃льна
гѣ҃вѣ҃ѣ҃сѣ҃гоцѣ҃ѣ҃ѣ҃пасѣ҃нію, гѣ҃
бравѣ҃ѣ҃ѣ҃ы҃вѣ҃ѣ҃дїнъсѡ҃тъ. вѣ҃
вельмыслѣ҃но҃є срѣ҃цѣ҃сво҃є, проліѧ҃
ѧ҃є҃ѣ҃ѣ҃ы҃ѣ҃ѣ҃тредь сладъкѡ҃ѹ҃. ѹ҃стъ
ѹ҃ѣ҃ѣ҃тъ҃ свои҃ предъ болары. навъ
разоумлені҃є҃тѣ҃хѣ҃мыслемъ.
ꙗ҃ѧ҃ѣ҃ѧ҃ѣ҃ѧ҃имъ новыи҃ пѡ҃ломъ
и҃. невѣ҃рою҃но҃желані҃є҃ѣ҃ѣ҃ѣ

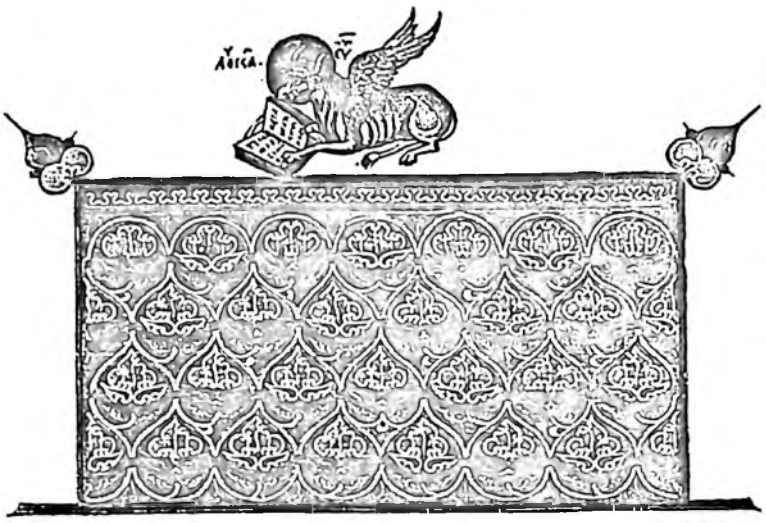


СВ҃ТЪ ГЛАГОЛЕТЪ. А҃І.

ВЛАДІА. ѡПЕРАЗОУМНЫ
СЛОВЕСЕВЪ Є҃ВАЛІН. НИТЬ
ЛПЛТЬ. НИТЬІНЪ ІСНИТЛ.
ИЪІСРАТЦѢСЛОЖЕНО. НА
ПАМА҃ІНЛГОТОВИТЬ ѠШИТЬ.
Є҃ТГОВЛАГНАІА, Ѡ ТОГО Є
ЖЕПЛОУНОМІА. Ѡ Є҃ТЪ
МЬДОУСТЬ. ГНЕЛЪНО ЧЕ.
НІСОЖЕДІЄКНЫНЕДОУГЬ
Є. Є ЖЕХЛЄНІѠЬЛНІЩІЄ
МЬПЫТАТНѠЬБУТЬ.
ПАЧЕКЪМЪРІЄМЬ. ИСЪ
Є҃ЛИѢЄ, ЛИБОСАМОМОУ
ШОМѠПРѢТОМОУКОУ. Ѡ
НЕМЖЕИЪРОУЮТЬ. ПІО
ІСЛІСОХОТАТРРІСЬ ИЛИ
ЛПЛТЬ ПОСЛОУШАТИ. ИЬ

Є҃ТЪМЬНІГАПІНѠШЕ.
НѠХОТАЩѢІПАМЬКОУПО.
ВА. ИЪРОИЛКОЛЪНОЄ
ПРИХОДАЩЕМОУІСЬКУ.
ІЛІСОЄ҃ИЪРОИЛ, АНЕМЕИЬ
РІЄМЬѠШЬІПѠИА. ІЛІСО
Є, АНЕІЛІСОМЬ. ЄЖЕБО
Є, БЫКИЄІЄКОУДЕТРН. И
ИСЪКМЬЬЫЙЄДАЄТЬАПРИ.
ІЛІСО ЄСТПОСЛѢШЬ. ДА
ПОЧТІО ОКОНЕКЪРОУЄШИ
ОЧАЧЕ. НЕИЪРОУЄШИЛИ,
ІЛІСОСЮНЄСЬНМАБЬ.
ТІНЬЬСЬІЫТАЄШІСЛ
ІСОЄРОДИЛСАБЬ. НОАЩЕ
ІСАІСОѠБЄЄЬЬПРАША
ЄШИ. ТОЙІСДЕЙТІОАІСЬІ
ИШМѢЕТЬ. ЙІСОУДАА
ІСЬІЫКЪГОДЬЄСАПРАША
ТІНЄ. ЛЩЕЛИБЄЧИПЬНО
ЄѠКЄУБЬ. ТАІСОЙКПРА
ЩАЄШИ. ТОБЄЧИННЬ
ЄКОУДЕ, ЄЖЕНЕИЪРОИА
ПРАМЬ. ИЛИЙЄЩЕНЄ

разоумѣхомьжевсѧкѣслопесѣписанїатцо
его - иаковѣтьтвоѥземлѣбжїеблагодатїю
илилтїю. испрѣтылкцыпомощїю. дошкре
тшоѥинподокровтелницелѣблгочтїерласпро
стиранѣтєл. иѧкопомнюгимтьмѣстомь
стымцрквинчтныямшнастырнєѣздлѣ
ѣснхоубгоуинпрѣчнетенѣцѣ. иѣнцѣпѣлнцѣ
вѣрѣтшоѥинсѣгоубгуинпрѣчнетенѣцы. ню
благыдѣлехѣтшоиѣблоблгодрнмѣ. инѣ
ипочтїюльбомрїѣпнсанїатшоѥгонзпѣстинна.
поншсамогѣтогонестерлѣпкпатшоѥгомню
жицеюслышахомѣшблгородїинпкоѥмѣ.
многамблгласпндѣтельѣстплгланаапрена
шимѣсмирѣнїѥмѣ. испрѣщенныибѧтпѣ
нысокоршмѣ. испредержапнѣкнїѣнашѣсн
блгочтїпшѣкмѣцѣреманоуиле. нѧкогдланари
цлемыйвладнмерь. егожесѣтыйблженныи
великїѣнѣнамьвладлиерѣпонмаськоѣсоздл.
чтыженнѣкнзошснопланїлвозпиглѣѣсѣнѣго
шелйразшири - ишѣзбыѣнсомнюжесѣшо
чѧсь. внеможенцрквпьпрѣчистыймцыче
стнагонеллѣпнагоѣлоуѣпенїасоздлѣѣсн.
нмнюгнмидргимн, нстыминкѣнлми -
йкнигамнсщенныминсосоудыинпсалмнми
пещмизлатомѣнеребршнѣнсеромѣоукрл
слѣѣсн. нмнюгнмѣѣнмѣнѣмѣнстлжл
нѣемѣыизошбильстпока. нселанслокодыи
нластшнздѧнмидллѣѣсн - ишторгѣдѣсл
тыланїи, инжнтѣнпетгденпопсьмѣдѣсл



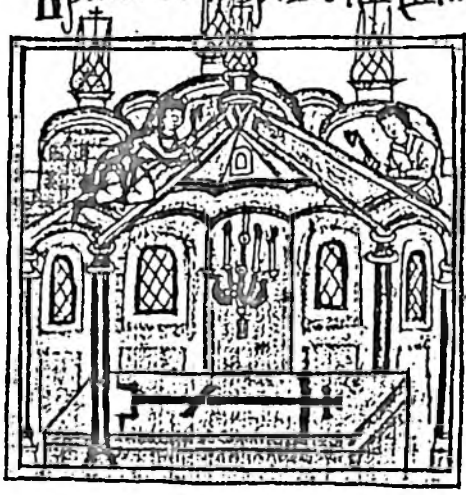
Слово Іустово благословенїа

Понеже оубомнѡ҆ѕинлѹ҆
шмѹнинтипо҃вкеть. ѻ҃н
зв҃вестованыхъвъна҃вещ҃е.
наложепр҃вдашмамьнѣже
испр҃ъвасамовидцинесло҃ѵ,
гыбывшесловесн, изво
лисмнмъпослѣдовавшо҃ѵвыше
въсѣхънепытно, порѧдоупнса
титебѣдръжавныи҃ѳеофїле,

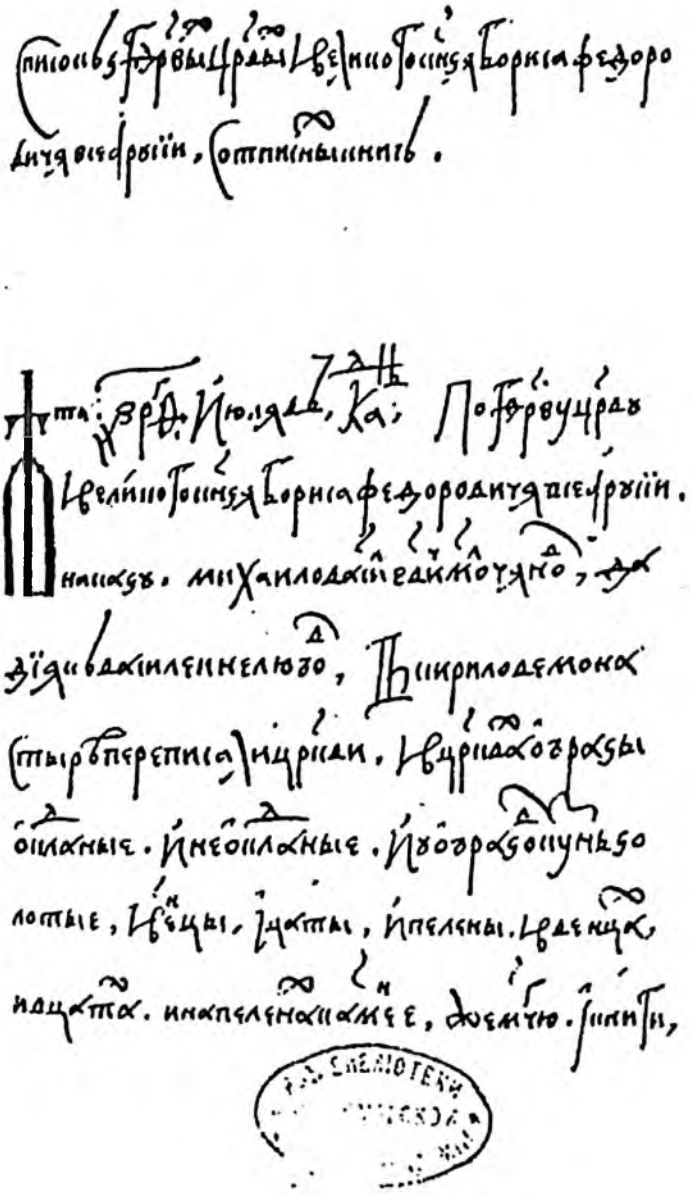
Сынъ единонача́льнѣ единосу́щныя Тро́ицы неразде́льнѣ
со́писа́нїи чюдотво́рныя їко́ны нача́
лнаго о́браза живоначалныя́ тро́ицы.

Прїидо́ша пре́тїи а́тони їконописа́ подо́бе
ста́ти тїо́бра зу́писа
на́чаны зо́жило
наста́ви стро́ма
ма́нку́ю ко хра́ма
пїша́ти ли Ну́жно
го́ловни хо́ло́вла
ю́ сла́тъ

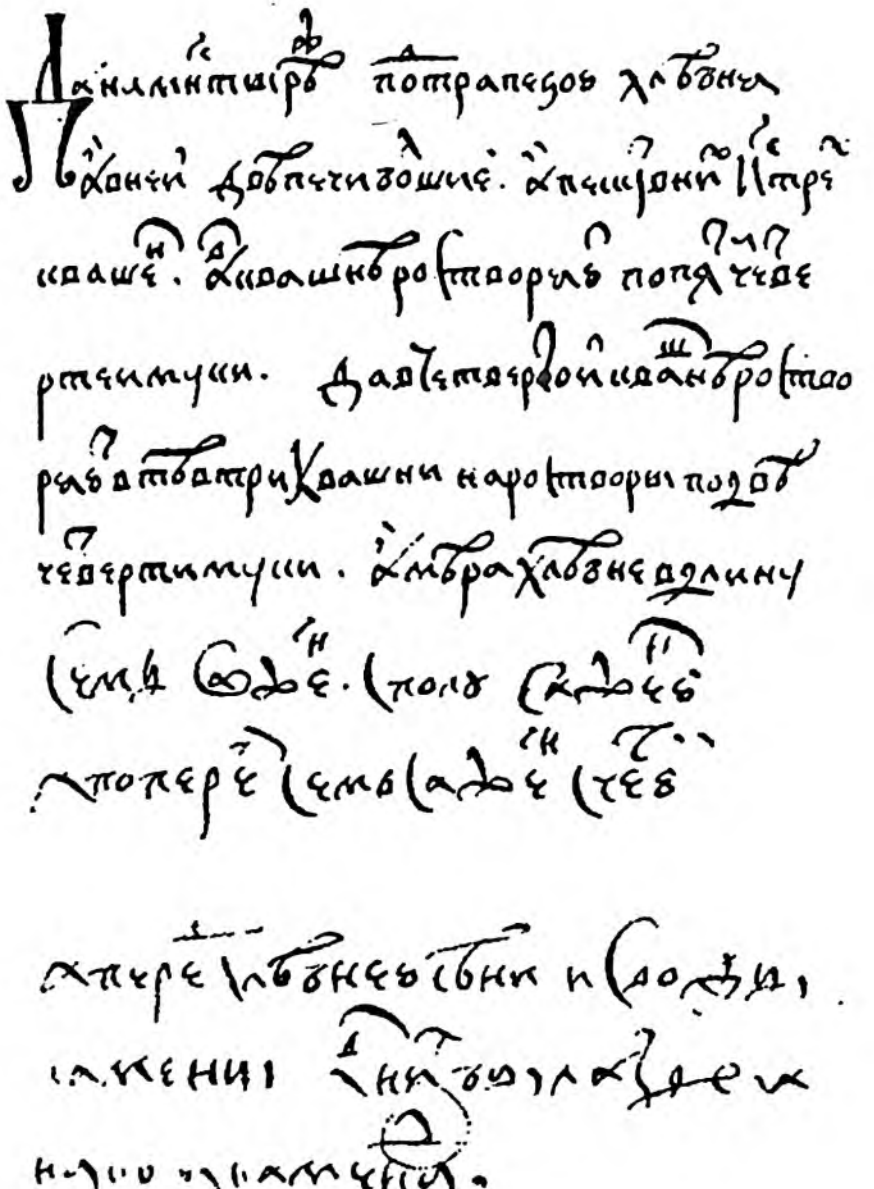
По́ вла́дыкина́ пїса́ти їкону́ самъ же́ сто́ю́щи
пре́сто́ю́ный а́тони по́стну́ї ма́тїе́ вда́ гла́нъ
Колмо́ дре́мла́ а́ко́ти зо́ сѣ́ пїса́ше о́бра́зо́.
Мо́гаше́ же́ пре́жо́бо́ны самъ їконописцу сему пїса

Преставление преподобнаго отца нашего Антония,
Ключника Киево-Печерскаго, Чудотворца.
Въ лѣто ҂ѕ҃ѯ҃ѕ҃ декабря въ ѳ҃. Нечестива
ѥсть добродѣтель отца нашего Антония, Христа
ради юродство, и любовь къ ближнимъ, и
пребываніе его въ пещерѣ, и труды его, и
подвиги его, и терпѣніе его, и молитва его
да будутъ съ нами. Аминь.
Братіе, потрудимся, да

трудницу Патерикова
преподобнаго отца нашего
Антонія, Печерскаго
чюдотворца, и
ихъ благословеніемъ
сіе дѣло Патерикъ

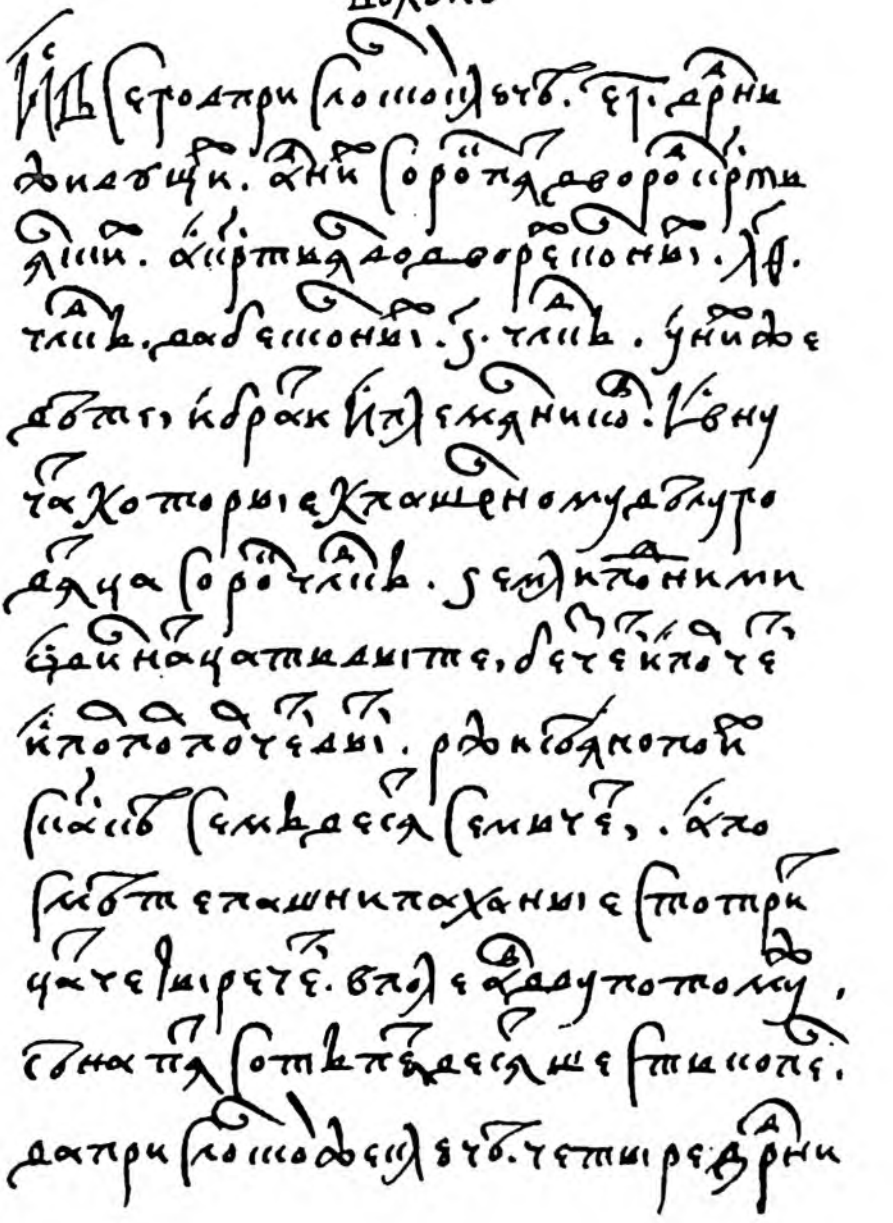
№ 13



Библиотека



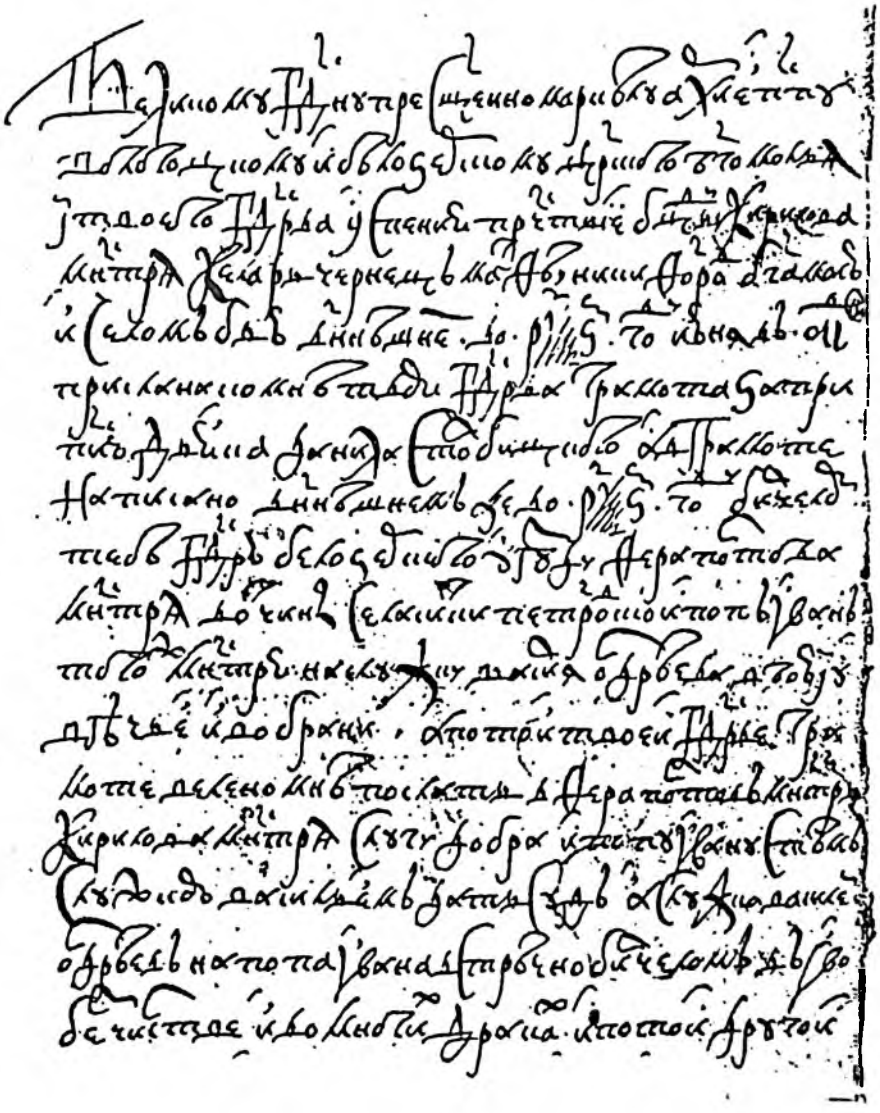
долонъ

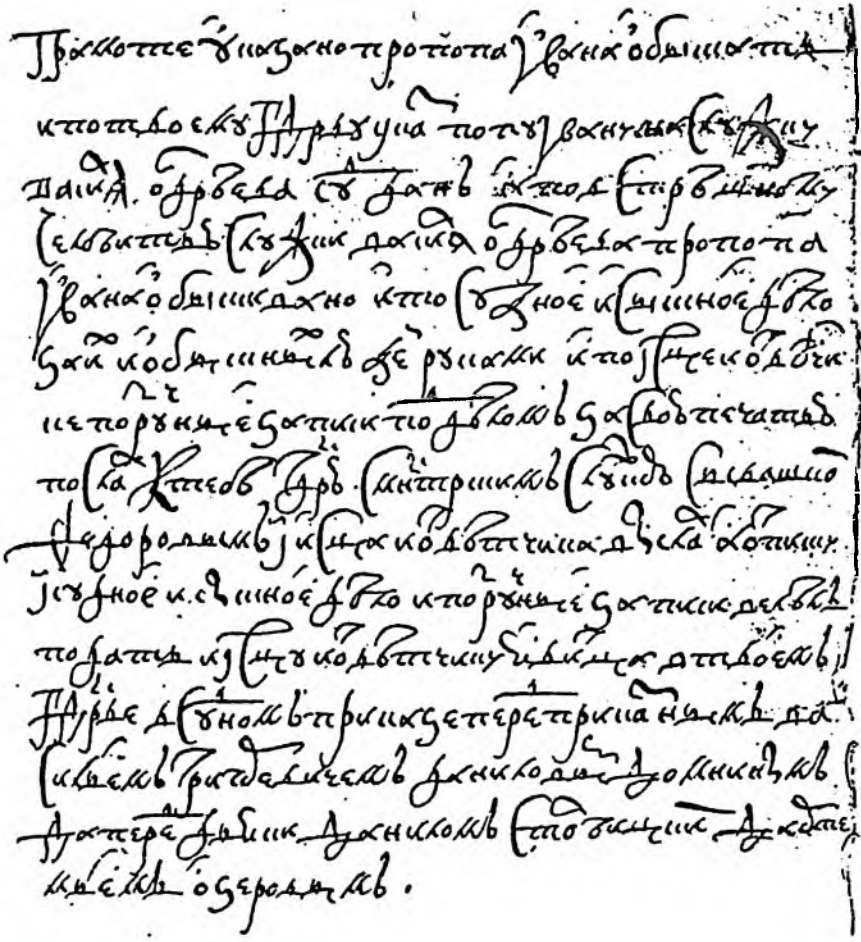


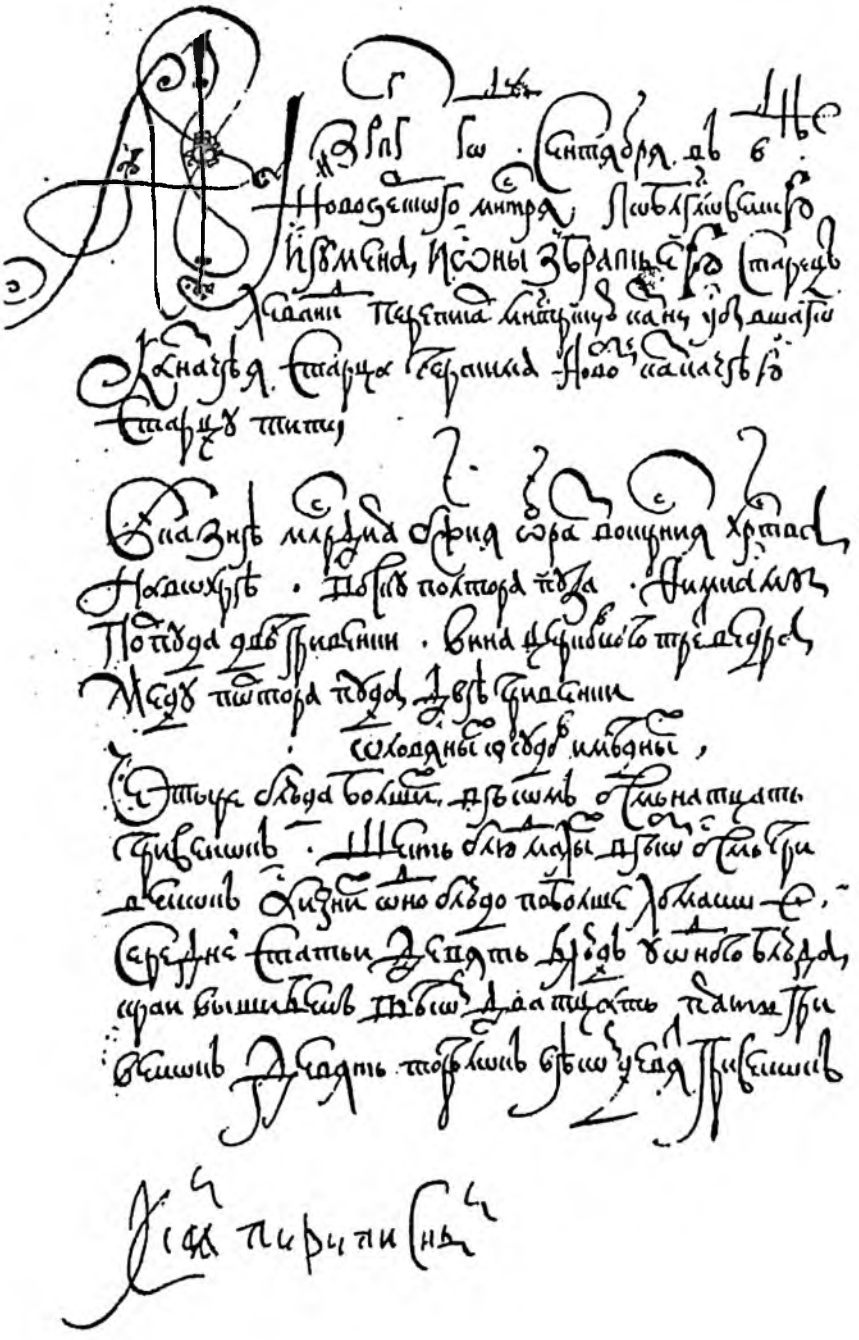
Тѣ же дѣла написа в. КА. Кирилловъ
монастырь в мантіи иноческой
преставился игумен бѣлому
монастырю в обычаи в блгодатномъ
благословеніи в пощехотомъ вратѣ
по высокоромно отца своего
в вратѣ поминаю христіанъ ихъ де
тей братью и чюдимаго ѳвѣ
та и добылеи чюдотворца в сборнои
высокоотцѣхъ.

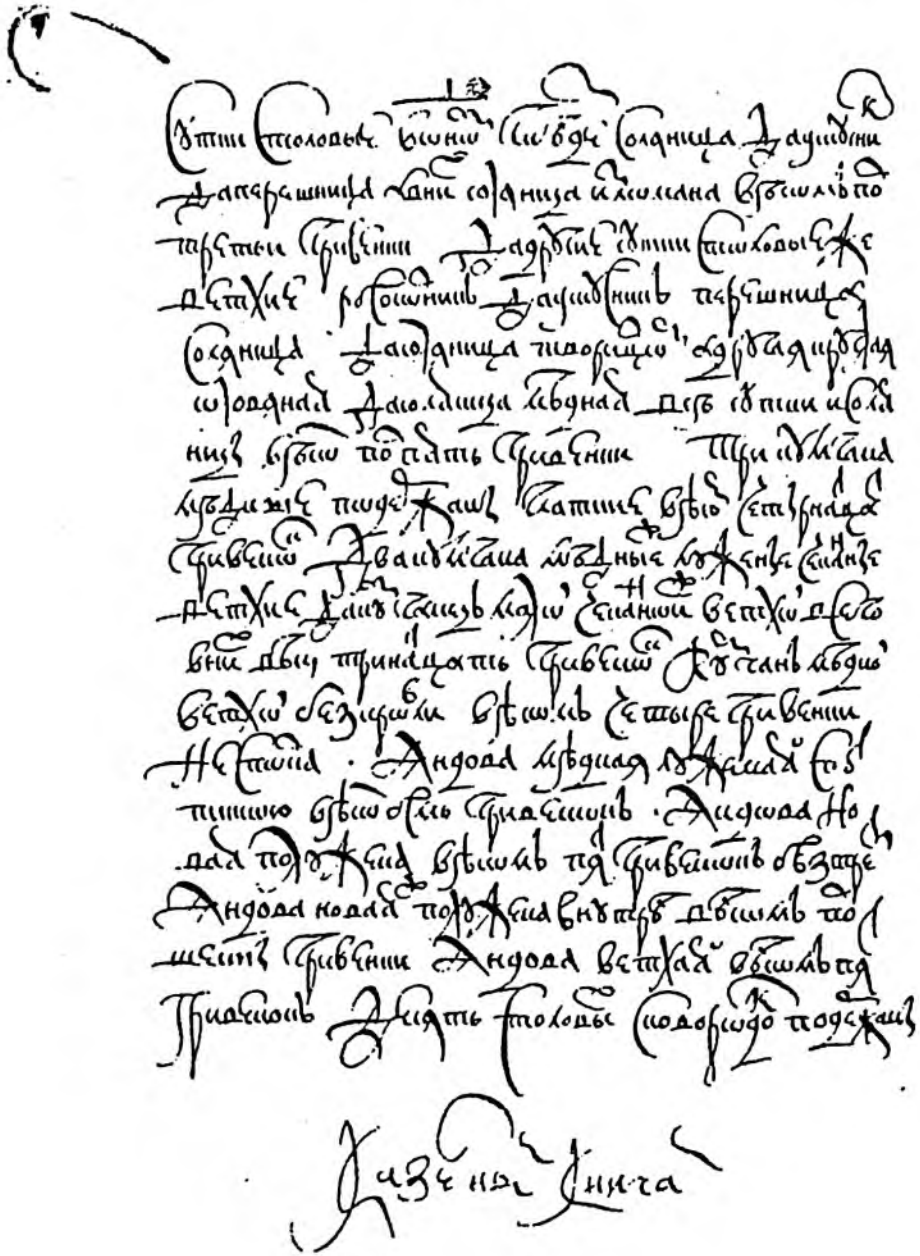
Тѣ же игумен чюдимонастырскіи.

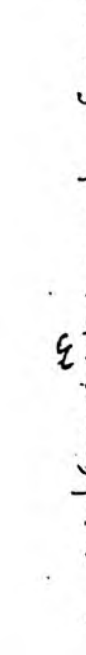
Нарѣшенашемъ послѣ в нашего
спасителя николаевскаго отца Дио
нисіа чюдотворца высокаго
подъ древяными кадрилами брацы
инокы игумены и соборъ чюдовыи

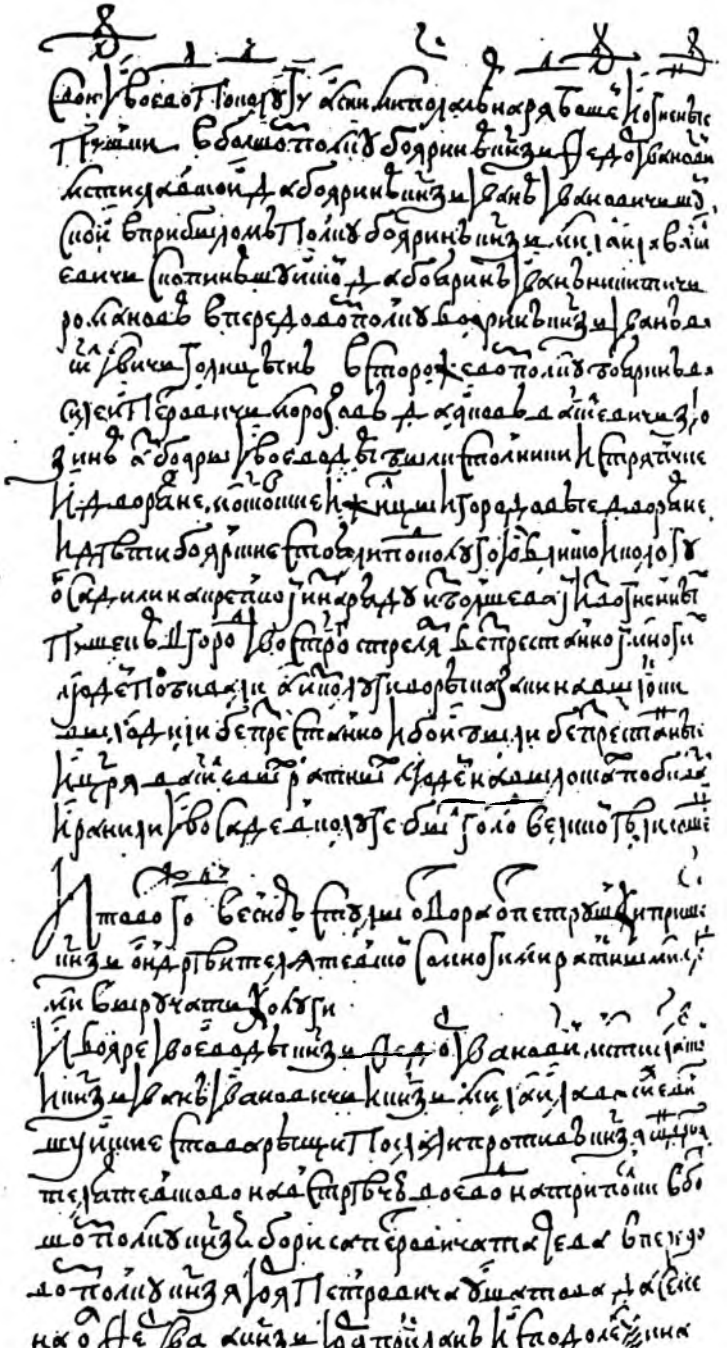




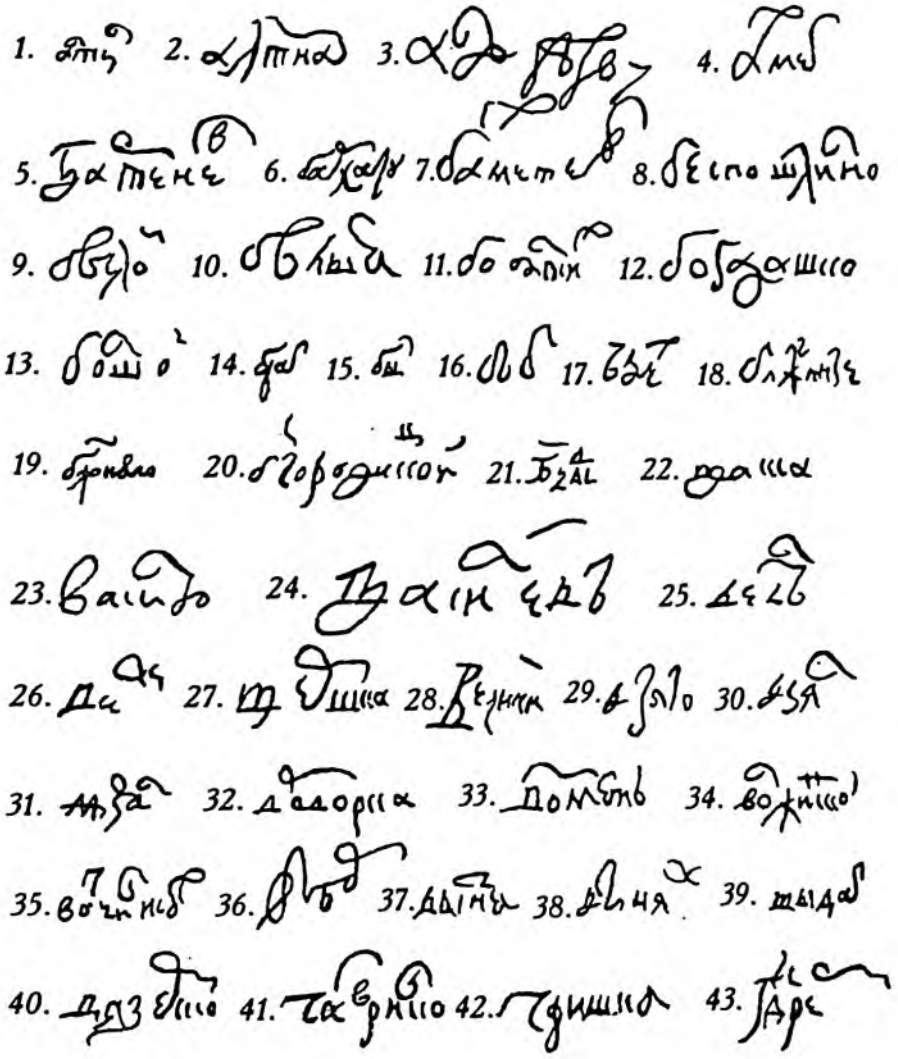


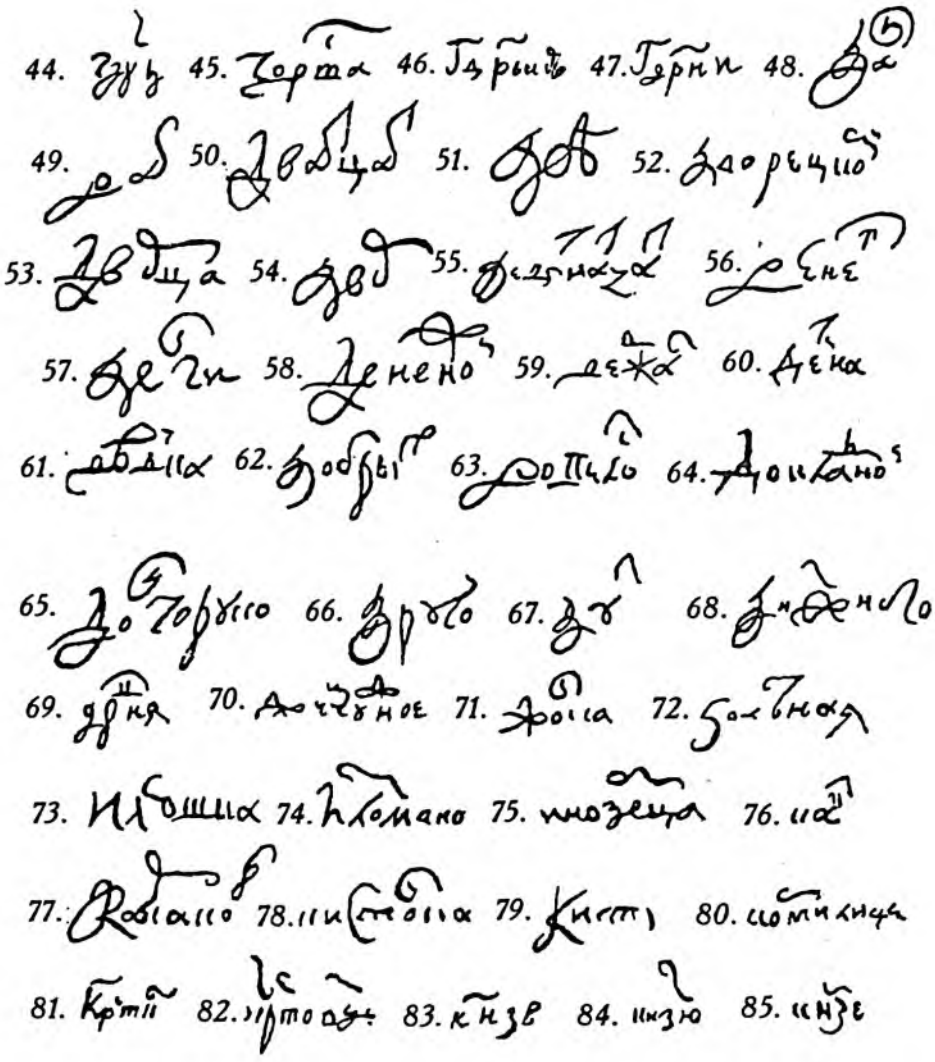


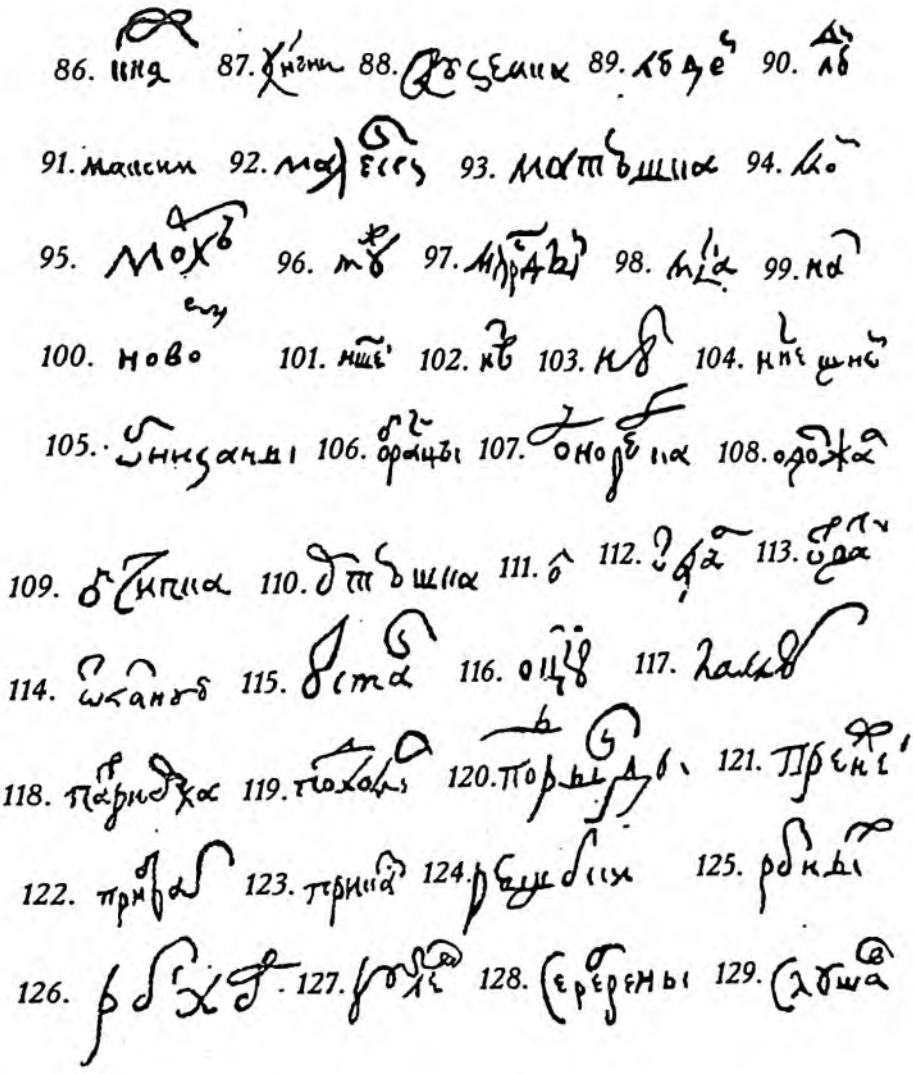


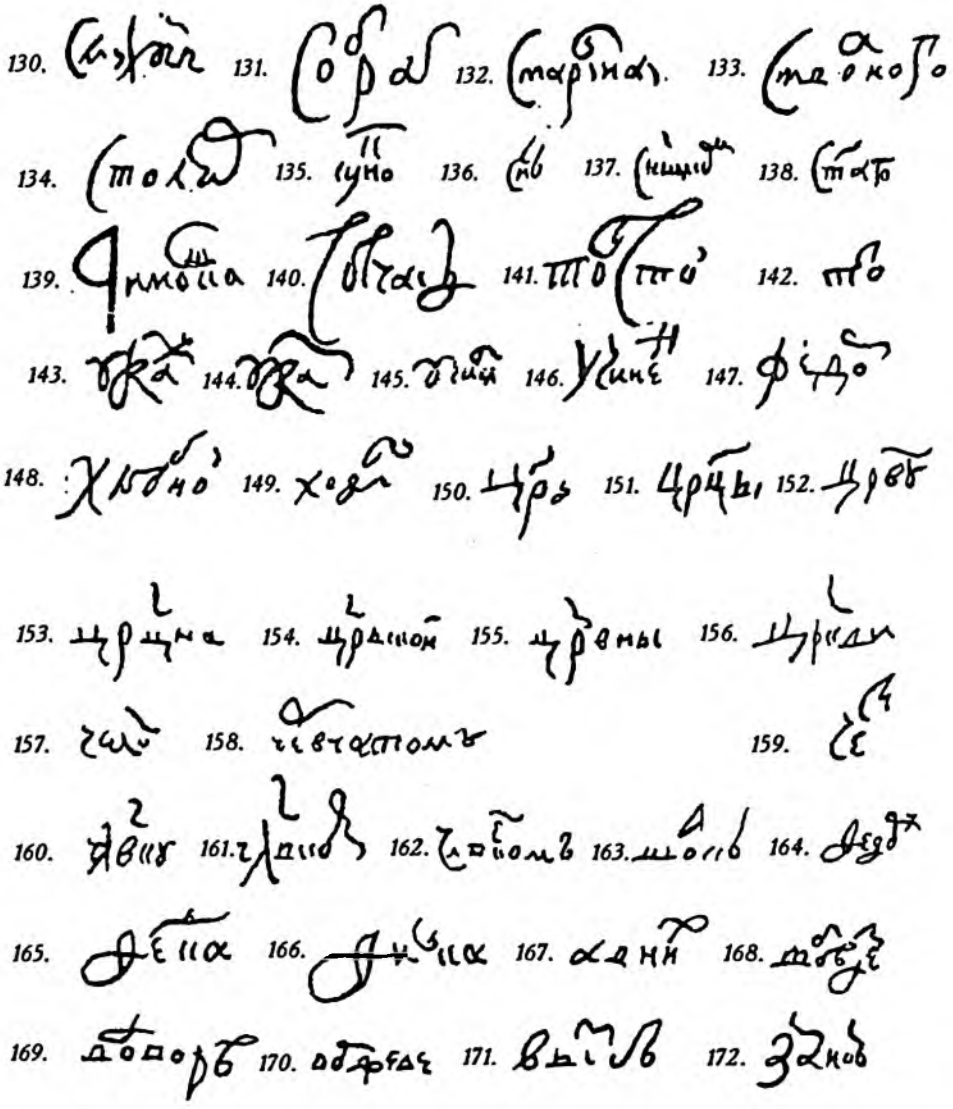


2. Тренировочные упражнения на чтение скорописи




44. Гуѣ 45. Горта 46. Гдѣ 47. Гдѣ 48. Да
49. До 50. Двѣ 51. Дво 52. Дворянинъ
53. Двѣ 54. Дво 55. Дворянинъ 56. Дѣне
57. Дѣти 58. Денено 59. Дѣка 60. Дѣка
61. Дѣлать 62. Добры 63. Допьло 64. Доканы
65. Доторгнуто 66. Дрто 67. Дъ 68. Дѣлано
69. дрня 70. Дочерное 71. Дойна 72. Добная
73. Идѣшь 74. Ломано 75. Дозена 76. Да
77. Дѣлано 78. Дистойна 79. Дитя 80. Домница
81. Дѣти 82. Дѣтодѣ 83. Дѣзе 84. Дѣзю 85. Дѣзе




130.
131.
132.
133.
134.
135.
136.
137.
138.
139.
140.
141.
142.
143.
144.
145.
146.
147.
148.
149.
150.
151.
152.
153.
154.
155.
156.
157.
158.
159.
160.
161.
162.
163.
164.
165.
166.
167.
168.
169.
170.
171.
172.

173. 174. 175. 176.

177. 178. 179. 180.

181. 182. 183.

184. 185.

Правильное прочтение:

1. алтын; 2. алтына; 3. Андрееву; 4. Ахмет; 5. Бартенев; 6. бархату; 7. Бахметев; 8. беспошлинно; 9. беглой; 10. белыя; 11. бобылских; 12. Богдашко; 13. болшой; 14. брат; 15. был; 16. быт; 17. бьет; 18. блаженные; 19. ближняго; 20. богородицкой; 21. Богородицы; 22. Васка; 23. Василью; 24. Васильевъ; 25. велел; 26. вели; 27. вершка; 28. великим; 29. взято; 30. взял; 31. взял; 32. ворворка; 33. возмегъ; 34. волжинской; 35. вотчинных; 36. выбор; 37. вынять; 38. вынял; 39. выдать; 40. Вяземской; 41. Гаврилко; 42. Гришка; 43. государем; 44. государь; 45. государева; 46. государьского; 47. государыни; 48. дал; 49. дать; 50. дватцать; 51. две; 52. дворецкому; 53. дворца; 54. двор; 55. девятнатцать; 56. денег; 57. денги; 58. денежной; 59. держал; 60. детина; 61. девка; 62. добрых; 63. довелось; 64. докладной; 65. Долгоруко; 66. другой; 67. дут; 68. денежного; 69. деревня; 70. жемчужное; 71. жонка; 72. золотная; 73. Илюшка; 74. изломано; 75. иноземца; 76. как; 77. Карсаков; 78. кисточка; 79. кисти; 80. кормилице; 81. крестил; 82. крестовым; 83. князю; 84. князю; 85. князем; 86. княж; 87. княгини; 88. Куземка; 89. людей; 90. люди; 91. Максим; 92. маленки; 93. Матюшка; 94. мой; 95. морхъ; 96. муж; 97. милосердый; 98. месяца; 99. нам; 100. новому; 101. нашей; 102. нет; 103. нет; 104. нынешней; 105. обнизаны; 106. обрасцы; 107. однорядка; 108. одолжал; 109. онтишка; 110. ортюшка; 111. от; 112. отдал; 113. отдати; 114. отласную; 115. отстал; 116. отецъ; 117. память; 118. патриарха; 119. подломил; 120. подрынды; 121. прежней; 122. прибрать; 123. приказ; 124. решотки; 125. розных; 126. росход; 127. рублев; 128. серебрены; 129. слушав; 130. смилуйся; 131. собрать; 132. стариннай; 133. стволного; 134. столяр; 135. сукно; 136. сынъ; 137. сынишком; 138. святаго; 139. Тимошка; 140. тотчасъ; 141. толстой; 142. тот; 143. указ; 144. указу; 145. учали; 146. учинен; 147. Федор; 148. хлебной; 149. ходили; 150. царь; 151. царицы; 152. цареву; 153. царицына; 154. царъской; 155. царевны; 156. церкви; 157. челом; 158. червчатому; 159. чети; 160. человеку; 161. человеком; 162. человеком; 163. шолкъ; 164. Федору; 165. Федка; 166. Филка; 167. а в них; 168. въ объезде; 169. во дворе; 170. во Ржеве; 171. въ ызбе; 172. за мною; 173. за отцом; 174. з золотом; 175. з женою; 176. из Василева; 177. на лавки; 178. из Суздоля; 179. к нам; 180. пол аршина; 181. с Васильем; 182. со мною; 183. у задней; 184. у збору; 185. у той; 186. названия месяцев.

1. С помощью приложения 1 определить дату Пасхи для 1538 г. На какие дни пришлась в этом году Федорова неделя и четверг шестой недели по Пасхе (Вознесение)?

2. Переведите на современную эру следующие даты византийской (константинопольской) эры: 12 февраля 6898 г., 15 октября 7003 г., 3 марта 7097 г. Укажите варианты датировок, где это возможно.

3. В источнике для 6850 г. указан 11 индикт. Какой стиль употреблен в источнике? Какими месяцами можно датировать документ?

4. В тексте пособия была приведена запись из рукописного Евангелия: «В лето 6924 круг солнцу 3 и луны 8, ендикта 10...» и дано объяснение номеру индикта, имеющемуся в записи. Какие еще вопросы может вызвать эта запись?

5. В летописи под 7001 г. имеется следующее указание: «...апреля 16 на радунице погоре град Москва нутрь весь...» (ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 167). Какими способами можно проверить, соответствует ли дата, указанная в числах юлианского календаря, указанию на переходящий праздник?

6. В источнике, в котором отсутствует указание на год, сохранилась дата: праздник св. Георгия пришелся на вторник второй недели по Пасхе. По косвенным данным, источник можно датировать 6970—6975 гг. С помощью этих данных уточните датировку памятника.

7. В Ипатьевской летописи под 6692 г. указана дата пожара в г. Владимире: «месяца априля в 13 день в среду». Найдите противоречие, содержащееся в этой датировке.

8. Переведите следующие даты, указанные по юлианскому календарю, в григорианский календарь: 6 декабря 1601 г., 3 февраля 1768 г., 9 июня 1833 г.

9. Используя таблицы седмочисленника (Прил. 4), формулы Перевощикова, Карского, Черухина или Бережкова, помещенные в тексте раздела, найдите день недели для дат известных исторических событий: например, Куликовской и Полтавской битв, опубликования манифеста об отмене крепостного права, начала Февральской революции. Чтобы проверить, правильно ли Вы используете формулы, возьмите любую дату из учебника или хрестоматии, для которой указан день недели.

Обращение 13—15-го циклов Великого Индиктиона (на 877—2472 гг.)

№ лет цикла	Индиктионы			Пасха
	13	14	15	
1	6385/877	6917/1409	1941	7 а
2	6386/878	6918/1410	1942	23 м
3	6387/879	6919/1411	1943	12 а
4	6388/880	6920/1412	1944	3 а
5	6389/881	6921/1413	1945	23 а
6	6390/882	6922/1414	1946	8 а
7	6391/883	6923/1415	1947	31 м
8	6392/884	6924/1416	1948	19 а
9	6393/885	6925/1417	1949	11 а
10	6394/886	6926/1418	1950	27 м
11	6395/887	6927/1419	1951	16 а
12	6396/888	6928/1420	1952	7 а
13	6397/889	6929/1421	1953	23 м
14	6398/890	6930/1422	1954	12 а
15	6399/891	6931/1423	1955	4 а
16	6400/892	6932/1424	1956	23 а
17	6401/893	6933/1425	1957	8 а
18	6402/894	6934/1426	1958	31 м
19	6403/895	6935/1427	1959	20 а
20	6404/896	6936/1428	1960	4 а
21	6405/897	6937/1429	1961	27 м
22	6406/898	6938/1430	1962	16 а
23	6407/899	6939/1431	1963	1 а
24	6408/900	6940/1432	1964	20 а
25	6409/901	6941/1433	1965	12 а
26	6410/902	6942/1434	1966	28 м
27	6411/903	6943/1435	1967	17 а
28	6412/904	6944/1436	1968	8 а
29	6413/905	6945/1437	1969	31 м
30	6414/906	6946/1438	1970	13 а
31	6415/907	6947/1439	1971	5 а
32	6416/908	6948/1440	1972	27 м
33	6417/909	6949/1441	1973	16 а
34	6418/910	6950/1442	1974	1 а
35	6419/911	6951/1443	1975	21 а
36	6420/912	6952/1444	1976	12 а
37	6421/913	6953/1445	1977	28 м

Первая цифра в колонках «Индиктионы» — год от С. М., вторая — год от Р. Х. Дата Пасхи указана в числах юлианского календаря .

№ лет цикла	Индиктионы			Пасха
	13	14	15	
38	6422/914	6954/1446	1978	17 а
39	6423/915	6955/1447	1979	9 а
40	6424/916	6956/1448	1980	24 м
41	6425/917	6957/1449	1981	13 а
42	6426/918	6958/1450	1982	5 а
43	6427/919	6959/1451	1983	25 а
44	6428/920	6960/1452	1984	9 а
45	6429/921	6961/1453	1985	1 а
46	6430/922	6962/1454	1986	21 а
47	6431/923	6963/1455	1987	6 а
48	6432/924	6964/1456	1988	28 м
49	6433/925	6965/1457	1989	17 а
50	6434/926	6966/1458	1990	2 а
51	6435/927	6967/1459	1991	25 м
52	6436/928	6968/1460	1992	13 а
53	6437/929	6969/1461	1993	5 а
54	6438/930	6970/1462	1994	18 а
55	6439/931	6971/1463	1995	10 а
56	6440/932	6972/1464	1996	1 а
57	6441/933	6973/1465	1997	14 а
58	6442/934	6974/1466	1998	6 а
59	6443/935	6975/1467	1999	29 м
60	6444/936	6976/1468	2000	17 а
61	6445/937	6977/1469	2001	2 а
62	6446/938	6978/1470	2002	22 а
63	6447/939	6979/1471	2003	14 а
64	6448/940	6980/1472	2004	29 м
65	6449/941	6981/1473	2005	18 а
66	6450/942	6982/1474	2006	10 а
67	6451/943	6983/1475	2007	26 м
68	6452/944	6984/1476	2008	14 а
69	6453/945	6985/1477	2009	6 а
70	6454/946	6986/1478	2010	22 м
71	6455/947	6987/1479	2011	11 а
72	6456/948	6988/1480	2012	2 а
73	6457/949	6989/1481	2013	22 а
74	6458/950	6990/1482	2014	7 а
75	6459/951	6991/1483	2015	30 м
76	6460/952	6992/1484	2016	18 а
77	6461/953	6993/1485	2017	3 а
78	6462/954	6994/1486	2018	26 м

№ лет цикла	Индиктионы			Пасха
	13	14	15	
79	6463/955	6995/1487	2019	15 а
80	6464/956	6996/1488	2020	6 а
81	6465/957	6997/1489	2021	19 а
82	6466/958	6998/1490	2022	11 а
83	6467/959	6999/1491	2023	3 а
84	6468/960	7000/1492	2024	22 а
85	6469/961	7001/1493	2025	7 а
86	6470/962	7002/1494	2026	30 м
87	6471/963	7003/1495	2027	19 а
88	6472/964	7004/1496	2028	3 а
89	6473/965	7005/1497	2029	26 м
90	6474/966	7006/1498	2030	15 а
91	6475/967	7007/1499	2031	31 м
92	6476/968	7008/1500	2032	19 а
93	6477/969	7009/1501	2033	11 а
94	6478/970	7010/1502	2034	27 м
95	6479/971	7011/1503	2035	16 а
96	6480/972	7012/1504	2036	7 а
97	6481/973	7013/1505	2037	23 м
98	6482/974	7014/1506	2038	12 а
99	6483/975	7015/1507	2039	4 а
100	6484/976	7016/1508	2040	23 а
101	6485/977	7017/1509	2041	8 а
102	6486/978	7018/1510	2042	31 м
103	6487/979	7019/1511	2043	20 а
104	6488/980	7020/1512	2044	11 а
105	6489/981	7021/1513	2045	27 м
106	6490/982	7022/1514	2046	16 а
107	6491/983	7023/1515	2047	8 а
108	6492/984	7024/1516	2048	23 м
109	6493/985	7025/1517	2049	12 а
110	6494/986	7026/1518	2050	4 а
111	6495/987	7027/1519	2051	24 а
112	6496/988	7028/1520	2052	8 а
113	6497/989	7029/1521	2053	31 м
114	6498/990	7030/1522	2054	20 а
115	6499/991	7031/1523	2055	5 а
116	6500/992	7032/1524	2056	27 м
117	6501/993	7033/1525	2057	16 а
118	6502/994	7034/1526	2058	1 а
119	6503/995	7035/1527	2059	21 а

№ лет цикла	Индиктионы			Пасха
	13	14	15	
120	6504/996	7036/1528	2060	12 а
121	6505/997	7037/1529	2061	28 м
122	6506/998	7038/1530	2062	17 а
123	6507/999	7039/1531	2063	9 а
124	6508/1000	7040/1532	2064	31 м
125	6509/1001	7041/1533	2065	13 а
126	6510/1002	7042/1534	2066	5 а
127	6511/1003	7043/1535	2067	28 м
128	6512/1004	7044/1536	2068	16 а
129	6513/1005	7045/1537	2069	1 а
130	6514/1006	7046/1538	2070	21 а
131	6515/1007	7047/1539	2071	6 а
132	6516/1008	7048/1540	2072	28 м
133	6517/1009	7049/1541	2073	17 а
134	6518/1010	7050/1542	2074	9 а
135	6519/1011	7051/1543	2075	25 м
136	6520/1012	7052/1544	2076	13 а
137	6521/1013	7053/1545	2077	5 а
138	6522/1014	7054/1546	2078	25 а
139	6523/1015	7055/1547	2079	10 а
140	6524/1016	7056/1548	2080	1 а
141	6525/1017	7057/1549	2081	21 а
142	6526/1018	7058/1550	2082	6 а
143	6527/1019	7059/1551	2083	29 м
144	6528/1020	7060/1552	2084	17 а
145	6529/1021	7061/1553	2085	2 а
146	6530/1022	7062/1554	2086	25 м
147	6531/1023	7063/1555	2087	14 а
148	6532/1024	7064/1556	2088	5 а
149	6533/1025	7065/1557	2089	18 а
150	6534/1026	7066/1558	2090	10 а
151	6535/1027	7067/1559	2091	26 м
152	6536/1028	7068/1560	2092	14 а
153	6537/1029	7069/1561	2093	6 а
154	6538/1030	7070/1562	2094	29 м
155	6539/1031	7071/1563	2095	11 а
156	6540/1032	7072/1564	2096	2 а
157	6541/1033	7073/1565	2097	22 а
158	6542/1034	7074/1566	2098	14 а
159	6543/1035	7075/1567	2099	30 м
160	6544/1036	7076/1568	2100	18 а

№ лет цикла	Индиктионы			Пасха
	13	14	15	
161	6545/1037	7077/1569	2101	10 а
162	6546/1038	7078/1570	2102	26 м
163	6547/1039	7079/1571	2103	15 а
164	6548/1040	7080/1572	2104	6 а
165	6549/1041	7081/1573	2105	22 м
166	6550/1042	7082/1574	2106	11 а
167	6551/1043	7083/1575	2107	3 а
168	6552/1044	7084/1576	2108	22 а
169	6553/1045	7085/1577	2109	7 а
170	6554/1046	7086/1578	2110	30 м
171	6555/1047	7087/1579	2111	19 а
172	6556/1048	7088/1580	2112	3 а
173	6557/1049	7089/1581	2113	26 м
174	6558/1050	7090/1582	2114	15 а
175	6559/1051	7091/1583	2115	31 м
176	6560/1052	7092/1584	2116	19 а
177	6561/1053	7093/1585	2117	11 а
178	6562/1054	7094/1586	2118	3 а
179	6563/1055	7095/1587	2119	16 а
180	6564/1056	7096/1588	2120	7 а
181	6565/1057	7097/1589	2121	30 м
182	6566/1058	7098/1590	2122	19 а
183	6567/1059	7099/1591	2123	4 а
184	6568/1060	7100/1592	2124	26 м
185	6569/1061	7101/1593	2125	15 а
186	6570/1062	7102/1594	2126	31 м
187	6571/1063	7103/1595	2127	20 а
188	6572/1064	7104/1596	2128	11 а
189	6573/1065	7105/1597	2129	27 м
190	6574/1066	7106/1598	2130	16 а
191	6575/1067	7107/1599	2131	8 а
192	6576/1068	7108/1600	2132	23 м
193	6577/1069	7109/1601	2133	12 а
194	6578/1070	7110/1602	2134	4 а
195	6579/1071	7111/1603	2135	24 а
196	6580/1072	7112/1604	2136	8 а
197	6581/1073	7113/1605	2137	31 м
198	6582/1074	7114/1606	2138	20 а
199	6583/1075	7115/1607	2139	5 а
200	6584/1076	7116/1608	2140	27 м
201	6585/1077	7117/1609	2141	16 а

№ лет цикла	Индиктионы			Пасха
	13	14	15	
202	6586/1078	7118/1610	2142	8 а
203	6587/1079	7119/1611	2143	24 м
204	6588/1080	7120/1612	2144	12 а
205	6589/1081	7121/1613	2145	4 а
206	6590/1082	7122/1614	2146	24 а
207	6591/1083	7123/1615	2147	9 а
208	6592/1084	7124/1616	2148	31 м
209	6593/1085	7125/1617	2149	20 а
210	6594/1086	7126/1618	2150	5 а
211	6595/1087	7127/1619	2151	28 м
212	6596/1088	7128/1620	2152	16 а
213	6597/1089	7129/1621	2153	1 а
214	6598/1090	7130/1622	2154	21 а
215	6599/1091	7131/1623	2155	13 а
216	6600/1092	7132/1624	2156	28 м
217	6601/1093	7133/1625	2157	17 а
218	6602/1094	7134/1626	2158	9 а
219	6603/1095	7135/1627	2159	25 м
220	6604/1096	7136/1628	2160	13 а
221	6605/1097	7137/1629	2161	5 а
222	6606/1098	7138/1630	2162	28 м
223	6607/1099	7139/1631	2163	10 а
224	6608/1100	7140/1632	2164	1 а
225	6609/1101	7141/1633	2165	21а
226	6610/1102	7142/1634	2166	6 а
227	6611/1103	7143/1635	2167	29 м
228	6612/1104	7144/1636	2168	17 а
229	6613/1105	7145/1637	2169	9 а
230	6614/1106	7146/1638	2170	25 м
231	6615/1107	7147/1639	2171	14 а
232	6616/1108	7148/1640	2172	5 а
233	6617/1109	7149/1641	2173	25 а
234	6618/1110	7150/1642	2174	10 а
235	6619/1111	7151/1643	2175	2 а
236	6620/1112	7152/1644	2176	21 а
237	6621/1113	7153/1645	2177	6 а
238	6622/1114	7154/1646	2178	29 м
239	6623/1115	7155/1647	2179	18 а
240	6624/1116	7156/1648	2180	2 а
241	6625/1117	7157/1649	2181	25 м
242	6626/1118	7158/1650	2182	14 а

№ лет цикла	Индиктионы			Пасха
	13	14	15	
243	6627/1119	7159/1651	2183	30 м
244	6628/1120	7160/1652	2184	18 а
245	6629/1121	7161/1653	2185	10 а
246	6630/1122	7162/1654	2186	26 м
247	6631/1123	7163/1655	2187	15 а
248	6632/1124	7164/1656	2188	6 а
249	6633/1125	7165/1657	2189	29 м
250	6634/1126	7166/1658	2190	11 а
251	6635/1127	7167/1659	2191	3 а
252	6636/1128	7168/1660	2192	22 а
253	6637/1129	7169/1661	2193	14 а
254	6638/1130	7170/1662	2194	30 м
255	6639/1131	7171/1663	2195	19 а
256	6640/1132	7172/1664	2196	10 а
257	6641/1133	7173/1665	2197	26 м
258	6642/1134	7174/1666	2198	15 а
259	6643/1135	7175/1667	2199	7 а
260	6644/1136	7176/1668	2200	22 м
261	6645/1137	7177/1669	2201	11 а
262	6646/1138	7178/1670	2202	3 а
263	6647/1139	7179/1671	2203	23 а
264	6648/1140	7180/1672	2204	7 а
265	6649/1141	7181/1673	2205	30 м
266	6650/1142	7182/1674	2206	19 а
267	6651/1143	7183/1675	2207	4 а
268	6652/1144	7184/1676	2208	26 м
269	6653/1145	7185/1677	2209	15 а
270	6654/1146	7186/1678	2210	31 м
271	6655/1147	7187/1679	2211	20 а
272	6656/1148	7188/1680	2212	11 а
273	6657/1149	7189/1681	2213	3 а
274	6658/1150	7190/1682	2214	16 а
275	6659/1151	7191/1683	2215	8 а
276	6660/1152	7192/1684	2216	30 м
277	6661/1153	7193/1685	2217	19 а
278	6662/1154	7194/1686	2218	4 а
279	6663/1155	7195/1687	2219	27 м
280	6664/1156	7196/1688	2220	15 а
281	6665/1157	7197/1689	2221	31 м
282	6666/1158	7198/1690	2222	20 а
283	6667/1159	7199/1691	2223	12 а

№ лет цикла	Индиктионы			Пасха
	13	14	15	
284	6668/1160	7200/1692	2224	27 м
285	6669/1161	7201/1693	2225	16 а
286	6670/1162	7202/1694	2226	8 а
287	6671/1163	7203/1695	2227	24 м
288	6672/1164	7204/1696	2228	12 а
289	6673/1165	7205/1697	2229	4 а
290	6674/1166	7206/1698	2230	24 а
291	6675/1167	7207/1699	2231	9 а
292	6676/1168	7208/1700	2232	31 м
293	6677/1169	7209/1701	2233	20 а
294	6678/1170	7210/1702	2234	5 а
295	6679/1171	7211/1703	2235	28 м
296	6680/1172	7212/1704	2236	16 а
297	6681/1173	7213/1705	2237	8 а
298	6682/1174	7214/1706	2238	24 м
299	6683/1175	7215/1707	2239	13 а
300	6684/1176	7216/1708	2240	4 а
301	6685/1177	7217/1709	2241	24 а
302	6686/1178	7218/1710	2242	9 а
303	6687/1179	7219/1711	2243	1 а
304	6688/1180	7220/1712	2244	20 а
305	6689/1181	7221/1713	2245	5 а
306	6690/1182	7222/1714	2246	28 м
307	6691/1183	7223/1715	2247	17 а
308	6692/1184	7224/1716	2248	1 а
309	6693/1185	7225/1717	2249	21 а
310	6694/1186	7226/1718	2250	13 а
311	6695/1187	7227/1719	2251	29 м
312	6696/1188	7228/1720	2252	17 а
313	6697/1189	7229/1721	2253	9 а
314	6698/1190	7230/1722	2254	25 м
315	6699/1191	7231/1723	2255	14 а
316	6700/1192	7232/1724	2256	5 а
317	6701/1193	7233/1725	2257	28 м
318	6702/1194	7234/1726	2258	10 а
319	6703/1195	7235/1727	2259	2 а
320	6704/1196	7236/1728	2260	21 а
321	6705/1197	7237/1729	2261	6 а
322	6706/1198	7238/1730	2262	29 м
323	6707/1199	7239/1731	2263	18 а
324	6708/1200	7240/1732	2264	9 а

№ лет цикла	Индиктионы			Пасха
	13	14	15	
325	6709/1201	7241/1733	2265	25 м
326	6710/1202	7242/1734	2266	14 а
327	6711/1203	7243/1735	2267	6 а
328	6712/1204	7244/1736	2268	25 а
329	6713/1205	7245/1737	2269	10 а
330	6714/1206	7246/1738	2270	2 а
331	6715/1207	7247/1739	2271	22 а
332	6716/1208	7248/1740	2272	6 а
333	6717/1209	7249/1741	2273	29 м
334	6718/1210	7250/1742	2274	18 а
335	6719/1211	7251/1743	2275	3 а
336	6720/1212	7252/1744	2276	25 м
337	6721/1213	7253/1745	2277	14 а
338	6722/1214	7254/1746	2278	30 м
339	6723/1215	7255/1747	2279	19 а
340	6724/1216	7256/1748	2280	10 а
341	6725/1217	7257/1749	2281	26 м
342	6726/1218	7258/1750	2282	15 а
343	6727/1219	7259/1751	2283	7 а
344	6728/1220	7260/1752	2284	29 м
345	6729/1221	7261/1753	2285	11 а
346	6730/1222	7262/1754	2286	3 а
347	6731/1223	7263/1755	2287	23 а
348	6732/1224	7264/1756	2288	14 а
349	6733/1225	7265/1757	2289	30 м
350	6734/1226	7266/1758	2290	19 а
351	6735/1227	7267/1759	2291	11 а
352	6736/1228	7268/1760	2292	26 м
353	6737/1229	7269/1761	2293	15 а
354	6738/1230	7270/1762	2294	7 а
355	6739/1231	7271/1763	2295	23 м
356	6740/1232	7272/1764	2296	11 а
357	6741/1233	7273/1765	2297	3 а
358	6742/1234	7274/1766	2298	23 а
359	6743/1235	7275/1767	2299	8 а
360	6744/1236	7276/1768	2300	30 м
361	6745/1237	7277/1769	2301	19 а
362	6746/1238	7278/1770	2302	4 а
363	6747/1239	7279/1771	2303	27 м
364	6748/1240	7280/1772	2304	15 а
365	6749/1241	7281/1773	2305	31 м

№ лет цикла	Индиктионы			Пасха
	13	14	15	
366	6750/1242	7282/1774	2306	20 а
367	6751/1243	7283/1775	2307	12 а
368	6752/1244	7284/1776	2308	3 а
369	6753/1245	7285/1777	2309	16 а
370	6754/1246	7286/1778	2310	8 а
371	6755/1247	7287/1779	2311	31 м
372	6756/1248	7288/1780	2312	19 а
373	6757/1249	7289/1781	2313	4 а
374	6758/1250	7290/1782	2314	27 м
375	6759/1251	7291/1783	2315	16 а
376	6760/1252	7292/1784	2316	31 м
377	6761/1253	7293/1785	2317	20 а
378	6762/1254	7294/1786	2318	12 а
379	6763/1255	7295/1787	2319	28 м
380	6764/1256	7296/1788	2320	16 а
381	6765/1257	7297/1789	2321	8 а
382	6766/1258	7298/1790	2322	24 м
383	6767/1259	7299/1791	2323	13 а
384	6768/1260	7300/1792	2324	4 а
385	6769/1261	7301/1793	2325	24 а
386	6770/1262	7302/1794	2326	9 а
387	6771/1263	7303/1795	2327	1 а
388	6772/1264	7304/1796	2328	20 а
389	6773/1265	7305/1797	2329	5 а
390	6774/1266	7306/1798	2330	28 м
391	6775/1267	7307/1799	2331	17 а
392	6776/1268	7308/1800	2332	8 а
393	6777/1269	7309/1801	2333	24 м
394	6778/1270	7310/1802	2334	13 а
395	6779/1271	7311/1803	2335	5 а
396	6780/1272	7312/1804	2336	24 а
397	6781/1273	7313/1805	2337	9 а
398	6782/1274	7314/1806	2338	1 а
399	6783/1275	7315/1807	2339	14 а
400	6784/1276	7316/1808	2340	5 а
401	6785/1277	7317/1809	2341	28 м
402	6786/1278	7318/1810	2342	17 а
403	6787/1279	7319/1811	2343	2 а
404	6788/1280	7320/1812	2344	21 а
405	6789/1281	7321/1813	2345	13 а
406	6790/1282	7322/1814	2346	29 м

№ лет цикла	Индиктионы			Пасха
	13	14	15	
407	6791/1283	7323/1815	2347	18 а
408	6792/1284	7324/1816	2348	9 а
409	6793/1285	7325/1817	2349	25 м
410	6794/1286	7326/1818	2350	14 а
411	6795/1287	7327/1819	2351	6 а
412	6796/1288	7328/1820	2352	28 м
413	6797/1289	7329/1821	2353	10 а
414	6798/1290	7330/1822	2354	2 а
415	6799/1291	7331/1823	2355	22 а
416	6800/1292	7332/1824	2356	6 а
417	6801/1293	7333/1825	2357	29 м
418	6802/1294	7334/1826	2358	18 а
419	6803/1295	7335/1827	2359	3 а
420	6804/1296	7336/1828	2360	25 м
421	6805/1297	7337/1829	2361	14 а
422	6806/1298	7338/1830	2362	6 а
423	6807/1299	7339/1831	2363	19 а
424	6808/1300	7340/1832	2364	10 а
425	6809/1301	7341/1833	2365	2 а
426	6810/1302	7342/1834	2366	22 а
427	6811/1303	7343/1835	2367	7 а
428	6812/1304	7344/1836	2368	29 м
429	6813/1305	7345/1837	2369	18 а
430	6814/1306	7346/1838	2370	3 а
431	6815/1307	7347/1839	2371	26 м
432	6816/1308	7348/1840	2372	14 а
433	6817/1309	7349/1841	2373	30 м
434	6818/1310	7350/1842	2374	19 а
435	6819/1311	7351/1843	2375	11 а
436	6820/1312	7352/1844	2376	26 м
437	6821/1313	7353/1845	2377	15 а
438	6822/1314	7354/1846	2378	7 а
439	6823/1315	7355/1847	2379	23 м
440	6824/1316	7356/1848	2380	11 а
441	6825/1317	7357/1849	2381	3 а
442	6826/1318	7358/1850	2382	23 а
443	6827/1319	7359/1851	2383	8 а
444	6828/1320	7360/1852	2384	30 м
445	6829/1321	7361/1853	2385	19 а
446	6830/1322	7362/1854	2386	11 а
447	6831/1323	7363/1855	2387	27 м

№ лет цикла	Индиктионы			Пасха
	13	14	15	
448	6832/1324	7364/1856	2388	15 а
449	6833/1325	7365/1857	2389	7 а
450	6834/1326	7366/1858	2390	23 м
451	6835/1327	7367/1859	2391	12 а
452	6836/1328	7368/1860	2392	3 а
453	6837/1329	7369/1861	2393	23 а
454	6838/1330	7370/1862	2394	8 а
455	6839/1331	7371/1863	2395	31 м
456	6840/1332	7372/1864	2396	19 а
457	6841/1333	7373/1865	2397	4 а
458	6842/1334	7374/1866	2398	27 м
459	6843/1335	7375/1867	2399	16 а
460	6844/1336	7376/1868	2400	31 м
461	6845/1337	7377/1869	2401	20 а
462	6846/1338	7378/1870	2402	12 а
463	6847/1339	7379/1871	2403	28 м
464	6848/1340	7380/1872	2404	16 а
465	6849/1341	7381/1873	2405	8 а
466	6850/1342	7382/1874	2406	31 м
467	6851/1343	7383/1875	2407	13 а
468	6852/1344	7384/1876	2408	4 а
469	6853/1345	7385/1877	2409	27 м
470	6854/1346	7386/1878	2410	16 а
471	6855/1347	7387/1879	2411	1 а
472	6856/1348	7388/1880	2412	20 а
473	6857/1349	7389/1881	2413	12 а
474	6858/1350	7390/1882	2414	28 м
475	6859/1351	7391/1883	2415	17 а
476	6860/1352	7392/1884	2416	8 а
477	6861/1353	7393/1885	2417	24 м
478	6862/1354	7394/1886	2418	13 а
479	6863/1355	7395/1887	2419	5 а
480	6864/1356	7396/1888	2420	24 а
481	6865/1357	7397/1889	2421	9 а
482	6866/1358	7398/1890	2422	1 а
483	6867/1359	7399/1891	2423	21 а
484	6868/1360	7400/1892	2424	5 а
485	6869/1361	7401/1893	2425	28 м
486	6870/1362	7402/1894	2426	17 а
487	6871/1363	7403/1895	2427	2 а
488	6872/1364	7404/1896	2428	24 м

№ лет цикла	Индиктионы			Пасха
	13	14	15	
489	6873/1365	7405/1897	2429	13 а
490	6874/1366	7406/1898	2430	5 а
491	6875/1367	7407/1899	2431	18 а
492	6876/1368	7408/1900	2432	9 а
493	6877/1369	7409/1901	2433	1 а
494	6878/1370	7410/1902	2434	14 а
495	6879/1371	7411/1903	2435	6 а
496	6880/1372	7412/1904	2436	28 м
497	6881/1373	7413/1905	2437	17 а
498	6882/1374	7414/1906	2438	2 а
499	6883/1375	7415/1907	2439	22 а
500	6884/1376	7416/1908	2440	13 а
501	6885/1377	7417/1909	2441	29 м
502	6886/1378	7418/1910	2442	18 а
503	6887/1379	7419/1911	2443	10 а
504	6888/1380	7420/1912	2444	25 м
505	6889/1381	7421/1913	2445	14 а
506	6890/1382	7422/1914	2446	6 а
507	6891/1383	7423/1915	2447	22 м
508	6892/1384	7424/1916	2448	10 а
509	6893/1385	7425/1917	2449	2 а
510	6894/1386	7426/1918	2450	22 а
511	6895/1387	7427/1919	2451	7 а
512	6896/1388	7428/1920	2452	29 м
513	6897/1389	7429/1921	2453	18 а
514	6898/1390	7430/1922	2454	3 а
515	6899/1391	7431/1923	2455	26 м
516	6900/1392	7432/1924	2456	14 а
517	6901/1393	7433/1925	2457	6 а
518	6902/1394	7434/1926	2458	19 а
519	6903/1395	7435/1927	2459	11 а
520	6904/1396	7436/1928	2460	2 а
521	6905/1397	7437/1929	2461	22 а
522	6906/1398	7438/1930	2462	7 а
523	6907/1399	7439/1931	2463	30 м
524	6908/1400	7440/1932	2464	18 а
525	6909/1401	7441/1933	2465	3 а
526	6910/1402	7442/1934	2466	26 м
527	6911/1403	7443/1935	2467	15 а
528	6912/1404	7444/1936	2468	30 м
529	6913/1405	7445/1937	2469	19 а

№ лет цикла	Индиктионы			Пасха
	13	14	15	
530	6914/1406	7446/1938	2470	11 а
531	6915/1407	7447/1939	2471	27 м
532	6916/1408	7448/1940	2472	15 а

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Малая таблица Великого Индиктиона

Круг луны	Вруцелета и круги солнца						
	А	В	Г	Д	Е	S	З
	1	2	3	9	10	5	6
	7	13	14	15	21	11	17
	18	19	25	26	27	22	23
	12	24	8	20	4	16	28
1	П	О	Н	М	Л	С	Р
2	В	Б	S	Ж	Е	Д	Г
3	ѿ	Х	Ф	У	Ш	Ч	Ц
4	И	О	Н	М	Л	К	І
5	Ь	.Ы	Ъ	ѧ	ѫ	Ю	ѣ
6	ѿ	Х	Ф	У	Т	С	Р
7	И	З	S	Ж	Л	К	І
8	Ь	Ы	Ъ	Щ	Ш	Ч	ѣ
9	П	О	Н	У	Т	С	Р
10	И	З	S	Ж	Е	Д	Г
11	ѿ	Х	Ъ	Щ	Ш	Ч	Ц
12	П	О	Н	М	Л	К	Р
13	В	Б	А	Ж	Е	Д	Г
14	ѿ	Х	Ф	У	Т	Ч	Ц
15	И	З	Н	М	Л	К	І
16	Ь	Ы	Ъ	Щ	ѫ	Ю	ѣ
17	П	О	Ф	У	Т	С	Р
18	И	З	S	Ж	Е	Д	І
19	ѿ	Ы	Ъ	Щ	Ш	Ч	Ц

Вычислив круг солнца и луны, в данной таблице на пересечении строки и колонки с соответствующими цифрами можно найти ключевую букву года, обозначающую дату Пасхи. Зная ключевую букву, по таблице, помещенной в прил. 3, можно узнать даты подвижных праздников и постов для любого года.

Таблица «зрячей пасхалии». Праздники и сроки постов, зависящие от Пасхи

Ключевая буква	Дата Пасхи	Мясопуст Великий	Вознесение	Пятидесятница	Мясопуст Петров	Пост св. Петра и Павла
А	22 марта	25 янв.	30 апреля	10 мая	17 мая	6 недель
Б	23 марта	26 янв.	1 мая	11 мая	18 мая	5 нед. 6 дней
В	24 марта	27 янв.	2 мая	12 мая	19 мая	5 нед. 5 дней
Г	25 марта	28 янв.	3 мая	13 мая	20 мая	5 нед. 4 дня
Д	26 марта	29 янв.	4 мая	14 мая	21 мая	5 нед. 3 дня
Е	27 марта	30 янв.	5 мая	15 мая	22 мая	5 нед. 2 дня
Ж	28 марта	31 янв.	6 мая	16 мая	23 мая	5 нед. 1 день
S	29 марта	1 фев.	7 мая	17 мая	24 мая	5 недель
З	30 марта	2 фев.	8 мая	18 мая	25 мая	4 нед. 6 дней
И	31 марта	3 фев.	9 мая	19 мая	26 мая	4 нед. 5 дней
I	1 апреля	4 фев.	10 мая	20 мая	27 мая	4 нед. 4 дня
К	2 апреля	5 фев.	11 мая	21 мая	28 мая	4 нед. 3 дня
Л	3 апреля	6 фев.	12 мая	22 мая	29 мая	4 нед. 2 дня
М	4 апреля	7 фев.	13 мая	23 мая	30 мая	4 нед. 1 день
Н	5 апреля	8 фев.	14 мая	24 мая	31 мая	4 недели
О	6 апреля	9 фев.	15 мая	25 мая	1 июня	3 нед. 6 дней
П	7 апреля	10 фев.	16 мая	26 мая	2 июня	3 нед. 5 дней
Р	8 апреля	11 фев.	17 мая	27 мая	3 июня	3 нед. 4 дня
С	9 апреля	12 фев.	18 мая	28 мая	4 июня	3 нед. 3 дня
Т	10 апреля	13 фев.	19 мая	29 мая	5 июня	3 нед. 2 дня
У	11 апреля	14 фев.	20 мая	30 мая	6 июня	3 нед. 1 день
Ф	12 апреля	15 фев.	21 мая	31 мая	7 июня	3 недели
Х	13 апреля	16 фев.	22 мая	1 июня	8 июня	2 нед. 6 дней
Ѿ	14 апреля	17 фев.	23 мая	2 июня	9 июня	2 нед. 5 дней
Ц	15 апреля	18 фев.	24 мая	3 июня	10 июня	2 нед. 4 дня
Ч	16 апреля	19 фев.	25 мая	4 июня	11 июня	2 нед. 3 дня
Ш	17 апреля	20 фев.	26 мая	5 июня	12 июня	2 нед. 2 дня
Щ	18 апреля	21 фев.	27 мая	6 июня	13 июня	2 нед. 1 день
Ъ	19 апреля	22 фев.	28 мая	7 июня	14 июня	2 недели
Ы	20 апреля	23 фев.	29 мая	8 июня	15 июня	1 нед. 6 дней
Ь	21 апреля	24 фев.	30 мая	9 июня	16 июня	1 нед. 5 дней
Ѣ	22 апреля	25 фев.	31 мая	10 июня	17 июня	1 нед. 4 дня
Ю	23 апреля	26 фев.	1 июня	11 июня	18 июня	1 нед. 3 дня
Ѫ	24 апреля	27 фев.	2 июня	12 июня	19 июня	1 нед. 2 дня
Ѧ	25 апреля	28 фев.	3 июня	13 июня	20 июня	1 нед. 1 день

Вычислив с помощью прил. 2 ключевую букву года, определите дату Пасхи, праздников и постов. Если искомый год високосный, к датам, приходящимся на период до 1 марта, следует прибавить единицу (в високосном году дата мясопуста придется на 26 января).

Таблица седмочисленника

	5	1	3	6	1	4	7	2	5	7	3	6
Вруцелето	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль
А (1)	Т	П	Р	С	П	Ч	Н	В	Т	Н	Р	С
В (2)	С	В	Ч	Н	В	Т	П	Р	С	П	Ч	Н
Г (3)	Н	Р	Т	П	Р	С	В	Ч	Н	В	Т	П
Д (4)	П	Ч	С	В	Ч	Н	Р	Т	П	Р	С	В
Е (5)	В	Т	Н	Р	Т	П	Ч	С	В	Ч	Н	Р
S (6)	Р	С	П	Ч	С	В	Т	Н	Р	Т	П	Ч
З (7)	Ч	Н	В	Т	Н	Р	С	П	Ч	С	В	Т

Условные обозначения, используемые в таблице: П — понедельник, В — вторник, Р — среда, Ч — четверг, Т — пятница, С — суббота, Н — неделя (воскресенье). Данные таблицы позволяют узнать день недели прямо из таблицы, а если держать в памяти 12 «солнечных регуляров», указанных в верхней строке, то и бестабличным способом: а именно, при сложении вруцелета года с солнечным регуляром месяца и вычитании из полученной суммы семи, получается номер первого дня любого месяца (неделя [воскресенье] считается первым днем, понедельник — вторым и т. д.). При использовании таблицы следует вычислить вруцелето года (можно сделать это с помощью прил. 2), затем найти на пересечении столбца с указанием месяца и полученного вруцелета букву, обозначающую первый день любого месяца в искомом году. Год, на который рассчитана таблица, мартовский, поэтому для периода с сентября по февраль для дат сентябрьского стиля при расчете нужно взять вруцелето предыдущего года. Для дат, выраженных в эре от Р. Х. и использующих январский год, таблица также может быть использована, с учетом поправки для января и февраля.

Соотношение эр «от Сотворения мира» между собой и в сравнении с эрой Дионисия от Р. Х.

Эра Дионисия	Эра Ипполита	Эра Евсевия	Эра Африкана	Александрийские эры		Константинопольская эра	
				Панодор	Анниан	Протовизантийская	Византийская
10 г. до Р. Х.			5492			5500	
9 г. до Р. Х.			5493			5501	5500
			...				
3 г. до Р. Х.						5507 В.	5506 В.
2 г. до Р. Х.	5500 Р.	5199 Р.	5500	5492		5508	5507
1 г. до Р. Х.	5501	5200	5501 В.	5493	5492	5509	5508
1 г. по Р. Х.	5502	5201	5502	5494 В.	5493	5510	5509
2 г.	5503	5202	5503	5495	5494	5511	5510
3 г.	5504	5203	5504	5496	5495	5512	5511
			...				
8 г.	5509	5208	5509	5501	5500	5517	5516
9 г.	5510	5209	5510	5502	5501 В.	5518	5517
			...				
29 г.	5530 Расп.	5229	5530	5522	5521	5538	5537
30 г.	5531	5230	5531	5523	5522	5539	5538
31 г.	5532	5231 Расп.	5532 Расп.	5524	5523	5540 Расп.	5539 Расп.
32 г.	5533	5232	5533	5525	5524	5541	5540
33 г. Расп.	5534	5233	5534	5526 Расп.	5525	5542	5541
34 г.	5535	5234	5535	5527 В.	5526	5543	5542
			...				
41 г.	5542	5241	5542	5534	5533 Расп.	5550	5549
42 г.	5543	5242	5543	5535	5534 Воскр.	5551	5550

В — Воплощение Христово, Р — Рождество Христово, Расп. — Распятие Христово, Воскр. — Воскресение Христово.[1]

[1]Полный вариант таблицы см.: *Grumel, 1958*. P. 30.

Неподвижные праздники, указания на которые встречаются в древнерусских источниках наиболее часто

День св. Симеона (Семена летопроводца)	1 сентября
Рождество Богородицы	8 сентября
Воздвижение креста Господня	14 сентября
Покров Богородицы	1 октября
Собор архангела Михаила	8 ноября
Введение Богородицы	21 ноября
Св. Георгия (осенний Юрьев день)	26 ноября
Св. Николы (зимний)	6 декабря
Зачатие Богородицы	9 декабря
Рождество Христово	25 декабря
Крещение	6 января
Сретение	2 февраля
Св. Евдокии	1 марта
Св. 40 мучеников	9 марта
Св. Алексея	17 марта
Благовещение	25 марта
Св. Георгия (или весенний Юрьев день)	23 апреля
Св. Николы (весенний)	9 мая
Рождество Иоанна Предтечи	24 июня
Св. апостолов Петра и Павла	29 июня
Преображение	6 августа
Успение	15 августа
Положение пояса Богородицы	31 августа

Соотношение сентябрьского, январского и мартовского стилей

Мартовский стиль	Январский стиль	Сентябрьский стиль	Ультрамартовский стиль	Формула пересчета
			март апрель май июнь июль август сентябрь октябрь ноябрь декабрь	N — 5509
март апрель май июнь июль август сентябрь октябрь ноябрь декабрь	январь февраль март апрель май июнь июль август сентябрь октябрь ноябрь декабрь	январь февраль март апрель май июнь июль август	январь февраль	N — 5508
январь февраль				N — 5507

Ответы на задания к разделу «Хронология»

1. 21 апреля, 4—10 марта, 30 мая.

2. 1391 г. или 1390 г.; 1494 г.; 1589 г.

3. Мартовский, сентябрь—февраль.

4. В 6924 г. круг солнца — 8, вруцелето — Г (3).

5. Пасха — 7 апреля, Радуница — вторник 2-й недели по Пасхе.

6. 1465 г.

7. В мартовском и сентябрьском 6692 г. 13 апреля — пятница; в статье использована ультрамартовская датировка.

8. 16 декабря, 14 февраля, 21 июня.

Задания:

А. Определение и описание монет на основе иллюстраций.

1. Используя иллюстрации, дать описание отдельных монет: основные и вспомогательные изображения, надписи, особенности монетного кружка.

2. Используя иллюстрации, определить аверс и реверс монеты.

3. На основе имеющихся иллюстраций определить принадлежность монет к той или иной культурно-исторической группе.

Б. Описание монет, имеющихся в наличии.

1. Дать описание и провести первичное (примерное) определение культурно-исторической принадлежности монет.

2. Определить вес монет и соотнести его с имеющейся информацией о денежно-весовых системах в древности, средние века и новое время.

3. Визуально определить монетный металл и дать его краткое описание.

4. На основе визуального изучения определить технику изготовления монетного кружка, надписей и изображений на нем.

В. Определение хронологии и состава кладов:

Задача: основываясь на составе кладов, определить:

— время их сокрытия,

— формирования,

— культурно-историческую принадлежность,

— возможные пути поступления.

Клады:

1. Хотин (Черновицкая обл. Укр.), 1942. Клад: 3 бронз. м-ты Византии: Анастасий I (491—518) — 1, Юстин I (518—527) — 1, Юстиниан I (527—565) — 1.

2. Гропени (Ж. Браила Рум.), 1934. Клад: 47 бронз. м-т Византии: Юстиниан I — 10 (чекан 539/540—544/545 гг.: Константинополь — 4, Никомедия — 2, Кизик — 3, Антиохия — 1); Юстин II (565—578) — 37 (чекан 566/567—577/578 гг.: Константинополь — 11, Фессалоника — 6, Никомедия — 14, Кизик — 5, Антиохия — 1).

3. Новгород Северский Черниговской обл. 1901. Клад: Россия: 2098 м-т: Псков автономный (1421—1510) — 64, Василия III Ивановича (1505—1533) — 75, от Москвы — 309; Москва Иван III Васильевич (1462—1505) — 1114; Новгород автономные выпуски 1420—1478 гг. — 290, стертые — 236.

4. Мовилени (Ж. Галац Рум.), 1938. Клад: 25 бронз. м-т: Тиверий II Константин (578—582) — 10 (чекан 578/579—581/582 гг.: Константинополь — 4, Никомедия — 4, Антиохия — 2); Маврикий Тиверий (582—

602) — 15 (чекан 584/585—599/600: Константинополь — 10, Кизик — 4, Антиохия — 1).

5. Тарутино (Одесская обл. Укр.) 1949. Клад — 8 серебряных м-т: Османская империя акче: Сулейман I — 7; Россия копейка: Иван IV — 1.

6. Любеч Черниговской обл. 1899. Клад: 735 серебряных монет: А. Речь Посполитая: Сигизмунд III Польша орт 1624 г., полтораки 1620—1627 гг., гроши 1623—1625, 1627 гг., шеляги 1622, 1626, 1627 гг., Литва гроши 1615, 1626, 1627 гг., шеляги 1614, 1616—1618, 1623—1625 гг., двуденарии 1620, 1621 гг., Гданьск гроши 1625, 1626 гг., Рига шеляги 1616—1621 гг.; Б. Пруссия: Георг Вильгельм полтораки 1622—1626 гг., шеляги 1624—1633 гг.; В. Чехия: пражский грош; Г. Прибалтийские владения Швеции: Густав II Адольф полторак шведский 1630 г., шеляги Рига и Эльблонг 1629, 1630 гг., Кристина полторак шведский 1633, шеляги Ливония, Рига, Эльблонг.

7. Семиполки Броварский р. Киевской обл. 1899. Клад: 494 серебряные м-ты: А. Россия: Михаил Федорович копейки; Б. Речь Посполитая: Сигизмунд III шостаки, полтораки, шеляги; В. Пруссия: шеляги; Г. Герм. имп.: Зволле талер 1648 г.; Д. Швеция: Кристина солиды.

8. Будешти (Ж. Бакэу Рум.) 1976. Клад: 1151 м-та: А. Венгрия денарии — 1074; Б. Патриархат Аквилейя 15-й век- 1; В. Молдавское княжество: Иоанн Деспот денарии — 2; Г. Османская империя аспры: Баязид II — 4; Селим I — 14; Сулейман I — 24; Селим II — 6; неопр. турецкие м-ты XVI в. — 25; Д. Россия: Иван IV — 1.

Г. Задания по метрологии.

1. «При этом он дал ему сто хороших лошадей с приличною сбруею, двести тысяч рублей деньгами (что составило 600 000 талеров)...» (Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л.,1986. С. 164).

Задание:

а) пересчитать названную сумму в деньгах московских и новгородских, в полушках и алтынах;

б) определить стоимость талера в деньгах.

2. «Сто этих денег составляют один венгерский золотой. Алтын — шесть денег, гривна — двадцать, полтина — сто, рубль — двести. Ныне чеканят новые, отмеченные буквами с той и другой стороны, и четыреста денег стоят рубль» (Там же. С. 79).

Задание:

а) определить о каких деньгах (старых и новых) идет речь;

б) соотнести их с алтыном.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список буквенных обозначений монетных дворов России
(по В. В. Узенникову)

АМ — Аннинский монетный двор в с. Аннинское Пермской губ.

БК — Большая казна, т. е. приказ Большой казны:
1) Красный двор, Москва (серебрянные гривны и алтыны, 1704—1711 гг.),
2) Набережный двор, Москва медные копейки, 1704—1711 гг.),
3) неустановленный монетный двор (медные копейки, 1713—1718 гг.)

ЕМ — Екатеринбургский двор

ИМ, КМ — Колпинский (Ижорский) двор, Колпино, под Петербургом

КД — Красный двор, Москва

М, МД, МДЗ — Кадашевский двор, Москва

ММ — (Московская монета):
1) Красный двор (медные монеты 1758—1795 гг.),
2) Кадашевский двор (медные пятаки 1730 г.)

НД, НДД, НДЗ — Набережный медный двор, Москва

СМ — 1) Петербургский двор (монеты 1797—1799),
2) Сестрорецкий двор (медные пятаки 1763—1767 гг.),
3) Сузунский меделавильный завод (медные монеты 1831—1847 гг.)

СП, СПБ, СПМ — Петербургский двор

ТМ — Таврический двор, Феодосия

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Система русского денежного счета

Таблица 1

Денежный счет VIII—XI вв.

Гривна	1								
Ногата	20	1							
Куна	25	$1^1/_4$	1						
Резана	50	$2^1/_2$	2	1					
Веверица	150	$7^1/_2$	6	3	1				

Таблица 2

Денежный счет конца XI—начала XIII вв.

Гривна	1								
Ногата	20	1							
Куна	50	$2\frac{1}{2}$	1						
Лбец	250	$12\frac{1}{2}$	5	1					
Белка	450	$22\frac{1}{2}$	9	$1\frac{4}{5}$	1				

Таблица 3

Денежный счет второй половины XIII—начало XIV вв.

Гривна	1								
Ногата	20	1							
Куна	50	$2\frac{1}{2}$	1						
Векша	150	$7\frac{1}{2}$	3	1					

Таблица 4

Денежный счет второй половины XIV—первой трети XVI вв.

Московский счет						Новгородский счет			
Рубль	1					1			
Полтина	2	1				2	1		
Гривна	10	5	1			$15\frac{3}{4}$	$7\frac{5}{7}$	1	
Алтын	$33\frac{1}{3}$	$16\frac{2}{3}$	$3\frac{1}{3}$	1					
Деньга	200	100	20	6	1	216	108	14	1
1 новгородская деньга равнялась 2 московским деньгам									

Таблица 5

Денежный счет 1534 г.—XVII в.

Рубль	1								
Полтина	2	1							
Полуполтина	4	2	1						
Гривна	10	5	$2\frac{1}{2}$	1					
Алтын	$33\frac{1}{3}$	$16\frac{1}{3}$	$8\frac{1}{3}$	$3\frac{1}{3}$	1				
Копейка	100	50	25	10	3	1			
Деньга	200	100	50	20	6	2	1		
Полушка	400	200	100	40	12	4	2	1	

Таблица 6

Денежный счет XVIII—начала XX вв.

Рубль	1								
Гривенник	10	1							
Копейка	100	10	1						

Таблица 7

Соотношение крупных денежных единиц
(по Манифесту 1 июля 1843 г.)

Империал	1								
Полуимпериал	2	1							
Рубль золотой	10	5	1						
Рубль серебром	10,30	5,15	1,03	1					

Таблица 8

Соотношение серебрянного и ассигнационного рублей
(первая половина XIX в.)

Время	Содержание в 1 рубле серебром
1812 г.	4 рубля ассигнациями
1839 г.	3,5 рубля ассигнациями
1843—1857 гг.	1,005—1,07 рублей кредитных

К разделу «Сфрагистика»

Задания для самостоятельной работы:

I. На ряде печатей, изображенных на рис. 10, 11, 13, 14, 16, 24, 29 к разделу «Сфрагистика», помещены изображения Христа. Определите, на каких именно печатях есть это изображение. Сделайте описание каждого изображения, сравните изображения между собой и определите, в чем заключаются отличия между ними.

II. На ряде печатей, изображенных на рис. 8—11, 23, 25, 29, 30, 34, 55—58 к разделу «Сфрагистика», помещены изображения Богоматери. Определите, на каких именно печатях есть это изображение. Сделайте описание каждого изображения, сравните изображения между собой и определите, в чем заключаются отличия между ними. Какие иконографические типы изображения Богоматери помещались на печатях XI—XVII вв.

III. На ряде печатей, изображенных на рис. 11, 25 и 36 к разделу «Сфрагистика», помещены изображения композиций на темы христианских праздников. Определите, на каких именно печатях есть это изображение. Прокомментируйте каждую из композиций: кто изображен на печати, в чем именно заключается сюжет, что именно послужило источником для этой композиции, какой праздник она символизирует.

IV. На ряде печатей, изображенных на рис. 10, 11, 14, 18, 25—27, 29—31, 34, 37 к разделу «Сфрагистика», помещены изображения крестов. Определите, на каких именно печатях есть это изображение.

Сделайте описание каждого креста и определите, что обозначают надписи/буквы, размещенные по сторонам от креста.

V. Сравните изображение двуглавого орла на печатях конца XV—XVII вв. (рис. 40—53 в разделе «Сфрагистика»): определите, какие изменения, кем и когда вносились в эти изображения.

VI. Сравните изображение копейщика на печатях конца XV—XVII вв. (рис. 40—53 в разделе «Сфрагистика»): определите, какие изменения, кем и когда вносились в эти изображения.

VII. Прокомментируйте печати, включенные в рис. 1—2: объясните, что изображено на печати; определите принадлежность печати.

Рис. 1. Прорисовки полностью сохранившихся подвесных металлических печатей.

Пример комментария.

Под № 19 на рис. 1 помещена прорисовка подвесной двусторонней печати. Аверсом является сторона, обозначенная литерой «б». На этой стороне помещено изображение Христа на престоле (Христа Вседержителя). Реверсом является сторона, обозначенная литерой «а». На этой стороне помещена легенда. Она включала пять строк, но первая строка не вошла в площадь оттиска. Легенда может быть прочтена как «[Нов]/горо/дьска/ꙫ печ/ать». Булла датируется концом XIII—XIV вв. (ср.: рис. 24,*1* в разделе «Сфрагистика»). Она являлась сфрагистической регалией властной структуры, полномочной выступать от имени новгородского веча.

Рис. 2. Прорисовки фрагментов подвесных металлических печатей.

Пример комментария.

Под № 1 на рис. 2 помещена прорисовка фрагмента (половинки) подвесной двусторонней печати. Печать сломана по каналу для шнура. Аверсом является сторона, обозначенная литерой «б»: на этой стороне помещено изображение святого в рост с крестом над левым плечом. Рядом с изображением святого имеются буквы П и Р под титлом, являющиеся сокращением слова «Предтеча», следовательно, на печати помещено изображение св. Иоанна Предтечи. Реверсом является сторона, обозначенная литерой «а». На этой стороне помещена легенда в четыре строки. Сохранились только начальные буквы каждой из строк: «Печа.../кнѧ.../лик.../ва...». Очевидно, что в первой строке сохранились буквы, начинающие слово и легенду в целом. В несохранившейся части первой строки могло уместиться не более двух букв, поэтому можно предположить, что в этой строке было помещено слово «Печа[ть]». Так как первая строка занята целым словом, можно полагать, что сохранившиеся буквы второй строки являются началом второго слова легенды. В несохранившейся части второй строки могло размес-

Рис. 1. Прорисовки полностью сохранившихся подвесных металлических печатей

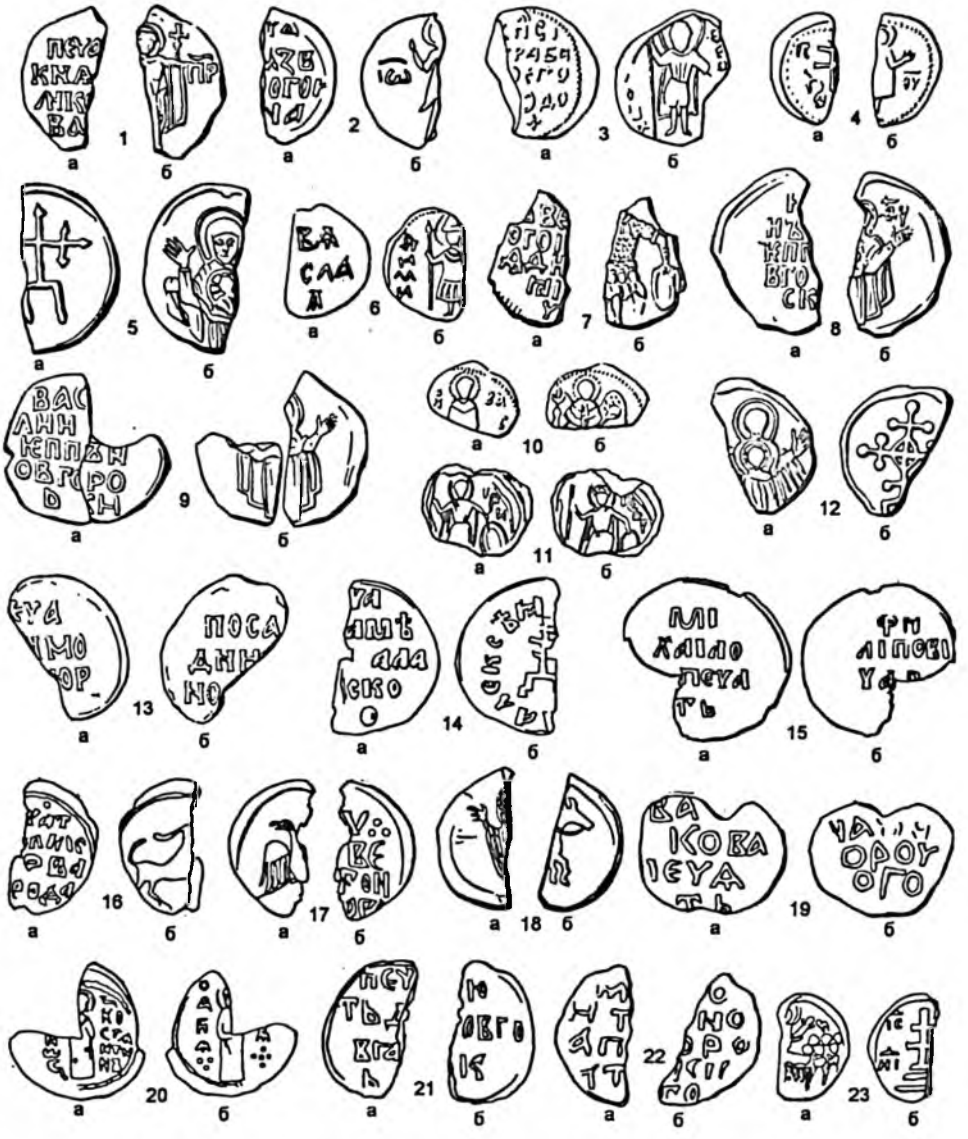


Рис. 2. Прорисовки фрагментов подвесных металлических печатей

титься от трех до пяти букв, так что можно предполагать, что в этой строке было помещено слово «кнѧ[зѧ]» и начало третьего слова, окончание которого перенесено в третью строку. Три сохранившиеся буквы третьей строки вместе с несохранившимися буквами второй строки дают возможность реконструировать слово «[ве]лик[ого]». Однако в несохранившейся части третьей строки могло разместиться до четырех букв, так что можно предположить, что в этой строке начиналось четвертое слово легенды, окончание которого перенесено в четвертую строку. В четвертой строке кроме двух сохранившихся букв могло разместиться еще не менее двух-трех букв. Сохранившиеся буквы начала четвертой строки позволяют реконструировать последнее слово легенды как имя собственное «[І]ва[на]». В целом, легенда на реверсе печати может быть прочтена как «Печа[ть]/кнѧ[зѧ ве]/лик[ого І]/ва[на]». Владельцем печати мог быть один из великих московских князей XIV—XV вв., носивших имя Иван, — Иван I Данилович (Калита), Иван II Иванович (Красный) или Иван III Васильевич, возможно — великий князь Иван Данилович (ср.: рис. 17, *1* в разделе «Сфрагистика»).

К разделу «Историческая генеалогия»

Задание 1.

Проанализируйте текст помещенной ниже духовной грамоты, выясните характер родственных отношений упомянутых в ней лиц. Сколько поколений там перечислено? Составьте генеалогическую таблицу нисходящего родословия. Составьте поколенную роспись, используя систему нумерации Абовилля.

Духовная Мартемьяна
(Северная Двина, вторая четверть—середина XV в.[1] *Список XVII в.)*

Во имя отца и сына и святаго духа. Се аз раб божий Мартемьян пишу сие рукописание[2] при своем животе. Да приказываю живот[3] свой жене своей Пелагеи и детям своим Якову, и Федору, и Андрею, и Семену, и Орфоломею. А животом есми з братиею своею с Ываном, и с Ондреяном, и с Яковом в розделе. А что отцина моя, земля и вода, и прикупля отца моево за Волоком и в Волоцкой земле, на Озерцах и на

---

[1] Датировка В. Ф. Андреева (*Андреев В. Ф.* Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986. С. 48).

[2] *Рукописание* — завещание; в Северо-Восточной Руси использовался другой термин — духовная (грамота).

[3] *Живот* — здесь: имущество.

Дятелчах, и то приказываю жене своей Пелагеи и детям своим свою четверть, по отца моего по владенью, по старым грамотам и по делним грамотам же, тыя земли и воды моя четверть детем моим чиста. А что мне дал дед мой Федор на Кегострове село Новошильское и землю Кулагоранскую на том острове, а то село и землю Кулагоранскую приказываю детем своим по деда своего по даной грамоте Федорове и по рукописанью, то село и земли детем моим чисто. А вы, братья моя, в то село и в земли не вступайтеся. [...] А что куны деда моего Федора и отца моего Александровы, по деда моево рукописанию по Федорову, и по отца моево рукописанью по Олександрову, и по деда моего рукописанью по Федорову же, в Волоцкой земли на Телчях на погосте сорок рублев да сто и осмьдесят гривен, а в тех кунах приказываю свою четверть детем свои чисто. [...] А на то Бог послух и отец мой духовной поп Афонасей, служитель святаго Архангела Михаила. А хто сие рукописание переступит, сужуся яз с ним пред Богом в день страшнаго суда.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 144. С. 195—196.

Задание 2.

Используя содержащуюся в духовной Никиты Хова информацию, составьте таблицу нисходящего родословия его семьи. Предположительно реконструируемые родственные отношения (например, от кого из детей у Никиты Хова были внучка Зеновья, внук Петр и т. д.) обозначьте пунктирными линиями.

Духовная Никиты Хова
(Псков, 1491—1496 гг. Список 1684 г.)

Список с харатейной даной слово в слово.

Во имя отца и сына и святаго духа. Се аз раб божий Никита Хов при животе учиних ряд[4] животу своему и всему чему ни есть. А даю село свое на Выбуте Кукасово сиденье сыну своему Марку и внуку своему Июды в одерень.[5] А двор свой и огород на Завеличье в Ызборской улици даю сыну своему Ивану в одерень. [...] А что село мое Внитничи, то даю жене своей Катерины и дчери своей Ксеньи и внуки своей Зеновьи. А изнесутца[6] жена моя и дочка моя и вника моя, ино то село даю святому Николы на Магилник себе на память и роду своему. А клеть свою на огороде и что есть в клети, то даю жене своей Катерины и дщери своей Оксеньи и внуки своей Зеновьи и то им в одерень. А что село мое Кустово сиденье, то даю дшери своей Софьи до ея животу, изнесетца дши моя Софья, ино

---

[4] *В рукописи ошибочно*: раб. *Исправлено по смыслу.*

[5] *В одерень* — навечно.

[6] *Изнесутца* — умрут.

даю святому Иоанну на Завеличье в монастырь себе на память и роду своему. А двор свой меншей и огород да поженка и даю внуку своему Петру в одерень. А что нива моя конечь огородов, а ту ниву велю сыном своим продать и по моей души править. А иному племени моему, ни мужескому полу, ни женьскому, не вступатися и в мое дание ни во что ж. А на то послух Бог и отец мой духовный Харитон поп. А хто слово мое переступит или посудит, суди ему Бог и буди ему анафема. [...]

Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966. № 30. С. 69—70.

Задание 3.

Используя составленную П. В. Долгоруковым роспись рода Суворовых (см. в основном тексте пособия, с. 390—391), изобразите данное родословие в виде генеалогической таблицы. Как будет выглядеть поколенная роспись этого рода, если применить традиционную русскую систему нумерации в сочетании с элементами системы Абовилля?

Задание 4.

Кем друг другу приходились лица, обозначенные в поколенной росписи номерами: 0/1/2/3 и 0/1/2/3а/12, 0/1/2/3а/12 и 0/1/2/3б/13, 0/1/2/3б/16 и 0/1/2/8а/17?

Проверьте себя, обратившись к поколенной росписи купцов Гусятниковых, составленной А. И. Аксеновым (см. в основном тексте пособия, с. 393—394).

Задание 5.

В приведенном ниже фрагменте родословия князей Новосильских, Одоевских и Белевских допущена ошибка. Здесь сказано, что третьим сыном князя Михаила Всеволодовича Черниговского был Семен Глуховский и Новосильский. Далее говорится:

«А от князя Семена от Глуховского и от Новосильскаго один сын Роман, из Новосили в Одоев пришел жити от насилья от татарского. А у князя у Романа у Одоевского были три сыны: князь Василей, да князь Лев, бездетен, да князь Юрьи. А княж Васильев сын Романовича Михайло. А Михайловы дети: князь Федор да князь Василей Белевские. А князь великий было Василей свел их с вотчины з Белева в опале, а дал им Волок, и жили на Волоце долго, и князь великий пожаловал их, опять им вотчину их Белев отдал; а сестра их была за князем за Васильем за Ивановичем за Обаленским княгини Опракса».

Редкие источники по истории России. Вып. 2. М., 1977. С. 112—113.

Хронологический комментарий к тексту: 1) отец Семена Глуховского, князь Михаил Черниговский, был убит в Орде в 1246 г.; 2) князь

Роман Семенович Новосильский упомянут в 1375 г. (как участник похода великого князя Дмитрия Ивановича Московского на Тверь); в конце того же года Новосиль была сожжена татарами, вследствие чего ему пришлось перейти в Одоев; 3) великий князь Василий, упомянутый в тексте, — это Василий II Темный (годы княжения: 1425—1462); он «свел» князей Белевских с вотчины «в опале» приблизительно в начале 1440-х гг.; 4) князь В. И. Оболенский, за которого была выдана замуж сестра князей Федора и Василия Белевских, упоминается в источниках с 1443 по начало 1460-х гг.

Используя правило генеалогического счета и приведенный хронологический комментарий, найдите ошибку в родословии. Сколько поколений оказалось пропущено? Для удобства расчетов составьте генеалогическую таблицу.

Задание 6.

Ниже приведено родословие Морозовых, старомосковского боярского рода, записанное в Бархатную книгу. Составьте поколенную роспись рода, используя традиционную для русской генеалогии сквозную нумерацию и учет номеров всех предков данного лица (по системе Абовилля). Включите в роспись биографические данные, которые содержатся в этой родословной книге. Попытайтесь проверить родословие на наличие ошибок, применив правило генеалогичсекого счета. Для этого используйте в качестве опорных дат упомянутые в тексте события: «Донской бой» — Куликовская битва 1380 г.; военные действия под Смоленском — Смоленские походы 1512—1514 гг.; а также имена: великого князя Василия III Ивановича (годы правления: 1505—1533), великого князя, затем — царя Ивана IV Васильевича Грозного (годы правления: 1533—1584, царь с 1547).

Род Морозовых

Иван Морозов да Василей Туша. От Ивана пошли Морозовы. А от Василья от Туши Жестовы, Чеглоковы, Филимоновы.

А у Ивана Морозова дети:

1. Михайло. 2. Федор. 3. Дмитрей. 4. Лев, бездетен, убит на Донском бою.

5. Фурс, бездетен же.

А у Михайла Ивановича Морозова 5 сынов:

1. Василей, прозвище Слепой. 2. Игнатей. 3. Давыд. 4. Борис. 5. Василей Шея.

А у Василья Михайловича один сын Григорей Поплева.

А у Григорья дети Иван да Василей, были у великаго князя Василья Ивановича в боярях; да Яков, был у великаго князя Василья ж в окольничих; да Григорей, убит под Смоленском.

А у Ивана Григорьевича один сын Семен, был у царя и великаго князя Ивана Васильевича в окольничих, бездетен.

А у Василья Григорьевича дети: Григорей, да Володимир, да Петр; были у царя и великаго князя Ивана Васильевича: Григорей в боярях, а Володимир в окольничих.

А у Григорья Васильевича дети: Лев да Иван.

А у Володимира дети: Федор да Иван.

А у Якова Григорьевича Морозова сын Михайло, был у царя и великаго князя Ивана Васильевича в боярях.

А у Михайла Яковлевича дети: Иван да Федор.

А у 2-го Михайлова сына Ивановича, у Игнатья дети: Иван Большой Глухой, бездетен; да Григорей Козел; да Петр, бездетен; да Михайло Салтык, от него пошли Салтыковы; да Иван Меньшой Глухой; да Тимофей Скряба.

У Григорья Козла дети: Кузма, бездетен, да Иван.

А у Ивана Козлова дети: Семен, да Юрья, да Афонасей, да Иван, бездетен.

А у Семена Иванова сына Козлова дети: Василей да Андрей.

А у Юрья Козлова сын Василей Горбатой.

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... которая известна под названием Бархатной книги. М., 1787. Ч. II. С. 259—261.

К разделу «Геральдика»

Задания

Пользуясь хрестоматией и прилагаемыми изображениями:

1. найдите в блазонах примеры умолчаний о тривиальных геральдических характеристиках гербовых элементов, а также ошибочные умолчания о геральдически существенных деталях;
2. укажите в гербах аугментации и собственно родовые элементы;
3. проанализируйте различия между изображениями герба Брюсов и Толстых и укажите те из различий, которые имеют геральдическое значение;
4. сделайте набросок герба графа Кирилла Разумовского, восстановив его по блазону;
5. разработайте несколько корректно и *некорректно* сокращенных версий гербов;
6. смоделируйте несколько воображаемых брачных гербов, соединяя имеющиеся в Вашем распоряжении родовые;
7. отредактируйте гербы Новгорода, Ярославля, Новочеркасска, Петрозаводска, придав им форму, предусмотренную указом 1857 г.;
8. проанализируйте герб Севастополя: соответствует ли он указу 1857 г. или его атрибуты были пожалованы в виде исключения?

I. РОДОВАЯ ГЕРАЛЬДИКА.

1. Выдержка из диплома на графское достоинство адмиралу Федору Матвеевичу Апраксину (1715).

«Дабы они особливую нашего царскаго благоволения и милости склонность искусили, того ради тою же самодержавною властью им и их наследникам гербы их родовые последующим образом умножа, вечно впредь употреблять жалуем и позволяем, то есть щит четверочастный, в котором в первой части корона с двумя обнаженными мечами, сквозь оную накрест произшедши, в четвертой шпор златой, оба в красных полях; во второй части корабль, на парусах идущий, предъявляя морские его генерал-адмирала действия в чине адмиральском в службе нашей, с добрым сукцесом показанныя; в третьей же якорь, канатом обвитой, в знак служб его в чине президента Адмиралтейства нашего нам, учиненныя в лазоревых полях, в средине щита орел двоеглавый белый в зеленом поле значит высокую нашу к нему милость, по которой он за службы свои с братом и прочими своими наследниками на степень графскаго достоинства произведены; над щитом украшения обыкновенные, а именно: корона златая графская, из которой выставлены два флага Российские белые с синими крестами, по сторонам той короны два шлема, из которых один на правой стороне имеет над собою якорь, канатом обвитой, а другой на левой стороне — корону графскую златую, из которой происходят два крыла орловые распростертые».

2. Выдержка из диплома на графское достоинство Якову Вилимовичу Брюсу (1721).

«По предъявленной от него родословной ведомости и грамоте о происхождении фамилии его, которую подлинную он явил в нашу государственную Коллегию Иностранных дел, за подписанием королевства Шкодского обер-герольдмейстера и за печатью гербовою онаго королевства, с приписанием во свидетельство рук знатных сродников его, в которой по переводу изображено, что он произошел из древней благородной фамилии Шкодской Брюсов из дому Клакманан, из которого дому были два короля Шкодские [...] Гербы его родовые последующим образом умножа вечно впредь употреблять жалуем и позволяем, то есть на поле златом крест св. Андрея и верх щитовый краснорожовыя над шлемом тогожде степени приличным плащем красным сребром раскрашенным и венцем от тех же цветов украшенным, вместо перья написуется плечо вооруженное, булаву в руке держащее поддержат, от десныя страны лев краснорожовый, от левыя же единорожец

Рис. 1. Гербовый экслибрис графа Я. В. Брюса

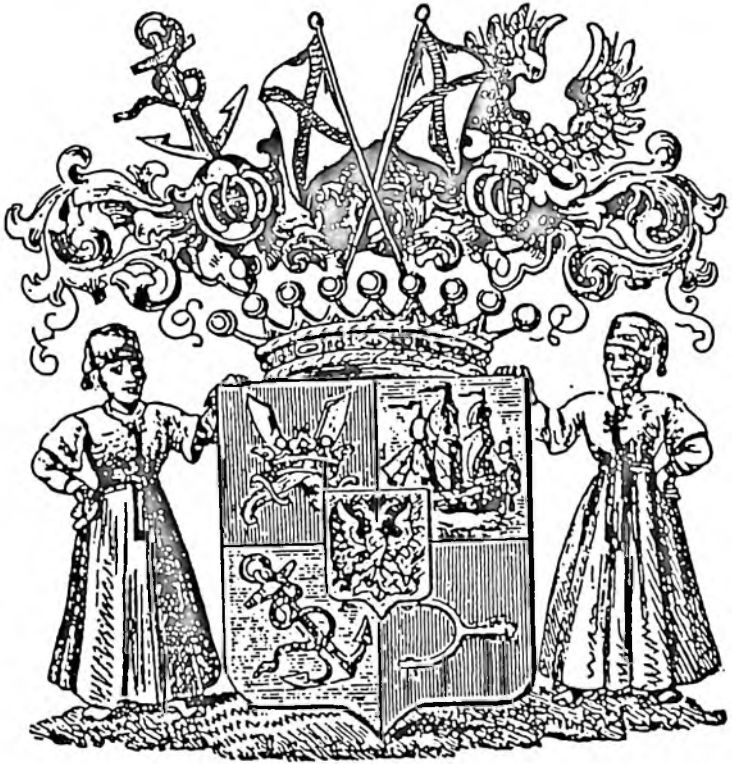


Рис. 2. Герб графов Апраксиных

Рис. 3. Пример современного графического решения герба Брюсов

Рис. 4. Герб Брюсов в ОГ

Рис. 5. Экслибрис графа Н. Толстого
работы И. Набгольца (1846 г.)

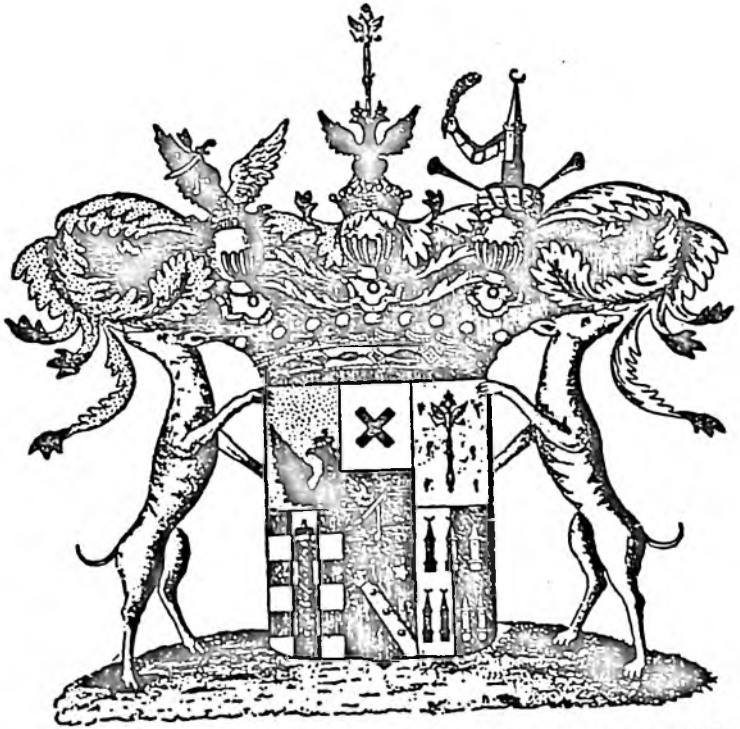


Рис. 6. Герб графов Толстых, потомков П. А. Толстого (версия ОГ)

Рис. 7. Герб А. Разумовского

Рис. 8. Пример современного графического решения герба графов Толстых

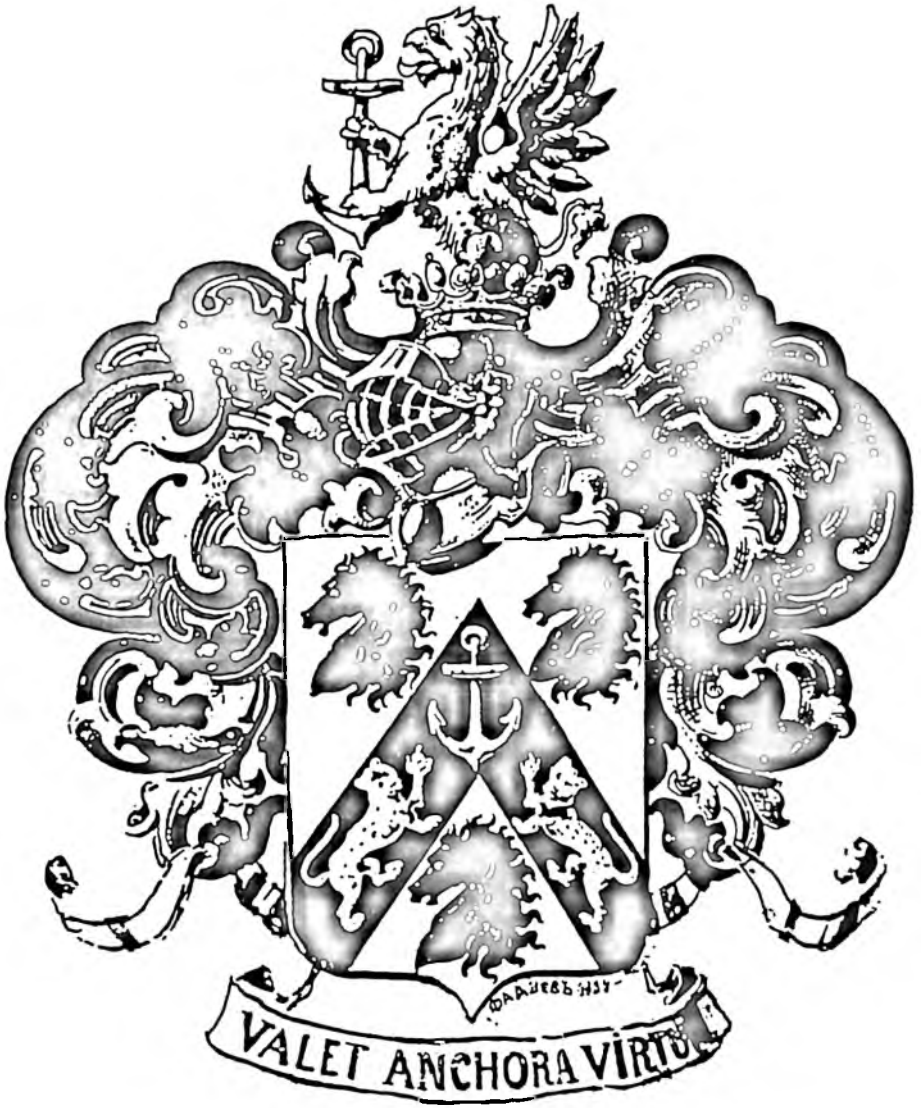


Рис. 9. Герб Гарднеров

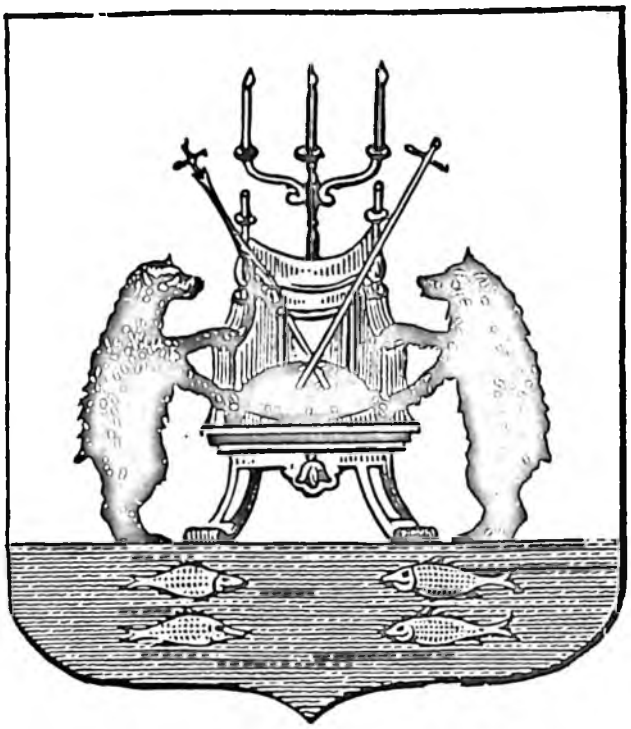


Рис. 10. Герб Новгорода (1781 г.)

Рис. 11. Герб Ярославля (1778 г.)

Рис. 12. Герб Ярославской губернии (1856 г.)

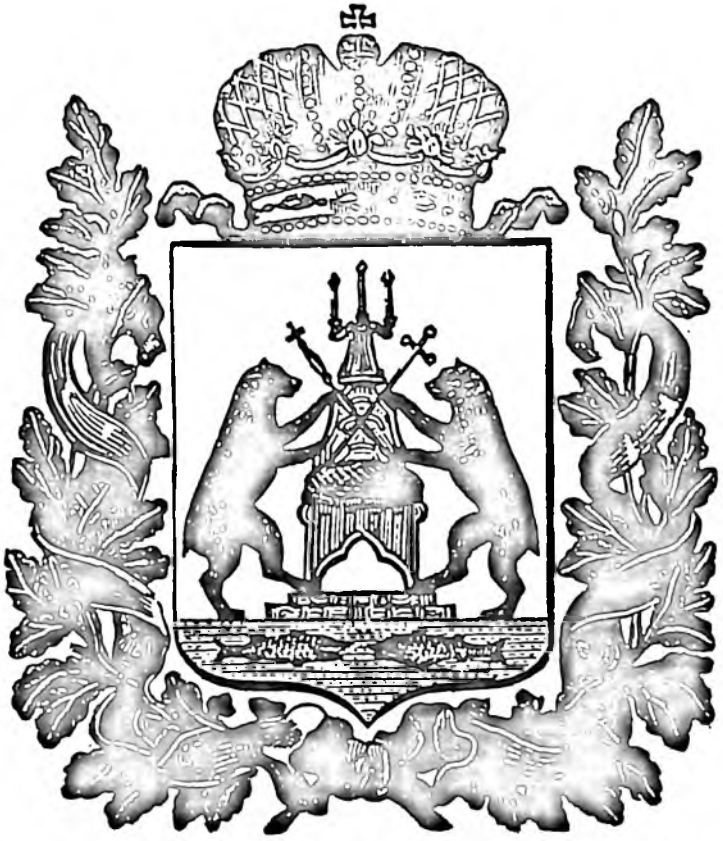
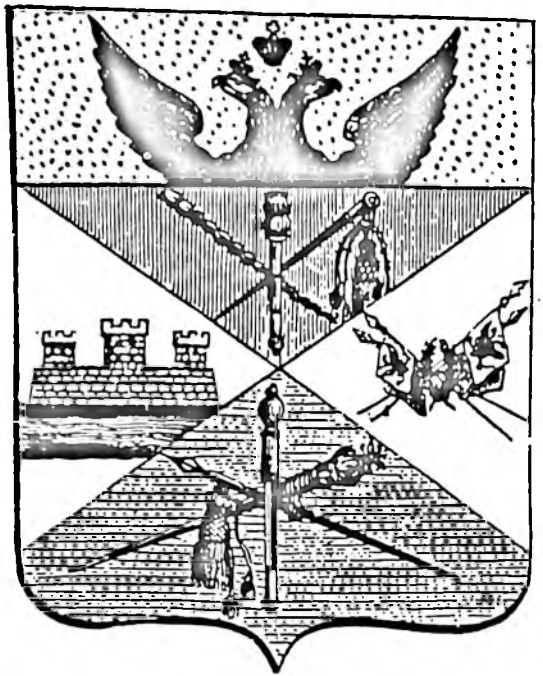


Рис. 13. Герб Новгородской губернии (1856 г.)



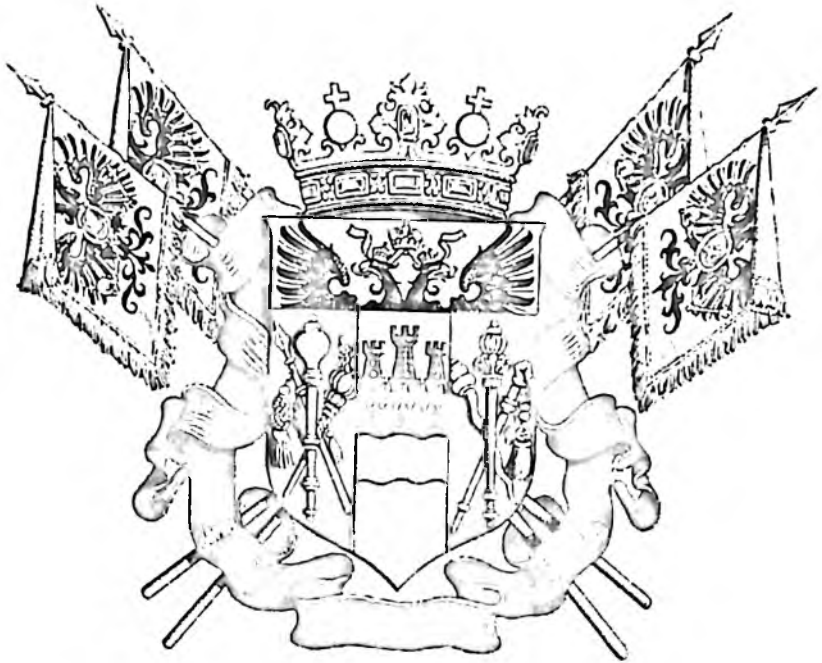
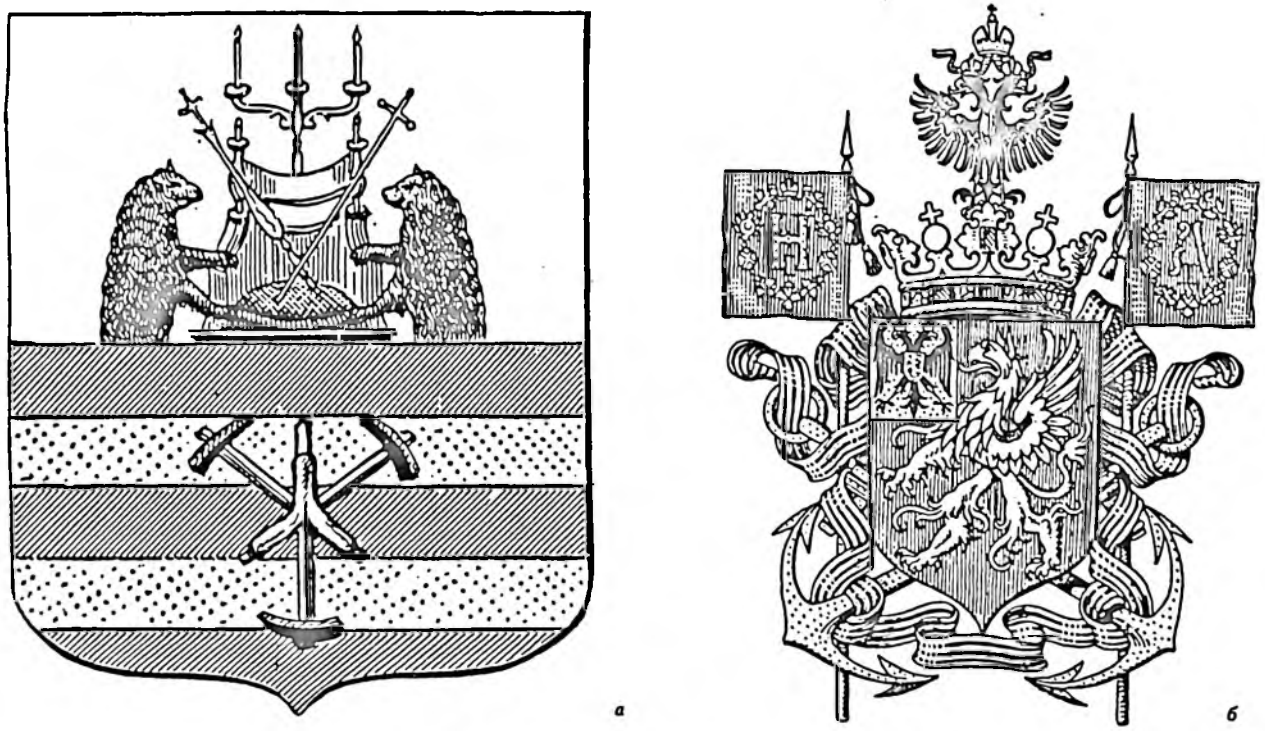


Рис. 14. Гербы Новочеркасска и области Войска Донского



а *б*

Рис. 15. Гербы, жалованные Петрозаводску в 1781г. (*а*)
и Севастополю (Севастопольскому градоначальству) в 1893г. (*б*)

природного цвета с щитовым сим надписанием: *Быхом*;[7] а к тому прежнему его гербу в прибавку, за его к нам верные и прилежные службы, как при добывании неприятельских городов, так и при баталиях по нашей милости ему наданныя и назнаменующия соизволяем ему имети сицевым образом: новый щит на четверо разделенный, в его же средине иметь ему прежний его гербовой щит, яко же выше описан, в первом и третьем разделении щита в синем поле часть белой городовой стены, справа накось налево стоящую, над оною ядро огненное с тремя пламенами натурального цвета, да за ево верную к нам службу во время бытности ево нашим первейшим полномочным министром на Аландском конгрессе, определяем ему во второе и четвертое разделение щита в белом поле с боков две темнозеленые дуги, едина против другия стоящия, между ими черная орловая глава с короною, якоже в гербе изображено, над сим щитом сверх его прежняго шлемы и украшения еще два шлемы откровенные, а имянно с правой стороны, имея корону баронскую, над оною часть городовыя стены, какова в первом и третьем разделении щита изображена, с левой стороны шлем, имея графскую корону, над оною глава черного орла с короною против изображенной во втором и четвертом разделении щита, а плащ: также, щитодержавцы и подпись употребляти ему при сем гербе таковым образом, как в его прежнем гербе изображена и цветом расписана».

3. Блазон герба из диплома на графское достоинство Толстых (1725).

«Тою же самодержавною властью мы родовые гербы фамилии Толстых последующим образом умножа, вечно впредь употреблять жалуем и позволяем, а именно: щит большой, разделенный двумя линиями в длину и одною в ширину, имеет шесть частей, из которых три внизу, а три вверху и в середине один щит же; в первой части из верхних поле золотое, в котором половина орла имперского российского, обращенного слева направо, знаменует достоинство графское нашея Империи, во втором поле серебряное, в нем крест св. апостола Андрея, лазоревый, являет за его службы первым в его фамилии удостоенным быть кавалером между высокоблагородными особами и между нашими верноподданными; в третьей поле горностайное, в котором посох золотой маршальский нашего императорского двора прямо стоящий, знаменует, что он был верховный маршал, директор во всех учреждениях и августейших церемониях, бывших при нашей торжественной коронации в Москве; из нижних же частей в первой поле шахматное серебряное с красным, в котором корона княжеская золотая, наложена на середину столба зеленого, во особливое вечное свидетельство учиненной от него великой услуги. Во второй поле

[7] В тексте дан славянский перевод латинского девиза герба: «Fuimus».

красное, в нем столб золотой, лежащий на искось верним концом вправо в угол, а нижним влево к углу же, в середине того столба три глобуса разделены поперег на двое щитового вида, у которых верх серебряный, а низ лазоревый; от того столба в верх влево к углу звезда полярная золотая знаменует чин его придвор-ный и военный, и когда он еще прежде сего при предках наших и блаженной памяти при матери нашей царице и при деверях наших в нашей империи был стольник, а потом капитан нашей гвардии, также и президент в нашей Коммерц-коллегии; третья часть разделена в длину линиею на два поля, из них одно серебряное, а другое зеленое, к той части суть семь башен, имеющих на себе полумесяцы, из тех башен на серебряном поле в длину две башни зеленые, а на зеленом в длину ж две башни серебряные, прочие же три башни суть на самой линии, в длину разделения той части поль, которых башень половины; сущия на серебряном поле зеленые, а на левом серебряные, являет, что он был нашим чрезвычайным и полномочным послом при порте Оттоманской тринадцать лет, где заключил тридесятилетний с турками мирный трактат, и от турок был двоекратно в заточении в крепости, именуемой Едикуле, т. е. седмибашенной, содержан; в среднем щите поле лазоревое, в нем лежит поперег сабля золотая, вдета в уши ключа золотаго, который концем висит вниз сквозь ушей того же ключа, от нижняго угла правой стороны вверх наискозь в угол влево продета стрела вся серебряная, и от ушей того же ключа вверх в правую сторону видится одно крыло распростерто серебряное, и тако герб, в среднем щите означенный, старинный фамилии Толстых. Над большим щитом суть три шлема, средний шлем серебряный, травы золотыя, а прочие два шлема железные, травы серебряные с обыкновенными украшениями, из лент золотых, серебряных, красных и лазоревых, над средним шлемом корона графская золотая, перлами украшенная, верх той короны стоит орел наш имперский, знаменующий его быть графа нашея Российские империи; из среди глав онаго орла стоит посох верховного маршала, поверх шлема с правой стороны изобразуется его фамилия, где зрятся два крыла распростерты, из тех одно крыло правой стороны лазоревое, на нем поперег лежит сабля золотая, вдета в уши ключа золотаго, висящего концом вниз, как видится в среднем щите, второе крыло с левой стороны все серебряное; а поверх третьяго шлема левой стороны стоит чалма солтана Турецкого зеленая, украшенная перлами, над тою чалмою башня, половина ея зеленая, а другая половина серебряная, которая на себе имеет полмесяца; из той башни видится рука согбенная, держащая перо золотое, а по сторонам той чалмы две трубы, одна с правой стороны красная, а другая с левой золотая, провозгласящая славные его в делах поступки. Из-за оных шлемов около щита, который от двух борзых собак поддержан, знаменуя верный и скорый в делах успех, обвешена кавалерия Белаго орла королей

Польских, а с трех наша российская святаго апостола Андрея кавалерия».

4а. Блазон герба из диплома на графское достоинство Кирилла Григорьевича Разумовского (1751).

«Щит, разделенный перпендикулярно на две части имеет золотое и черное поля, в коих изображен двоеглавый коронованный орел, переменных с полями цветов; на груди орла является голубой щиток, содержащий серебряную двумя красными стрелами с обеих сторон поперег пробитую лату. Сверх всего щита положена обыкновенная графская корона, над которой поставлен серебряный коронованный шлем о девяти золотых обручах, по краям золотом обложенный с висящим на нем золотым клейнодом и с стоящим сверх короны голубым прапором, изображенною на нем вышеописанною серебряною латою украшенным, при котором приложены две красныя крестообразно вверх летящия стрелы. По сторонам щита опущен намет, с правой краснаго и чернаго цветов, подложенный золотом, а с левой голубого и красного, подложенный серебром. На месте щитодержателей стоят: с одной стороны вооруженный скиф с откровенною главою, левою рукою щит держащий у котораго верхнее одеяние голубое, нижнее красное, епанча и пояс, на коем висит сабля, серебряные, а скифский лук, колчан и сабля золотые. С другой стороны таким же образом вооруженный Поляк, с обнаженною главою, щит правою рукою держащий, у котораго верхнее платье красное, а нижнее голубое, в другой руке золотое метательное копье имеющий. Внизу надпись: FAMAM EXTENDERE FACTIS».

4б. Блазон герба из диплома на графское достоинство Алексея Григорьевича Разумовского (1751).[8]

«Военной прямо стоящей[9] на подобие Андреева креста на четверо разделенной щит с голубым щитком в средине, содержащим серебряную двемя красными стрелами с обеих сторон поперег пробитую лату, яко родовой герб фамилии Разумовских. В вершине сего щита изображен черной двоеглавной златом коронованной орел, у котораго носы, лапы и нагруди крест також и в кохтях обыкновенные клейноды златые, в знак Нашей к нему Высочайшей Императорской милости, и в засвидетельствование вышеописанных его Нам и Империи Нашей показанных знатных заслуг, а внизу в черном поле золотое стропило с наложенными на нем тремя горящими гранатами натурального цвету

---

[8] Герб представляет собой версию, пожалованную в 1744 г. римским императором Карлом VII. с новыми почетными изменениями и дополнениями .

[9] Изображение с наклоном геральдически идентично «прямому»; уместно видеть здесь, как и в слове «военной», не нормативное положение, а чистую риторику.

между тремя серебряными звездами, для показания его службы и достоинства при Нашей Лейбкомпании. С обоих же боков щита в продолговатых шахматных полях голубого и серебряного цветов положен расположовинчатой черной орел из краев щита к середине обращенной, яко наддание от Его Римско-Императорского Величества в знак Его Величества к нему особливой милости. Сверьх всего щита наложена Графам Российския и Римския Империи свойственная корона, над которою является три турнирныя шлема обыкновенными обручами и приличными им клейнодами и цепьми украшенные, из которых середней серебряной и по достоинству коронованной шлем держит на себе полнаго Римския Империи орла над главами златою Императорскою корону и при том златыми диадимами украшеннаго, у котораго носы и кохти тогож металла. Второй шлем с правой стороны украшен голубым прапором с изображенною в нем серебряною латою на середнем щитке описанною и с приложенными при том на подобие Андреева креста двемя красными вверьх летящими стрелами, а третей с левой стороны находящейся шлем показывает гранодерскую шапку Лейбкомпании с белыми струсовыми перьями, обращенную к правой стороне и поставленную между двумя распростертыми чорными орловыми крылами, на которых означены по три серебряныя звезды. Шлемовной намет опущен в средине краснаго, с правой стороны чорнаго, а с левой — голубого цветов, подложенной золотом и серебром. Вместо щитодержателей стоит с одной стороны вооруженный Скиф с откровенною главою, левою рукою щит держащей, у котораго верьхнее одеяние голубое, нижнее красное, епанча и пояс, на котором висит сабля, серебряные, а скифский лук, колчан и сабля золотые. С другой стороны таким же образом вооруженной Поляк с обнаженною же главою, щит правой рукою держащей, у котораго верьхнее платье красное, а нижнее голубое, в другой руке золотое метательное копье имеющей, для показания начала фамилии Разумовских из Польскаго Королевства, и для их прежних военных служеб и храбрых действий, к чему и приложенная надпись: „Famam extendere factis“, то есть „Славу умножать делами“, склоняется».

5. Грамота дворян Гарднеров (1861).

«Божиею поспешествующею милостию, мы, Александр Второй, император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский, Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский, и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский,

Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский, и всея северныя страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския, Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем вообще и каждому особливо, чрез сию Нашу жалованную Граммату, что хотя Мы по самодержавной, от всемогущего Бога Нам данной Императорской власти и по природной Нашей милости и щедроте, всех Наших верных подданных честь, пользу и приращение Всемилостивейше всегда защищать и споспешествовать им желаем; однакож наипаче к тому склонны, чтоб тех Наших верных подданных и их роды честию, достоинством, також и особенною Нашею милостию, по их состоянию, награждать, повышать и надлежащими преимуществами жаловать и во оных подтверждать, которые по всеподданнейшей своей к службе Нашей ревности Нам и Государству Нашему отменныя услуги и верность показывают. [...][10]

Для вящшаго же свидетельства, и в признак сей Нашей Императорской милости и возведения в Дворянское достоинство, жалуем им Гардерам нижеследующий Дворянский Герб:

В серебряном поле червленое стропило, обремененное золотым якорем с таковыми же анкерштоком и кольцом, между двумя серебряными леопардами и сопровождаемое тремя лазуревыми лошадиными головами. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною. Нашлемник: возникающий золотой гриф, держащий таковой же якорь. Намет: справа лазуревый с серебром, слева червленый с золотом. Девиз: „valet anchora virtus", лазуревыми буквами на серебряной ленте.

Чего ради жалуем и позволяем помянутых Наших верноподданных Гардеров вышеписанный Дворянский герб во всех честных и пристойных случаях, в письмах, печатях на домах и домовых вещах и везде, где честь и другия случающиеся обстоятельства того потребуют, употреблять по своему изволению и рассуждению, так как и другие Нашей Империи Дворяне оную вольность и преимущество имеют. И того ради всех чужестранных Потентатов, Принцев и высоких Областей владетелей, також Графов, Баронов, Дворян и прочих чинов, как всех обще, так и каждаго особливо чрез сие дружебно просим, и от всякого по достоинству чина и состояния благоволительно и милостиво желаем, оным Гардерам сие от Нас Всемилостивейше пожалованное преимуще-

---

[10] Следует описание заслуг Гарднеров и провозглашение их дворянами .

ство в их Государствах и Областях благосклонно позволить, а Нашим подданным какогоб чина, достоинства и состояния оные ни были, сим Всемилостивейше и накрепко Повелеваем помянутых Гардеров за Наших Всероссийской Империи Дворян признавать и почитать, и им в том, також и в употреблении вышеозначенного Дворянского герба и во всех прочих Нашему Всероссийской Империи Дворянству от Нас Всемилостивейше позволенных правах, преимуществах и пользах предосуждения, обид и препятствия отнюдь и ни под каким видом не чинить.

А для вящшаго уверения, Мы сию Нашу жалованную Граммату Нашу собственною рукою подписали и Государственною Нашею печатью укрепить повелели.

Дана в февраля в 24 день; в лето от Рождества Христова тысяча восемьсот шестьдесят первое, Государствования же Нашего пятое».

II. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ГЕРАЛЬДИКА

1. Блазоны, разработанные графом Санти (перевод с французского, выполненный переводчиком Санти Б. Волковым).

«Герб ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА с колорами или цветами своими.

Поле золотое или желтое на котором изображен ИМПЕРАТОРСКИЙ орел, песошной то есть черной[11] двоеглавной с распущенными или простертыми крылами, с носами, ногами, и с лапами, с кохтьми; оной орел коронован двемя коронами золотыми,[12] и держит правой ногою в кохтях скипетр, а левою ИМПЕРАТОРСКИЙ Глобус или державу, которая препоясана в круг, также и сверху до половины, а на верху той державы есть крест золотой. Поверх поля или всего щита[13] поставлена ИМПЕРАТОРСКАЯ корона. На орловых грудях изображен герб Великого Княжества Московского, который окружен или монисто гривною или чепью, ордина с[вя]таго Андрея: и есть сей герб таков, как следует.

Поле красное на котором изображен с[вя]тый Георгий в теле,[14] с золотою короною обращен он налево, он же одет вооружен и сидит на коне, который убран своею збруею с седловою приправою с прикрышкою и подтянут подпругами, а все то колора серебренаго или белаго.

---

[11] Имеется в виду французский блазонный термин для черного цвета «sable» (букв. «песок»).

[12] Упоминание о цвете относится также к перечисленным выше «носам» и «ногам», хотя из русского перевода это не вполне ясно.

[13] Помещение средней короны *в пределах гербового щита* Российской империи стало практиковаться позднее и постепенно закрепилось в течение XVIII столетия.

[14] Имеется в виду французский термин для телесного цвета «de carnation».

Оный с[вя]тый Георгий держит свое копье в пасти или во рту змия чернаго.

А вкратце оной герб таков.

Поле красное накотором изображен с[вя]тый Георгий обращенный налево цвета белаго коронованный золотою или желтою короною. А змий есть колора или цвета песошного, то есть по геральдике черного, для того, что тако онаго с[вя]таго описуют. [...]

3. ВОЛОДИМЕР.

Поле красное со львом идущим на задних лапах, который коронован златою или желтою короною, и держит двемя передними лапами, длинной белой крест, которой непритыкается к щитовым краям.

4. НОВГОРОД.

Поле серебреное или белое с волнистою шампаниею[15] или с рекою лазоревою в которой плавают четыри рыбы белые, сшедшие носами две против двух рядом. Поверх шампании или реки стоят на задних лапах два медведя черные один насупротив другова и держат передними лапами престол, колера златаго по древнему маниру, на котором положена красная подушка, а на сей подушке поставлены наперекрест, скипетр да длинной крест желтого колора к заду или спиннику престола, поверх которого видится канделяр с тремя ветъвями того ж колора желтого, А в том канделяре свечи серебреные, то есть по гербовому белые с огнем красным. [...]

8. ПСКОВ.

Поле лазоревое имеет тигра в своей природе[16] ходяща, и одно облако серебреное или белое движущее сверху, откуду показуется перпандикулярно рука ч[е]л[о]веческая обращенная ладонию. [...]

12. КАРЕЛЬСКОЙ

Красное поле имеет две руки вверх поднятые лохтями сткнутые крест накрест и облеченные в шлемы золотые или желтые правая рука держит, а левая имеет в руке саблю серебреную или белую черен золотой или желтой которые в готовности оборонять корону золотую над ними положенную. [*На полях:*] Блиско осми м[е]с[я]цов как я подал доношение в геролдмейстерскую канцелярию, дабы мне дали гербы правинций завоеванных которых еще и по се число не получил, ибо гербы Карелские которые я объявил при сем и мне оные показал токмо Спенерус, автор геролдической.[17] Также уже несколко м[е]с[я]цов как я просил г[о]с[по]д[и]на обер секретаря иностранной колеги, дабы о том отписал в Швецию к м[и]н[и]стру ИМПЕРАТОРСКОМУ. [...]

---

[15] Французский термин «champagne» (оконечность щита).

[16] Французский термин «au naturel» (естественный цвет).

[17] Ф. Я. Шпенер (1635—1705), выдающийся немецкий геральдист и богослов. Санти пользовался его трактатом: *Spenerus Ph. J.* Insignium theoria. Francofurti ad Moenum, 1690 (2-е изд. в: Idem. Opus heraldicum. Ibid., 1717).

2. От земельного герба — к городскому.

Новгородские и ярославские гербы.

2а. Новгородский и ярославский гербы, высочайше утвержденные в 1730 г. (гербовник Миниха).

«По старому: на желтом престоле красная подушка и от нея к правой стороне скипетр, а к левой крест; от престола наверх подсвечник с тремя горящими свечами — желтые, да около престола два медведя черные; поле белое».

«Стоящий медведь черный, на плече держит в лапе чекан красный; поле желтое».[18]

2б. Герб Ярославля (1778).

«В серебряном щите, медведь, стоячи, держит в левой лапе золотую секиру на такой же рукоятке».

2в. Герб Новгорода (1781).

«В серебряном поле златые кресла с лежащею красною подушкою, на коей поставлены крестообразно с правой стороны скипетр, а с левой крест, наверху кресел подсвечник с тремя горящими свечами, а по сторонам стоящие два медведя».[19]

2г. Блазоны из Манифеста о полном гербе (1800).

«Новгородский. В щите серебреномувенчанном Короною изображены креслы, а на оных красная бархатная подушка, по обеим сторонам кресел стоят два черные Медведя, из коих стоящий на правой руке держит левою лапою золотой Скипетр а правою подушку. Второй Медведь держит в правой лапе длинной золотой Крест, а левою ту же подушку. На спинке кресел помещен подсвечник о трех шандалах с горящими свечами. Внизу сег щита находится голубое поле, в котором видны четыре серебреныя Рыбы, имеющия головы обращенныя одне против других».

«Ярославский. Имеет в серебреном поле прямо стоящаго чернаго Медведя, которой в левой лапе держит золотую Аллебарду на плече».

2д. Гербы Новгородской и Ярославской губерний (1856).[20]

«В серебряном поле, два черные медведя, поддерживающие два кресла золотые, с червленой подушкою, на коей поставлены крести-

---

[18] Ср. современный (утвержденный 27.02.2001) блазон: «Герб Ярославской области представляет собой помещенного в золотом щите черного восстающего медведя , держащего левой лапой на левом плече серебряную секиру с червленым (красным) древком. Щит венчает ярославская княжеская шапка, соответствующая узаконению 1730 года».

[19] Ошибочно не описана оконечность с четырьмя рыбами .

[20] Ввиду текстуальной близости блазонов губернских и титульных гербов последние не приводятся.

образно, с правой стороны скипетр, а с левой крест; над креслами золотой трисвещник с горящими свечами; в лазуревой окраине щита, две серебряные, одна против другой, рыбы. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою».

«В серебряном поле, черный, идущий на задних лапах, медведь; голова прямо, держит в левой лапе золотую секиру на таком же ратовище. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою».

3. От городского герба — к земельному.

Символика Войска Донского в местных гербах.

3а. Герб Новочеркасска (1803).[21]

«В золотой вершине щита, возникающий государственный орел. В верхней части — в красном поле, золотой пернач, насека и бобылев хвост; и внизу, в голубом поле, булава, бунчук и насека; в боковых частях, в серебряном поле: четыре связанные лавровым венком, знамени — два белых, голубое и красное — с изображением на них черных орлов: и над рекою красная крепость».

3б. Герб Войска Донского (Донской) области (1878).

«Щит, дважды рассеченный с главою. В среднем, серебряном поле, на лазуревом волнообразном поясе, червленая зубчатая стена с тремя таковыми-же зубчатыми башнями, из которых средняя выше. В правом, червленом поле, золотой пернач, за которым положены, косвенно на крест: серебряный бобылем хвост, на таковом же древке и серебряная же насека — эмблемы, пожалованные Войску Донскому Петром Великим; в левом, червленом-же поле, серебряная булава, за которою на крест положены, косвенно: серебряная насека, украшенная Императорским орлом, и серебряный-же бунчук, на таковом-же копье — эмблемы, пожалованные Войску Донскому, Императрицею Елисаветою Петровною. В золотой главе щита — возникающий черный Императорский орел, тремя коронами украшенный. Щит увенчан древнею Царскою короною;[22] за щитом четыре Императорские знамени, соединенные Александровскою лентою».

---

[21] Пожалован в 1803 г. Черкасску, впоследствии станице Старочеркасской; автоматически перешел к Новочеркасску при передаче городского статуса.

[22] Под этим названием Кёне вывел корону, им самим сочиненную и не совпадающую с традиционной «древней» короной с острыми зубцами, венчавшей ранее гербы входивших в Россию царств. Одноименная корона, принятая с 1856 г. в династических гербах, идентична дворянской.

4. Именной указ, объявленный Сенату Управляющим Министерством Юстиции.

«О гербах губерний, областей, градоначальств, городов и посадов» (1857).

«Министр Императорского Двора подносил на Высочайшее воззрение Государя Императора составленные Коллежским Советником Кёне, по правилам Геральдики, проекты гербов: городов губернских, уездных, приморских и крепостей.

Его Императорское Величество, по рассмотрении сих проектов, Высочайше изволил оные утвердить, с тою только отменою, чтобы в гербах приморских городов был употреблен якорь, вместо весел.

Сообщенные Министерству Юстиции Генерал-Адъютантом графом Адлербергом, удостоенные Высочайшего утверждения 7 мая и 4/16 июля 1857 года помянутые проекты, с описанием оных, Управляющий Министерством Юстиции предложил Правительствующему Сенату.

Описание Высочайше утвержденых украшений гербов губерний, областей градоначальств, городов и посадов.

Рис. А.[23]

А. Короны:

1. Императорская корона для гербов губерний.
2. Древняя царская корона для гербов уездов, областей и градоначальств.
3. Императорская для гербов столиц.
4. Царская шапка в виде венца Мономахова, для древних русских городов, бывших местопребываниями царствующих Великих Князей, например: Киев, Новгород, Тверь и пр. Казанская корона для герба города Казани, Астраханская для герба города Астрахани, Грузинская для герба города Тифлиса.
5. а) Золотая башенная корона о пяти зубцах для гербов губернских городов, имеющих более пятидесяти тысяч жителей, напр. Одесса, Рига, Саратов, Вильно, и пр.

   б) Золотая башенная корона о пяти зубцах, увенчанная Императорским орлом, для губернских городов с пятьюдесятью тысячами или более жителями, и которые вместе и крепости.
6. а) Золотая башенная корона о трех зубцах, для других губернских городов, и

   б) Таковая же корона, с Императорским орлом, для губернских городов, имеющих менее пятидесяти тысяч жителей, и которые вместе и крепости.

---

[23] В настоящей публикации рисунки не приводятся.

7. а) Серебряная башенная корона о трех зубцах, для уездных городов, и
   б) Таковая корона, с Императорским орлом, для уездных городов, которые вместе и крепости.
8. а) Червленная башенная корона о трех зубцах, для заштатных городов.
   б) Таковая корона, с Императорским орлом, для крепостей, которые не губернские и не уездные города.
9. Червленная башенная корона о двух зубцах для знаменитых посадов.

Рис. Б.

10. Польскую корону (Императрицы Анны Иоанновны) для губерний и для столицы Царства Польского.
11. Финляндская Велико-Княжеская корона для губерний и для столицы Великого Княжества Финляндского.

Б. Украшения вокруг щитов:

Рис. В.

1. Дубовые листы, с Андреевскою лентою, для губерний.
2. Дубовые листы, с Александровскою лентою, для областей и градоначальств.

Рис. Г.

3. Андреевская лента, с двумя Императорскими скипетрами, для столиц и для городов обыкновенного пребывания Их Императорских Величеств, Петергофа, Царского Села и Гатчины.
4. Александровская лента, с двумя золотыми молотками, для промышленных городов.
5. Александровская лента, с двумя золотыми колосьями, для городов, отличающихся земледелием и хлебною торговлею.
6. Александровская лента, с двумя золотыми якорями, для приморских городов.
7. Александровская лента, с двумя золотыми виноградными лозами, для городов, занимающихся виноделием.
8. Александровская лента, с двумя серебряными кирками, для городов, занимающихся горными промыслами.
9. Александровская лента, с двумя знаменами, украшенными Императорским орлом, для крепостей.
10. Георгиевская лента, с двумя знаменами, стоящими прямо и украшенными вензелем имени того Императора, во времени которого была осада, для крепостей, которые отличались против неприятеля.

Для употребления губернского герба в гербах городов, кроме губернских.

Губернский герб в городском гербе должен занимать вольную часть право (franc-quartier), или если она занята другою фигурою, принадлежащею к городскому гербу, то в вольной части влево.

Рис. Д.

См. при сем прилагаемый герб города Шлиссельбурга, с гербом Санктпетербургской губернии в вольной части вправо.

Если при учреждении новых губерний герб одного или другого города причисляется к другой губернии, тогда тоже переменяется губернский герб в вольной части городского герба.

К разделу «Метрология»

Задание 1. Метрология Русской Правды.

1.1. Выписать все метрологические единицы в Русской Правде (любое издание).

1.2. Проследить изменение контекста, в котором они упоминаются в Краткой и Пространной редакциях.

1.3. Определить размер реза, т. е. процента, взимаемого с должников.

Задание 2. Метрология новгородских писцовых книг (док. 1).

2.1. Рассчитать величину обжи в коробьях ржи и десятинах в трех полях.

2.2. Сравнить получение величины в разных деревнях.

2.3. Рассчитать общую площадь земельных угодий во дворах и деревнях, сгруппировать по размерам площадей, выбранный шаг для группировок обосновать.

2.4. Определить величину оброка на обжу в переводе на деньги, сравнить оброки на уровне деревень.

2.5. Проверить правильность расчетов писца при вычислении великокняжеского оброка с деревень.

Задание 3. Метрология внутримонастырских описаний (вытные книги 1559 и 1665 гг.: док. 4 и 7).

3.1. Выявить, какие меры объема упоминаются в вытных книгах 1559 и 1665 гг.

3.2. Высчитать площадь пашенной земли в каждом крестьянском хозяйстве в среднем в деревнях и в волости в целом (по каждой из вытных книг отдельно).

3.3. Дать группировку хозяйств по размерам запашки, указать в группах, сколько вытей, посевов и населения.

3.4. Определить размер вытей в каждом дворе, выявить колебания величин, дать группировки всех показателей во дворе, исходя из вытного оклада двора. Эту работу провести отдельно по каждой из вытных книг.

3.5. Проследить изменения размеров посевов, площадей пашенных угодий и выти от 1559 г. к 1665 г.

Задание 4. Метрология писцовых книг XVI в. (писцовые книги Водской пятины 1568 г. — город Корела, Белозерские писцовые книги 1585 г.: док. 2 и 3).

4.1. Рассчитать величину выти и сохи в десятинах в белозерских дворцовых волостях в 1585 г. (док. 3).

4.2. Определить площади угодий (пашни, сенокосов и проч.) в каждой деревне. Высчитать их процентное соотношение. Сравнить эти показатели по деревням.

4.3. Проверить итоги писцов о размерах живущих земель, числе деревень и дворов, стоимости рыбы разных пород и икры.

4.4. Определить количество погонных метров «дерев», необходимых для постройки еза.

4.5. Рассчитать площади дворовых участков и огородов в г. Корела по писцовой книге 1568 г. (док. 2). Сравнить их величины, попытаться определить, какие факторы влияли на их размеры. Высчитать процентное соотношение огородов в каждом дворе.

4.6. На основе публикации Г. М. Коваленко и И. А. Черняковой дозорных книг Шуерецкой волости Лопских погостов 1597—1598 гг. определить, сколько пашенных и сенокосных угодий приходилось на один двор в разных крестьянских хозяйствах. Попытаться выявить, какие показатели (размеры посевов ржи, количество копен сена, местонахождение угодий, число работников, учтенных дозорными книгами) влияли на «луковое» обложение в разных деревнях. Нанести полученные данные на карту-схему, то есть локализовать особенности обложения в отдельных деревнях и волостях.

Задание 5. Метрология писцовых книг XVII в. (док. 6: Писцовая книга 1626—1627 гг.).

5.1. Выявить, какие метрологические единицы содержит белозерская писцовая книга 1626—1627 гг.

5.2. Высчитать размеры угодий в каждой деревне, определить процентное соотношение пашни, сенокоса и перелога в деревнях и в волости в целом.

5.3. Рассчитать средние показатели обрабатываемой пашни в деревнях.

5.4. Определить размеры сохи и живущей чети.

Задание 6. Использование метрологии писцовых и других книг в исторических исследованиях (док. 1—7).

6.1. Сравнить размеры земельных угодий на двор и деревню новгородских, белозерских и карельских крестьян.

6.2. Выявить влияние кризиса конца XVI в. на хозяйственное положение крестьян, определить степень запустения в разных районах.

6.3. Провести сравнительный анализ единиц обложения (сохи, обжи, выти, лука).

К разделу «Историческая география»

Задания

1. Составьте списки поселений по текстам док. 4—9, учитывая тип поселения (погост, село, сельцо, деревня, починок, пустошь). На основе списков составьте таблицы соответственно годам описаний. Проанализируйте, как менялись на разных хронологических этапах: а) число поселений волости; б) количество поселений разных типов; в) изменение типа поселений.

2. По карте 1868 г. (карта 4, с. 471) выявите местоположение волости Улома. На основе таблиц поселений составьте исторические карты по хронологическим срезам, используя карту 1868 г.

Возьмите карту, полученную на основе описания 1559 г., и текст источника (семенник Уломской волости — док. 4). Придумайте условные знаки для отображения: а) числа дворов в деревнях; б) высеваемых культур. Составьте отдельную карту, используя эти условные знаки.

ТЕКСТЫ

Док. 1.

Извлечение из писцовой книги Водской пятины письма и меры Дмитрия Китаева 1500 г.

В Келтушском же погосте великого князя деревни, что были Лиситцкого монастыря из Новагорода.

Отдано Мышетцким же

Деревня на Кобылицах. (д[24]) Сенька Демин, сын его Фомка; сеют ржи семь коробей, а сена косят сорок копен, две обжи. А старого дохода денег три гривны, три пятка льну, а из хлеба четверть.

---

[24] (д) — сокращенно «двор».

Деревня Ганушкино на Кобылицах. (д) Палка Парфеев, сын его Куземка; сеют ржи восмь коробей, а сена косят тридцать копен, две обжи. А старого дохода денег три гривны, три пятка льну, а из хлеба четверть.

Деревня в Кяхкоме Угол. (д) Ондрейко Ивашков Кочан, дети его Михал да Савостьянко; сеют ржи десять коробей, а сена косят пятьдесят копен, две обжи. А старого дохода денег три гривны, три пятка льну, бочка пива, а из хлеба четверть.

И по старому письму три деревни, три дворы, шесть человек, пять обеж, две сохи без трети. А старого дохода денег девять гривен, девять пятков льну, бочка пива, а из хлеба четверть.

А по новому доходу три деревни, а в них три дворы. А людей в них семь человек, шесть обеж, две сохи, а оброку положено деньгами рубль и четыре гривны без двух денег; а за четвертной хлеб положено хлеба поспом двенадцать коробей ржи, шесть коробей ячьмени, двенадцать коробей овса; а за хлеб положено деньгами, за коробью ржи десять денег, за коробью ячьменя семь денег, за коробью овса пять денег, и того положено за хлеб деньгами рубль и шесть денег. И всего оброку положено деньгами и за хлеб два рубля и четыре гривны и четыре деньги, опричь обежные дани. И при старом письме прибыло человек, обжа, треть сохи. А семян великого князя за христьяны в тех деревнях три коробьи ржи, семь коробей овса, четвертка ячьмени.

Вестник ОИДР. 1851. Т. 11.

Док. 2.

Извлечение из писцовой книги Водской пятины 1568 г.

Город Корела, а в нем церковь Воскресенье Христово да придел Сергей чюдотворец. А дворов в городе в Кореле: (д) воевотцкой.

Да в Кореле на посаде в Спаской улице дворы нетяглые: (д) намесничь, а в нем дворник Иванко скорняк, длина двору 18 сажен, а поперег 12 сажен; (д) тиунской стоит пуст, длина двору и поперег двора по 6 сажен; (д) довотчиков, а в нем дворник Михалко, длина двору 7 сажен, а поперег 6 сажен; (д) довотчиков же, а в нем дворник Бориско Федоров, длина двору 7 сажен, а поперег пол-4 сажени; (м)[25] дворовое князя Семена Путятина, длина ему 9 сажен, а поперег 5 сажен.

Да в Кореле же на посаде Спаской улице дворы и места дворовые нетяглые за земцы: (д) земцов Петра Иванова сына з братьею да Томилка Истомина сына, да Павлика Семенова Балакшиных, длина двору 12 сажен, а поперег 13 сажон; (д) земцов Тренки да Гришки Мурзановых детей Рокульского, длина двору 13 сажон, а поперег пол-5 сажени,

[25] (м) — сокращенно «место».

а огороду длина 8 сажон, а поперег 2 сажени; (д) Ждана да Улана з братьею Рокульских, длина двору 13 сажон, а поперег пол-6 сажени; (д) земцов Козьмы Гаврилова; (д) Бориса Семенова з братьею Морозовых, длина двору 13 сажон, а поперег 10 сажен; (д) земца Трофимка Яковлева, длина двору 6 сажен, а поперег 3 сажени, а огороду длина пол-4 сажени, а поперег 3 сажени; (д) земца Игнатья з братьею да Максимка з братьею Фекиных, длина двору 6 сажен, а поперег пол-8 сажени; (м) дворовое Перши Кирилова Морозова, длина двору 10 сажен, а поперег 4 сажени; (д) земца Невзора Бабинского, длина двору 10 сажен, а поперег 6 сажен, а огороду 9, а поперег 4 сажени; (м) дворовое городового приказщика Некраса Рокульского, длина ему 6 сажон, а поперег 5 сажен.

Да на Ореховской стороне: (д) земца Родивонка Корнилова з братьею, длина двору 7 сажен, а поперег 10 сажен, а огороду длина 25 сажен, а поперег 10 сажен...[26]

Писцовая книга Водской пятины 1568 года // История Карелии XVI—XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987. Т. 1. С. 55.

Док. 3

1585 г. — Извлечение из писцовой книги езовых дворцовых волостей Белозерского уезда

Волость Веретейка Малая того ж УстьУгольского приказу

А в ней погост, а на погосте церковь святых мученик Сергия и Вакха древяна клетцки да церковь теплая Пятница вверх. А в церквах образов, и свеч, и книг, и риз, и всякого церковного строения царя и великого князя нет. А в церквах образы, и свечи, и книги, и ризы, и всякое церковное строение, и клепало железное — мирское. А церкви ставят приходом. А дворов на погосте: (в)[27] поп Наум Федоров, в келье понамарь Иванко, в келье проскурница Матреница, да келья, а живут в ней нищие, питаются от церкви Божие; а крестьянских дворов: (в) Митька Григорьев, (в) Ивашко Григорьев. Пашня церковные паханые середние земли 5 десятин, да крестьянские паханые 11 десятин, да перелогу пол-7 десятины в поле, а в дву по тому ж. Сена церковнаго 15 копен, а крестьянского сена пожни пол-6 десятины, сена 55 копен, да на Шексне полторы десятины, сена 15 копен. А вытей в живущем полторы выти и пол-полчети выти, а в пусте выть без пол-полчети выти. А церковная пашня в выти и в сошное писмо не положена.

Деревня Селище на речке на Шексне на усть речки Ирдомки, а в ней крестьян: (в) Судорко Стефанов, (в) Шемячко Наумов, (в) Рудачко

---

[26] Далее следует описание остальной части города Корелы.

[27] (в) — сокращенно «во дворе».

Наумов, (в) Максимко Сурин, 3 дворы пусты. Пашни паханые середние земли 5 десятин, да перелогу 12 десятин, да лесом поросло 10 десятин с полудесятиною в поле, а в дву по тому же. Пожни 9 десятин, сена 90 копен. А в живущем выть без чети, а в пусте 3 выти с четью без пол-полчети выти.

Деревня Бычья Гора, а в ней крестьян: (в) Якушко Иванов, (в) Поздейко Наумов; а непашенной (в) Трошка Ноугородец. Пашни паханые худые земли 2 десятины с полудесятиною да перелогу 3 десятины с полудесятиною в поле, а в дву по тому же. Пожни полторы десятины, сена 15 копен. В живущем четь выти и пол-полчети выти, а в пусте полвыти без пол-полчети выти.

Дер. Погорелое, а в ней крестьян: (в) Истомка Романов, (в) Рудачко Нифонтов да двор пуст. Пашни худые земли пол-3 десятины да перелогу пол-5 десятины в поле, а в дву по тому ж. Пожни полдесятины, сена 5 копен, да на Шексне на Туркове наволоке 3 десятины, сена 30 копен. В живущем четь выти и пол-полчети выти, а в пусте полвыти и пол-полчети выти.

Дер. Игнатово у озерка у Игнатовского, а в ней крестьян: (в) староста Лаврюк Михайлов, (в) Андрюшка Васильев, (в) Васка Назаров, (в) Неупокойко Подосенов, (в) Тимошка Михайлов да 3 дворы пусты. Пашни паханые худые земли 4 десятины, да перелогу да лесом поросло 28 десятин с полудесятиною в поле, а в дву по тому ж. Пожни пол-4 десятины, сена 35 копен, да на Шексне у речки у Лендубуя, на речке на Пени, да на речке на Ирдомке 6 десятин, сена 60 копен. В живущем полвыти, а в пусте полчети выти и пол-полчети выти.

Дер. Поддубье, а в ней крестьян: (в) Майко Иванов, (в) Гаврилко Полуехтов, (в) Первушка Андронов. Пашни паханые середние земли 2 десятины да перелогу 10 десятин с полудесятиною в поле, а в дву по тому ж. Сена на Шексне по речке по Вязовке 2 десятины, сена 20 копен. В живущем четь выти, а в пусте полторы выти.

Дер. Кузнецово на реке на Шексне, а в ней крестьян: (в) Парфенко Юрьев, (в) Безсонко Невзоров, (в) Юдка Сумин да двор пуст. Пашни паханые середние земли 5 десятин да перелогу 5 десятин в поле, а в дву по тому ж. Пожни пол-6 десятины, сена 50 копен. В живущем выть без чети, а в пусте выть же без чети.

Дер. Рудинское Раменьеце, а в ней крестьян: (в) Боженко Прокофьев, (в) вдова Марьина Милютинская иена Гаврилова да двор пуст. Пашни паханые середние земли 2 десятины да перелогом и лесом поросло 11 десятин в поле, а в дву по тому ж. Пожни 4 десятины, сена 40 копен. В живущем четь выти, а в пусте полторы выти и пол-полчети выти.

Дер. Сологост Меньшая, а в ней крестьян: (в) Андрюша Юрин, (в) Романко Самсонов. Пашни паханые худые земли 4 десятины да лесом поросло 8 десятин в поле, а в дву по тому ж. Пожни 5 десятин да на

реке на Шексне под Кузнецовым полдесятины. В живущем полвыти, а в пусте выть...[28]

И всего в волости в Малой Веретейке погост, да 8 деревень, да 9 деревень пустых, да 25 пустошей. А на погосте и в живуших деревнях 25 дворов крестьянских, е людей в них то ж, двор непашенной да 26 дворов пустых. Пашни паханые середние земли 25 десятин, да худые земли 14 десятин, да перелогом середние земли 34 десятины, да лесом поросло 21 десятина с полудесятиною, да перелогу худые земли 115 десятин, да лесом поросло 224 десятины в поле, а в дву по тому ж. Пожни 47 десятин с полудесятиною, сена 475 копен, да у пустошей пожни 89 десятин. Лесу пашенного 22 десятины да лесу ж большего пашенного и непашенного от реки от Шексны от Коленцовского езу по надпорожские деревни села Надпорожского да по Федорову вотчину Блинова в длину на 10 верст, а поперег на 3 версты, а по другую сторону реки Шексны от Коленцовского езу по монастырьскую по кириловскую землю в длину на 3 версты, а поперег на версту. А в том лесу дров косяков и кошем на продажу не секут. А вытей в живущем 5 вытей с четью и пол-полчети выти, а в пусте 51 выть и пол-полчети выти. А сошного писма в живущем пол-полчети и пол-пол-полчети сохи, а в пусте соха.

И с тое Веретейские волости ямских денег им не платить, и посошные службы с них не наряжати, и города им не делати. И за ямские деньги, и за посошную службу, и за городовое дело бити им царев и великого князя ез Коленцовской...

А в том езу 32 козла. А в тот ез выходит лесу большего на козлы, и на переклады, и навалу 180 дерев 6-ти и 7-ми сажен, да на осляди 93 дерева целых 16-ти сажен, да на грузила, и на суковатики, и на вилы середнево лесу 150 дерев 7-ми сажен. Да в клетку выходит 50 дерев пол-3 сажени, а мелково лесу на засов 1500 жердей 5-ти сажен, да в воротах кладут на лето по 3 сежи. А в пором выходит большего лесу 7 колод 15-ти сажен, да поперечных 6 бревен пол-3 сажени, да 30 тесниц пол-3 сажени, да стырь, да палица. А х тому езу лесу езового по реке по Шексне вниз от митрополичьи земли по монастырьскую по кириловскую землю деревни Рослово в длину на 5 верст, а поперег 3 версты.

А с того с Коленцовского езу давати им государева оброку 60 осетров, а давати им тое рыбы 17 осетров семерников, 25 осетров пятерников вислых, да 7 осетров свежих, да 11 осетров косячных; да 2 шевриги вислых; да 2 белые рыбицы; да пол-8 пуда икры осетрьи. А возити им та рыба к Москве на 3 сроки: половина осетров вислых, и шеврига, и белая рыбица, и икра на Ильин день, а другая половина вислых осетров, и косячные осетры, и шеврига, и белая рыбица, и икра во-

[28] Далее следует описание пустых деревень и пустошей.

зити им в осень на Дмитреев день Селунского, а свежие осетры на Николин день осенней.

А в котором году царь и великий князь тое рыбы и икры у них имати не велит, и им за тое рыбу и за икру давати деньгами 55 рублев и 21 алтын 4 деньги: за вислой осетр за семерник, и за пятерник, и за косячнои по 30 алтын без гривны, за осетр за свежей по 40 алтын, а на шеврюгу по 10 алтын, а за белую рыбицу по полуполтине, а за икру за пуд по полтине. А голов вислых осетров к Москве не возити, а давати им за 42 головы осетрьи 28 алтын.

Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года / Сост. В. С. Барашкова, З. В. Дмитриева, Л. С. Прокофьева; Под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1981.

Док. 4

1559. Извлечение из вытных книг Кирилло-Белозерского монастыря

Семянник Уломского ключа и деревень

Ключ Уломской. Дер. Великой Двор 3 выти. Малышка на полвыти ржы 4 чети, овса 6 четий. Федко на полвыти ржы 4 чети, овса 6 четий. Мосака на полвыти ржы 3 чети, овса 5 четий. Некрас на полвыти ржи 3 чети, овса 5 четий. Давыд з братом с Лихачем на выти ржы пол-6 чети, овса 14 четий. И всех симян ржы 20 четий без осмины, овса 36 четий.

Дер. Болванцы выть. Железники Васко з братьею ржи 9 четий, овса 12 четий.

Дер. Прокунинская пол-2 выти. Соза на полвыти ржы 4 чети, овса 10 четий. Буруда да Малей на выти ржи 5 четий, овса 10 четий. И всех симян ржы 9 четий, овса 20 четий.

Дер. Фомушинская пол-3 выти. Олексей на полвыти ржы 4 чети, овса пол-8 чети, ячмени пол-осмины. Васко на выти сеет 4 чети ржы, овса пол-8 четий, пол-осмины ячмени. Фетко на полвыти сеет ржы 4 чети, овса пол-8 чети, пол-осмины ячмени. Овдоким на полвыти ржы 4 чети, овса пол-8 чети, ячмени пол-осмины. Дема на полвыти ржы 4 чети, овса пол-8 чети, ячмени пол-осмины. И всех симян ржы 20 четий, овса 30 четвертей и пол-8 чети, ячмени четь с пол-осминою.

Дер. Тюртино полвыти. Серко сеет пол-5 чети ржи, овса 9 четий.

Дер. Мосиевское 2 выти. Кобель з детьми сеет на пол-2 выти ржи пол-10 чети, овса 20 чети, пшеницы пол-осмины. Онисим на полвыти ржы 3 чети, овса 5 четий. И всех симян ржи пол-13 чети, овса 25 четий, пшеницы пол-осмины.

Дер. Обанино выть. Иван да Сохач сеют на полвыти ржы пол-4 чети, овса пол-8 чети. Огарок на полвыти ржи пол-4 чети, овса пол-8 чети. И всех симян ржы 7 четий, овса 15 чети, ячмени осмина.

Дер. Орлецы полвыти. Заня сеет ржи 4 чети, овса 5 четий.

Дер. Дымково 2 выти. Ерема з детьми на выти ржи 7 четий, овса 10 четий, ячмени осмина. Иван з братьею сеют на выти ржы 7 четий, овса 10 четий, ячмени осмина. И всех симян ржи 14 чети, овса 20 четий, ячмени четь.

Дер. Шатрец 2 выти. Копос сеет на полвыти ржи 3 осмины, овса пол-4 чети, ячмени пол-осмины. Васко сеет на полвыти ржы 3 осмины, овса пол-4 чети, ячмени пол-осмины. Степан на полвыти сеет ржы 3 осмины, овса пол-4 чети, ячмени пол-осмины. Митя на полвыти сеет ржы 3 осмины, овса пол-4 чети, ячмени пол-осмины. И всех симян ржы 6 четий, овса 15 четий, ячмени четь.

Дер. Усарево выть. Купря на пол-выти сеет ржи 4 чети, овса 8 четий, пол-осмины ячмени. Малыга на полвыти ржы сеет 4 чети, овса 8 четий, ячмени пол-осмины. И всех симян ржи 8 четий, овса 6 четий, ячмени осмина.

И всех деревень в Уломском ключе 11. А вытей в них 17. А сеют хрестьяне монастырских симян в тех деревнях на своих пашнях ржы 113 четий со осминою, овса 210 четий со осминою, ячмени 4 чети с полосминою, пшеници пол-осмины. И всяких симян сеют в Уломском ключе 320 пол-9 чети.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в. М.; Л., 1983. Ч. I. С. 20—22.

Док. 5

1599 г. сентября 1 — Извлечение из хлебного оброчника Кирилло-Белозерского монастыря

Улома.

Дер. Дымково 2 выти. У Никона, да у Богдашка Онтонова, да у Левки Игнатьева 2 чети ржи да четь овса, четь ячмени. Оброк сполна.

Дер. Прокунино. С выти у Матфейка Левонтьева да у Шумила Терентиева взято оброку осмина ржи, осмина овса, а полвыти в пусте.

Дер. Великой Двор пол-3 выти. У Фадея, да у Иванка, да у Савы взято 3 осмины ржи, 3 осмины овса. Оброк сполна.

Дер. Кобелево 2 выти. У Фили Федотова з братьею взято 3 осмины ржи, да 5 чети овса, да пол-осмины пшеницы. Оброк сполна.

Дер. Болванцы выть. У Семена да у Клима взято четь ржи, 2 чети овса. Оброк сполна.

Дер. Фомушыно 2 выти. У Коленка, да у Собура, да у Мити, да у Огафана, да у Левы, да у Микифора взято 3 чети ржи, да 6 чети овса, да четь ячмени. Да у Василья взято 3 пол-осмины ржи, 3 осмины овса, полосмины ячмени . И всего с Фомушина оброку 4 чети без полуосмины ржи да 7 чети с осминою овса, да четь с пол-осминою ячмени. Оброк сполна.

Дер. Обанино выть. У Офони да у Степана взято четь ржи, 2 чети овса, осмина ячмени. Оброк сполна.

Дер. Орлецы полвыти. Взято у Савы осмина ржи да четь овса. Оброк сполна.

И всего на Уломе в деревнях в оброке 12 выти. И всего взято с Уломы оброчные ржи 11 чети с осминою и с полуосминою да овса 20 чети с осминою, да ячмени 2 чети полторы осмины, да пол-осмины пшеницы.

Да у Шатрецкого езу деревня Шатрец полторы выти. У Сергея, да у Онтона, да у Офони, да у Пятуни взято оброку осмина ржи, четь овса, четь ячмени. Оброк сполна.

Дер. Усарево пол-2 выти. У Кондрашы да у Микиты взято осмина ржи, осмина овса, пол-осмины ячмени.

С Танищ з деревни с Рыхонца у Суободки Матфеева с товарыщи 6 чети ржы 4 чети овса. И всего взято оброк с Уломы и Шатрецкого езу деревни Шатреца и с Танищ деревни с Рыхонца ржи 18 чети с осминою и с полуосминою да овса 26 чети, ячмени 4 чети да пол-осмины пшеницы. И всего оброку с Уломы и Шатрецкого езу з деревни с Шатреца и с Танищ деревни с Рыхонца взято ржы и овса и ячмени и пшеницы 49 чети.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в. М.; Л., 1983. Ч. III. С. 336—355.

Док. 6

1626—1627 гг. Извлечение из писцовой книги Белозерского уезда письма князя М. Л. Шаховского и подьячего М. Козлова

Волость Улома, а в ней: Деревня Дымково, а в ней крестьян: в. Якушка Третьяков, в. Гришка Никанов; да бобыльских дворов: в. Карпунка Третьяков, в. Кондрашко Никанов. Пашни паханые середние земли пять чети да лесом поросло две чети в поле, а в дву по тому же. Сена по реке по Шексне десять копен. Лесу болота две десятины.

Деревня Рябково, а в ней крестьян: в. Горяинко Максимов, двор пуст Ивашки Иванова, умер. Пашни паханые середние земли две чети да лесом поросло три чети в поле, а в дву по тому же. Сена две копны.

Деревня Кобелево, а в ней крестьян: в. Ортемко да Михалко Ивановы; да бобыльских дворов: в. Фадейко Максимов, в. бобылка вдова Овдотьица Григорьева дочь. Пашни паханые середние земли три чети, да лесом поросло пять чети в поле, а в дву по тому же. Сена пять копен, лесу болота две десятины.

Деревня Фомушино, а в ней крестьян: в. Исачко Васильев да Тимошка Шумилов; в. бобылей: Карпушка Степанов да Данилко Дмитриев. Пашни паханые середние земли две чети да лесом поросло пять чети в поле, а в дву по тому же. Сена пять копен.

Деревня Прокунино, а в ней во дворе бобылей: Никитка Ильин да Трофимко Семенов. Пашни паханые середние земли две чети да лесом поросло четыре чети в поле, а в дву по тому же. Сена две копны.

Деревня Великой Двор, а в ней крестьян: в. Васка Савельев; да бобыльских дворов: в. Ансифорко Жданов, в. Ивашко Тарасов да Гришка Иванов. Пашни паханые середние земли три осмины да лесом поросло шесть чети в поле, а в дву по тому же. Сена три копны.

Деревня Болванцы, а в ней бобыльских дворов: в. Левка Игнатьев, в. Офонка Нечаев да Сергейко Иванов, двор пуст Семейки Давыдова. Пашни паханые середние земли пять чети да лесом поросло три чети в поле, а в дву по тому же. Сена пять копен. Лесу болота пять верст.

Деревня Новцо, а в ней во дворе бобыль Купреянко Иванов. Пашни паханые середние земли осмина да лесом поросло три чети в поле, а в дву по тому же. Сена копна.

Пуст. Орлецы, а в ней пашни лесом поросло середние земли пять чети в поле, а в дву по тому же. Сена две копны.

Пуст. Нечайковское, а в ней пашни лесом поросло середние земли шесть чети в поле, а в дву по тому же. Сена пять копен.

Деревня Шатрецкая на реке на Шексне, а в ней крестьян: в. Серешка Иванов; в. бобыль Офонка Нечаев. Пашни паханые середние земли шесть чети да лесом поросло пять чети в поле, а в дву по тому же. Сена по реке по Шексне семь копен. Лесу болота десять десятин.

И всего семь деревень да две пустоши, а в них семь дворов крестьянских, а людей в них девять человек, да одиннатцать дворов бобыльских, а людей в них пятнатцать человек, да два двора вдовьих, да двор пуст. Пашни паханые середние земли крестьянские дватцать семь чети да лесом поросло сорок семь чети в поле, а в дву по тому же. Сена сорок семь копен. Лесу болота девятнатцать десятин.

А сошного писма в живущем и в пусте пол-полчети и пол-пол-полтрети сохи. И перешло за сошным писмом четь пашни.

А по государеву указу платить з живущего Уломские волости з деревень в сошное писмо с чети и с трети четверика пашни.

ОР РНБ. СПбДА. А1/16. Л. 70—71.

Док. 7

1665 мая 24 — Извлечение из вытной книги Кирилло-Белозерского монастыря письма келаря Матфея Никифорова

Лета 7173-го маия в 24 день Кирилова монастыря старец Матфей Никифоров переписал Кирилова же монастыря в Подмонастырье и в вотчинах... села и деревни, и в деревнях по имяном крестьян и их детей, и братью, и племянников, и внучат и бобылей, и под кем сколько вытново тягла...

Уломская волость.[29]

---

[29] В рукописи написано на верхнем поле, частично срезано.

Деревня Дымково, по старому окладу выть с третью, а в ней крестьян. Во дворе Трифонко Никонов, у него дети: сын Федка 20 годов, другой сын Митка 10 годов, третей сын Васка 8 годов, четверной сын Якунка 5 годов; тягла под ним четь выти; сеет ржы четь в поле, а в дву по тому же; сена в одном поле копна. Во дворе Елфимко Трифанов, у него дети: сын Ивашка 9 годов, другой сын Микитка 5 годов, третей сын Артюшка 3-х годов, четвертой сын Петрунка 2 годов; тягла под ним пол-полтрети выти; сеет ржы 3 черпки в поле, а в дву по тому же; сена в одном поле копна. Во дворе Кондрашка Папильев, у него дети: сын Федотко женах, другой сын Панка женат, третей сын Фадейко 20 годов, четвертой сын Петрунка 12 годов; тягла под ним полвыти; сеет ржы 3 осмины в поле, а в дву по тому же; сена в одном поле 2 копны. Во дворе Трифанко Папильев, у него дети: сын Исачко 30 годов, другой сын Васка 20 годов, поучен грамоте, живет в монастырских; тягла под ним треть выти; сеет ржи четь в поле, а в дву по тому же; сена в одном поле копна. Во дворе Оска Яковлев, у него сын Степка годовой, тягла под ним полтрети выти, сеет ржы осмину в поле, а в дву по тому же, сена в одном поле полкопны. В межах деревня Дымково Уломские мелницы з землею да с Рябковым. Да к той же деревне отхожево сена по реке Уломе выше Дымкова к Уломской мелнице на дымковской стороне меж каргобоцкими пожни и у Уломской дороги 19 копен. Да на речке же Уломе по край дымковского поля сена 20 копен. Да по Уломе же на другой стороне реки под деревнею Рябковым меж монастырскою пустошью Орлецом и оксеновскими пожни сена 20 копен.

Деревня Рябково, по старому окладу 2 трети выти, а в ней крестьян. Во дворе Коземка Гурьев, у него дети: сын Степка 10 годов, другой сын Афонка 8 годов, третей сын Митка 6 годов, четвертой сын Дениско 3-х годов, тягла под ним треть выти; сеет ржы 3 осмины в поле, а в дву по тому же; сена в дву полях 5 копен. Во дворе Федка Миктин, у него сын Володка 6 годов, тягла под ним полтрети выти, сеет ржи 3 полуосмины в поле, а в дву по тому же, сена в дву полях пол-3 копны. Во дворе Тимошка Сергеев, у него сын Оска 3-х годов, тягла под ним полтрети выти, сеет ржы 3 полуосмины в поле, в дву по тому же, сена в дву полях пол-3 копны. Да к той же деревне отхожево сена по речке Уломе на дымковской стороне ниже монастырские пустоши Орлецов и меж прокунинскими пожнями 16 копен. Да по Уломе же на той же стороне меж Осошней и суховерховской и фомушинской пожнями сена 9 копен. По Уломе же ниже Рябкова в ыгороде сена 9 копен, да от болота Сокольи Чисти по речке Задней сена 3 копны. На Уломе же на рябковской стороне меж Кобелевскою землею сена 9 копен.

Деревня Кобелево, по старому окладу выть с третью и полполтрети, а в ней крестьян. Во дворе Кирсанко Артемьев, у него дети: сын Васка женат, у Васки сын Степка 3-х годов, у Кирсанка же другой сын Аникейко женат; тягла под ним треть выти; сеет ржы 3 осмины в

поле, а в дву по тому же; сена в трех полях 30 копен. Во дворе Фадейко Максимов, у него дети: сын Фомка женат, другой сын Ивашко женат; тягла под ним полвыти; сеет ржы 2 чети с полуосминою в поле, а в дву по тому же; сена в трех полях 45 копен; да у него же, Фадейка, на подворье бобыль, зять ево, Харка Остафьев, у него сын Артюшка 12 годов, другой сын Андрюшка 10 годов, третей сын Тимошка 6 годов. Во дворе Кузка Семенов, у него сын Еска женат, уЕски сын Ивашко годовой, тягла под ним четь выти, сеет ржы четь с черпком в поле, а в дву по тому же; сена в трех полях 22 копны. Во дворе Ивашко Трифанов, у него сын Федка 5 годов, тягла под ним треть выти, сеет ржы 3 осмины в поле, а в дву по тому же, сена в трех полях 30 копен. В той же деревне бобыль Фомка Кирилов, у него дети: сын Кузка 20 годов, другой сын Васка 10 годов, живет на Уломской мелнице, третей сын Минка 7 годов, живет на Прокунине у Колки Микитина, а Фомка кормитца в мире, ногами скорбен. Смежна деревня Кобелево с Рябковым да с Фомушиным, спору о земле ни с кем нет. Да к той же деревне отхожево сена на реке Уломе на кобелевской стороне выше Кобелева в пригоне меж березницкими пожнями 19 копен. Да ниже Кобелева на той же стороне в пригоне же сена 12 копен, на реке же на Уломе подле речки Пажбы меж фомушинскими и боровскими пожнями сена 9 копен. На той же реке Уломе на броду меж фомушинскими пожнями сена 6 копен. На другой стороек реки против Кобелева меж прокунинскими пожнями и болотом сена 19 копен. Да Сокольи Чисти на болоте подле Задней речки 30 копен.

Деревня Фомушино, по старому окладу две выти бес трети, а в ней крестьян. Во дворе Софонко Исаков, тягла под ними треть выти, сеет ржы 3 осмины в поле, а в дву по тому же, сена в трех полях 15 копен; да у Софонка же на подворье бобыль Антонко Осипов, увечен ногами, работать не может. Во дворе Ивашко Фалелев, у него дети: сын Ивашко 10 годов, другой сын Елеска 7 годов; да у него же брат родной Ивашка же женат; тягла под ним треть выти; сеет ржы 3 осмины в поле, а в дву по тому же; сена в трех полях 15 копен. Во дворе Ганка Михайлов, у него брат родной Елфимко 25 годов, живет в монастыре на дворце; тягла под ним полтрети выти; сеет ржы 3 полуосмины в поле, а в дву по тому же; сена в трех полях 7 копен. Во дворе Якунка Купреянов, у него сын Степка 5 годов, тягла под ним треть выти; сеет ржы 3 осмины в поле, а в дву по тому же; сена в трех полях 15 копен. Во дворе Емелка Васильев, тягла под ним треть выти, сеет ржы 3 осмины в поле, а в дву по тому же; сена в трех полях 15 копен. А пуста в той деревне полтрети выти, с того жеребья крестьянин Мишка Исаков сошел в даточные в другой збор. В межах Фомушино с Прокуниным, с Кобелевым, спору о земле ни с кем нет. Да к той же деревне отхожево сена на реке Уломе на кобелевской стороне выше Кобелева меж березницкими пожнями и осеком сена 13 копен. На той же стороне Уломы на Плоских меж кобе-

левскими пожнями и полем сена 6 копен. На той же стороне в Бурносове меж прокунинской и великодворскими пожнями сена 3 копны. На той же стороне Уломы на броду меж кобелевской и прокунинской пожнями сена 12 копен. На том же броду вниз меж кобелевской пожней и болотом сена 19 копен. Да вниз реки Уломы на осек меж кобелевской и рябковскими пожнями сена 12 копен. По реке же Уломе под серковской пожней меж великодворскими пожнями и полем сена 3 копены. Да по реке Словенке вниз реки на правой стороне меж прокунинской и великодворской пожнями сена 6 копен.

Деревня Прокунино, по старому окладу выть, а в ней крестьян. Во дворе Конка Микитин, у него брат родной Ивашко женат, у Ивашка сын Елеска годовой, а третей их брат Ивашко Долей живет в монастыре в служках; тягла под ним треть выти; сеет ржы 3 осмины в поле, а в дву по тому же; сена в дву полях 2 копны. Во дворе Куприца Левонтьев, у него дети: сын Куприца женат, другой сын Андрюшка 20 годов, третей сын Володка 17 годов; тягла под ним треть выти; сеет ржы 3 осмины в поле, а в дву по тому же; сена в двух полях 2 копны. Во дворе Гришка прозвище Баженко Минеев, у него брат родной Ивашко женат, тягла под ним треть выти, сеет ржы 3 осмины в поле, а в дву по тому же, сена в двух полях 2 копны. Смежна деревня Прокунино с Фомушиным, да с монастырскою чищею, да Ивана Семенова сына Познякова с пустошью Агафоновой. Да к той же деревне отхожево сена по реке Уломе выше Рябкова меж великодворской пожней и рябковской пашней 12 копен. Да ниже Рябкова на другой стороне реки меж рябковской и великодворской пожнями сена 6 копен. На той же стороне выше деревни Кобелева на осеке меж кобелевскими и великодворскими пожнями сена 9 копен. На той же стороне речке Шинбое меж великодворскими и кобелевскими пожнями сена 3 копны. Да выше деревни Фомушина под Серковской меж фомушинскими пожнями сена 19 копен. Да на реке Словенке вниз реки на правой стороне а лубянках меж монастырских чищей и фомушинской пожней сена 6 копен. На Словенке же на долгом берегу на болшем мысу меж речки Смородинки и фомушинской пожни сена 12 копен.

Деревня Великой Двор, по старому окладу 2 выти, а в ней крестьян. Во дворе Трошка Кондратьев езовой мастер, у него дети: сын Васка женат, другой сын Тимошка 10 годов; тягла под ним треть выти; сеет ржы четь с полуосминой в поле, а в дву по тому же; сена в полях нет. Во дворе Петрушка Григорьев, у него сын Ивашко женат, у Ивашка сын Артюшка невелик, у Петрунки же брат родной Афонка женат, у Афонки сын Алешка 10 годов; тягла под ними треть выти; сеет ржы четь с полуосминою в поле, а в дву по тому же; сена в полях нет; да у них же, Петрушки, был племянник, брата родново сын Кирилко Тихонов, сошел в даточные в середней збор. Во дворе Петрунка Ансифоров, тягла под ним полтрети выти, сеет ржы осмину с черпком в поле, а в дву по

тому же, сена в полях нет. Во дворе Андрюшка Кондратьев, у него сын Меркушка, полу-2 года, тягла под ним на полтрети выти, сеет ржы осмину с черпком в поле, а в дву по тому же, сена в полях нет. Во дворе Исачко Тарасов, у него дети: сын Трошка холост, другой сын Ивашко женат, третей сын Васка женат; у Васки дети: сын Исачко 4-х годов, другой сын Алешка полу-2 года, у Исачка же четвертой сын Ивашко 8 годов, пятой сын Ганка 4-х годов, да у Исачка же пасынок Сидорко Дружинин с Колкача ис Талашманихи 12 годов; тягла под ним 2 трети выти; сеет ржы 2 чети с осминою в поле, а в дву по тому же; сена в полях нет. Во дворе Михейко Матфеев, у него сын Матюшка 2 годов, тягла под ним треть выти; сеет ржы четь с полуосминою в поле, а в дву по тому же; сена полях нет. Смежна деревня Великой Двор с Фомушиным да с пустошью Серковскою. К той деревне отхожево сена по реке Уломе ниже деревни Кобелева на кобелевской стороне меж монастырской серковской пожней и прокунинской сена 40 копен. На реке же на Уломе на той же стороне ниже серковские пожни меж фомушинскими пожнями сена 6 копен. На той же стороне выше Кобелева на осоке меж кобелевскими и фомушинскими пожнями сена 12 копен. На той же стороне реки в Олшине меж кривошеинской и прокунинской пожнями сена 9 копен. По Уломе же на другой стороне реки выше деревни Рябкова меж прокунинской пожней и болотом сена 9 копен. На той же стороне ниже Рябкова на Погорелке меж суховерховской и прокунинской пожнями сена 24 копны. На реке же Уломе на кобелевской стороне меж боровскими и фомушинскими пожнями сена 6 копен. Да на реке Словенке вниз реки на правой стороне меж прокунинскими пожнями на мысу сена 3 копны. По реке же Словенке на той же стороне на пожне Драках сена 19 копен. На той же реке в розных местех на малых островках сена 9 копен.

Деревня Болванцы, по старому окладу две трети выти, а в ней крестьян. Во дворе Сенка Осипов, у него дети: сын Артюшка 5 годов, другой сын Ивашко 3-х годов; тягла под ним треть выти; сеет ржы 3 осмины в поле, а в дву по тому же; сена в полях нет; а пришел де он на тот жеребей в нынешном во 173-м году, а преж ево на том жеребью жил зять ево, Сенкин, Петрунка Минеев, и в прошлом де во 172-м году о Благовещеньеве дни сошел он на Сяму, и по ся время домой не бывал, и слуху де про него нет, а жена ево, Петрункина, ему, Сенке, сестра Парасковьица з детми и ныне живет на подворье у него, Сенки; а у нее детей: сын Якунка 10 годов, другой сын Афонка 8 годов, третей сын Ивашко 7 годов, четвертой сын Степка 5 годов, пятой сын Петрунка 4-х годов. Во дворе Демка Осипов, у него внук, сынове сын, Терешка Оксенов женат; тягла под ним треть выти; сеет ржы 3 осмины в поле, а в дву по тому же; сена в полях нет; да у него же на подворье бобыль Трифанко Тимофеев. Смежна деревня Болванцы с монастырскою чищею, а с ыных сторон лес черной. Да к той же деревне отхожево сена

на реке на Словенке по обе стороны реки меж монастырскими покосы Ракулской пожней и Никодимовской чищей 60 копен.

Деревня Шатрец Большой, по старому окладу выть, а в ней крестьян. Во дворе Мартьянко прозвище Десятка Афанасьев, у него сын Ивашко женат, тягла под ним полтрети выти, сеет ржи три полуосмины в поле, а в дву по тому же, сена в трех полях 9 копен. Во дворе Гришка Мартьянов Десятого, у него дети: сын Якунко 3-х годов, другой сын Куприца полутора года; да у него же Гришки два племянника, брата двоюродного Оски Савельева дети, Якунка 8 годв, Савка 6 годов; тягла под ним полтрети выти; сеет ржы 3 полуосмины в поле, а в дву по тому же, сена в трех полях 9 копен; а Оска Савельев умер и погребен у Николы на Ковже, а жена ево Оскина, Акилинка Никитина ис Толстиков деревни Калиниц вышла замуж на Ковжу за патриарша крестьянина за Гришку Дорофиева в прошлом во 171-м году, а с собою свела две дочери девки, Оскины дети, Катеринка 5 годов, Акилинка 4-х, а отпускные де на них не дано, а вдова отдана с ведома властей. Во дворе Матюша Микулин, у него дети: сын Антонко, а у Антонка сын Андрюшка годовой, у Матюшки же другой сын Доронка женат; тягла под ним треть выти; сеет ржы 3 осмины в поле, а в дву по тому же, сена в трех полях 18 копен. Во дворе Никифорко Семенов, у него брат родной Мишка 20 годов, тягла под ним полтрети выти, сеет ржы 3 полуосмины в поле, а в дву по тому же, сена в трех полях 9 копен. Во дворе Ивашко Семенов, у него дети: сын Васка 10 годов, другой сын Артюшка 3-х годов; тягла под ним полтрети выти; сеет ржы 3 полуосмины в поле, а в дву по тому же; сена в трех полях 9 копен. Смежна деревня Шатрецы с патриаршею волостью Ковжею да Матфея да Ильи Челищевых с наволоками с Олферовым, да с Козловым, да с Круглым. Да к той же деревне отхожево сена на реке на Шексне ниже езу на пяте по обе стороны речки Селихи 44 копны. На другой стороне Шексны реки ниже езу меж монастырскими пожнями и болотом сена 6 копен. На той же стороне Шексны реки выше езу меж окуневскими пожнями и ручьем Сомком сена 6 копен. Да вверх по реке Сизме на правой стороне меж бором Овдокимовским и речкою Норсубоем сена 9 копен.

Деревня Шатрец Меншей, по старому окладу треть выти, а в ней крестьян. Во дворе Корнилко Иванов, у него дети: сын Серешка женат; у Серешки дети: сын Андрюшка 10 годов, другой сын Сенка 9 годов, третей сын Васка 9 годов, четвертой сын Васка 5 годов, да у Серешки же пасынок Тимошка Семенов 8 годов ис Подмонастырья деревни Бахлычева; тою всею деревнею третью вытью владеют они; сеют ржы 2 чети в поле, а в дву по тому же; сена в трех полях 15 копен. Да к той же деревне отхожево сена на Шексне реке выше Шатецкого езу вверх Шексны на левой стороне от монастырского двора подле монастырской луг меж шатрецкими пожнями и болотом 36 копен. Да против деревни Окункова по речке Гнилухе меж черным монастыр-

ским лесом сена 15 копен. По речке же Гнилухе вверх от Сизмы сена 45 копен.

ОР РНБ. СПбДА. А II/41. Л. 3, 93—104.

Док. 8

1678 г. — Извлечение из переписной книги Белозерского уезда

(Дрв) Дымково, а в ней крестьян: (в) крестьянин Исачко Трифанов, (в) крестьянин Митка Трифанов з братьями родными с Васкою да с Якушком Трифановыми; (в) крестьянин Ивашко Елфимов з братьями родными с Ортюшкою да с Мишкою с Елфимовыми, а Мишка осми лет; (в) крестьянин Пашка Кондратьев з братьями родными с Фадийком да с Петрушкою Кондратьевыми, у Пашки сын Левка дву лет; (в) бобыль Оска Яковлев, у него сын Стенка осми лет; (в) бобыль Федотко Кондратьев.

(Дрв) Рябково, а в ней крестьян: (в) крестьянин Куземка Гурьев, у него дети Стенка, да Офонка, да Митка, да Дениско осми лет; (в) крестьянин Федка Никитин с сыном Володимерком, (в) крестьянин Тимошка Сергиев, у него дети Оска десяти лет, да Куземка осми лет, да Кирилко семи лет, да Ивашко пяти лет, да Пашка дву лет.

(Дрв) Кобелево, а в ней крестьян: (в) крестьянин Васка Хрисанфов з братом родным с Аничкою Хрисанфовым, у Анички сын Ивашко десяти лет, (в) крестьянин Ивашко Трифанов, у него дети Федка двенатцати лет, да Сергушко пяти лет, да Оска дву лет; (в) крестьянин Ивашко Фадиев, у него дети Ивашко же осми лет, да Васка Болшей шти лет, да Васка Меншой трех лет; (в) крестьянин Евсивейко Кузмин, у него дети Ивашко Болшей десяти лет, да Ивашко Меншей шти лет, да Фадийко трех лет; (в) бобыль Федко Фадиев, у него сын Устинко году.

(Дрв) Фомушино, а в ней крестьян: (в) крестьянин Сафронко Исаков з зятем с Тимошкою Исаковым, у Тимошки сын Гришка году, да у него же, Софронка, подсоседник Мишка Исаков; (в) крестьянин Васка Трофимов; (в) бобыль Гаврилка Михайлов, у него подсоседник Евсивейко Ермолаев десяти лет; (в) бобыль Ивашко Софонов, у него сын Артюшка пяти лет; (в) крестьянин Федка Трифанов, у него дети Ивашко девяти лет да Федка году; (в) бобыль Якушко Петров з братом родным с Петрушкой Петровым, а Петрушка девяти лет; (в) крестьянин Ивашко Фалелиев, у него дети Терешка осми лет, да Ивашко четырех лет, да Абакумко году; (в) крестьянин Ивашко Фалелиев з детми с Ывашком да с Елескою.

(Дрв) Великий Двор, а в ней крестьян: (в) крестьянин Михийко Матвеев, у него сын Матюшка десяти лет; (в) крестьянин Трофимко Исаков з братьями родными с Сидорком, да с Ывашком, да з Гаврилком Исаковыми, а Гаврилко десять лет, у Сидорка сын Алешка дву лет;

(в) крестьянин Логинко Иванов з братом родным с Миткою с Ивановым, а Митка десять лет, у Логинка дети Меркушка осми лет да Федка году, (в) крестьянин Петрушка Ансиферов з зятем с Куземкою Фоминым, у Куземки дети Ивашко Большой четырех лет да Ивашко Меншой дву лет, да у него же, Петрушки, подсоседник Фомка Кирилов; (в) крестьянин Ивашко Исаков з братом родным с Васкою Исаковым, у Васки сын Исачко; (в) бобыль Тимошка Трофимов, у нег сын Гришка дву лет; (в) крестьянин Петрушка Григорьев з братом родным с Офонкою Григорьевым, у Петрушки сын Ивашко, у Афонки сын Алешка, у Ивашка дети Артюшка десяти лет, да Мишка семи лет, да Пашка четырех лет, да Митка году.

(Дрв) Болванцы, а в ней крестьян: (в) крестьянин Родионко Филипов, у него дети Артюшка, да Ивашко двенатцати лет, да Якушко десяти лет, да Микитка семи лет, да Куземка трех лет; (в) крестьянин Терешка Оксенов, у него подсоседник Трифанко Тимофеев.

(Дрв) Прокунино, а в ней крестьян: (в) крестьянин Кондрашка Микифоров з братом родным с Ывашком Микифоровым, у Кондрашки сын Пашка дву лет, у Ивашка сын Елеска десяти лет; (в) крестьянин Кипреянко Леонтьев с сыном Андрюшкою, (в) крестьянин Гришка Минин з братом родным с Ывашком Мининым, у Ивашка сын Петрушка десяти лет.

(Дрв) Болшей Шатрец, а в ней крестьян: (в) крестьянин Микифорко Семенов з братом родным с Мишкою Семеновым, у Микифорка сын Васка дву лет; (в) крестьянин Ивашко Семенов, у него дети Артюшка да Федка осми лет; (в) крестьянин Гришка Мартьянов с племянниками родными с Якушком да с Васкою Осиповыми, у Гришки дети Кипреянко осми лет, да Матюшка шти лет, да Васка пяти лет, да Пронка дву лет; (в) крестьянин Ивашко Мартьянов, у него сын Климко трех лет; (в) крестьянин Матюшка Викулов с сыном з Дорофейком, у Дорофейка дети Алешка пяти лет да Бориско четырех лет; (в) крестьянин Антонко Матвеев, у него дети Андрюшка десяти лет да Стенка пяти лет.

(Дрв) Маншей Шатрец, а в ней крестьян: (в) крестьянин Сергушка Корнилов з детми с Ондрюшкою, да с Васкою, да с Тимошкою, да с Михейком, а Михейко осми лет.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12757. Л. 393 об.—395 об.

Док. 9

1713 г. февраля 6. Извлечение из переписной книги Белозерского уезда

Того же Кирилова монастыря подмонастырной вотчины Уломской волости.

Деревня Дымково. Во дворе крестьянин Иван Елфимов штидесят,[30] у него жена Марина пятидесяти девяти, у него невестка вдова Пелагея штидесят дву, у нее дети Иван Болшей сорока, Федор тритцати пяти холост, Иван Меншей тритцати, Артемьевы, у Ивана Болшего жена Парасковья дватцати трех, у Ивана Меншего жена Авдотья дватцати дет. Во дворе крестьянин Петр Кондратьев пятидесяти, у него жена Настасья сорока, дети: Трофим дватцати пяти, Кирило осмнатцати, дочь девка Пелагея дватцати, Авдотья шеснатцати; у него же племянники родные: Иван тритцати дву, Трофим дватцати пяти, Леонтей дватцати трех, Михайло осмнатцати, Павловы; у Ивана жена Арина дватцати четырех, дочь Марфа трех; у Трофима жена Христина тритцати, детей: дочь Дарья пяти, Агрофена дву; у Леонтея жена Афимья дватцати одного, дети: Иев трех, Федор году; у них приемыш Федор Логинов сорока, у него жена Ирина тритцати пяти, детей: сын Аввакум четырех, Павел трех, дочь Дарья дву лет. Двор пуст крестьянина Исака Трофимова, а он, Исак, в 1704-м году умре, после ево жены и детей не осталось. Двор пуст крстьянина Федора Артемьева, а он, Федор, в 1705-м году в Санктъ Питеръбурхе в работниках умре, после ево никово не осталось. А тех пустых дворов повытки земли лежат в пусте.

Деревня Ряпково. Во дворе крестьяне Павел да Федор Тимофеевы дети, Павел тритцати семи, Федор тритцети дву; у Павла жена Авдотья сорока, дети: Василей шти, Тимофей дву; у Федора жена Ульяна дватцати дву, сын Мартын пяти, дочь Марья дву; у них же невестка вдова Матрена Володимерова жена Федорова сорока лет. Двор пуст крестьянина Степана Козмина, а он, Степан, в прошлых годех от хлебной скудости сшел з женою и з детми безвесно, а того пустого двора повыток земли лежит в пусте.

Деревня Кобелево. Во дворе крестьянин Иван Большей пятидесяти, Иван Меншей сорока трех, Фадей тритцати трех, Естифеевы дети; у Ивана Большего жена Настасья сорока трех, детей: Василей дватцати пяти, Трофим семи, дочь Федора двенатцати лет; у Василья жена Авдотья дватцати осми, дети: Иван осми, Михей пяти, дочь Авдотья трех лет; у Ивана Меншега жена Ульяна тритцати девяти, дети: Тарас пятнатцати, Яков четырех, Козма году, девка Авдотья двенатцати; у Фадея жена Ирина тритцати дву, дети: Григорей двенатцати, Аввакум десяти, Тимофей пяти, дочь Федора семи лет. Двор пуст крестьянина Савелья Осипова, а он Савелей, в 705-м году в Санктъ Питербурхе в работниках умре, после ево никово не осталось. Двор пуст крестьянина Никиты Иванова, а он, Никита, взят в солдаты, после ево жена и дети сошли в мир безвесно. А тех пустых дворов повытки земли лежат в пусте.

---

[30] В рукописи здесь и далее опущено слово «лет».

Деревня Фомушино. Во дворе крестьяне Терентей пятидесяти, Иван сорока дву, Аввакум тритцати пяти, Ивановы; у Терентья жена Ирина сорока, дети: Евсевей пятнатцати, Григорей тринатцати, дочь девка Ульяна четырнатцати, Агрофена трех; у Ивана жена Наталья тритцати пяти, у Аввакума жена Ульяна тритцати осми, сын Федот девяти, Петр семи, дочь Наталья шти, Макрида году; у них же брат двоюродной Иван Иванов штидесяти дву, въдов, у него сын Григорей дватцати, Семен шеснатцати; у Григорья жена Наталья дватцати лет. Двор пуст крестьянина Петра Петрова, а он, Петр, в прошлых годех умре, после ево никово не осталось. Двор пуст крестьянина Якова Петрова,а он, Яков, в прошлых годех от хлебной скудости з женою и з детми сшел безвесно. А тех пустых дворов повытки земли лежат в пусте.

Деревня Великий Двор. Во дворе крестьянин Андрей Сергиев штидесяти дву, вдов; у него дети: Федор дватцати пяти, Терентей дватцати, Фадей осмнатцати; у Федора жена Парасковья дватцати, сын Петр четырех, дочь девка Домна году; у Терентья жена Матрена дватцати, детей: Аксинья трех, Агафья дву; у Андрея же племянник Яков Васильев дватцати осми, у Якова жена Устинья дватцати пяти, сын Флорь шти; у них же приемыш Алексей Сидоров сорока пяти, у нево жена Татьяна тритцати пяти, дети: Семен осмнатцати, Терентей тринатцати, Андрей осми, дочь Авдотья пятнатцати, Марфа девяти лет. Во дворе крестьянин Исак Васильев пятидесяти дву, у него жена Акилина пятидесяти дву лет, дети: Иван дватцати дву, Леонтей дватцати; у Ивана жена Марфа дватцати дву, сын Созонт трех лет. Во дворе крестьянин Алексей Афонасьев семидесяти, у него жена Епистимия штидесяти пяти, дети: Павел тритцати, Яков дватцати четырех; у Павла жена Настасья тритцати, у них дочь Анна пяти; у Якова жена Анна тритцати, дети: Прокопей десяти, Артемей семи, Петр трех, дочь Ульяна осми, у них же племянники Василей дватцати, Тит шти, Ивановы, да Федор Гаврилов дватцати лет. Во дворе вдова Пелагея Тарасова дочь сорока пяти лет, у нее дети: сын Василей осми, дочь Катерина пятинатцати, Авдотья шти, Парасковья трех. Двор пуст крестьянина Василья Иванова, а он, Василей, в 706-м году волею Божиею потонул, после ево жена и дети сошли в мир безвесно. Двор пуст крестьянина Козмы Фомина, а он, Козма, в 708-м году и з женою умре. А тех пустых дворов повытки земли лежат в пусте.

Деревня Прокунино, а в ней во дворе крестьяне: Дмитрей сорока, Петр тритцати дву, Андрей тритцати одного, Андреевы дети; у Дмитрея жена Авдотья дватцати дву, дочь девка Ирина четырнатцати, Авдотья одиннатцати, Акилина осми; у Петра жена Ксенья тритцати одного, сын Никита пяти, дочь Фекла году; у Андрея жена Наталья дватцати девяти, сын Измайло семи, дочь Дарья трех лет. Во дворе Сергей Иванов тритцати пяти, у него [сестра][31] Миремьяна тритцати да брат Ермол Григорьев тритцати; у него жена Авдотья дватцати пяти, сын Алексей году, дочь Марья трех лет. Двор пуст крестьянина Петра

Иванова, а он, Петр, в 704-м году на Олонецком Верху в работниках умре, а жена ево, Ирина, з детми сошла безвесно. А того двора повыток земли лежит в пусте.

Деревня Болванцы. Во дворе крестьяне Тимофей штидесяти пяти, Артем пятидесяти, Трофимовы; у Тимофея жена Матрена штидесяти трех, сын Кондратей дватцати трех; у Артемья жена Иринья сорока пяти, сын Никита дватцати семи; у Никиты жена Мавра дватцати пяти, сын Игнатей трех; у них же дядьи двоюродные: Василей тритцати дву, Иван дватцати лет, Васильевы дети; у Василья жена Ефросинья дватцати пяти, сын Пакила шти, Иван пяти. Двор пуст крестьянина Петра Мартемьянова, а он, Петр, в 707-м году в Санктъ Петербурхе в работниках умре, а жена ево в доме умре, детей не осталось, а того пустого двора повыток земли лежит впусте.

Деревня Болшей Шатрец. Во дворе крестьянин Яков Осипов пятидесяти девяти, вдов; у него сын Евдоким дватцати трех, у него жена Марина дватцати; да у него же, Якова, брат родной Алексей сорока, у него жена Марина тритцати пяти, сын Иван дватцати, дочь девка Марья пятнатцати лет. Во дворе Иван тритцати трех лет, Федор тритцати, Василей дватцати Тимофеевы; у Ивана жена Федосья тритцати, дочь девка Акилина пяти, у Федора жена Ирина дватцати семи, пасынок Козма пятнатцати, Семен семи, дочь девка Пелагея одиннатцати; у Василья жена Мавра дватцати лет. Двор пуст крестьянина Дорофея Матфеева, а он, Дорофей, в 712-м году умре, после ево дети, Михайло да Борис, сошли безвесно. Двор пуст крестьянина Киприяна Григорьева, а он, Киприян, в 704-м году в Санктъ Питеръбурхе в работниках умре, а жена ево и дети сошли в мир безвесно. Двор пуст крестьянина Степана Антонова, а он, Степан, в 704-м году умре, жены и детей после ево не осталось. А тех пустых дворов повытки земли лежат в пусте.

Деревня Меншей Шатрец, а в ней двор пуст крестьянина Михея Сергеева, а он, Михей, в 700-м году сшел от хлебной скудости в мир безвестно, и того пустого двора повыток земли лежит впусте.

Итого в той Уломъской волости в вышеписанных деревнях крестьянских жилых дворов тринатцать дворов, а в тех дворах мужеска полу: от сущих младенцев до 15 — 36; от 15 до 25 — 21; от 25 до 60 — 33; от 60 до престарелых — 4.

Женска полу: от младенцев до 15 — 29; от 15 до 25 — 19; от 25 до 60 — 23; от 60 до престарелых — 3.

Всего мужеска — 95, женска полу 78 человек. Да двор вдовей, а в нем мужеска полу: от младенцев до 15 — 1; женска полу от младенцев до 15 — 3, от 25 до 60 — 1.

Да пустых крестьянских пятнатцадь дворов.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 26. Л. 190—195.

---

[31] В рукописи нет, восстановлено по смыслу.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ко всему курсу

Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1924.
Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990.
Кобрин В. Б., Леонтьева Г. А., Шорин П. А. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1984 (переизд. под назв.: Ключи к тайнам Клио. М., 1994).
Delort R. Introduction aux Sciences auxiliaires de l'histoire. Paris, 1969.

К разделу «Палеография»

Учебные пособия:

Беляев И. С. Практический курс изучения древней русской скорописи для чтения рукописей XV—XVIII столетий. М., 1911.
Каринский Н. М. Славянская палеография. СПб., 1908. Переизд.: 1915.
Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. Переизд.: М., 1979.
Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. СПб., 1908 (2-е изд.).
Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885.
Тихомиров М. Н., Муравьев А. В.. Русская палеография. М., 1966.
Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956.
Шляпкин И. А. Русская палеография. СПб., 1913.
Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1918.

Справочные альбомы филиграней:

Гераклитов А. А. Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам Отдела рукописей Государственного исторического музея. М., 1980.
Дианова Т. В. Филигрань «Кувшин» XVII в. М., 1989.
Дианова Т. В. Филиграни XVII—XVIII вв. «Голова шута». М., 1997.

Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии. М., 1963.
Каманін Г., Вітвіцька О. Водяні знаки на папері українських документів XVI і XVII вв. Київ, 1923.
Клепиков С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959.
Клепиков С. А. Филиграни на бумаге русского производства XVIII—нач. XX в. М., 1978.
Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1—3.
Мацюк О. Я. Папір та філіграні на українських землях (XVI—початок XX ст.). Київ, 1974.
Briquet C. M. Les filigranes. Geneve, 1907. V. 1—4.
Churchill W. A. Watermarks in paper in Holland, England, France etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnections. Amsterdam, 1935.
Heawood E. Watermarks, mainly of the XVII-th and the XVIII-th centuries. Hilversum; Amsterdam, 1950.
Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. Vilnius, 1967. V. 1—2.
Mošin V. A., Traljić S. M. Vodeni znakovi XIII i XIV ss. Zagreb, 1957. V. 1—2.
Piccard G. Die Wasserzeichenkartei im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findb ücher I—XVII. Stuttgart, 1961—1997 (каждый выпуск посвящен одному сюжету или группе сюжетов: Корона, Голова быка, Башни, Буква P, Рожок, Ключи, Оружие и инструменты, Три горы, Фантастические животные, Четвероногие, Фрукты, Деревья и цветы, Рука, Якорь).
Siniarska-Czaplicka J. Filigrany papieri polozonych na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej odpoczatku XVI do połowy XVIII wieku. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1969.
Uchastkina Z. V. A history of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum; Amsterdam, 1962.

К разделу «Хронология»

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. СПб., 1907 (репринт — М., 1994). Т. 1.
Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
Буткевич А. В., Зеликсон М. С. Вечные календари. М., 1969.
Добрянский А. И. Календарный вопрос в России и на Западе. СПб., 1894.
Данилевский И. Н. 1) Нерешенные вопросы хронологии русского летописания // ВИД. Л., 1983. Т. XV. С. 62—71. 2) [*Рец. на:*] С. В. Цыб. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1995 // Вопросы истории. 1998. № 5.
Древние русские пасхалии на осьмую тысячу лет от сотворения мира // Православный собеседник. Казань, 1860. Ч. 3.

Зелинский А. Н. Литургический круг христианского календаря // Календарь в культуре народов мира. М., 1993.
Зименс Г. Вычисление Пасхи в Новгороде в XII веке // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. 6 (16).
Зубов В. П. Кирик новгородец и древнерусское деление часа // Историко-математические исследования. М., 1953. Вып. 6.
Идельсон Н. И. История календаря. Л., 1925.
Каменцева Е. И. Хронология: Учеб. пособие. М., 1967.
Климишин И. А. Календарь и хронология. М., 1985.
Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
Лебедев Д. Средники // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Ч. 33. № 5. С. 106—156.
Мурьянов М. Ф. Хронометрия Киевской Руси // Сов. славяноведение. 1988. № 5.
Никольский В. К. Происхождение нашего летосчисления. М., 1938.
Пентковский А. М. Календарные таблицы в русских рукописях XIV—XVI вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 1.
Перевощиков Д. М. Правила времясчисления, принятого православной церковью. М., 1880.
Перпер М. И. Хронологический справочник (XIX и XX века). Л., 1984.
Пипуныров В. Н., Чернягин Б. М. Развитие хронометрии в России. М., 1977.
Покровский А. Календари и святцы. М., 1911.
Полак И. Ф. Изменение календаря. М., 1918.
Прозоровский Д. И. О старинном русском счислении часов // Труды второго археологического съезда. СПб., 1881. Вып. 2.
Проштейн А. П. Хронология. Ростов на/Д, 1973.
Проштейн А. П., Кияшко В. Я. Хронология. М., 1981.
Россовская В. А. Календарная даль веков. Л.; М., 1936.
Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. М., 1917.
Селешников С. И. История календаря и его предстоящая реформа. Л., 1962.
Симонов Р. А. Кирик-новгородец — ученый XII в. М., 1980.
Симонов Р. А. Древнерусский календарный фрагмент 1362 года // Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. М., 1990.
Срезневский В. И. Северные резные календари // Труды II Археологического съезда. СПб., 1876. Вып. 4.
Степанов Н. В. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи // Чтения ОИДР. 1910. Кн. IV.
Степанов Н. В. Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII века // ИОРЯС. 1915. Т. XX. Кн. 2.
Степанов Н. В. Календарно-хронологический справочник // Чтения ОИДР. 1917. Кн. 1.
Степанов Н. В. Новый стиль и православная пасхалия. М., 1907.
Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI—XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998.
Сюзюмов М. Я. Хронология всеобщая. Свердловск, 1971.
Ундольский В. М. Исследование о значении вруцелета // Временник ОИДР. 1849. Кн. IV.

Ундольский В. М. Приготовительные сведения для словаря историко-юридического // Архив историко-юридических сведений. М., 1850. Кн. 1. Отд. III.
Хавский П. В. Хронологические таблицы. М., 1848. Кн. 1—3.
Христианство: Энцикл. словарь. М., 1995. Т. 2—3.
Цыб С. В. Древнерусское времясчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1995.
Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944.
Черухин Н. И. Календарь для хронологических справок // Рус. старина. 1873. № 7.
Щапов Я. Н. Календарь в псковских рукописях XV—XVI вв. // Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Л., 1983. Т. 37.
Энгельман А. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII—XIV столетиях. СПб., 1858.
Ginzel F. K. Handbuch der Mathematischen und Technischen Chronologie. Leipzig, 1911. Bd. III.
Grotefend H. Taschenbuch der Zeitrechnung. 13. Aufl. Hannover, 1991.
Grumel V. La Chronologie. Paris, 1958.

К разделу «Нумизматика»

Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
Беляшевский Н. Ф. Монетные клады Киевской губернии. Киев, 1889.
Бутковский А. П. Нумизматика, или история монет древних, средних и новых веков. М., 1861.
Бырня П. П., Руссев Н. Д. Монеты средневековой Молдавии // Stratum (СПб.—Кишинев—Одесса). 1999. № 6.
Валюты стран мира: Справочник. М., 1987.
Васильева О. В. Чистка древних монет из нумизматических коллекций // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977.
Векслер А. Г., Мельникова А. С. Московские клады. 2-е изд. М., 1988.
Гайдуков П. Г. Медные русские монеты конца XV—XVI в. // Нумизматика и эпиграфика. 1984. Т. 14.
Давидович Е. А. История денежного обращения средневековой Средней Азии. М., 1983.
Дуров В. А. Наградные медали России первой четверти XVIII в. // Научные сообщения ГИМ. 1977. Ч. 5. Вып. 2.
Дьячков В. А., Узденников В. В. Монеты России и СССР: Определитель. М., 1973.
Зварич В. В. Нумизматический словарь. Львов, 1979.
Из истории названий российских денежно-счетных единиц и русских мер длины, массы, объема. Учебно-справочный материал: историко-экономический аспект / Сост. Ю. С. Петухов, В. Ю. Петухова. Уфа, 1997.
Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. СПб., 1921.
Казаманова Л. Н. Введение в античную нумизматику. М., 1969.
Калинин В. А. Русская кладовая нумизматика XI—XX веков: Материалы и исследования. Л., 1979.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954.
Котляр Н. Ф. Кладоискательство и нумизматика. Киев, 1974.
Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962.
Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М., 1967.
Марков А. К. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910.
Мельникова А. С. Твердые деньги. 2-е изд. М., 1973.
Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М., 1989.
Михалевский Ф. И. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. 1. Деньги в феодальном хозяйстве. М., 1948.
Нудельман А. А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе с древнейших времен до образования Молдавского государства. Кишинев, 1985.
Полозов И. М. Клады рассказывают. Брянск, 1963.
Потин В. М. Экономические связи Древней Руси по материалам кладов западноевропейских монет. Л., 1961.
Потин В. М. Древняя Русь и Европейские государства в X—XIII вв.: Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.
Потин В. М. Введение в нумизматику // Труды Гос. Эрмитажа. 1986. Т. 26.
Потин В. М. Генеалогия и нумизматика // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований: Сб. ст. М., 1977.
Потин В. М. Монеты в быту, обычаях и верованиях Руси X—XVII вв. // Экономика, политика и культура в свете нумизматики: Сб. научных трудов. Л., 1982.
Потин В. М. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологов и этнографов // Труды Гос. Эрмитажа. 1971. Т. 12.
Потин В. М. Монеты. Клады. Коллекции: Очерки нумизматики. СПб., 1993.
Рябцевич В. Н. Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1963. Вып. I.
Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. 2-е изд. Минск, 1977.
Сингатуллина А. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. (материалы из каталога) // Татарская археология. 1998. № 1 (2).
Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X—XI вв. Л., 1893.
Спасский И. Г. Анализ технических данных в нумизматике // Краткие сообщения ИИМК. 1951. Вып. 38.
Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. // Материалы и исследования по археологии Москвы. М., 1955. Т. 3 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 40).
Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики // Труды ГИМ. М., 1955. Вып. 25.
Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 г. Л., 1963.
Спасский И. Г. Русская монетная система: Историко-нумизматический очерк. Л., 1970.
Спасский И. Г. Русские ефимки: Исследования и каталог. Новосибирск, 1988.
Узденников В. В. Монеты России 1700—1917. М., 1985.

Федоров-Давыдов Г. А. Монеты Московской Руси. М., 1971.
Федоров-Давыдов Г. А. Монеты рассказывают (нумизматика). М., 1963.
Федоров-Давыдов Г. А. Монеты — свидетели прошлого. М., 1985.
Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата / Пер с нем. М., 1982.
Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Симферополь, 1962. Т. 2.
Шувалов П. В. Монеты между археологией и историей // Археологические вести. СПб., 1999. № 6.
Щелоков А. А. Свидетели истории. М., 1987.
Щелоков А. А. Монеты СССР. М., 1989.
Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956.
Янин В. Л. К проблеме интеграции и изучения вещественных и письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1973. № 3.
Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.

К разделу «Сфрагистика»

Белецкий С. В. «Печати псковские...» // Сфрагистика средневекового Пскова. СПб., 1994. Вып. 1.
Белецкий С. В. Вечевые печати Пскова // Сфрагистика средневекового Пскова. СПб., 1994. Вып. 2.
Белецкий С. В. Сфрагистика Пскова XIV—XV вв. (Материалы для истории властных структур в средневековом городе) / Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1994.
Белецкий С. В. Знаки Рюриковичей. Часть первая: X—XI вв. // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб., 2000. Вып. 2.
Белецкий С. В. Знаки Рюриковичей. Часть вторая: Знаки XII—XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду) // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб., 2001. Вып. 3.
Белецкий С. В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. СПб., 2001. Вып. 4.
Вилинбахов Г. В. Государственный герб России. 500 лет. СПб., 1997.
Иванов П. Сборник снимков с древних печатей. М., 1858.
Лакиер А. Русская геральдика. СПб., 1855. Кн. 1—2 (переизд.: *Лакиер А. Б.* Русская геральдика / Подг. текста и послесл. Н. А. Соболевой. М., 1990).
Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1 // Труды музея палеографии. Л., 1928. Т. I.
Лихачев Н. П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2 // Труды музея палеографии. Л., 1930. Т. II.
Орешников А. В. Материалы к русской сфрагистике. М., 1903.
Перхавко В. Б. Распространение пломб дрогичинского типа // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813—1828. Т. 1—3.

Снимки древних русских печатей. М., 1882.
Соболева Н. А. Русские печати. М., 1991.
Соболева Н. А., Артамонов В. А. Символы России. М., 1993.
Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X—XI веков: Каталог и исследование. М., 1995.
Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1.
Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1—2.
Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1998. Т. III.
Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1998. Вып. 12.
Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998—1999 гг. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 2000. Вып. 14.
Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2000 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2001. Вып. 15.

К разделу «Историческая генеалогия»

Опыт библиографии отечественной генеалогии / Сост. В. Н. Рыхляков. СПб., 1998—2000. Ч. 1—3.
Савелов Л. М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию Российского дворянства. 2-е изд. Острогожск, 1897.

* * *

Аксенов А. И. Генеалогия // Вопросы истории. 1972. № 10.
Аксенов А. И. Очерк истории генеалогии в России // История и генеалогия. М., 1977.
Аксенов А. И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования московской буржуазии. М., 1988.
Аксенов А. И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993.
Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996.
Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1881—1904. Кн. 1—8.
Барсуков А. П. Обзор источников и литературы русского родословия (по поводу книги П. Н. Петрова «История родов русского дворянства»). СПб., 1887.
Белецкий С. В. Введение в генеалогию: Учеб. пособие. СПб., 1997.
Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе // ВИД. Л., 1976. Вып. VII.
Бычкова М. Е. Некоторые задачи генеалогического исследования // ВИД. Л., 1983. Вып. XIV.
Васильчиков А. Род Разумовских. СПб., 1880—1894. Т. I—V.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. СПб., 1906—1907. Т. I. Ч. 1—3; Пг., 1918. Т. II. Вып. 1.

Воскобойникова Н. П. Род крестьян Щепоткиных // ВИД. Л., 1983. Вып. XV.

Гастев М. Материалы для вспомогательных наук истории. Кн. 2. Для генеалогии. М., 1835.

Генеалогические исследования: Сб. научных трудов. М., 1994.

Долгоруков П. В., кн. Российская родословная книга. СПб., 1854—1857. Ч. 1—IV.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988.

История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977.

Кобеко Д. Ф. О разработке генеалогических данных в смысле пособия для русской археологии. СПб., 1887.

Кобрин В. Б. Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV—XVI вв.) // История и генеалогия. М., 1977.

Кобрин В. Б. Опыт изучения семейной генеалогии (Протопоповы — Мезецкие — Пронские) // ВИД. Л., 1983. Вып. XIV.

Кобрин В. Б. Перспективы развития генеалогических исследований // Генеалогические исследования: Сб. научных трудов. М., 1994.

Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV—XVI вв. М., 1995.

Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.

Лихачев Н. П. «Государев родословец» и род Адашевых. СПб., 1897.

Лобанов-Ростовский А. Б., кн. Русская родословная книга. СПб., 1873—1876. Т. I—II (2-е изд.: СПб., 1895).

Мейерович М. Г. Складывание пролетарских династий в России (на материалах Ярославской Большой мануфактуры) // Генеалогические исследования: Сб. научных трудов. М., 1994.

Мельцин М. О. Судьбы старинного российского дворянства в конце XVIII—начале XX века: князья Долгоруковы в системе общественных отношений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

Носов Н. Е. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России («лучшие люди» и «торговые мужики» двинских актов XVI в.) // ВИД. Л., 1968. Вып. I.

Петров П. Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. I (перепзд.: М., 1991).

Победимова Г. А. Писцовые материалы Деревской пятины как источник по генеалогии служилого сословия XVI в. // ВИД. Л., 1983. Вып. XIV.

Поверский С. А. Генеалогия и Интернет // Генеалогический вестник. СПб., 2001. Вып. 1—3.

Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886—1887. Т. I—II.

Русская генеалогия: Энцикл. справочник / Под ред. Б. А. Николаева. М., 1999.

Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском Археологическом институте... М., 1908—1909 (репринт — М., 1994).

Семенова Л. Н. К истории генеалогии мастеровых Петербурга в XVIII—начале XIX в. // История и генеалогия. М., 1977.

Соболева Н. А. Некоторые аспекты методики генеалогических исследований в современной французской литературе // История и генеалогия. М., 1977.

Татищев С. С. Род Татищевых, 1400—1900. СПб., 1900.

Шаховской Д. М. Приемы изучения источников по русской генеалогии в новейшей исследовательской практике // Археографический ежегодник за 1988 г. М., 1989.

Экземплярский А. В. Великие и удельные князья северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889—1891. Т. I—II.

Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981.

Durye P. La généalogie. Paris, 1961.

Dworzaczek W. Genealogia. Warszawa, 1959.

Lorenz O. Lehrbuch der gesammten wissenschaftlichen Genealogie. Berlin, 1898.

Meurgey de Tupigny J. Généalogie // L'Histoire et ses méthodes. Paris, 1961.

К разделу «Геральдика»

Арсеньев Ю. В. Геральдика: Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907/08 году. М., 1908. (переизд.: Ковров, 1998 (предпочтительнее использование первого издания)).

Винклер П. П. фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи, внесенные в Полное Собрание Законов с 1649 по 1900 год. СПб., 1900. (переизд.: М., 1990).

Гербовед. СПб., 1913—1914.

Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963 (обширная библиография).

Лакиер А. Б. Русская геральдика. СПб., 1855 (переизд.: М., 1990 (предпочтительнее использование первого издания)).

Лукомский В. К., Модзалевский В. Л. Малороссийский гербовник. СПб., 1914 (переизд.: Киев, 1993).

Лукомский В. К., Типольт Н. А., барон. Русская геральдика: Руководство к составлению и описанию гербов. Пг., 1915 (неполное переизд.: М., 1996).

Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981.

Тройницкий С. Н. Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года. СПб., 1912.

Fox-Davies Ch. A. Heraldry.: An Encyclopaedia of Armory. London, 1914. Труд Фокс-Дэвиса, являющийся значительно дополненной и переработанной книгой Х. Г. Штрёля (*Stroel H. G.* Heraldischer Atlas. Stuttgart, 1899) несколько раз переиздавался в виде репринта. Превосходный иллюстративный материал при относительно устаревшем тексте. Два наиболее совершенных трактата ушедшего столетия.

Galbreath D. L., Jequier L. Manuel de blason. Nouvelle éd. Lausanne, 1977. Существуют издания на английском, немецком и других языках.

Pastoureau M. Traité d'héraldique. Paris, 1979 (2-me éd.: 1993).

К разделу «Историческая география»

Андриашев А. М. Материалы для исторической географии Новгородской земли. Часть 1. Списки селений. М., 1913.

Андриашев А. М. Материалы для исторической географии Новгородской земли. Часть 2. Карты погостов. М., 1914.

Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории // Исторические записки. Т. 15. 1945.

Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1.

Витов М. В. Приемы составления карт поселений XV—XVII вв. по данным писцовых и переписных книг (на примере Шунгского погоста Обонежской пятины) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Т. 5.

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962.

Витов М. В., Власова И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII вв. М., 1974.

Витов М. В. Северорусская топонимия XV—XVIII вв. (к постановке топонимического источниковедения // Вопросы языкознания. 1967. № 4.

Водарский Я. В. Вологодский уезд в XVII в. (к истории сельских поселений) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.

Воскобойникова Н. П. К истории поселений Яренского уезда в конце XVI—начале XVIII вв. (по материалам писцовых и переписных книг) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.

Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты князей XIV—XV вв. как историко-географический источник // Записки Русского археологического общества (ЗРАО). 1901. Т. 12. С. 137—171; Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества (ЗОРСА). 1903. Т. 6.

Критский Ю. М. Русская историческая картография (XVIII—начало XX в.) // ВИД. Л., 1978. Вып. X.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.

Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909 (переизд.: СПб., 2000).

Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.; Л., 1951.

Савич А. А. Соловецкая вотчина. Пермь, 1927.

Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916.

Чернов С. З. Комплексное исследование и охрана русского средневекого ландшафта (по материалам древнего Радонежского княжества). М., 1987.

Чернов С. З. Волок Ламский в XIV—первой половине XVI в.: Структуры землевладения. М., 1998.

Шаскольский И. П. Историческая география // ВИД. Л., 1968. Вып. I.

Яцунский В. К. Историческая география: История ее возникновения и развития в XIV—XVIII веках. М., 1955.

Bagrow L., Kölin H. Maps of the river Neva and adjacent areas in Swedish archives. Malm, 1953.

Bagrow L. A History of the cartography of Russia up to 1600. Wolfe Isl., 1975.

Beresford M., Hurst J. G. Deserted Medieval villages. Gloucester (N. Hampshire), 1989 (2nd ed., 1st ed.: 1971).

Cultural landscape during 6000 years / Ed. by B. E. Berglund // Ecological papers. Lund, 1991. Vol. 21.

Studies in Russian Historical Geography / Ed. by J. H. Bater, R. A. French. London, 1983. Vol. 1—2.

Theus F. Landed property and manorial organization in Northern Austrasia: Some consideration and a case study // Images of the Past. Univ. van Amsterdam. Studies in Pre- en Protohistorie. Amsterdam, 1991.

К разделу «Метрология»

История Карелии XVI—XVII вв. в документах / Сост. Г. М. Коваленко, И. А. Чернякова. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987.

Книга сошного письма // Временник МОИДР. Кн. 17. Смесь. М., 1853.

Роспись полевой меры // Временник МОИДР. Кн. 17. М., 1853.

Роспись полевой мере XVII века // Известия Археологического общества. СПб., 1865. Т. 5. Вып. 1.

«Торговая книга» // Записки Отделения русской и славянской археологии Петербургского археологического общества. СПб., 1860. Т. 1.

Хождение игумена Даниила // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. Л., 1977.

* * *

Абрамович Г. В. Несколько изысканий из области русской метрологии XV—XVI вв. // Проблемы источниковедения. М., 1963. Вып. XI.

Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. / Рук. авт. кол. А. Л. Шапиро. Л., 1971.

Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины / Рук. авт. кол. А. Л. Шапиро. Л., 1974.

Бассалыго Л. А. Новгородские писцовые книги рубежа XV—XVI вв.: Справочник по статьям доходов, мерам и ценам // Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2: Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. / Сост. К. В. Баранов. СПб., 1999.

Бутков П. Г. Объяснение старинных мер — линейной и путевой // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Ч. 8. № 11.

Важинский В. М. К истории мер сыпучих тел в России в XVII веке // Ученые записки Кемеровского пед. ин-та. Кемерово, 1965. Вып. 9.

Васильев Ю. С. Эволюция четверти и меры сыпучих тел Севера России в XVI—XVII вв. // Александр Ильич Копанев: Сборник статей и воспоминаний. СПб., 1992.

Веселовский С. Б. Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2.

Вилков О. Н. К вопросу об унификации мер сыпучих тел в Сибири XVII в. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. общ. наук. Новосибирск, 1963. Вып. 2.

Вспомогательные исторические дисциплины: Сборник задач и упражнений. Вып. 1 / Сост. С. В. Велицкий, И. В. Саверкина. СПб., 1992.

Дмитриева З. В. Некоторые аспекты метрологии вытных книг XVII в. // ВИД. 1985. Т. XVI.

Каменцева Е. И. Меры длины первой половины XVIII в. // История СССР. 1962. № 4.

Каменцева Е. И. Меры жидких тел в России во второй половине XVIII—начале XIX вв. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 24: Вопросы источниковедения истории СССР. М., 1966. Вып. 2.

Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. 2-е изд. М., 1975.

Кауфман И. И. Русский вес, его развитие и происхождение. 2-е изд. СПб., 1911.

Ключевский В. О. Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему // Соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 8.

Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России. СПб., 1999 (2-е изд.: СПб., 2001).

Копанев А. И. Веревные книги как источник по истории крестьянства Севера // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1975. М., 1976.

Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII веке. Л., 1984.

Куратов А. А. Метрология России и Русского Севера. Архангельск, 1991.

Мацук М. А. Фискальная политика русского правительства и черносошное крестьянство восточного Приморья и Приуралья в XVII веке. Сыктывкар, 1998.

Милов Л. В., Булгаков М. Б. Источниковедческие проблемы изучения «писцовых книг» первой половины XVII в. // *Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия: Источник, компьютер, методы исследования. М., 1986.

Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рец. на соч. А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892.

Никитский А. И. К вопросу о мерах в Древней Руси // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 4.

Огризко З. А. К вопросу об единицах измерения земельных площадей в XVII в. // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. IX.

Петрушевский Ф. И. Общая метрология. СПб., 1849.

Пилецкий А. А. Система размеров и их отношений в древнерусской архитектуре // Естественнонаучные знания в Древней Руси / Отв. ред. Р. А. Симонов. М., 1980.

Прозоровский Д. И. Древнерусские меры жидкостей // Журнал Министерства народного просвещения. 1854. № 3.

Прозоровский Д. И. Древняя русская метрология: Лекции в Археологическом ин-те. СПб., 1888.

Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975.

Рыбаков Б. А. Русские системы мер длины XI—XX веков: (Из истории народных знаний) // Сов. этнография. 1949. № 1.

Струмилин С. Г. О мерах феодальной России // Очерки экономической истории России. М., 1960.

Тимошенкова З. А. Метрология // Социокультурный облик северо-западной деревни XVII—начала XVIII вв. Псков, 1999.

Цицианов Д. П. Краткое математическое изъяснение землемерия межевого. СПб., 1757.

Чернякова И. А. Опыт реконструкции писцовой книги Заонежских погостов 1628—1631 гг. // ВИД. Л., 1989. Т. XX.

Черепнин Л. В. Русская метрология. М., 1944.

Шабанова А. М. К вопросу о земельных мерах в Присвирье в XVII в. // ВИД. Л., 1987. Т. XIX.

Шапиро А. Л. Переход от повытной к повенечной системе обложения крестьян владельческими повинностями // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960 г. Киев, 1962.

Шапиро А. Л. Средневековые меры земельной площади и размеры крестьянского хозяйства в России // Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сб. статей к 150-летию Ленинградского университета. Л., 1969.

Шапиро А. Л. Живущая четь и живущая выть // ВИД. Л., 1987. Т. XIX.

Шапиро А. Л. Соха как окладная единица в XIV—первой половине XVI в. // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб., 1991.

Шапиро А. Л., Дмитриева З. В. Выть — единицы обложения в Русском государстве XV—XVII вв. // Средневековая Русь: Сб. научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова. СПб., 1995.

Шунков В. И. Меры сыпучих тел в Сибири в XVII в. // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ГИМ — Государственный Исторический музей
ИИМК — Институт истории материальной культуры РАН
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словестности Академии наук
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МОИДР — Московское общество истории и древностей российских
НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете
ОР — Отдел рукописей
ПСГ — Псковская судная грамота
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАН — Российская Академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГИА — Российский государственный исторический архив
РНБ — Российская Национальная библиотека
СПбИИ — Санкт-Петербургский институт истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя (*М. М. Кром*) 3

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Палеография (*Е. В. Крушельницкая*) 9
Палеографический альбом 95
Хронология (*А. М. Романова*) 162
Нумизматика (*И. В. Воронцова, С. Н. Травкин*) 202
Сфрагистика (*С. В. Белецкий*) 248
Историческая генеалогия (*М. М. Кром*) 368
Геральдика (*М. Ю. Медведев*) 398
Историческая география (*А. А. Селин*) 456
Метрология (*З. В. Дмитриева*) 472

Материалы и задания для практических занятий 513
К разделу «Палеография» 513
К разделу «Хронология» 545
К разделу «Нумизматика» 565
К разделу «Сфрагистика» 569
К разделу «Историческая генеалогия» 573
К разделу «Геральдика» 577
К разделу «Метрология» 599
К разделу «Историческая география» 601

Библиография 620

Список сокращений 633

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Учебное пособие

Редактор издательства *Д. Н. Копелев*
Художник *О. Г. Попов*
Корректор *С. А. Батюто*
Компьютерная верстка *Р. К. Жумабаев*

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 11.03.98

Подписано к печати 25.10.02. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,69. Уч.-изд. л. 26,4.
Тираж 350 экз. Заказ № 345

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП «Искусство России»
198099, С.-Петербург, Промышленная ул., д. 38/2

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/факс: (812) 235-15-86
E-mail: dbulanin@sp.ru
http: //www.dbulanin.ru

ISBN 5-86007-333-X